Бернхард
Хеннен

Вторжение драконов

Последняя битва

Annotation

В подземном городе драконы готовятся к сражению с извечными врагами девантарами. Они надеются, что великая воительница Нангог встанет на их сторону, но для этого надо разыскать магический кристалл... А в темной башне гномы-отступники уже выковали оружие, которое несет смерть всем драконам... Скоро легендарные воины скрестят оружие в смертельной битве!

- Бернхард Хеннен
  - Книга Первая
    - Пролог
    - На краю утеса
    - Кабинет Шанадина
    - Над облаками
    - Вану
    - Стрелы в темноте
    - Зверь
    - Третий
    - Не умеющий лгать
    - Сомнений нет
    - Жаркий день
    - Они были здесь!
    - Запретная долина
    - Последняя война
    - Кирум
    - Педали, угри и сюрприз
    - Гость
    - Бремя власти
    - Совет драконов
    - В очерченной мелом круге
    - Палач
    - Просто пустой звук
    - Четыре песчинки
    - Пропавшие
    - Гость
    - Ожившая мечта
    - Прощание

- Ограблен
- У меня тоже когда-то был друг
- Слишком много рук
- Дворец из лунного свет
- Воды молчания
- Последняя квартира
- Простой план
- Владычица смерти
- Алая башня
- Овации на арене
- Потерянные
- Опаляющая ярость
- Потерянная невинность
- Че
- Отставшие
- Освобожденные духи
- Кто заглянет за зеркало
- Чужими глазами
- Вторая смерть
- Город мертвым детей
- Враг
- Следы на снегу
- Лед вместо сердца
- Потому что мне так хочется

- Книга Вторая
  - Обмен ударами
  - Под обстрелом
  - Семь песочных часов
  - Порожденное благородством
  - Первая волна
  - Последний праздник
  - Рожденные в потоке
  - Вместе с кобольдами
  - В окружении
  - Мы еще не закончили
  - Драконоборец
  - Семеро
  - Подозрения
  - С солнца
  - На львиных крыльях

- Об орлах и зайчатах
- О безумцах и трусах
- Навстречу смерти
- Лунный Силуэт
- Все пропало
- Раненое творение
- Великая тьма
- Полководец
- Вовсе не шпилька
- Подвенечное платье и мертвая женщина
- Асфахаль
- Лошадиные задницы и земляничный пунш
- Без зазрения совести
- След запаха
- Провалы в памяти
- О чести драконников
- Дар богини
- Всего лишь соломинка
- Лишь тень
- Алая мечта
- О бремени княжеского достоинства
- Белая смерть
- Утешительница
- Дымящийся котел
- Мы идем туда, куда не пойдет никто другой
- Дуновение ночи
- О наземных кораблях и танках
- Мамонтодав
- Убийца мышей
- Молодая жизнь
- Мои маленькие ножки
- Жар
- Навстречу свету
- О сердцеедах и хвастунах
- Хранитель Золотой секиры
- Меня здесь уже не будет
- Акоатль
- Герой и лев
- Украденное тело
- Последнее сопротивление

- В атаку!
- Великая победа
- Последний герой
- Рождение
- Козел отпущения
- Возвращение воинов льдов
- Непрошеный совет
- Сортирная политика
- О силе и свободе
- Черное зеркало
- Родильный дом
- Дыхание Ночи
- Страх мастера меча
- Новые задачи
- Последний бой

- Эпилог
- ПРИЛОЖЕНИЕ
- Глоссарий

Бернхард Хеннен
Вторжение драконов. Последняя битва

Книга Первая
Лед Мечты

Пролог

Как тяжелы веки. Он не спал вот уже три ночи и сейчас устало наблюдал, как юное утро поджигает небо. Огненно-красные облака окутывали остроконечные горные вершины. Бремя власти было тяжело как никогда. Альвы отказались от сражения за созданный ими мир, а среди братьев царили недоверие и раздор. Небесные змеи должны были быть защитным валом Альвенмарка, но по стене этой змеились глубокие трещины.

Дракон потянулся, захрустели суставы. Он был стар, как мир, который сторожил вместе со своими братьями по гнезду. Иногда ему казалось, что Альвенмарк еще что-то значит для него. Он неустанно исследовал грани будущего. Столько путей вело во тьму... Он видел, как на перевалах Лунных гор возвышаются построенные детьми человеческими замки. Как над ними развевается знамя с изображением мертвого черного дерева на белом фоне. Дети альвов исчезли из этого мира. Их мир совсем лишился магии. Как могло так случиться?

Но сколько бы ни глядел он в будущее, никак не удавалось понять, где в настоящем кроется корень всех зол. Может быть, в нем повинен тот бессмертный, что строит более мудрые планы, чем все остальные и у кого могло получиться заставить девантаров действовать в соответствии с его желаниями? Или же он в Нандалее, драконнице, восстающей против устоявшегося миропорядка? Три плода зрели в ней, но родит она лишь двух детей. И, несмотря на это, все они повлияют на будущее людей и детей альвов. И в этом крылась одна из тех загадок, которые он никак не мог разгадать.

Пламенеющее небо напомнило ему о том, что необходимо действовать, что нельзя просто наблюдать и размышлять. Один раз девантары ускользнули от них, когда потерпели поражение Нандалее и Гонвалон. Теперь нужно было снова создать ловушку бля богов детей человеческих. Их способно уничтожить только общее драконье пламя всех небесных змеев: оружие, мощнее которого нет ни в одном из трех миров. И оно было создано не только для того, чтобы угрожать кому-то. Нужно использовать его прежде, чем девантары придумают сходное по силе оружие. Война между двумя силами

стала неизбежной. Будет множество погибших. Будут опустошены города и целые земли. Однако время для переговоров миновало. Слишком различны цели, к которым стремятся Альвенмарк и Дайя. Победит тот, кому достанет мужества нанести удар первым. Несмотря на то что эта победа будет, несомненно горькой.

Старый дракон расправил крылья, наслаждаясь теплом первых утренних лучей. Все начнется с хитрости и интриги. Это почти столь же смертоносное оружие, как и дыхание небесных правителей. Но, в конце концов, все будет решаться огнем и мечом. Он оттолкнулся от скалы и полетел навстречу огненно-алому рассвету. Пришло время сражаться.

На краю утеса

Утес Невенилл считался проклятым местом. Ночью сюда старались не приходить. И уж тем более в полнолуние, когда власть духов была сильнее всего. Более уединенного места не сыскать во всей Уттике, поэтому Бидайн любила его. Днем она исполняла роль няни, присматривающей за обеими дочерьми купца Шанадина. Никто не догадывался, кем она была на самом деле. Все знали ее лишь как робкую эльфийку неопределенного возраста, старавшуюся никому не смотреть в глаза и одевающуюся всегда в белые одежды девственниц — хотя кожа ее уже начала увядать, что могло означать лишь одно: она жила уже не первое столетие.

Бидайн стояла на отвесной меловой скале и смотрела вниз, на море. На темной его глади сверкала волшебная серебристая паутинка линий, нарисованных дорожками лунного света. Далеко на востоке на фоне горизонта виднелся силуэт парусника. Ночной бриз трепал тончайшее просторное платье без рукавов, ласкал ее стареющую кожу. Как же быстро утратила она свою эластичность! Бидайн надеялась, что сможет прожить с этой человеческой кожей хотя бы несколько лет. Но эта надежда разбилась, как и все остальные. Вскоре придется что-то предпринять... Кого же ей убить? Одну из девочек, которых доверил ей Шанадин?

Волна с грохотом ударилась о подножие утеса. Эльфийка снова поглядела вниз, на пузырящуюся пену, белые пальцы которой цеплялись за скалы костяного цвета. Может быть, стоит покончить со своим бренным существованием? Она драконница, но вот уже столько лун она ничего не слышала о драконе, которому посвятила жизнь. Ходили слухи о грядущей войне. Говорили, будто отовсюду собирают детей альвов, чтобы отправить их сражаться в Нангог. Но сюда, в Уттику, вербовщики еще не приходили.

Правда ли, что бои будут идти в Запретном мире? Почему же тогда Золотой не посылает за ней? Она с презрением поглядела на свои руки. Даже в свете луны видна была паутинка тонких морщин. Может быть, причина в этом? Может быть, ему она тоже противна?

Иногда Бидайн казалось, что она чувствует прилипший к ней могильный запах. Она мылась два раза в день. Пользовалась дорогим

мылом с ароматом розового масла, но запах возвращался снова и снова. Запах разложения... Как знать, существует ли он лишь в ее напряженном воображении? Может быть, от отвращения к самой себе она придумала его? Другие тоже чувствуют этот запах?

Бидайн знала, что о ней говорят. Судачат о странной старой деве, которую Шанадин взял в свой дом. Эльфийка снова поглядела на пенящиеся волны. Бездна манила ее. Всего два шага и все — сомнение, отвращение — будут позади. Она подарит свободу своей душе и возродится в новом, безупречном теле. Бидайн сделала шаг к бездне. За ее спиной, на лужайке на склоне горы смолкло пение сверчков. Ветер стих. Даже шорох прибоя стал тише, словно природа затаила дыхание. А потом эльфийка услышала голоса и грубый гортанный смех.

Бидайн отвернулась от пропасти. По узкой утоптанной тропке поднимались три фавна. Лоснящийся мех на их козлиных ногах блестел в лунном свете. Одеты они были лишь в грязные набедренные повязки, а их волосатые торсы были обнажены. На лбу росли маленькие загнутые назад рога. Тот, что шел в середине, опирался на колье. Двуполые существа, плод больного воображения Кузнеца плоти, они всегда вызывали у драконницы особо сильное отвращение.

– Ты стоишь слишком близко к обрыву, красавица! — крикнул ей тот, что с копьем. — Иди поближе к нам...

Оба его товарища расхохотались блеющим смехом, словно их друг только что сочинил лучшую шутку за весь вечер.

— Я хотела бы побыть одна, — произнесла она подобострастным тоном, который привыкла использовать в своей роли няни. Потупилась. — И хочу вежливо попросить вас уважить мое желание и уйти.

– Не нужно бояться нас, — заявил фавн, стоявший слева от копьеносца, поднял бурдюк с вином и встряхнул его. – Мы здесь для того, чтобы поразвлечься. И ты сможешь развлечься тоже, это я тебе обещаю. Но для начала тебе стоит знать, кто пришел.

Снова зазвучал блеющий смех, словно козлоногий придумал еще одну отличную шутку про нее.

– Ноннос у нас поэт, — заявил, отфыркиваясь, копьеносец. – Я Дион, а этот здоровый молчун справа от меня — Кротос, – с этими

словами он ткнул Кротоса кулаком под ребра, а товарищ усмехнулся ему в ответ.

– Разве не чудесная ночь для любви? — воскликнул Ноннос нарочито торжественным тоном, словно цитируя какой-то известный текст. При этом он левой рукой ухватился за сердце, поднял брови и одарил Бидайн насквозь фальшивой улыбкой. У Нонноса была короткая остроконечная бородка, в то время как у его товарищей бороды доставали до груди. — Ты слишком красива, чтобы проводить в одиночестве такую теплую летнюю ночь, госпожа эльфийка.

Расстояние между этими троими и ней сократилось шагов до пяти. Судя по всему, они были абсолютно уверены в том, что могут просто взять себе то, чего им хочется, и что запуганная, стареющая нянька, стоявшая перед ними, не окажет серьезного сопротивления. Бидайн подавила вскипевший в душе гнев. Золотой приказал ей ждать в Уттике. Она не имела права забывать о своей миссии, должна была любой ценой скрыть, кем являлась на самом деле.

– Вы знаете, что это место проклято. Прошу вас, уйдите! Я не хочу, чтобы с вами случилось несчастье.

– Это скорее эльфийкам не везет на этом утесе, — возразил Кротос, который до сих пор в разговор не вступал. Голос у него был низким, хрипловатым, а усмешка — широкой и беззубой. – Но ты не бойся, мы пришли и как следует позаботимся о тебе.

– Я и сама могу о себе позаботиться.

Дион покачал головой, черные косматые пряди взлетели и опали на плечи.

– Не думаю. Ты знаешь, что там внизу, в трактире, уже заключают пари насчет того, когда ты прыгнешь? Ты стала бы третьей эльфийкой после Невенилл. И всякий раз они кончали с собой в такую лунную ночь, как сегодня. Говорят, в такие ночи они встречаются с Невенилл, — он посмотрел на нее, наморщив лоб, затем пожал плечами. – Что ж, я здесь никакого духа не вижу. Но может быть, нужно быть эльфийкой, чтобы с ним повстречаться.

Дион указал на нее копьем. Только теперь Бидайн заметила, что на руке, сжимающей оружие, не хватает двух пальцев. Тыльная сторона ладони и предплечье были покрыты толстыми шрамами, словно его пытался растерзать волк или крупная собака.

– Ты знаешь, что сегодня ночью ставки десять к одному против тебя?

– И вы подумали, что стоит заглянуть сюда, присмотреть за мной, чтобы получить

хорошую прибыль, если я вернусь с обрыва живой? — Бидайн цинично улыбнулась. Конечно же, она знала, что это не входило в намерения фавнов, ей просто хотелось дать им путь к отступлению. Последний шанс.

Тот, что с остроконечной бородкой, рыгнул и закатил глаза.

– Об этом мы как-то не подумали...

– Вы еще можете заключить новое пари, — предложила Бидайн. — Еще есть время. Пошлите кого-нибудь из своих друзей, незаметно, и разбогатеете, — она изо всех сил старалась заставить свой голос звучать не слишком пренебрежительно. Эти трое ничтожеств могли наскрести пару медяков и с помощью пари превратить их в серебро. Разбогатеть они, впрочем, не разбогатеют. Тем не менее, похоже, Ноннос задумался об этом всерьез. Он гладил свою бородку, и этот жест совершенно не вязался с его грубой внешностью.

– На эту ночь у нас другие планы, — грубо заявил Дион. Не позволяй эльфийке одурачить тебя, Ноннос! Эльфы никогда нас не жаловали. Хватай ее! Мы не разговаривать пришли.

Бидайн вздохнула и сбросила маску няньки. Она снова будет тем, кого из нее сделали в Белом чертоге, — убийцей. И она наслаждалась тем, что снова сможет воспользоваться дарованной ей силой.

– Вижу, твоим рукам уже однажды досталось, козлиная задница. Если попытаешься прикоснуться ко мне, рука, которую ты протянешь, будет валяться у подножия скалы. Поверь мне, я слов на ветер не бросаю. Предлагаю вам троим уйти, выпить еще по бокалу вина и порадоваться, что остались в живых.

– Ты забыла, что говоришь не с пацанами какими-нибудь, нянька, – прошипел Дион, тыча острием своего копья ей в горло. — А теперь я тебе кое-что предложу, старая дева. Мы покажем тебе, каково предназначение мужчин и женщин, и если *ты* порадуешь нас, то не будешь валяться у подножия утеса.

– Тебе конец, козел беспалый, — спокойно сказала она. Голос ее звучал поразительно протяжно. Бидайн почувствовала, как в нее проникает магия этого мрачного и романтичного места. Почувствовала печаль Невенилл, которая словно бы оставила свою печать в узоре магической сети, окутывавшей весь этот мир и соединявшей все в нем между собой.

Дион расхохотался.

– Рот раскрывать ты горазда. Очень кстати, с учетом наших планов. Вперед, хватайте ее!

Ноннос колебался, нервно дергая себя за остроконечную бородку.

– А если она…

– Не будь таким трусом, – прошипел черноволосый Кротос и выудил из-за широкого пояса, поддерживавшего набедренную повязку, кинжал. — Она же просто нянька, черт тебя подери. Ты что, слов боишься? Слова да пара оплеух — вот и все ее оружие.

Бидайн открыла Незримое око, и перед ней предстала магия мира. Разноцветные силовые линии вокруг трех фавнов пылали красными нитями гнева и похоти. Было и еще кое-что — тончайшая паутинка над их головами. Их окружало заклинание. Сплетенное аккуратно и почти незаметно.

Острие копья Диона коснулось горла Бидайн прямо под подбородком. Нельзя распыляться, разглядывая детали. Нужно действовать. Эти трое не оставили ей выбора. Бидайн прошептала слово силы и изменила течение времени. Ее движение и восприятие теперь стали быстрее. Но мир вокруг нее не остановился, хоть и казалось, будто это так. Бидайн почувствовала, как клинок проткнул ее тонкую кожу, как по горлу потекла тонкая струйка крови. Сеть вокруг нее начала сжиматься. Она восставала против заклинания, изменявшего естественный ход вещей.

Бидайн отодвинула копье в сторону, смиряясь с тем, что оно оставит на ее горле тонкий кровавый след. Пока что оно еще не слишком глубоко вонзилось в ее плоть.

– Неситесь-ка козлиным галопом обратно в кабак, и я оставлю вас в живых.

Бидайн произносила слова медленно, протяжно, но скорее всего,

фавны услышали лишь неразборчивый крик. Теперь она все делала слишком быстро.

Уходя прочь от края обрыва, она вырвала копье из руки Диона и с такой силой ударила его тупым концом Кротоса в горло, что у беззубого фавна открылся рот, он выронил кинжал. Оружие падало медленно, словно дубовый лист в безветренный осенний день.

Билайн произнесла еще одно слово силы и оборвала заклинание. Почувствовав движение за спиной, она ткнула копьем в сторону Диона, неся его на уровне бедра. При этом она упустила из вида Нонноса, опустившего правую руку на рукоять кинжала, но не осмеливавшегося обнажить оружие.

Мир замедлился. Теперь время текло как обычно и для Бидайн: парящий кинжал глухо упал в высокую жухлую траву; Кротос рухнул на колени, обеими руками схватился за горло, словно пытаясь вытащить оттуда что-то невидимое, что душило его. Бидайн знала, что своим ударом пробила фавну трахею. Его уже ничто не спасет. Лицо его покраснело. Глаза выкатились еще сильнее, а эльфийка почувствовала теплую кровь на руках, сжимавших древко копья.

— Кто... что ты такое? — пролепетал Ноннос, убирая руку с рукояти кинжала.

— Не жертва, — Бидайн резко рванула копье на себя и обернулась. Дион завалился на бок. Его большие карие глаза неподвижным мертвым взглядом смотрели в ночное небо. Острие копья попало ему под ребра и пронзило сердце снизу.

Эльфийка выпустила оружие, вытерла о траву окровавленные руки. Убивая и используя силу, она испытала наслаждение. Она могла бы просто напугать, прогнать этих троих, но после бесконечных недель в роли почтительной няньки ей хотелось наконец то снова почувствовать свою силу.

— Сбрось тела с обрыва — попросила она, не глядя на него. — Отлив унесет их в море, и никто и никогда не найдет их.

— Да, госпожа, — робкому поэту удалось произнести эту фразу одновременно с осознанием долга и вопросительно. Он схватил за рога Кротоса, по-прежнему ловившего ртом воздух, и потащил его к краю белой скалы.

– Вниз его!

— Э… но, госпожа...

Кротос отнял руки от горла и в отчаянии ухватился за тонкие козлиные ноги своего товарища.

— Я же не могу... — лепетал Ноннос. — Он ведь еще жив. Мы ведь выросли вместе. Мы...

— Жить хочешь? — поинтересовалась Бидайн, наслаждаясь зрелищем терзавшегося угрызениями совести Нонноса. Эти трое пришли сюда, чтобы изнасиловать и убить ее. Они заслужили все, что происходило с ними сейчас. Они были мерзкими типами, без них мир станет лучше. — Выполняй приказ!

Ноннос покачал головой.

— Я не могу... Он мой друг.

Бидайн выпрямила спину.

— Он то, что вы собирались сделать со мной. Просто кусок плоти. Столкни его!

Ноннос дрожал всем телом, по лбу его струился пот.

— Я не знаю, что на нас нашло. Мы не такие. Это.... Это похоже на дурной сон, — глаза фавна напоминали темные зеркала. Теперь Бидайн стояла совсем рядом с ним. От Нонноса воняло козами. Он снова перевел взгляд на своего друга. Веки умирающего подрагивали. Затем он отпустил ноги друга.

— Он не был таким, — пролепетал Ноннос, — Я не понимаю. Мы...

«Какой жалкий лепет, —с отвращением подумала Бидайн. — Он с дружками только что был готов наброситься на меня, а теперь думает, что сможет отвертеться».

— Значит, мне следует помочь тебе проснуться, — приветливо сказала она и, еще произнося эти слова, сделала пол-оборота. Правая нога со смертоносной силой ударила его в грудь, Фавн опрокинулся навзничь и полетел вниз с обрыва.

От пинка воздух вылетел у него из легких. Рот широко открылся, но, падал, он уже не мог закричать. Бидайн поглядела вниз, на море. Тело Нонноса исчезло в колышущейся пене, лизавшей скалы цвета кости.

«Нужно уезжать из Уттики», — подумала она. Четыре года тому назад, когда ее принесли в пещеру Парящего наставника, она стала бы хорошей няней и радовалась бы возможности присматривать за дочерьми купца Шанадина. Даже тогда, когда ее привели в Белый чертог, еще не все было потеряно. Но тогдашней пугливой, робкой Бидайн уже не было. А она даже не заметила, когда та эльфийка перестала существовать.

Драконница выпрямилась и поглядела на Кротоса. Черноволосый фавн был мертв, он задохнулся. Его большие руки вцепились в сухую траву. Темно-коричневые затуманившиеся глаза неотрывно смотрели на нее. Бидайн пнула тело, оно перекатилось и улетело вниз с обрыва. Она чувствовала себя сильной и свободной. Время прятаться миновало. Ей снова хотелось быть драконницей.

— Разве не мне решать, когда вам надлежит покинуть Уттику, госпожа Бидайн?

От сладости звучания раздавшегося в ее мыслях голоса по спине у эльфийки побежали мурашки. Несмотря на скрытый в словах укол, ее захлестнула волна счастья, граничившего с экстазом, который она испытала тогда, когда Золотой принял ее в ряды своих драконников и нанес ей татуировку.

Она отвернулась от пропасти. Вот он! Меж скал, чуть ниже по склону. Чеканным шагом поднимается по тропе. Тени ночи бежали от стройной высокой фигуры, словно он был сгустком живого света, разгонявшего тьму. Золотая вышивка по подолу его короткой белой туники сверкала в лунном свете. Колышущийся плащ, казалось, был соткан из нежной сини утреннего летнего неба. Светло-русые волосы Золотого были распущены и спадали на плечи.

— Слишком много времени прошло, госпожа моя.

— Да, — прошептала она, идя навстречу дракону в облике эльфа. Она почти каждую ночь видела его во снах. Безумных снах, в которых то и дело повторялся ритуал, во время которого они стали едины.

— Некоторые из моих братьев по гнезду сомневаются в вас, почтенная Бидайн.

Эльфийка в ужасе застыла. Может быть, он тоже сомневается?

— Случилось немыслимое. Среди нас появился предатель.

— Я бы никогда...

— Думайте как следует, что говорите, госпожа моя. Я не потерплю лжи! Я знаю, что вам хотелось уехать из Уттики, а значит, нарушить мой приказ!

Его сомнения больно задели ее. Если она утратит его расположение, то и вся ее жизнь потеряет смысл.

— Да, — призналась она. — Я думала об этом, но намерения и поступки — не одно и то же, свет моей жизни.

Золотой улыбнулся ей, и сердце эльфийки забилось быстрее.

— Хорошо сказано, госпожа моя, — но лицо его тут же омрачилось. *— Вы знаете о нападении на Зелинунт, Белый город, тот самый, в котором хотели собраться бессмертные и девантары, намереваясь предрешить гибель Альвенмарка?*

Бидайн кивнула.

— Мы послали туда на разведку двух драконников. Они должны были подать нам знак, если девантары не придут на место в назначенный час атаки, поскольку мы хотели убить не людей, а богов. Они обманули нас! От небесного огня не умер ни один враг, несмотря на то что Гонвалон подал сигнал к атаке.

Бидайн физически ощущала силу его гнева. В животе все сжалось, мышцы напряглись, а его мысли жгли ее, словно яркое пламя.

— Но ведь Гонвалон давно отступился от вас, — напомнила эльфийка. — Почему вы послали на разведку именно его?

— Он сопровождал Нандалее. Она пережила предательство. Но он — нет!

Бидайн вспомнились два долгих путешествия, проделанных ею вместе с мастером меча в Нангог. О его любви к ее подруге Нандалее. О его подспудной силе. Что же толкнуло его на предательство?

— Будет война, какой еще не видывал наш мир, госпожа моя. И мы сможем победить лишь в том случае, если в наших рядах не будет иных предателей и колеблющихся.

— Я выполню любой ваш приказ, свет моей жизни! — с неподдельным жаром воскликнула Бидайн. — Я не стану колебаться.

Золотой меланхолично улыбнулся эльфийке.

— В эту ночь я пришел, чтобы проверить вас, госпожа моя. Я знаю, что в вас тлеет искорка мятежного духа Нандалее. Это я послал к вам трех фавнов. В принципе они были безобидны. Я лишь подогрел их похоть и внушил мысль овладеть вами, госпожа моя.

Бидайн словно бы протрезвела, но не удивилась. Ведь это Золотой. Он воплощает в себе все добро этого мира. У него должны были быть веские причины поступить так.

— Я уже говорил вам, что некоторые из моих братьев по гнезду не доверяют вам, госпожа Бидайн, считают вас слабой. Поэтому я и послал к вам фавнов. Я хотел посмотреть, как вы поведете себя. Признаю, что испытал облегчение, увидев, что вы убиваете со страстью. Вы развеяли все мои сомнения.

Золотой небрежно махнул рукой в сторону трупа Диона, все еще лежавшего у обрыва. Словно по мановению невидимой руки, тот подкатился к краю пропасти и рухнул вниз.

— Никто в Уттике не станет тосковать по ним. Фавны непостоянны и капризны. Все подумают, что они просто ушли в другое место, — Золотой подошел и нежно прикоснулся к ее шее. Бидайн почувствовала, что по ее коже словно бы заструился мелкий песок.

— Вас больше не будет преследовать запах могилы. По крайней мере, ближайшие несколько лун. Но вам вскоре понадобится новая кожа, госпожа моя. В этом отношении вам следует быть менее щепетильной. Вы драконница. Берите себе все, что пожелаете. Альвенмарк у ваших ног, поскольку вы —моя избранница, первая среди служащих мне драконников.

Бидайн едва дышала. Его избранница! Наконец-то она сможет убраться из Уттики!

— Вы должны кое-кого убить для меня. Очень опасного противника. Много дней я провел, изучая предсказания будущего Альвенмарка. Мой брат по гнезду, Темный, будет убит — потому что слишком легкомысленно распоряжается своим доверием. Вы должны защитить его от опасности, на которую он закрывает глаза. Вы, госпожа Бидайн, избраны, вы станете исполнителем моей воли. Это будет самая опасная из ваших миссий. Вам не справиться в одиночку. Подберите себе товарищей, которые смогут совершить

на первый взгляд невозможное! И не медлите, когда настанет час клинков!

Бидайн чувствовала словно бы опьянение. Наконец-то прочь отсюда! И какая задача. Она должна спасти небесного змея. Перворожденного!

—Я сделаю все, что вы потребуете, мой повелитель и благодетель. Кого я должна убить?

— *Если я назову вам имя, возврата не будет, госпожа Бидайн. Вы совершенно уверены?* — Бидайн почувствовала глубокую тревогу дракона. Его тревогу за нее и ее душевное спокойствие. Он так добр к ней. Так предупредителен и чуток. И, несмотря на все это, она чувствовала некоторую обиду. Как она могла колебаться, когда он зовет ее исполнить миссию!

— Я готова, мой повелитель. Чью кровь я должна пролить во имя ваше?

— *Эта личность хорошо знакома вам,* — вертикальные зрачки дракона сузились, превращаясь в щелочки, когда он посмотрел на нее, и Бидайн показалось, что он видит ее насквозь, читает все ее тайные желания и мечты. — *Убейте для меня госпожу Нандалее!*

Бидайн тяжело вздохнула. Нандалее! Она была ей как сестра. Бидайн еще хорошо помнила, как в Белом чертоге много часов сидела на кровати рядом с Нандалее, шепчась с ней о том, как ужасна жизнь послушницы чертога. Вспомнила об опасностях Нангога, которые они вместе преодолели. И о том, что рядом с Нандалее она всегда была лишь тенью. Ее подруга притягивала к себе все взгляды. Она была словно свет.

— То, чего вы желаете, будет исполнено, мой повелитель!

Кабинет Шанадина

С первыми лучами рассвета Бидайн вернулась обратно в Уттику. Ночное опьянение оставило ее. Даже несмотря на то, что Золотой сделал ее своей избранницей, остаться с ним он не разрешил. Она должна продолжать жить в этом маленьком уединенном портовом городке и занять положение, при котором никто не удивится, если она станет собирать вокруг себя других. Все они должны были быть драконниками, несмотря на то что здесь им придется выдавать себя за наемников, берейторов и камеристок. Бидайн назвала Золотому имена некоторых драконников, которых хотела видеть рядом с собой, но не знала, когда они прибудут.

Эльфийка вошла в незапертые ворота. Справа и слева от них располагались два пандуса, ведущие к широким ходам по крепостной стене. Уттика — странный город, город без ступеней. На всем побережье правили Бронзовые Щиты. Так называло себя стадо кентавров. В отличие от своих более мелких степных братьев, у этих были массивные тела, как у тяжеловесных упряжных лошадей. Их князь Секандер еще много лет назад издал закон, согласно которому все в прибрежных городах должно быть удобным для кентавров. Поэтому здесь стали строить города без лестниц. Парочку ступеней можно было встретить разве что в маленьких домах или жилых пещерах кобольдов. Но во все значительные места нужно было входить по пандусам. Кроме того, высота дверей была выверена так, чтобы в них без труда могли пройти кони-люди почти в три шага ростом.

Рассвет набросил на беленые стены домов нежную розовую вуаль. Мимо Бидайн прогрохотала управляемая кобольдами повозка с огромной бочкой. Она останавливалась у каждого дома, собирая содержимое ночных горшков, выставленных у дверей. В первые часы каждого утра весь город принадлежал кобольдам.

Маленькие существа убирали помои, тащили на рынок дары полей в небольших тачках, пекли хлеб, готовили первые блюда для своих господ, разбрызгивали воду на дорожки, чтобы чуть ослабить дневную жару.

Бидайн не удостоила слуг и взглядом. Сейчас ее волновало лишь то, что придется продолжить вести подпольную жизнь здесь, на краю

света. Конечно же, она выполнит приказы Золотого, но жизнь драконницы оказалась совсем не такой, как она себе представляла. Она могла бы совершить и более великие вещи. Об экспедиции в Нангог говорить было нельзя. Поэтому она не стала блестящим героем. Совсем наоборот, прошлой ночью она сделала еще один шаг во тьму.

Эльфийка свернула в боковую улочку. Из-под ног торопливо шмыгнула прочь бродячая собака с дохлой крысой в зубах. Калитка, ведущая на задний двор резиденции Шанадина, была распахнута. Этот вход предназначался для персонала, а также для заноса товаров из гавани, которыми до самого потолка были набиты два длинных склада, обрамлявших двор с обеих сторон. Шелка из далекого Гайванана, сушеное мясо и меха из Байнне Тир, бочонки меда и янтарь из Карандамона, рыбий жир из Лесного моря, кораллы, собранные на озере Лотосов апсарами, умеющими читать сны. Здесь хранились сокровища со всех концов Альвенмарка.

Граумур, постаревший минотавр, командующий личной гвардией Шанадина, сидел в тени Львиного колодца и неспешно полировал свою секиру. Его ноздри раздулись, когда он недоверчиво втянул носом воздух. Бидайн задумалась, не сохранила ли ее кожа аромат Золотого. Граумур, которому вряд ли может быть знаком этот запах, примет его за экзотические духи.

— Длинная у тебя была ночь, малышка, — проворчал он, и глаза его хитро сверкнули.

Эльфийка только кивнула и направилась прямиком к двери в запретный кабинет конторы хозяина дома.

— Ты знаешь, что он этого не любит, — предупредил ее минотавр.

Ей было все равно, что любит Шанадин. С этого дня она станет хозяйкой этого дома. Решительно распахнула дверь. Железная дверная ручка была еще холодна от ночного воздуха. Она знала, что застанет Шанадина именно там. В конторе, его святая святых, над счетными книгами и загадочными сокровищами, которые привозил ему из странствий по самым дальним уголкам этого мира его первый капитан Аларион. Шанадин приходил сюда каждое утро, еще до рассвета. Та Невенилл, которая бросилась с обрыва, давным-давно была его женой. Это он довел ее до самоубийства. Бидайн

предполагала, что он это сделал даже не нарочно. Шанадин любил свои цифры и драгоценности больше всего живого, за исключением двух дочерей: Лидайн и Фареллы.

Заметив, что она вошла в кабинет, он бросил на нее недовольный взгляд. Бидайн, которая никогда прежде не бывала здесь, не обратила на него внимания и стала спокойно оглядываться по сторонам. Контора была размером с небольшой склад. Шагов десять в длину и около четырех в ширину. Комнату наполнял жутковатый магический свет. Стены ее скрывались за шкафами со стеклянными дверцами. Со стеклянных полок сверкали янтарины, вроде тех, что используют в своих подземных городах карлики. Здесь были чучела животных, драконьи зубы, странные яйца, загадочное оружие. Запретная комната была отчасти кунсткамерой, отчасти сокровищницей. На столе, стоявшем в центре комнаты, лежали три раскрытые книги. Страницы их были заполнены цифрами.

Бидайн закрыла за собой дверь, продолжая разглядывать причудливые сокровища купца. В одном стеклянном цилиндре плавала отрезанная рука размером больше руки тролля или минотавра.

– Ты же знаешь, что тебе нельзя приходить сюда, — строго заявил Шанадин. Когда она вошла, купец сидел над счетными книгами, но теперь поднялся из-за стола. Он был высоким, но худощавым. Его узкое лицо подсвечивал поглощавший его изнутри жар. Среди слуг ходили разные разговоры. Говорили, будто он и Аларион ходили к читающим сны апсарам, которые жили на озере Лотосов и ледянобородых, мятежных и кровожадных кобольдов, воровавших сокровища у карликов Ихавена. Он пытался разгадать все загадки! Но ради своих путешествий князь никогда не ступал на тропы Золотой сети. Он путешествовал по стране на судне или в караване. За минувшие недели Бидайн наслушалась множество разных историй о нем. Говорили, будто он знает князей-ведьмаков ламассу и будто бы даже бывал в чертогах короля троллей в Снайвамарке. Но никто не знал, какую тайну он пытается разгадать с таким упорством. Хотя слухи ходили. Большинство предполагали, что это связано со смертью Невенилл и что со дня самоубийства матери его дочери не выросли и, несмотря на достаточно взрослый возраст, продолжали сохранять детский характер. Казалось, время для них остановилось.

Купец отложил в сторону перо, которое держал в руке.

— С этого момента ты больше не работаешь в этом доме, Бидайн. Ты соберешь вещи и сей же час уберешься из города. Если же ты не выполнишь мой приказ, Граумур поможет тебе.

Бидайн отнеслась к увольнению с улыбкой. Медленно и лениво подняла руки к шее, подобрала волосы, расстегнула застежку на белом платье без рукавов, и оно соскользнуло вниз, задержавшись на бедрах.

— Ты не прогонишь меня, Шанадин, ты на мне женишься, — проворковала она, медленно приближаясь к нему.

Щеки купца покрылись красными пятнами. Между бровями появилась гневная складочка.

— Прикройся!

— Неужели сидеть среди всех этих вещей действительно лучше, чем спать с женщиной?

— Ты не знаешь...

Она провела руками по маленькой, упругой груди, слегка приподняла ее в ладонях.

— Попробуй этих фруктов. Они помогут тебе забыть о печали.

Купец слабо покачал головой. Губы его были плотно сжаты, над ними возвышался нос, по форме напоминавший клюв хищной птицы. Глаза его слегка косили, а в серых глазах поблескивала жестокость.

— С тобой хоть раз спал мужчина, не упившись до потери сознания, Бидайн? Ты же знаешь о своем запахе, правда? Ты хоть представляешь себе, сколько раз Лидайн и Фарелла просили меня прогнать тебя прочь, потому что едва выносят этот запах разложения, преследующий тебя повсюду. Все в этом доме смеются над тобой. Кобольды зовут тебя могильщицей и стараются избегать по мере сил. Даже розовое мыло, которым ты так отчаянно пытаешься смыть его с себя, не в силах с ним совладать. А Граумур... Ты же знаешь, он как выпьет, становится очень откровенным, так однажды он поведал мне, что предпочел бы сношаться с дыркой от сучка, чем с тобой. Раньше мне было жаль тебя, Бидайн. Но теперь с сочувствием покончено. Судя по всему, эта вонь исходит от твоего разлагающегося мозга. А теперь собирай вещи и убирайся, не то я велю прогнать тебя из моего

дома плетьми!

– О, я и не знала, что ты можешь быть столь страстным, Шанадин, — усмехнулась Бидайн. — А ты ни разу не задумывался, почему меня преследует могильный залах? Ведь ответ очень прост. Я — сама смерть, — и с этими словами она обернулась, наблюдая за выражением лица купца в зеркале перед собой. Сначала он просто удивился при виде татуировки. А потом вдруг осознал, что значит роскошное изображение дракона у нее **на** спине, и маска ужаса застыла на его лице.

– Ты ведь не...

Бидайн снова обернулась к нему**.**

– Она самая. Смотри! — Произнеся слово силы, она подняла руки к лицу, вспоминая о Туватисе, Хранителе глубинных чертогов, том самом жреце Ишты из Золотого города, которого она помогла убить. Она никогда не забудет его — он стал первым мужчиной, с которым она разделила ложе. При мысли о нем она по-прежнему испытывала отвращение. Ее пальцы ощупывали кости лица, сдавливали их, заставляя принять нужную форму. Когда эльфийка опустила руки, лицо ее было уже совершенно иным. Теперь она выглядела как Туватис.

– Золотой хочет, чтобы я стала твоей женой. Но я уже вижу, что ты не тот человек, чтобы бегать за женщинами. Поэтому я убью тебя и приму твой облик. Что ты там только что говорил о Лидайн и Фарелле? Что они насмехались над моим запахом? Что ж, они перестанут смеяться, — она указала на толстые стекла в шкафах. — Я прикажу изготовить стеклянный ящик, запру в нем Лидайн, а потом велю медленно наполнять его водой. А нежная Фарелла будет наблюдать за тем, как тонет Лидайн. После этого я отведу ее туда, где ее носик будет оскорблен сильнее, чем от того запаха, что преследует меня. Думаю, ты знаешь, как любит красивых эльфийских рабынь король Бромгар. Он заплатит мне за Фареллу золотом по ее весу.

В мгновение ока Шанадин постарел на несколько десятков лет. Его глаза утратили блеск. Щеки ввалились, под глазами отчетливо проявилась сеточка морщин.

— Простите, госпожа. Я даже не предполагал, кто вы на самом деле. Мне очень жаль...

Бидайн расхохоталась.

— Ты говоришь «извините» и думаешь, что на этом все? Как ты только что называл меня? Могильщицей? И хотел приказать прогнать меня плетьми из своего красивого дома?

— Прошу, госпожа... — Гордый купец бухнулся на колени. — Берите мою жизнь, но пощадите моих детей. Они невинны. Они...

— Так что, станешь моим супругом и убедишь всех в этом городе, что тебя одолела непреодолимая страсть по отношению к няньке твоих детей? — Бидайн прищелкнула языком. — Думаю, о нас обоих вскоре станут очень много судачить. И надеюсь, ты хорош в постели. Иначе мне вскоре придется наставить тебе рога. Что еще больше подхлестнет слухи...

Кровь снова прилила к его щекам. «Какой же он скучный ханжа», — раздраженно подумала Бидайн. Старый, похотливый козел и нянька. Жители города с удовольствием поверят в такую историю. А она в мгновение ока получит власть и влияние. И никто не удивится, если вскоре она наймет собственных сдут и таким образом тайно создаст свой кружок убийц.

— Предлагаю пойти в дом и объявить о том, что мы собираемся пожениться. Как думаешь, когда нам лучше пожениться, любимый? Через три дня? Или лучше через неделю?

— Прошу... я... Не стоит так торопиться, — Шанадин уже немного пришел в себя. — Не пойми меня превратно. Я просто прошу немного времени, чтобы наша история была более правдоподобной. Я не знаю, что привело тебя сюда, в Уттику, и не хочу знать, но предполагаю, что ты не хочешь привлекать к себе лишнего внимания. У меня здесь много деловых партнеров, и все они знают, что меня давно уже не интересуют женщины. Если я вдруг женюсь, кое-кто может счесть это странным.

—Значит, ты предпочитаешь другое мое предложение? — Бидайн наслаждалась тем, что купец побледнел снова. — Думаю, я сумею играть твою роль достаточно убедительно.

– Просто выглядеть как я будет недостаточно! — заявил Шанадин, проявляя поразительную твердость. — Не зная того, что знаю я, ты не выдержишь и дня. Мои партнеры быстро поймут, что Шанадин вдруг перестал помнить былые договоренности. И, конечно же, станут задаваться вопросом, почему же. А потом они учуют твой запах...

Бидайн надула губы.

– Как мило — постоянно думать о запахе будущей жены. Что же до остального, то неужели ты забыл, кто я? Я приму не только твой облик. Я украду и все твои воспоминания. Мы, драконники, избранные слуги небесных змеев. Мы совершенны во всем, что делаем. И, поверь мне, Шанадин, ты даже в страшном сне не сможешь представить себе, на что я способна. Так что не зли меня! Я не стану повторять дважды.

И, приветливо улыбнувшись ему, произнесла:

— Довольно ссориться. Пойдем, расскажем слугам о нашем новом счастье. Не кривись ты так. Помни, что только что ты подарил мне свое сердце. Ты ведь хочешь, чтобы все поверили, правда?

— Конечно! — Купец выдавил из себя довольно жалкую улыбку и направился к двери.

— Ты ведь ценишь Граумура, правда? Он так давно служит тебе, на его руках и лице множество шрамов, полученных в боях. Он не станет бежать от опасности. Так что не стоит предупреждать его! Мне было бы жаль убивать его.

Шанадин выпрямился.

Неужели она была права в своих подозрениях? Дверь распахнулась. Яркий утренний свет заливал задний двор. Минотавр стоял, прислонившись к противоположной стене. На плече его лениво покоилась массивная боевая секира, но Бидайн было не обмануть. Она видела, что он напряжен. Видела его вопросительный взгляд. Никогда прежде не бывало такого, чтобы кто-то посмел помешать его господину работать в сокровищнице, все обитатели дома знали, что за подобное преступление полагается самое тяжкое наказание.

– Доброе утро, Граумур, — напряженным голосом произнес Шанадин. — Чудесный день, не правда ли?

Минотавр склонил голову к плечу. Было очевидно, что господин никогда в жизни так его не приветствовал.

Шанадин протянул ей руку, и Бидайн приняла ее. Старик держался лучше, чем она ожидала.

— Вскоре в нашем доме кое-что изменится, — объявил купец явно удивленному воину. — Будет большой праздник, и лично тебе я

обещаю большой бочонок мета.

Граумур удивленно поглядел им вслед, а они вошли в дом через маленькую дверь, за которой находился длинный коридор, ведущий вглубь особняка. Шанадин отпустил ее руку. Здесь было слишком тесно, чтобы можно было удобно идти рядом под руку.

Он по-прежнему держался очень хорошо, ни единым жестом не давая разгадать свои мысли, но Бидайн была совершенно уверена в том, что он обманет ее, как только представится такая возможность. Так что рано или поздно от него придется избавиться, хотя какое-то время придется строить из себя влюбленную парочку.

Вот они уже и у двери в кухню. Обычно девочки завтракали именно здесь. Как часто Бидайн сидела здесь с ними, слушая одни и те же детские шутки. О Круппе, маленькой пухленькой кухарке-кобольдше, неограниченной хозяйке кухни, о Майе, ее хрупкой дочке, у которой была деревянная нога — с тех пор, как она попала под копыта кентавров, носившихся наперегонки по узким улочкам города. О Граумуре, который каждое утро, весь потный, выглядывал в маленькое окошко во двор и просил кружечку пива — когда заканчивал свой бой с тенью. И каждое утро Круппа ругалась и кричала, что он никчемный пропойца, но в конце концов кружечку выдавала.

Бидайн стала частью всего этого. Это был почти ее дом. Она отбросила прочь сентиментальные размышления — все это было лишь маскировкой. То, за чем она скрывала свои истинные цели, как темный плащ скрывал ее в ночи. Она не хотела чувствовать ничего по отношению к этому дому и его обитателям.

Шанадин первым вошел в кухню, его встретило радостное хихиканье и пожелания доброго утра от Лидайн и Фареллы.

— Я хочу сделать важное заявление, — торжественным тоном произнес он, перебивая щебет дочерей. — Не знаю, возможно зоркие глаза моего персонала уже все равно заметили это, — при этом он внимательно поглядел на кухарку Круппу. — Вот уже несколько недель как мы с Бидайн стали очень близки, и я искренне признаюсь, что отнюдь не ее рекомендации, а скорее ее красота заставили меня взять ее в дом и принять на работу.

Круппа и ее дочь Майя от удивления разинули рты, а обе девочки еще не поняли, к чему клонит отец.

— Как вы знаете, я не любитель громких слов, а таинственность пугает меня. Прежде чем начнутся кривотолки насчет того, не питаю ли я нежности к нашей няне, я предпочитаю заявить об этом открыто: мы влюблены и поженимся.

— Чудесно! Восхитительно! — вырвалось у Майи, проковылявшей на костыле через всю кухню и только в последний миг осознавшей, что служанке-кобольдше не пристало восхищенно обнимать своего хозяина-эльфа.

Бидайн была довольна. Шанадин действительно доказал свой актерский талант. Круппа смотрела на нее с некоторым недоверием, но молчала.

— Значит, она будет нашей мамой? — Светловолосая Лидайн уронила ложку в миску с пшенной кашей и скривилась. — Ты не можешь жениться на ней, отец. Она же воняет похуже дохлой рыбы. Я не хочу, чтобы она спала в твоей постели и чтобы от тебя потом пахло точно так же.

Шанадин смущенно откашлялся, пытаясь подыскать слова, когда Бидайн опередила его.

– Знаешь, малышка, именно от лжи мы становимся уродливыми и иногда даже начинаем неприятно пахнуть. Но теперь мы будем говорить только правду, — она присела на корточки, протянула к ней руки. — Иди ко мне, и ты убедишься, что от моего запаха не осталось и следа.

Лидайн покачала головой.

– Ты не моя мама. Я не хочу тебя!

– А ты, Фарелла? — Бидайн поднялась. Девочка сидела с той стороны кухонного стола, что была повернута к ней. Она была более скромной из сестер, у нее были черные волосы и похожие на пропасти глаза. Она любила носить белое, в то время как Лидайн не уставала выбирать яркие наряды. Бидайн всегда любила Фареллу больше. Она подошла к ней, мягко провела рукой по волосам. — Ну, что, воняет от меня?

Девочка громко втянула носом воздух, словно охотничья собака, взявшая след, а затем покачала головой.

— Ты пахнешь хорошо, — удивленно согласилась она. — Очень хорошо, — прижалась головой к ее груди, принюхалась еще раз. —

Просто здорово!

«Наверное, на мне еще остался аромат Золотого», — с удовлетворением осознала Бидайн. Теперь встала и Лидайн, подошла к ней. Несмотря на свой более буйный характер, она подходила к эльфийке осторожно, нарочито громко сопя. Удивленно нахмурилась, а затем обняла Бидайн, зарылась лицом в подмышку, и принялась ворковать, словно довольная голубка.

— Ты действительно пахнешь здорово!

Эльфийка провела рукой по обнаженным рукам детей. Какая у них нежная кожа! Скоро она будет принадлежать ей. Конечно же, она никогда не утопила бы никого из них, не продала бы королю троллей Бромгару. Для этого они слишком ценны! И у них такая чудесная и нежная кожа.

Над облаками

Бушевала такая буря, что звенели стекла в свинцовых рамах. Набор, склонив голову, смотрел на слишком большие и бесформенные сапоги, в которые он засунул ноги, но это не спасало от холода на высоте. Старый лоцман не помнил, чтобы когда-либо так сильно замерзал. Но не только холод проедал его до костей. Там, за стеклом, в небе что-то было. Что-то, что лучше бы и не видеть. Оно пряталось за затянутыми морозными узорами окнами, сквозь которые лишь время от времени виднелись отблески далекой грозы.

Сюда его привело тщеславие. А ведь он никогда не был тщеславным человеком. Поднебесные пираты Таркона Железноязыкого захватили его корабль и привели его в Облачный город, тайное убежище, которое так долго искали бессмертные. Пираты обходились с ним исключительно вежливо. Таркон лично пригласил его на ужин. Пиратский князь оказался совсем не таким, каким он его себе представлял: культурным, обходительным, смешливым и любящим музыку человеком. Теперь-то Набор понимал, что Таркон его просто-напросто обхаживал, как красивую женщину, которую хочешь соблазнить ради страстной ночи. Позже, когда они выпили достаточно вина, пират изложил свою просьбу. Набор должен был заменить другого лоцмана, Веччио, неприятного валесийца, у которого было совсем немного друзей в гильдии.

Украсть у лоцмана его команду — это было почти худшим из всех мыслимых для небесного морехода преступлений. Набор колебался и попросил время на размышления, и Таркон великодушно не торопил, впрочем, не забыв ярчайшими красками расписать чудеса предстоящего путешествия. Старый лоцман должен был отправиться далеко на север. В те области, для которых не существует карт и куда никогда не заходили экспедиции. Таркон даже заявил, что сама Нангог, Великая богиня, желает, чтобы это путешествие состоялось, и что она о них позаботится. Сам Барнаба, ее доверенный проповедник, поведет экспедицию.

На следующее утро Набор собственными глазами увидел, как словно комнатные собачки подчиняются этому Барнабе те порождения ужаса, которые появились повсюду в мире после великого землетрясения. Одно из чудищ, наполовину женщина,

наполовину коршун, постоянно крутилась вокруг проповедника и недоверчиво глядела на всякого, кто к нему приближался.

Барнаба был тоже преисполнен энтузиазма. Они откроют одну из величайших тайн богини.

Но решил все *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта в рассветных весенних лучах над Зеленым морем.* Собиратель облаков, на котором они должны были отправиться в путь, был одним из старейших и огромнейших существ, бороздивших небеса нового мира. Набору уже доводилось слышать о нем. Его считали мудрым. И *Ветер с наливающегося дождем горизонта* тоже слышал о нем. Проклятое тщеславие! Собиратель облаков дружелюбно приветствовал его, когда он поднялся на борт корабля, чтобы поздороваться с ним. Набор был так обескуражен, когда оказалось, что *Ветер с наливающегося дождем горизонта* его знает. Лоцман никогда не считал себя особенно важной персоной, хотя было время, когда он водил по небесам Нангога корабль-дворец бессмертного Аарона. Собиратель облаков даже дал ему имя. *Сердце, полное песен* — это была краткая форма, потому что огромные небесные великаны любили давать имена, которые были удивительно точны, но настолько длинны, что человек был не в состоянии их запомнить. Когда *Ветер с наливающегося дождем горизонта* попросил его подняться на борт в качестве лоцмана, Набор сдался и согласился на вечную вражду с валенсийцем Веччио. Лоцман оставил судно и ушел с Тарконом, не сказав ему ни единого худого слова. Но в тот миг, когда ему казалось, что его никто не видит, он посмотрел на Набора так, что лоцман понял: тот готов убить его. Для Веччио речь шла не о приключении, не о составлении новых карт. Он мечтал о славе, которую принесло бы ему это путешествие.

От нового порыва ветра зазвенели стекла в кабине лоцмана под корпусом корабля. Габотт, его маленькая обезьянка, пронзительно заверещал и забрался ему на плечо по руке. Дрожа всем телом, он спрятал голову под мышку Набора. Габотт тоже знал, что нельзя смотреть. Он негромко похныкивал. Он чувствовал их... Тех, кто носился по небу там, за окном, *где* в принципе не должно было быть ничего, кроме ветра и облаков.

Набор должен был догадаться, что это путешествие не благословенно, когда женщина-коршун улетела от них два дня тому назад. Она слушалась своих инстинктов, не была ослеплена

тщеславием, жадностью и чем бы то ни было еще. В отличие от людей из команды этого проклятого корабля. Все они надеялись найти на далеком севере что-то такое, что снова направит их жизни в правильное русло.

Замерзая, Набор потер руками плечи. Даже по эту сторону круглых окошек в свинцовой оправе стали нарастать кристаллики льда. И вдруг раздался шорох... Что-то, не вписывавшееся в узор хорошо знакомых звуков огромного поднебесного корабля, в завывание ветра в такелаже, поскрипывание досок на сильном морозе. Такого звука не должно было существовать в тысяче футов над землей. Что-то царапало по стеклу за спиной у Набора.

Набор поспешно обернулся. Прямо перед ним по ледяной корочке на свинцовом стекле окна шли четыре темные параллельные линии. Лоцман хрипло вздохнул.

— Тому есть объяснение, — пробормотал он, просто ради того, чтобы услышать собственный голос. — Просто от корпуса судна отвалился кусок льда и поцарапал окно.

Говоря все это, он прекрасно осознавал, что несет полнейшую чушь. Кусок льда ни за что не оставил бы на стекле четыре такие тонкие, параллельные полоски, похожие на следы когтей. Но ведь здесь, наверху, не может быть ничего такого когтистого! Габотт резко и пронзительно взвизгнул у него под мышкой.

Линии становились длиннее! Но ведь за окном лишь темная ночь!

Набор испуганно отпрянул — насколько позволяла тесная кабина лоцмана. Линии наткнулись на одну из тонких свинцовых полосок. Что это, неужели свинец прогнулся вовнутрь? Неужели что-то продавливает раму?

Отведя взгляд от окна, Набор снова уставился на свои сапоги. Старые детские воспоминания захлестнули его, словно волной. Рассказы о злых морских духах, наездниках штормов, принимавших облик только тогда, когда на небе начиналась буря, вроде той, что бушевала этой ночью. Рожденные бурей и молниями, они скользили прямо над пенными волнами, неся с собой беду. Иногда они были похожи на огоньки на корабельных мачтах, иногда приходили и утаскивали за борт штурмана или сталкивали с вороньего гнезда зазевавшегося юнгу. На них лучше было вовсе не смотреть. При виде

их облика сердце замирало и в конце концов переставало биться. Что-то снова царапнуло по стеклу. На этот раз Набор решил не смотреть! Буря пройдет, а вместе с ней уйдет и то существо, что ждет его за тонким слоем стекла на расстоянии всего лишь вытянутой руки.

Набор потянулся на ощупь в сторону. Там была лестница, ведущая наверх, в массивный корпус поднебесного корабля. Нужно лишь немного повернуться, ухватиться за перекладины и подняться наверх, как поступал он уже множество раз с тех пор, как посвятил свою жизнь небесам Нангога. Но Набор не мог. Что-то парализовало его волю. Эта штука за окном хотела оставить его в кабине лоцмана, потому что здесь она могла добраться до него. Она хотела забрать его... Хотела забрать всех, кто был на борту. Но его выбрала своей первой жертвой! Измученный лоцман вспоминал ту единственную жуткую историю, которую слышал о путешествиях по небесам этого чужого мира: о кораблях мертвецов, при этом ни у кого из погибших не было ни единой видимой раны. Взгляд его снова скользнул к полоскам во льду. Эта штука нанесет раны!

Возможно, если он поднимется выше, внутрь корабля, то будет в безопасности. Правая рука Набора уже нащупала гладкую отполированную перекладину лестницы. Под кончиками пальцев он ощутил корень корабельного древа, росшего вдоль лестницы. Почувствовал присутствие *Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта*, этого огромного надутого существа, прикованного к кораблю и несшего их по небу. Существа, сторожившего их жизни, того самого собирателя облаков, который мог часами вглядываться в небесную синь над их головами и к которому, тем не менее, относились с опаской и уважением те немногие корабельщики и пассажиры, отправившиеся в это путешествие на борту корабля.

Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, был связан с деревом, росшим на корабле; он управлял его ростом. Корни, пробравшиеся меж досками в самые дальние уголки корабля, были его нервными окончаниями. Собиратель облаков чувствовал все, что происходило на борту. И прикасаясь к корням, Набор делился с *Ветром, дующим от наливающегося дождем горизонта* своим страхом. Таков был дар Набора, впрочем, в такие часы, как сейчас, он был скорее проклятием. Лишь немногим лоцманам прикосновение к корням давало понять, о чем думает их собиратель облаков. Когда же Набор прочитал мысли собирателя облаков, то тут же почувствовал

его страх перед тем, что находилось снаружи. *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* тоже не знал, что затаилось в небесной темноте.

Ночные шорохи изменились: в пении ветра в такелаже корабля, в музыке канатов и живых щупалец, соединявших корпус корабля и собирателя облаков, появилось что-то мрачное. От этих звуков сердце Набора забилось быстрее. Дыхание старого лоцмана стало хриплым. Отчасти это было связано с разреженным воздухом высоко в небесах, и об этом он знал. Но скорее виной участившегося дыхания был страх.

Стекло в свинцовой оправе затрещало, несмотря на то что на этот раз маленькую кабину не сотрясал порыв ветра. Что-то давило на стекло, и ему ни в коем случае не хотелось видеть, что именно.

Молния расколола горизонт надвое. Слабый свет озарил кабину лоцмана, лоцман успел заметить, что уродливые коричневые сапоги, от которых он не отводил взгляда, подернуло изморозью. И в этом ослепительно ярком свете на полу кабины отчетливо обозначилась тень. Тонкая рука с четырьмя очень длинными, скрюченными пальцами. Она тянулась к нему. Прямо через дрожащее тельце обезьянки, по-прежнему прятавшей голову у него под мышкой. Прямо к сердцу!

Набор вскрикнул. Ослепительный свет померк, и теперь только желтоватый свет масляной лампы озарял маленькую стеклянную темницу высоко в небе. Морозные узоры полностью закрывали видимость. Тень исчезла.

— Набор?

Лоцман не мог даже шелохнуться. Колени дрожали. Он перестал быть хозяином своего тела. Там, снаружи, что-то есть... И оно пришло за ним!

— Набор? — В люк, к которому вела лестница, просунул голову Коля, покрытый шрамами телохранитель священнослужителя Барнабы. — Что с тобой? Орешь, словно тебя насадили на вертел...Ради всех богов, мужик! Что у тебя за вид?

Коля протянул ему уцелевшую руку, но Набор по-прежнему не мог пошевелиться. Все тело его дрожало. Нужно преодолеть страх, который еще больше подпитывает то жуткое чудовище за окном!

— Руку, проклятье! Дай мне руку!

Но Набор не мог.

Ругаясь, Коля спустился, обхватил его здоровой рукой, подтолкнул его к лестнице. Нужно было взять себя в руки. Нужно было помочь, Набор осознавал это, но просто не мог ничего с собой поделать. Скрипнув, сапоги оторвались от деревянного пола смотровой кабинки. Подошвы примерзли. Он перестал чувствовать ноги, а когда попытался пошевелить пальцами, ничего не вышло. Словно они вообще перестали существовать.

Наконец Коля сумел протолкнуть его через люк на нижнюю грузовую палубу. Набор по-прежнему хрипло дышал. В глазах стояли слезы, ему было стыдно за свою беспомощность.

Высоченный друсниец вылез через люк, окинул его презрительным взглядом с ног до головы.

— Соберись, мужик! Что с тобой такое?

Набор лишь головой покачал и тут же получил звонкую оплеуху.

— Возьми себя в руки! — ругался Коля.

Вместо ответа Набор крепко сжал свою обезьянку. Габотт словно окоченел. Шерстка заскорузла. Он тоже совсем замерз. Лоцман погладил зверька по спинке.

— Все будет хорошо. Чудовище ушло. Здесь, в поднебесном корабле, мы в безопасности. Оно ничего не сможет нам сделать.

— Эй, ты со мной должен разговаривать, а не со своей чертовой обезьяной! — заорал Коля.

— Там было что-то, за окном... — запинаясь, начал Набор. — Дух с когтистыми лапами. Крадущий жизни. Оборотень или нежить. Дух бури... Он пытался проникнуть в корабль.

Воин с покрытым шрамами лицом опустился рядом с ним на колени, серьезно посмотрел на него.

— Судя по твоему виду, ты действительно видел духа. Ты белее нового снега, — он нахмурил шрамы, заменявшие ему брови. Затем протянул руку к обезьяне. — Обезьянка сдохла.

Набор покачал головой.

– Не может быть. Эта штука не проникла за стекло. Оно не коснулось нас. С ним все в порядке.

– Он обосрал тебе жилет, когда кончался. Ты что, не заметил?

– С ним все в порядке! — возмущенно повторил Набор.

Коля схватил обезьянку и потянул к себе.

– Да ты посмотри на него! Он же окоченел. Приди в себя, проклятье!

Глаза Габотта были покрыты изморозью. Набор всхлипнул, не в силах сдержать слез. Семь лет сопровождала его обезьянка во время путешествий по небесам Нангога. Габотт делил с ним долгие часы одиночества в стеклянной лоцманской кабинке под корпусом корабля. Как же он мог умереть? Может быть, от страха у малыша разорвалось сердце?

И тут Набор вспомнил о тени когтистой лапы. Она упала на обезьянку. Неужели этого оказалось довольно, чтобы отнять жизнь Габотта? А если бы обезьянка не сидела у него на груди, тень коснулась бы его сердца, и что — тогда он лежал бы бездыханный в кабинке лоцмана?

– Буря стихает, — негромко произнес Коля.

И это было правдой. Жуткое завывание ветра в такелаже смолкло.

– Духи уходят, — Набор забрал у друснийца обезьянку и прижал ее к груди. —Сегодня они ушли. Но они вернутся. Мы залетели слишком далеко на север. Эти небеса не созданы для людей. Нужно поворачивать.

Коля вздохнул.

– Барнаба и слушать не станет.

Вану

Барнаба стоял, скрестив руки на груди. Несмотря на длинную шубу, в которую он все время кутался, небесный холод пробирал его до костей. Поднебесный корабль превратился в летучий ледяной дворец. Хрупким инеем были затянуты палуба и релинг, канаты и даже сами щупальца собирателя облаков, обнимавшие корабль. С такелажа свисали сотни сосулек. Стоило ветру посвежеть, как прогулка по палубе внутрь корабля превращалась в рискованное мероприятие. В любой момент могли отвалиться сосульки и, рухнув вертикально вниз, пронзить небесного корабельщика, словно копье.

Поначалу они еще боролись с сосульками. Барнаба гонял команду по такелажу, заставляя сбивать их. Но после того, как трое разбились насмерть, он тоже сдался. Однако по его распоряжению теперь всякого, кому нужно было пересечь палубу, сопровождал щитоносец. Его щитоносцем был мрачный друсниец Коля. Казалось, ему холод нипочем. Он любил рассказывать о зимах у себя на родине и о том, что там в одну ночь может выпасть столько снега, что нельзя будет открыть дверь дома, и придется лезть через дымоход в крыше, чтобы выбраться наружу. Барнаба не был уверен в том, правда ли это. Священнослужитель чувствовал, что однорукий воин что-то скрывает от него. Но Барнаба верил в защиту Зеленых духов, богини и собирателя облаков, который принес их так далеко на север, несмотря на то что сам не любил холод и ледяные ветра.

Священнослужитель смотрел на горизонт. Скоро снова опустятся сумерки. Дни здесь, на севере, были слишком коротки. Где-то к северу отсюда находилась пропасть, где он найдет лед мечты. Он изменит весь мир. Нельзя сейчас сдаваться. Это путешествие нужно проделать лишь один-единственный раз! Собрать пару сотен кристаллов, и с их помощью можно будет превратить Нангог в настоящий рай. Люди и создания великанши смогут жить бок о бок, в мире и согласии. А девантары и их приспешники, бессмертные, будут навеки изгнаны отсюда.

Он с тоской вспомнил об Икушке. Он обрел свой рай и принял случившееся с ним счастье за обыкновенный сон. На глазах выступили жгучие слезы при мысли о прекрасной ксане и о том, как ее убили ищейки бессмертного Аарона. За то, чтобы увидеть, как он

падет, Барнаба готов был заплатить любую цену.

Слезы замерзали в бороде, а от дыхания густые волосы покрывались белыми кристалликами льда. Вот только не время сейчас плакать над старыми ранами! Нужно двигаться дальше. А для этого ему нужен лоцман, стоящий там, впереди, и оглядывающий заснеженную землю под ними. Барнаба относился к старику с недоверием. Набор отказывался спускаться в стеклянную кабинку под корпусом корабля, и все из-за мертвой обезьянки, замерзшей на руках у хозяина. Не думал он, что лоцман окажется таким суеверным! Хоть Набор был довольно своевольным, однако прежде вел себя довольно разумно. Позволил уговорить себя и взялся управлять чужим поднебесным кораблем, и хоть и ворчал, но все же доставил их на крайний север в целости и сохранности. Набор знал об уникальности этого путешествия и, конечно же, тоже втайне мечтал прославиться после завершения предприятия.

Барнаба встал рядом с лоцманом, неподвижно застывшим на носу со скрещенными на груди руками. Стоящий рядом Коля заслонил его тяжелым, окованным броней щитом от сосулек, падавших с такелажа. Священнослужитель молча глядел за релинг. Под ними по небу бежали маленькие облачка, похожие на барашков, а ниже простиралась усыпанная снегом равнина. Далеко на востоке показалось серое море. Солнце еще висело на пядь выше горизонта. Слишком быстро, и вскоре снова начнется одна из бесконечных северных ночей.

— Когда мы прибудем в Вану?

— Вскоре после наступления ночи.

Набор не смотрел на него, неотрывно глядя вдаль. С тех пор, как сдохла его обезьяна, он, судя по всему, растерял все свое мужество. Он трижды требовал, чтобы Барнаба отдал приказ повернуть, просто-напросто отказываясь понимать, что они прошли уже слишком много, чтобы вот так взять и сдаться.

— Как ты можешь быть так уверен, глядя на этот монотонный пейзаж? — удивился Коля.

— Монотонный? — Вот теперь Набор все же обернулся. — Узор невысоких холмов говорит мне о том, где я нахожусь. *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* помогает мне сориентироваться, но что уж не спутаешь ни с чем, так это то, что

виднеется там, на горизонте, похожее на полосу тумана. Это *Куни Уну*. Это название из языка цапотцев. Насколько мне известно, оно означает «теплая вода». Куни Уну питается теплыми источниками, и именно по этой причине здесь существует город Вану.

Коля кивнул.

— Понимаю, теплая река облегчает жизнь в ледяной пустыне. Поэтому они и выбрали это место, чтобы построить здесь город.

— Нет, ты не понимаешь, друг мой. Все не так просто. В том числе здесь. Цапотцы — народец странный. И у них довольно своеобразное чувство юмора. Вы поймете.

Набор потянулся к плечу. Под левым глазом дрогнул мускул, когда он осознал, что делает. Там уже не было обезьянки, которую можно было бы погладить.

Барнаба тревожился за старика. Он прекрасно осознавал, что без него и его влияния на *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* ему никогда не достигнуть цели путешествия. Нужно принимать его таким, каков он есть, и поддерживать в нужном расположении духа.

— Тебе уже доводилось бывать здесь, лоцман?

Набор покачал головой. Недоверчиво поглядел наверх. Сосульки над головой негромко зазвенели. Набор не старался защититься с помощью щита, словно бы бросая вызов судьбе.

— Ветер? — Голос Коли звучал как-то затравленно. Барнаба чувствовал себя примерно так же. Когда ветер налетал на такелаж, могли упасть сотни сосулек.

— Это *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта.* Он съеживается. Становится меньше от холода. Сбруя для полета сидит непрочно, — старик снова задумчиво потянулся к плечу. — При других обстоятельствах я приказал бы натянуть канаты, но судя по всему, лучше этого не делать. Может быть, удастся что-то сделать в Вану. Нужно будет переделать корабль, прежде чем возвращаться, — произнося последние слова, он вызывающе поглядел на Барнабу.

— Видно будет, куда мы поедем дальше, — спокойно ответил священнослужитель. — Ты не расскажешь нам еще об этом городе?

— Как прибудем в Вану, увидите, каков он, — саркастично

заявил Набор.

— Я тебе не нравлюсь? — напрямик поинтересовался Барнаба.

— Идти дальше на север — ошибка. Ты сказал мне, что там, куда ты собираешься, замерзли мечты Нангог. Звучит похоже на сказку... Но если все так и есть, то в таком холоде не выжить ни человеку, ни зверю. Твое тщеславие погубит всех на борту.

Барнаба опустил руку на покрытый ледяным наростом релинг. Почувствовал корни корабельного древа, проросшего сквозь доски. За последние дни дерево растеряло все листья. Оно готовилось к зиме, настигшей его посреди лета. И посредством дерева Барнаба чувствовал *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта в рассветных весенних лучах над Зеленым морем.* Священнослужитель невольно улыбнулся. Даже это было сокращенной формой истинного имени собирателя облаков. Он знал его. Видел в нем сны, был исцелен им. Он знал, что *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* принесет его к цели, хотя Набор и не может себе этого представить. Даже сейчас, касаясь корней в релинге, он чувствовал молчаливое согласие огромного существа. *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* осознавал необходимость найти лед мечты любой ценой.

Барнаба почувствовал, как опускается собиратель облаков. Вскоре они уже скользили среди немногих облаков. Ледяная пустыня простиралась всего в двух тысячах футов под ними. Ночь быстро расправляла широкие крылья над горизонтом. На фоне закатной зари священник разглядел две якорные башни. Это мало, даже для маленького городка.

Над Куни Уну лениво скользили полосы тумана. Барнаба почти не видел под ними темной воды. Зато обнаружил тонкую грязную линию, тянувшуюся по дуге от якорных башен к реке, а затем ведущую по другому берегу дальше на восток.

– Дорога? — негромко удивился он.

– Она ведет к вратам между мирами, — только и сказал Набор.

– Я думал, что все дороги ведут через те ворота, что в Золотом городе, — вмешался Коля, по-прежнему державший над ним тяжелый щит.

– Почти все, — Набор снова потянулся было к плечу, но на этот

раз осознал движение быстрее и смущенно потянул себя за нос большим и указательным пальцами, словно это и было целью его беспокойной руки. — Некоторые города находятся слишком далеко от караванных троп, проходимых морских путей и оживленных поднебесных — для собирателей облаков. В этих местах боги поставили врата. Вану — одно из таких мест. Обычно сюда не прилетают собиратели облаков, поэтому якорных башен лишь две. И, несмотря ни на что, этот город очень важен для цапотцев. Все горные племена должны предоставлять рабочих, которых привозят сюда, чтобы собирать белое золото.

– Белое золото? — Коля вдруг проявил неподдельный интерес,

– Не думаю, что ты захочешь марать им руки, — хитро улыбаясь, ответил лоцман и снова умолк.

Полет продлился еще около часа, и солнце уже скрылось за горизонтом, когда они наконец причалили у южной якорной башни. Их приветствовал низкий звук больших витых раковин. На перекладинах башни зажглись дюжины факелов, а на верхней площадке лестницы, вившейся по широкой спирали по внешней стене якорной башни, их встречал седоволосый воин в ослепительно-красном плаще из перьев.

Барнаба первым сошел с корабля по широким сходням и только тут заметил, в каком ужасном состоянии находятся щупальца собирателя облаков. Отчетливо видны были обморожения. Щупальца медленно обвивались вокруг толстых перекладин, торчавших из стен. Было очевидно, что *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* испытывает боль.

– Здесь, на севере, у нас редко бывают гости, — приветствовал его Алый плащ на поразительно хорошем лувийском наречии. Широким жестом он пригласил Барнабу и команду спускаться по лестнице.

– Ты знаешь, кто мы? — Барнаба чувствовал некоторое недоверие. Неужели здесь их уже поджидают ищейки бессмертных? Возможно ли, чтобы слухи о них дошли до столь отдаленных мест?

Цапотец усмехнулся в ответ.

– Ваши бороды. Так могут выглядеть только лувийцы или жители Арама.

Барнаба провел ладонью по заскорузлой ото льда бороде.

– Что ж, пожалуй, так и есть.

– Вы привезли одеяла?

– Нет.

Цапотец на миг остановился.

– Вы приехали не торговать? У нас есть мясо тюленей и шкуры. Ворвань нужна нам самим.

Барнаба тоже остановился и, извиняясь, поднял руки.

– Мы не торговцы.

— Идите дальше, — прошипел цапотец. — Вы выбрали неподходящее время. Нужно скорее спускаться вниз. Укрыться за толстыми стенами, — он бросил встревоженный взгляд на факелы, пламя которых покачивалось на слабом вечернем ветру.

— Надвигается буря?

Алый плащ отмахнулся.

— Не буря. Придут *они.* В это время года через два часа после захода солнца всегда дует северный ветер. И они приходят с ним, духи Севера. Не стоит оставаться на улице, когда являются они. Их прикосновение несет смерть. От них не спасут ни теплые плащи, ни доспехи.

Значит, Набор не выдумывал! Только теперь Барнаба заметил, насколько все напряжены. Факелоносцы, стража и носильщики, стоявшие на поперечных балках башни предавшие указаний. Все они то и дело поглядывали на север. Некоторые украдкой осеняли себя знаком отвращающего рога.

— И их нельзя остановить?

— Они не любят огонь. К сожалению, дров очень мало, поэтому мы вынуждены жить словно крысы, — цапотец шмыгнул носом и сплюнул мимо лестницы куда-то в темноту. — Как будто в Вану и без того недостаточно плохо.

Барнаба не понял, что имеет в виду ожесточившийся старый вояка, но не стал переспрашивать. Все молча и быстро стали спускаться по ступеням. У подножия башни открылась широкая

площадь, покрытая вытоптанным с ледяным настом снегом, из-за которого каждый шаг сопровождало мрачное поскрипывание. Невысокие дома по краям площади казались заброшенными. Ни в одном из окон не горел свет. Брошенные палатки обрушились под тяжестью снега.

Цапотец подвел их к дому, который, судя по всему, когда-то бил дворцом. С выступающей крыши свисали сосульки длиной в человеческий рост. Широкий портал наполовину засыпало снегом. Они обошли массивные стены и оказались у входа в подвал. От ветра дверь защищал небольшой сугроб. Широкие ступени присыпаны песком. В лицо потянуло дымом, от которого у Барнабы заслезились глаза. Дойдя до подножия лестницы, они увидели пылающий огонь. Старый цапотец спокойно пошел прямо к нему и одним прыжком перемахнул через огонь, а затем обернулся.

— Идите сюда! Это единственный вал, который может защитить нас от ужасов ночи. Теперь вы в безопасности.

Барнаба нерешительно приблизился к костру. По ту сторону огня он увидел полуголого мужчину с уродливым, покрытым татуировками лицом, с проткнутым костяной иглой носом. Он обмакнул пучок длинных перьев в бочонок и взмахнул им над пламенем, которое тут же зашипело и заплясало сильнее. При этом он выкрикивал какие-то заклинания на своем языке.

За спиной у Барнабы на ведущей в подвал лестнице столпились остальные его спутники. Недовольное ворчание и негромкие проклятия себе под нос в конце концов заставили его перепрыгнуть через огонь. Его горячее дыхание на миг коснулось его лица, н вот он уже снова стоял на твердом полу, рядом с татуированным мужчиной.

Их проводник в алом плаще знаком попросил его сделать еще несколько шагов вперед, чтобы за ним могли последовать остальные.

– Здесь вы с командой можете переночевать, небесный путешественник. Должно быть, боги очень любят вас! Иначе никак не объяснить, что вы сумели сюда добраться.

И, не дожидаясь ответа, старый воин повел его дальше в подвал, когда-то использовавшийся, судя по всему, в качестве склада. Странный запах прочно укоренился в неровных белых стенах. Судя по всему, помещение было выбито прямо в камне.

В конце концов они оказались в просторной нише, где горела

масляная лампа, а над маленьким язычком пламени поднимался маслянистый дым. На полу были разложены пестрые одеяла, а миска с присыпанной солью рыбой, должно быть, это был их ужин.

Цапотец пригласил сесть. Барнаба опустился на пол, наблюдая, как его люди тоже занимают места в стенных нишах подвала. Цапотцы, нашедшие здесь пристанище, внимания на них не обращали. Завернувшись в пестрые одеяла, они смотрели прямо перед собой или спали. Никто не смотрел на них. Людей здесь было намного больше сотни.

Коля без приглашения бухнулся на пол рядом с Барнабой и потянулся к миске с рыбой. Хозяин бросил на него мрачный взгляд и хотел было что-то сказать, но Барнаба жестом остановил его.

– Прошу, будь к нему снисходителен. Он друсниец.

Старый воин только хмыкнул в ответ.

– Он мой телохранитель. Поклялся не отходить от меня ни на шаг.

Услышав эти слова, Коля поднял голову и вызывающе усмехнулся прямо в лицо цапотцу.

Барнаба взял одно из одеял из колючей шерсти.

– Благодарю за гостеприимство... — Он поглядел на старика.

– Чуллунку Валла, — ответил тот. Теперь он тоже сел. — На твоем языке это означает «воин из льда». Как и большинство здесь, я родом из горных провинций Цапоте, и боюсь, что именно мое имя принесло мне сомнительную честь стать наместником в этом городе вечного льда, — он взял кусочек рыбы и протянул его Барнабе.

Священнослужитель попытался не обращать внимания на желтоватую корочку соли и просто откусил. Когда он пытался прожевать твердую рыбу, ему казалось, что язык вот-вот одеревенеет. Каждая капелька слюны была перенасыщена солью, глоталось с трудом.

Чуллунку протянул ему флягу из тыквы.

– Выпей вот это, — он улыбнулся. — Рыба должна плавать.

Варево было похоже на жидкий огонь. Но привкус соли заглушило. Когда рыба оказалась в животе, Чуллунку одобрительно

кивнул. У Коли, судя по всему, с этим трудностей не возникло. Он как раз взял себе второй кусок и жестом попросил передать ему флягу.

– Твой телохранитель ведет себя так, словно он — большой господин.

– Привилегия воинов. Он хорош.

– Хорош в умении подставляться? Судя по его виду, ему крепко досталось.

– Меньше, чем людям, которые бросали мне вызов, — отрезал друсниец.

Что же это, старый цапотец решил подраться с Колей? Барнаба за всю свою жизнь видел достаточно примеров абсурдной воинской гордости, чтобы заволноваться.

— Тебе наверняка интересно, зачем мы здесь, Чуллунку.

— Верно, — ответил он, не спуская взгляда с Коли.

Барнаба всю дорогу размышлял о том, что ответить на этот вопрос, поскольку не спросить о цели их путешествия не могли. Он колебался между наглой ложью и историей, хотя бы отчасти похожей на правду. Он никогда не мог представить себя в роли священнослужителя богини Нангог. У любого более-менее лояльного слуги бессмертного не было иного выбора, кроме как быть ее врагом. А цапотцы не славились своей щепетильностью. Значит, нужно сказать полуправду...

– Мы ищем сокровище. Нас послал бессмертный Аарон.

– Бессмертный Аарон?

Коля закатил глаза, словно Чуллунку только что задал очень глупый вопрос.

— *Тот самый* Аарон, который атаковал храм моего народа в Золотом городе? Я-то думал, вы торговцы. Надо было бросить вас на улице, на вашем поднебесном корабле, на поживу духам бури.

— Мы отправимся дальше, на север, — произнес Барнаба настолько тихо, что кроме Коли его не услышал никто из его товарищей. — Если верить твоим словам, мы все равно все погибнем. Так что можешь сказать, что не предупреждал нас и послал на

смерть. Возможно, твои священнослужители будут рады услышать это.

— Еще как будут. Но тебе повезло, небесный путешественник, еще выше мы ценим законы гостеприимства. Сегодня вы получите все необходимое. И я хотел бы, чтобы завтра вы уехали как можно раньше.

Барнаба кивнул, взял еще кусок соленой рыбы к принялся молча жевать, глядя на крохотный пляшущий огонек масляной лампы.

– А где вы находите белое золото? — поинтересовался Коля через некоторое время.

Цапотец склонил голову набок, пристально вгляделся в покрытое шрамами лицо воина. — Тебя интересует золото Вану? — На губах старика играла хитрая улыбка. —Хочешь помочь нам добывать его? Судя по виду, ты человек сильный. Хоть у тебя и всего одна рука, помощь твоя была бы неоценима. Мы переносим белое золото по мосту к вратам между мирами, на другой стороне реки. Идти нужно десять миль. Когда дни настолько коротки, как сейчас, это очень опасно. Нужно достичь ворот до наступления ночи. Три луны тому назад мы потеряли целый караван, — он поднес к губам тыквенную флягу и сделал большой глоток. — Не стоит вам ехать дальше, на север, — Чуллунку пристально поглядел на Барнабу. — Предводитель отвечает за жизнь своих людей. Поворачивай назад!

– Как же ты со своими людьми живешь здесь?

– Мы все добровольцы. Наша страна нуждается в нас, — он снова перевел взгляд на Колю. — Из-за белого золота. У тебя широкие плечи, воин. Если захочешь служить мне три луны, получишь мешок белого золота, какой сумеешь унести.

Глаза друснийца расширились.

– Ты поклялся, что пойдешь со мной на север, — напомнил ему Барнаба.

– Когда я вернусь... — начал Коля, когда за его спиной вдруг раздался голос.

– Осторожнее, ты заключаешь дерьмовую сделку! — К ним подошел лоцман, Набор. — Я же говорил тебе, что у цапотцев весьма своеобразное чувство юмора, идиот. Ни знаешь, что означает «валу» на их языке? Птичий помет. Их белое золото — не что иное, как горы

дерьма. Не смотри на меня так, это самая что ни на есть правда!

– Правда, что ли? — вспыхнул Коля.

Чуллунку поднял тыквенную флягу, словно собираясь выпить за его здоровье.

– До последнего слова. И, несмотря на это, вану — наше белое золото. Не проходит и недели, чтобы во время его добычи здесь не погиб рабочий. Мы наполняем пятьсот мешков каждый день. Даже в снежную бурю и даже когда нам угрожают проклятые духи. Мы сражаемся за дерьмо... — Он захихикал так, что Барнаба задумался, в своем ли старик уме.

– Зачем, черт побери, вам нужен птичий помет? — заорал Коля, отнимая у цапотца флягу.

– В качестве удобрения, шрамоликий. Поля в горах, там, откуда я родом, не слишком плодородны. И в джунглях грунт тоже не очень. Если использовать вану, то поле, с которого прежде собирали десять мешков кукурузы, дает четырнадцать. Для нас это величайший дар Нангога. В полудне пути отсюда, в устье реки, находятся скалистые острова, на которых круглый год живут птицы. В теплой воде они находят достаточно пропитания, она же помогает им выжить в самые лютые морозы. Птицы прилетают туда уже не одно тысячелетие. Чайки, а еще забавные существа, которые разучились летать, но зато отлично ныряют. Их помет грудами лежит на скалах. Часть моих рабочих плавает туда на кожаных лодках и собирает его. Ты знал, что от пыли вану можно ослепнуть, если она попадает в глаза слишком часто? А еще на их лодки постоянно нападают клювокрылы. Но они держатся, равно как и мои носильщики. Они страдают здесь, но зато в Цапоте никто не умирает от голода, — он бросил на Колю вызывающий взгляд. — Скажи сам, разве это не лучше золотоносного рудника?

– То есть ты собирался заплатить мне большим мешком дерьма?

– Белого золота, друг мой! — Чуллунку снова захихикал. — Белого золота! Подумай об этом еще раз. Моя оплата гораздо щедрее той, что может предложить тебе бессмертный Аарон. Если ты поедешь дальше на север во имя его, тебя ждет лишь смерть!

В просторном подвале стало тихо. Цапотец произнес свои последние слова настолько громко, что их услышали все.

– Все это сплошные суеверия, — твердым голосом произнес Барнаба. — Там, за стенами, есть смертоносный враг, и мы этого не отрицаем. Холод имя ему! Но от него мы сумеем защититься, — он не осмелился заговорить о Великой богине в присутствии цапотцев. — Когда мы вернемся домой с сокровищами, все вы станете героями. И каждый из вас получит свою долю.

Но на этот раз его слов и энтузиазма оказалось недостаточно, чтобы прогнать страх и сомнения с лиц небесных мореходов. И словно в насмешку над его словами, снаружи послышалось жуткое завывание, когда на город на краю мира без предупреждения налетел северный ветер. Барнаба заметил, что цапотцы поплотнее закутались в одеяла, а ветер продолжал реветь у подножия лестницы и играть с языками пламени в костре у входа. «Я выстою против этих духов, — решительно подумал он. — Нангог защитит меня! Я избран ею! Со мной ничего не может случиться!»

Стрелы в темноте

«На этот раз нужно приземляться», — подумал Нодон, мягко опуская ладонь на шею своего пегаса, Лунного силуэта. Крупный жеребец понял его, но всхрапнул тревожно. Они летели в последних лучах заката над одной из боковых долин длинного горного хребта, в центре которой находился сад Ядэ. Место, избранное Перворожденным для того, чтобы устроить там свой трон. Старейший из драконов, его повелитель, жаждал получить весточку о Нандалее. Нодон знал это, хотя Темный не поручал ему искать эльфийку. Конечно, мятежная молодая эльфийка родом из ледяных пустынь Карандамона была особенной, но разве это определение не справедливо так же и для других драконников? Все они далеко ушли от той жизни, которую вели остальные эльфы. Знали о тайнах миров, знали о тьме, скрывающейся за блестящим правлением небесных змеев. Знали обо всех тех опасностях, которые лишали какой бы то ни было надежды на будущее. Лунный силуэт заложил вираж, и теперь камнем падал в небольшую долину, выбранную Нандалее в качестве убежища. Перья его широких крыльев почти коснулись мрачных скал. Свет закатного солнца не дотягивался до дна долины. В сумерках кроны деревьев были похожи на тени. Нодон чувствовал тревогу своего жеребца. Это нехорошее место для полета. Пегас расправил крылья, замедлил темп, но подходящего места для посадки не было. Чтобы остановиться, ему понадобится по меньшей мере двадцать шагов.

Со дна долины послышалось вызывающее ржание. Должно быть, это Зореокий, крупный черный пегас, на котором ездила Нандалее. Судя по всему, он счел Лунного силуэта своим соперником.

Жеребец тревожно фыркнул. Долина продолжала сужаться. Лунный силуэт мощно взмахнул крыльями, пытаясь снова набрать высоту, когда из крон деревьев вдруг вылетела стрела и задела щеку Нодона. Эльф откинулся назад, перекатился через круп своего жеребца и упал прямо на кроны деревьев. Падение длилось не дольше двух ударов сердца, когда он, вытянув руки, оказался среди тонких ветвей деревьев. Ломающиеся ветви замедлили падение. Нодон сумел ухватиться за ветвь потолще. Рывок, от которого руки едва не вывернулись из суставов, и падение остановилось. Часть силы он сумел перенаправить в раскачивание. Качнулся назад, выпрямился и

закинул ногу на ветку. Останавливаться было нельзя. В любой момент в него могла угодить вторая стрела. Если он не будет двигаться, вероятность этого повышается в несколько раз. Руки горели, мышцы болели. Стиснув зубы, он пригнулся и побежал к стволу дерева по раскачивающейся ветви. Там спустился пониже. Перепрыгивая с ветки на ветку, он последним мягким прыжком приземлился на мягкий лесной грунт и обнажил меч. Кто стрелял в него? Уж точно не Нандалее. Она бы не промахнулась!

Спрятавшись за деревом, Нодон вглядывался в сумерки. На землю продолжали сыпаться ветки и листья. Он находился в паре шагов от того места, где упал в кроны деревьев. Чуть впереди колыхались листья королевских папоротников, покрывавших поляну в тех местах, куда могли попасть солнечные лучи.

Все стихло. Нодон вонзил лезвие своего меча в мягкий лесной грунт, чтобы ни один луч не заставил сверкнуть эльфийскую сталь. Только что ему повезло. Нельзя рассчитывать на то, что вторая стрела тоже пролетит мимо.

Эльф открыл Незримое око, надеясь заметить ауру противника. Кто же это пробрался сюда тайком, оказался так близко от пирамиды Темного? И чье присутствие терпит Нандалее, столько недель избегавшая других обитателей оазиса?

В ветвях Нодон заметил ауры маленьких пичуг. Примерно в тридцати шагах меж деревьев двигалось что-то большое. Фигуру окружало золотое сияние. Должно быть, это пегас Нандалее.

Осторожно, стараясь не издавать ни единого лишнего звука, Нодон обернулся. Кто бы ни охотился на него, он наверняка не будет стоять рядом с пегасом. Нет, нападающий воспользуется жеребцом, чтобы отвлечь его, а сам подкрадется с другой стороны.

Эльф прошептал слово силы. Он был одет во все черное. Сплетенное им заклинание позволит ему слиться с лесными тенями. Он был практически невидим, исключение составлял лишь охотник, способный открыть Незримое око, чтобы догнать жертву. Исказить или полностью спрятать ауру, светящуюся паутинку из тончайших силовых линий, окружавшую все живое, было невообразимо труднее, нежели слиться с тенями леса. Плетение подобных заклинаний находилось за пределами его чародейских способностей.

Нодон бесшумно вложил свой меч в смазанные кожаные ножны.

И бесшумно скользнул к ближайшему дереву. Он отходил дальше и дальше от Зореокого. Крупный жеребец тревожно бил копытами. Нельзя приближаться к нему. Как бы он ни прятался, Зореокий почует его и забеспокоится. Это выдаст его. Нодон отошел еще дальше, когда осознал, что в этой смертоносной игре он может использовать жеребца и с пользой для себя.

Подняв веточку, он швырнул ее в сторону пегаса. Это был старейший трюк в мире, но его продолжали использовать, поскольку по большей части он срабатывал. Ветка упала в кусты. В тот же миг Нодон вскочил, намереваясь сменить укрытие.

Что-то тяжелое ударило его в грудь, словно копыто коня. Он больно ударился спиной о дерево, которое еще только что служило ему в качестве укрытия. Стрела попала ему на пядь ниже ключицы. Темная кровь побежала по древку, пачкая оперение. Боли Нодон не чувствовал, пока еще тело находилось в состоянии шока. Стрела пригвоздила его к дереву! Нужно сломать ее, освободиться...

— Только подними руку, и тебе конец, — прошипел голос из темноты. Он был полон ненависти, и Нодон не сомневался в том, что следующая стрела оборвет его жизнь, поэтому застыл неподвижно. Кто же это? Голос звучал глухо и неприятно, но что-то знакомое в нем все же было.

— Нандалее?

Перед ним на фоне деревьев показался силуэт. Эльф двигался, слегка пригибаясь. Нодон отчетливо видел лук. На тетиве уже лежала новая стрела.

— Нандалее больше нет. Она мертва.

Голос был совсем не похож на голос его спутницы, с которой они ходили в Нангог. В нем слышалась надломленность. Так звучит голос, целый день отдававший приказы на поле битвы.

Вот теперь пришла боль, словно жидким огнем захлестнув его тело. Эльф изо всех сил пытался не застонать. Слабость Нандалее презирала. Что с ней произошло, раз она видит в нем врага?

— Я хочу помочь тебе, — прохрипел он, превозмогая боль.

Она подняла лук, натянула тетиву и выстрелила. Нодон поднял руку. Не будь он пригвожден к дереву, возможно, удалось бы увернуться от стрелы. Будь он готов, он сплел бы заклинание,

позволявшее ему уклоняться от стрел. Но все происходило слишком быстро. Слишком неожиданно. Надежда была лишь на то, что стрела пройдет через вытянутую руку и даст ему время до следующего выстрела.

Ослепительный свет, словно от удара молнии, прорезал тьму. Попасть в Нодона никто не попал, но он ослеп. Видеть он ничего не видел, но каждой клеточкой своего тела чувствовал присутствие одного из великих драконов. Его окружал столь поразительный аромат, что отступила даже боль. Ее просто не стало.

Свет исчез мгновенно. Теперь стало еще темнее, чем прежде.

— Довольно, Нандалее! — произнес из темноты голос того, кому Нодон посвятил свою жизнь.

Послышался звук, похожий на тот, какой издает стрела, угодившая в камень. Резкий скрежет металла, сопровождаемый треском ломающегося дерева. Нодон ухватился за древко пронзившей его стрелы и сломал его. Почувствовал, как оно выскользнуло из его тела, когда он наклонился вперед. Из раны хлынула кровь, закружилась голова. Зажав рану рукой, он пошатнулся и рухнул на колени.

Когда же эльф снова поднял голову, перед ним стоял Темный. Он принял облик эльфа и выглядел как меланхоличный юноша с черными волосами. И только взгляд его глаз был суров и неумолим. Нодон прочел в них недовольство и отшатнулся от своего повелителя, отчетливо чувствуя едва сдерживаемый гнев дракона. Он был вокруг него — в воздухе, во всем, что существовало этой долине. Он был жарким и опаляющим. Нодон осознал, что допустил ошибку, поскольку гнев его был направлен не на Нандалее, безвольно висевшую на плече Темного.

Вот теперь Нодон по-настоящему разглядел охотницу. Она была без сознания, но выглядела тем не менее просто ужасно: тело ее — не считая живота, было полностью истощено, волосы растрепаны и грязны. От нее воняло, судя по всему, она не мылась несколько недель. Левый глаз заплыл, щека под ним была темно-красной. Нодон отчетливо видел пальцы, отпечатавшиеся на щеке. Должно быть, Темный отвесил ей пощечину. Что случилось с Нандалее? Неужели она сошла с ума? Конечно же, он знал, что она понесла утрату. Но разве это повод так запускать себя?

— Нельзя было вам приходить сюда, мастер меча. Я этого не хотел. Еще чуть-чуть, и она убила бы вас.

Упрек Темного оказался для Нодона более болезненным, чем рана. Он-то был уверен, что действует от имени Перворожденного. Как же он мог так ошибиться, после того как прослужил ему не один век?

— Возьмите меня за руку, мастер меча! — Дракон протянул ему правую руку. Казалось, вокруг его пальцев сомкнулся камень, когда Темный взял его и помог подняться. Древний дракон произнес слово силы, и открыл одну из магических троп, лежавших в стороне от Золотой сети, какие могли создавать лишь небесные змеи. Один-единственный шаг — и вот они уже стоят в затопленном гроте, расположенном глубоко под ступенчатой пирамидой в жадеитовом саду Ядэ, где уединенно жил в окружении газал Перворожденный.

Резко махнув рукой, повелитель драконов отпустил его. Однако Нодон едва держался на ногах. Наконец, две газалы, служившие правителю в качестве оракулов, сжалились над ним, подхватили его под руки и вынесли прочь из душного и теплого грота.

Зверь

Нандалее проснулась в комнате, которую никогда прежде не видела. Она была одна. Темный не сказал ей ни слова, когда ударил по щеке и отключил. Но комната была весьма красноречивой. На шее у нее было тяжелое железное кольцо, соединенное с еще одним кольцом в стене длинной цепью. Тяжелая дубовая дверь с маленьким зарешеченным окном была единственным входом в ее темницу.

У одной из стен комнаты на полу лежала солома, а в двух неглубоких мисках она увидела воду и сырое мясо, по которому ползали мухи. На другой стороне находилась застеленная белой простыней кровать. Рядом стояли стол и стул. В кувшине, стоявшем рядом с простым бокалом, судя по всему, была вода. В не глубокой миске лежали яблоки и виноград. Тарелка манила ароматным свежим хлебом и сыром. Значит, она может выбирать, жить как зверь или вернуться к цивилизации.

Нандалее заползла в угол с соломой. Не станет она подчиняться. Ей не хотелось больше иметь ничего общего с небесными змеями. Воспользоваться постелью и отведать вкусных блюд означало снова стать драконницей. Раз так, лучше она будет зверем! Она закрыла глаза и свернулась калачиком на ложе из соломы. Нандалее чувствовала, что за ней наблюдают. Темный? Может быть, в стенах есть отверстия для подглядывания? Не важно. Ей было все равно.

Роскошный аромат хлеба дразнил ноздри. Эльфийка была голодна. Давно она не ела приготовленной еды. Когда она уединилась в своей маленькой долине, поначалу ей мешала готовить нормальную еду обыкновенная усталость. Не столько телесная, сколько душевная. Она ничего не могла заставить себя сделать. Все казалось слишком тяжелым. Поэтому она питалась корешками и ягодами.

Нандалее не мылась, не стирала одежду, по большей части она просто сидела и смотрела прямо перед собой. Все мысли ее были о Гонвалоне. Он принес себя в жертву ради нее. Должно быть, он догадывался, что небесные змеи предали их и что, отправляя их с миссией в Зелинунт, они знали, что эльфам не вернуться. Ни Темный, ни Золотой не хотели, чтобы они вернулись живыми. Им обоим было предначертано погибнуть в драконьем пламени.

Если бы она была рядом! Только об этом и думала Нандалее

каждый час с того самого дня, который миновал с тех пор. Без Гонвалона жизнь ее стала пустой и бесцельной. Никогда больше ее не будут так любить! И чем она отплатила за его преданность? Как часто мучила его своими капризами, а он ради нее готов был на любую жертву. Он восстал против своего повелителя, против Золотого. Его лишили звания драконника, отняли татуировку, которая связывала его с наставником. Гонвалона прогнали, потому что он отказался убивать ее. И как она отплатила ему...

Нандалее боролась со своими чувствами, горло сдавило так, что она едва дышала. Давно она перестала плакать, все слезы были давно пролиты. Но боль не отступала. Потеря Гонвалона оставила в ее сердце такую рану, которая не заживет никогда.

Эльфийка снова открыла глаза и посмотрела на стены, чувствуя, что он здесь. Она знала о его страсти, чувствовала его силу. Конечно же, ему не нужны дырки между уложенными в стену камнями. При желании он мог видеть сквозь стены. Он чувствовал, каково ей, в этом Нандалее была совершенно уверена. Они были слишком близки друг к другу, когда он наносил татуировку ей на спину. То была настоящая оргия, сплетение боли и страсти. Никогда прежде ей не доводилось переживать ничего подобного. Гонвалон был слишком умен, чтобы спрашивать о тех ночах, а Нандалее не знала, сколько их вообще было. Внизу, в гроте под пирамидой, не было ни дня, ни ночи — лишь влажная жара да свет факелов, и еще его сила, которой было пронизано все там, внизу.

Рука потянулась к железному ошейнику. Неужели он думает, что ее так легко удержать? Нандалее закрыла глаза и просунула под кольцо оба больших пальца. Оно было не тугим и не царапало кожу. Произнеся слово силы, она решила разбить его. Представила себе, как ржавчина пожирает толстый кусок железа, пока оно не станет настолько хрупким, что его можно будет разорвать одним рывком. Эльфийка вложила в заклинание всю свою силу. Почувствовала, как нагревается под руками металл, а затем ошейник съежился. Нандалее испуганно убрала руки. Они покраснели от образовавшейся ржавчины, но она не въелась глубоко в металл, а разошлась только по поверхности.

Должно быть, Темный наложил на железные кольца заклинания, которые заставляли их становиться меньше всякий раз, как она пыталась освободиться.

В те часы в его гроте он затронул звериную струну ее натуры. Ни единого мгновения не думала тогда Нандалее о Гонвалоне, отдаваясь Темному. Раскаяние пришло лишь позже.

Внутренности свело судорогой. Ощущение было такое, словно внутри что-то царапает. Голод! Слишком часто не обращала она внимания на свои животные инстинкты. Перевела взгляд на миску с сырым мясом, затем снова подняла голову и улыбнулась. Пусть посмотрит, что он с ней сделал. Пусть страдает вместе с ней.

Отогнав мух от мяса, она взяла в руки один из кусков и стала есть, не отводя взгляда от противоположной стены. Нет... Это нельзя было назвать «есть». Она жадно впивалась зубами в кровоточащее мясо, глотала его, почти не прожевывая.

Боль внутри отпустила.

— Смотри, во что ты меня превратил, — прошептала она. Он умеет читать по губам. Громко говорить не нужно — Я всегда была бы твоей слугой, если бы ты не отнял у меня Гонвалона. А то, что осталось от меня без него, ты иметь не захочешь.

Третий

Нодон осторожно отодвинул в сторону маленькую заслонку на зарешеченном окошечке в двери. Он не должен был находиться здесь. Кроме нескольких газал и Темного доступа в темницу Нандалее не имел никто. Должно быть, охотница заметила его, посмотрела на дверь наполненными ненавистью глазами. Затем взяла кусок сырого мяса и принялась жрать, словно зверь. Так она поступала всякий раз, как он приходил сюда. Что с ней такое? Что разрушило ее рассудок? Неужели она слишком сильно любила?

Темный посадил ее на цепь, как зверя, но она могла воспользоваться постелью, миской для умывания... Может быть, так она наказывает Перворожденного? И сколько же продлится эта сумасшедшая дуэль?

Мастеру меча было невыносимо видеть Нандалее в таком виде. Открыв Незримое око и поглядев на магический мир, он увидел то, что не видно было обычным зрением. Аура Нандалее пылала красным. Ею правил неконтролируемый гнев. Пронизывал он и маленькие ауры. В ее теле росли тройняшки! Тройняшки!

Они невинны. Их аура должна была быть золотистой, но гнев матери уже перекинулся на них. Вместо золота они отливали темно-медяным цветом. Ауры детей были необычайно сильны. Они уже сейчас обладали силой, а однажды станут великими чародеями. Но было еще что-то, что он не мог разобрать. Было в них что-то неправильное, и Нодон не мог понять, что именно. Что ж, в жизни своей ему доводилось видеть совсем немного беременностей, но ему казалось, что именно в этой нарушена гармония. Словно бы дети боролись против своей матери. И словно бы знали об этом... Но ведь они еще не могут обладать рассудком... Или могут?

Может быть, они чувствуют, что гнев Нандалее лишает их невинности? Или они неким загадочным образом являются частью этого гнева? Когда-то он слышал, как шаманка народа кобольдов болтала о беременности. Некоторые женщины не созданы для того, чтобы вынашивать детей. Может быть, Нандалее из таких?

Нодон перевел взгляд на Фирац, слепую газалу, которой сегодня пришлось стоять на страже у двери темницы Нандалее.

– Ты видела ее?

Видящая перевела на него взгляд слепых глаз. Она сидела на корточках у внешней стены темницы и наслаждалась солнечными лучами. Над головой ее вились спиралями длинные рога, уходя далеко за спину. Верхняя часть тела и лицо были похожи на эльфийские, а ноги — от газели. Стоило ей встать**,** и оказалось, что она выше его. Взгляд слепых глаз был неприятен Нодону. Как он мог спросить ее, видела ли она Нандалее?

– Я хотел сказать...

– Не извиняйся. Наоборот, я рада, что ты на миг забыл, что я — всего лишь слепая калека. Я смотрела на нее Незримым оком**.** Гнев разрушит и ее, и детей.

– Но... — Безучастность, звучавшая в голосе Фирац, потрясла Нодона. — Тебе все равно? Ты говорила ей об этом? Темный знает?

– Я видящая, Нодон. Я привыкла называть вещи своими именами. Одного этого довольно**,** чтобы нажить много врагов. Я никогда не вмешиваюсь. Перворожденный сам видел, что там творится. Я не могу сказать тебе, почему он ничего не предпринимает. Кажется, это что-то вроде поединка между ними. Я никогда не видела его настолько взволнованным и несдержанным, как с этой эльфийкой. Она не на пользу ему. Будет лучше, если она и ее дети умрут.

Нодон лишился дара речи. К такой откровенности он не был готов.

Фирац улыбнулась. Должно быть, увидела его ауру и поняла, какое впечатление произвели на него ее слова.

— Извини, я давно утратила чувство настоящего времени. Такова цена умения видеть будущее. Нандалее опасна, Нодон. Ты только посмотри на ее ауру! Это же сущее пламя. Любой, кто подойдет слишком близко, сгорит. Она восстает против всяческого порядка! Если она выживет, то рухнет известный и привычный нам миропорядок. Темный запретил мне говорить с другими о вариантах будущего, которое я вижу. Но поверь мне, наш мир обратится в пепел, если Нандалее будет жить. Она разрушит владычество небесных змеев, в Альвенмарк придут люди, поднимут знамя с изображением мертвого дерева, которому будут поклоняться, словно богу.

– Люди придут в Альвенмарк? — Этого Нодон не мог себе представить. Эти несовершенные, слабые существа. — Как же они сумеют победить детей альвов?

– Сначала мы сами должны победить себя. Они придут, когда уже не будет никаких небесных змеев, чтобы защитить Альвенмарк. И никаких драконников.

«Она видела слишком много вариантов будущего, — раздраженно подумал Нодон. — Фирац сошла с ума!» Он отвернулся и снова поглядел в маленькое зарешеченное окно. Нандалее корчилась, словно от боли. На соломе была кровь. Альвы всемогущие! Он ухватился за засов. Даже если это будет стоить ему головы, он не будет просто стоять и смотреть.

– Позови Темного! Ей плохо! Скорее!

– Он узнает, — спокойно ответила газ ал а. — Она драконница. Он все про вас знает. Даже то, что ты сейчас нарушаешь его приказ.

Нодон отодвинул засов. Ему было наплевать на приказы. Он был с Нандалее в Нангоге, сражался с золотоглавой змеей, с людьми-ягуарами и наездниками орлов. Рядом с ней он пережил ужасное землетрясение, превратившее Золотой город в огромное поле, усеянное обломками. Не будет он стоять сейчас, в трех шагах от нее, и смотреть, как она истекает кровью.

– А если она рассчитывает на твое сочувствие, Нодон? Что, если это просто уловка, чтобы освободиться?

Он распахнул дверь.

Нандалее прижимала обе руки к низу живота, корчась от боли. Нодон знал, как помочь раненому на поле боя. Но это... И вдруг свет, падавший в дверной проем, ослаб. Всего на миг, а затем на колени рядом с ней опустился Темный. Убрал в сторону ее руки. Воздух в камере завибрировал, когда он выкрикнул слово силы.

– Ты ничего им не сделаешь! — закричала Нандалее. — Не прикасайся к ним! — Она ударила его по лицу, но он не обратил на это внимания.

– Держи ее за руки, — спокойно приказал он Нодону.

Драконник помедлил, но все же подошел к обоим.

– Я здесь для того, чтобы помочь ей! Если она будет сопротивляться, ей будет только хуже. И детям...

Нандалее снова ударила Темного по лицу.

Краем глаза Нодон заметил, что с ней не так. В ужасе схватил ее за руки и изо всех сил рванул на себя.

– Не помогай ему! — в отчаянии вскричала Нандалее. — Не верь своим глазам! Он обманывает тебя! Не верь тому, что он заставляет видеть тебя!

Темный разорвал ее потрепанное платье, сунул руку между ног.

В отчаянии Нандалее выгнулась дугой.

– Он пытается добраться до детей! Он хочет уничтожить все, что еще осталось от Гонвалона.

Она ошибается, иначе и быть не может! Если верно то, что она говорит, Темный просто зол. Его повелитель посылал Нодона в такие миссии, подоплеки которых эльф не понимал. Нодон убивал во имя его, мужчин и женщин, на первых взгляд казавшихся довольно-таки честными. Было что-то великое... что-то, что видеть могли лишь небесные змеи, поскольку их понимание происходящего намного превосходит понимание обычных детей альвов. И эта вера позволяла Нодону выполнять приказы. Если отказаться от нее, настанет конец всему.

– Сделай так, чтобы она вела себя тихо, — теперь в голосе Темного звучала тревога.

Под кожей живота Нандалее было что-то, что непременно хотело выбраться на волю. Он увидел, что кожа заходила волнами, и отбросил сомнения. Его тонкие пальцы коснулись ее затылка, а она тем временем отчаянно пыталась сбежать от них обоих. Он надавил на точку, и все мышцы в ее теле расслабились. Нандалее испуганно вскрикнула, а затем обмякла, но не отводила глаз от своего живота.

Темный обнажил его. Его узкая белая рука гладила светлую кожу эльфийки.

На глаза у Нандалее выступили слезы. Голоса ее лишили, ни язык, ни губы не повиновались ей. Но глаза были красноречивее тысяч слов. Они умоляли не делать этого.

Рука раздвинула плоть. Крови не было. Поначалу.

Нодон схватил ртом воздух, когда Темный вынул из раны крохотную оторванную детскую ручку. Мастер меча поспешно закрыл ладонью глаза Нандалее, чтобы она не видела происходящего.

Темный снова опустил руку в рану. На этот раз он вынул что-то большое и окровавленное. Теперь содрогнулся и отвел взгляд в сторону сам Нодон. У этого нечто были когти и чешуйчатый хвост. Янтарные глаза с вертикальными зрачками открылись, как только его насильно вырвали из материнского чрева. Оно зашипело. Хвост обвился вокруг предплечья Темного, мелкие острые зубки попытались ухватить дракона за пальцы.

Не умеющий лгать

Проснувшись, она увидела со всех сторон золотистый свет. Перед глазами плавало размытое узкое лицо. Кто-то держал ее за руку. Гонвалон?

— Ты вернулся... — У нее почти не было сил говорить. Он не ответил, но как же приятно было чувствовать его теплую руку, снова соскальзывая в глубокий сон без сновидений.

Открыв глаза снова, она увидела рядом Нодона. Выглядел он устало. Под глазами—черные круги. Судя по всему, улыбка далась ему нелегко.

— Голодна?

Во рту чувствовался какой-то желчный привкус. Эльфийка удивленно огляделась по сторонам. Голых каменных стен и ненавистной камеры больше нет. Стены комнаты побелены, из большого окна открывается вид на небо и острые пики гор. Она лежала в постели, на шелковых простынях, пахнущих ванилью. Исчезла и цепь, которой Темный приковал ее, словно дикую собаку.

Заморгала. В глазах Нодона читался страх. Что напугало его? Почему он здесь?

Воспоминания вернулись, одновременно словно бы нанося удар в самое сердце. В ужасе она села, отбросила в сторону одеяло, ощупала живот. Он все еще был большим, но она перестала чувствовать что бы то ни было.

— Они живы, — негромко произнес мастер меча.

Она вспомнила крохотную оторванную ручонку в руках у Темного. Снова погладила живот, отчаянно прислушиваясь к себе. Ничего. Ей хотелось закричать, но от ужаса сдавило горло.

— С ними все в порядке! — Нодон произнес эти слова успокаивающим тоном, которым обычно скрывают ложь.

Нандалее откинулась на подушку. Сил не было. Она прекрасно помнила, как Темный разъял ей живот, чтобы разорвать детей. Она видела это! Крохотную ручонку...

– Уйди! — наконец выдавила из себя она. Ей больше не хотелось

видеть Нодона. Самого опытного убийцу Темного, который помог прикончить ее детей.

– Все не так, как ты думаешь, — слабым голосом произнес он.

Она отвернулась от него. Уставилась на белую стену. Хотелось заплакать, но сил не было даже на это.

– У тебя было трое детей, — бесцветным голосом произнес убийца. — Один из них был... другим. Он был крупнее... и убил бы своих брата и сестру. Когда мы нашли тебя в твоей потаенной долине, я еще не видел его ауры. Он вырос очень быстро. Темный говорит, что ты питала его своей ненавистью.

В душе всколыхнулся гнев.

– То есть это я виновата?

– Я не сомневаюсь, что твой темперамент поспособствовал тому, что произошло, — сурово отрезал Нодон. — Я вижу, как сейчас, в этот миг, меняется твоя аура. Как в тебе снова нарастает ярость. Думаешь, это не затрагивает детей? Ты не чувствуешь двух живых детей — возможно, это связано с тем, как он извлек третьего... — Нодон запнулся. — Может быть, еще не все зажило. В некоторые шрамы жизнь возвращается долго. Но присмотрись! Открой свое Незримое око и не говори, что не видишь, как твоя аура перекидывается на них, изменяет их. Не говори, что не понимаешь, что делаешь. Я не могу объяснить тебе, что происходит с твоими детьми. Они особенные. Да, ты потеряла одного. Но еще двое живы! Думай о них и забудь о третьем!

Ей было в корне неприятно получать приказы от Нодона. Он не имел права ничего говорить ей, этот подручный палача! Впрочем, он прав в том, что, если воспользоваться Незримым оком, станет видно, живы ли оставшиеся у нее дети. Она осторожно положила обе руки на живот. Движения не чувствовалось. Ни малейших признаков жизни. Но значит ли это, что они мертвы? Почему она предпочла погрузиться в ожесточенность, вместо того чтобы посмотреть самой?

Нандалее закрыла глаза и открылась магическому миру. Они были там! Эльфийка застонала от облегчения. Но... Слова Нодона оказались правдой. Вместе с уверенностью в том, что оставшиеся двое детей живы, алый гнев схлынул из ее ауры, но в детях продолжал гореть. При виде этого ей стало так же больно, как и от того, что сделал с ней Темный. Почему она была так слепа? Как часто

она рассматривала ауры своих детей... Третьего заметила не сразу. Его аура была слабой и непостоянной. Она все тревожилась по поводу его силы. Он вырос уже в темнице, вскоре стал сильнее брата и сестры. Все это было правдой. Но это не встревожило ее. Напротив, какое было облегчение, когда она поняла, что малыш совсем не слабый. [1]

Нандалее повернулась и посмотрела на Нодона. Его черные обсидиановые глаза казались пустыми. Она знала этот взгляд. Он бывал после трудного боя. Вспомнила, как набросилась на него в гневе. Он не заслужил этого. Он пришел как друг.

— Как он выглядел, тот ребенок, которого он забрал? Это была девочка? Это его ручка...

Нодон смущенно откашлялся.

— Я не видел. Просто держал тебя.

Не умеет он лгать.

— Он был жив?

— Я же сказал, что не видел!

— Но, может быть, слышал? — не отставала Нандалее. — Слышал?

Мастер меча кивнул.

— Да. Он... он плакал.

Ей снова показалось, что он ей лжет.

— Значит, он был жив. А что с ним стало?

— Он унес его. Я не знаю, что он сделал с твоим... ребенком.

Что ему так сложно сказать? Что за тайну скрывает он от нее?

— Значит, сейчас он где-то спрятан и жив.

Нодон вздохнул.

— Он родился слишком рано, Нандалее. Его силой вырвали из твоего тела, хоть видимых шрамов и ран не оставили. Он не сможет жить. Не время было... Он... Ты не захочешь видеть этого ребенка. Он мертв и похоронен.

Эльфийка поняла, что дальнейшие расспросы бессмысленны:

судя по тому, как отчаянно защищается Нодон, обычно предпочитающий хранить молчание. Но сдаваться она не собиралась. Она выяснит, что случилось с ее ребенком. Но для того, чтобы добиться этой цели, ей придется вести себя иначе. Нодон и, в первую очередь, Темный, должны быть уверены в том, что она наконец-то подчинилась.

– Может быть, и лучше, что я его не видела, — негромко произнесла Нандалее. — Где я?

– Там, где тебе место, — торжественно произнес мастер меча. — В скальном замке драконников, высоко над садом Ядэ, со своими братьями и сестрами. Это самое лучшее место, где ты сможешь родить детей. Здесь они в безопасности. И если они окажутся достойны, однажды мы примем их в свои ряды.

Это было последнее, чего хотела Нандалее. Ее дети не должны стать убийцами на службе у небесных змеев! Но в одном Нодон был прав. Здесь они в безопасности. В любом другом месте Альвенмарка ее стал бы преследовать Золотой, чтобы отомстить детям Гонвалона за его предательство. Нельзя ей отсюда уходить.

Сомнений нет

Он так долго не посылал за ней... Ливианна впервые в жизни не была уверена в своих чувствах к Золотому. В прошлом она часто уходила надолго. Каждый раз, рожая ребенка и проверяя его. Иногда она не представала перед ним по нескольку лет, но тогда все было иначе. Он отпускал ее, и ее место никто не занимал. Но потом он допустил, чтобы перед небесными змеями выступила Бидайн и рассказала о случившемся в Нангоге. Ее ученица!

Ливианна шла на поляну среди голых черных стволов деревьев, чувствуя, что он ждет ее там. Холодный туман клубился у босых ног. На эльфийке было белоснежное платье из настолько нежной ткани, что казалось, будто оно соткано из тумана. Она была красива, это Ливианна читала во взглядах мужчин не один раз. Она была могущественна. *Она* не жила в чужой коже, чтобы спрятаться от своих шрамов. Что может предложить ему Бидайн? В чем она не может превзойти эту неблагодарную сучку?

Вот она уже на широкой поляне. Золотой ожидал ее в облике эльфа. Улыбаясь, он поднял руки в знак приветствия, и сердце Ливианны от радости забилось чаще. Как же она тосковала по возможности погреться в лучах его улыбки! Она была предана ему, целиком и полностью, и, лишившись статуса фаворитки, сильно терзалась.

Мягкий свет окутывал фигуру превратившегося дракона. Его длинные светло-русые волосы слегка колыхались на ветру, игравшем и с белым плащом. На нем был белый приталенный холщовый нагрудник с изображением золотого солнца на груди. На перевязи висели длинный меч и роскошный кинжал. Мечи украшали рубиновые рукояти, в которых переливался изменчивый свет. Его улыбка растопила горечь, таившуюся в сердце Ливианны. Сейчас, этот миг, он был полностью с ней это она читала по глазам. Ничто другое в мире не имело для него значения.

. — Ваше недовольство облегает вас, словно уродливый ржавеющий доспех, моя очаровательная Ливианна. Она не к лицу вам, эта броня. Что мне сделать, чтобы заставить вас снять ее?

Его снова были в ней, глубоко внутри головы. Они были подобны шелку, задерживающему песок. Мягкими, но не нежными.

Задевающими не больно, но и не льстивыми.

Теперь между Ливианной и Золотым было всего три шага. Как часто она встречалась с ним, но он никогда не был таким, как сегодня. Сквозь приветливость она ощущала, что чем-то прогневала его. Но чем? Эго ведь он отвернулся от нее! Он допустил, чтобы Бидайн доложила совету драконов о событиях в Нангоге. Если бы это была хотя бы Нандалее... Она руководила миссией. Но почему Бидайн, которая меньше всех способствовала успеху, досталась эта величайшая честь?

— *Вас мучит ревность? Прислушайтесь к себе! Разве вы действительно не знаете, почему небесные змеи не захотели вас слушать?*

Ливианна была в отчаянии. Ей хотелось вернуть себе его расположение. От его пренебрежения она страдала больше, чем когда-либо могла себе представить. И нет, она не знала, за что ее наказали.

— Госпожа Бидайн позволила мне и моим братьям прочесть свои мысли. Мы все видели, что вы излечили нашего врага, Ливианна. Бессмертного Аарона! Он был ранен. Возможно, не будь вас, он навеки лишился бы зрения.

— Это уж точно нет! — вырвалось у Ливианны. — Как вы могли подумать, что я предала вас! Он находится под защитой Львиноголового. Девантар все равно исцелил бы его, а таким образом у меня появилась возможность прочесть его мысли и воспоминания, и я узнала поразительнейшие вещи. Эти знания могут изменить ход войны. Сделать доклад на совете было для меня очень важно.

Золотой улыбнулся ей, но глаза его по-прежнему оставались суровы, она недвусмысленно чувствовала его пренебрежение.

— Вы имеете в виду ту лживую игру, в которую играют со своими правителями девантары? Я вас умоляю, госпожа. Неужели вы действительно думали, что за все те века, которые она длится, это осталось сокрыто от нас? Мы знаем, кая обманывают свои народы девантары. Внаем, что все воспоминания бессмертных время от времени пересаживаются в нового, более молодого человека, а предыдущий правитель исчезает бесследно.

Ливианна была потрясена и даже не пыталась скрыть это. Золотой мог читать ее чувства, как открытую книгу

— Есть еще кое-что, что я обнаружила в воспоминаниях Аарона. И, возможно, это еще важнее. Речь идет о том, что ему довелось пережить и что до сих пор терзает его в кошмарных снах.

Теперь удивился Золотой, прочтя украденные ею воспоминания и увидев, что спрятал Аарон за высокой стеной. Удивился настолько сильно, что не стал обращаться к ней посредством мыслей.

— Вы говорили об этом кому-нибудь, госпожа?

— Конечно же, нет. Я служу только вам, мой повелитель. Я сразу поняла, что это знание слишком значительно, чтобы делиться им с остальными.

«Особенно с этой лживой змеюкой, Бидайн», — подумала Ливианна.

Когда Золотой поделился с ней своими воспоминаниями, они были настолько интенсивны, что у нее захватило дух и стало нечем дышать. Горечь минувших месяцев прогорела, остался лишь пепел. Он жалел, что позвал ее к себе только сейчас, более того, испытывал к ней уважение.

— *Очень умно с вашей стороны было проникнуть таким образом в его воспоминания, красавица моя. Я должен был знать, что вы никогда не действуете необдуманно, никогда не поддаетесь сантиментам, почтенная Ливианна. Вы самая искусная* из *всех моих слуг. Простите, что я позволил Бидайн ослепить себя.*

Каждое слово было подобно бальзаму на душу. Но Ливианна тут же устыдилась того, что заставила его извиняться перед собой. Он — небесный! Он выше всех извинений, и то, что она поставила его в такое положение, можно было считать проявлением неуважения, и эльфийка принялась лихорадочно размышлять о том, как исправить эту непростительную ошибку. Она не могла больше смотреть в его янтарные глаза, и пристыженно потупилась.

— Все в порядке, — она содрогнулась от звука его теплого мужского голоса. Он положил руку ей на плечо, поднял другой рукой подбородок, чтобы у нее не осталось иного выбора, кроме как смотреть ему в глаза. В это гордое красивое лицо с благородным изгибом линии губ. Тех губ, что так страстно ласкали ее во время нанесении татуировки.

— Мне тоже случается неверно оценивать ситуацию. И я прошу

вас и в дальнейшем напоминать мне об этом, если мне случится проглядеть что-то важное, — он тепло улыбнулся. — И прошу, если это случится снова, не ждите много лун, прежде чем предстать передо мной и указать мне на допущенную ошибку. Мы так давно знаем друг друга, госпожа Ливианна. Вам следовало знать, как сильно ценю я ваши суждения и что никто и никогда не может встать между нами.

Ливианна знала, что все его существо пронизано магией. Магией, заставлявшей светить ярче даже свет, окружавший его, наполнять воздух ароматами, где бы он ни появился. Это волшебство, если одного его приветливого взгляда довольно, чтобы от радости сердце забилось чаще. Эльфийка все это знала, но ставить под сомнение его приятные слова не хотела. Все верно, она предана ему, целиком и полностью. Она решила позволить искромсать себя на куски ради него, если бы до этого дошло — еще когда он выбрал ее своей драконницей. Она никогда не забудет, какая непреодолимая гордость наполнила все ее существо, когда Золотой сделал ее своей в Белом чертоге. И сейчас она чувствовала себя так же, как тогда. И была благодарна ему за то, что его улыбка и его слова способны развеять все терзавшие ее сомнения.

— Мне придется попросить вас еще кое о чем, госпожа моя, и подвергнуть вас величайшей опасности. Этот поступок никогда не принесет вам славы, потому что никогда не станет известно, что именно мы отважились на столь смелый шаг, пойдя одновременно и против моих братьев, и против девантаров. Пойдите туда, в то место, что видели в воспоминаниях бессмертного Аарона. И если вы найдете там то, что мы думаем, то принесите это мне. Вы возьмете в свои руки судьбу трех миров, госпожа моя. Нет никого, кого я послал бы на эту безнадежную миссию с большей уверенностью, нежели вас, моя несгибаемая Ливианна. Вы единственная, у кого может это получиться.

Вопреки здравому смыслу, Ливианна была покорена. Ее посылали на смерть. И она радовалась возможности совершить невозможное во имя своего небесного змея.

Жаркий день

От жары плавился горизонт, превращаясь в потоки жидкого стекла. По крайней мере, так казалось издалека. Воздух плясал под безжалостным солнцем. Боевая колесница Ливианны оставляла за собой шлейф из пыли, видимый, пожалуй, издалека на этой усеянной невысокими холмами равнине. Она отклонилась в сторону от намеченного пути, решив, что, прежде чем подвергнуть себя смертоносной опасности со стороны тайн, подсмотренных в воспоминаниях Аарона, нужно посмотреть на место, делающее уязвимым правителя Арама.

Она не спрашивала позволения на это у Золотого. Теперь, когда на нее уже не действовали его чары, встреча с ним представлялась эльфийке в совершенно ином свете. Действительно ли доверие к ней сподвигло его на то, чтобы послать ее сюда, потому что она способна была совершить невозможное? Или он просто послал ее на смерть? Не впервой ему использовать своих драконников как стрелы: выстрелил и забыл. Если они попадут в цель, убьют ее, их задача будет выполнена. Так произошло и с Талинвин, ученицей Гонвалона, погибшей во время выполнения первой же миссии, когда она сбросила бессмертного Аарона с поднебесного корабля и позаботилась о том, чтобы втайне правителем одной из семи великих империй стал обычный крестьянин. Ливианна видела эльфийку в воспоминаниях Аарона. И прочла в ее глазах... Талинвин знала, что погибнет. Но, по крайней мере, отправляясь в свои последний бой, она была в собственных доспехах.

Ливианна же ненавидела доспех, который приходилось носить еще больше, чем облик мужчины, который она приняла. Неуклюжая бочка, простой безыскусный нагрудник, совмещенный со спинным панцирем, натиравшим лопатки. К нему были прикреплены три широкие металлические пластинки, похожие на поперечные бочарные клепки, смыкавшиеся на талии и прикрывавшие пах и верхнюю часть бедер. На шее лежал хауберк, достававший до кончика носа. А на голове красовался шлем из кабаньих клыков с длинным плюмажем, развевавшимся на ветру. Кабаньи зубы! Эти варвары ценили их особенно высоко. Нужно, наверное, быть человеком, чтобы тебе могла нравиться подобная глупость. Они разделяли зубы пополам, проделывали в них дырки и пришивали к

шлему. Изнутри шлем подбивали войлоком. На такой жаре он насквозь пропитывался потом и натирал лоб. Равно как и его кожаные ремешки, до крови впивавшиеся в заросшие щетиной щеки.

Но хуже всего из того, что случилось с ней при превращении, была чешущаяся борода. Как мужчины могут выносить эту растительность на лице? Невообразимо!

Эльфийка вытерла пот с лица. В таком доспехе она просто варилась на этой жаре. Бронза, руки и волосы были покрыты слоем пыли. Пыль была ее штандартом, тянувшимся за боевой колесницей. Пятый день ехала она по этой скудной земле, выдавая себя за воина, возвращающегося домой с Нангога, чтобы оказать последнюю честь умирающему отцу. Хорошая история, отлично объяснявшая ее угрюмое выражение лица и отсутствие желания болтать.

Наконец в полосах расплавленного неба, растекавшегося по раскаленной земле, показались верхушки финиковых пальм. В пляшущем воздухе оценить расстояние было очень тяжело. Одна миля или еще две? Ливианна с тоской подумала о тенистом павильоне у колодца, который обязательно должен там быть. Одного-единственного слова силы было бы довольно, чтобы сплести вокруг себя приятный кокон из прохладного воздуха. Этот мир тоже пронизывала магическая паутина, но, если эльфийка затронет ее, это выдаст ее с головой. Не пройдет и часа, как девантары найдут ее. Они были подобны паукам в этой паутине, и, если в ней завибрирует хотя бы одна нить, они будут тут как тут. Поэтому женщина потела и терпела этот проклятый доспех, наносивший ей такие раны.

Все, что на нее было надето, действительно было сделано руками людей. Военная добыча с Нангога. А за колесницу она заплатила отрубленным куском серебра, как расплачивались эти варвары. При расчете значение имел только вес металла. Серебро отливали длинными и тонкими слитками, от которых отрубали куски, вес которых соответствовал запрошенной цене. Ливианна знала, что заплатила за колесницу слишком высокую цену. Но по людским меркам она была неплоха. Крепкие оси и колеса, пол из переплетенных полосок кожи пружинил на каждой выбоине, по которой она проезжала. И оба жеребца рыжей масти, тянувшие ее по равнине, были сильными и выносливыми, что позволяло ей довольно быстро продвигаться вперед. В гривах у них трепетали потрепанные лебединые перья. Так в этом мире путешествовали военачальники.

Ливианна коснулась рукой меча, висевшего на боковой стенке повозки справа от нее, рядом с набитым короткими метательными копьями колчаном.

— Полководец! — послышался звонкий голосок. С обрамлявшей дорогу стены, сложенной из камней, спрыгнул маленький мальчик. — Пожалуйста, господин, спасите меня! — Он изо всех сил старался нагнать повозку, но было очевидно, что вскоре он отстанет. На таких коротких ножках ему не выдержать темпа даже ее уставших лошадей.

Ливианна натянула поводья, протянула мальчику руку и втащила его на колесницу.

— Держись крепче, — строго произнесла она, чувствуя, как ее окатывает презрение к низкому хриплому голосу, которым она говорила теперь. — Кто гонится за тобой?

— Демоны! — с трудом переводя дух, ответил мальчик.

— Демоны? — Ливианна испуганно оглянулась через плечо. Неужели здесь есть еще дети альвов?

Из-за стены выскочила стайка мальчишек и девчонок, все они были вооружены палками и кусками глины. Громко крича, они побежали за повозкой.

– Судя по всему, у тебя много врагов.

— Это все потому, что мой отец герой и был другом бессмертного Аарона.

Ливианна пристально поглядела на мальчишку. Исцеляя Аарона, она невольно обнаружила воспоминания более дюжины правителей. Тысячи историй обрушились на нее, словно проливной дождь, хлещущий прямо в лицо. Был там какой-то важный ребенок, но лица его она вспомнить уже не могла.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Дарон, сын Нарека из Бельбека.

Нарек из Бельбека. Это имя она помнила, помнила и лицо, похожее на лицо мальчишки. Чуть полноватое, с короткими кудрявыми волосами. Пухлый ребенок. Не толстый, но и не такой тощий, как его товарищи, Артакс и Ашот. Они носились по этим полям, воровали финики в пальмовой роще, до которой было уже рукой подать. Здесь провел свое детство бессмертный.

Колесница достигла вершины невысокого холма. На расстоянии полумили виднелась пыльного цвета деревушка, состоявшая из невысоких глинобитных хижин. Поля, на которых росли ячмень и овес, на такой жаре совсем сникли. А между ними пролегала сеть высохших каналов, глинистое дно которых совсем потрескалось, и края трещин поднимались к небу, словно умоляя о дожде.

Вместо того чтобы держаться за боковую стенку колесницы, Дарон обхватил ее за талию. В его облике было что-то мягкое, женственное, но в то же время он был, судя по всему, готов сразиться со всей деревенской детворой, когда речь заходила об отце. Что это — мужество или глупость?

На полях вокруг деревни не было ни души: все попрятались от жары. Да и на широкой улице, делившей деревню надвое, не было никого. На площади, примерно в центре этого скопления жалких хижин, вздымался высокий кипарис, в тени которого виднелся крытый колодец. Въезжая в деревню, Ливианна почувствовала, что за ней наблюдают из темных окон домов. Добравшись до кипариса, она остановилась и вызывающе огляделась по сторонам. Дарон побежал к каменной бадье, жадно зачерпнул руками воду. Затем обрызгал себе лицо и волосы. Закончив с этим, он отряхнулся, словно мокрый пес, и с улыбкой поглядел на нее.

— Как здорово-то! Добро пожаловать в Бельбек, полководец.

— Я не полководец, просто воин, — ответила Ливианна — Расскажи мне об этом месте и о своем отце. Может быть, я вспомню его, если услышу побольше о Нареке, — в глазах мальчика она увидела надежду. Он старательно закивал.

— Мой отец сражался на равнине Куш, вместе со своим другом Ашотом, который теперь стал одним из самых важных советников бессмертного.

Ливианна вынула серпообразный меч из кожаных ножен, висевший на колеснице, и прислонила его к колодцу. Несмотря на то что его создал сам Золотой, он не был идеальным, поскольку небесный змей лишь скопировал один из тех массивных мечей, которыми пользовались сильнейшие воины Арама и Лувии. Рукоять оружия была в четыре ладони длиной и обернута кожей. Длина клинка составляла всего две трети от общей длины оружия. Половина клинка была прямой, как у обычного меча, и переходила в рукоять, а

последняя треть оружия представляла собой почти идеальный полукруг. Он напоминал серп, только заточенный не со внутренней стороны, а с внешней. На верхней части клинка был выгравирован узор из перьев. Сталь была покрыта пятнами, словно бы материалом для клинка послужило железо низкого качества, которое обычно использовали для создания оружия дети человеческие.

Ливианна присутствовала при том, как Золотей ковал оружие. Его драконье дыхание пронзило металл, а в воду, где он остужал ее, было добавлено три капли крови. В клинок было вплетено заклинание, делавшее наносимые им раны тем смертоноснее, чем могущественнее был противник, с которым ей довелось бы вступить в бой.

Ливианна холодно глядела на Дарона. Его смерть взбудоражит бессмертного, но разумнее будет просто заставить малыша исчезнуть. Нет трупа — есть крохотная искорка надежды. Аарон наверняка приедет сюда, лично возглавит поиски пропавшего сына своего друга. Когда дело дойдет до вторжения в Нангог, это будет отличная возможность помешать введению войск Арама. А еще это подорвет мораль воинов, если их предводитель останется на родине, в то время как они будут истекать кровью за него, находясь в другом мире.

Ливианна провела рукой по всклокоченным волосам Дарона.

— Я уверена, однажды к тебе будет приковано все внимание бессмертного. Ты особенный, — эльфийка решила, что как только начнется война, она приедет сюда и заберет мальчишку.

Тем временем на деревенской улице показались другие дети. Они робко приближались к ней, когда из домов начали звать их. Открывая двери, матери торопливо подзывали их к себе. Что так растревожило жителей деревни? За время пути Ливианна не раз встречалась с воинами, все они выглядели в точности как она.

— Ты собирался рассказать мне о своем отце, — напомнила она, оборачиваясь к Дарону. Судя по всему, он единственный здесь ее не боялся. Может быть, он и мягкий на вид, несовершенный сын человеческий, но сердце у него храброе. Оставив меч у поилки, она подошла к лошадям.

— Мой отец сражался на высокогорной равнине Куш, спина к спине с бессмертным Аароном. Когда лувийские элев ванты смешали строй, он подхватил золотой львиный штандарт и защищал его от

врагов.

— Элев ванты? — недоверчиво переспросила она, распрягая коней и ведя их к поилке.

— Здесь у нас об этих страшных животных знают только мудрецы, — по лицу Дарона было видно, что он рассказывал эту историю уже не раз. Он продолжал, и тон его стал несколько высокомерным. — Это такие чудовища размером с дом, а на лице у них хвост. У них есть всего два зуба, но они вырастают очень длинными и торчат изо рта, словно копья. А когда они атакуют, то хватают того несчастного, кто попался им на дороге, своим хвостом, и насаживают на свои длинные зубы. Иногда на зубах у них висит по три-четыре убитых, но потом голова становится слишком тяжелой и идти дальше они уже не могут.

Лошади пили, а Ливианна пристально разглядывала мальчишку. Дарон все говорил и говорил. О штандарте со знаком льва, о чудовище с хвостом на лице. Он действительно верил в эту историю! И вдруг он оборвал свою речь на полуслове, посмотрел на нее.

— Ты тоже сражался там?

— Это был кровавый бой, — только и ответила эльфийка. Тот день она видела в воспоминаниях Аарона. Элефантов, или слонов, пересекших сухое русло реки, и ту бойню, которую учинили немногие уцелевшие толстокожие животные, которым удалось прорваться.

Краем глаза заметив движение сбоку, она повернулась. Показалась худощавая собака со светло-коричневой шерстью, посмотрела на них. Потом, похоже, увидела что-то, посмотрела на ворота в находившейся неподалеку стене и поспешно бросилась наутек.

Ливианна подошла чуть ближе к поилке, чтобы легче было дотянуться до меча.

Из ворот на улицу вышло пятеро мужчин. Все они держали в руках цепы и, судя по выражению лиц, обращаться с ними умели. Ливианна чувствовала их запах, несмотря на то что до них было еще около двадцати шагов. От них воняло потом и давно нестиранной одеждой, что отлично сочеталось с грязными туниками, в которые они были одеты. За исключением предводителя, все они были приземистыми массивными ребятами с короткими и жирными

шеями. Шедший впереди был стройнее, у него была более-менее подстриженная остроконечная бородка, из-за которой его лицо казалось более длинным. На висках поблескивала первая седина. Он был одет в небесно-голубого цвета тунику с широким, вышитым красной нитью подолом, и, в отличие от своих товарищей, обут в сандалии.

— Это отец Сины, — прошептал Дарон, словно этим было все сказано. — Он думает, что может командовать всеми, только потому, что он самый богатый крестьянин Бельбека.

Маленький отряд остановился примерно шагах в десяти от колодца.

— Кто ты такой? И что тебе здесь нужно? — крикнул ей отец Сины.

Ливианна подхватила свой меч, лениво водрузила его на плечо и вышла на опаляемую солнцем площадь. К и без того сильному запаху деревенской черни примешался еще и запах страха. Эти глупцы встали так, что солнце будет светить им в глаза, если придется драться.

Ливианна левой рукой расстегнула ремешки под подбородком шлема, затем схватила его за плюмаж и стянула его с головы. Для этой вылазки Золотой снабдил ее суровым, угловатым лицом.

Лицом, закаленным в боях, под безжалостным солнцем и отличавшимся явным отсутствием какой бы то ни было доброты.

— Кто ты такой, чтобы орать на меня на свободной улице? Это что, хваленое бельбекское радушие? Да меня на полях сражений встречали лучше! Или здесь тоже поле битвы? — Какое это было наслаждение: наблюдать, как лицо предводителя побелело. Вообще-то, подобные игры должны были бы быть ниже ее достоинства, но здесь было слишком жарко, она слишком долго стояла на колеснице и ей очень хотелось пустить в ход этот неудобный меч.

— Меня зовут Бехруз, — ответил предводитель местных крестьян, и голос его прозвучал спокойно и без раздражения. — Последние воины, явившиеся в эту деревню, привезли с собой убитого. От людей в доспехах ничего хорошего не жди. Так что же привело тебя сюда?

— Жажда.

— Твой доспех. Такие есть только у лувийцев.

Ливианна холодно усмехнулась.

— С тех пор, как на Куше мы посбивали их с колесниц, в Араме таких стало побольше.

Один из крестьян в свите Бехруза расхохотался.

— Здесь у нас нет трактира, нет продажных женщин. Боюсь, в Бельбеке нет ничего интересного.

— Ты хочешь оскорбить меня, крестьянин?

— Просто хочу уберечь от разочарований. Все это можно найти у рудника Ум Эль-Амат. Туда ты доберешься еще до наступления темноты. Судя по всему, лошади у тебя крепкие...

Ливианна снова испытала искушение подлить масла в огонь. Почему ей так хочется затеять ссору? В чем здесь дело, жара тому виной или она боится того, что ждет ее на следующий день?

— Принеси мне хлеб и сыр, дайте отдохнуть в тени колодца. Я не представляю опасности для вашей деревни. Я устал, я здесь проездом и направляюсь к отцу, лежащему на смертном одре.

Бехруз задумчиво провел рукой по бороде, затем расправил плечи.

— Прошу, будьте моим гостем. И простите за недоверчивость. Наша деревушка на самом краю мира, сюда так редко забредают незнакомцы, — произнося эти слова, он даже смутился. — Не набрались мы хороших манер...

— Я поем у колодца, — успокоила его Ливианна.

Пиршество с крестьянами задержит ее. Хотелось как можно скорее убраться подальше. Заезд в эту деревню был просто попыткой оттянуть неизбежное. В принципе, она рассчитывала, что Золотой даст ей в подчинение целую группу драконников. Но он послал ее одну, что было совершенно несоизмеримо с опасностью быть обнаруженной. Если только, конечно же, он не хотел, чтобы ее убили.

— Как пожелаете, господин. Я немедленно велю принести вам самую лучшую еду, которая только найдется у нас в деревне. Есть отличный козий сыр, а еще у нас…

— Не трудитесь, — отрезала она и отвернулась. Разговор

начинал действовать ей на нервы, хотелось вернуться обратно в темь.

— Иди сюда, Дарон, не докучай гостю, — Бехруз подозвал мальчика к себе, и голос его сорвался. Ливианне вдруг показалось, что у Дарона будут неприятности из-за того, что она предпочла остаться сидеть с ним у колодца, чем пойти на *пир* к деревенскому царьку.

— Дарон рассказывал мне, что его отец был другом бессмертного Аарона...

— Малыш хвастун, — пренебрежительно хмыкнул Бехруз. — Не тратьте на него свое время, господин. А ты, Дарон, иди немедленно сюда. Твоей матери не понравится, что ты мешаешь незнакомым людям. Лучше позаботься о ней, чем целый день прохлаждаться!

Дарон вышел из тени колодца, опустив голову.

— Она даже не замечает, есть я дома или нет, — сдавленным голосом пробормотал он.

— Что с твоей матерью?

— Летняя лихорадка, — ответил вместо Дарона Бехруз.

— А кто за ней ухаживает?

Богатый крестьянин пожал плечами.

— Тут уж ничего не поделаешь. Ее заворачивают в мокрые пеленки. От такого половина женщин умирает. Некоторые сходят с ума, и их приходится сажать на цепь. Она была тупой коровой, и боги покарали ее. Бессмертный дважды присылая ей подарки. Она могла стать богатейшей женщиной в деревне, но она отказалась от всего и отослала обратно. А теперь лежит в грязной постели одна, с лихорадкой. Такова расплата за высокомерие. Она...

Массивный клинок свистнул, отрубая руку, в которой Бехруз сжимал цел.

— Вы говорите о жене друга бессмертного.

Бехруз в недоумении уставился на окровавленную культю. Никто из остальных мужчин не стал угрожать Ливианне, не произнес ни слова. Напротив, они отступили, и предводитель остался совсем один.

— Запомните мои сжим как следует, крестьянки. Половина тех,

кто навлекает на себя мой гнев, умирает сразу. Так что сегодня у вас счастливый день, хотя в данный момент вам может казаться, что это не так. Как только я улажу слои дела, то вернусь сюда. И если мать Дарона будет мертва, вашему счастью наступит конец. Может быть, вы и самый богатый крестьянин в этой деревне, но вы увидите, что этого недостаточно» чтобы защититься от моего гнева. И радуйтесь, что здесь нет ни Аарона, ни Ашота. Они далеко не так терпеливы, как я, — она опустила руку на плечо Дарона. Мальчик вздрогнул от ее прикосновения, не отводя взгляда от культи, которую прижимая к груди Бехруз.

— Такова воинская справедливость, Дарон. Для нее не нужны слова. Все происходит быстро и кроваво. Хорошенько подумай, хочешь ли ты идти путем меча. Он сделает тебя таким же, как я.

Ливианна подошла к одному из крестьян, тут же выпустившему из рук цеп.

— Не надо меня рубить, я здесь не по своей воле!

Она взялась за тонкий кожаный ремешок, которым был подпоясан крестьянин, расстегнула его. Затем обернулась к Бехрузу.

— *Руку!*

Из культи сильным фонтаном била кровь. Обмотав ремнем предплечье, она затянула его потуже и остановила кровотечение.

— Советую вам обращаться с Дароном так, словно он ваш родной первенец. А теперь убирайтесь прочь. Песчинка в глазу приятнее, чем ваш вид.

Бехруз бросил на нее полный ненависти взгляд и ушел, а один из его спутников поднял отрубленную руку, словно она еще могла на что-то сгодиться.

— Иди к матери, Дарон. В одном этом он был прав. Тебе следует быть с ней рядом. Она почувствует твое присутствие, и это придаст ей сил. Быть настоящим мужчиной значит защищать слабых. Ты ведь хочешь быть мужчиной, правда?

— Конечно! — Было видно, что Дарону понравился предлог, позволявший ему сбежать. Мальчонка мгновенно скрылся в одном из пыльных переулков. Остался только тощий пес. Когда Ливианна вернулась к колодцу, он вышел и стал жадно слизывать с земли кровь.

«Может быть, стоило вести себя сдержаннее», — подумала она. Но так эльфийка могла быть уверена, что Дарон и его мать выживут. Однажды они ей пригодятся. Отличный способ давить на бессмертного Аарона. Когда придет час, она вернется сюда.

Ливианна наполнила бурдюк водой, запрягла лошадей и покинула деревню, на которую навела страх, ради того, чтобы отправиться в место, которое пугало ее.

Они были здесь!

Вход в Запретную долину преграждал массивный забор. В тех воспоминаниях, которые она украла у Аарона, стены не было. Был лишь страх... И этот же страх сейчас испытывала Ливианна. В этой долине затаилось что-то очень злое.

До стены было еще около мили, но эльфийка уже чувствовала мрачную ауру этого места. Ей потребовалось полтора дня, чтобы добраться сюда из Бельбека. С последними лучами заката, догоравшего под кроваво-красными облаками над горной грядой, она спрятала боевую колесницу за выступом скалы и привязала лошадей к засохшей сосне таким образом, чтобы у них была возможность пастись. Животные нервничали, били копытами и стегали себя хвостами.

Ливианна держалась в тени скалы, осторожно приближаясь к стене, которая на вид была новой. Побеленная, она была отлично видна даже в надвигающихся сумерках и возвышалась более чем на десять шагов. Линию обороны держали три массивные сторожевые башни. На той стороне, что была повернута к ней, виднелись конюшни и большой укрепленный дом. Будь твердыня возведена в другом месте, все эти строения находились бы по ту сторону стены, где их защищали бы еще и склоны обрамлявших долину гор. Но назначение этой крепости было иным — держать в узде то, что таилось за стеной. Кроме того, в Проклятую долину не должен был войти никто, будь то намеренно или случайно.

Ход на крепостной стене не был подсвечен огнями, не было их и в башнях. В доме — даже ни огонька свечи. Неужели цитадель заброшена?

Продолжая прятаться, Ливианна осторожно подобралась к стене. В воздухе витал сладковатый залах разложения. На песке эльфийка заметила лисий след, ведущий к воротам. Ливианна решила положиться на свою маскировку. Она по-прежнему была одета как воин и могла выдать себя за посланника бессмертного, однако подозревала, что нужды в этом не будет.

Ливианна вышла из тени. За ее спиной над горизонтом всходила луна. Ее серебристый свет отражался в широких железных петлях массивных ворот, которые были слегка приоткрыты.

Ее не окликнул стражник, когда она подошла ближе. Чем меньше оставалось до стены, тем больше следов ей попадалось. Кроме лисы, здесь бывали и дикие собаки, а может, и волки. Следы вели к темному дому, к конюшням и дверям башен. Но ни единого — к воротам.

Запах смерти усиливался, а вместе с ним росло и неприятное чувство, что она оказалась в месте, не созданном для смертных. В том числе и для детей альвов! Что же за люди могли нести стражу на этой стене, в такой глуши? Что держало их здесь?

Услышав странный звук, словно что-то волокли по земле, Ливианна замерла и обнажила свой серпообразный меч. Осторожно обернулась к длинному бараку, в котором были устроены конюшни. В тени дверей что-то шевельнулось.

Эльфийка замерла неподвижно, не осмеливаясь даже перевести дух, и только теперь услышала нетерпеливое рычание, щелканье челюстей и снова этот странный звук. Постепенно она разглядела силуэт, почти сливающийся с дверным проемом. Там была крупная собака.

Эльфийка выдохнула, молча обозвав себя дурочкой, и направилась к конюшне. Тихо... Шаги ее были не громче звука перьев, падающих на землю. Собака не обращала на нее внимания, и только когда серебристый луч света выскользнул из-за облаков, пес поднял голову. Это было крупное тощее животное с черной кудлатой шерстью, тащившее за руку мертвеца. Судя по всему, над трупом уже потрудились другие стервятники. В груди убитого торчало копье.

Собака зарычала на нее. Ливианна подняла меч. Этого жеста оказалось достаточно, чтобы загнать одичавшую тварь обратно в конюшню.

Эльфийка переступила через тело, едва не споткнувшись о тяжелый молот с длинной рукоятью. На несколько ударов сердца замерла в дверном проеме, позволяя глазам немного привыкнуть к темноте. Она была не такой, как снаружи... Звучало глупо, и никому другому она не стала бы этого говорить, но тем не менее, казалось, что темнота здесь буквально скопилась. Возможно, все дело было в запахе разложения, тянувшемся из конюшни. Или в ощущении, что здесь поселилось нечто злобное.

Услышав негромкое царапанье когтей по полу, она задумалась,

не набросится ли на нее эта бродячая тварь. Нужно уходить… Не успев додумать эту мысль, она осознала, *что* здесь не так. Она не слышала жужжания мух! Это открытие усилило ощущение того, что здесь происходит нечто противоестественное. В ранах убитых не было личинок, а ведь воздух должен был быть буквально наполнен гудением тысяч мух, устроивших здесь себе настоящий пир, откладывающих в раны свои яйца и превративших конюшню в свой дворец.

Ливианна почувствовала искушение открыть Незримое око. Взгляд на магический мир позволял увидеть то, что сокрыто от обычных глаз. То зло, которое она здесь ощущала, не имело физической оболочки. Она тут же заметит его, если сплетет заклинание.

Испытывая нехорошее предчувствие, она глянула на меч, который сжимала в руках. Он был пропитан магией. Хоть Золотой и старался спрятать свою ауру, чтобы она не бросалась в глаза в магической паутине другого мира, но полностью сделать это не удалось. Меч может выдать ее.

Все в ней требовало немедленно убираться отсюда, повернуться спиной к Запретной долине, но вместо этого она сделала осторожный шаг вперед. И еще один. Эльфийка видела лишь очертания стойл. Черные, еще гуще темноты в конюшне. Она увидела лежащих на полу животных.

Ливианна опустилась на колени. Провела рукой по голове одной из лошадей и тут же одернула ее. Череп был бесформенный и… мягкий! Пальцы ее осторожно, на ощупь пытались разобраться с тем, что скрывалось от глаз. Лошадь ударили по голове тупым предметом. Прямо над глазами череп был разбит. Судя по всему, животному досталось не меньше двух ударов. Тут же вспомнился тяжелый молот, который она видела рядом с мертвым у входа. Почему? Поступки детей человеческих частенько бывали непонятными, но это...

Негромкий хрип заставил ее насторожиться. Звук был похож на тот, что издают прохудившиеся кузнечные мехи, был едва различимым, неровным и слабым. Может быть, какая-то из лошадей еще жива? Что заставило того безумца у входа устроить массовую бойню? Судя по размерам конюшни, здесь было не менее сорока лошадей.

Жадное рычание заглушило хрип. Пес! Судя по всему, он нашел себе другую падаль и продолжил пир.

Ливианна поднялась. Нечего ей делать в этой конюшне. Просто это было последней попыткой оттянуть неизбежное. Хватит прятаться. Нельзя возвращаться, даже не попробовав. Золотой прочтет у нее в мыслях, что она струсила, а этого она не вынесет!

— Пожалуйста... — Голос не голос, скорее вздох. Его заглушало жадное чавканье собаки. Ливианна заглянула в находящееся напротив стойло. Там, в самом углу, за трупом еще одной лошади, сидел обмякший человек.

Переступив через труп лошади, Ливианна присела на корточки рядом с мужчиной. Изможденное бородатое лицо, открытый рот. Эльфийка видела, что он даже дышит с трудом, что бой за жизнь ему не выиграть. Грудь не вздымалась, не опускалась. Из гортани доносился тот самый хрип, который она услышала. На нем была светлая туника, грязная и заляпанная кровью. В глаза ей бросилось два пятна у него на груди, размером с навершие молота. Судя по всему, у него были сломаны ребра. Может быть, осколок кости проткнул легкое... Чудо, что он еще жив.

— Что здесь произошло?

— Холодно...

Ливианна охватила руками его ладонь. Она была ледяной. Вероятно, у бедняги множество внутренних кровотечений.

— Что здесь произошло? — снова повторила она, медленно и настойчиво. Глаза удерживали его взгляд. Веки мужчины были полуприкрыты и слегка трепетали. «Одно слово силы, — в отчаянии подумала она, — и я дала бы ему сил сказать еще пару слов». Но одно это слово убьет ее. Девантары получат сигнал. Глаза умирающего закрылись.

Никогда еще Ливианна не чувствовала себя настолько беспомощной. Он ускользал от нее. Эльфийка в ярости ударила мужчину кулаком в грудь. Из горла вырвался свистящий звук, он широко открыл глаза, в них плескалась жгучая боль.

— Что произошло? — Кто бы ни воздвиг эту стену, он был убежден, что она непреодолима для таящегося в этой долине ужаса. Судя по состоянию построек, года два или три так и было. Стена

была не старше. Ливианна должна была узнать, что здесь произошло. Должна была подготовиться! Должна была узнать, что изменилось в долине с тех пор, как здесь побывал Аарон.

В глазах умирающего не было ненависти, только агония. Он хотел ускользнуть в объятия смерти, хотел сбежать от боли и от того, что оставило на его лице выражение неописуемого и неизгладимого ужаса.

— Говори! Сделай это ради Арама! Защити империю!

Судя по всему, ей удалось достучаться до его сознания. Что-то во взгляде его изменилось. Он уставился на нее.

— Они... бы-ли... — Каждый слог — борьба. Губы его дрожали, он все с большим и большим отчаянием боролся за воздух. Пробитые легкие постепенно наполнялись кровью, от которой и задыхался мужчина.

— Они были здесь! — выдавил он из себя, выгнулся дугой и вдруг посмотрел на нее так, словно узнавал эльфийку под маской человека. Она видела, как он вдохнул, все отчаяннее втягивая в себя воздух, но его легкие уже не могли принять его. Мужчина откинулся на стену. Ливианна снова ударила его в грудь, но это не помогло, от удара его рот просто наполнился кровью, и она потекла с приоткрытых губ.

Они были здесь. «Это очевидно», — в гневе подумала она. Они принесли безумие за пределы стены. Ливианна поднялась и вышла из конюшни, задумчиво оглядела ночную равнину. Может быть, духи покинули долину?

И твердым шагом направилась к воротам в высокой стене.

Запретная долина

Казалось, звезды забрались подальше вглубь неба. По эту сторону ворот их свет был более слабым и непостоянным. Здесь словно что-то питалось этим светом. Ливианна скорее чувствовала, чем видела склоны гор, обрамлявших тесную долину. Не колеблясь, она шла вперед, в темноту. Чувства ее были настолько напряжены, что ей самой казалось, что внутри все вибрирует. Обоняла аромат сухих хвойных иголок, смолы и пыли. Осязала каждый крохотный камень под подошвами сандалий и дуновение ночного ветерка, словно руку, ласкающую кожу. На языке и губах оседала вездесущая в этой высушенной земле пыль. Здесь, в долине, у нее был металлический привкус, словно в воздухе витала медь.

Одни глаза уже не справлялись, ослепленные тьмой. Теперь и звезды исчезли с неба. Ливианна знала, что долина сужалась, превращаясь в настоящую теснину. Воспоминания Аарона об этом месте образовывали в сознании четкие и недвусмысленные образы. Неужели она действительно зашла настолько глубоко в Запретную долину?

Ей казалось, что за ней наблюдают. Ее выслеживает что-то, потому что назвать это темнотой язык не поворачивался. Здесь ощущалось что-то не на физическом уровне. Что-то, что угнездилось в этой долине и чья ненависть пронизывала все вокруг.

Кроме того, стало ощутимо прохладнее. Удушающая летняя жара, царившая на просторной равнине, сменилась температурой морозного весеннего утра. Где они, духи-то? Ливианна чувствовала, что они пронизывают ее дыхание, пока она движется вперед в своих неуклюжих доспехах. Это место было создано не для тех, в чьих жилах еще течет теплая кровь.

Что-то хрустнуло под левой сандалией, словно ветка, сломавшаяся под ее весом, но Ливианна знала, что это на самом деле: повсюду лежали кости. Останки тех неосторожных людей, кто вошел в эту долину, прежде чем бессмертный Аарон велел возвести стену. Ливианна не сумела собрать все его воспоминания об этом месте, но образы мужчин, убивших своих друзей, не шли у нее из головы. И лошадей, привязанных к деревьям и умерших от жажды, потому что их хозяева перерезали друг другу горло. То, что случилось у стены,

происходило уже дюжину раз.

Приходившему сюда безопаснее всего было оставаться одному. Только тогда можно было не опасаться удара в спину. Что-то в этой долине пробуждало в каждом самые темные стороны его души. Ливианна чувствовала искушение позвать духов, но победила гордость.

Пусть приходят! Она не подчинится, не станет молить о пощаде. Эльфийка чуть не упала, споткнувшись о лежащие на земле кости и камни. Протянула левую руку, коснулась скалы. Дорога вела прямо вдоль нее. Под ногами негромко звякнул и откатился в сторону шлем. И вдруг появился свет — чужеродный, не исходящий из одного источника, как от факела или фонаря. Казалось, он струится прямо из скалы и был темно-синим, поэтому скорее подчеркивал окружающую черноту, чем прогонял ее. Он полз по лежавшим на земле костям, покрытым патиной доспехам, не сумевшим защитить их владельцев от ужасов этой долины.

Узкая тропа вилась по ущелью. Эльфийка осторожно, ощупью продвигалась вперед во тьме, которую не мог разогнать синий свет. Скалы с обеих сторон были настолько близко, что можно было коснуться их руками, не вытягивая их на всю длину. Пальцы нащупали холодный липкий камень. Ливианна вдруг испытала абсурдное чувство, что эта долина хочет проглотить ее.

На скалах чувствовались странные известковые наросты, напоминая эльфийке замерзшие капли молока. Царивший в этом месте холод въелся глубоко в кости. Она дрожала и ничего не могла с собой поделать. Одно слово силы — и кокон живительного тепла окружит ее... Долина пыталась заставить ее совершить эту смертоносную ошибку. Ливианна стиснула зубы и зашагала увереннее.

Дорога резко свернула, и ущелье словно расступилось. Скалы, из которых продолжал сочиться синий свет, отодвинулись шагов на тридцать. Она заставила себя продолжить идти, и, несмотря на то что знала, что будет дальше, вид изрезанной ущельями скалы в конце долины напугал ее: испытывая странную смесь отвращения и любопытства, она скользнула взглядом по огромному рельефу, грубо вытесанному в камне и который показался отвратительным и бессмертному Аарону. Игра теней и синего света словно оживляла вытесанную глубоко в скале сидевшую на корточках фигуру.

Пропорции у существа не были соблюдены. Ни человек, ни дитя альвов. Оно сидело на пятках, по крайней мере, так казалось на первый взгляд, хотя ноги были скрыты в глубокой тени. Окрестив на груди руки, вытянув вперед уродливую, слишком большую голову, оно словно бы глядело на Ливианну своими круглыми, как шары, глазами. Узкие сжатые губы и маленький остроконечный подбородок не сочетались с огромными глазами и отвратительно вытянутым назад черепом существа. Каменные подошвы обвивали исхудавшее тело, словно было очень важно помешать этому существу встать, потянуться и взять себе то, что принадлежало ему по праву.

Ливианна вспомнила, как описывала глаза богини Нандалее, вернувшись из самого центра полого мира, который девантары и альвы превратили в темницу для великанши.

Огромны, словно прерии Байнне Тир были глаза Нангог. Как же неизмеримо велика должна была быть богиня! Ее тело — массивнее гор. Выдох — словно буря. Ее боялись даже альвы и девантары, и поэтому обманули великаншу Нангог, свою слугу, которая обрела божественность. Они погрузили ее в магический сон и украли сердце из сверкающего изумруда, а затем разделили его на части. Ту половину, которую хранили альвы, Нандалее вернула, и Нангог сменила состояние глубокого, похожего на смерть сна на полудрему. Даже во сне она чувствовала, что происходит в ее мире. Чувствовала, что по поручению девантаров пришли дети человеческие, чтобы подчинить себе мир, созданный Нангог для своих собственных детей. Тех существ, пленников кристаллов, которых Ливианна видела в большой пещере, глубоко в Устье мира. Великанша создавала свой мир втайне. Ливианна никогда не могла понять, как можно спрятать целый мир. Может быть, от внимания альвов и девантаров ее защищало какое-то заклинание? И какой была Нангог? Доброй? Или она из числа тех слуг, все существо которых пронизано подспудной ненавистью к своим хозяевам?

Эльфийка скользнула взглядом по омерзительному барельефу. Неужели Нангог выглядела именно так? Или же это искаженное изображение создано девантарами в насмешку над ней? Какой бы ни была Нангог, если удастся полностью освободить ее от чар и, как надеялся Золотой, вернуть ей вторую половину сердца, а с ним и саму великаншу в миры, исход войны между альвами и девантарами будет предрешен.

Золотой был убежден, что пробужденная Нангог захочет изгнать девантаров и детей человеческих из своего мира и завершить начатое творение. Возможно, она и не станет союзницей альвов. Однако детей человеческих Нангог будет ненавидеть гораздо сильнее, ведь они попытались подчинить себе ее мир.

Отведя взгляд, Ливианна ступила на порог лестницы, ведущей наверх, к отверстию под барельефом, не обращая внимания на воина в белых одеждах, похожего на солдат из лейб-гвардии бессмертного Аарона, который сидел на нижней ступеньке. Безумие заставило его пронзить себе горло мечом. Эльфийка поглядела на сжимаемое в руке оружие. Может быть, ей тоже грозит опасность? И злые духи этого места могут заставить ее казнить саму себя?

Начать сомневаться в себе — первый шаг на этом пути, решила эльфийка и стала решительно подниматься по лестнице. Ступени были необычайно велики, словно были созданы для существ, ростом гораздо выше людей или эльфов. Скульптуры собирателей облаков, массивных существ, носивших корабли по небу в мире Нангог, украшали ступени. И только на последней ступеньке отчетливо виднелась нижняя часть статуи Нангог. Та область над зияющим в скале темным провалом, который до сих пор оставался скрытым в тени. Из обрубков ног великанши торчали кости. Кто бы ни создал эту скульптуру, он со зловещим упорством воссоздал каждую деталь изуродованного тела. Альвы и девантары отрезали ноги спящей великанше — такой вот акт проявления совершенно бессмысленной жестокости. Если Нангог создала свой собственный мир, то и ноги сможет отрастить заново.

«Какими же беспомощными должны были чувствовать себя боги по отношению к великанше, что пошли на подобное варварство», — удрученно размышляла Ливианна.

Вход в пещеру закрывала опускавшаяся с потолка массивная каменная плита толщиной более фута. Подойдя к ней, Ливианна невольно подумала о мече правосудия. Если она хочет попасть в пещеру, придется пригнуться и пройти под ней. Эльфийка недоверчиво оглядела желобки, выбитые в скале для опускания каменной плиты. Нет, она не застряла! Где-то есть потайной механизм, необходимый для того, чтобы поднимать и опускать ее. Его остановили... Эльфийка представила себе, как за ней с ненавистью наблюдает сын человеческий. Может быть, выживший со

стены, рассудок которого давно поглотило безумие. Стоит ей полезть под плиту, как он переведет рычаг в нужное положение и раздавит ее.

— Чушь! — негромко произнесла она. Может быть, разлитый в воздухе долины яд начинает отравлять и ее? Она медленно опустилась на колени, не удостоив каменную плиту ни единым взглядом, и, пригибаясь, прошла в ворота. Ничего не произошло... Даже здесь, внутри горы, царили темно-синий свет и тьма, и было еще холоднее, чем в долине. Ледяной ветер поднимался из глубины пещеры, терявшейся в темно-синем мраке. Из воспоминаний Аарона она знала, что пещера по размерам больше долины, которую она пересекла по ущелью. Вдоль некоторых стен и вокруг массивных колонн, поддерживавших свод пещеры, были возведены примитивные строительные леса. Сам свод оставался скрыт от взглядов Ливианны.

По лезвию клинка поползла изморозь. Холод словно иглы пронизывал все тело, у губ детали облачка пара от дыхания. Потрескивая, мороз цеплялся за волосы. Ливианна знала, что стоять при такой температуре — верная смерть. Но ей не нужно было осматриваться, не нужно было искать, она знала, где найти то, что нужно. Поэтому она широким шагом пересекла пещеру и достигла прохода в конце зала, который должен был привести ее к пещере поменьше, где хранилась половинка сердца Нангог. Здесь тоже была плита, и она тоже была наполовину опущена. На этот раз Ливианна пригнулась и прошла под ней, не колеблясь ни минуты.

Эльфийку тут же ослепил яркий зеленый свет. Вот они, Зеленые духи, так глубоко въевшиеся в воспоминания Аарона. Светящиеся червячки, пляшущие под неслышимую мелодию. А среди них, в сердце пещеры, возвышался стеллаж из темного дерева, украшенный перламутровой инкрустацией. Ливианна заморгала. Сначала ей показалось, что яркий свет играет с ней. Оно должно быть там, сердце, которое она так отчетливо видела в воспоминаниях Аарона. Большой кристалл, пронизанный прожилками чистейшего серебра, в окружении поклоняющихся ему Зеленых духов. Но полки были пусты! Эльфийка подошла ближе, не веря себе, снова заморгала, глядя на зеленый свет. Бесполезно. Зеленого кристалла больше не было!

Осознание этого настигло ее, словно удар кулаком в живот. Ливианне пришлось ухватиться за стеллаж — ей показалось, что ноги

вот-вот подкосятся. Все надежды пропали втуне. Она не сможет вернуть себе расположение Золотого. Все было напрасно!

Провела рукой по углублению в деревянном стеллаже, где раньше лежал кристалл. Как же ей возвращаться обратно к Золотому, обратно в Альвенмарк? Никогда прежде она не терпела поражение во время миссии. Об этом узнает Бидайн... И Нандалее. Может быть, теперь милостью небесных змеев будут пользоваться юные драконники?

Она в ярости ударила кулаком по дереву. Нет, она не сдастся! Где же сердце? Нужно как можно скорее выяснить, куда отнесли его девантары! Может быть, они оставили следы?

Ливианна подняла голову и замерла. Ее окружали змеи, сотканные из зеленого света. Она догадывалась, что именно они были источником зла, разлитого в этой долине. Эльфийка решительно потянулась к мечу. Аарон заключил одно из этих существ в меч. Она прорубит себе обратный путь мечом или же погибнет.

Едва ее рука коснулась обмотанной кожаными полосками рукояти меча, как эльфийка вспомнила о воине у входа в пещеру, который казнил себя своим собственным оружием. Однако она знала, как защититься от этого безумия, что сильнее любого оружия. Этого ужаса, что способен был уничтожить любую искру разума. Хотела произнести слово силы, защититься, и пусть девантары узнают о ее присутствии. Но не успела она произнести ни единого звука, как случилось невообразимое: Зеленые духи поклонились ей. Те существа, что принесли тьму в эту долину, поклонялись ей.

— Вы знаете, что я не желаю вам зла, — негромким голосом произнесла Ливианна, но ее слова громким эхом отразились от стен пещеры.

Змеи зашевелились. Одна за другой от опускалась к полу, а затем снова поднимались в воздух. Духи обвивали ее. Теперь Ливианна стояла в центре водоворота из зеленого света. Смертоносный холод отступил... Что же намерены делать с ней духи?

— Вы чувствуете, что я была рядом с сердцем, правда? — Ливианна положила на пол свой зачарованный меч. Она знала, что однажды Нандалее приняла в себя одного из этих духов, и с ней ничего не произошло. Знала она и о том, как тоскливо потерянным душам, как хочется наконец-то снова обрести тело. Наконец-то стать

плотью, а не просто духом. Чувствовать и жить.

— Когда-то мои боги обошлись с вами крайне несправедливо. Они предали Нангог. Но никакая несправедливость не может длиться вечно, до скончания времен. Мы поможем Нангог, она получит свой мир обратно. Теперь мы сражаемся вместе. Вместе мы победим людей и девантаров, восстановим былую справедливость, которую ни за что нельзя было нарушать.

Эльфийка опустилась на колени. Она прекрасно осознавала, что Зеленые духи были свидетелями всего того, что происходило здесь, в долине, вот только они не захотят поделиться с ней своими знаниями. У них нет голоса, нет силы. Есть лишь один способ. Запрокинув голову, она широко открыла рот.

— Добро пожаловать, — ее голос снова громовым эхом отразился от стен пещеры.

Ливианна представила себе, что она — большой розовый куст, усыпанный сотнями красных цветов. Затем мысленно преобразовала каждый цветок в бутон, вернула к стволу, из которого он вышел, каждый побег. Точно так же, как куст, она возвращала в себя все чувства. Закрывала себя, суть своей души от сил, устремившихся в нее: от желания наконец обрести плоть, от желания иметь чувства. Предоставила Зеленым духам свое тело. Согласилась на то, чтобы оно подчинилось чужим приказам, позволила собственным рукам жадно ощупать свое тело.

Ливианна утратила какое бы то ни было чувство времени, а духи заставляли ее потягиваться, танцевать, резали руки мечом, пробовали на вкус теплую кровь. Наконец она почувствовала жгучую жажду и согласилась на то, чтобы то зерно шиповника, в которое она себя превратила, снова проросло. Зеленые духи не сопротивлялись. Понимая, что они лишь гости в ее теле, не стали спорить, когда Ливианна вырастила розовый куст до полного размера, снова завладела своими конечностями и чувствами.

Так же, как Зеленые духи увидели все ее тайные воспоминания, так и она теперь знала о судьбе духов. Они были слишком близко к Нангог, когда из груди ее вырвали сердце. Они пришли сюда не по своей воле. Им потребовалось слишком много времени, чтобы понять, что произошло. И вместе с пониманием родилась ярость. Ярость по отношению к девантарам, причинившим Нангог такую

боль и ставшим такими недосягаемыми для Зеленых духов. Поэтому они направили свой гнев на детей человеческих, которых боги защищать не стали. Девантары хотели, чтобы эта долина стала местом проклятым, чтобы его избегали. Зеленые духи прекрасно осознавали, что их используют для достижения этой цели, и несмотря на это, ярость их не знала границ. Их обманули, лишили права рождения и мира.

Едва не захлебываясь в ненависти духов, Ливианна полностью открыла свое сознание. Нужно пропустить через себя все эти сильные чувства, чтобы узнать, что находится за ними. Она хотела выяснить, кто забрал сердце богини и куда его унесли.

Духи были здесь всегда. Защитное заклинание мешало им покинуть долину. Они должны были знать, кто пришел. Эльфийка медленно пробиралась сквозь шипастые заросли мрачных чувств и оказалась поражена. У духов развился лишь один орган чувств, позволявший им воспринимать окружающий мир: у них было Незримое око! Они видели только магический мир. Ауры живых существ и огромную магическую паутину, пронизывавшую все и соединявшую между собой все.

Эльфийка нырнула в их воспоминания: крупные, похожие на людей фигуры, окруженные сильными золотыми аурами, пришли и забрали кристалл-сердце Нангог. Девантары? Возможно! Но небесные змеи будут выглядеть точно так же, если примут облик эльфов и если смотреть на них Незримым оком. Зеленые духи не знали, куда унесли сердце их богини.

Ливианна вздохнула. Поражение окончательно. Миссия провалена. Она рухнула на колени рядом со стеллажом. Это конец. Она опоздала. У Зеленых духов не было чувства времени, поэтому было совершенно неясно, сколько времени прошло с тех пор, как забрали сердце. Но Ливианна была уверена, что прошло не больше пары недель. Сердце Нангог покоилось здесь много столетий! И она опоздала всего на несколько недель, быть может, даже дней. Но все это вряд ли будет интересно Золотому. Если она скажет ему, что потерпела неудачу, он не станет слушать оправданий.

Эльфийка закрыла глаза, собралась. Никогда в жизни она не сдавалась просто так. Ни во время выполнения поручений Золотого, ни в своем стремлении родить идеального ребенка. Как часто она разочаровывалась. И, несмотря на это, пыталась снова и снова: зачать

ребенка, который изменит мир. Первого в новой расе эльфов. Идеального во всех отношениях ребенка.

Сжав кулаки, Ливианна решительно открыла глаза. Она не сдастся так просто. Быть может, есть след, какой-то знак, который подскажет ей, куда девантары отнесли это драгоценнейшее из всех сокровищ. Она встала и теперь, когда Зеленые духи были у нее внутри и не мешали осмотреться, стала внимательно оглядывать окутанную синими сумерками пещеру. На стенах были картины, изображающие девантаров. Некоторых Ливианна узнала: Львиноголового, крылатую Ишту и Великого медведя, почитаемого жителями Друсны. Все остальные были незнакомы. Пламенный человек и фигура, состоявшая, казалось, из одного лишь света. Рельефы изображали, каким образом девантары принесли сюда сердце Нангог. Смотреть на это бесполезно. Огорченная эльфийка вышла из сокровищницы и снова оказалась в пещере побольше. Здесь ей тоже пришлось подойти вплотную к расписанным стенам, из которых сочился жутковатый синий свет, чтобы разглядеть что бы то ни было.

Работа над рельефами была не окончена. Может быть, из-за Зеленых духов? Что здесь случилось?

И духи внутри услышали ее. Перед внутренним взором эльфийки возникла яркая картинка. Может быть, они снова показывают ей комнату для сердца, в которой она только что была? Там было что-то с сильной аурой, и оно мягко пульсировало. Затем показалась фигура. Эту фигуру окружало колышущееся красное свечение. Девантар... Им правили гнев и страх. И он казался странным. Что у него за спиной? Крылья? У Ливианны перехватило дух, когда она увидела, как Крылатая отломила от сердца-кристалла кусок и скрылась с ним. Может быть, по этой причине сердце перестало существовать? Может быть, девантары разбили его на мелкие кусочки?

Духи в Ливианне словно бы встали на дыбы. Внезапно вокруг показались слабые ауры. Люди? Кажется, они сражаются. Некоторые просто угасали.

Ливианна поняла, что духи показывают ей прошлое. Казалось, она очутилась в эпицентре тех событий. Эльфийка переступила через опрокинутые леса. Камешки, старые палки и тонкие кости трещали под ее ступнями. Духи вели ее к одной из крупных колонн в центре

пещеры. Она тоже была покрыта вырезанными в камне изображениями. Рельефы в этой пещере когда-то были красочными. На одной картине были изображены крылатые люди, сидящие на ветвях огромного дерева, на другой картине — большой флот, вокруг кораблей в волнах пляшут различные морские обитатели. Почти все картины получили повреждения. После увиденного в долине Ливианна отлично представляла себе, как ремесленники, обезумев, рушили ударами молота плоды своего труда за много лет.

Духи заставили ее поднять руку и указали на картину, находящуюся примерно в шаге над ней. На ней Ишта занесла копье, намереваясь вот-вот пронзить кого-то. Девантар мрачно глядела вниз. Но кто был ее противником — неизвестно. Это изображение люди разрушили с особенной тщательностью. От картины ничего не осталось.

Зеленые духи снова вернули ей контроль над телом. Теперь они пытались показать ей, что произошло, образами, сотканными из аур и света — такими, какими видели мир они.

Произошло это когда рабочие отдыхали. В большой зал пещеры вошел девантар. Из пальцев ее испускались лучи ослепительно-красного света. Ишта наклонилась, коснулась одного из спящих, и тугая сеть красных силовых линий сомкнулась вокруг его головы. Девантар заколдовала каменотесов одного за другим, наложила на них заклинания. Образы в душе у Ливианны были настолько яркими, что она снова увидела умерших как светящиеся фигуры, находящиеся в зале. Эльфийка видела, как первый скульптор поднялся со своего ложа, взял в руки острый молот и вонзил его глубоко в череп своего спящего соседа. Потом, сжимая в руках инструмент, подошел к стене и нанес удар по рельефу. Тем временем Ишта носилась среди спящих, одаривая несчастных черными заклинаниями.

Грохот молота, яростно колотившего по рельефу, разбудил спящих. Ливианна все это видела, но не слышала ни единого звука. То была немая трагедия... Ауры большинства людей сверкали золотом, пока они творили. То были простые, честные ремесленники, гордившиеся тем, что трудятся на благо богов. Проснувшись к увидев разрушения, они поначалу растерялись.

Ливианна видела, как они стали звать своего товарища, как подбежали к нему, пытаясь остановить. Вскоре ярко-красный свет праведного гнева стал преобладающим цветом в их аурах. А когда

первый из них пал под ударом молота, он превратился в темно-красный свет слепой ненависти. В зале завязался ожесточенный бой. Ложась отдыхать, они были еще друзьями, товарищами, дружили много лун, а теперь нападали друг на друга.

Ишта же занялась тем рельефом, перед которым стояла сейчас Ливианна. Должно быть, она приняла человеческий облик, поскольку никто из дерущихся каменотесов не обращал на нее внимания. Точно направленными ударами она уничтожила нижнюю часть каменного изображения, опустилась на колени, чтобы продолжить колотить по осколкам на полу. Уничтожала она неторопливо. Когда она поднялась с колен, сражение в зале уже начало стихать. Большинство детей человеческих лежали на земле. Ливианна видела, как меркнут их ауры, как их покидает жизнь. Но Ишта пошла в комнату сердца и соблазнила Зеленых духов, предложив им полакомиться детьми человеческими. Показала им, как можно отнять силу жизни, как питаться ненавистью или страхом. Ливианна чувствовала то, что чувствовали тогда Зеленые духи... Их опьянение, возможность выплеснуть так долго сдерживаемый гнев. У них не было тел, и ненависть их была абстрактной; была словом без содержания. Но Ишта научила их питаться чувствами детей человеческих. Девантару было все равно, как страдали люди, которых она должна была бы защищать. А духи испытывали экстаз, они пили ауры тех несчастных, кто был еще жив, стирали ту силу, что соединяла их с магической сетью, учились смущать разум простых людей, заставляли их совершать ужасные злодеяния. Поначалу некоторые духи испытывали отвращение к подобным действиям, но то, что они отнимали у детей человеческих, было для них слишком сладким ядом. Однажды отведав сильных чувств, они уже не могли отказаться от этого.

Теперь Ливианна поняла все: именно Ишта создала ужасы этой долины. Она использовала для этого как людей, так и души нерожденных детей Нангог, чтобы стереть собственные следы. Сама же Ишта удалилась прежде, чем закончилась бойня в большом зале. Девантары не стали сдерживать Зеленых духов, не говоря уже о том, чтобы наказывать ее, но с тех пор один из них день и ночь сторожил кристальное сердце. Никто из девантаров не вступался, когда в долину приходили люди и обрекали себя на гибель. Они не защищали детей человеческих, лишь наблюдая за их страданиями и терзаниями.

Ливианна заморгала; покачала головой, словно это могло помочь

прогнать образы, только что занимавшие все её мысли. Зеленые духи действительно отступили из ее сознания. Она чувствовала их присутствие, но они уже не делились с ней воспоминаниями, уважая желание эльфийки снова стать хозяйкой своих чувств и мыслей.

Та опустилась на колени и стала разглядывать осколки у подножия колонны. Большинство из них были не больше ногтя, а поскольку рельеф изначально был сделан не очень хорошо, из этих фрагментов практически ничего нельзя было составить. На одном кусочке подлиннее можно было разглядеть не то кинжал, не то наконечник копья. Или это клык? На другом фрагменте, размером не больше ее ладони, на камне виднелся неровный чешуйчатый узор. Это могла быть рыба, или же плохо нарисованная чешуйчатая броня. Может быть, даже дракон.

После тех недель, что она провела в храмовых архивах Золотого города, Ливианна знала историю Ишты, убийцы дракона. Когда-то ее сестра Анату подружилась с одним из небесных змеев. Возможно, Анату и Пурпурный даже стали любовниками, хотя Ливианна не могла представить себе, чтобы один из князей-драконов влюбился в девантара Узнав об этом, Ишта в гневе убила Пурпурного и взяла в плен Анату, чтобы навеки заточить сестру в Желтой башне.

Может быть, на колонне было изображено, как Ишта пронзает копьем Пурпурного? Поднятая рука с опускающимся вниз копьем вполне вписывалась в историю. Но зачем же девантару понадобилось разрушать барельеф? Эта история была известна во всем мире. Что же было здесь нарисовано такого, чего не должны были видеть ее братья и сестры?

Зеленые духи не могли помочь ей, не могли ответить на вопрос. Изображение хоть и могло обладать слабенькой аурой, и было вплетено в магическую сеть, но все было слишком абстрактно, чтобы делать какие-то выводы.

Ливианна снова перевела взгляд на изображение девантара. Эта поза, да и сам рисунок —Ишта с занесенным копьем — показались ей знакомыми. Она видела ее в храме в Нангоге. Но и здесь, только в другом месте. Где же?

Эльфийка задумчиво поднялась. Для начала она решила выйти из пещеры и побыстрее покинуть Запретную долину. Слишком долго пробыла она в этом мрачном месте. Теперь, после того, как она

приняла в себя Зеленых духов, спустя столько веков, долина наконец-то станет спокойным местом.

Дойдя до стены, Ливианна увидела, что утро осторожно касается серебристыми пальцами вершин горного хребта. Что это там, среди сосен? Эльфийка недоверчиво обвела взглядом лес, высившийся на склоне горы над нею. В утреннем свете деревья отбрасывали длинные тени. Увидев, как среди рыжих стволов мелькнула сойка, она перевела дух. Просто птица.

Поспешно вернувшись к колеснице, Ливианна села в нее, не оглядываясь. В Альвенмарк возвращаться нельзя — она не могла предстать перед Золотым как неудачница! Если уж она не может принести ему сердце Нангог, то уж хотя бы разведает тайну, которую так тщательно старалась сберечь Ишта. Поспешно уносясь прочь, эльфийка вспомнила, где она уже видела победоносную Ишту. В лесах Друсны, на обвитом плющом камне неподалеку от Священной рощи. Может быть, там удастся увидеть то, что было разрушено здесь. Но почему камень с изображением Ишты находится в Друсне, у святыни Великого медведя, девантара лесной страны?

Последняя война

Ашот окинул взглядом тяжелый, поддерживаемый выкрашенными красной краской кедровыми балками потолок просторной комнаты, куда вызвал его Аарон, затем дюжины столов, на которых громоздились глиняные таблички и карты. Каждый день бессмертный проводил здесь по нескольку часов, занимаясь делами, которым должен был посвящать себя его дворецкий Матаан. Но Аарон хотел знать обо всем, что происходит в его империи. Он интересовался налогами, задержками при строительстве плотины на Амуре, далеко на востоке империи, жалобами девушек легкого поведения из Урата, которым запретили входить в караван-сараи, состоянием урожая и историями о диком кабане-убийце, бесчинствовавшем в горах неподалеку от Калидона, на побережье айолийского моря. Несмотря на то что он проводил больше времени со всеми этими текстами, чем было бы полезно человеку — даже если он бессмертный — его физическое и душевное состояние за последние месяцы существенно улучшилось.

Наступило то, на что никто во дворце уже не рассчитывал — с тех пор, как бессмертный распустил свой гарем и стал целомудренным, как священник. Казалось, Аарон влюбился. Да в кого — в кухарку! Ее звали Кирум, и несмотря на то что Аарон пытался вести себя осторожно, ее имя было у всех на устах, и с каждым днем болтали все больше и больше. Только вот сегодня утром гофмейстер Матаан ввел его в курс новейших слухов.

Оба они беспокоились об Аароне, несмотря на то, что общение с девушкой явно было на пользу правителю. У Кирум не было прошлого, она появилась из ниоткуда, нанялась выполнять самую грязную работу на дворцовой кухне. Аарон никогда не встретился бы с ней, если бы ее не привели к нему для вынесения приговора: она вывернула руку его личному повару Махуту, разбила о голову королевского дегустатора амфору и поколотила еще нескольких поварят. Ашот не представлял себе, что Аарон нашел в этой фурии. Сама она утверждала, что родом из Нари. Матаан осторожно навел справки — никто не знал никакой Кирум из Нари.

То есть она втерлась в доверие к бессмертному с помощью лжи. Возможно, девушку послали его враги: слишком многие желали

лишить повелителя жизни. И несмотря на то, что Аарон и слышать не хотел об этом, в лучшем случае она оказывалась шпионом, а возможно, и наемной убийцей. Они с Матааном устроят так, чтобы она просто исчезла.

Аарон сидел, склонившись над деревянной рамкой размером не больше ладони, на которую был нанесен слой пчелиного воска, и негромко бормотал что-то себе под нос, затем вдруг выругался, раздавил текст на дощечке большим пальцем и снова начал царапать значки грифелем из слоновой кости.

Ашот внимательно наблюдал за Аароном. В таком взволнованном состоянии он не видел бессмертного на протяжении вот уже нескольких недель.

— Вот они, — воскликнул Аарон. — Наконец-то я нашел их: нужные слова! — Он встал и подошел к Ашоту. — И ты будешь первым, кто прочтет их, поскольку среди всех ошивающихся при дворе ты единственный, осмеливаешься говорить мне то, что думаешь, прямо в лицо.

Ашот окинул взглядом восковую дощечку, которую протянул ему Аарон. Почерк был неровным, словно бы слова выводились поспешно, но подобраны были хорошо. Ашот прочел то, что, судя по всему, должно было стать проектом нового закона, и у него захватило дух.

— Вы не можете сделать этого, великий! — в недоумении прошептал он, пробегая во второй раз глазами по строчкам. — Вы хотите на два года призвать к оружию всех мужчин, достигших семнадцатилетнего возраста?

Аарон серьезно кивнул.

— И всех мужчин постарше, кто готов встать под львиный штандарт за золотой от вербовщика.

— Вы... — Ашот положил дощечку на стол. — Империи нужны эти люди. Они станут писарями, крестьянами, пекарями, служителями храмов, торговцами...

— Сначала все они побудут воинами, — твердо ответил бессмертный. — И так будет не только здесь. Этот закон будет иметь силу во всех семи империях. Так было решено, таково желание богов. И да будет так! Молодежь нашего мира возвысится. Бок о бок

отправятся они на последнюю войну, чтобы затем даровать всем живущим вечный мир. Если мы готовы принести эту последнюю жертву, начнется золотой век.

Глаза Аарона сверкали, словно его снедала лихорадка, голос срывался, но он продолжал говорить. Эта идея, нашептанная богами, захватила его целиком. Ашот задумался, было ли то же самое с другими бессмертными? Аарон всегда был склонен к увлечению необычными идеями по улучшению мира. Ашоту невольно вспомнился друг прежних времен, Артакс — он был точно таким же. Они бы отлично поладили. Вот только Артакс сгинул в Нангоге много лет назад.

Ашот воспользовался своим новым положением при власти, чтобы навести справки о друге своей юности. Артакс бросил свои поля в Нангоге и исчез в лесах. Возможно, его забрали Зеленые духи, как и многих других.

— Сомневаешься? — спросил Аарон. Голос его звучал так, словно он говорил с упрямым ребенком.

— Как можно не сомневаться, если я вижу, что все силы целого мира направлены на одну цель: на войну? Все станет другим, не таким, как мы привыкли. И народ тебя за это любить не станет. Матери будут прятать сыновей от твоих вербовщиков, писать твое имя на свинцовых дощечках для проклятий и молиться богам, чтобы все беды этого мира обрушились на твою голову.

— Я знаю, — огорченно кивнул головой бессмертный, неосознанно проводя рукой по длинной, тщательно завитой бороде. — Такова цена свободы.

— Почему? — возмутился Ашот, — Что стоит того, чтобы приносить ему в жертву молодежь целого мира?

— Мир без войн. Таков будет наш дар молодежи будущего, — Аарон глубоко вздохнул. — Думаешь, мне нравится вести войну? Думаешь, мне легко издавать такой закон? — Он махнул рукой, указав на лежавшую на столе, за которым ом работал, восковую дощечку. — Я знаю, что принесет это в будущем. Будут разрушены жизни тысяч и тысяч людей. Я так надеялся, что встреча бессмертных сможет предотвратить все войны нашего мира. Я хотел, чтобы был мир, где могущественные люди решают свои разногласия путем переговоров. Или, в худшем случае, в ходе дуэли. Но нападение на

Зелинунт изменило все. Все станет совсем не таким, как раньше. Ты понимаешь, что драконы пытались убить наших богов? И всех бессмертных, и всех их важнейших придворных вместе с ними? Весь наш мир погрузился бы в эпоху мрака, если бы мы, как было запланировано, явились в город на великий праздник. Драконы превратили бы все народы человеческие в своих рабов. И они попытаются сделать это снова.

Нет, Ашот не забыл ужасный небесный огонь над Зелинунтом. Тот, кто смотрел прямо на луч обжигающе-яркого пламени, ослеп. В течение одного удара сердца был уничтожен целый город. Никто из тех, кто был там, никогда не сможет забыть случившееся в тот день. Уже не первую неделю эту историю рассказывали во всех семи королевствах. Она достигнет ушей жителей даже самых отдаленных уголков Дайи.

— Что мы, люди, можем сделать против божественных драконов? — негромко произнес он. — Ты хочешь, чтобы наши воины шли строем в пламя?

— С нами будут боги, Ашот. В этот час Длиннорукий уже стоит в кузнице. После гибели Зелинунта он почти не спал. Он подарит нам новое оружие. Оружие, которое будет нести смерть драконам и их детям демонов. Мы не будем сидеть, сложа руки, пока они устроят нам второй Зелинунт.

Ашот не мог понять этого лихорадочного воодушевления своего правителя. Но ведь он просто крестьянин, по прихоти судьбы ставший капитаном лейб-гвардии бессмертного,

— Мы пойдем в мир детей демонов? — хриплым голосом переспросил он, и, произнося эти слова, он почувствовал, как внутри у него все заливает холодом.

— Нет, план не таков, — казалось, даже Аарон испугался идеи отправиться на родину демонов. — Мы будем сражаться в Нангоге. Сначала мы победим те порождения кошмаров, которые населили леса и восстали на кладбищах. Этих бестий, наполовину людей, наполовину животных, сеющих страх и ужас, — он сжал руки в кулаки. — Поверь мне, я боюсь этой войны и цены, которую придется заплатить, Ашот. Нам нельзя было перебираться в Нангог. Это была ошибка, допущенная нашими предками. Вот только нам нужны злаки и мясо, которые дает этот мир. И нам решать, станем ли

мы сражаться за него и принесем в жертву нашу молодежь или же сдадимся и целое десятилетие будем страдать от голода, и будем вынуждены наблюдать, как зимой будут умирать старики, больные, маленькие дети и другие, истощенные до состояния скелета, и не сможем сделать ничего, кроме как наблюдать, как они гибнут. Ты ведь родом из бедной деревни, Ашот. Ты знаешь, что такое голод. Ты уже видел его. Видел, как ожесточившиеся мужчины выносят на рассвете на кладбище маленькие свертки, хороня своих первенцев... Я не могу повести свой народ этим путем, Ашот. По крайней мере, пока у меня хватит сил держать в руках меч и противиться судьбе.

— Вы помните нападение на храмовый квартал Цапоте, повелитель?

Бессмертный наморщил лоб.

— Конечно.

— А убитых воинов-цапотцев, которых мы нашли? Тех жутких зверолюдей? Воинов, которые остановили колесницы Муватты на высокогорной равнине Куш, хотя люди бессмертного превосходили их по численности не менее чем в двадцать раз. Люди-ягуары из Цапоте — лучшие воины этого мира. А дети демонов убили их, — Ашот щелкнул пальцами. — Просто убили. Скажите мне, господин, как же мне вести людей в бой против непобедимых демонов? Что может остановить их?

На миг Аарон словно бы снова рассердился. Стиснул губы, бросил на него колкий взгляд.

—Именно эти вопросы и делают тебя столь ценным советником. Вопросы, которые остальные не осмеливаются задать. И я отвечу тебе честно. Мы думаем, что дети демонов придут в Нангог, чтобы помочь Зеленым духам и тем появившимся вновь чудовищам. Мы должны как можно скорее прогнать чудовищ, которые ждут нас там. Мы должны стать сильнее. Должны обучить своих воинов, и когда придут демоны, Нангог для них станет словно бы полон барханов. Каждая отдельная песчинка сама по себе слаба. Их сила в количестве, и таков наш план — превратить обычный песок в барханы.

Ашот покачал головой,

— Это же просто слова. Я все еще не понимаю, каков план. Что именно превратит нас из обычных песчинок в смертоносные барханы?

— Наша готовность отдать десять жизней за одного мертвого демона. Двадцать, если будет нужно... В конце концов непобедимыми нас сделает именно наше количество, — Аарон побледнел, но в чертах его лица по-прежнему читалась решимость, из-за которой в душе Ашота умерла какая бы то ни было надежда на то, что правитель откажется от своего убийственного плана.

— Вы выбрали не тот образ, бессмертный, — с горечью произнес капитан. — Песчаная равнина — это так чистенько. Но вы решили утопить демонов и чудовищ Нангога в крови своих подданных. Как вы можете ковать днем такие планы, а ночью развлекаться со своей кухаркой? В какого человека вы превратились? Когда вы лишились души? — Стоило Ашоту произнести эти слова, как он пожалел об этом. Не содержания, он говорил правду, но цены, которую придется заплатить за это, воин опасался.

К его огромному удивлению, бессмертный был спокоен, лишь пристально поглядел на него. Во взгляде правителя не было даже укора.

— У тебя есть мечта, друг мой?

Ашот растерялся.

— Не понимаю...

— Есть у тебя что-то, чего ты непременно хочешь добиться в жизни? Что-то, о чем ты думаешь, прежде чем уснуть, и первое, что приходит в голову, когда ты просыпаешься? Что-то, что зажигает тебя, делает жизнь богаче и придает ей цель?

Капитан помедлил, хотя ответить мог сразу. Именно его служба бессмертному наполняла жизнь смыслом. Он не мечтал о женщине, о власти или богатстве. Иногда, ложась ночью спать, оставляя позади все обязанности, он чувствовал, что жизнь его пуста, и от этого становилось больно.

— Я не мечтаю, — раздраженно ответил он, догадываясь, что такого ответа Аарон и ожидал. — Я твердо стою обеими Ногами на земле.

Правитель улыбнулся.

— Да, это часть проблемы. Ты стоишь. В твоей жизни нет движения. Ты смирился с миром в том виде, в каком он есть. А я хочу

изменить его. Хочу сделать его лучше. Хочу превратить его в такое место, где не будут угнетать слабых. Где крестьянин и сатрап равны перед законом. Местом, где нет ненависти и эксплуатации. Мы в силах изменять мир, в котором живем. Возможно, это ошибка— отправляться в Нангог и не удовлетворяться миром, который был дарован нам богами с самого начала времен... Я не могу обратить время вспять, не навлекая на свой народ огромной беды, поэтому иду вперед. Мы должны сделать мир Нангог безопасным и позаботиться о том, чтобы с неба не обрушился столп пламени, чтобы в мгновение ока обратить в пепел целый город и его обитателей. И когда эта цель будет достигнута, воцарится мир и справедливость. Я приложу максимум усилий, чтобы достичь этого, — правитель взял в руки дощечку, которую Ашот положил на стол. — Отнеси это писарям. Каждый сатрап, каждый свободный город и каждый крупный храм должны получить копию с нее и привести в исполнение новый закон.

Капитан принял дощечку. Он знал, что правитель не станет больше слушать его, и в подавленном настроении удалился, а Аарон тем временем вышел на террасу через двустворчатую дверь, и стал смотреть на серое небо. Казалось, он бесконечно одинок, и его мечта в первую очередь оборачивалась кошмаром.

Кирум

Ашот поспешно спускался по длинному коридору, ведущему из личных покоев бессмертного к Львиному двору. Стены были украшены фресками, изображавшими речной пейзаж. Кроме того, были на них и изображения бессмертного на охоте в высоком тростнике, перемежающемся с лилиями. Он то преследовал льва, то охотился на уток, то просто сидел у реки, в то время как его наложницы в прозрачных одеждах играли для него на кифарах и пузатых флейтах, а одна, обнаженная рыжеволосая красавица, танцевала под аккомпанемент товарок. Ашот задумался, насколько давно миновали те дни. Он никогда не видел, чтобы бессмертный Аарон, предавался праздности. Эта кухарка из Нари была единственной слабостью, которую позволял себе правитель.

Услышав тяжелые шаги, сопровождаемые постукиванием, капитан поднял голову. Со двора в коридор вошел Матаан. Сейчас гофмейстер был похож скорее на тень прежнего себя. Худощавый высокий мужчина, тяжело опирающийся на палку. Мышцы словно растаяли, и сейчас вряд ли кто-то сказал-бы, что когда-то этот мужчина был воином. А ведь не прошло и года с тех пор, как он бросился наперерез бессмертному и защитил его своим телом от смертоносного удара — в Каменном гнезде, последнем прибежище Элеазара, предателя и сатрапа Нари.

— Как он? — поинтересовался Матаан, поравнявшись с воином.

Вместо ответа Ашот протянул ему проект нового закона. Гофмейстер пробежал глазами по строкам и кивнул.

— Неужели ты согласен с ним, Матаан?

— Разве у бессмертного есть выбор? Эта война была навязана нам драконами. В этом законе я вижу его благородный дух, сияющий подобно маяку даже в самые трудные времена.

Ашот не поверил своим ушам.

— Ты же представляешь себе, что нас ждет. Мы поведем наших юношей на бойню. Не знаю, что такого чудесного ты видишь в этом законе.

— Нет никаких исключений. Он прост и ясен. Идти должен

всякий, будь он сыном сатрапа или нищего. И все начинают с одного и того же ранга. Помочь сделать карьеру могут лишь мужество и умение. В этих строках я вижу все его прежние идеи. Он изменит нашу империю.

Теперь глаза Матаана блестели почти так же, как у бессмертного, когда он говорил о своих планах.

— В этот час начинается рождение новой империи. И как во время всяких родов, здесь тоже льется кровь.

— Не так давно именно ты предупреждал его относительно этих идей, — раздраженно напомнил Ашот. — Ты предвидел, что сатрапы восстанут против него, и именно так и случилось. И кто заплатил за это? — Он холодно смерил взглядом изможденного воина, от которого осталась лишь кожа да кости. — Что заставляет именно тебя радоваться этому безумию?

— Я видел, как боги призвали его, первого среди людей, в Желтую башню, чтобы выслушать, что он скажет. Я был свидетелем того, как ему удалось собрать всех бессмертных вместе, чтобы провести совещание относительно нового миропорядка. А еще я был свидетелем того, что он предвидел попытку драконов уничтожить всех. Он не такой человек, как я или ты. Мы не имеем права мерить его своей меркой. У него есть планы...

— У меня тоже! Ты еще помнишь ужасы, виденные нами на равнине Куш? Эта битва была безобидной детской дракой по сравнению с тем, что ждет нас. Драконы пошлют детей демонов и одним богам ведомо, что еще. Как нам победить в такой войне?

— Вера — лишь первый шаг, — непоколебимо произнес Матаан. — А я в бессмертного верю. Вместе с воинами, набранными из числа крестьян, он одолел сильнейшее войско на Дайе. Этот человек способен совладать и с демонами, и с драконами. Кто, если не он? Я буду верно стоять с ним рядом, когда начнется этот бой.

— А я останусь хотя бы ради того, чтобы в этих стенах был хоть кто-то, кто может откровенно высказать ему в лицо все, что думает, — на самом деле Ашот прекрасно осознавал, что никто больше и слушать его не станет. Он видел слишком много, чтобы снова вернуться *в свою* деревню, в Бельбек, и надеяться на возможность обрести мир. Лучше уж находиться там, где решается судьба происходящего. Только так он может что-то сделать. В Бельбеке же

он будет просто овцой, которая готовится, что ее вот-вот поведут на убой.

— Неплохая причина, чтобы остаться, — Матаан пристально поглядел на него. — Поскольку ты у нас — предостерегающий голос рассудка, то наверняка ты говорил с ним и о Кирум.

— Поскольку я у нас — голос рассудка, я в эту тему не углублялся. Неподходящий был момент для того, чтобы сказать ему, что мы о ней думаем и что он должен сделать!

Матаан хитро усмехнулся.

— И ты обвиняешь меня в малодушии?

— И кого он заподозрит первым, если она исчезнет из дворца, а перед этим один из нас прочтет ему длинную лекцию о том, как опасны шашни с кухаркой для мира в империи?

— И ты думаешь, что если мы промолчим, он не подумает на нас?

— Он добрый человек.

Взгляд Матаана стал жестким.

— Это слабость, которую мы не можем себе позволить ради него. Ему нужно взять в жены дочь одного из бессмертных. Или хотя бы дочь сатрапа, но не кухарку, о происхождении которой и без того болтает весь дворец. Только сегодня я слышал, будто она — принцесса-воин с Шелковой реки и вместе с тем — шлюха из Золотого города, а Махут, личный повар бессмертного, клянется, что она ведает травы.

Ашот вспомнил дикую драку, устроенную Кирум в дворцовой кухне и кивнул:

– В душе она точно воин...

— А ведь на кухне у нее даже оружия не было. — Матаан встревоженно покачал головой. — И именно эта баба понадобилась бессмертному в постели. Я его не понимаю! При этом я абсолютно уверен в том, что она прошла обучение пути воина, хуже того, пути наемного убийцы. В дворцовую кухню она проникла лишь затем, чтобы привлечь к себе внимание бессмертного. И что ей теперь нужно в его постели, одним лишь богам ведомо.

— А ты точно уверен, что она все выдумала? — С каждым мгновением Ашот чувствовал себя все больше не в своей тарелке. Бессмертный был ему почти другом, насколько вообще можно называть другом человека, который ближе к богам, чем к себе подобным. И теперь он стоит здесь и вместе с Матааном размышляет о том, как потушить единственную искорку радости в его жизни. Они замышляли подлость. Воин никогда не думал, что придется делать что-то настолько ужасное ради правильного поступка.

— Конечно же, она лжет! — Показалось ему, или в голосе Матаана прозвучала обида? — Гофмейстер Датамес был подобен пауку, сидевшему в невидимой паутине, раскинувшейся на всю страну. Ко мне до сих пор почти каждый день приходят с докладами шпионы, которые теперь хотят поступить на службу ко мне и которые в прошлом сотрудничали с моим предшественником. Только в Нари у меня есть священнослужитель из храмового архива, капитан лейб-гвардии сатрапа и богатый купец, которые в свою очередь используют собственные связи, чтобы поставлять мне информацию. В этом городе никогда не существовало никакой Кирум. Ее нет в списках родившихся, никто с таким именем никогда не сдавал храмовые подати, не попадался на глаза стражникам. Поверь мне, она лжет. А тот, кто ложью втирается в доверие к бессмертному, не заслуживает милосердия. Так всегда было здесь, во дворце.

Широко раскрыв глаза от удивления, Ашот уставился на Матаана. Таким он рыбацкого князя не знал.

— Что ты хочешь этим сказать?

— До падения Аарона с неба, этот дворец был совсем другим. Здесь правили страх и жестокость, — гофмейстер понизил голос до шепота. — Когда бессмертный был необузданным… — на миг он умолк, подыскивая слова, — ... необузданным мужчиной, — наконец произнес он, и по его голосу было отчетливо слышно, то он не давал воли своим чувствам. — Яма со львами, большой бассейн с крокодилами... Там он приказывал казнить своих наложниц, которые утратили его расположение или же единственной ошибкой которых было то, что они стали стареть и перестали радовать взгляд бессмертного. Тогда считалось, что женщина, хоть раз делившая ложе с бессмертным, никогда не должна спать с простым мужчиной. Так куда девать этих женщин? Все это изменилось после падения с небес. И Датамес постепенно удалил со двора всех слуг, кто прежде

имел дело с другим, необузданным Аароном, и подчинялся ему слишком охотно. Сегодня ты вряд ли найдешь хоть кого-то, кто мог бы рассказать о тех временах, основываясь на собственном опыте.

Ашоту доводилось слышать слухи о былых временах, но он всегда считал это ложью. Это было так непохоже на того Аарона, которого он знал.

— Откуда тебе обо всем этом известно?

— Я же сатрап, бывал на некоторых пирах… — На изможденном лице гофмейстера дрогнул мускул. — Мне было стыдно, что я служу такому правителю, и я никогда не предполагал, что он может так измениться. Он приехал ко мне. А потом мы с ним и его военачальником Джубой на рыбацкой лодке отправились ловить пиратов. Я не узнавал человека, которого прежде видел здесь, во дворце. Все изменилось. И так казалось не только мне... Падение с небес окружает какая-то тайна, и лезть в нее не стоит. После этого падения Аарон распустил свой гарем. Женщины, которые знали его по-настоящему хорошо, были удалены со двора.

Ашот растерялся. На что намекает Матаан? Даже мысли об этом — сущая ересь.

— У тебя есть доказательства тому, на что ты намекаешь?

— Только то, что все доказательства исчезли. Женщины, которые могли показать, что возможно, изменилось тело бессмертного, разосланы в самые дальние уголки империи и выданы там замуж. А одна, ее звали Айя, совершила самоубийство, прыгнув в яму со львами. Какая женщина решится на подобное? Женщины могут выпить яд или перерезать себе вены. Выбирают смерть, которая не изуродовала бы тело. Но прыгнуть в яму со львами... — Матаан покачал головой. — В это я не верю. Кто-то помог ей совершить самоубийство.

— Ты хочешь сказать, что Аарон...

— Нет, — решительно возразил Матаан. — Он никогда бы так не поступил. Это сделал кто-то другой, готовый на все, чтобы защитить бессмертного, потому что я целиком и полностью предан новому Аарону, правителю Арама, который во всех отношениях является примером для подражания. Он приносит себя в жертву, чтобы защитить империю и привести ее к новому расцвету. И мы должны быть готовы на не меньшее. Я позабочусь о Кирум.

— Что ты сделаешь?

— Найду окончательное решение, — он вздохнул, но взгляд его был по-прежнему тверд. — Ты действительно хочешь знать больше?

Ашот промолчал.

— Знаешь, что, друг мой, — продолжал Матаан, когда молчание стало давящим, — мы оба — тени бессмертного. Именно мы должны делать то, что должно оставаться в темноте, чтобы ничто не омрачало тот яркий свет, окружающий нашего правителя.

Педали, угри и сюрприз

О верхний люк угря ударилось что-то металлическое, и звук разнесся по тесной лодке, словно удар колокола, и все подняли головы в бледном свете янтаринов. Маленькая лодка стояла неподвижно. «Ну, наконец-то», — облегченно вздохнув, подумал Хорнбори. Он стоял на железной лестнице под люком и держался за рычаг, при помощи которого закрывался покрытый тонким слоем ржавчины люк. Воздух в подлодке стоил смрад от тел, и всякий раз, делая вдох, ему казалось, что язык у него покрыт какой-то шерстью.

Он энергично повернул рукоятку и толкнул люк. С первого раза тот не поддался — приржавел. Затем ему помог кто-то снаружи. Хорнбори наполовину высунулся из узкого люка. Казалось, он родился заново. Даже в отсутствие солнца здесь было гораздо больше света, чем в лодке, и карлик невольно зажмурился. Сделал первый осторожный вдох. В воздухе пахло дымом, только что оструганным деревом, раскаленным металлом, испражнениями подземных лошадок, смазкой и капустным супом. Хорнбори вдохнул глубоко и с наслаждением. Это был запах города карликов! Ничего лучше быть не может. Повеяло родиной, несмотря на то что сейчас он находился в Железных чертогах, а вовсе не в Глубоком городе.

— Эй, шевели уже своей толстой задницей! — заорал на него снизу Галар, — или получишь кулаком туда, где солнце не светит. Двигай! Мы тоже хотим выбраться из этого плавучего гроба.

– Эй, не оскорбляй мою лодку, — послышался глухой голос с кормы, где среди рычагов лежал штурман. Хорнбори ухватился обеими руками за железное кольцо, служившее ступенькой, и полностью выбрался на поверхность. Кто-то схватил его за камзол и помог подняться. Карлик по-прежнему моргал, глядя на непривычно яркий свет. Чуть покачиваясь, он встал на сходни, ведущие со скользкого корпуса угря над другими лодками — к причалу.

— Наконец-то свобода! – заорал шедший следом Галар на весь огромный зал. Постепенно Хорнбори начинал видеть отчетливее, силуэты превратились в фигуры. В гавани было полно рабочих. К причалам в несколько рядов были пришвартованы другие утри. Ему никогда еще не доводилось видеть столько подводных лодок в одном месте. На пирсах стояли воины в длинных кольчугах, встречавшие

вновь прибывших. Несмотря на то что из люка не выбралась еще и половина команды, за ними уже причалил следующий уторь, теперь канатами привязывали его. Широкоплечий рабочий дока, одетый только в потрепанные штаны из грубой коричневой ткани, подскочил к лодке, постучал молотком в люк, в знак того, что команда может выходить.

Еще один, более низкий и металлический звук, похожий на удар огромного колокола, заставил Хорнбори вздрогнуть. Он оступился и свалился со сходней в щель между двумя пришвартованными угрями. Корабли слегка покачивались на волнах.

— Держись! — крикнул ему Галар и протянул руку.

Хорнбори выругался — он застрял между лодками. Несмотря на то что его ноги едва погрузились в воду, он провалился достаточно низко, чтобы покачивающиеся лодки сдавили его грудь. Он чувствовал себя мышкой в кулаке шахтера, позволившей поймать себя на горячем: при поедании его сыра. Его раздавит. В отчаянии карлик ухватился за протянутую кузнецом руку.

На лбу у Галара выступила широкая жила — настолько сильно он напрягся.

— Выдыхай, засранец! Сделай это, пока лодки не заставили тебя сделать это во второй раз.

Хорнбори пытался, но в легких давно уже не осталось воздуха. От страха он хватал ртом воздух, словно испуганная собачонка. Сейчас ему наступит конец. Просторная пещера расплывалась перед глазами...

И вдруг давление ослабло, когда прибой растянул пришвартованные угри в разные стороны. Одним рывком Хорнбори втянули на оббитый листовой медью корпус подводной лодки. Грудь и спина болели, на глазах выступили слезы. Он до сих пор толком не мог дышать.

— Мужик, не ной! Тебе еще повезло! — заявил рабочий, стоявший теперь рядом с Галаром. — Не проходит и дня, чтобы кого-нибудь не раздавило между угрями. Здесь, внизу, просто слишком тесно. Этот порт создавался не для того, чтобы вместить в себя целое войско карликов.

— Собирается войско? — недоверчиво переспросил Галар.

Хорнбори тоже не поверил своим ушам. Неужели война? Неужели драконы напали на еще один город? И что будет, если небесные змеи узнают, что здесь собираются тысячи воинов-карликов? Город сожгут!

Он удрученно перевел взгляд на высокий свод пещеры, под которым тянулись струйки дыма, и у него захватило дух. На тяжелых ржавых железных цепях там висело намного больше сотни угрей. На покрытых водорослями корпусах белой краской были выведены руны. Они поднимают подводные лодки из воды, чтобы дать место для новых угрей, в портовом бассейне. По большей части это были крупные лодки, рассчитанные на экипаж от пятнадцати и до тридцати карликов. Вдалеке он увидел, как лебедкой поднимают одну из лодок. С покрытого вмятинами корпуса стекала вода. Лодка скользила вдоль массивных железных креплений, вмонтированных в свод пещеры и ударялась о корпуса других лодок, создавая гул, словно от гигантского колокола.

– Эй, подъем, нытик! — рявкнул портовый рабочий. — Вот уже новая лодка причаливает. Здесь не то место, чтобы глазеть.

Галар помог карлику подняться, бросив на него презрительный взгляд. С растрепанной, не самой густой бородой и неухоженными волосами, да с тонкими, но жилистыми руками, он производил не самое лучшее впечатление. «Может быть, поэтому он такой враждебный и странный», — подумал Хорнбори. Несмотря на то что Галар был гениальным кузнецом и алхимиком, он почти никому не нравился, за исключением разве что Нира, стрелка, и калеки Гламира, хозяина проклятой башни, пленниками которой все они были почти полгода.

– Шевелись, засранец! —. заорал теперь и Гламир, стоявший чуть позади и опиравшийся на свой костыль. Вот, он тоже перенял неуважительное обращение Галара. «Нет, — мысленно поправил сам себя Хорнбори, — Гламир тоже всегда был вонючим ублюдком-пьяницей. Он просто перенял от Галара неуважительную манеру обхождения».

Слегка прихрамывая, опираясь на кузнеца, он добрался до каменного пирса. Хорнбори по-прежнему казалось, что земля у него под ногами качается. После бесконечных дней в угре ему постоянно казалось, что он крутит педали — как бывало со всеми подводниками. Как и все его товарищи, все это время он сидел,

прислонившись спиной к холодной стене лодки, и крутил педали, приводя в движение коленвал, тянувшийся вдоль всего угря. Водный винт приводила в движение мышечная сила их ног, и только это и позволяло лодке двигаться вперед. Занятие это было жалким и утомительным. Крутить педали приходилось даже прекрасной Амаласвинте. От мук избавили только малыша Фрара. Как и во время первого путешествия, он был пленником грузовой сетки под самым потолком угря. Он был единственным из команды, кому нравилось в душной лодке. Мягкое покачивание и негромкая ругань приводили ребенка в восторг. Вокруг мальчика совсем не те карлики, что нужно! Судя по всему, вырастет он и станет таким же неряхой, как Галар.

Каждый вздох отдавался в легких Хорнбори болезненным уколом. Наверное, он сломал ребро. Одно так точно!

Мрачные воины жестом подозвали их сойти с пирса и идти к ним — мимо высоченных груд различных товаров для войны. Здесь были сотни бочонков грибного и солонины, еще горы мешков муки, гороха и бобов. Из широких туннелей, выходивших в порт, доносился грохот кузнечных молотов. Карлики прошли мимо каравана истощенных, наполовину ослепших подземных пони, тащивших в порт все новые и новые припасы.

Наконец Галар утратил терпение: как так, ему просто машут ручкой и велят проходить. Схватив одного из воинов в кольчуге за грудки, он притянул его к себе. Несмотря на свою худобу, кузнец обладал просто медвежьей силой.

— Ты сейчас немедленно отведешь нас к Эйкину. Мы должны поговорить с ним как можно скорее, речь идет о жизни и смерти!

— Не думаю, что у Старца в Глубине, князя Эйкина, найдется время для такого вонючего мусорщика, как ты. Ни сегодня, никогда бы то ни было еще.

Глаза Галара засверкали тем безумным блеском, который был знаком Хорнбори еще по первой встрече с полубезумным кузнецом и который нагонял на него жуткий страх.

— Ты отведешь меня к Эйкину, если тебе важно сегодня и все последующие дни твоей жалкой жизни есть то, для чего нужно иметь зубы во рту.

Краем глаза Хорнбори увидел, что в их сторону направляется группа воинов с боевыми палицами и секирами. Просто невероятно,

каким образом Галар ухитряется в первый же час в чужом городе наживать себе врагов. В принципе, он с удовольствием, посмотрел бы, как проучат вонючего кузнеца, но вполне возможно, что, когда дойдет до драки, стража не станет разбираться, кто был зачинщиком, а кто просто стоял и смотрел. Он прибыл на том же угре, что и Галар, и те неприятности, которые устроил кузнец, коснутся и его.

– Мой друг не имел в виду ничего такого...

– Что? — заорал на него воин, которого Галар медленно поднимал вверх, держа за грудки. — Что он выбьет мне зубы или что он оскорбляет Старца в Глубине? Вам конец, вы...

– Не слушай маленького труса, — прошипел Галар. — Он ничего не решает! — И с этими словами он толкнул воина прямо на гору бочонков, опасно зашатавшуюся от удара.

Гламир перенес вес на здоровую ногу и угрожающе поднял костыль. При этом по его изуродованному лицу промелькнула торжествующая улыбка. Нир передал Фрара Амаласвинте и поднял сжатые кулаки. «Почему эти безумцы так любят драться? И почему я — в самой гуще этой драки?» — в отчаянии подумал Хорнбори.

– Все это просто недоразумение, — отчаянно пролепетал он, уклоняясь от удара палицы. Те воины, которые прибежали на помощь своему товарищу, тоже не любили прояснять ситуацию словами. Не утруждаясь никакими вопросами, они сразу ринулись в драку.

Галар швырнул в них их же товарищем, который снова набросился на него, а затем, широко раскинув руки, бросился в самую гущу драки. Гламир ударил одного из секироносцев костылем по лицу. Карлик, при виде калеки с деревянной ногой замешкался на один весьма решающий миг, поплатился за свое уважение сломанным носом.

Хорнбори сжал в кулак свою неуязвимую руку и блокировал ею нанесенный вполсилы удар секирой. Несмотря на то что удар пришелся ему в запястье, эффект получился разительный. Воин, массивный светловолосый парень с красным лицом, испуганно отпрянул.

— Это... твоя рука... крепче стали...

Хорнбори знал, какое впечатление производят подобные фокусы. Даже Галар забыл о своей кровожадности, когда увидел его

впервые. Тогда, в кузнице, Хорнбори случайно сунул руку в странную смесь из кобольдского сыра и драконьей крови, и это стало поворотной точкой в его жизни. Жаль только, что несмотря на все усилия, так и не удалось сделать неуязвимыми другие части его тела.

— Как видишь, оружие не может причинить мне вреда, — с наигранным спокойствием в голосе произнес Хорнбори. — Как думаешь, что может сделать этот кулак, если я по-настоящему разозлюсь?

— Это драконоборцы! — крикнул карлик, что так любил помахать секирой. — Остановитесь! Драконоборцы вернулись!

Клубок дерущихся тут же рассыпался. У Галара под глазом был синяк, Гламир лежал на полу, но как раз пнул набросившегося на него карлика своей деревянной ногой в самое дорогое для него место. Судя по виду обоих, им было жаль, что драка так внезапно завершилась.

Амаласвинта сунула ребенка обратно Ниру и что-то прошипела на ухо одному из драчунов.

— Ты... — недоуменно прошептал он.

— Вот именно, — самоуверенно произнес он. — Я Амаласвинта, которая всегда была желанным гостем за столом вашего князя. Амаласвинта, которой принадлежит свой собственный туннель в Железных чертогах, две из наиболее прибыльных жил в этих краях, а также битком набитая пещера-склад, один из причалов в этом порту и семнадцать этих чертовых угрей, в которых я, пожалуй, больше никогда в жизни не захочу провести и часа.

Несмотря на то что ее красное платье сильно пострадало во время путешествия и пахла она, как может пахнуть карлик, проведя две недели в одном угре с потными карликами, ей удалось заставить всех забыть об этой и предстать в облике княгини.

— Кроме того, я уверена, что Эйкин, Старец в Глубине, оценит, если вы не станете болтать о том, какие гости прибыли в город. Если небесные змей узнают, кто находится в Железных чертогах, это место тоже постигнет судьба Глубокого города.

Слова Амаласвинты произвели совершенно неизгладимое впечатление. Секироносец отозвал своих товарищей, и в его взгляде теперь смешались восхищение и страх. Все карлики мечтали о том,

чтобы спустить тиранов с небес, но еще больше боялись за это расплачиваться.

– Я подыщу вам квартиру, — пробормотал светловолосый воин, который еще только что собирался зарубить Хорнбори секирой. — И пошлю гонца к Эйкину. Я… прошу прощения...

– Да ладно, — Галар отмахнулся. — Квартира нам не нужна. Мы расположимся в туннеле Амаласвинты и...

– Ну уж нет! — зашипела женщина. — Довольно времени я провела с дюжиной похотливых карликов в одном вонючем бочонке. И никто из вас не отводил взгляд, если мне нужно было сходить на горшок. Наоборот, у вас глаза едва не вываливались из орбит. Что до меня, то я никого из вас не хочу больше видеть!

– Не заводись ты так, милочка, — Гламир снова поднялся на ноги и облизнул губы. — Наверное, ты забыла о наших прекрасных совместных часах, проведенных в моей башне. Хоть меня-то стоит пригласить в свой туннель. Я ведь всего одним глазом смотрел, когда ты ходила на горшок, — и в доказательство своих слов он поднял повязку, под которой открылся взору покрытый шрамами провал на месте его правого глаза

– Ты последний, кто переступит порог вместе со мной. Рассказывайте друг другу о своих фантазиях. Правда заключается в том, что я ни с кем из вас не делила постель, вы, вонючие, никчемные отморозки, — и с этими словами она удалилась. Никто из стражников даже не попытался ее остановить.

Хорнбори смотрел ей вслед с удивлением и вместе с тем с облегчением. Он был совершенно уверен в том, что она спала с Гламиром. Как же хорошо, что он ошибался. Солгала она только насчет него. Ему дважды удалось охмурить красавицу. Но кто может устоять перед таким роскошным мужчиной, как он?

Светловолосый воин велел им следовать за ним. Поначалу он пытался расспросить Гламира и Галара о схватке с драконами, но оба они были в мрачном настроении и не произнесли ни слова. Поэтому рассказы о героических поступках взял на себя Хорнбори, тщательно стараясь представить себя в выгодном свете. То и дело он ловил на себе убийственные взгляды Галара, но карлик не мешал рассказывать ему о битве за Глубокий город. Вскоре они добрались до штольни, которая, судя по всему, временами служила импровизированным

складом. Рядом с погнутыми кирками и сломанными древками валялись сотни пустых, отвердевших от грязи мешков из-под угля. Судя по расположению, их уже использовали в качестве импровизированных постелей.

Проводник многословно извинялся за то, что так быстро не удалось найти более подходящего ночлега, но Хорнбори лишь отмахнулся. Все лучше, чем в угре.

– А почему созывают войска? —мимоходом поинтересовался Галар, развалившись на куче старых мешков.

Воин растерялся.

– Вы что, действительно ничего не слышали? Объявлена мобилизация детей альвов всех народностей. Грядет великая война в Нангоге. Судя по всему, дети человеческие планируют начать оттуда наступление на Альвенмарк. Мы непременно должны опередить их.

– Было бы неплохо, если бы драконы получили пинка под зад, — заявил Гламир, поковырявшись костылем в ворохе мешков и выгнав оттуда двух крыс.

– Но они на этом не остановятся, — проникновенным тоном воскликнул их сопровождающий. — Сначала им будет нужен только Нангог, но вскоре они замахнутся и на наш мир и наше зерно, на наши стада и шахты. Они же словно орда троллей-мародеров, только в тысячу раз хуже, потому что их возглавляют князья-демоны.

Нангог! Более далекого места Хорнбори не мог себе представить. Мир, о котором он слышал лишь пару историй, больше похожих на сказки. И там им предстоит сражаться? Иначе дети человеческие заявятся в Альвенмарк? Совершенно невероятно.

Однако карлик знал толк во лжи. Эта была продумана настолько скверно, что скорее всего в конце концов окажется правдой. Ложь готовят получше!

— И мы будем сражаться вместе с кобольдами и троллями. Может, еще ко всему прочему, и с драконниками, которые убили наших родственников?

— Небесные змеи решили, что нужно забыть о разногласиях и вражде до тех пор, пока не закончится эта война, — торжественным тоном произнес блондин. Судя по всему, в его лице рассказанная драконниками история оказалась подобна зерну, упавшему на

благодатную почву. — Мы будем сражаться бок о бок. Между народами Альвенмарка будет мир, пока мы не освободим Нангог и не победим людей, не проучим их настолько, что они и думать забудут о том, что хотели нас завоевать.

Гламир отрыгнул и повалился на мешки из-под угля. Тут уж Хорнбори решил, что в качестве исключения дальше он промолчит. Скоро они предстанут перед здешним князем и тогда узнают, в чем дело, а не будут выслушивать сказки, которыми карликам морочат головы, чтобы повести их на убой.

Гораздо важнее, чем весь этот бред, сейчас найти место, где можно выкупаться. Хорнбори было противно вонять как Гламир, Галар, Нир и Фрар со своими вечно обосранными пеленками. Кроме того, он уже несколько лун не обрабатывал бороду хорошим маслом и не завивал ее. Как же надоело выглядеть оборванцем. Он — Хорнбори Драконоборец, знаменитость всех подземных городов, и ради своей славы он должен выглядеть как герой. А от героев не воняет!

Гость

Проснувшись, Амаласвинта не сразу вспомнила, где находится. Все хорошо! Наконец-то, после стольких лун. Она лежит в мягкой постели, простыни слегка пахнут розовым маслом. В фонаре из разноцветного стекла горит свеча, погружая ее спальню в приятный, приглушенный свет. Женщина с удивлением обнаружила, что все еще одета в свое красное платье, которое не снимала на протяжении всего путешествия. К нему прилипли все неприятные запахи и дурные воспоминания. Нужно будет приказать сжечь его, чтобы никогда его больше не видеть!

Убрала руки за голову, вытянула ноги. Здорово, когда места достаточно. Пройдет немало времени, прежде чем можно будет забыть о лишениях минувших лун. Нужно выяснить, чем она так сильно прогневила Старца в Глубине, что он изгнал ее в башню Гламира вместе с остальными. Первым делом по прибытии она убедилась в том, что тот особый угорь, который она заказала еще два года назад, все еще стоит на якоре и готов тронуться в путь по ее приказу. Подводный корабль, владельцу которого открыты почти все дороги. Эта лодка могла уберечь ее от изгнания! И почему она не воспользовалась ею тогда? Все произошло так быстро, события застали ее врасплох. Второй раз ничего подобного не случится!

Амаласвинта наслаждалась возможностью лежать в постели, глядеть на пляшущие язычки пламени свечей в фонариках и предаваться размышлениям. Внезапно в нос ей ударила вонь от платья. Кончиками пальцев она развязала шнуровку, стянула его через голову и отбросила в сторону. Через миг за ним последовало восхитительное нижнее белье из самых лучших тканей. Расстегнула пояс, к которому крепились чулки из ягнячьей шерсти, скатала их и тоже отшвырнула прочь. Так, обнаженная, она встала с постели, понюхала правую руку. Вонь никуда не исчезла! Она слишком глубоко въелась в кожу. Волна отвращении к самой себе захлестнула ее с головой.

Амаласвинта энергично хлопнула в ладоши. В дверях почти мгновенно возникла Ламга. Казалось, она хотела что-то сказать, но затем передумала и лишь униженно опустила голову. Служанка и прежде умиляла ее своей чопорностью. Завидев свою хозяйку

обнаженной, она всякий раз теряла дар речи.

— Моя ванна готова?

Ламга робко кивнула.

Приказ нагреть воды для горячей ванной было последним, что сорвалось с ее губ прежде, чем женщина поддалась манящему золу ароматной и мягкой постели. Отдохнувшая, легким и пружинистым шагом Амаласвинта вышла из спальни. Она могла даже не смотреть — и так зная, что Ламга краснеет, видя, что ее хозяйка идет обнаженной по короткому туннелю, соединяющему спальню с ванной. Здесь она могла встретиться еще с кем-то из слуг. Просто невероятно, что можно быть настолько стыдливым, как Ламга. «Наверное, она стыдится за двоих», — предположила Амаласвинта.

Как же она любила эту ванную. Она была почти так же роскошна, как та, что была у нее в Глубоком городе и теперь была потеряна навеки. Отделанная полностью темно-красным порфиром, мягко освещенная двумя фонариками с красными стеклами, комната обладала убийственно чувственным шармом, восхитительно соответствовавшим ее теперешнему настроению. Над большим, встроенным в пол бассейном витали облачка пара. Гладко отполированный камень покрылся конденсатом. Пол под босыми ногами оказался скользким. Приятное влажное тепло окружило ее, в воздухе витал аромат миндального масла. Она смоет воспоминания обо всем случившемся. Она... Амаласвинта застыла на ходу. В ванне кто-то был. Наполовину скрытая клубами пара, поднимающимися над большим бассейном, спиной к ней стояла фигура с длинными черными волосами.

– Кто ты? И что здесь делаешь?

Фигура обернулась. Хорнбори!

– Как ты оказался в моей ванной?

Он заговорщицки улыбнулся.

– Твои слуги не увидели ничего необычного в том, когда я — признаю, довольно решительно, — заявил им, что ты ждешь меня здесь. Ты часто принимаешь мужчин в ванной?

— Тебя это не касается! Убирайся отсюда! Немедленно, или я велю прогнать тебя из моей пещеры палками, голым, как есть!

— Ты же меня приглашала. Что за странная перемена настроения? — наигранно обиженным тоном произнес он.

— Приглашала?

— Ну, когда ты объявила при всех, что ни с кем не спала, а у нас точно была интрижка, это могло значить лишь одно: ты хотела избавиться от остальных, чтобы побыть наедине со мной.

Амаласвинта покачала головой. Полнейшее безумие — такие дурацкие отговорки.

— Сейчас я позову своего охранника...

— Стой! — Хорнбори побрел к ней. Что ж, выглядел он неплохо, это нужно было признать, но он был из того сорта мужчин, которые брали себе женщину всю целиком, если она протягивала им мизинчик. Нужно срочно отделаться от него.

— Ты ведь не хочешь, чтобы твой роскошный дворец стал жертвой пожара. Только мы вдвоем можем это предотвратить, — с его длинной, черной бороды капала вода. Кожа его была безупречной, белой как мрамор и почти без шрамов.

Амаласвинта с ужасом вспомнила те немногие ночи, которые даровала Гламиру, чтобы добиться его расположения. Все тело его было покрыто страшными шрамами. Вся левая половина — изуродована. У него не было одной ноги, одной руки и даже одного глаза, а то, что не отхватили изумрудные пауки, выглядело так, словно они с наслаждением резали его на части. Чудо, что Гламир не умер от этих ран. И это было то единственное, что ее в нем восхищало. Он пил беспробудно, от него воняло, и он считал себя величайшим любовником во всех подземных городах, хотя его силу в лучшем случае можно было назвать весьма посредственной.

Хорнбори был совсем другим. Он принадлежал к числу тех немногих карликов, которые любили мыться. Уже одно это ставило его выше остальных бородатых мужланов, запертых в башне Гламира, и выше большинства придворных князя Эйкина. При этом он был еще и чертовски привлекателен — длинные волосы, мечтательный взгляд больших глаз и густая мужская борода. Кроме того, он был хорошим любовником, обладая той редкой смесью страсти и уважения, превращая одну-единственную ночь в чудесное воспоминание на всю оставшуюся жизнь. К сожалению, Хорнбори прекрасно осознавал это, и уже хотя бы поэтому его следовало

прогнать. Его появление здесь — поразительная наглость! В Железных чертогах он никто! Без средств, без влияния на важнейшие семьи, он пришел сюда потому, что она может стать ключиком к получению власти.

Когда Амаласвинта не ответила, он снова задал вопрос, на этот раз более серьезный.

– Ты действительно собираешься прятаться в этом дворце? Ты знаешь, что хотят сделать Гламир и Галар?

Конечно же, она знала это. Несмотря на то что оба кузнеца были по своей природе молчунами, в постели язык развязывался у обоих. Они хвастались наконечниками, которые раз и навсегда покончат с правлением драконов. Оружием, которому нечего было противопоставить.

Судя по всему, Хорнбори догадался, что это для нее не тайна.

– Мы должны остановить их! Если они убьют одного из небесных змеев, то остальные довольно быстро узнают, откуда появился этот наконечник. Они принесут свой огонь и в Железные чертоги!

Амаласвинта кивнула.

– Так и будет. Но мне интересно, что творится в твоей голове, если ты считаешь, что можешь явиться в мою ванную без приглашения и обсуждать подобные темы?

Карлик пристыженно потупился.

– Вероятно, твое очарование лишило меня остатков рассудка...

«Вот негодяй, — подумала она, но не смогла сдержать улыбки. — Умеет завоевать женщину!»

– Предположим, я окажу тебе милость и подарю одну ночь. Что ты можешь предложить мне взамен?

– Всю свою страсть! — Взгляд его полыхнул надеждой, в иссиня-черной бороде сверкнули ослепительно белые зубы, когда он улыбнулся.

– Ты знаешь, что я имею в виду, — холодно ответила она, хотя притворяться становилось все труднее и труднее. Ей хотелось переспать с чистым мужчиной, знающим, чего он хочет. Всего одну

ночь...

– Они покажут Эйкину оружие, попросят у него поддержки в борьбе с небесными змеями. Впрочем, они опасаются, что он поведет себя как трус и откажется, хуже того, что он отнимет у них все их чудесные наконечники и навеки спрячет их в одной из своих самых глубоких сокровищниц. Поэтому они изготовили второй комплект и спрятали его в нашем угре, устроив довольно хитроумный тайник. Я почти уверен, что они попытаются смешаться с воинами, которых мобилизовали, чтобы служить в войске небесных змеев. Так они смогут достаточно быстро подобраться к одному из крупных драконов и попытаться убить его.

Амаласвинта задумчиво кивнула. Все это звучало очень и очень похоже на Галара. Он был тот еще негодяй, не доверял никому и всегда оставлял себе пути к отступлению.

— Где тайник?

Хорнбори ослепительно улыбнулся.

— Это будет моим тебе утренним подарком. Эйкин наверняка оценит, если ты расскажешь ему об этом замысле.

Амаласвинта вошла в ванную.

— И каково же это — предавать друзей?

— Разве есть цена достаточно высокая для того, чтобы город жил?

Она провела рукой по его широкой груди. Он негодяй, но негодяй привлекательный.

— Теперь я знаю, что ты подаришь мне утром. Но чего хочешь ты, Хорнбори?

Он поцеловал ее.

– Одно желание ты можешь исполнить сразу. А второе немного позже.

Бремя власти

Эйкин стоял на коленях рядом с орудием, лежавшим на полу посреди просторного зала. Старец в Глубине отчетливо чувствовал в коленях одолевавшую его подагру. От деревянного древка копья остались лишь обломки прямо под насадкой, соединявшей наконечник с древком. В верхней части насадки виднелись восемь лезвий поменьше, находившихся по отношению к ней под прямым углом.

– Мы с Гламиром долго возились с этими наконечниками, — самоуверенно заявил Галар. — Та еще была работенка. Но в конце концов мы создали нечто совершенно необыкновенное!

«Выглядит этот парень так, что просто позорит весь карликовский род, какой-то оборванец», — подумал Эйкин. Штаны его настолько поблекли, их столько раз штопали, что разобрать, какого цвета они были изначально, не представлялось возможным. Также на нем был кожаный жилет без застежек на голое тело. Вряд ли кому-то приятно смотреть на худощавый торс плохо питающегося карлика, совсем другое дело — туго набитое круглое брюхо. Но каким бы уродом он ни был, это был настоящий гений! И; как и все гении, с которыми Эйкин повстречался за свою долгую жизнь, Галар тоже, судя по всему, не представлял, каких дел можно натворить, применяя его изобретение.

— Маленькие лезвия выскакивают сразу же, как только наконечник копья находит цель, — гордо пояснял кузнец.

— Я так и понял, — хриплым голосом произнес Эйкин. — Пружинный механизм, я полагаю.

— Точно!

Князь с трудом поднялся.

— И кто об этом знает?

— Почти никто. Нужно держать все в секрете. Страшно подумать даже, что произойдет, если об этом узнают небесные змеи.

Эйкин кивнул.

— Славный мальчик! Но все же скажи мне точно, кто знает. Я

должен все взвесить. В этом вопросе мы не имеем права допускать ошибку, ты же наверняка понимаешь.

Галар недоверчиво нахмурился.

—Мы не совершаем ошибок...

Князь покосился на стену из прочного камня, которую копье пробило с легкостью, словно перьевую подушку.

— Имена, мальчик! — произнес он уже чуть пожестче.

— Некоторые ребята из башни Гламира. Кроме того, Нир, Хорнбори и Амаласвинта. Остальные, которые прибыли с нами в угре, понятия не имеют, что за груз они везли.

Эйкин кивнул. То же самое сказала ему и Амаласвинта. То, что он должен сделать с Галаром, просто позор. Но сейчас не та эпоха для таких героев, как он. Старец в Глубине подошел к стене, недоуменно разглядывая дыру в форме звезды, оставленную копьем в стене толщиной более восьмидесяти шагов. Просто невероятно. Он представил себе, что может сделать такое копье, если попадет в одного из небесных змеев, как оно разрубит мозг или внутренности и свергнет с небес высокомерного бога-дракона. Как ему хотелось увидеть это!

Но как только падет первый дракон, выжившие найдут стрелка. И очень быстро поймут, откуда он взялся. Они не остановятся, убив лишь убийцу дракона. Однажды они уже продемонстрировали это.

— Ты создал настоящее чудо, — искренне признал Эйкин.

— Мы сделаем копьемет еще сильнее. Нам только понадобится хорошая пружинная сталь, большая кузница и...

Старый правитель покачал головой.

— Это привлечет внимание. Так не пойдет, — он отвернулся от скалы и прошел к туннелю, ведущему в тронный зал.

— Нам нужен мощный копьемет, князь. Лишь сила оружия решает, насколько далеко полетит снаряд. Копье ничто не сможет остановить. Оно проходит плоть, сталь и камни, словно сквозь воздух. Если у нас будет копьемет, способный стрелять на расстояние в одну милю, он пробьет все на своем пути. Возможно, даже двух небесных змеев.

Смех Эйкина прозвучал искусственно.

– Копьемет, стреляющий на милю... Такого не бывает!

Галар не позволил сбить себя с толку. Напротив, недоверие старца еще больше раззадорило его.

– Такого оружия *пока* нет, мой князь. Но мы можем создать его! Дай нам средства на разработку и постройку, и я обещаю тебе, что не пройдет и года, как в твоем тронном зале будет стоять копьемет, какого весь Альвенмарк не видывал! У меня уже есть идеи...

– Идеи, — резко отмахнулся Эйкин. — Каждый день ко мне приходят кузнецы с идеями, и всем подавай золото Железных чертогов.

– Я понимаю, мой князь, но что кажется тебе менее вероятным? Копье, способное пробить камень и сталь, словно пергамент, или копьемет, стреляющий в два раза дальше тех, что создавали прежде?

Князь проворчал что-то себе под нос, идя дальше и дальше по туннелю. При каждом шаге он чувствовал укол в правом колене. Сегодня был один из худших дней для подагры. Только он встал, как боль пронзила суставы пальцев ног, он едва сумел сесть. А потом еще это... Галар ему нравился. Именно такие мужчины, как этот кузнец, и сделали возможным существование городов в подоле земли. Мужчины, строящие дерзкие планы, осмеливающиеся претворять свои идеи в жизнь.

«А вот я никогда не был настолько смел, — с горечью подумал Эйкин. — Всегда стоял обеими ногами на земле и осмеливался только на выверенные действия. Так я поступлю и сейчас».

Несмотря на то что Железные чертоги были вдвое больше Глубокого города, уничтоженного небесными змеями в течение часа, он ни на миг не сомневался, что его город, тоже падет. И ради своего народа он обязан отбросить рискованные мечты!

Они молча прошли последний участок пути, пока туннель не закончился, перейдя в большой тронный зал. По совету Амаласвинты Эйкин позаботился, чтобы не было свидетелей. Лишь Гламир ждал их в роскошном просторном зале со стенами из жадеита цвета морской волны, на котором золотом были выгравированы руны, повествуя о великих деяниях героев Железных чертогов.

Глядя на все эти славные подвиги, Эйкин стыдился того, что

предстояло сделать теперь. Внезапно он почувствовал бесконечную усталость и впервые в жизни пожалел, что не переложил бремя княжения на другие плечи, помоложе.

— Ну, что? — взволнованно поинтересовался Гламир.

— Действительно впечатляет. Ничего подобного я прежде не видел и не поверил бы, если бы вы мне об этом рассказали. Этот металл создан для того, чтобы перевернуть весь миропорядок.

Гламир восторженно хлопнул ладонями по копьемету, к которому прислонялся. ‘

— Ну, что я говорил? Наподдадим драконам под зад так, что они в жизни не забудут! Теперь нам понадобится лишь копьемет помощнее, чтобы не пришлось подходить к этим тварям слишком близко.

— М-да, – пробормотал Эйкин себе под нос и направился в сторону своего трона, стоявшего в конце просторного зала на пьедестале, к которому вели семь ступеней. «Как же я устал от роскоши и ответственности», —подумал он.

Поднявшись наверх, он потянулся к колотушке для гонга. Галар, шедший за ним и постоянно что-то говоривший, вдруг умолк, когда послышался первый низкий звук. Понимание чувств других не было сильной стороной кузнеца. Эйкин осознавал, что в этом деле действует непоследовательно. Сердце и разум желали совершенно противоположного. Его не сумел бы переубедить даже человек, умевший обращаться со словами, а уж Галар — тем более.

Князь снова ударил в гонг, и всего несколько мгновений спустя в небольшие двери, спрятанные за высоким троном, ворвались его лейб-гвардейцы.

Галар уставился на него в Недоумении.

— Что...

Кузнец был настолько потрясен, что даже почти не сопротивлялся.

— Предательство! — закричал Гламир, хватая одно из смертоносных копий, стоявших у стены рядом с оружием. — Будь ты проклят, Эйкин. Ты и все твои ублюдки, порождение твоих чресл, — и с этими словами Гламир вставил копье в направляющую шину

орудия, с трудом повернул тяжелую махину, целясь прямо в княжеский трон.

Эйкин замер у трона. «Если так все и закончится, то пусть», — с тяжелым сердцем подумал он, а его воины уже бежали по залу.

Слышны были лишь топот подбитых железом сапог и щелчки поворотного механизма, с помощью которого взводился копьемет.

Для калеки Гламир двигался поразительно проворно. Ничто не могло вывести его из равновесия. Когда стражники скрутили его, копьемет был почти взведен.

— Кто эти двое? — поинтересовался Байлин, капитан его лейб-гвардии, поднимаясь по ступенькам к трону, не сводя недовольного взгляда со стоящих в зале пленников.

Обычно Байлин много не говорил. Он никогда не забрасывал Эйкина вопросами, но, судя по всему, решил, что стоящий посреди тронного зала копьемет – это уж слишком. Эйкин выбрал это место для демонстрации только потому, что Галар потребовал два зала, разделенных между собой, поэтому тронный зал и прилегающий к нему зал для заседаний совета показались ему подходящим вариантом.

Эйкин уже пожалел, что вообще согласился на это, и поэтому громко и раздраженно объявил:

— Это два сумасшедших кузнеца, не надо было мне их вообще слушать. Они хотели показать мне оружие, а затем решили шантажировать. Ты сам видел, как они наставили на меня копьемет. Нужно избавить мир от этих мятежников. Отведи их в удобную, но надежную пещеру и позаботься о том, чтобы им принесли хороший последний обед для приговоренных.

— Последний обед для приговоренных? — Байлин в недоумении уставился на него. Последняя казнь в городе состоялась много лет назад, и тогда, в отличие от сегодняшнего дня, речь шла о крайне гадком преступлении: купец отдал приказ отливать золотые монеты с оловянной сердцевиной и чеканить на них изображение Железных чертогов.

— Они будут обезглавлены сегодня же вечером!

— Но приговорить к смертной казни может только совет....

— Если ты не ослеп, то видел, что эти двое угрожали моей жизни, Байлин. В подобных случаях приговор могу выносить я один, без одобрения совета. Так что позаботься о том, чтобы оба этих безумца провели свои последние часы с как можно большим комфортом. Кроме того, ты должен разыскать карлика по имени Нир и тоже взять его под арест. Он заодно с этими двумя и разделит их судьбу. Мне хотелось бы, чтобы казни прошли тихо, не привлекая к себе особого внимания. Мы готовимся к войне. Нам не нужны волнения и слухи о покушении на мою жизнь. Ты ведь собирался заложить туннель в восточных залах, чтобы устроить там чудесную резиденцию для своей семьи. Если ты устранишь эту неприятность аккуратно, я велю обер-штейгеру выполнить твое желание.

Байлин пристально поглядел на него. Он был парнем гордым и лишь выпив был склонен к тому, чтобы попадать в истории из-за мелочей. Но в трезвом состоянии всегда вел себя разумно и сдержанно. Таким взволнованным, как сейчас, Эйкин никогда прежде его не видел.

— Твое желание для меня закон, — наконец сдавленным голосом произнес капитан. Затем он повернулся и подал знак увести Галара и Гламира, которым стража уже успела заткнуть рты кляпами.

Эйкин рухнул на высокий трон. Он осознавал, что Байлин считает его решение несправедливым и большинство карликов поддержало бы его. Но всякий, кто знает о копьях, способных убить драконов, представляет угрозу для Железных чертогов. Единственно мудрым решением было решить эту проблему навеки. Теперь осталось позаботиться о Хорнбори.

Совет драконов

Дождь как из ведра, яростно поливавший массивные кроны деревьев, постепенно стихал, но капли дождя пока еще густыми потоками стекали по чешуе Темного. Великий дракон лежал, вытянувшись в теплой воде мангровых зарослей, и слушал мысли своих братьев. Они спорили по поводу войны в Нангоге, которая разворачивалась не так, как они ожидали.

Ему было тяжело следить за ходом разговора, мысленно он то и дело возвращался к Нандалее. Он должен быть в саду Ядэ! Ее беременность протекала необычно — дети росли слишком быстро. Он *хотел* быть в саду Ядэ, когда это произойдет, если один из детей окажется таким же, как тот сын, которого он у нее уже забрал. Дракон с ужасом думал о том, что такое это создание — нечто среднее между эльфом и драконом. Своими когтями он ранил Нандалее и двух других детей прямо в утробе. Он был полон злобы, но старейший из драконов не сумел убить его. Чешуя у существа была бледная, желтовато-белая, но глаза как у него — цвета ярко-синего неба. Заглянув в эти глаза, он понял, что пропал: решение убить чудовище исчезло.

Сейчас это существо было уже размером с волка. Позавчера оно убило впервые. Маленькую обезьянку, которую растили его газалы. Три года оракулы ухаживали за ним, и вот химера растерзала его. Несмотря на вопли оракулов, Дыхание Ночи гордился им. Каждый дракон по сути своей хищник, желание охотиться и убивать у них в крови. Может быть, это существо, которое однажды будет ходить на двух ногах, как эльф, его сын?

Золотой странно посмотрел на него. Может быть, брат прочел его мысли? Нельзя допустить этого, он — последний, кто должен узнать о детях. Возможно, он тоже отец одного из детей, созревавших в чреве Нандалее. Он потребует, чтобы ему показали их, и если подумает, что является отцом одного из них, то отнимет его. Они особенные — те дети, что растут у Нандалее! Пронизаны силой, какой Дыхание Ночи никогда прежде не чувствовал в эльфах. Они не должны попасть в руки Золотого. Нельзя, чтобы их воспитывали в свете его представлений. Он превратит их в настоящих чудовищ в обличье эльфов!

Дыхание Ночи перевел взгляд на кроны деревьев. Они пригибались под яростными порывами ветра, слышался треск тонких веток. Непростые настали времена для трех миров. Слабые падут, как те ветки, которые буря срывает с деревьев.

Из-за густых облаков показалась луна. Серебристый свет осветил массивные чешуйчатые тела, лежавшие в затхлой воде среди деревьев. Они показались друг другу во всей своей красе лишь потому, что поблизости не было никого из других детей альвов. Они были стары, как мир, и росли с того самого дня, как вылупились из яиц. Медленно, как старые деревья. Несмотря на это, они достигли такого размера, что даже эльфийские князья и минотавры от страха теряли дар речи, стоило им открыть свой истинный облик. Каждый из них был размером с холм. От носа до кончика хвоста насчитывали более ста пятидесяти шагов. Клыки были размером больше тролля. Мамонт был бы им на один зуб, его даже не пришлось бы рвать на части. Ничто в этом мире не могло сравниться с ними. Все остальные драконы рядом с ними казались просто червяками. Одни лишь альвы знали об истинных размерах своих первых детей. И так и останется, пока не начнется последняя битва. Пока не будут сброшены все маски, и они не смогут показаться во всей своей мощи. А до тех пор они с помощью магии делали свои тела меньше, искажая реальную действительность. Так же, как временами все они принимали облик эльфов или других детей альвов, так же создали они себе и облики, которые хоть и пугали низших детей альвов, но не заставляли их замирать в безмолвном ужасе. Однако превращение, делавшее их меньше, было болезненным. Не по завершении, а только во время трансформации. Поэтому драконы лишь изредка принимали свой изначальный облик.

Буйство стихий заставило всех замолчать. На миг они перестали обмениваться мыслями, уважая желание друг друга побыть наедине. Семеро не боялись капризов природы, напротив, они наслаждались ими. Во время бури, когда разветвленные молнии пронзали небеса, а тяжелые капли дождя барабанили по массивным телам, они особенно остро чувствовали себя живыми. Они сами были подобны буре, каждый в отдельности представлял особую стихию, а когда они держались вместе и действовали заодно, то могли сравняться по силе даже с альвами.

И, несмотря на все это, события в Нангоге разворачивались неблагоприятно. Нельзя было допускать такого жалкого поражения,

когда они атаковали Зелинунт. И никто лучше Темного этого не знал. Только из-за того, что он действовал не заодно с братьями, удар, способный уничтожить девантаров, пропал втуне. Единственное, чего они добились, так это того, что теперь их враги действовали решительно, как никогда прежде. Всех чудовищ, в которых превратились Зеленые духи после того, как Нангог пробудилась после эонов сна, дети человеческие перебили. На охоте они действовали последовательно, брали числом, не обращая внимания на ужасные потери, пока ужасные дети Нангог не падали замертво — зачастую утыканные сотнями стрел.

— Если что-то срочно не предпринять, мы потеряем Нангог, — мысли Приносящего Весну нарушили всеобщее молчание. Младший брат редко высказывался столь однозначно, был самым сдержанным, спокойным и прагматичным из них, едва ли не робким.

— Даже собиратели облаков не все на нашей стороне, — снова подал мысль-голос Пламенный. Он не мог усидеть на месте. Темная вода мангровых зарослей вокруг него превратилась в грязную кашу. *— Я не понимаю! Мы хотим принести им свободу, а они не сбрасывают детей человеческих, которые привязали к их телам огромные и уродливые корабли. Кажется, им нравится находиться в рабстве. Нужно поджечь парочку, заставить рухнуть с небес, показать, что будет с колеблющимися.*

— Этим мы добьемся только того, что восстановим против себя даже тех, кто колеблется, — возразил Дыхание Ночи. *— Мы ввязались в эту войну, не имея четкого плана. Слишком глупо было надеяться на то, что Нангог справится со всем сама, и теперь все стало хуже, чем прежде. Девантары хозяйничают в мире великанши решительнее, чем когда бы то ни было, а после пожара в Зелинунте они пойдут на нас войной, как только сломят сопротивление Нангог.*

— Пока что мы еще не бились ни в одном сражении, а ты говоришь так, словно нас уже победили — Золотой выпрямился, поднимаясь над деревьями, сердито хлестнул хвостом по густому подлеску. *— Мы тоже можем выставить тысячи воинов. Вскоре первые из них будут готовы войти в Нангог.*

— Неужели это похоже на встречу победителей? — хитро поинтересовался Дыхание Ночи. *— Мы всякий раз собираемся в новом месте. Сидим, как сегодня, в грязи мангровых зарослей у Лесного моря или, как одиннадцать дней тому назад, в продуваемой*

всеми ветрами долине у подножия Головы Альва. И давайте уж признаемся себе, что девантары отреагировали на пробуждение Нангог быстрее и решительнее, чем мы предполагали. Кому-нибудь из вас кажется, что до триумфа рукой подать? Прошу, скажите мне, братья. Признаюсь честно, я пал духом.

— Думаю, просто считать головы недостаточно. Один тролль уравновешивает много воинов-людей. Хороший план может заменить тысячи недостающих воинов, — было отчетливо слышно, как сильно разозлился Золотой и как ему приходится сдерживать себя и сохранять вежливый тон. *— Давайте подберем поле битвы, на котором мы не можем проиграть.*

— А почему девантары согласятся сражаться против нас в подобном месте? —поинтересовался Красный. *— Вместо того, чтобы строить бесконечные планы, давайте сами пойдем в бой. Поведем своих воинов! Мне не терпится растерзать девантара. Хочу почувствовать, как он испустит последний вздох под моими когтями. Настало время нам наконец-то отомстить за убийство Пурпурного. Начнем с Иштыы, которая так любит похваляться, его убийством. Я хочу оторвать ей крылья, как поступают с мухами злые дети.*

Темный закатил глаза. Он чувствовал, что даже Золотой не готов пойти на столь вопиющую непредусмотрительность. Красный был самым страстным из них. Тем, за кем нужен глаз да глаз. Он любил смешиваться с детьми альвов и соблазнять их женщин. От него можно было ожидать чего угодно.

— Разве не разумнее было бы подумать о том, как усилить Нангог? — вмешался в разговор Изумрудный, как обычно, пытаясь утихомирить братьев. *— Это ее мир. Пусть она несет на себе основной груз сражений.*

— Мы должны найти вторую половинку сердца... — Дыхание Ночи перевел недоверчивый взгляд на Золотого, который посеял эти слова в их мысли. Его брат любил появляться во всей красе даже в столь ненастную ночь. Слабый свет звезд и луны, которая смутно сияла за облаками, казалось, ласкал лишь его. Его чешуя сверкала, а глаза блестели внутренним воодушевлением.

—Для этого нам нужно знать, где искать сердце Нангог, — напомнил Темный. *— И даже если бы нам удалось узнать это,*

девантары наверняка хорошо охраняют его. Они тоже прекрасно понимают, что сердце великанши решит вопрос победы или поражения в Нангоге. Разумно ли ввязываться в бой на Дайе, в их мире, на их условиях? Зачем облегчать им задачу? Они поймет, чего мы хотим, и будут готовы.

— *Неужели вы все трусы?* — Каждое слово Иссиня-черного было подобно удару кинжала в их мысли. Он яростно хлестнул хвостом по воде и свалил молодое деревце. — *Мы — боги! Мир дрожит под нашим взглядом. Наше пламя способно расплавить даже самую твердую скалу. Ничто не может противостоять нашим когтям. Давайте отправимся в их мир, растерзаем девантаров и отнимем сердце Нангог. Зачем посылать наших воинов в бой, в котором надлежит сражаться нам? Неужели вы настолько трусливы, что не можете рискнуть своей кровью за то, чего желаете? Я не узнаю вас, братья!*

«Вечно одно и тоже, он слишком горяч, — раздраженно подумал Темный. — Единственный выход — действовать взвешенно и неторопливо.

— *Верно!* — поддержал его Пламенный. — *Вырвем сердца из их груди!*

— *Одна из моих драконниц сейчас разыскивает вторую половинку сердца великанши,* — вдруг заявил Золотой. — *Давайте подождем ее возвращения.*

— *Ты посылаешь драконницу на Дайю, хотя мы договорились, что никто из наших избранников не станет больше рисковать быть обнаруженным?* —возмутился Изумрудно-зеленый. — *А что еще ты делаешь, не посоветовавшись с нами?*

— *На нее можно положиться, и до сих пор она не потерпела ни разу поражение.*

Высокомерие Золотого становилось невыносимым.

Дыханию Ночи очень хотелось разорвать горло собственному брату. Что он себе возомнил, раз позволяет себе игнорировать принятые Советом решения!

— *Своими поступками ты насмехаешься над нами,* — зарычал теперь и Красный.

— *Кого ты послал?* — требовательным тоном поинтересовался

Иссиня-черный.

— Ливианну. Вы все ее знаете. Она была наставницей в Белом чертоге. Она помогала пробудить Нангог, и она знает, где прячут потерянную половинку сердца. Если повезет, она принесет его нам, и мы покончим с войной в Нангоге.

— Ты должен был поставить нас в известность! — не сдавался Красный.

— Зачем? — с раздражающим спокойствием поинтересовался •Золотой. *— Посылать более одного драконника было бы неразумно. Так что изменилось бы? Наш брат, Дыхание Ночи, не управляет Советом. Просто наблюдает, как мы ссоримся, хотя его обязанность, как старшего, Перворожденного, вести нас к намеченной цели. Но вместо того, чтобы действовать, мы все говорим и говорим. Нангог ускользает от нас. С каждым часом возрастает власть девантаров. И что делает наш брат? Он размышляет о грядущих родах предательницы Нандалее, которая находится под его защитой.*

Все повернулись к нему.

— Он прочел мои мысли глубже, чем позволяют правила вежливости. И да, то, что он говорит, правда. Я защищаю Нандалее и тревожусь за нее.

— Благополучие какой-то эльфийки его интересует больше, чем судьба нашего мира. Он не заслуживает более быть первым среди нас! Он нас предает. Он не заслуживает нашей верности, — пикировал Золотой.

Темный почувствовал, как эмоции захлестнули братьев. Все они были мысленно связаны, друг с другом, и все чувства были искренними и неприкрытыми. Ненависть Пламенного, разочарование Изумрудно-зеленого, недоумение Иссиня-черного, постепенно перераставшее в гнев.

— А что же делает нашим предводителем тебя? — наконец спокойно поинтересовался он. *– То, что ты нарушаешь наши законы и проникаешь в мысли, которые не должен читать? И со сколькими из наших братьев ты это уже проделывал? Ты заявляешь, что я предал наше дело, и тут же попираешь один из наших старейших законов.*

Дыхание Ночи почувствовал, как переменилось настроение братьев. Он прекрасно знал, что у каждого из них были свои маленькие тайны, мысли, которыми они не хотели делиться с остальными.

— Ты послал драконницу на верную смерть. Думаешь, я не знаю, что теперь у тебя новая фаворитка — Бидайн? Как будто никто из нас прежде не сталкивался с проблемой соперничества среди учеников. И разве мы не решаем его одним и тем же способом? Если дни величайшей славы драконника уже позади, мы посылаем его на миссию, в которой он должен погибнуть... Почему же Ливианна найдет то, что девантары целую эпоху скрывали от нас и наших разведчиков из Голубого чертога? Именно сейчас, когда девантары настороже, как никогда прежде. Не корми нас ложными надеждами, брат. Ты хочешь быть главным? Тогда приходи на нашу следующую встречу с планом, благодаря которому мы сможем нанести детям человеческим сокрушительное поражение в Нангоге. Главой становятся благодаря поступкам, брат, а не словам.

—Да, приходи с планом сражения! — тут же поддержал его Пламенный.

Теперь Темный отчетливее чувствовал недовольство братьев по отношению к Золотому.

— Встречаемся через десять дней! — оборвал гул голосов мысленный голос Золотого. *— Ия покажу вам, как мы опрокинем полчища под знаменами девантаров!*

Он казался поразительно уверенным в себе. Если ему действительно удастся одержать великую победу, то следующее, что он сделает, это отнимет у него верховенство в Совете. Темный попытался проникнуть в мысли брата глубже, чем было принято, но судя по всему, Золотой был к этому готов и отгородился от него потоком воспоминаний о давно минувших днях. «Если он победит, мне конец, — подумал Темный, — а если я попытаюсь помешать ему победить с помощью интриг, то предам Альвенмарк. Остается лишь надеяться, что собственная самоуверенность станет для него погибелью».

Но об этом нужно будет думать завтра! Сейчас же пора возвращаться к Нандалее. Он не видел ее с тех пор, как отнял у нее ребенка, зная, что не стоит показываться ей на глаза. Она никогда не

простит его за то, что он совершил, даже если однажды, возможно, поймет, что тем самым он спас ей жизнь.

— *Давайте закончим встречу, братья!* — потребовал Приносящий Весну, распахнув светло-зеленые крылья. — Увидимся *через десять дней у Башни Бледных цветков в озере Лотосов, и я с нетерпением и радостью буду ждать продуманного плана, которым решил удивить нас Золотой.*

Его последние слова были пропитаны иронией, но Темный отнюдь не был уверен в том, что его вечный соперник потерпит поражение. Возможно, он нарочно подвел собрание к такому завершению, чтобы в следующий раз удивить всех планом сражения, над которым размышлял давным-давно.

Все они прилетели с разных сторон, в разное время. Теперь же, когда всякий стремился как можно скорее покинуть мангровые заросли, их крылья ломали густые кроны деревьев, хвосты вырывали с корнями деревья, не один век сражавшиеся с силой приливов и отливов и яростными бурями.

Темный чувствовал, что Пламенный, Золотой и Иссиня-черный наслаждаются тем хаосом, который устроили они все. Изумрудно-зеленому было все равно, ему просто хотелось поскорее убраться отсюда, чтобы поразмышлять в укромном месте. Приносящий Весну же снова сложил крылья, решив дождаться, пока уляжется буря. А Красный приветствовал бурю диким криком, заходясь в экстазе, первым взмыл в воздух, не обращая внимания на сыплющиеся на него ветви, и унесся на запад, вслед за тяжелыми грозовыми тучами.

Крупная ветка ударила Темного прямо под левым глазом. Он покачал головой, чувствуя глухую боль, и в тот же миг его тоже захлестнуло очарование поднятой ими бури. Они могли уничтожить целый флот, просто пролетев прямо над ним, ломая мачты и опрокидывая суда разбушевавшимися шишами. Сильно взмахнув крыльями, он взмыл в небеса. Мокрая листва хлестала его чешую, но он практически не чувствовал ее. Нестись верхом на буре — что может быть радостнее, что еще может вынуть из мыслей тупое жало сомнений? Дракон поднимался все выше и выше, прорвал влажную пелену дождевых облаков, и тогда над ним остались лишь луна и звезды.

Он увидел, что вдалеке, на расстоянии многих миль, разлетаются

в разные стороны его братья. Их чешуйчатые тела сверкали в свете звезд: на высоте капли дождя превратились в мелкие кристаллики льда.

Многие дети альвов почтительно называли их радужными змеями, и когда-то, прежде чем Небесный и Пурпурный пали жертвами кровожадных девантаров, все они соединяли в себе все цвета радуги. Лишь он всегда был другим со своей черной чешуей. Нужно больше думать о братьях и меньше о Нандалее. Нужно остановить девантаров!

«Я тоже подумаю о грядущем сражении, — решил дракон. – Нам нужна победа, чтобы дети Альвенмарка не теряли веру в силу радужных змеев». Темный был уверен в том, что война будет долгой. Девантары тоже знают, что развязана война богов. Не будет никаких переговоров, не будет перемирий. Война закончится только тогда, когда будут уничтожены либо девантары, либо они, небесные змеи.

Он скользнул взглядом по мангровым зарослям, сквозь пелену дождевых облаков, где Приносящий Весну как раз взмыл в небо. Последним. Их отлет уничтожил лес протяженностью более чем в милю. Не устояло ни одно дерево. Ни одна буря не могла натворить больше бед. «Объединив свои силы, мы можем одолеть любую стихию, — меланхолично подумал он. — Если бы только не было так тяжело подчинить всех одной цели и заставить объединить усилия!»

В очерченной мелом круге

Набор лежал в постели, прислушиваясь к звукам поднебесного корабля, как делал уже сотни раз. Обычно при этом ему удавалось забыть обо всех тревогах и быстро погрузиться в дремоту, но с тех пор, как они оставили позади Вану, не было еще ни одной ночи, чтобы он спал спокойно. Теперь его постель стояла в центре маленькой каюты, которая полагалась ему как лоцману. Он прикрепил ее к деревянному полу с помощью шурупов, поскольку сильные ветра то и дело принимались раскачивать корабль. Полет над. облаками не был спокойным, как над обычными областями Нангога. Впрочем, сейчас за них был хотя бы ветер, он постоянно гнал их на северо-северо-восток, навстречу цели. Словно бы духи бури хотели, чтобы Барнаба нашел лед мечты.

Половина команды дезертировала в Вану. Оставшегося количества людей едва хватало, чтобы выполнять необходимые на корабле действия. Даже сам Набор сегодня лазал по вантам, чтобы сбивать лед с такелажа. Бесконечная работа, поскольку канаты снова облачались в морозные одежды быстрее, чем они успевали сбивать лед. Набор сумел убедить Барнабу снова заняться этой бесконечной работой! Решение священнослужителя было слишком легкомысленным. Нельзя сдаваться. Замерзшие канаты становятся хрупкими, могут сломаться под собственным весом, а это будет значить гибель корабля, который скользит по небу благодаря тому, что привязан канатами к телу собирателя облаков.

Лежа на низкой кровати, старый лоцман вытянул руку из-под одеяла. В комнате было ужасно холодно. Даже под тремя одеялами он все никак не мог согреться по-настоящему. Негнущиеся пальцы ощупывали истоптанные половицы, искали то место, где тонкий отросток корня корабельного древа давал возможность связаться с *Ветром, дующим от наливающегося дождем горизонта.* Уже не первый день собиратель облаков чувствовал себя плохо. У него отмерзло много щупалец. Путешествие было для него еще более убийственным, чем для людей, которых он нес.

Наконец Набор нашел побег корня и нежно провел по нему рукой. Когда собиратель облаков не отреагировал, он постучал по нему пальцами, словно пытаясь разбудить, как будят уснувшего

соседа. Снова ничего. Несмотря на холод, Набора бросило в жар. Лоцман впервые не чувствовал *Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта.* «Это не сон на одну ночь, — подумал Набор, и его вдруг захлестнула волна паники. —Это сон, от которого не просыпаются». *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* погибал! Нужно немедленно поворачивать, если они хотят спасти его.

Набор поднялся со своего ложа, но тут же вернулся туда снова. Барнаба не станет слушать его, снова будет апеллировать к воле Великой богини. Скажет, что она знает, что происходит с ними и бережет всех их. Им нужно лишь крепко верить в нее... Набор снова провел рукой по отростку корня. Ничего... Он надеялся, что это потому, что *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* пытается защититься ото всех внешних воздействий, чтобы таким образом оградиться от боли. Но как они смогут закончить путешествие, если даже лоцман корабля утратил связь со своим собирателем облаков?

Неужели что-то ударилось о борт корабля? Набор затаил дыхание. Или это были шаги на верхней палубе? В темноте никто уже не отваживался выходить наружу, даже Барнаба, в последние дни проявлявший поистине самоубийственное мужество, бросая вызов духам бури. Теперь и он проводил ночи в святыне под корабельным древом, там, где корни проникали под верхнюю палубу, чтобы потом разбежаться по всему кораблю. Там ночевала вся команда. В святыне они чувствовали себя в безопасности. Набор же предпочитал оставаться в своей каюте. Он не мог долгое время находиться в обществе большого количества людей. Для этого он слишком много времени провел в кабинке лоцмана под корпусами собирателей облаков.

Звук пропал. Может быть, это все же Барнаба совершил одинокую вылазку на верхнюю палубу?

Вот теперь что-то снова отчетливо царапнуло по борту, прямо за кабинкой. Набор сел, у него стучали зубы, он плотнее закутался в одеяла. По кабине пронесся сквозняк. Но меж досок не было ни одной щели, его каюта была полностью герметичной! Старый лоцман тщательно проследил за этим, в конце концов, он уже далеко не юноша и сквозняков не переносил.

Он изо всех сил стиснул зубы, чтобы они не стучали. Рядом с

кроватью стояла масляная лампа, горевшая ночь напролет. В принципе, на поднебесных облаках было запрещено засыпать с горящей в комнате лампой — слишком велика была вероятность пожара, но Набору нужен был свет. С тех пор, как духи бури коснулись корабля, он не мог уснуть, если вокруг было темно. Поэтому стал воровать масло для ламп, предназначенное вообще-то исключительно для габаритных огней поднебесного корабля, но здесь, так далеко на севере, они не встретятся в небе с другими кораблями.

Новый порыв ветра коснулся его лица. Лоцман выругался. Заплясало маленькое пламя в масляной лампе. Возможно, что доски борта корабля настолько пострадали от мороза, что образовалась щель. Нужно найти ее, иначе ему не успокоиться. Теперь Набор отчетливо услышал завывание ветра. Руки его задрожали. Это не только ветер...

Мужчина с сомнением перевел взгляд на широко очерченный меловый круг, которым он обвел свою постель, прежде чем лечь спать. Щели между досками — вот самые критические места. Он загонял мел глубоко в щели, чтобы не было пробелов, даже самых мелких. Барнаба благословил его мел и не задавал вопросов насчет того, зачем он ему понадобился. С внешней стороны круга на полу были нарисованы все защитные знаки, какие только удалось вспомнить Набору. Когда порыв ветра заставил огонек фитиля лампы лечь почти параллельно полу, лоцман едва сумел сделать вдох. Духи бури хотят выманить его из круга!

Он негромко забормотал молитву, обращенную к Великой богине. Может быть, сбежать от холода и царапанья и пойти к остальным? Представил себе тяжелый, спертый воздух, стоявший в святилище, который не могли прогнать даже ароматические палочки с запахом сандалового дерева, дымившиеся под алтарем из корней. Храп и, в первую очередь, крики мужчин, просыпавшихся от кошмаров среди ночи. Страх испытывали все находившиеся на этом корабле. Все, кроме Барнабы. Что он за человек? Откуда взялся? Что ему довелось пережить? С тех пор, как они покинули Вану, Набору все казалось, что он уже где-то видел священнослужителя. Много лет назад, в свите бессмертного Аарона. Но этого не может быть! Верховный жрец Великой богини — рядом с одним из бессмертных. Лоцман даже улыбнулся, представив себе подобную чушь. Просто немыслимо! Наверняка воспоминания решили сыграть с ним злую

шутку.

Барнаба был лидером и не умел подчиняться, обладал харизмой, умел заставить людей рискнуть всем ради своей мечты. Священнослужитель еще в Вану предоставил всем выбор: уйти или остаться. Он хотел, чтобы на борту с ним были только добровольцы. Все те, кто остался на борту сейчас, верили в него. Верили в то, что лед мечты способен изменить мир, несмотря на то что они не знали, что именно произойдет. Этого не мог им сказать даже Барнаба. И, тем не менее, они шли за ним, словно его мужество и уверенность в себе были заразной болезнью, и теперь она оказалась в крови у каждого на борту. Однако во сне их одолевал страх.

Набор невольно перевел взгляд на маленький коробок на стене. Туда, где лежал Габотт. Он не сумел заставить себя устроить обезьянке погребение в облаках.

Погребение в облаках — какие высокие слова для того, что впервые вызвало вопросы у Набора. Потому что по сути они просто выбрасывали мертвых за борт, точно так же, как мусор. В этом не было ничего величественного, кроме слов, которые они для этого выбрали. И лоцману не хотелось, чтобы Габотт закончил свою жизнь вот так. В принципе, он хотел похоронить обезьянку в Вану, но они так быстро уехали, что на это не осталось времени. Так и оставил он его с собой, в своей ледяной каюте. Пока они летят дальше, на север, Габотт разлагаться не будет. Быть может, там, куда они летят, он сможет найти хорошее место, где и устроит для малыша последнее пристанище. Для своего верного товарища, разделившего с ним столько часов одиночества в кабинке лоцмана. Что это, неужели гладкая шерстка обезьянки шевелится на сквозняке? Да, мелкие волоски заплясали, то опускаясь, то поднимаясь. Значит, щель в борту находится прямо за ним.

Как он там лежит, скрючившись на задних лапках, словно пытаясь удержать что-то невидимое... Жизненную силу, которую украли проклятые духи бури!

Набор опустил взгляд. Какой смысл горевать об умерших? Нужно поспать, завтра ему потребуются силы. Он — лоцман. И пусть их поднебесный корабль летит без управления, его долг вести записи и постоянно пытаться пробиться к *Ветру, дующему от наливающегося дождем горизонта*. Он не имеет права сдаваться!

Взгляд его остановился на ноже, рукоятка которого торчала из голенища сапога, стоявшего у его постели. С помощью узкого лезвия можно заткнуть щель какой-нибудь тряпкой. Тогда сквозняк прекратится и можно будет наконец-то поспать.

Ветер снаружи вдруг взвыл, словно духи бури были возмущены подобной идеей. Набор улыбнулся. Наклонился, достал нож. Вздохнув, снова сел на постели. Спина болела, холод пробрал до костей. Осенив себя знаком отвращающего рога, он замер.

Неужели веки Габотта затрепетали? Не может быть! Это... Лапка обезьяны дернулась. Левая нижняя конечность сжалась.

— Мать мира, защити меня, — негромко пробормотал Набор. — Держи их подальше от меня, духов твоих. Пощади меня в своем гневе, ибо я не был среди тех, кто надругался над твоим миром и твоим творением, — этим словам он научился у Барнабы. Новая молитва, придуманная священнослужителем.

Габотт открыл глаза. Они были ярко-зелеными, словно бы за темным стеклом горело яркое пламя. Взгляд был неподвижным. Набору показалось, что маленькая обезьянка смотрит прямо сквозь него; на противоположную стену. В глазах этих не было радости. Не было узнавания.

Набор опустил нож.

— Габотт, — позвал он. — Иди сюда! Иди ко мне!

Обезьянка поднесла к глазам левую лапку, сжала ее, разжала, и наконец Габотт все же посмотрел на него. Теперь глаза его снова были черны, как и прежде.

— Так ты не умер! — Где-то на краю сознания Набор сознавал, что этого не может быть, но ему так хотелось вернуть своего товарища, что способ, каким это произошло, был ему безразличен. — Иди же ко мне! Я так скучал по тебе. Иди под одеяло. Ведь там, у стены, ужасно холодно.

Обезьянка поглядела на нож, который Набор все еще сжимал в руке. Казалось, он колеблется, да и вообще — животное словно бы поумнело. «Но разве это не естественно? — удивился про себя лоцман. — Габотт простоял на пороге смерти столько дней. Конечно же, он изменился!»

— Иди сюда! — Набор наклонился, спрятал нож обратно в

голенище сапога и протянул руку.

Габотт наконец-то спрыгнул с кроватки у стены каюты. Приземлился несколько неловко. Конечно же, после столь долгой неподвижности все тело у него онемело. «А буря-то улеглась», — с удивлением отметил Набор. Он почувствовал, что их поднебесный парусник перестал сражаться с дующими не в нужную сторону ветрами и снова довольно быстро пошел на север. Если погода снова не переменится, им потребуется еще один, самое большее — два дня, чтобы достичь того белого пятна на карте, которое Барнаба назвал в качестве цели. Место, где они найдут лед мечты.

Вот только Набору было в общем-то наплевать. Габотт вернулся, все остальное неважно. Маленькая обезьянка с любопытством провела лапкой по полу и оскалила зубы совсем как прежде. Набору даже показалось, что она улыбается ему.

— Иди ко мне. Чего же ты медлишь? — Лоцман наклонился еще ниже. Протянул Габотту раскрытую ладонь, и обезьянка наконец-то запрыгнула к нему и вцепилась в его пальцы своими крохотными лапками.

Набор перенес его через меловой круг, посадил к себе на постель. Габотт тут же забрался под одеяла и прижался к нему. «Как же он замерз, бедный малыш», — подумал Набор, радуясь, что его товарищ наконец-то снова с ним.

Палач

Хорнбори поставил на деревянную колоду толстое полено, поправил, чтобы оно стояло ровно, и занес топор. Он был необычайно тяжел. Закричав, он поднял его и изо всех сил опустил. Попал в полено прямо по центру и разрубил его до самой колоды, впрочем, не вогнав лезвие топора глубоко в дерево.

Услышав хлопанье в ладоши, он обернулся. У входа в расположенную вдали от оживленных мест каверну, которую выделил ему для подготовки Эйкин, стояла Амаласвинта.

Женщина стала приближаться к нему, продолжая хлопать в ладоши. На ней было обольстительное красное платье, подол которого был чуть выше лодыжек. Скандал при дворе и настоящий магнит для мужских взглядов.

— А ты представляешь настоящую опасность для деревянных голов, судя по всему, — с улыбкой произнесла она, останавливаясь совсем рядом. От нее пахло персиком. Хорнбори невольно вспомнилась прошлая ночь и то, как далеко ее поведение было от поведения леди. Такой женщины ему прежде встречать не доводилось. Совершенно бесстыдная, чувственная, заставлявшая мужчин забыть о благоразумии. Карлик прислонил топор к колоде, и тут же пожалел об этом, потому что руки вдруг стало некуда деть. В конце концов он решил, что стоит важно погладить бороду, вытащить из нее пару щепок.

— Чем я могу тебе помочь? — Голос его звучал совсем не так звучно и сильно, как обычно. Эта женщина нервировала его.

— Правда ли то, что я слышала? Она неодобрительно покосилась на топор.

Хорнбори не поверил своим ушам. Как она могла узнать? Эйкин заверял его, что казни состоятся в тайне. Никто не должен был знать, что случилось с героями из Глубокого города.

— Значит, правда, — жестко заявила она. — Ты собираешься отрубить головы своим друзьям, которые спасли твою шкуру. И не стыдно тебе?

— Стыдно ли мне? И об этом спрашиваешь меня именно ты?

Еще вчера ты спала со мной, а сегодня подобралась к старому сластолюбцу Эйкину настолько близко, что узнала о том, что вообще-то должно было остаться в тайне.

— Что ж, лично я вижу немалую разницу между собой и мужчиной с топором.

— А я так думаю, что Эйкин не спрашивал тебя, что тебе предпочтительнее — положить голову на плаху и смотреть на топор снизу вверх или же держать этот топор в руках. Честно скажу, я думал недолго. Я не горжусь тем, что придется сделать, но не стану выслушивать нотации от того, кто не в моей шкуре. Как бы очаровательно ты мне ни улыбалась... С каких это пор тебе стали небезразличны Галар и Гламир? Вчера ночью ты говорила мне, что была бы рада, если бы никогда больше не пришлось чувствовать их запах и что ты предпочла бы выкупаться в сточной канаве, чем еще раз сесть с ними в один угорь.

— И я по-прежнему так и считаю, но головы отрубать им за это не собираюсь.

— Думаешь, мне это нравится? Эйкин не оставил мне выбора — по лицу Амаласвинты он видел, что его слова на нее не подействовали. Да ей и легко говорить. Ей-то достаточно улыбнуться старому козлу, и все проблемы решены. Хорнбори вздохнул. С такой улыбкой и тем, что она обещает, это и не удивительно. — А что, у тебя есть план? — Уже более миролюбивым тоном поинтересовался он. Он не хотел выглядеть в ее глазах жалким червем, но даже ради нее он не собирался расставаться с жизнью.

— Я знаю, где их держат. Вытащим их оттуда, а там посмотрим.

— Это и есть твой план? — Хорнбори не поверил своим ушам. — Ты что, уже подкупила стражу? Подготовила путь к бегству? — Когда Амаласвинта покачала головой, он вздохнул. — Значит, ты просто собираешься войти туда... А потом? Думаешь, что я завалю всех стражников?

— Ты же Хорнбори Драконоборец!

Кажется, она ни капли не сомневается, что он может сразиться с целым войском.

— И как мы вытащим их из Железных чертогов? То есть я должен спасти этих троих, но сколько же должно погибнуть ради

этого под ударами моего топора? Верные люди Эйкина, которые не виноваты ни в чем, кроме того, что исполняли приказ своего князя. Мне кажется очень низко поступать так по отношению к ним.

— То. есть ты предпочитаешь казнить своих товарищей, потому что не хочешь резать людей Эйкина? Да ты шутишь.

Хорнбори впервые смотрел на Амаласвинту с недоумением. Конечно, это была не истинная причина, но ему нужно было время, чтобы придумать отговорку получше. Он мог бы сказать ей, что он — просто жалкий трус, которому осточертело, что Галар называет его трусом и ничтожеством, но тогда можно было навеки распрощаться с перспективой оказаться в ее постели еще хоть раз. Нужно придумать новую отговорку, да поскорее!

—Ты же понимаешь, что задумали эти трое. Они хотят убить одного из небесных змеев. А, возможно, и не одного.

– Они хотят свергнуть тиранов-драконов! – патетическим тоном провозгласила Амаласвинта.

— А потом? Я знаю, у них получится убить хотя бы одного из крупных драконов, и я рад буду каждому рухнувшему с небес тирану. Но что будет потом? Думаешь, радужные змеи не узнают, кто убил одного из их братьев по гнезду? Они же словно боги! От них ничто не укроется. Дракон, ради которого погиб Глубокий город, даже не был небесным драконом. Что они сделают, если погибнет один из древнейших? Я скажу тебе: они уничтожат целый народ! Не успокоятся, пока не погибнет последний карлик. И они победят. Это же драконы, любимые дети альвов. Нет такой штольни, где мы смогли бы укрыться от их мести.

– Эйкин отнял у них копья, —возразила Амаласвинта. — Они ничего не смогут сделать с драконами. Нужно просто спасти им жизнь.

— Нет, дело не в этом! Если Галар и Гламир выживут, то не успокоятся, пока не убьют следующего дракона. Думаешь, мне легко будет опустить топор на шеи своих друзей? Думаешь, мне не хочется найти бескровный выход? Но ты же сама знаешь, насколько упрям Галар. Он не сдастся!

— Кажется, ты не слишком взволнован.

Хорнбори сделал заученный отчаянный вздох, который до сих

пор срабатывал отлично.

— Нас, мужчин, учат скрывать свои чувства. Что мне сделать, чтобы доказать тебе, что это решение разбивает сердце и мне? Думаешь, мне это нравится? Или я поступаю так из чистого эгоизма, ради спасения собственной шкуры?

Она ничего не ответила, и взгляд ее был красноречивее всяких слов.

— Значит, ты считаешь меня способным предать товарищей. Что ж... — Он полез в висевший на поясе кошель, нащупал пальцами монеты, вытащил две, убедившись, что нужная на месте, ловко спрятал ее за широкую кожаную ленту, украшавшую его запястье, протянул вторую Амаласвинте.

— Ты знаешь, что это.

Та судорожно сглотнула, но кивнула.

— Монета с нашей родины, — дрожащим голосом произнесла она.

— Золотая крона из Глубокого города. Я ношу ее на память... Это мой талисман, который не позволяет забыть о том, что сделали драконы, а еще напоминает об ответственности, о том, что мы должны сделать так, чтобы ни один другой город карликов не повторил судьбы нашей родины, чего бы это ни стоило, — притворяясь подавленным, он опустил взгляд. — Но я не смогу жить, зная, что ты презираешь меня. Лучше я поступлю вразрез со своими убеждениями, чем допущу, чтобы ты считала меня трусом, — он взял монету, положил на раскрытую ладонь, ловко пустил ее по пальцам, показывая то одну, то другую сторону: профиль Старца в Глубине Глубокого города и золотая корона, давшая монете название. — Пусть решает судьба, Амаласвинта, — он подбросил монету, поймал ее, спрятал в кулаке, торжественным жестом приложил левую руку к груди, туда, где билось сердце, чтобы отвлечь ее внимание.

— Пусть мое сердце истечет кровью, если я из трусости пойду против своих товарищей. Пусть решает судьба. Бросай монетку! — Глядя ей прямо в глаза, он ловко подменил крону на спрятанную за кожаным ремешком монету. — Упадет короной вверх — я пойду за тобой, куда бы ты меня ни повела, и мне будет все равно, что будет после того, как мы освободим Галара, Нира и Гламира. Если же монета ляжет головой вверх, значит, судьба хочет, чтобы сегодня же

сложили головы мои друзья — хоть это и разобьет мне сердце, — и с этими словами он протянул ей монету.

Мгновение Амаласвинта примирительно глядела на голову мертвого князя, словно бы смотревшую на нее снизу вверх, а затем подбросила крону, поймала ее и протянула ладонь Хорнбори. Монета легла вверх головой. Амаласвинта поджала губы и молча вернула ему монету.

— Такова моя судьба, — притворно вздохнув, произнес Хорнбори. — Нужно было мне бросить монету. Считается только второй результат...

— Мы так условились, — прошептала Амаласвинта. — Не нужно...

Но в глазах ее он увидел надежду, выдававшую ложь в ее словах.

— Нет, я должен, и я хочу этого. Это ведь и мои друзья, — он указал на топор. — Я молюсь, чтобы судьба подсказала мне выход и дала возможность не делать этого, — и прежде чем она успела что-либо возразить, он подбросил монету. Поймав ее, он замер на миг, держа ее в кулаке, вознес короткую молитву альвам, и разжал ладонь. Монета снова лежала головой мертвого князя вверх. Хорнбори вздохнул. — Да будет так.

— Тем не менее, я попытаюсь освободить их, — упрямо заявила Амаласвинта.

— Желаю удачи.

Та кивнула, повернулась и направилась к коридору, соединявшему уединенную пещеру с системой туннелей под горой. Когда она обернулась в последний раз, Хорнбори лишь поднял руку в знак прощания. Карлик прекрасно понимал, что женщина надеялась, что он все же пойдет с ней. Ходила она с тяжелым сердцем. Некоторое время она будет горевать, но в конце концов снова примет его, в этом он был уверен. Она не забудет, что он дважды дал судьбе шанс изменить все. Это ему еще зачтется.

Хорнбори поднес монету к губам и поцеловал ее. В который раз она оказала ему немалую услугу. Как хорошо, что он так близко сошелся с чеканщиком Глубокого города... Старый пропойца сделал для него особенную монету, в обмен на бочонок самогона, и на обеих сторонах ее был изображен лик Старца в Глубине. Только глупцы

способны предоставить свое будущее одной судьбе!

Он перевернул песочные часы, стоявшие на полу неподалеку от колоды. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как весь песок пересыпался? Четверть часа? Или, быть может, чуть поменьше?

Хорнбори перевернул часы, посмотрел на тонкую полоску пересыпающегося песка. До последней встречи с Галаром оставалось менее трех часов. Лучше быть готовым к этому. Хорнбори убрал монету обратно в кошель, взял топор, поставил на колоду новое полено и изо всех сил, взмахнул палаческим инструментом.

Просто пустой звук

Галар промокнул последние остатки соуса с большого серебряного подноса, на котором еще только что лежала спинка куропатки. Обед, который велел подать Эйкин, был действительно вкусным! Гламир тоже приложился хорошо, и как раз откинулся на спинку стула, не преминув довольно отрыгнуть. И только Нир не сумел проглотить ни кусочка.

– Позор — пропадать такой еде, — заявил Гламир, разглядывая пятно соуса на своей бороде.

– Что же теперь будет с Фраром? Нир в отчаянии заламывал руки. —Ведь я нужен малышу. У него ведь нет матери! Никого, кто позаботился бы...

– Так, хватит уже! Ты действительно думаешь, что Эйкин прикажет отрубить нам головы? Да никогда в жизни! Титул Старца в Глубине дается на время. Он становится князем после выборов. Неужели ты думаешь, что он взойдет на свой трон снова, если прикажет казнить драконоборцев? Он злится на нас, хочет помучить. А потом начнет вести переговоры и расскажет, чего хочет на самом деле, — довольный Галар положил кусок хлеба себе в рот. Он так пропитался соком, что по уголкам рта потекло. Наслаждаясь вкусом, карлик закрыл глаза. Давненько он не ел такой вкусной еды.

– Ты уверен? — На Нира было жалко смотреть.

Что стало с его другом, хладнокровным стрелком? Возня с ребенком полностью изменила его.

– А ты как думаешь, Гламир? — обернулся Галар к калеке-кузнецу. — Он ведь твой князь. Отрубит нам Эйкин головы или просто хочет попугать?

Гламир сидел, развалившись в кресле и задумчиво ковырял ногтем в зубах.

Не знаю… Моя башня ему небезразлична. Не так уж много есть нормальных, кто готов спуститься к изумрудным паукам к вернуться от оттуда живым. Нет, я не думаю, что он прикажет убить нас. Вся его болтовня насчет казни — просто пустой звук. Возможно, он лично придет за нами, еще немного подурачится, а потом с эскортом

сопроводит в угорь, на котором мы должны будем вернуться обратно в башню, — карлик вздохнул. — Я бы многое отдал за то, чтобы еще раз увидеть небо н выпустить одну из наших стрел в по-настоящему крупного дракона.

Гилару тоже неприятно было думать о бесконечных спусках под воду. Изумрудные пауки не причинили ему вреда. Наоборот, они спасли ему жизнь, когда Гламир бросил его подыхать. И, несмотря на это, он был бы рад никогда больше не залезать в бочонок для спусков под воду. Он еще не перестал верить в мечту об охоте на дракона! Гламир догадывался, что Эйкин может обмануть их. Он не хотел оставлять их в Железных чертогах, и не позволит им отправиться на охоту, просто потому что он — чертов трус Им придется вернуться в проклятую башню. Там они для него опасности не представляют. Однако кузнец и его команда были готовы к такому предательству. Нужно только выбраться отсюда...

— Мы должны выяснить, куда они дели Фрара, — пробормотал себе под нос Нир.

«Только о ребенке и думает, — раздраженно подумал Галар. — Самое время сплавить малыша какой-нибудь бабе. Не дело это для мужчин — вечно возиться с маленькими детьми. И для малышей тоже нехорошо». Они кормили его драконьей кровью! Каждая пробирка по стоимости была равна своему весу в драгоценных камнях. Даже думать было страшно о том, какое состояние они влили в Фрара. Такой крови им никогда больше не получить. А для алхимических опытов она сейчас ой как пригодилась бы!

– Может быть, о нем позаботится Амаласвинта.

Нир застонал.

– Это нехорошо! Очень нехорошо! Она окажет на него плохое влияние.

– А мне кажется, что с ней Фрару будет лучше всего! — вмешался Гламир, почесав промежность. — Лично я многое отдал бы зато, чтобы пососать ее грудь. Малышу можно даже позавидовать.

Худощавый мастер-стрелок одним прыжком оказался на ногах.

— Ты... — с трудом перевод дух Нир и густо покраснел. — Ты...

— Вес в порядке! — Галар встал между Ниром в Гламиром, который, как ним в чем не бывало, продолжал преспокойно сидеть в

своем кресле.

— Я заткну его поганый рот! Ни он, ни его грязные мыслишки не запятнают чести малыша. Он…

— «Не запятнает грязными мыслями честь малыша», — передразнил его Гламир. — Это как? Неужели он испачкается, если я буду говорить о нем? Что-то я не представляю себе этого. Или ты думаешь, что он ссыт от радости в штанишки, когда думает о тугих титьках?

— Ты! — Нир, который на первый взгляд казался довольно слабым карликом, потому что был очень худым, был поразительно силен. Особенно когда приходил в ярость. Галар едва удержал его.

— Эй! — Гламир наконец-то сел ровно и вдруг посерьезнел. — Мы не можем взять мальчишку с собой на войну. Думаю, ты это понимаешь.

Яростные попытки Нира добраться до Гламира понемногу утихли.

— Проклятье, он родом из Глубокого города. Своей родины благодаря драконам он никогда больше не увидит. Амаласвинта — это последний кусок родины, который у него остался. Или где ты хочешь видеть его? У какой-нибудь няньки, которую подберет Эйкин? От Амаласвинты он услышит, где родился, каково было жить в Глубоком городе. Он будет чувствовать привязанность к родине, несмотря на то что никогда не видел ее. И научится ненавидеть драконов.

Нир глубоко вздохнул и отступил на шаг.

Галар был удивлен далеко не так сильно, как Нир. За проведенные в подземной башне луны он хорошо узнал кузнеца-калеку и знал, что под твердой внешней оболочкой Гламира прячется поразительно мягкая сердцевина. Гламир чувствовал, что движет мужчинами, которые его окружают, и пользовался этими знаниями в своих целях. Он хотел достать с неба крылатых тиранов, и для достижения этой цели готов был на все. Лгать, убивать, предавать друзей и заключать союзы с врагами. Ненависть пронизывала его насквозь. Не считая этого, он был отличным собутыльником и товарищем — ровно до тех пор, пока ты не вставал между ним и его целью. Гламир был первым карликом, в ком Галар почувствовал по-настоящему родственную душу.

— А я с ним так и не попрощался толком, — негромко произнес Нир.

— Фрар не забудет тебя.

Галар не верил в то, о чем сейчас говорил Гламир, сам он почти ничего не помнил из того, что происходило с ним в детстве. Но от увещеваний Гламира была польза, поэтому он поддержал его.

— Все правильно, Нир! Он никогда не забудет тебя. И кто знает, если нам повезет, однажды ты снова увидишь его. Он будет уже молодым человеком. Может быть, даже стрелком...

Тяжелая дубовая дверь, ведущая в их уютно обставленную темницу, распахнулась, и к пленникам вошел верховный лизоблюд Эйкина — Байлин, капитан его лейб-гвардии. За ним следовала дюжина воинов. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего: все они выражали лишь горькую решительность. Байлин махнул рукой своим подчиненным:

— Вперед! Хватайте их!

Галар схватил тяжелый серебряный поднос, на котором им подавали куропатку. Это было единственным оружием в комнате! Мясо уже было порезано на кусочки. Кроме того, им принесли еще несколько деревянных плошек для еды, но не было ни ножа, ни вилки, ни даже ложки. Прыгнув вперед, Галар ударил первого из лейб-гвардейцев подносом в живот. Негодяй рухнул на пол, как громом пораженный. Краем глаза он увидел, как ругающийся Гламир наносит сильные удары оставшейся у него рукой, но его скрутили довольно быстро.

Размахивая подносом, Галар отступил в угол, чтобы быть уверенным, что спина у него прикрыта.

Байлин подошел к своим, вынул из-за пояса тяжелую дубинку.

— Берите живым, но внешний вид уже не имеет значения — там, куда мы его поведем, — и с этими словами он с двумя вооруженными дубинками воинами пошел на Галара.

— Подходите, подходите, болонки, — прошипел карлик, не скрывая отчаяния. Значит, Эйкин не бросал слов на ветер, не собирался запугивать их и возвращать обратно в проклятую башню. Их действительно собираются казнить!

Ниру, который повалился на пол, увлекая за собой двух нападающих, досталось дубинкой в висок — как раз в тот самый миг, когда он собирался снова встать на ноги.

Галар яростно завопил, ринулся прочь из угла и ударил одного из нападающих подносом по подбородку. Тяжелое серебро выбило тому зубы, опасно захрустели кости. Кузнец пригнулся, уклоняясь от удара дубинкой, поднял поднос вверх, словно щит, чтобы отразить следующий удар. В этот миг на него обрушилась дубинка Байлина. В отличие от настоящего щита у подноса не было кожаных петель с тыльной стороны, в которые можно было бы продеть руку. Галар был вынужден держать его за края, и Байлин ударил его дубинкой по правой руке, которая тут же онемела от боли.

Вторым ударом дубинки он отбросил поднос в сторону, пнул Галара ногой между ног, а удар по почкам вышиб из него почти весь дух.

Галар рухнул на колени. Руки завели за спину и связали. Потом надели на голову мешок, который вонял так, словно в нем держали старую ветчину.

— Отведите их в условленное место! — раздался строгий, привыкший отдавать приказы голос Байлина.

Галару частенько доводилось смотреть смерти в глаза, но это всегда было на охоте или в бою. Быть или не быть — все решала его рука, но здесь бой был окончен.

Сильные руки схватили его за плечи, поставили на ноги, подтолкнули, заставив сделать несколько шагов.

Где-то за спиной у него ругался Гламир. Из-за мешка его голос звучал приглушенно. Что-то хлопнуло, последовал хриплый вскрик — и все стихло.

Во рту у кузнеца пересохло, в животе все сжалось. Вот теперь он пожалел, что слишком много съел. Ему было дурно. Неприятный солоновато-сладкий запах ветчины, которым была пропитана ткань, вызывал еще большую тошноту. Нет, он не хотел подыхать в таком виде: с забрызганной рвотой бородой и слезящимися глазами. Он не такой трус, как Хорнбори... Интересно, где сейчас этот негодяй? Судя по всему, ему снова удалось выкрутиться. Чтоб ему попасть под камнепад, когда присядет посрать!

Их вывели из комнаты в туннель, в котором гулко звучали их шаги. Спина у Галара болела. Удар по почкам был хорош. Вполне вероятно, что мочиться он будет кровью. Когда кузнец сжал связанные руки в кулаки, ощущение было такое, словно в правой руке были сломаны пястные кости.

— Капитан Байлин, из лейб-гвардии...—раздался голос Байлина.

— Ладно, ладно, я знаю, кто ты. Я же только что открывал тебе! — Второй голос звучал хрипло и устало. — Хорошо, что с этими тремя свиньями будет покончено сегодня же вечером. Надо же — устроить заговор против Эйкина! — Послышался звук, словно говорящий сплюнул. — Вот что получается, когда ты с распростертыми объятиями принимаешь чужаков в своих пещерах. Надеюсь, палач наш неловок, и ему потребуется пара ударов, чтобы головы слетели с плеч. Ведите пленников.

Галар хотел было сказать тому незнакомцу, как все было на самом деле, но понимал, что ему никто не поверит. Поэтому кузнец промолчал и не сопротивлялся, когда его снова подтолкнули, чтобы вести дальше.

Шли они долго. Судя по всему, выбирали они только мелкие штольни, расположенные в стороне от больших туннелей. Знакомые звуки города карликов, стук стали о сталь, ругань, цокот подков подземных пони доносились издалека, а вездесущий запах дыма и капустного супа почти не ощущался в этом спертом воздухе. Лишь дважды на своем пути они встречались с другими карликами, и Галар всякий раз слышал, как Байлин бормочет что-то про проклятых чужаков, покусившихся на дочь обер-штейгера и получивших за это сполна. Вопросов никто не задавал.

Галар успел взглянуть на гавань. Город кишмя кишел чужими карликами, и наверняка драки стали уже привычным делом. И мешки, надетые им на головы, тоже, судя по всему, никого не удивляли. В большинстве подземных городов карликов сложную сеть боковых и запасных туннелей держали в тайне. И неудивительно, что непрошеным гостям старались не дать возможности осмотреться. Поэтому шансы на то, что кто-то узнает героев Глубокого города незадолго до их бесследного исчезновения, практически равнялись нулю.

Наконец они остановились. Вдалеке слышалось глухое

бормотание большой толпы карликов. Кроме запаха дыма, в воздухе чувствовалась вонь немытых тел. С головы Галара сняли мешок. Заморгав, карлик поднял голову. Шагах в тридцати, в конце туннеля, был виден слабый желтоватый свет.

Четыре песчинки

Галар удивился, но постарался не показать этого.

— Что, собираетесь уладить свое кровавое дело именно здесь?

— Все зависит от вас, — казалось, капитан напряжен. — Вы трое поклянетесь мне, что не сделаете ничего, что навлекло бы беду на Железные чертоги?

Неужели еще есть надежда? Кажется, в палачах проснулась совесть? Галар поглядел на Гламира. Когда товарищ слегка кивнул, он дерзко заявил:

— Конечно же, мы не сделаем ничего, что могло бы навредить твоему городу. А разве кто-то говорил что-то другое?

— Вы драконоборцы. И мы все знаем, что произошло с твоей родиной, Галар. Мне не хотелось бы, чтобы Железные чертоги постигла судьба Глубокого города.

— Тогда, наверное, нужно убить проклятых небесных змеев, — фыркнул Гламир. — Иначе ни одно поселение карликов не будет в безопасности от тиранов.

Галар выругался про себя. Это явно было не то, что хотел услышать капитан. А вслух лишь заявил:

— У нас и возможности-то нет убить одного из крупных драконов. Была, но Эйкин позаботился, теперь нам нечем стрельнуть в мерзких тварей.

Все это было чистейшей воды ложью. Предусмотрительный Гламир зашил четыре наконечника для копья и все наконечники для арбалетных болтов в подкладку сапог. Кроме того, были еще те наконечники для копий, которые они спрятали в угре, висевшем где-то под сводами гавани. Этого хватило бы, чтобы расправиться с целым выводком небесных змеев, если бы только удалось подобраться к ним достаточно близко.

— Вы драконоборцы.

Показалось ли это кузнецу, или же в голосе лизоблюда действительно послышались нотки уважения? Галар пристально вгляделся в лицо Байлина. Кажется, на капитана можно положиться.

У него было суровое, но честное лицо. Несмотря на то что бледная кожа свидетельствовала о том, что он редко выходил из туннелей, было в нем что-то от ветерана. Самоуверенность, что ли.

— Глядя на вас, я понимаю, — продолжал Байлин, — что вы никогда не сдадитесь. А ты пошел бы на дракона даже с ножом в руке, если бы был хоть малейший шанс победить, верно ведь?

Галар промолчал. Любое слово могло решить их судьбу.

— Эйкин думает так же. Сейчас он уже мучается вопросом, куда вы подевались. Он неплохой князь, но убежден, что если вы останетесь живы, то Железным Чертогам придет конец. Неподалеку отсюда для вас подготовлено местечко. Заброшенная шахта, которую снова засыплют камнями, когда с вами будет покончено. Никто и никогда не найдет ваших тел.

Галар снова почувствовал, как все в животе сжалось.

— Так, а чего ты нас тогда туда не отвел?

— Вы же герои, черт подери! — вырвалось у капитана. — Нашему народу нужны такие люди, как вы. Неправильно это — убивать вас тайком. Я семнадцать лет верой и правдой служил Эйкину, последние пять — капитаном его лейб-гвардии. Он честный карлик. Я знаю его. И тоже отчетливо вижу опасность, которую вы представляете для нашего города. Но то, что он задумал на ваш счет, оправдать невозможно. Вам ведь даже не дали возможности высказаться.

В конце туннеля что-то происходило, там, откуда исходил желтоватый свет. Бормотание изменилось, и вдруг по коже у Галара побежали мурашки, волоски на руках встали дыбом.

— И чего ты от нас хочешь? — поинтересовался он.

— Вы никогда больше не вернетесь в Железные чертоги и ни с кем не станете говорить о том, кем были когда-то. И три года не станете преследовать драконов, будете сидеть тише воды, ниже травы. Этого будет достаточно, чтобы стереть ваш след. Что вы будете делать потом, мне все равно. Лично я понимаю, что вы никогда не сдадитесь. Герои — они такие.

Галар невольно усмехнулся. А потом покалывание в спине напомнило ему об убийственном ударе по почкам, который ему достался.

— Даю слово, что мы исчезнем и три года ничего не будем предпринимать, — быстро произнес он.

— Эй, а меня почему никто не спрашивает? — проворчал Гламир.

— Я так понимаю, что для тебя найдется местечко в заброшенной штольне, если ты не согласишься на условия Байлина.

Капитан мрачно кивнул.

— Я этому типу не верю; — раздраженно заявил Гламир и перевел взгляд на Нира. Но тот ничего не сказал, лишь стоял, молча глядя прямо перед собой. Возможно, думал о Фраре, которого, наверное, никогда больше не увидит, если сейчас согласится на условия капитана.

Следовало признать, что Галар тоже доверял ему не целиком. Что-то в этом деле нечисто. Байлин производит впечатление честного мужика. Неужели он действительно может решиться предать князя?

— Зачем ты приказал так избить нас, если хотел спасти? Если бы мы знали, чего ты хочешь, то пошли бы и так.

— И именно на это и обратил бы внимание Регин. Он и еще несколько парней из его клана сторожили вашу темницу. Я не знаю второго такого карлика, кто был бы так же недоверчив, как этот старый ублюдок. Он собутыльник Эйкина и входил в круг тех немногих, кто знал, что вас казнят. Если бы он не услышал шума борьбы из вашей темницы, если бы вы шли, не прихрамывая и не выглядели бы подавленными, он тут же почуял бы предательства

Галар потер ноющую спину. На его вкус эта драка вышла слишком уж натуральной. Кузнец понимал, что у них не было выбора, кроме как согласиться на условия капитана.

— И как ты собираешься вытащить нас из Железных чертогов? Эйкин скоро заметит, что ты обманул его, и поставит на уши всех под горой.

Байлин махнул рукой в конец туннеля,

— Там, внизу, расположен зал Больших врат. Там собрались добровольцы. Этой же ночью их проведут через находящуюся там звезду альвов. Далее они отправятся туда, где небесные змеи собирают войско, которое будет сражаться в Нангоге. Вы пойдете с

ними. Поскольку драконы никому не назвали места, назначения, то, как только закроются врата, люди Эйкина не смогут последовать за вами, — капитан махнул рукой одному из своих воинов, несших полный мешок. — Одежду.

— Что это такое? — поинтересовался Галар.

— Переоденетесь в дровосеков с Тенистых гор. В длинных плащах с капюшонами вы будете незаметны. Смотрите в пол, чтобы вас никто не узнал.

Гламир расхохотался.

— И это ты называешь «незаметно»! Идущие на войну полны огня. Они не смотрят в пол.

— Только не на эту войну, — мрачно заявил Байлин, протягивая Галару один из черных поношенных плащей. — Говорят, что драконы мобилизуют воинов из всех народов Альвенмарка. Даже троллей и кобольдов. И нам придется сражаться с этим сбродом. Ничего хорошего от этого ожидать не приходится. Все знают об этом и почти никто не согласился идти добровольно. Но мы обязаны выставить определенное количество воинов, предписанное нам драконами. И старейшины кланов решали, кому идти. За некоторым исключением это все, от кого можно отказаться. Поверь мне, Галар, там внизу почти ни у кого не горит огонь в глазах. Большинство таращится в пол, — и с этими словами Байлин тоже взял плащ и набросил его себе на плечи.

— Это еще что такое? — Галар в недоумении смотрел, как капитан натягивает на голову капюшон и застегивает под подбородком покрытую патиной латунную брошь.

— А на что это похоже? — равнодушно, вопросом на вопрос ответил Байлин. — Ты думал, я отпущу вас одних? Я пойду с вами и прослежу за тем, чтобы вы сдержали слово. Три года вы не будете строить никаких планов против драконов. До тех пор нас так часто будут передислоцировать, что никто уже не проследит наш след до Железных чертогов, а возможно, мы вообще все будем мертвы.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Нир. Худощавый оружейник заговорил впервые после того, как их вывели из камеры.

— Потому что это правильно. Убить вас было бы неверно. Просто отпустить вас и поставить под удар безопасность моей

родины, тоже было бы неправильно. Поэтому я пойду с вами и прослежу, чтобы вы сдержали слово.

— Он кое-что упускает, наш самоотверженный герой, — Гламир надвинул капюшон так низко на глаза, что лицо его было полностью скрыто в тени. — У него просто нет другого выхода, кроме как поскорее исчезнуть. Поскольку он обеспечил нам побег, то его голова окажется на плахе вместо наших, если Эйкин его поймает. Это все, что я хочу сказать по поводу чистого геройства.

— А твои ребята? — спросил Галар. — Что будет с ними?

— Они решили, что шансы выжить в войне богов гораздо ниже, чем сбежать от гнева Эйкина. Они этой же ночью покинут Железные чертоги. Амаласвинта сделала им предложение, от которого они не смогли отказаться.

— Так это *она* стоит за этим? — вырвалось у Галара. Кузнец не верил своим ушам. — Она заплатила вам за наше спасение?

Байлин тут же нахмурился и сердито взглянул на собеседника.

— Нет, все не так. Это наше решение вытащить вас. Впрочем, благодаря ее великодушию моим ребятам не придется расплачиваться за свой поступок нищетой. Кроме того, она обеспечивает им пути к отступлению. Здесь есть вторая гавань, поменьше, куда не приходят чужие угри. Там у нее есть совершенно особый угорь. Он покрашен черным, как и большинство подводных лодок, но все детали под краской сделаны из чистого золота.

Галар судорожно сглотнул. Попытался представить себе, какое это сокровище. Угорь из золота. Альвы всемогущие! Этого хватит, чтобы основать новый город карликов. Можно купить все. Инструменты, подземных пони... Да вообще все! Он с тоской подумал о потерянной кузнице, которая по совместительству была и его алхимической лабораторией. Может быть, если они сумеют убить всех небесных змеев, однажды он вернется туда. Может быть, есть и другие карлики вроде него, которые считают, что в мертвый город можно вдохнуть жизнь. И что духи всех тех, кто погиб там, обретут мир, если город снова расцветет.

— Идемте! — решительно объявил Байлин. Капитан коротко попрощался со своими людьми, и они вчетвером пошли навстречу желтому свету в конце туннеля. Замыкал шествие небольшой отряд Байлин, стараясь не спускать с них взгляда.

Гламир подобрался поближе к Галару, делая вид, что ему нужна опора. Галар прекрасно знал, что одноногий кузнец прекрасно управляется со своим костылем и догадывался, чего хочет товарищ.

— Мы должны поскорее избавиться от него, — прошептал Гламир. — Он совершенно невыносим. С таким героем на прицепе можно обрести только одно: героическую смерть!

Гламир, конечно, был прав, но Байлин был Галару в некотором роде даже симпатичен. Какой приятный контраст по сравнению с Хорнбори, величайшим ничтожеством из всех, кого когда бы то ни было производил Альвенмарк. На Байлина можно было рассчитывать в бою.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — прошептал Гламир, когда карлик упрямо промолчал. — Забудь об этом! Я думаю, что эта война богов закончится очень быстро. Я не могу сказать тебе, к добру ли это, но это наверняка будет такая война, равной которой не было никогда прежде. И мы подберемся к небесным змеям. Такая возможность предоставляется раз в сто лет! И ее нельзя упустить с оглядкой на нашего героя. Ты же прекрасно знаешь, что с новыми копьями мы впервые можем не волноваться на тот счет, достаточно ли мощное у нас оружие для того, чтобы убить одного из божественных драконов. Достаточно просто подобраться к ним поближе! И когда дети альвов увидят, что драконы смертны, все восстанут против тиранов. Именно это предначертано нам судьбой! И если ради этого должен погибнуть еще один город карликов, то так тому и быть. Железные чертоги — моя родина. Не думай, что его судьба мне безразлична, но нам нужно набраться мужества, чтобы увидеть всю картину целиком. Если мы освободим Альвенмарк от владычества небесных змеев, то один потерянный город — невелика цена за мир, который впервые станет свободен.

Гламир умолк, когда услышал, что Байлин ускорил шаг и стал нагонять их. Он не доверяет им и ни на миг не будет спускать с них глаз, в этом Галар был совершенно точно уверен. До первого боя. Потом они избавятся от него. В суматохе сражения никто не заметит, если он сдохнет. Что такое один убитый среди сотен?

Они дошли до конца туннеля и теперь глядели сверху на большой подземный зал. В своей жизни Галару доводилось повидать всякое, но при виде этого даже он лишился дара речи. С высоты

шагов в пятьдесят взору открылась гигантская пещера, настолько огромная, что конец ее терялся вдали. Внизу собрались тысячи карликов. Гораздо больше, чем можно было предположить по количеству пришвартованных в гавани угрей. Должно быть, они прибыли со всех концов Альвенмарка.

Справа, неподалеку от них, открылась звезда альвов, большая светящаяся арка, наполненная мраком. Карлики маршевым шагом входили в эту темноту. Отряд за отрядом. Зал гудел от стука подбитых гвоздями сапог. Единой формы не было, более того, насколько смог оценить Галар, не у всех было оружие или доспехи. Многие просто несли с собой инструменты, кирки и топоры, стамески и тяжелые молоты. Лишь полевые знамена позволяли заподозрить в них войско: большие штандарты с гербами поселений карликов. Вот голова медведя на синем фоне — полевое знамя Ихавена, приоткрытые бронзовые ворота на черном фоне — знак Медноградa; ледоруб и молот, все ярко-желтое на кроваво-красном полотне, означали Глубокий грунт, белая наковальня на черном — герб карликов из Долины Молотов в Иолидах. И продолжать можно было до бесконечности. Воинов послали все поселения карликов.

— Вперёд! — поторопил их Байлин, указывая на крутую лестницу, выбитую в стене пещеры. — Там, внизу, мы сможем исчезнуть навеки.

Байлин с Ниром пошли вперед, а Галар последовал за ними, Гламир опирался на его плечо. Карлик молча оценивал толпу, собравшуюся в пещере. Что ж, Байлин прав. Если в своих грязных плащах с капюшонами они сольются с этой массой, то исчезнут. Теперь они — лишь четыре песчинки в огромной пустыне. Незначительные. Неотличимые. Лишь крохотная часть целого, которое не окинуть взглядом.

Альвы призвали своих детей на войну. Пришли в движение целые армии, и Галар не имел ни малейшего представления о том, куда вел их путь.

Пропавшие

— Великая мать защитит нас! — закончил свою проповедь Барнаба. Он стоял, раскинув руки, словно собираясь обнять их всех и прижать к груди. Мужчины не сводили с него взглядов, в которых читалось отчаяние. Им хотелось верить ему, любой ценой! Но завывание ветра за тонкими бортами корабля сводило на нет усилия проповедника.

Осталось всего двадцать семь человек команды. Они устало скрючились на деревянных ступеньках, которые словно террасы амфитеатра возвышались вокруг алтаря, наполовину скрытого под массивными корнями, свисавшими с потолка. Здесь находилась святыня поднебесного корабли: круглая каюта под массивным корабельным древом, с которого буря давным-давно сорвала последние листья, чтобы заковать его в панцирь изо льда. Все они уже давно перестали бороться с холодом. Никто из них уже не отваживался подниматься на палубу, с тех пор, как позавчера исчез корабельный кок. Он был единственным из них, кто время от времени еще шутил, несмотря на сложившуюся ситуацию. Никто не верил в то, что Санган спрыгнул вниз, чтобы обрести смерть в облаках: уж слишком любил он жизнь!

Барнаба одернул себя, отвлекая от грустных размышлений. Он должен быть примером для остальных, излучать силу и уверенность. Он был уверен в том, что духи, скачущие верхом на Северном ветре, не заберут его, потому что он находится под защитой Нангог! И даже если эти существа порвали со своей создательницей, они не осмелятся навлечь на себя гнев богини. От *Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта,* он узнал, что она лишила духов бури дара вселяться в тела живых существ, как умели это делать Зеленые духи. Возможно, именно поэтому они так злятся — теперь, когда после бесконечного ожидания наконец-то появились люди, тела которых духи бури могли бы занять, но мечта оставалась недосягаемой. Барнаба не знал, что рассорило духов бури и Нангог, но отчетливо ощущал их ненависть ко всему живому. Лучше будет, если его ребята останутся здесь, внутри корабля. Пока что они еще нужны ему. Возможно, никто из них не сумеет вернуться обратно. Если то, что он видел в мечтах, станет былью, их помощь будет ему уже не нужна. Он один изменит творение великанши и завершит то, о

чем она только мечтала. Совсем скоро ее творения будут самыми идеальными существами в трех мирах. И ему было предначертано раздавать дары, как только сумеет отыскать лед мечты.

Он оглядел тех людей, которые еще оставались с ним. Трое-четверо из них чего-то стоят. Остальные же... Они отказались от самих себя. Сидели на деревянных ступеньках, раскачивались взад-вперед, глядели невидящим взглядом в пустоту, и ждали смерти, завывающей за стенами корабля.

Барнаба осознавал, что тоже изменился и очень сильно. Он почти не испытывал сострадания к своим людям. Это чувство словно замерзло. Осталась лишь цель.

Его товарищи кутались в такое количество одежды, что почти не могли двигаться. Воняло от них ужасно. Лица заросли неаккуратными бородами, глаза покраснели и воспалились. Интересно, он тоже выглядит точно так же? На миг священнослужитель усомнился в правильности выбранного пути. Если сейчас повернуть и направиться в сторону Вану, большинство людей выживет. Все в его руках... Но что изменится, если они будут жить дальше? Их жизнь не имеет смысла. Только благодаря жертвам можно достичь большего! Барнаба потянулся к висевшему на боку кинжалу. Как обычно, касаясь его, он почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Это оружие способно было сломить любое сопротивление. Перед ним не устоят ни заклинания, ни зачарованные доспехи. Он оборвет жизнь бессмертного! Перед мысленным взором его возникло самоуверенное лицо Аарона, того правителя, который приказал убить своих верных священнослужителей, посланные им убийцы вырвали его из объятий Икушки. Этот кинжал предназначен ему. Настало время покончить с правлением бессмертных, и этот падет первым.

Барнаба подошел к одной из плоских жаровен, где мужчины жгли тряпки, масло и сломанные ящики. Скоро придется начать выламывать доски из корпуса корабля.

Команда с готовностью потеснилась, пропуская его в центр круга. Никто из мужчин не догадывался, что он хладнокровно планирует их смерть.

— Сколько нам еще лететь? — поинтересовался Коля. Однорукий воин был одним из тех, кто еще не сдался. Возможно, он

не признал бы своего поражения даже в том случае, если бы к его горлу приставили кинжал.

Барнаба протянул к огню обмотанные тряпками руки.'

— Дня три, четыре. Все зависит от ветра. У нас почти получилось. У самой пропасти будет место для причала. Чтобы собрать лед мечты, много времени не потребуется. Через неделю мы отправимся в обратный путь. Мы сможем! Великая богиня защитит нас!

За последнюю фразу ой был вознагражден недоверчивым взглядом Коли. Наверное, этот воин слышал за свою жизнь слишком много подобных фраз, чтобы верить в красивые слова и придавать им значение. Остальные мужчины, сидевшие у огня, тоже заметили внезапно повисшее в воздухе напряжение.

Барнаба улыбнулся своей обворожительной улыбкой, которой научился еще в те времена, когда был жрецом.

— Верьте богине. Этой монетой мы выкупим ее защиту. Тот, кто верит не от души, никогда не познает блаженства ее милости, — такой аргументации научил его наставник, Абир Аташ. Пользуясь ей, жрец всегда выходил сухим из воды, перекладывая вину за не случившееся чудо с богов на людей. А они, в свою очередь, всегда были готовы верить в собственное несовершенство.

Мужчины смущенно уставились на старые исцарапанные доски пола. Каждый из них думал о своих тайных грехах. О том, что возможно, именно он виновен в том, что им так не повезло. Кроме Коли — тот не сводил с Барнабы взгляда своих чистых светло-голубых глаз. Воин прекрасно понимал, что он только что сделал. О своем прошлом воин рассказывать не любил, но Барнаба был совершенно уверен в том, что настолько покрытый шрамами воин когда-то занимал очень важное положение, а не был обычным наемником.

Теперь потупился Барнаба. Нужно найти такую тему, которая заставит улыбаться его отчаявшуюся команду, даже за счет кого-то другого. Пошутить насчет Коли было бы достаточно просто, но священнослужитель прекрасно понимал, что нельзя ссориться с воином. Краем глаза он увидел Хартапу, корабельного кладовщика, молодого парня, на щеках у которого только-только проклюнулся первый пушок. Он вел списки припасов на борту и был

прирожденным счетоводом. Даже сейчас он что-то писал стилем с черными чернилами на кусочке кожи, совсем забыв о происходящем вокруг.

— Что ты там пишешь, Хартапу? Романтичные строчки своей возлюбленной?

Молодой человек испуганно поднял голову, кровь прилила к его щекам. Было очевидно, что он никогда еще не спал с женщиной. Кое-кто из мужчин заулыбался.

«Цель оправдывает средства», подумал Барнаба, и продолжал:

— Может, прочтешь нам пару строчек. Огонь согревает наши носы и руки, но любовный стишок согрел бы наши сердца, — Барнаба говорил громко, чтобы его услышали все в святыне. Все смотрели только на писаря, почувствовавшего себя неуютно под их взглядами и покрасневшего еще сильнее.

— Я... у меня нет подружки... — пролепетал от. — И я не умею сочинять стихи...

— А что ж ты там пишешь? — поинтересовался теперь Коля.

Барнаба был уверен, что воин понимает, какую игру он затеял с мальчишкой и что он решил подыграть. Потому что он тоже понимал, какие чудеса способен сотворить смех с отчаявшимися людьми.

— Это просто заметки... — Хартапу закрыл стоявшую рядом с ним чернильницу.

— Возможно, что отсутствие подружки связно с тем, что ты любишь чернила больше титек, — безжалостно продолжал Коля.

Вот теперь уже послышался сдержанный смех.

— Может... может быть... — Юноша положил стиль в небольшой деревянный ящичек, висевший у него на поясе и украшенный жемчужной инкрустацией.

— Значит, тебя можно назвать стиледрочером, — заявил воин, поднимаясь с пола. Рядом с ним Хартапу казался совсем ребенком.

Придуманное дойном слово развеселило всех, но в душе Барнабы шевельнулось нехорошее чувство. Коля может зайти слишком делено, в этом он был уверен. Ему следовало вмешаться, покончить с этим, ко всем нужно было посмеяться. Хартапу был

подобен невинному агнцу, которого возложили на алтарь, чтобы просить у богов хорошего урожая. Иногда подобные жертвы просто необходимы.

— Что ты там такого пишешь, стиледрочер? — Коля склонился над юношей, выхватил у него кусок кожи. — Ой, как аккуратно! А у малыша отличный почерк. Ну, что тут у нас?

День седьмой. *Барнаба пытается подбодрить нас, но страх становится почти осязаемым. Духи витают вокруг корабля. Наш собиратель облаков гибнет, а мы все знаем, что вскоре последуем за ним.*

Смех тут же стих.

— Зачем ты пишешь такое? — Голос Коли прорезал воцарившуюся тишину.

— Оставьте его! — крикнул Барнаба. — Довольно. Лучше, если Хартапу не станет отвечать на этот вопрос.

— Зачем? — Коля схватил Хартапу за густые черные волосы и заставил юношу встать. — Зачем эта пачкотня, стиледрочер? Кому она нужна?

— Тем, кто нас найдет! — закричал Хартапу, извиваясь от боли. — Мы никогда уже не сможем рассказать о том, что случилось, а нас будут искать. Барнаба святой человек. Придут другие, чтобы узнать, куда мы пропали. Может быть, они найдут Барнабу? Может быть, Великая Мать заберет его к себе. Нужно предупредить людей насчет духов!

Коля звонко расхохотался.

— Какой же ты глупыш! — Он толкнул Хартапу на пол, уронил кусок кожи, который прижимал к груди изувеченной рукой. — Тот, кто доберется сюда, давно уже будет знать о духах бури. Им не понадобится твоя писанина.

— Мы прокляты! — вдруг закричал юноша. — Прокляты из-за таких людей, как ты, кто бредет по колено в крови. Духи чувствуют ту кровь, что ты проливал. Это из-за тебя мы все гибнем!

Коля взмахнул изувеченной рукой, и из кожаного протеза, заменявшего ему предплечье, выскользнуло лезвие.

— Еще одно слово, и к потокам крови добавится еще пара

капель, стиледрочер.

— Довольно! — Барнаба встал между ними.

— Дерзких деток стоит иногда проучить, чтобы они запомнили, где проходит граница, — Коля поднял руку с клинком. — Один маленький шрамик на лице — и ты будешь выглядеть гораздо мужественнее и в то же время он будет напоминать тебе о том, что с некоторыми людьми связываться не стоит.

— Довольно! — прошипел Барнаба — спокойно, но решительно.

Воин нахмурился. Шрамы, заменявшие ему брови, сошлись на переносице. Выглядел он страшно.

В этот миг дверь в святыню распахнулась. Порыв ледяного ветра пронесся по круглой каюте, от него задрожали массивные корни корабельного древа, заплясали огоньки пламени в жаровне, по стенам побежали причудливые тени.

У самого входа они поставили две большие медные жаровни, в которых горели высокие язычки пламени. Кто бы ни хотел войти в святыню, должен был переступить через них.

Стоявшая на пороге фигура придавила спиной тяжелую дверь, закрыла ее. Это был Набор. С бороды и волос его свисали сосульки, тяжелый плащ был покрыт блестящим слоем инея. Лицо покраснело от холода. Лоцман смотрел на них широко открытыми от ужаса глазами. На плече у него сидела его маленькая обезьянка, держась за прядь Наборовых волос. Большие серьги, которые он носил обычно, лоцман из-за мороза поснимал.

— Он вернулся! — прохрипел он. — Я видел его!

Барнабе показалось, что из комнаты, ставшей их последним пристанищем, уходят последние крохи тепла. По спине пополз холодок, и ему пришлось как следует постараться, чтобы машинально не обхватить себя руками.

— О ком ты говоришь?

— Санган! Кок...

— Так ты нашел его наконец, — вырвалось у Барнабы. — И где же он был? Зачем прятался? И почему ты не впустишь его?

— Он нашел меня, — с трудом произнес Набор. — Вдруг

оказался у меня за спиной, когда я стоял на носу корабля, хотел посмотреть, каким курсом мы идем. Из-за ветра я не слышал, как он подошел.

—• Но ведь это хорошо, что он вернулся. Отойди от двери. Санган наверняка расскажет нам, что произошло.

Лоцман так сильно покачал головой, что обезьянка слезла с плеча и села на руку.

— Эго вернулся не Санган. Вы не видели его глаза. Его глаза... — Стук в дверь заставил лоцмана умолкнуть.

Несмотря на расстояние, Барнаба отчетливо увидел, что дверь в петлях ходит ходуном. Каждый удар был подобен раскату грома.'

— Я с ним разберусь! — С этими словами Коля бросился по ступенькам к двери, перемахнул через жаровни. Набор пытался остановить его, но старому лоцману нечего было противопоставить разозлившемуся друснийцу, и Коля просто отшвырнул его в сторону.

Стук прекратился, словно стоявший за дверью видел сквозь нее.

— Не делай этого! — крикнул Барнаба, но рука Коли уже потянулась к двери.

Гость

Коля был в таком настроении, что хотелось кого-нибудь заколоть. Ему было противно сидеть без дела среди трусов. Мерзко было, что их осаждает враг и нужно ждать, что нет того, против кого можно выйти с мечом в руке. Сейчас с этим будет покончено. Кто бы ни стучал в дверь, он наверняка из плоти и крови. И сейчас он, черт побери, получит сполна за все пережитое!

Друсниец решительно распахнул деревянную дверь.

Всего в шаге от него на верхней палубе стоял Санган в облаке кружащихся в воздухе снежинок. Не считая набедренной повязки, кок был обнажен. Борода была покрыта изморозью. Хотя повар был уже немолод, тело у него было мускулистым — за исключением недавно начавшего появляться брюшка. Он много лет ходил на поднебесных судах Нангога и, как и у всех членов таких команд, кожа у него была загорелой и дубленой от ветра. Но теперь она у него стала какой-то сероватой, и стоял он странно, напряженно. А глаза! Такого Коле видеть никогда не доводилось, а взгляд их заставил его, кто никогда не боялся поединков, кто сражался даже с демонами из Альвенмарка, невольно сделать шаг назад.

Эти глаза были похожи на лед на деревенском пруду в конце зимы. Такие же словно бы растрескавшиеся, грязно-белые, обещающие темную воду под коркой льда. Но они не просто застыли. Они совершенно изменились. За ними таилась тьма, душа настолько темная, что с ней не никогда сравниться даже душе самого ужасного чудовища среди людей.

То, что стояло напротив него, хоть и было внешне похоже на Сангана, но в остальном не имело ничего общего с коком, который всегда был не прочь пошутить.

Коле показалось, что это существо наслаждается тем, что он на него таращится, питается страхом команды, затаившейся внизу, в святыне. Почти все они не отводили взгляда от открытой двери. Даже Барнаба, который обычно был довольно бойким на язык, не произнес ни слова.

— Вам конец, — заявило существо низким голосом. Несмотря на то что каждое слово было отчетливо слышно, голос прозвучал так,

словно доносился издалека. Губы Сангана шевелились, но не так, как обычно, когда он что-то говорил. Сущий пустяк, но голос напугал Колю почти так же, как эти ледяные глаза.

— Выходите, и мы подарим вам быструю смерть.

«Болтунов всегда убивать легче», — подумал Коля. Пусть этот ублюдок попробует двенадцать дюймов самой лучшей стали!

Шагнув вперед, он вонзил клинок в живот существу по самую рукоять и выругался — ощущение было какое-то не такое. Он заколол уже не одну дюжину мужчин, но сейчас ему показалось, что он всадил клинок в глыбу льда, а не в живую плоть! Повернув меч, он выдернул его из раны — на доски не упало ни капли крови.

Незнакомец смотрел на него своими ледяными глазами.

— Надо было выбрать тебя, — произнес далекий голос. На этот раз, когда он *говорил*, губы вообще не шевелились. При этом он поднял руку, словно в насмешливом приветствии.

— Хочешь быть как я? Могу устроить! — фыркнул Коля, изо всех сил обрушивая клинок на руку существа. Он со звоном рассек замерзшую плоть, отрубив чужаку правое предплечье.

На миг стало так тихо, что слышен был только рев бури. Чужак не вскрикнул от боли, даже, кажется, не разозлился, просто не отводил взгляда от глаз Коли. Затем наклонился, не отводя взгляда, поднял отрубленную руку и молча прижал ее к ране.

Коле показалось, что вдруг стало еще холоднее. По обнаженной руке словно толстые белые жилы поползли морозные узоры. А потом незнакомец вдруг отпустил свою руку — и оказалось, что предплечье снова приросло к обрубку. Словно играя, существо шевельнуло руками.

— Думаешь, я такой же, как ты? Не уверен.

Друсниец отступил на шаг, почувствовал спиной исходивший от жаровен жар. Одним прыжком перемахнул через пламя и тут же снова обернулся, отчаянно стараясь не спускать глаз с чужака, но тот не двинулся с места.

— Думаете, можете уйти от нас? — В его замогильном голосе не слышно было даже насмешки. — На сколько еще вам хватит дров и масла? На день? На неделю? На луну? Мы подождем, пока не

догорит последний огонь. Мы ждем уже давно, мы научились терпеть. Луна для нас длится не дольше мгновения. Мы посмотрим, как вы будете умирать. А когда вы умрете, мы займем ваши тела. В этом мы отличаемся от своих братьев. Нам не нужны живые. Мы поднимаем мертвых. И, поскольку это так, никому из вас не уйти.

Ожившая мечта

За его спиной негромко закрылась дверь, и вместе с этим звуком все напряжение, все неприятности словно бы оставили его. Спина болела после тяжелого дня — он столько часов простоял, склонившись над заполненными глиняными дощечками столами. Пытался контролировать все решения, принимаемые в его огромной империи. Работа была бесконечной и постоянно оставляла ощущение, что он проглядел что-то очень важное. Глиняные дощечки громоздились над ним, словно тяжелая гора — пока вечерами за его спиной негромко не закрывалась дверь.

Ему не было нужды оборачиваться, чтобы знать, кто пришел. Только она осмеливалась входить в эти покои без стука. Он чувствовал ее запах, запах лошадей из королевской конюшни. Там она проводила дни. Никто не умел настолько хорошо обходиться с животными, как дочь просторных степей Востока. Лошади были ее жизнью, так же, как набеги и война. Она была похожа на дикую кошку. Бессмертный невольно усмехнулся, вспомнив, как она раскрыла себя — нанявшись в дворцовую кухню. Устроила там драку, сея страх и ужас. Никак не удавалось ей притвориться смиренной служанкой. Она умела многое, но долго притворяться была просто не способна.

Он чувствовал, что сейчас она стоит прямо у него за спиной — бесшумно пересекла комнату, в которой он работал и спал. Она не станет трогать его, пока он сам не обернется к ней, зная, насколько серьезно он относится к своей работе. Знала она и то, что долго ждать не придется, он бросит все, чтобы насладиться теми немногими часами, которые можно провести вместе с ней.

Артакс отодвинул в сторону табличку, которую читал. Оползень, из-за которого стала непроходимой торговая тропа, мог подождать, равно как и все остальные мелкие и крупные заботы империи. Облегченно вздохнув, он обернулся. Она стояла напротив него, во всей свой красе, с грязными босыми ногами и соломинками, запутавшимися в длинных волосах.

Он все еще не привык к изменившемуся лицу Шайи. Демон помог ей бежать из горного монастыря, где она жила в ожидании смерти. И этот демон умер вместо нее. Рассказанная ею история по-

прежнему бередила душу Артакса, переворачивая с ног на голову его представления о мире. Смертельный враг людей выбрал смерть, чтобы предотвратить несправедливость, которая вот-вот должна была свершиться. Если бы не он, Шайя не стояла бы сейчас перед ним.

– Так глубоко задумался? — В ее голосе слышалась доля насмешки. Ей не нравилось, когда он хоть на миг мысленно отдалялся.

— Я благодарил богов, что они вернули тебя мне.

— Это были не боги, — решительно возразила она. — Как раз наоборот.

— Но я не стану шептать молитв, обращаясь к демонам.

— Возможно, мир стал бы лучше, если бы мы могли это сделать?

Артакс поднял руки, словно бы защищаясь.

— На сегодня я доволен, целиком и полностью, поскольку благодаря тебе эта комната стала лучше, — он пожирал ее взглядами. Ее стройное, сильное тело. На ней была красная туника, доходившая ей ровно до середины бедра: это было результатом их последней, короткой ссоры. Прежде она носила только брюки для верховой езды, широко распространенные среди народа ишкуцайя. Это тревожило его. Она из этого народа, и если кто-то догадается об этом, то сумеет угадать и то, кто скрывается под личиной кухарки, пробравшейся в постель бессмертного.

Он сознавал, что о них обоих очень много судачат. И есть немало людей, которые желали разрыва связи кухарки, прекрасно разбирающейся в лошадях, и самого могущественного человека на свете.

— И какую же молитву услышу я? — хитро усмехнулась женщина.

Артакс взял ее за руку, поцеловал, кланяясь нарочито низко.

— Дозволено ли мне будет вознести вместо молитвы хвалу вашей красоте, о дама моего сердца?

Она рассмеялась своим звонким безудержным смехом, перед которым просто невозможно было устоять.

– Какая напыщенная глупость! — И с этими словами она

прижала его к себе и страстно поцеловала.

Закрыв глаза, он полностью отдался во власть ощущений, охотно позволил потянуть себя в сторону огромной кровати. Ее рука развязала его бесшовную юбку и быстро нашла то, что скрывалось под ней.

— Я скучала по тебе, — прошептала она.

— А я думал, ты лошадей любишь.

— Это днем, — очаровательно усмехнулась она. —А ночью мне нравится глупый мул, который пытается вынести все неприятности империи на своих плечах, — она откинулась назад, увлекая его за собой на постель.

Падать он мог только с ней. Правитель крепко прижал женщину к себе. Еще в юности он придумал себе женщину и дал ей имя: Альмитра, и никогда даже надеяться не смел, что в реальности все будет намного чудеснее.

Шайя стянула с себя тунику, снова поцеловала его. Еще более страстно, чем обычно, словно собираясь съесть его целиком. Вдруг посерьезнев, она вдавила его в подушки, села сверху, долго и пристально вглядывалась в лицо, словно бы запоминая его навсегда. Обычно она вела себя иначе. Кажется, что-то ее тревожит.

— Плохой день на конюшне? — Та лишь фыркнула в ответ.

— Разве может быть день хорошим, если где-то поблизости крутится Хамура.

Артакс застонал. Она не впервые жаловалась на шталмейстера. Хамура был мужчиной гордым и тяжело отнесся к тому, что вдруг какая-то кухарка стала ухаживать за королевскими лошадьми — и неважно, что она прекрасно с ними управляется.

— Что он сделал на этот раз?

— Он бьет лошадей, — вырвалось у нее. — Я видела ссадины... Негодяй. Он... — И вдруг она улыбнулась своей обычной улыбкой, перед которой он просто не мог устоять. — Я велю отстегать его. Тогда он поймет, каково лошадям получать плети.

— Неужели это заговорила дикая принцесса-наездница? Здесь тебе придется немного держать себя в руках...

— Держать себя в руках? — Она возмущенно ударила его кулачком по груди. — Шайя приказала бы четвертовать Хамуру с помощью тех лошадей, которых он бил. Я и так держу себя в руках... — Ее глаза снова хитро сверкнули. — А сейчас я настроена на бешеную скачку.

Он покраснел, и она рассмеялась. Ей всегда нравилось смущать его. Шайя всегда говорила, что думала — прямо, без обиняков. Возможно, именно эту ее черту характера он в ней больше всего и любил. Интрига и ложь определяли все его дни в роли правителя. А с ней существовала только правда. И она сделала именно так, как грозилась: любила его страстно, чего не бывало уже давно.

Когда они лежали, запыхавшись, обнимая друг друга, она вдруг заплакала.

Артакс провел рукой по ее волосам.

— Что случилось?

— Я счастлива, — запинаясь, произнесла она.

— Но ведь от счастья не плачут, — удивился он.

— А я плачу! — упрямо возразила она. — Для несчастья у меня давно не осталось слез. Последние я приберегла для часов счастливых.

Он хотел что-то сказать, но решил промолчать, просто прижал ее к себе и крепко обнял. Иногда лучше промолчать, чем говорить. Женщина постепенно успокаивалась. Она хотела, чтобы возлюбленный думал, что она уснула, но он чувствовал, что ей не уснуть.

В отличие от него. Долгий день, полный забот об империи, лишил его сил. Он обнимал ее, устало прислушивался к ее дыханию, наслаждался ее теплом, впитывая его всем телом. Последняя сознательная мысль была о том, что все это похоже на ожившую мечту. Он не собирался отпускать ее.

— Я люблю тебя, — успел прошептать он перед тем, как провалиться в глубокий сон без сновидений.

Прощание

Знай, мои мысли всегда с тобой,
где бы я ни была,
милый мой возлюбленный,
для которого я танцевала в небе.
Никогда не забыть мне наших ночей
под лунами Нангога.
Любовь к тебе подобна сну,
но приходится просыпаться.
Я вижу, что моя любовь к тебе
мешает тебе править.
Я вижу, что мое присутствие во дворце
сеет раздор в империи.
Ты принадлежишь не только мне.
Слишком много жадных взглядов
устремлено на тебя.
Любовь к кухарке оскорбляет чувства дворян.
А если сказать, кто я на самом деле —
начнется новая война с Лувией.
И поскольку я люблю тебя, мне придется уйти.
Нельзя, чтобы я стала причиной того,
что мечта о мире,
где царит справедливость, обратилась в пепел.
Ты мой сон.
Ты будешь им всегда.
В твоем дворце я провела
лучшие часы своей жизни
и вместе с тем самые грустные:
часы, когда я пробудилась ото сна.
Не пытайся искать меня, любимый.
Не предначертано нам быть вместе наяву,
но во сне и в мечтах я все еще буду с тобой.

Цитируется по: древняя глиняная дощечка.

Автор: неизвестен,

хранится в библиотеке Искендрии.
в зале Исчезнувших королевства,
шкаф XXXVII, полка IX, сундук XV.
Примечание:
письмо, написанное на полуобгоревшей
глиняной дощечке, найдено
в одном из поврежденных огнем сундуков
во дворце Акшу.

Ограблен

Артакс неотрывно смотрел на дощечку, оставленную в покинутой комнате, утратив какое бы то ни было чувство времени. Он снова и снова читал строчки, написанные неровной клинописью, прощальное послание Шайи. Слез не было, в горле пересохло, ему казалось, что в душе бушует пламя, способное уничтожить его. Не отвести взгляда. Каждую строчку он прочел сотни раз, но снова и снова каждое слово будто бы наносило удар в самое сердце. Как она могла уйти?

Ни одну из названных ею причин он не считал роковой. Он — бессмертный Арама! Первый среди семерых правителей мира! Ему решать, с кем связывать судьбу, и никому из дворян не пристало судачить об этом!

Снова перечитав письмо, он вдруг понял, что за этим стоят чужие мысли. Может быть, на Шайю повлиял Ашот, давний друг, или же Матаан, ставший калекой после того, как спас ему жизнь в Вороньем гнезде?

Оба они слишком сильно беспокоились об империи, о том, чтобы он все делал правильно. И оба они не любили Шайю!

Как же найти ее? На протяжении последних часов он задавал себе этот вопрос снова и снова, и ответ по-прежнему был лишь один: если она не хочет, чтобы ее обнаружили, то вся его власть не даст ничего. Ее не найти.

Бессмертный сглотнул. В комнате еще витал ее запах. Закрыв глаза, можно было легко представить себе, что она лежит на постели, у него за спиной — там, где они провели вместе столько ночей. Запах лошадей. Этот запах глубоко въелся в ее кожу и волосы

Но витал в воздухе и аромат молока и меда. Когда из-за этого лошадиного запаха он несколько раз, смеясь, назвал ее своей дикой кобылицей, она стала вечерами, после работы на конюшне, натирать тело смесью меда и молока. Несмотря на собственное глубокое убеждение в том, что из-за этого ее бронзовая кожа станет белее, чего ей не хотелось, но запах конюшни все же отбивало. По крайней мере, на некоторое время.

Артакс неотрывно смотрел на побеленные стены. Как страстно

она любила его прошлой ночью! Он был так счастлив, думая, что их любовь никогда не угаснет. Как неустанно целовала она его. И в конце концов он уснул первым, обнимая ее. Когда он проснулся на рассвете, уже она обнимала его, глядя сверху вниз своими чудесными темно-карими глазами. Ему даже в голову не пришло, что возможно, она смотрела на него всю ночь напролет, что таким образом она с ним прощалась, запоминая его лицо, чтобы сохранить его в памяти до конца своих дней.

Были ли другие признаки того, что она решила оставить его, которые он разглядел бы, будь хоть немного внимательнее? Вчерашний вечер был просто идеальным. Слишком идеальным? Может быть, она готова была на все, чтобы еще раз сделать его счастливым?

В минувшие недели они часто оживленно спорили о том, как использовать его власть, власть правителя. Иногда даже ссорились. Она никогда ничего не принимала как данность, ей хватало мужества ставить под сомнение абсолютно все и не раз она называла его мечтателем. Она была очень похожа на ту самую женщину, которую он придумал себе, еще когда был простым крестьянином. Тогда он даже не наделся, что сможет позволить себе жениться, даже если соберет достаточно денег, и отправился в Нангог, поскольку считалось, что там можно либо быстро разбогатеть, либо быстро погибнуть. Что ж, в некотором роде все оказалось правдой. Крестьянин Артакс перестал существовать. Судьба превратила его в бессмертного Аарона, и даже друзья детства не узнавали его, оказываясь рядом.

Шайя, вернувшаяся к нему в облике кухарки Кирум, знала все его тайны. С ней можно было не притворяться, он мог доверить ей все, как никому другому. И что делать теперь?

В дверь постучали, настойчиво, словно не в первый раз, и в комнату, не дожидаясь ответа вошел Ашот.

— Господин, прибыли новые войска. Еще час тому назад. Вы...

Артакс раздраженно отмахнулся.

– Сейчас я не могу выступать перед ними.

– В Большом дворе вас ждут десять тысяч человек. Они уходят в Нангог, рисковать жизнью за наше дело, а у вас нет времени подбодрить их парой слов?

Правитель бросил на него гневный взгляд.

— А кто приходил сюда, чтобы лишить мужества Кирум своими речами? Ты? Или Матаан? — Кивком головы он указал на лежавшую на столе необожженную глиняную дощечку. — Я читаю это и слышу ваши голоса.

— Вы правы. Я и только я говорил с ней. Матаану же недостает мужества для принятия верных решений, он боится разозлить вас. Вина за все случившееся лежит на мне одном. И что вы теперь станете делать? Бросите меня в яму со львами?

— *Неплохая идея*, — напомнили о себе голоса бывших правителей в его голове. За минувшие недели они почти не трогали его. Возможно, они набирали сил только тогда, когда он мучился и был несчастен.

— *Просто мы очень любим львов. Их тоже наверняка временами мучают сомнения в смысле собственного существования. Ты давно уже не кормишь их нежным мясом девственниц, как когда-то делал я Какие были чудесные спектакли! Но ты-то не даешь им, наверное, даже жестких предателей или такого брюзгу и нытика, как этот недополководец Ашот.*

— Замолчи! — Едва это слово сорвалось с его губ, как Артакс осознал, что произнес его вслух, что было совсем не обязательно, когда он беседовал с голосами в голове. Они слышали даже его мысли.

Ашот, друг детства, обиженно смотрел на него.

— Ты не отправишься ко львам, я придумал для тебя кое-что похуже. Ты останешься здесь, во дворце, и будешь отбирать тех, кто отправится в Нангог. После первых же сражений желание участвовать в войне поутихнет. Скоро молодежь из деревень и городов будет прятаться от наших вербовщиков. Но ты позаботишься о том, чтобы мы исправно поставляли требуемое девантарами количество людей. Еще четыре раза по десять тысяч на грядущие двенадцать лун.

— Но повелитель, ведь я всегда...

Артакс резким жестом оборвал его, не дав договорить.

— Ты останешься здесь! Я поведу наших воинов на битву. Я не

вынесу этого: сидеть во дворце, полном воспоминаний.

Ашот пристально поглядел на него, даже не удосужившись скрыть свое разочарование.

Когда-то Артакс спросил бы себя, не может ли быть такого, что постепенно ему начинает нравиться воевать. Возможно, это было правдой... Но правдой было и то, что он надеялся на то, что Шайя скрывается среди тех десяти тысяч, что ждали его во дворцовом дворе. Возможно, переодетая воином, возможно — в роли маркитантки в обозе? Ведь она воин! Да, она должна быть там! Он найдет ее! И никогда не перестанет искать, сколько бы причин ни было забыть ее и тем самым даровать империи мир — хотя бы изнутри.

У меня тоже когда-то был друг

В приподнятом расположении духа Володи шел по огромному полю, где собрались бородатые ублюдки, последовавшие зову войны. Вонючие, плохо одетые и вооруженные, покрытые шрамами типы. Вторые и третьи сыновья, которым нечего надеяться на наследство, разбойники с большой дороги, шарлатаны и наемники, уже успевшие посражаться во всех возможных войсках. Все они были одеты по-разному, стояли нестройными рядами на большом поле перед его троном. Образовывали разного размера группы вокруг полевых штандартов, выбранных произвольно. По большей части это были звериные черепа на толстых палках. Кони, медведи, волки отдали свои головы ради того, чтобы обеспечить этих людей знаменами. Иногда с перекладины свисала просто разрисованная рунами полоска кожи.

Все они были забияками с плохими зубами и отличной моралью. Каждый из них мог победить на этой войне.

Володи подмигнул Кветцалли, которая стояла, закутавшись в меха, и держала на руках их сына. Ему было семь дней, и он умел кричать, что твой полководец в разгар сражения. Однако в данный момент он, к счастью, вел себя тихо.

— Ты продумал речь? — встревоженно спросила она. Будучи жрицей, она всегда очень переживала по поводу того, что он скажет. А ему было не дано произносить впечатляющие речи, и он прекрасно знал это, однако с тех пор, как воин познакомился с этой женщиной, он стал больше задумываться том, что говорить в такие минуты, как эта. И для этого приходилось немало ломать голову. Володи предпочел бы сражаться, нежели стоять на этой скале, на которую ему сейчас придется забраться, чтобы его видели все.

— У меня есть план, — пробормотал он, читая в глазах Кветцалли, что она не верит ни единому его слову: слишком хорошо она знала своего мужа.

Выпрямившись во весь рост, он поднялся на скалу совета, на миг задумавшись о том, что не прошло и года с тех пор, как он был отверженным, презираемым всеми человеком, за голову которого была, назначена немалая награда. Как же сильно все изменилось с тех пор. Он стал бессмертным! О подобном он не смел даже мечтать.

И стоявшие там, внизу, мужчины, уважали его. По крайней мере, большинство.

Поднявшись наверх, Володи откашлялся, подыскивая слова или идею... Вот где бы сейчас пригодился Коля. Проклятый ублюдок хоть и предал его, продал цапотцам, послал на верную смерть, но именно благодаря этому он снова оказался рядом с Кветцалли и в конце концов именно тот поступок и привел его сюда. Несмотря на всю мерзость предательства, в итоге все обернулось хорошо. Интересно, что стало с Колей? Воин часто скучал по нему. Вот встретятся они еще раз, он устроит ему отличную головомойку! Негодяй!

Возможно, Коля даже с одной рукой отлично поколотит его. А когда у них обоих будут разбиты носы и губы, когда прольется кровь, они помирятся и как следует напьются. Бессмертный судорожно сглотнул. Надо избавляться от столь меланхоличного настроения. Возможно, Коля и сгинул давно. Последнее, что он о нем слышал, это то, что он участвовал в нападении на храм Цапоте. Возглавлял один из отрядов, явившихся к нему на выручку. Поистине, божественная шутка!

Володи снова откашлялся, оглядел собравшихся на огромном поле мужчин. Некоторые начали ворчать, поскольку он все еще не произнес ни слова.

— Однажды у меня был друг, лучше которого и желать нечего. Друсниец. Тот еще развратник, пропойца, а если день у него выдавался тяжелым, то довольно было одного косого взгляда, чтобы он выбил тебе зуб. Особенно он любил делать это после того, как кутил всю ночь напролет. Но в битве он никогда не терял мужества. И даже если врагов было в десять раз больше, он выходил против них с улыбкой на лице. И если он сражался рядом с тобой, то можно было быть уверенным в том, что он защитит тебя лучше самого крепкого щита. Скорее он дал бы изрубить себя на куски, чем сошел бы с места в битве. Многие из вас знают, что когда-то я был пиратом на Эгильском море и полководцем на службе у Арама. Я водил колесницы бессмертного Аарона вглубь Лувии, чтобы украсть у врагов лучших кузнецов. Я стоял на равнине Куш, когда бессмертный Муватта решил разгромить войско Арама, собранное из крестьян... В той битве в победу не верил никто. Меня вечно посылали в такие бои, которые просто невозможно было выиграть, потому что я был всего лишь друснийским наемником. Такую потерю легко пережить. И со

мной всегда рядом был Коля.

Володи на миг умолк. Мужчины слушали, но первые уже начинали волноваться. Они не любили долгие речи, так же, как и он. Нужно срочно выкручиваться.

— Мужики, если мы пойдем в Нангог, то сражаться нам придется с демонами. Они настолько быстро машут мечами, что виден только серебристый свет. Они перережут вам горло, не успеете вы и меча поднять. Я сражался с ними и все еще жив. Единственное, что я могу сказать о них хорошего, это то, что их мало. И у них красивые бабы, по крайней мере, если любишь худых, которых и ухватить-то не за что.

Как и предполагалось, мужчины тут же начали отпускать колкие замечания про баб, кое-кто засмеялся.

— Такая вот баба отрубила моему другу Коле руку одним взмахом меча, — смех тут же стих.

— И знаете, что он сделал?

— Подох! — крикнул кто-то из задних рядов.

Володи рассмеялся.

— Только не Коля! Даже если ему отрубят голову и положат к его ногам, чтобы он мог посмотреть на свои жуткие зубы вблизи, он не поймет, что пришло время умирать. Он повалил бабу-демоницу, которая думала, что он повержен, и утратила бдительность. Потом бросился на нее сверху, прижал к земле и заткнул ей своим обрубком руки рот, так что она захлебнулась в крови. Вот такой вот человек Коля. Мужик из Друсны! Вы все друснийцы, сильные и решительные. Будете сражаться за меня, как Коля?

— Да! — кричали далеко не все. Многие растерялись. Володи задумался, ту ли историю он выбрал... Но ведь он хотел, чтобы они понимали, что их ожидает, только тогда они не побегут, встретившись с ужасами Нангога. Они должны быть готовы.

— Я не собираюсь заманивать вас на войну, рассказывая красивые и лживые истории. Все вы знаете, кто я. Я не тот бессмертный, что правит вот уже несколько веков. Я Володи из Трех Дубов, такой же, как вы — волей судьбы ставший бессмертным. Я знаю, что движет вами, и что ждет вас в Нангоге. Во всем нашем мире не найдется воинов, которые умели бы так же обращаться с

мечами, как эти дети демонов. Но они понятия не имеют, что значит связаться с друснийцами. Им придется изрубить нас на куски и сжечь, чтобы мы перестали сражаться. Верно я говорю?

— Да! — заорали сотни глоток.

— Сначала они станут говорить о Друсне с уважением, а затем и со страхом. Верно я говорю?

— Да! — теперь кричали почти все.

— Они поймут, что сколько бы ни сразили друснийцев, они все равно встанут. Верно я говорю?

— Да! — некоторые стали бить мечами по щитам и устроили просто адский грохот.

— А когда мы покончим с ними, чертовы дети демонов будут рады, если мы позволим последним выжившим из них уползти на брюхе к себе на родину. Нангог — наш мир! И всякий, кто попытается отнять его у нас, пожалеет об этом!

Теперь уже ликовали все. Володи наслаждался их воодушевлением. Потрясающее это чувство — быть полководцем. Он раскинул руки. Крики постепенно стихли.

— Настало время уходить. Совсем скоро Великий Медведь откроет нам врата, через которые мы пройдем к месту, назначенному богами. Прощайтесь со всеми, кого любите, а затем возвращайтесь сюда, когда солнце будет в зените, — и с этими словами он спустился со скалы.

Воины снова ликовали. Дюжины мужчин протягивали к нему руки, пытались прикоснуться к плечам, когда он вместе с Кветцалли уходил с огромной площади для собраний. Они шли без лейб-гвардии, и путь был непрост. Большинство воинов уже давно попрощались со всеми. Родина и семьи остались позади.

Наконец они добрались до первых ворот княжеской резиденции. Только здесь стража преступила дорогу разошедшимся воинам.

Кветцалли потащила мужа в небольшой домик у ворот. Не говоря, что собирается сделать, она толкнула дверь. Внутри в камине горел огонь, пол был устелен шкурами, а на небольшом столике стояли кувшин с вином, холодное жаркое и хлеб. Володи удивленно обернулся.

— Я решила, что в последние часы не стоит тратить слишком много времени на прогулки, — она положила ребенка в люльку неподалеку от камина и улыбнулась. — Эту историю про Колю я не знала.

Володи усмехнулся.

– Что ж, на самом деле он просто стоял, смотрел на свою руку и ругался, на чем свет стоит. Я решил, что так оно будет звучать лучше.

Кветцалли подошла вплотную к нему, нежно провела рукой по щеке, поглядела в глаза.

— Ты хорошо справился со своей задачей. Я даже не думала, что ты так здорово умеешь врать, — в ее голосе еще слышался чужой акцент ее родины. Она смотрела на воина своими чудесными, черными как ночь глазами. — Пожалуйста, не учись обманывать меня.

Он поцеловал ее.

— Никогда!

— Я знаю, что ты бежишь от детского крика. От того, что теперь ночью я не могу быть только с тобой, если ты желаешь меня, от темных кругов под глазами и от того, что я постоянно нужна Ване. Ты бессмертный, но все же ничем не отличаешься от других мужчин. В это время они все бегут, и я не сержусь. Но прошу, обещай мне, что будешь беречь себя. Возвращайся ко мне обратно!

-Я…

Кветцалли нежно закрыла ему рот ладонью.

— Я ведь просила тебя не лгать мне, — улыбнулась женщина. — Лучше не говори ничего. Я знаю, что ты хочешь, как лучше, хочешь подбодрить меня, — она сняла просторный плащ из ярких перьев, который он так любил. — Давай не будем тратить последние часы на слова.

Прижав жену к себе, Володи страстно поцеловал ее, а женские руки тем временем нащупывали перевязь. Он любит ее и вернется к ней; куда бы ни повели его боги. Она—его дом, в еще большей степени, нежели малыш Ваня со своими золотистыми волосами и светло-коричневой кожей.

Он так часто уходил на войну и всякий раз выживал. Мужчина

был уверен в том, что вернется, и ничто не сможет ему в этом помешать!

Его перевязь с грохотом рухнула на устланный шкурами пол. Ее рука проникла к нему меж бедер, и он забыл обо всем на свете.

Слишком много рук

Ох, уж этот проклятый лес! Как же сильно ненавидела его Ливианна. Дождь лил уже который день без остановки, а она не могла защитить себя от влаги заклинанием. Здесь была земля Великого Медведя, девантара, сторожившего Друсну, и она чувствовала, что он близко — хотя и ни разу не увидела. Он наблюдал за ней, и эльфийка не понимала, почему он до сих пор не атаковал незваную гостью. Что ж, этой игре недолго осталось. Ее путь сюда из Запретной долины был долог и извилист, и в себе она несла тамошних Зеленых духов. Ливианна чувствовала их тревогу. Они хотели только одного: вернуться в свой мир, в Нангог. Но драконница не собиралась представать перед Золотым с пустыми руками, без второй половинки сердца Нангог. Возможно, ей наконец-то удастся узнать больше!

Сейчас Ливианна стояла под большим дубом, сквозь листву которого крупными каплями сочился дождь. Легкий ветерок колыхал лес, наполняя ночь шорохами мокрой листвы. Оружие и шлем, висевшие в ветвях Священной рощи, с негромким позвякиванием ударялись друг о друга. Она чувствовала магию этого места. Силу лабиринта, состоявшего из деревьев и кустарника, возвышавшегося на холме посреди поляны. Силу стоящих камней, расставленных на поляне на разном расстоянии друг от друга, пульсацию троп альвов, соединявшихся совсем неподалеку в большую звезду.

Облик воина из Лувии Ливианна сохранила, не осмелившись воровать воспоминания дитя человеческого и принимать затем его облик. Слишком насторожены сейчас девантары. Подобная дерзость не укрылась бы от их внимания. Не осмелилась она и принять облик использованных прежде людей. Неподалеку отсюда она превратила молодого Бозидара из гордого юного воина в старика, когда после долгой ночи любви почти полностью выпила эссенцию его жизни. В его воспоминаниях камень, который она искала, тоже был почти наполовину покрыт плющом.

Тучи рассеялись, и лунный свет залил лесную поляну, придавая ей необычный блеск, и эльфийка наконец увидела камень! Неуверенно перевела взгляд на святыню. Там, среди деревьев и кустарника, находился жрец. Женщина вслушивалась в ночные шорохи, один за другим прогоняя их из своего восприятия, поскольку

они мешали ей узнать то, что нужно. В той тишине, что постепенно рождалась внутри нее, теперь она слышала наиболее тайные звуки леса: тревожное биение сердца зайца, прятавшегося под кустом неподалеку и наблюдавшего за ней, шорох перьев, касающихся тонких веточек и грубой скорлупы яиц, черный дрозд, тревожно ворочавшийся в гнезде высоко над ее головой.

Изгнала она из своего сознания и эти звуки, и теперь наконец-то услышала звук ровного дыхания. Должно быть, это жрец. Он спал и... Здесь есть кто-то еще! Второе дыхание, почти полностью подстроившееся под медленный и спокойный ритм дыхания жреца. Ее преследователь тоже здесь!

Ливианна не сумела сохранить сосредоточенность. Звуки леса снова захлестнули ее, исчезло дыхание, многократно заглушенное бесчисленными другими ночными звуками. У нее не оставалось времени на то, чтобы снова углубляться в звуки настолько, чтобы осталось только дыхание, чтобы, если повезет, узнать, где именно стоит ее преследователь. Нужно спешить! Близкая звезда альвов позволит ей бежать. Она может...

На губах мелькнула горькая улыбка. Конечно же, преследователь будет ждать ее здесь. Это точно Великий Медведь, хранитель этих проклятых лесов. Но она не станет сдаваться сейчас, она должна узнать, какую тайну скрывает камень.

Не пытаясь больше прятаться, она пересекла поляну и прошла мимо святыни. Подошла к массивному вертикально стоящему камню, к которому прислонялась тогда, в ту ночь, когда поджидала здесь Бозидара, и решительно потянула за побеги плюща. Под ним показалась изображенная с помощью небрежных и грубых линий женщина. Эта картина была Ливианне знакома. Крылатая Ишта. Богиня наносила удар длинным копьем. Продолжила отрывать ветви все крепче и крепче державшегося за скалу плюща, который ни в коем случае не желал открывать тайну. Постепенно показывался извивающийся, похожий на змею дракон. Он был изображен с запрокинутой назад головой и открытой пастью, словно он ревел от боли и взывал к небу. Копье Ишты вонзилось ему прямо в грудь, туда, где у него должно было быть сердце.

Тем временем Ливианна уже расчистила плющ до уровня своих колен. К телу змеи снизу тянулись две руки. Кто это? Анату, та самая девантар, от любви к которой потерял голову Пурпурный?

Вынув из ножен кинжал, эльфийка отрезала толстые побеги плюща прямо над землей, нетерпеливо рванула на себя зелень, окутавшую камень, и наконец-то под ней показалась женская фигура с умоляюще поднятыми над головой руками. Высокая прическа ее растрепалась. Отдельные пряди свисали на плечи. На ней было длинное платье без рукавов, вокруг узких бедер — широкий пояс. Все, что находилось ниже, было спрятано в темной земле. Лишь отчетливо виднелись две державшие ее за талию руки.

Вонзив кинжал в землю, Ливианна отодвинула в сторону густые корни. Она работала, словно одержимая, забыв об осторожности. Кто же еще там изображен? Во всех историях, которые она читала об убийстве Пурпурного, с ним сражалась лишь Ишта.

Черная земля въелась в вырезанные на камне линии. Ливианна затаила дыхание: показались руки, покрытые чешуей! А к левому колену Анату тянулась еще одна рука, показавшаяся Ливианне неестественно крупной. Что же изображено на этой картине? И почему она стоит здесь, посреди лесов Друсны, в сотнях миль от того места, где должны были встречаться Анату и Пурпурный?

— *Ты ошибаешься,* – раздался голос у нее в голове. — *Ишта встала на след этих двоих именно здесь, в Друсне. Моя сестра любит рассказывать о том сражении, она утверждает, что своим массивным телом Пурпурный превратил в пустыню землю, насколько хватало глаз. Если верить ей, их дуэль с небесным змеем продолжалась много часов, а вокруг ясным пламенем горел изувеченный лес, когда она нанесла ему смертельный удар.*

Ливианна медленно поднялась и обернулась, встав спиной к камню. Значит, с игрой в прятки покончено. Шагах в тридцати от нее стояла фигура, наполовину скрытая в тени массивного дуба. Облик ее ни капли не походил на ее представление о Великом Медведе. Мужчина был хорошо сложен, бесстыдно демонстрировал свое мужское достоинство. Насколько эльфийке было видно, на теле его не было ни единого клочка ткани. Впрочем, ниже колен его ноги были неестественно тонкими и покрыты густым мехом. Ниже пупа тело было скрыто в густой тени, а от головы нельзя было увидеть даже силуэт. Насколько Ливианне было видно, оружия у незнакомца не было. Но если это девантар — а кто еще это может быть, если он может читать ее мысли — то ему не понадобится ни копье, ни меч, ни лук, чтобы расправиться с ней. Она отчетливо чувствовала

исходящую от него силу. Он был подобен богу!

— Вынужден признать, что то, что ты принимаешь меня за моего брата, Великого Медведя, несколько оскорбляет меня. На меня смотреть гораздо приятнее, чем на него, — и едва эти слова прозвучали в ее мыслях, как мужчина вышел под яркий лунный свет. Из-за массивной головы вепря на плечах он шел, слегка согнувшись, и несмотря на это, росту в нем было более двух шагов. Пальцы его заканчивались длинными черными когтями. Кошмарное существо. И лишь в пристальном взгляде в небесно-голубых глаз была красота.

— Ты пристыдила меня, Ливианна, — его голос еще звучал в ее мыслях, а он уже медленно приближался к ней, казался недоверчивым и напряженным, хоть и старался говорить легким и непринужденным тоном, однако было очевидно, что он в любой миг готов отразить ее атаку. Поэтому если она хотела иметь хоть призрачный шанс уйти, нельзя думать о том, что она хочет сделать. Судя по всему, он способен прочесть любую ее мысль.

— Тут ты права, — губы его раздвинулись, обнажая мощные клыки. *— Нет, тебе не застигнуть меня врасплох! Да и как ты могла бы сделать это? Ты ведь уверена, что перед тобой стоит кто-то вроде бога.*

Он остановился. Его когтистые лапы сжались и разжались, негромко звякнув. Ливианна невольно представила себе, как эти лапы вонзаются в ее грудь.

— Вероятность такого хода событий целиком и полностью в твоих руках, эльфийка. У тебя есть кое-что, что интересует меня. Используй это с умом и будешь в безопасности.

Ливианна понятия не имела, о чем он говорит.

— Я наблюдал за тобой в Запретной долине. Ты напала на верный след. Целую эпоху мы прятали там сердце Нангог. Сотни лет. И лишь несколько недель тому назад унесли его оттуда. Каждый из свободных девантаров должен был нести там вахту. Исключение составляли лишь те семеро, что стоят на страже семи королевств. В целом я провел там много лет, и именно там пришла мне в голову идея внимательнее вглядеться в сломанный рельеф и задаться вопросом, не стоит ли за всеми этими разрушениями нечто большее, нежели ярость детей человеческих, одержимых Зелеными духами. Строго говоря, я должен был убить тебя там...

Но мне хотелось посмотреть, куда ты пойдешь дальше, поэтому вместо этого я пошел за тобой. Ты всегда была очень осторожна, отлично путала следы в Золотой сети. Дважды я чуть не потерял тебя из виду, и вот теперь мы здесь. Удиви меня снова, Ливианна.

Эльфийка вспомнила истории, рассказанные ей Бидайн. Ее ученица уже однажды встречалась с этим чудовищем в Нангоге, и Нандалее отогнала его. Девантары боятся выкованных небесными змеями клинков, однако Ливианна оставила свой меч в Альвенмарке, сейчас у нее был только выкованный Золотым по человеческим меркам меч, представлявший собой часть маскарада. Оружие, которого нечего бояться девантару.

Когти девантара угрожающе звякнули, он шагнул к ней.

— Ишта пришла сюда не одна. Судя по тому, что изображено на этом камне, ее сопровождали по меньшей мере двое.

Человек-вепрь прищурился и вдруг ринулся на нее.

Ливианна отскочила в сторону, машинально подняла бесполезное оружие, но девантар не тронул ее. Он опустился на колени рядом со стелой, провел когтями по линиям, выбитым в камне неловкой рукой, словно для того, чтобы убедиться, что это не мираж.

Наконец Вепреголовый поднялся, молча направился к святыне посреди поляны, исчез за кустами и сваями. Через мгновение Ливианна услышала испуганный вскрик, затем негромкий разговор. |

Первые лучи рассвета окутали лес нежным серебристым светом, когда человек-вепрь наконец вернулся. Он был глубоко погружен в свои мысли.

— Друснийцы принесли стелу с собой из набега. Нам нужно отправиться в путь к горе Лума, что в Лувии. Туда, где Анату возвела дворец из лунного света. Думаю, что все, что мы, как нам казалось, знали до сих пор о смерти Пурпурного и предательстве Анату, было ложью.

Покинув поляну, он направился по тропе, ведущей к расположенной неподалеку звезде альвов.

Ливианна колебалась. Девантар говорил «нам». Вернуться ни с чем в Альвенмарк — плохая альтернатива. Если же она пойдет с девантаром, то этот путь приведет ее либо к смерти, либо к новой славе.

Эльфийка одернула себя. Она — драконница, и на самом деле выбора у нее нет.

Дворец из лунного свет

– Чего мы ждем? — этот вопрос Ливианна не осмеливалась задать довольно долго, однако они уже больше часа сидели за покрытой сажей глиняной стеной. Человек-вепрь провёл ее через Золотую сеть в уединенное место на краю широкой, поросшей искореженными кустарниками и истрепанными ветрами зарослями чертополоха. Они прятались в руинах какого-то бедного крестьянского двора.

— Мы ждем луну.

Неужели его голос звучит подавленно? Или ей это только кажется? С момента их первой встречи совместное пребывание казалось невероятным. Ведь он — девантар, заклятый враг. Вместо того, чтобы приводить эльфийку сюда, ему следовало убить ее на месте. Что же ему мешает? Может быть, решение пощадить ее было лишь мимолетной причудой? Сейчас, в этот самый миг он, по крайней мере, кажется, не думал о ее смерти. Несмотря на то что он сидел рядом с ней, мысленно девантар находился где-то очень далеко.

— Она любила это место, — вдруг произнес Человек-вепрь.

Ливианна промолчала, надеясь, что он скажет что-нибудь еще. Для нее было загадкой, как можно любить это место. Перед ними возвышался одинокий холм, на песчаном грунте которого высились одинокие крутые скалы и лабиринт развалин. Вокруг раскинулась степь. Местами видны были русла пересохших ручьев, похожие на глубокие извилистые морщины.

По пути сюда Ливианна заметила две заброшенных деревни. Видела на песке следы лис, отпечатки копыт диких коз. Судя по всему, здесь почти не было воды и дети человеческие пытались этого места избегать.

— Ее чары еще не совсем рассеялись...

Он говорит об Анату?

—• Еще миг, —• Человек-вепрь указал на затянутое тучами ночное небо. —Сейчас ты увидишь его!

Из-за туч показалась луна, и холм мгновенно преобразился. Меж

обломков скал возникли лучи серебристого света, вздымаясь к самым небесам или строя в ночи зачарованные арки. Появились прозрачные стены, купола и фронтоны из жидкого серебра, однако были в стенах и бреши. Некоторые лучи подобно копьям пронзали широкую равнину, другие дрожали, словно стены под ударами массивного тарана.

— От него осталась лишь тень былого величия. Дворец Анату, возведенный из лунного света на холме Лума. Легенда для детей человеческих. Храм красоты и знания. Увы...

Луну закрыли тучи, и игра света на холме поблекла так же внезапно, как и появилась.

— Раньше я любил приходить сюда и был желанным гостем. Никогда не понимал, почему она связалась с Пурпурным. Со зверем. С врагом. Именно она, которая всегда старалась нести в мир красоту.

Неужели Вепреголовый любил Анату? Ливианна не осмелилась спросить его об этом. И как может он говорить о чудовищах, это неуклюжее создание с когтистыми лапами и головой вепря!

— Почему ты не спросил ее? Почему не спросишь теперь? Ведь она ваша пленница в Желтой башне.

Девантар посмотрел на нее сверху вниз своими небесно-синими глазами.

— Она была тяжело ранена в бою. Ишта пронзила ее копьем, через челюсть в мозг. Половину языка отрезало, она лишилась рассудка. Теперь может только бормотать, говорит какие-то совершенно не связанные между собой вещи. Несет полную чушь. Постоянно бормочет о живом зеркале. Это если я правильно понимаю ее... — Он вздохнул. — Она уже не может объяснить, что имеет в виду. Может быть, думает, что сама сделала это. Ее рассудок такой же, как и дворец из лунного света. Одни руины.

— И ты никогда не возвращался сюда?

Он понурился, тяжелая голова опустилась на грудь.

— Иногда, в полнолуние, я прихожу сюда. Жду, что ее дворец возродится вновь, мечтаю о том, что утрачено навеки.

— Вы же боги этого мира. Разве вы не могли исцелить Анату?

Он покачал головой.

— Конечно, могли. Но мои братья и сестры решили, что это должно стать частью наказания: невозможность исцелиться. Ее раны открываются снова и снова, она не может выздороветь и не может умереть. Она предала нас всех, спаривалась с врагом. С драконом! — Последние слова он прокричал, и ночь отозвалась эхом.

Ливианна отпрянула. Его гнев был подобен опаляющему пламени, потянувшемуся к ее рассудку. Теперь она была уверена в том, что когда-то он любил Анату, и теперь не может простить ей того, что она выбрала другого.

— Почему ты никогда не поднимался на холм?

— Слишком много воспоминаний, — мрачно ответил он. — Но в эту ночь я готов встретиться с ними лицом к лицу. Когда-то там, наверху, был храм. Верховной жрицей в нем была женщина, которую звали Уста Богини. Дочь человеческая, устами которой говорила моя сестра, с которой делилась всеми своими мыслями и чувствами. Душа верховной жрицы была связана с ее душой. Эта жрица знала ее лучше, чем мы, ее братья и сестры. Мы отыщем ее и потребуем ответа.

— Как ты можешь надеяться найти ее живой? Ведь она лишь человек, должна была умереть давным-давно.

Он обернулся к ней, сердито сверкнули холодные глаза.

— Ты забыла о том, кто я? Бог для детей человеческих! Я могу получить ответы, даже за порогом смерти. Они принадлежат нам, девантарам. Навеки! — И с этими словами он перешагнул через невысокую стену и направился к горе.

Ливианна последовала за ним. На душе было тревожно. Если он думает так о людях, то что же насчет нее? Может быть, видит в ней подручное средство, которое можно использовать по своему усмотрению? Сама она не задумываясь принесла бы в жертву одного, а то и дюжину кобольдов, если бы это помогло достичь желаемого. Нужно быть начеку. Уйти от девантара ей не удастся, несмотря на то что мысленно он сейчас был далеко.

Перешагивая через заросли чертополоха и упавшие колонны, они поднимались на холм. Что бы ни было здесь прежде, кроме дворца из лунного света, но к его разрушению подошли основательнее, чем это могли сделать обычные люди в гневе. Казалось, холм стал жертвой землетрясения. Или, быть может, ярости

девантаров из-за предательства Анату.

Примерно в центре холма они наткнулись на массивную стену, сложенную из больших тесаных камней. Вдоль стены, похожие на огромные каменные бочонки лежали обломки колонн. Вытесанные в камне рисунки почти стерли песок и время.

И внезапно прямо перед стеной возник вал из прозрачного света. Ливианна вздрогнула от испуга, споткнулась, когда ее камзол запутался в ветках чертополоха. Из-за туч снова показалась луна.

Эльфийка обругала себя за пугливость. Слишком задумалась об изображениях и на миг забыла о зачарованном дворце.

Человек-вепрь обернулся, бросил на нее насмешливый взгляд. В шерсти на его ногах запутались репья. Внезапно глаза его сузились. Подняв правую руку, он наклонился. Когтистая лапа метнулась вперед. Ливианна перекатилась на бок, обнажила меч. Несмотря на то, что это умеющее читать мысли чудовище не удивить, она не станет сдаваться без боя.

— Спокойно! — Его низкий голос пронизывал до костей. Он поднял что-то, лежавшее прямо у нее под ногами, меж камней и пожухлой травы. Череп!

— Жрец в Священной роще смог рассказать мне немного о том камне, что стоял в святилище. Только о том, что много сотен лет назад из звезды альвов вышел серебряный лев и потребовал, чтобы гетман Трех Дубов собрал войско. Пообещал им богатую добычу, если они придут сюда, чтобы убить святотатцев, по-прежнему почитавших предательницу Анату.

Ливианна представила себе серебристого льва, атаковавшего Бидайн, когда они обе пытались бежать с Нангога. Эти существа из живого металла были очень могущественны.

— А в чем заключается задача львов?

— Они посланцы богов, — пояснил Человек-вепрь и положил череп на обломок одной из колонн. — Мы посылаем их, чтобы передать известия или чтобы открыть врата в Золотую сеть. Дети человеческие боятся и почитают их. Они никогда не осмелились бы противиться желанию серебряного льва. Мне вот только интересно, кто послал львов в Друсну? Явно не Ишта. Она относилась к здешним жрицам уважительно. Не по доброй воле, но если бы она

принялась уничтожать священнослужителей, то это бросило бы тень на нее саму.

— Почему? — Эта мысль показалась Ливианне очень нелогичной. Ведь Иште пришлось бы постоянно бояться недовольства и интриг среди жрецов.

— Мы все знали, что Ишта чувствует себя обделенной — когда мы выбирали семерых среди нас, которые должны были стать живыми богами для семи самых могущественных империй детей человеческих. Многие из нас не хотели выполнять эту задачу. Мы все понимали, что придется распроститься со свободой, если выбор падет на нас. Ведущие боги станут подобны пастухам, которые не имеют права терять из вида свою паству, станут примером и хранителем своих народов на веки вечные. Анату противилась этой ноше, не хотела быть богиней для детей человеческих. Но отказаться не могла.

— Но почему вы сделали ее богиней Лувии, если она не хотела этого? — Ливианна поразилась нерациональному мышлению девантаров, но тут же попыталась загнать эту мысль поглубже. Туг же осознала она и кое-что еще. Чем больше рассказывает ей Вепреголовый, тем меньше у нее шансов уйти живой! Она драконница, и он это знает. Все, о чем доведется ей узнать, станет известно Золотому, который умеет читать мысли. Она не сможет скрыть от своего наставника ничего, даже если захочет.

— Выбрать Анату было правильно, поскольку она, сколько я ее помню, всегда пыталась сделать мир лучше, а Ишта стремилась только к власти. Если бы предательство Анату не было настолько очевидно, если бы Ишта не принесла в доказательство голову Пурпурного, то никогда не стала бы богиней Лувии. Даже жрицы Анату подтвердили, что видели свою госпожу вместе с небесным змеем. Они не были частью заговора, поэтому их не покарали.

Ливианна окинула взглядом руины.

— И все же они были убиты. Зачем? Кто же послал серебряного льва в Друсну?

— Наши народы враждуют. Войны и нападения в порядке вещей. Впрочем, то, что друснийцы осмелились проникнуть настолько глубоко в Лувию, достаточно необычно.

Девантар сердито покачал массивной головой.

— Может быть, Великий Медведь послал своего льва, чтобы вознаградить гетмана Трех Дубов легкой добычей? А стелу они забрали с собой, потому что гетману понравилось изображенное на ней и потому что они шли по тропам альвов. Иди они через всю страну, ни за что не потащили бы такой тяжеленный камень. Что ж, поищем ответы! — И с этими словами девантар поднял к небу свою огромную лапу и издал несколько гортанных звуков.

Ливианна почувствовала, как изменилась вокруг нее магическая сеть, даже ее собственная аура оказалась вплетена в заклинание для его поддержания. По спине побежали мурашки. Она стала частью того, что сейчас происходило.

Человек-вепрь по-прежнему выкрикивал в небо свое заклятие. Голос девантара с каждым словом становился все ниже. В нем теперь слышалось странное эхо, словно бы он кричал в шахту глубокого колодца. Тучи скрыли луну, выпили ее свет. Дворец Анату померк. Когда исчезли даже звезды на небе, на холме воцарилась полнейшая темнота.

И в этот миг абсолютной черноты в пустых глазницах человеческого черепа вспыхнул свет. Он был темно-красным, похожие на угасающие угли в очаге.

— Кто ты? — спросил девантар.

— Алаваши, слуга Анату, — не голос, а еле слышимый шепот, окруживший вдруг эльфийку, словно дуновение ветерка, возвещавшего о приближении бури.

Ливианна чувствовала, как магическая сеть пытается сломить противоестественное заклятие, но девантар вырвал у нее еще больше силы.

— Кто убил тебя?

— Мужчины, чьи волосы были словно золото и рассветный огонь. Они осквернили храм. И не только его...

— Грабителей сопровождал серебряный лев. Ты узнала его, Алаваши? Какому богу он служил?

— Он был мне незнаком.

— Было ли в нем что-то особенное? Была ли у него золотая грива?

Некоторое время было тихо.

— Нет, —• послышался в конце концов шепот в ночи.

Казалось, Человек-вепрь разозлился.

— Можно я? — негромко поинтересовалась Ливианна. Даже собственный голос казался ей более низким и чужим.

Девантар резко махнул рукой, что Ливианна расценила как разрешение.

— Грабители украли стелу, на которой изображена Ишта, пронзающая копьем Пурпурного. Ниже на этой стеле изображена Анату, кто-то держит ее. Кто ее держал?

— Длиннорукий и Пернатый, — шепнула ночь.

— Кто это? — За вопрос Вепреголовый вознаградил эльфийку сердитым взглядом.

— — Враг!

— Что изображено на стеле? — вскинулся девантар.

— Истина за зеркалом.

Девантар выругался.

— Тот же бред, что и у Анату!

— Кто создал картину? — спросила Ливианна.

— Катаката, камнетес.

— Кто ей это поручил? — нетерпеливо вмешался разговор Человек-вепрь.

— Ияли, Уста богини, — ответил замогильный голос.

—Она объяснила вам, что это значит?

— Эта картина постоянно всплывала в мыслях богини.

— Так мы ничего не добьемся, — разозлился Вепреголовый. — Где могила Ияли? Скажи мне, где она!

— Мужчины с волосами цвета зари тоже хотели знать это. Они были очень жестоки, но мы не выдали Ияли.

— Ты скажешь мне...

— Что, человек-вепрь? Что ты можешь со мной сделать? Я убита. Мой род давно угас. Все, что имело для меня смысл в жизни, растаяло. Чего мне бояться? От меня остался лишь голос.

Вепреголовый промолчал. Казалось, вся его ярость улетучилась. Напряжение спало. Он понял, что Алаваши говорит правду.

Но Ливианна была не готова сдаваться. Верховная жрица подала знак с помощью стелы. Возможно, есть и другие такие.

— Я думаю, что с Анату поступили несправедливо. Мы пришли, чтобы вернуть ее имени былую, чистоту. Прошу, помоги нам, Алаваши.

— Кто ты? Твой голос мне незнаком. Ты его новая возлюбленная? Его голос совсем не изменился за века, — послышалось из темноты.

— Подруга, — поспешно ответил Человек-вепрь, и при мысли о том, что это может значить, по спине Ливианны пробежал холодок. От него исходило ощущение силы. Но эта голова... И когти... Одна мысль о том, как они тянутся к ней...

— Ты никогда не остаешься надолго один, —. в голосе жрицы сквозило разочарование. — Она так долго ждала тебя. Надеялась на тебя. Ияли рассказывала нам об этом.

— Я был с ней. Она лишилась рассудка. Несет чушь, ни слова не понять.

— Ияли была в мыслях Анату. Она была Устами Богини. Делила с ней все тайны. Тебе стоило лишь прийти — и ты узнал бы все! Она так ждала тебя. Где же ты был?

Ливианна видела, насколько неприятны эти расспросы Вепреголовому. Он понурился. Ноздри его раздувались, он тяжело дышал.

— Темные были времена. Мы все шпионили друг за другом. Все боялись, что среди нас есть и другие предатели. Если Анату, которая всегда была примером для подражания, связалась с небесным змеем, то кому же можно доверять?

— Когда Ияли поняла, что ты не придешь, она приказала Катакате изготовить стелу с изображением Длиннорукого и Пернатого. Должны были быть и другие стелы. Катаката работала над

этой семь лун.

— И как же должны были выглядеть другие стелы? — поинтересовался девантар.

— Не знаю. Устами Богини была Ияли! Она не приходила к нам, простым жрицам, не делилась с нами своими тайнами. Она хотела спрятать их в стелах Катакаты, чтобы ты нашел их. Наверное, Анату не теряла надежды на то, что однажды ты вернешься в ее дворец. Но вместо тебя пришли мужчины с волосами цвета утренней зари, и все погибло.

— Что стало с Ияли? — не отставал Человек-вепрь.

Голос умолк. Слышен был лишь шепот ветра в руинах. А затем заклинание девантара рухнуло, вернулся лунный свет, а с ним восстал и зачарованный дворец Анату.

— Она ушла, — произнес Вепреголовый и опустился на колени. — Предпочла умереть, нежели выдать эту последнюю тайну друснийцам. Зачем же выдавать ее мне, когда я так разочаровал ее, — и с этими словами он погрузил свою когтистую лапу в каменистый грунт, вырыл в нем ямку. Выкопав примерно фут, он осторожно взял в лапы череп, лежавший на колонне. — Прости, что нарушил твой сон, Алаваши, — поразительно мягким голосом произнес он. — Теперь покойся с миром. И знай, я раскрою тайну несправедливости, постигшей Анату. Даже если это будет моим последним деянием.

Ливианна с удивлением смотрела на него. Такого великодушия от девантара она не ожидала. Может быть, они все же не такие, как ей рассказывали?

Человек-вепрь осторожно вложил череп в ямку, затем наполнил ее песком и мелкими камешками, а затем отломил цветок чертополоха и положил его на могилу. С мрачным выражением на лице поднялся.

— Мы поищем за камнем. Это было самое надежное место в храме. Там мы найдем останки Ияли, поскольку дверь в эту комнату можно было открыть только снаружи. Если жрицы умерли, не выдав ее тайны, она умерла там от обезвоживания.

Воды молчания

Девантар повел Ливианну выше по холму, по руинам и сквозь прозрачные стены дворца, созданного из лунного света. Среди зарослей чертополоха все чаще встречались кости. Судя по всему, храм был огромен. Они спускались по лестницам с разбитыми ступенями, проходили мимо наполовину засыпанных дверных проемов, которые, видимо, вели когда-то внутрь холма.

На некоторых, стенах еще сохранились остатки росписи, изображавшей усеянные цветами луга, полные птиц и всякого зверья. На других картинах Ливианна увидела женщин в белых одеждах, собиравших урожай. Жрицы?

В конце концов они оказались во дворе, с трех сторон окруженном широкими лестницами, похожими на террасы. Здесь разрослось просто море чертополоха, от которого исходил тяжелый цветочный запах. Кое-где среди сорняков виднелись цветы и спрятавшиеся в кустарнике пеньки.

— Когда-то здесь был сад Анату, — пояснил Человек-вепрь, и голос его прозвучал меланхолично из-за воспоминаний о давно минувших счастливых днях. — Он был знаменит далеко за пределами Лувии. Здесь росли деревья и цветы со всего мира, воздух полнился веселым птичьим щебетом и ароматом экзотических цветов. Анату проводила здесь много часов.

Во дворе стояли три стелы. Камни были вдвое выше Ливианны. Эльфийке стало любопытно, она обошла их со всех сторон, провела рукой по гладко отполированным поверхностям. Судя по всему, их никогда не украшали изображения. В конце небольшого ряда стел был еще один пьедестал, на котором лежали обломки камней.

— Это новые стелы, —• заметил Вепреголовый и поднял один из обломков. — Раньше здесь был натянут тент от солнца, а фонтан освежал воздух в жаркие дни.

Ливианна подошла к нему, поглядела на кусок камня, который он держал в когтистой лапе.

— Это такой же, как тот, из которого сделана стела, стоявшая в Священной роще в Друсне, — оглядевшись по сторонам, она перевернула ногой камень побольше. На нем были видны очертания

плеча. Кто-то долго бил по рельефу, пока от него не остались лишь внешние линии изображения.

«Длиннорукий и Пернатый, — подумала Ливианна. — Ничто из оставшегося здесь не доказывает, что когда-то они были изображены на стеле. Почему о них нет ни слова в легенде о сражении Иштy с Пурпурным? Быть может, девантар не захотела делиться с ними славой, или же была здесь другая, более мрачная тайна?»

Человек-вепрь положил камень обратно на пьедестал и направился к лестнице, которая вела между террасами к северному краю двора. Ливианна последовала за ним до третьего уровня, где он остановился, повернул на запад и наконец протиснулся меж высохших кустов чертополоха, дойдя до стены, окружавшей террасы. Здесь росли колючие заросли, крепко вцепившиеся в стенную кладку.

Раздраженно взмахнув рукой, Человек-вепрь отодвинул в сторону ветви, замер на миг и выругался. В стене перед ними была выломана дыра.

— Они нашли и комнату за камнем, — в отчаянии произнес девантар, произнес слово силы, и в темноте за кустарником вспыхнул серебристый свет.

Проход в стене был почти до бедер завален обломками камня и песком. Девантар с трудом протиснулся вглубь комнаты. Ливианне тоже пришлось встать на четвереньки, чтобы попасть в потайную комнату. Судя по всему, трое девантаров объединились ради свержения Анату. Укрытие верховной жрицы Анату тоже не осталось незамеченным. Как Человек-вепрь мог надеяться найти какой-то след? Они наверняка не оставили ничего.

Эльфийка с любопытством оглядывалась по сторонам. Стены в потайной комнате тоже были расписаны. На них изображалась охота на львов в высоком тростнике. У Анату был лук и колчан со стрелами. Рядом с ней шел воин в шлеме из клыков. Даже в серебристом свете, искажавшем краски, было отчетливо видно, что глаза у воина небесно-голубого цвета.

— Что-то нашла? — недоверчиво поинтересовался девантар.

— Тебе известны мои мысли.

И ты пытаешься спрятать нечто важное за потоком ничего не значащих образов. Неужели ты надеешься утомить меня

банальностями, чтобы я перестал искать и не стал копать до самого дна?

Ливианна судорожно сглотнула. А потом стала усиленно думать о детской песенке, которую так часто пела своим малышам.

Тени сплетая,
Сон позовет,
Ночь наступает,
Сладко поет.
Они друзья твои, пойми,
Открой им сердце, отвори,
Ведут тебя сквозь двери сна...

— Оставь эти игры, Ливианна. Да, все правда, у нас с Анату был бурный роман. Я часто бывал здесь, и именно моя уязвленная гордость помешала мне исследовать подоплеку случившегося... Как она могла предпочесть мне ящерицу? Чудовище! Нашего заклятого врага! Поэтому я не пытался предотвратить случившееся. А она все надеялась на меня, судя по всему. Ишта позаботилась о том, чтобы Анату больше ничего не смогла мне рассказать, а все доказательства против нее были просто неоспоримы. Какая разница, что предавать нас совсем не в ее духе, если Ишта принесла в Желтую башню голову небесного змея, который был любовником Анату? Его видели даже жрицы этого проклятого храма. Он был здесь и встречался с Анату у всех на глазах. Они не хотели вредить своей повелительнице, но не могли скрыть свои воспоминания и мысли, так же, как и ты, Ливианна. Доказательства против Анату были ошеломляющими. Я, да и все мы не хотели ей помогать. Мы не хотели лечить ее и слушать ее ложь. Мы хотели видеть, как она страдает за свое предательство. Даже я не голосовал против того, чтобы запереть ее в черепе любовника, в Желтой башне, там, где мы всякий раз будем помнить о том, какова цена предательства... И знал о даре Ияли, Уст Богини. Но зачем мне было ходить к ней? Я верил в вину Анату, я игнорировал мольбу в глазах Анату всякий раз, проходя мимо ее темницы, не слушал ее лепет. О, задетая гордость — моя величайшая слабость. Ишта все правильно рассчитала.

Но похоже, ее беспокоило то, что рано или поздно я снова начну мыслить здраво, поэтому Ияли следовало убрать. Я не знаю, как

именно она это сделала. Наверняка не ее серебряный лев привел сюда друснийцев. Возможно, она рассказала Великому Медведю о сокровищах храма, сыграла на том, что он сможет щедро вознаградить своих людей за грабеж? Возможно, Длиннорукий или Пернатый дали ей своего серебряного льва? В общем-то, неважно, как именно она привела сюда друснийцев — я уверен, что именно Ишта стоит за всем случившимся, — в конце концов он умолк. Уже спокойнее окинул взглядом коридор с ярко раскрашенными стенами, из которого вели три двери. Та, что была слева, вся была опалена — когда-то языки пламени били выше дверного проема, даже потолок был покрыт сажей.

— Думаешь, Ишта побывала здесь после того, как ушли друснийцы? Тогда она и стерла остатки картин с разбитых камней рядом со стелами. Она уничтожила все доказательства того, о чем уже не могла сказать, но, наверное, могла еще думать Анату, и таким образом поведать через уста верховной жрицы Ияли. Если это так, ты не найдешь ничего.

Человек-вепрь холодно рассмеялся.

— Моя сестра знает меня и мои слабости, и я тоже знаю ее. Ее проблема в высокомерии. Она была уверена, что украденную стелу никогда не найдут в бесконечных лесах Друсны. Но ты обратила на нее внимание. И ты изучила разрушенные рельефы в храме в Запретной долине. Место, где я провел тысячи часов, не видя в тех разрушениях ничего, кроме слепой ярости детей человеческих. На тебя вся моя надежда, Ливианна. Ты видишь мир другими глазами, нежели я, мыслишь иначе, чем девантары. Ты можешь обнаружить то, на что я не обращу внимания. И какой бы умной и предусмотрительной ни была Ишта, она не могла даже предположить, что я заключу союз с детьми альвов, чтобы раскрыть ее интриги.

Его надежды тяжким грузом легли на плечи Ливианны. Задумалась она и о том, что он сделает, если она разочарует его. Терзаясь сомнениями, она инстинктивно вошла в дверь слева, в ту самую комнату, где когда-то полыхал пожар. Здесь были лишь копоть и обожженные куски глины, покрывавшие почти весь пол. Опустившись на колени, эльфийка подняла один из обломков. Когда-то это были глиняные дощечки. Самые крупные фрагменты, что ей удалось найти, были размером меньше ее ногтя. Если Ияли оставила

свое последнее послание, то оно все еще было здесь, но прочесть хранившиеся здесь когда-то тексты было просто невозможно. Обломков были, наверное, миллионы, и они полностью усеивали пол комнаты.

Ливианна пристально вгляделась в темные стены. Вероятнее всего, жертвой огня пали деревянные шкафы, стоявшие вдоль стен.

— Здесь мы ничего не найдем, — произнесла она, пытаясь заставить голос звучать энергично, а не подавленно, затем поднялась и вышла из комнаты.

Человек-вепрь пошел за ней, когда она переступила порог комнаты в конце коридора. Это было помещение с поразительно высоким сводом. Когда-то, судя по всему, здесь были занавески, от которых не осталось и следа. В центре комнаты возвышался каменный пьедестал, на котором виднелись остатки ковров. Быть может, это было тайное любовное ложе Анату? Девантар остановился в дверях. Кажется, ему было неприятно входить в комнату. Неужели он все еще не преодолел свою ревность, или же у него были иные причины избегать этой комнаты?

Ливианна внимательно огляделась по сторонам. Отодвинула обрывки ковров, обследовала стены, на которых красовались изображения зарослей цветов, где было полно певчих птиц. Открыв Незримое око, эльфийка пристально вгляделась в линии магической сети, пронизывавшие комнату. Их было немного, и все они вибрировали, источая мягкий золотистый свет. Спокойствие и гармония. Не было спрятанных, все еще действующих заклинаний, да и разыгравшаяся здесь когда-то драма, когда Анату влюбилась в Пурпурного, не оставила следов в магической матрице. Кроме того, ничто не указывало на то, что Уста Богини искала пристанище именно здесь. Даже всепоглощающая ярость Иштры пощадила эту комнату, всю работу выполнило время.

— Ничего, — спокойно заявила Ливианна, выходя из комнаты. Во всем облике девантара читалось разочарование. Похоже, по поводу третьей комнаты он не питал вообще никаких надежд.

Эльфийка прошла мимо него, оказалась настолько близко, что почувствовала запах его пота. Он не был неприятным. Почему девантар решил выглядеть как чудовище? Если тот изображенный на картине со сценой охоты мужчина — это он в прошлом, то когда-то

он был очень даже привлекателен.

Ливианна заметила, что он посмотрел на нее, и покраснела. Женщина совсем забыла, что он может читать ее мысли, когда ему заблагорассудится. Кроме того, она стояла перед ним в облике мужчины! И эльфийка решительно вошла в дверь, ведущую в последнюю комнату.

В отличие от предыдущей, она была маленькой, и был в ней только бассейн, покрытый толстым слоем пыли, равно как и несколько стеклянных бутылочек, выстроенные вдоль бассейна. Ливианна окинула взглядом стены, в отчаянной надежде найти какое-нибудь скрытое указание. Здесь штукатурка потрескалась. Судя по всему, эта комната больше пострадала от случившегося под холмом землетрясения, нежели две другие комнаты. На выкрашенных синим стенах были изображены рыбы, осьминоги и дельфины.

Ливианна склонилась над бассейном, опустила руку в пыль и увидела под ней толстое темно-зеленое стекло. В самом углу что-то лежало.

— Ни следа Ияли, — произнесла эльфийка, когда девантар подошел к ней. — Кажется, Ишта действовала основательно.

— Нет, — возразил человек-вепрь, указав на длинный ряд одинаковых бутылочек, стоявших на полу. — Кажется, Ияли была очень храброй женщиной. Она вошла в воды молчания. Для этого требуется немалое мужество!

Ливианна слушала вполуха, наклонилась далеко вперед и подняла с пола неглубокого бассейна какой-то предмет. Это было золотое кольцо в форме закручивающейся в спираль змеи, покрытое засохшей грязью. Для плода рук детей человеческих оно получилось очень удачным. Была видна каждая чешуйка змеи, а вместо глаз были вставлены рубиновые осколки.

— Что такое «воды молчания»? Хочешь сказать, она утопилась в этом бассейне?

— Таким образом она не сумела бы защитить тайны, доверенные ей Анату. Ишта тоже не испугалась бы и вызвала бы голос Ияли из темноты. Она шантажировала жрицу. Прошло совсем немного времени после сражения с Пурпурным. Возможно, она нашла живых родственников Ияли или стала грозить убить всех жриц жестокой смертью. Кто знает... Ишта очень ловко умеет находить слабые места

людей и девантаров. Даже смерть не защитила бы Ияли от моей беспощадной сестрицы. Все, что нужно нам, девантарам, чтоб вызвать голос умершего, это кость или волосок. Ияли вошла в ванную из кислоты, чтобы от нее ничего не осталось. Воды молчания. Единственный способ навеки обрести покой.

Ливианна попыталась представить себе, что пришлось вытерпеть жрице. Как она вошла в ванную? Как перенесла эту боль, когда кислота стала растворять ее кожу, разъедать плоть? Как устояла перед желанием выскочить из ванной, чтобы прекратить муки?

— Как Ишта могла не заметить кольцо?

Человек-вепрь фыркнул.

— В первые часы после самоубийства Ияли жидкость наверняка была мутной. Дна бассейна не было видно. А потом... Кто бы ни потянулся за кольцом, он горько пожалел бы об этом.

— Но разве Ишта не должна была забрать кольцо?

— Зачем? Золото ничего не значит для нас, девантаров. А от кольца нет никакого проку для того, чтобы вызвать дух Ияли. Ишта наверняка кипела от ярости, когда была здесь. Совершив самоубийство, Ияли навеки ускользнула от нее, и моя сестра теперь никогда не будет уверена в том, не оставили ли Уста Богини намека на интригу, затеянную против ее госпожи.

— Что ж, судя по всему, не здесь, — Ливианна сжала кольцо в ладони. — Я ничего не нашла. Я... — Он заметил. Зря она попыталась обмануть его.

— Хорошо, что ты знаешь это, — резко произнес девантар. — Ни одна твоя мысль не ускользнет от меня. Так зачем тебе кольцо?

— В Альвенмарке есть много видов магии. Я знаю кое-кого, кто очень далеко продвинулся на пути познания ее темной разновидности. Возможно, с помощью этого кольца она смогла бы установить связь с Ияли. Но для этого тебе нужно отпустить меня с кольцом и довериться мне.

— Если я отпущу тебя, ты пойдешь к своему наставнику, ящеру?

Ливианна кивнула.

— Я поклялась в верности Золотому и никогда не предам его. Но сначала я навещу колдунью, которая сможете помощью кольца...

— Я вижу тьму в твоем сердце, эльфийка. Знаю, что ты делала с детьми. Почему я должен доверять тебе? – Он шагнул к ней. Ливианну словно окружил его звериный запах. – Нужно было убить тебя. Твой мир станет лучше, если ты не вернешься туда, – он сдавил ее горло когтями.

— А ты никогда не узнаешь правду об Аниту, если убьешь меня сейчас.

Лапа немного разжалась

– Я не узнаю этого и в том случае, если отпущу тебя, потому что у тебя нет причин возвращаться.

— Я вернусь, чтобы увидеть падение Ишты. Ее крах — победа для Альвенмарка.

Девантар тяжело вздохнул, затем отпустил и отошел от нее.

— Ты говоришь правду.

Она в недоумении уставилась на него.

— Иди! Через двадцать восемь дней, когда дворец Анату из лунного света снова встанет на этом холме, я буду ждать тебя в саду богини.

— А если мне потребуется больше времени? Та колдунья, которую мне придется просить о помощи, очень капризна. Может пройти не одна неделя, чтобы упросить ее сделать это. Она заставит платить кровью.

— Меня не интересуют твои сложности. Через пятьдесят шесть дней, на второе полнолуние, я снова буду ждать тебя здесь. Если ты не появишься, я приду в Альвенмарк. И поверь мне, я найду тебя быстрее, чем меня разыщет твой повелитель, золотой ящер. Не пытайся обмануть меня, Ливианна! — И с этими словами он вышел из комнаты. Она услышала, как от стен коридора эхом отдается стук кабаньих копыт. А затем все стихло, не считая шелеста сухого чертополоха на ветру.

Эльфийка окинула взглядом бассейн, где Ияли приняла ужасную смерть.

— Никогда не надо думать, что ты в безопасности, верховная жрица. Какую бы жертву ты ни принесла.

Последняя квартира

– Эй, Галар! — В шалаш заглянуло обрамленное бородой лицо. – Бери своего калеку и еще двух болванов, с которыми ты сюда явился! — заорал капитан Хартвиг. —У меня есть для вас отличное задание.

Хартвиг, командир отряда, в который они попали при распределении, был тот еще хвастун. Ветеран войны между кобольдским кланом Ледяных бород и карликами Ихавена, о которых Галар ничего не слышал еще неделю назад. Война та была ужасной и кровавой и сделала Хартвига твердым, как гранит. Он с первого же дня почуял, что с Галаром и его товарищами что-то не так.

— Давай, давай, давай! — рявкнул человек-гранит. —Или наподдать вам под зад?

Галар разбудил Нира, Гламира и Байлина. Завернувшись в плащи с капюшонами, эти трое крепко спали, не обращая внимания на то, что под ними был вовсе не гранит, а сплошная грязь.

Первым проснулся Гламир. Открывая глаза, он глубоко вздохнул. Он никогда не жаловался, однако Галар знал, как сильно донимают его товарища влага и холод.

— Кажется, Харти хочется нас позлить, — фыркнул он.

— Я все слышал! — проорал капитан. — И скажу тебе, что ты понятия не имеешь, что такое настоящие неприятности. Прежде я вас просто баловал, как своих внуков, но теперь с этим покончено! — Он принялся колотить по импровизированной крыше тяжелым посохом из виноградной лозы, знаком своего чина. От третьего удара она рухнула.

Извергая ругательства, Галар раздвинул мокрые ветки и поставил Гламира на ноги. Нир и Байлин тем временем тоже вскочили. Вместе они стали спускаться по скользкой тропе, которая вела в вниз, в долину. Никто не обернулся поглядеть на разрушенное укрытие, все равно кроме плащей и одежды в шалаше ничего не было. Лишь у Бейлина висел на поясе топор.

Дождь поливал их нещадно. Каждая капля разбрызгивала грязь. Тонкие потоки оставили в крутой тропе борозды. Холм окутывал густой дым, словно дождь гнал его вниз, в долину. Сотни карликов,

как и они, стоили лагерем под соснами, прилепившимися к склону горы. Некоторые выкопали себе норы в земле. Все они быстро почернели от сажи, над каждой вился сизый дым. Однако большинство, из страха перед селями, строили шалаши из одних только веток, которые довольно плохо защищали от дождя. Сухого дерева больше не было. Каждый костер окуривал сидевших вокруг него мужчин. Настроение было на нуле.

Судя по всему, никто, включая капитанов, не знал, где находится эта долина, в которую они попали через звезду альвов. И непонятно было, почему это держат в такой тайне. Галар был уверен, что они все еще в Альвенмарке. Что здесь может с ними приключиться, кроме того, что они поперегрызают друг другу глотки?

Внизу в долине послышались глухие удары секир. Этот звук они слышали постоянно, с тех самых пор, как пришли сюда. Он не стихал даже ночью.

Галар поддерживал Гламира, которым со своим костылем с трудом держался на оставшейся ноге — из-за грязи под ногами. Что же за задание придумал для них капитан?

Спускаясь ниже, он заметил, что сосен на холме не стало! Вблизи бурого от грязи ручья на дне долины были построены дюжины длинных домов, казавшихся Галару невообразимо огромными. Кроме того, были заложены фундаменты для еще нескольких хижин. Орудуя крепкими подземными пилами, карлики распиливали стволы елей на доски. Один карлик балансировал на бревне, а второй внизу в яме тянул на себя пилу. Тот, что стоял в наполовину залитой водой яме, матерился на чем свет стоит. Жалкое зрелище, при виде которого на губах у Галара появилась улыбка. Бывает кое-что и похуже, чем идти по грязной тропе при такой мерзкой погоде.

Они пришли в новое поселение вместе с караваном мулов. Галар с любопытством наблюдал, как бочонки и тяжелые, обмотанные промасленными тряпками вязанки переносят в один из новых складов.

— Чего уставился? — недовольно засопел Хартвиг, шедший следом. — Это вас не касается! — При этом капитан махнул своим жезлом в сторону сарая, стоявшего в самом конце поселения. Ворота, в которых имелась маленькая калитка, были настолько велики, что в

них без проблем могла въехать доверху груженная сеном повозка.

— С этой хижиной что-то не так, — пробормотал Гламир, когда они побрели к ней. — У меня дергается колено, которого нет. А это случается всякий раз, как ожидаются неприятности. Этот домик ничего хорошего не предвещает.

Перед входом в сарайчик капитан стукнул Байлина посохом в грудь.

—• Можешь снова пойти со мной. Ты неплохой парень.

Их рыжебородый спаситель из Железных чертогов насмешливо ухмыльнулся.

— Спасибо за похвалу, но если бы я сделал то, что ты мне предлагаешь, то перестал бы быть тем, кем ты меня считаешь.

Хартвиг наморщил лоб, словно ему нужно было время, чтобы понять, что имел в виду Байлин, а затем раздраженно покачал головой.

— Лучше пойдем со мной. Жаль будет, если ты пойдешь туда. Я чуть раньше заглядывал в сарай.

—Я останусь со своими товарищами, — не колеблясь, ответил Байлин. — Должен же кто-то за ними присматривать.

«Если бы решения принимал я, то рыжебородый мог спокойно сваливать», — раздраженно подумал Галар. Он оставался не из какого-то там чувства верности, а просто потому, что по-прежнему не доверял им.

—Ну, как хочешь, — спокойно согласился Хартвиг. — Каждый сам кузнец своего счастья, — и с этими словами он открыл калитку и втолкнул их в сарай.

В первое мгновение Галар не увидел почти ничего. В помещении пахло сосновой смолой, свежеструганными досками и чем-то еще, знакомым прогорклым запахом, но сразу определить, что эта, карлик не сумел. Дождь барабанил по крыше, кое-где сквозь щели в дранке капало с потолка. Сквозь неплотно пригнанные доски стен пробивался слабый свет,

В темноте на другом конце сарая кто-то заворчал, а затем задал вопрос на языке, которого Галар не знал. В тот же миг дверь за ними закрылась.

Деревянный пол дрожал под тяжелыми шагами.

— Клянусь титьками своей няньки, — простонал стоявший рядом с ним Гламир. Галар впервые услышал в голосе своего товарища страх. — Эго же тролли!

Теперь это увидел и кузнец. Это был никакой не сарай, а жилище, по размеру подходящее для огромных троллей. И вот теперь пятеро огромных серых фигур приближались к ним. Не считая грязных набедренных повязок и кожаных ремней, с которых свисали дюжины талисманов, тролли были обнажены. Тела их украшали толстые декоративные шрамы. У каждого из них в лапах была тяжелая булава, вырезанная из ствола молодого деревца.

Галар потянулся к поясу, но вспомнил, что оружия у него нет. Даже самого завалящего ножа. Байлин протолкался вперед и поднял топор.

— Вот дерьмо! — выругался Нир.

Один из троллей произнес что-то невнятное, после чего другой с отвратительным акцентом произнес на едва понятном языке карликов.

– Ты совершенно прав, Больбур, они принесли нам ужин.

Простой план

— В будущем очень важно будет наблюдать за тем, что происходит на полях сражений в Нангоге, при этом не присутствуя там. Я предложил бы подождать в Ничто, неподалеку от тропы альвов, по которой мы можем быстро оказаться на поле битвы, если девантары решат вмешаться в сражение. Как только они сделают это, мы атакуем и завершим то, что не удалось в Зелинунте.

Темный глядел на гребни дюн вдалеке. Как же надоело ему слушать своего брата, Золотого. Как он устал. Родившийся вторым очень любил слушать собственный голос, и докладывал вот уже полчаса. О собравшихся войсках, о своих потрясающих планах, но до сих пор не сказал ничего конкретного.

Что ж, судя по всему, Пламенного так же утомили речи Золотого, как и его. Хвост брата по гнезду взметал песок, а сам дракон смотрел вверх, на далекое звездное небо над пустыней,

— Извини, брат, но что за заклинание ты собираешься использовать? — вмешался Приносящий Весну. *— Не получится ли так, что девантары сразу обнаружат его и помешают нам?*

— Не думаю, — ответил Золотой в своей раздражающей самоуверенной манере. *— В качестве носителей заклинания мы используем существ, изначально пронизанных магией. Скорее всего, это будут в основном эльфы. Ни один девантар не удивится, если у эльфа будет ярко выраженная аура, сильно связанная с магической сетью. Заклинание, вплетенное в их ауры, будет заметно только самым внимательным наблюдателям. А я уверен, что в пылу сражения у девантаров будут занятия поважнее, нежели внимательно присматриваться к одному эльфу за другим. Мы будем смотреть глазами эльфов, но мы можем даже заставить их говорить нашими голосами, передавать через них приказы и реагировать на происходящее в ходе сражения.*

— Расскажи-ка нам об этом заклинании поподробнее, брат, — Изумрудный вытянул голову вперед, и в главах его читалось любопытство. Темному редко доводилось видеть его настолько взволнованным. Обычно его брат был скорее склонен к спокойствию и выдержанности, впрочем, именно он из них больше всего времени

тратил на попытки разгадать тайны созданного альвами. Особенно те, что были связаны с Золотой сетью и плетением заклинаний.

И Золотой начал пространно объяснять, но Изумрудный нетерпеливо перебил его, что было для него вообще-то не свойственно.

— Знаю, знаю... Я сам уже пробовал этот путь. Но как ты собираешься предотвратить то, что от твоего заклятия дети альвов пострадают? Я сам много лет назад пробовал свои силы в этой области магии подчинения, и все дети альвов, с которыми я работал, в конце концов сильно пострадали. Их мозг противится одержимости. Конечно, преодолеть это сопротивление не составит труда, но наша сила разрушает части их мозга. Они утрачивают собственные стимулы. Когда мы уходим, они становятся апатичными, это все равно что своим заклинанием стирать их личности.

— Неужели это такая трагедия? —удивился Золотой. *— Эльфов у нас достаточно. Принесем парочку в жертву. Польза многократно превосходит ущерб. Конечно же, драконников мы использовать не станем.*

В такие моменты Дыхание Ночи отчаянно ненавидел своего брата. Изумрудному и Приносящему Весну тоже не нравился столь бездушный подход. Они не стали сдерживать собственных чувств и поделились ими со всеми остальными драконами.

— Мы не имеем права забывать о том, что это за война, — резко оборвал их возмущения Золотой. *-— Она непохожа на другие войны, о которых нам прежде доводилось слышать. Речь идет о полном уничтожении одной из сторон. После катастрофы в Зелинунте у нас есть лишь один выход: сражаться до конца.*

Произнося последние слова, он перевел взгляд на старейшего дракона. Все остальные проследили за взглядом Золотого. Дыхание Ночи знал, что большинство небесных змеев предполагает, что он имеет какое-то отношение к поражению в Зелинунте. В конце концов, это ведь он принял изгнанного Золотым Гонвалона. Того самого эльфа, который подал сигнал к атаке, несмотря на то что девантары не собрались в Зелинунте в запланированное время.

— Тот, кто правит Нангогом, будет вскоре править всеми тремя мирами, — продолжал Золотой. *— Люди и девантары*

используют ресурсы этого мира, чтобы стать сильнее. Если мы дадим им еще несколько лет, они станут настолько могущественны, что мы не сумеем победить их, если они полезут в Альвенмарк. Войска детей человеческих, которые они могут выставить, просто бесчисленны. Против одного нашего воина они могут послать в битву двадцать своих. Они могут буквально похоронить нас под трупами убитых и продолжать сражаться, в то время как нам будет тяжело восполнить потери, — Золотой дал им время осознать свои слова. Он говорил правду, и все прекрасно понимали это. Если им не удастся уничтожить девантаров, если они будут надеяться на мир или просто ждать и смотреть, что будет дальше, им придет конец.

— *Так что же ты собираешься делать*? — удрученным тоном поинтересовался Пламенный, что совершенно не соответствовало его обычной вспыльчивой манере. Он казался подавленным, словно уже смирился с якобы неизбежным поражением. Даже краски его чешуи, обычно переливавшиеся от темно-желтого до ярко-алого, вдруг побледнели, словно бы в них угас весь огонь.

— *Я принесу в жертву двести наших воинов,* — ответил Золотой. — *Тех, от кого мы можем отказаться. Капитаны получили приказ отобрать смутьянов и лентяев. Тех, кто подрывает дисциплину в войске, а еще глупцов и калек. Всех тех, кого не будет жаль, если они погибнут в самом начале войны. Мы бросим их в бой как наживку. Они атакуют отдаленное поселение и заставят врага нанести максимально сильный ответный удар. Мы же по стараемся заставить их думать, что у нас намного больше воинов, чем есть на самом деле. Чтобы они послали по меньшей мере сотню воинов против нашего одного*.

— *Понимаю,* — произнес Иссиня-черный, и глаза его жадно сверкнули. — *А затем мы атакуем детей человеческий. Опалим их своим пламенем, растерзаем когтями,* — в предвкушении резни он хлестнул хвостом по мелкому песку пустыни.

Золотой лишь покачал своей массивной головой.

— *Нет, это было бы слишком просто. К подобному маневру девантары будут готовы. Я уверен, что они так же точно планируют нашу атаку, как мы – их. Тот, кто первым покажется на поде сражения, попадет в ловушку. Мы не можем вмешиваться в этой бой.*

— Тогда какой в этом всем смысл? недовольно зашипел Иссиня-черный, и мысли его ножами впивались в мысли других братьев. *Мы принесем в жертву двести воинов и даруем людям легкую победу. Это будет плохо для морали наших бойцов.*

— Наш способ победить в этой войне заключается в том, чтобы дети человеческие платили кровавую дань: пятьдесят человек за одного нашего воина. Возможно, несколько лет они выдержат подобную гонку, но надолго их не хватит. Если мы добьемся этого, то у девантаров не останется иного выбора, кроме как рано или поздно вмешаться в сражение и помочь людям. И тот, кто явится первым, будет уязвим. Как только они совершат эту ошибку, мы нанесем удар и довершим то, что не удалось сделать в Зелинунте.

Темный почувствовал, что Золотой перетягивает братьев на свою сторону. Им хотелось верить ему, поскольку от этой победы действительно зависела их жизнь. Нужно атаковать.

— Простите меня за глупость, но я все еще не понял, как двести бойцов, к тому же худшие из худших, которых мы можем выставить, могут устроить такую резню.

— Резню устроит Нангог, — ликующим тоном заявил Золотой.

– Нангог? — Дыхание Ночи наслаждался искренним удивлением братьев. Теперь-то стало ясно, насколько плох план их тщеславного брата. *— Она еще не совсем проснулась, и девантары стараются снова полностью обездвижить ее. Как она поможет нам, если она не в силах помочь даже собственным детям, которых убивают по всему миру?*

Золотой высокомерно поднял голову.

Но ведь я говорил сейчас не о Пленной богине. Надеяться на нее действительно было бы глупо. Я говорил о мире Нангог. Ход сражения будет определять выбор поля битвы. И это поле битвы будет настолько ужасно для людей, что со вторым войском, которое мы выставим после того, как люди заглотят нашу наживку, нам будет уже гораздо легче. Мы будем убивать их сотнями, но отпустим достаточное количество, чтобы весть об этом поражении словно пожар прошлась по миру и посеяла страх в их сердцах. Мы сделаем вот что…

Владычица смерти

— Дай мне топор, быстро! — прошипел Галар. Но Байлин не шелохнулся. Он стоял и как завороженный глядел на надвигающихся на них троллей. Кузнец бросился вперед, заорал изо всех сил и замахал руками.

— Этот малыш думает, что может напугать нас, словно волков, — заявил предводитель, а затем добавил что-то невнятное. Один из его воинов указал на Гламира и что-то сказал. Послышался громкий смех.

— Меня попросили узнать, кто надъел твоего друга, — заявил говоривший. — Кажется, не очень-то он вкусный. Его мы оставим про запас, — говоря эти слова, тролль продолжал приближаться, размахивая дубинкой на уровне колен.

Теперь до троллей оставалось шага три. Галар осознавал, что массивная дубинка уже легко достанет до него. Если немного повезет, он сможет поднырнуть под удар и протиснуться между кривыми ногами великана. Но какой от этого прок? Даже оказавшись у него за спиной, он будет по-прежнему безоружен. Возможно, у него получится отвлечь всю свору на себя, а товарищи смогут убежать.

— Эй, поймай меня, гора тролльского дерьма! — заорал Галар, прыгнул вперед, упал на пол, когда булава главного тролля полетела к нему, перекатился через голову, присел, прошмыгнул между ногами тролля. В полутьме чуть дальше троллей он увидел стройную белоснежную фигуру. Карлик как раз собирался перекатиться снова, как получил пинок.

Смельчака сбили с ног, он пролетел чуть назад и больно ударился о дощатый пол. Не успел он подняться, как на грудь его опустилась тяжелая троллья нога.

– Вот теперь тебя засыпало тролльским дерьмом, — усмехнулся великан. — И если я чуть-чуть надавлю, то ты просочишься сквозь щели в полу.

Галар услышал, как Байлин издал воинственный клич. Затем последовал глухой удар.

— Довольно! — Краем глаза Галар увидел, что к ним

приближается фигура, правда, видел он это размыто, поскольку от давления на ребра и легкие практически потерял сознание.

— Довольно, Гроц! — Этот голос не привык, чтобы ему возражали, звучал негромко, но очень решительно.

Давление на грудь Галара ослабло. Хватая ртом воздух, он сел.

Перед ним стояла эльфийка, одетая в длинное белое платье со стоячим воротником, совершенно не подходившее для этого утонувшего в грязи боевого лагеря на краю света. Она была босой. На одежде — ни единого пятнышка грязи. Стоявшая перед ним эльфийка была поразительно невысокого роста, это было первое, что пришло в голову Галару. Стоит ему встать, и она будет выше его всего головы на две. Она казалась хрупкой, словно кристаллик льда, и такой же холодной, а смотрела на него, словно он был каким-то жуком навозным.

— Меня зовут Айлин, и вам выпало судьбой в будущем подчиняться моим приказам. Я не ожидаю, что вы будете относиться друг к другу с уважением. Достаточно просто не пытаться перерезать друг другу горло и не сожрать друг друга, — произнося последние слова, она смерила троллей холодным взглядом. — Вы меня поняли? — Она произнесла еще что-то на гортанном и непонятном языке троллей, и поразительное дело — высоченные воины потупились, словно дети, которых отругали за шалость.

— Вставай, — сказала ему Айлин, словно то, что его едва не раздавила массивная нога тролля — лишь пустяк.

Гроц и его приятели расступились перед эльфийкой, и Галар увидел своих товарищей. Байлин лежал на полу и плевался кровью. Нир подхватил его топор и, судя по всему, собирался вот-вот наброситься на троллей. Гламир же просто был подавлен. Однорукий, одноногий — он не мог защищаться и судя по всему, был слишком упрям, чтобы пытаться бежать.

Эльфийка пристально поглядела на Байлина, затем щелкнула пальцами.

– Поднимайся! Ты можешь стоять на ногах.

Капитан шмыгнул носом, сплюнул кровью. Судя по всему, стоять ему было бы тяжело, но он, скривившись, все же поднялся.

— Вы откуда?

— Железные чертоги, — ответил за всех Гламир.

Эльфийка удивилась, окинула всех пристальным взглядом. У нее было узкое лицо, казалось, состоявшее из одних лишь ровных линий. Оно казалось суровым, словно вырезанным из камня. И Галару вдруг показалось, что ее долгая жизнь стерла из ее памяти всяческое сочувствие.

— Я просила карликов, привычных к более суровому климату.

— Мы что, похожи на слабаков? — разозлился Гламир. На губах эльфийки мелькнуло подобие улыбки.

— Что ж, судя по твоему виду, ты отказываешься признать, что тебе давно уже пора сдохнуть.

— Ты бы видела тех проклятых пауков. Я единственный, кто выжил после драки с ними.

— Пауки? — Эльфийка удивленно подняла брови.

Ему показалось или она вздохнула? Галар не был в этом уверен. Айлин вызывала у него примерно такие же симпатии, что и дохлая рыба. Он бы с удовольствием рассказал ей о чертовых изумрудных пауках, но это было бы глупо. Эта эльфийка служит небесным змеям. Одно лишнее слово — и она может напасть на след загадочного металла, который они добывали под башней Гламира Ни в коем случае нельзя рассказывать о стрелах, способных убить дракона! Бросив на товарища пристальный взгляд, он едва заметно покачал головой.

Но, похоже, Айлин пауки не заинтересовали.

— Следуйте за мной! В этих обносках вы и дня не проживете там, куда мы направимся, — и с этими словами она открыла калитку и вышла на улицу. Не оглядываясь, не проверяя, идут ли они за ней, она пошла по грязной тропке, мимо каравана мулов, которых все еще разгружали ругающиеся на чем свет стоит кобольды, занося драгоценный груз в большие дома

— Мое имя вы уже знаете, — заявила эльфийка по дороге. — Я командую пятьюдесятью троллями, пятьюдесятью карликами и кобольдами, их около сотни. Вам не повезло, вас отрядили ко мне. Нам предстоит провести первое сражение в Нангоге.

— Вместе с троллями и примерно сотней кобольдов? —

недоверчиво переспросил Галар.

— Сто или сто двадцать... Кобольдам не дано строиться как полагается, — Айлин даже не пыталась скрыть свое пренебрежение по отношению к маленькому народцу. — Видели кобольдов? Они на месте устоять не могут, чтобы я могла сосчитать их. А еще они все лжецы. Наверняка пошлют меньше воинов и будут пытаться это скрыть. Я просила воинов из клана Ледяных бород. Надеюсь, мне их выделили. С другими каши не сваришь.

Галар переглянулся с шедшим рядом Гламиром. Кузнец закатил глаза. Судя по всему, ему уже тоже доводилось слышать о Ледяных бородах. Это племя жило к северу от поселения карликов под названием Ихавен. Несколько лет назад между ними началась война, поскольку им пришло в голову перехватывать угри в подземных реках, дырявить их, топить команды, а затем грабить суда. Это были крепкие и пронырливые ублюдки. Даже сейчас считалось, что путешествовать в Ихавен небезопасно. Всех пиратов так и не переловили.

Галар услышал, как зашептались и Байлин с Ниром. Ни один народ кобольдов не пользовался среди карликов такой дурной славой, как клан Ледяных бород Одно дело воевать до последней капли крови, и совсем другое — топить беззащитных карликов. Галар не представлял себе, как карлики и Ледяные бороды пойдут в бой вместе. Это еще хуже, чем делить квартиру с троллями. Может быть, эльфы хотят, чтобы их поход обернулся катастрофой?

— Знаю, о чем вы думаете, — спокойно произнесла Айлин. — Мне даже не нужно колдовать для этого. Там, куда мы отправимся, мы либо будем сражаться вместе, либо все погибнем. И я не шучу. Так что лучше подумайте, стоит ли былая вражда того, чтобы жертвовать ради нее жизнями.

— Эльфийская патетика, — проворчал Гламир. — Пусть идет куда подальше со своими идеями.

Галар был совершенно четко уверен в том, что Айлин слышала его слова, хотя она продолжала идти дальше, как ни в чем не бывало. Слова так и вертелись на языке, очень хотелось согласиться с ворчливым другом, однако вопреки обыкновению, кузнец сдержался. Разумнее познакомиться с Айлин поближе, не ссориться сразу. Ледяные бороды и тролли — ничто по сравнению с таким врагом, как

она. Она была не обычной эльфийкой, в этом карлик был совершенно уверен, несмотря на то что за свою жизнь ему лишь дважды доводилось видеть представителей этой расы.

Первый раз это было во время оружейной ярмарки в Глубоком городе, а второй раз — когда эльфы и драконы уничтожили его город. От таких воспоминаний руки сами непроизвольно сжались в кулаки.

— Я думаю, что стоит эльфу открыть рот, как он принимается лгать, — вырвалось вдруг у него, несмотря на всю вдруг проснувшуюся сдержанность.

Его слова тяжким грузом легли на отряд, поскольку прозвучали как объявление войны эльфийке, и пока они не дошли до кучки новых домиков на дне долины, никто не произнес ни слова. Впереди показалась продолговатая хижина, которая отличалась от остальных тем, что была срублена из массивных бревен, а ее нижняя треть выложена камнями. Перед дверью на часах стояли два эльфа, одетые в сверкающие серебром длинные кольчуги до колен, и опирались на копья с наконечниками длиной с обыкновенный меч. Увидев Айлин, они вытянулись по стойке смирно. Один из них открыл тяжелую, укрепленную широкими медными полосами дубовую дверь. Галару показалось, что сегодня Айлин приходит сюда не впервые. Проходя мимо стражей, он окинул критичным взглядом кольчуги. Они были сплетены из маленьких колец, каждое из которых соединялось с шестью другими кольцами. Кольчуга была крепкой и должна была выдержать большинство ударов. Карлик пригляделся повнимательнее и нахмурился. Это было не отполированное железо, как и большинству детей альвов, эльфам тоже было неприятно прикасаться к железу. Эти доспехи были изготовлены из серебряной стали, равно как и оба шлема с плюмажами, которые были на стражах. Да они же стоят целое состояние! Секрет производства такой стали эльфы держали в тайне. Возможно, такое качество вообще достигалось лишь с помощью магии. Целые поколения кузнецов карликов пытались разгадать тайну серебряной стали, но все потерпели поражение.

— Чего уставился? — толкнул его Гламир, которому хотелось идти дальше. — Сейчас глаза из орбит повываливаются.

— Но ты видел...

— Что? Что эти проклятые эльфы жуткие задаваки? Ни

богатство, ни хвастовство на меня никакого впечатления не производят! — заявил Гламир, и, тем не менее, Галар заметил, что его товарищ тоже пристально глядел на доспехи, проходя мимо стражей.

Внутри хижина оказалась ярко освещена дюжинами масляных ламп. Здесь отчетливо чувствовался запах оружейной смазки, а в воздухе витал ни с чем не сравнимый запах раскаленного металла. Потрясенный, Галар огляделся по сторонам. Кольчуги стражников были сущей мелочью по сравнению с тем, что здесь хранилось: на стенах рядами висели сотни секир и мечей. Копья различной длины с помощью кожаных ремешков были связаны в пучки. Посреди коридора стояли три копьемета, не слишком отличавшиеся по конструкции от их «драконьей шлюшки». По бокам орудий висели ремни для переноски. Может быть, на битву эти копьеметы потащат тролли? Нир сразу же метнулся к орудиям и пристально оглядел их.

— Ты в этом разбираешься? — полюбопытствовала Айлин.

— В таких орудиях разбираются все карлики, — вмешался Галар, прежде чем его друг успел брякнуть что-нибудь предательское. — Мы используем их для защиты своих городов.

— А ты любишь говорить вместо других, — рассудила Айлин. Она посмотрела на него так, что ему стало не по себе. О чем-то эльфийка догадывалась, в этом карлик был уверен. А он дал маху. Скорее всего, Нир выкрутился бы и сам.

— Меня не интересует, кто вы. Для меня вся ваша прошлая жизнь не существует. С этого дня вы мои воины, и я хочу, чтобы вы выполняли мои приказы. Вот и все.

— Даже если они будут глупы? — дерзко усмехнулся Гламир. — Откуда нам знать, чего ты стоишь как командир?

Она поджала губы. Теперь они были похожи на трещину, пересекавшую ее лицо.

— Вы воины, и ваша задача — подчиняться, сражаться и убивать, когда я скажу. Думать буду я.

—Непохоже, чтобы ты сражалась, — не отставал Гламир. — Такая маленькая и хрупкая. Да у тебя даже оружия нет. Охотно верю, что грязную работу ты оставляешь другим, когда доходит дело до драки. А сама будешь стараться держаться подальше от опасности, как обычно и поступают эльфы.

— Я начинаю понимать пауков, которые тебя покусали, — она улыбнулась Гламиру улыбкой, от которой кровь у Галара застыла в жилах. — Продолжай в том же духе, и ты пожалеешь, что не разозлил всего лишь парочку пауков.

Она взмахнула рукой, указывая на висевшее по стенам оружие.

— Выбирайте себе все, что потребуется. Берите все, что считаете нужным. Больше вы сюда не вернетесь. А когда закончите, идите в соседний дом. Будет лучше, если вы сожжете там те лохмотья, которые на вас надеты. Возьмите теплую одежду. Там, куда мы отправимся, так холодно, что мерзнуть будут даже тролли, — и с этими словами Айлин вышла со склада.

— Ну вот, сбежала, — проворчал Гламир. — Ничего, окажемся по уши в дерьме, может, что-то и выйдет. Но взять себе здесь все, что захочется... — Он огляделся по сторонам, глядя во все глаза, а потом глубоко вздохнул. — Не знаю, чего она выбрала меня, калеку... Я такой же пустозвон, как и эта эльфийка. Даже оружие в руках не удержу. Даже ребенок кобольда может повалить меня, всего лишь пнув мой костыль, — он с тоской оглядел секиры. — Это же все равно что послать евнуха в бордель!

— Я уверена, что она оставила тебя в отряде из-за того гнева, который ты несешь в себе.

Из-за полок вышел высокий эльф. На нем был потемневший от времени кожаный фартук, а под ним одежда, напомнившая Галару платье без рукавов.

— А ты чего подкрадываешься? — желчно поинтересовался Гламир. — Тебя не учили, что подслушивать нехорошо? И кто ты вообще такой? Ты мужик или еще одна чертова эльфийская баба?

Несмотря на то что у незнакомца не было бороды и черты лица у него были изящными, Галар не увидел в нем ничего женственного.

— Прошу прощения от имени своих товарищей, — произнес Байлин, которому, судя по всему, неприятно было поведение Гламира.

— Нет-нет, — эльф с белыми волосами понимающе улыбнулся. — Я появился бесшумно, словно бы из ниоткуда. Это я должен извиниться. Я не собирался к вам подкрадываться, просто эльфы не умеют вести себя шумно. У тебя нет одного глаза, сердитый карлик,

поэтому я возник в поле твоего зрения слишком внезапно. Это непростительно, — и эльф поклонился, и Галару показалось, что он нисколько не шутит. Про себя карлик вздохнул. Последнее, что нужно было Гламиру, это сочувствие — оно доводило его до белого каления.

— Если ты думаешь, что у меня еще и что-то с ушами и я не слышал, как ты подкрадываешься... — тут же заорал Гламир.

— Я думаю, карлик, что тебе нужно оружие, которое подойдет именно тебе, и твое настроение тут же станет лучше. Айлин не слишком терпелива. Лучше не зли ее больше.

Гламир сплюнул на пол.

— Прикалываешься над калекой? — Смех его прозвучал горько. — Ну, наконец-то я встретил эльфа по себе, которому плевать на лживую и вшивую вежливость. И только на случай, если я не заметил, что ты слеп: у меня нет одной руки, одной ноги и одного глаза. В этом мире нет оружия, которым я мог бы воспользоваться с толком. Так что все это не для меня.

— Я тут подумал об арбалете с откидной подставкой и специальным прикладом. И магазин с болтами, чтобы тебе не пришлось вкладывать снаряды в направляющую.

На миг Гламир растерялся, а затем покачал головой.

— Ничего так попытка. Но как же мне взводить такой арбалет? — Он уныло поднял обрубок руки. — Это уже ни на что не годится. Я никогда больше не смогу сделать ничего, что можно делать двумя руками.

— Я думал, что на нижнем конце арбалета можно пристроить педаль и лебедку сбоку, которая позволит тебе натягивать лук.

Гламир наморщил лоб.

— Довольно сложно, но может получиться, — и скривился. — Вот только времени, которое у нас есть, не хватит, чтобы сделать такое оружие.

— Может быть, вы могли бы помочь мне? Разве в каждом карлике не живет кузнец?

— Перед тобой стоят даже два кузнеца, — заявил Гламир и кивнул на Галара. — Если мы можем воспользоваться твоей

мастерской...

Эльф махнул рукой, приглашая их следовать в дальнюю часть хижины.

– Добро пожаловать в мое *царство.* Кстати, меня зовут Гобхайн.

– Гобхайн? — Занятый разглядыванием полок с оружием Байлин обернулся и недоверчиво уставился на кузнеца.

— *Тот самый* Гобхайн?

— Говорят, ты учился ремеслу у небесных змеев, — произнес Галар, глядя на эльфа со смешанными чувствами. Этот кузнец был живой легендой, но он целиком и полностью посвятил себя божественным драконам, разрушившим Глубокий город. — Ты создавал вместе с ними зачарованные клинки драконников.

— Лишь некоторые мечи, далеко не все.

— И ты хочешь сделать для меня арбалет? — Гламир подошел к кузнецу вплотную. — Ты действительно сделаешь это?

— Я же пообещал, а слово я свое держу.

Гламир протянул оставшуюся руку.

— По рукам!

Гобхайн взял его руку, энергично пожал.

— За работу.

Все это Галару не нравилось. Нехорошо это — так близко сходиться с доверенным лицом небесных змеев! Вообще-то они должны были представиться — после того, как Гобхайн назвал свое имя, как того требовали правила вежливости. Эльфийский кузнец задумается над этим, хоть никак и не показал, что заметил их оплошность.

— Лук этого копьемета сделан из серебряной стали? — поинтересовался Нир, все это время стоявший у орудия.

Эльф подтвердил его догадку.

— Это не просто красивое оружие, равно как и доспехи, мечи и секиры, которые висят неподалеку от горна. Я подумал и решил украсить деревянные части инкрустацией или хотя бы резьбой. Хоть это и инструмент для убийства, он все же должен быть хоть немного

красив. По большей части на него будут смотреть, а не использовать, — он вздохнул. — Но небесные змеи хотят слишком много оружия. Красота — вот первая жертва надвигающейся войны.

Трое карликов последовали за эльфийским кузнецом в дальнюю часть дома. Там обнаружился большой горн, в котором горели темные угли, различные наковальни, бассейны с водой, меха, дюжины щипцов и молотов. В мастерской эльфа было все, и было оно наилучшего качества. Галар поразился, что Гобхайн украсил даже некоторые свои инструменты. На внутренней стороне молотов виднелась чеканка, или же головки были сделаны странной формы. Деревянные рукоятки щипцов были украшены побегами растений и перламутровыми цветами.

– Мы действительно можем брать все, что захотим? — Байлин снял с крючка на стене роскошный шлем. Гребень его был сделан в форме тянущегося ввысь лебедя, голова которого образовывала наносник, а крылья — нащечники шлема.

— Можете выбирать все, что заблагорассудится, — легко согласился Гобхайн.

— Если ты наденешь это, тебя примут за командира, — напомнил товарищу Галар. — И дети человеческие будут очень стараться прикончить тебя.

— Вам нужно беречься не детей человеческих, а лучше быть осторожнее в общении с Айлин. Она подобна углям в этом кузнечном горне, — и с этими словами Гобхайн надавил на рычаг мехов. Струя воздуха с шипением напитала кислородом тлеющий древесный уголь, в мгновение ока на углях заплясали яркие язычки пламени. — Она кажется очень спокойной, но это спокойствие обманчиво. Одной мелочи достаточно, и темперамент возьмет верх. Я знаю, что во время уроков фехтования в Белом чертоге она забивала некоторых учеников до полусмерти.

— Мы не какие-то там запуганные ученики, — ухмыльнулся Гламир. — Может, она и выше меня на полторы головы, но даже будучи калекой без руки и ноги я в битве стою большего. Эта хрупкая эльфиечка меня не угробит.

— Разве не ты только что переживал по поводу того, что тебя может опрокинуть навзничь даже маленький кобольд? — удивился Гобхайн и тут же посерьезнел. — Не стоит ее недооценивать. Сейчас

я расскажу вам о ней историю, и надеюсь, вы еще раз обдумаете стратегию своего поведения. Пару лет назад одна молодая эльфийка убила единственного сына Бромгара, короля троллей. После этого Бромгар отправил всех своих воинов и охотников в погоню, устроил настоящую травлю. Небесные змеи вмещались в происходящее и решили превратить убийцу в драконницу. Они послали на помощь юной эльфийке мастера Гонвалона и мастера Айлин. При этом был убит пегас Айлин, и она осталась в окружении троллей. Как видите, это ее не убило. Тролли с тех пор относятся к ней с величайшим уважением. Говорят, она убила больше дюжины их воинов голыми руками.

На миг стало слышно лишь потрескивание углей в горне.

— А разве подобные истории не становятся все краше с годами? — поинтересовался Гламир, но былого высокомерия в голосе его уже не было.

— Вы видели Айлин. Небесные змеи превратили ее в мастера смерти. Держитесь с ней рядом, и будете непобедимы. Станьте ее врагами — и считайте, что сами вырыли себе могилу.

Из дневника Хартапу

Шестой день после отлета из Вану

Мы почти уже не осмеливаемся покидать святыню под корнями корабельного древа. Вчера ночью явился один из духов бури, завладевший телом несчастного Сангана, и грозил нам страшной смертью. Даже умные и мужественные слова Барнабы не смогли пробудить в нас боевой дух. Становится очевидно, что конец неизбежен.

Восьмой день после отлета из Вану

Сегодня ненадолго выходил на палубу. Дни сейчас продолжаются всего три часа. Все остальное время царит полнейшая тьма. Мы летим в вечную ночь. Я долго стоял у поручней и размышлял, не прыгнуть ли вниз. Иногда быстрый конец лучше. Собиратель облаков тоже умирает. Повсюду на палубе валяются куски замерзших щупалец, оторванных сильными ветрами.

Девятый день после отлета из Вану

Буря стихла. Весь мир заливает свет! Ничего подобного я никогда прежде не видел. Солнце висит у самого горизонта. Бесконечная белая равнина настолько ярка, что смотреть на нее дольше двух ударов сердца просто невозможно. Свет льется отовсюду, проникая даже в святыню сквозь незаметные прежде щели. Холод по-прежнему смертельный. От собственного дыхания наши бороды замерзают и покрываются льдом, когда мы поднимаемся на палубу. Барнаба держал на палубе проникновенную речь. Худшее позади. У нас все получится!

Десятый день после отлета из Вану

День длится чуть дольше трех часов, а затем приходит тьма. Несмотря на холод, я все время был на палубе. Коля сделал нам кожаные повязки для глаз с узкими прорезями. Таким образом яркий свет больше не ослепляет нас. Как мир может быть настолько красив и настолько смертоносен одновременно? Однако возможность стоять на свету вселяет в нас новую надежду. Вечерние сумерки — кровавый спектакль. Большинство пугается и прячется в святыне. Я оставался на палубе до последнего, невыносимо сидеть в этой душной темнице. Думал, не остаться ли на палубе и не подождать ли духов бури. Сегодня порывистого ветра не было. Может быть, без ветра они не придут?

Одиннадцатый день после отлета из Вану

Вчера остался на палубе. Ветра не было. Наблюдал, как мертвый Санган сползал по средней мачте по правому борту. Он двигается уже не как человек, а как-то странно, рывками. Сбежал в святыню прежде, чем он спустился на палубу. Сегодня Нангог снова даровала нам три часа солнечного света при безоблачном небе. В вечерних сумерках видел нечто странное. На горизонте стояла алая башня. По крайней мере, мне так показалось, мой рассудок тоже отказывается поверить, что бывают существа, способные выжить в вечных льдах. Оставаться на палубе не осмелился. Боялся, что Санган помешает мне вернуться в святыню, и спустился туда вместе с Колей. Наш корабль держит курс на башню.

Цитируется по: «Дневник Хартапу».

Автор: Хартапу.

Хранится в библиотеке Искендрии, в Зале сомнительных трудов,

шкаф CCCXXII, полка XII, сундук III.

Примечание: данный документ был обнаружен в покрытых льдом останках деревянного сооружения неясного назначения (поднебесный корабль?).

Документ заканчивается записью об открытии Алой башни.

Алая башня

Этот проклятый писарчук всех с ума свел со своей болтовней про Алую башню. Растревожил всю команду.

Коля свернул свое одеяло и сделал из него подушку. Холод был для него не так мучителен, как для остальных. В Друсне он привык к холодным зимам. И только в самых костях чувствовалась непостоянная пульсирующая боль. Она мучила больше его душу, нежели тело, напоминая ему о том, что дни юности уже миновали. Скоро ему придется расплачиваться за все свои походы, за ночевки под открытым небом, за раны и лишения последних лет. В суставах поселилась подагра.

Утром, проснувшись, он почувствовал, что тело у него онемело и отказывается сгибаться. Первым делом он как обычно сжал кулак. Иногда суставы при этом начинали громко хрустеть. Коля вслушивался в болтовню команды об Алой башне и мрачно усмехался. Если повезет, он не успеет состариться, и подагра не превратит его в скрюченного старика-калеку. Это путешествие проходило не под счастливой звездой. Никто из них не вернется.

Остальным он этого не стал бы говорить. Он будет держаться до последнего, но прекрасно понимал, что собиратель облаков умирает. А как без него пересечь ледяную пустыню длиной в сотни миль?

Мечта Барнабы обернется для них для всех кошмаром. Друсниец закрыл глаза и стал вспоминать свои успехи в кулачных боях, ликование на аренах, когда он был еще красивым светловолосым юнцом, которого любили женщины. Во сне к нему приходила Шелковая. Если бы она знала его таким, то, возможно, влюбилась бы в нега Мужчина негромко рассмеялся, в полудреме. Какая глупость, куртизанки не влюбляются. Любовь для них лишь сделка. Наверняка она уже добралась до Таркона Железноязыкого.

Никогда прежде Коле не доводилось встречать женщину, которая так умела бы завоевывать сердца мужчин. Он готов был многое отдать за то, чтобы оказаться в ее объятиях. Может быть, она любила бы его в мечтах?

Внезапный рывок пробудил Колю от полудремы. Барнаба бросился к нему. Устало моргая, друсниец заметил, что все в душной

комнате таращатся на них с жрецом.

— Кажется, мы причалили, — заявил жрец, а затем, уже тише, добавил: — У Алой башни.

Друсниец поглядел на жаровни, стоявшие у единственного входа в святилище. Пламя достигало почти шага в высоту, выжигая почти весь воздух в комнате.

— Мы ничего не можем сделать, — сонным голосом произнес Коля. — Выходить сейчас — самоубийство. Нужно дождаться светового дня. Позаботьтесь о том, чтобы огонь не погас, — и с этими словами он повернулся на другой бок. Насчет Алой башни Барнаба не сказал больше ничего. Судя по всему, он тоже не знал ничего об этом загадочном сооружении, которое видел только Хартапу. Как так может быть? Ведь он — доверенное лицо Спящей богини.

Когда Коля был вместе с Хартапу на палубе, то не смог разглядеть башню. Впрочем, это ничего не значит. У молодого лувийца зрение наверняка получше будет. Он так волновался тогда, что наверняка что-то да видел. Но открыть эту тайну можно будет только тогда, когда солнце снова поднимется над горизонтом. Выходить раньше — чистейшей воды самоубийство.

Однако размышления о грядущем дне Коля решил оставить на потом. Переживать на этот счет бессмысленно. Сейчас им остается только ждать. Мужчина стал вспоминать о Шелковой, о ее нежной коже, длинных черных волосах, окутывавших ее, словно прозрачная одежда. И даже если он может встретиться с ней только в собственных мечтах...

— Коля! — Кто-то грубо тряс его за плечо. — Коля!

Друсниец раздраженно сжал руку в кулак. Суставы болели, голова тоже. Воздух в святилище был насыщен маслянистым дымом. Воин с неохотой открыл глаза. Над ним склонился Барнаба.

— Утро наступает. Нужно выходить, и я хочу, чтобы ты был рядом со мной.

От этих слов улетучились последние воспоминания о Заре. Коля сел. Голова болела так, словно кто-то вонзил ему кинжал в глаз и принялся царапать череп изнутри. На языке ощущался какой-то неприятный привкус. Мужчина потянулся рукой, взял лежавший

рядом с одеялом бурдюк с вином, вытащил пробку зубами и сделал маленький глоток, прополоскал рот, прогоняя отвратительный вкус утра.

«Каково, интересно, было страстно целовать подобный рот», — с ухмылкой подумал он. Зара никогда не выказывала отвращения, была по-настоящему хороша. Тому, кто пользовался ее расположением, было очень легко поверить в то, что она действительно любит его. Он никогда не встречал другой шлюхи, которая так идеально обманывала бы его. А потом Коля вспомнил, как часто они ссорились. Выплюнул вино. В конце концов, всегда было ясно, каковы отношения между ними. К сожалению.

Воин потянулся, поглядел на жреца. Как и у всех, кто был на борту, у него выросла густая борода. Глаза у Барнабы покраснели и воспалились. Наверное, всю ночь не спал. Это плохо. Невыспавшиеся люди склонны принимать неразумные решения.

— Ну, ладно, пойдем, вздохнув, друсниец поднялся на ноги. Суставы громко хрустнули. Взмахнул рукой, и из протеза выскользнуло лезвие. Барнаба испуганно отпрянул.

— Не волнуйся. Я просто проверял, насколько хорошо он смазан. Было бы глупо, если бы он потребовался, а потом застрял в коже, — и с этими словами он поднял перевязь, надел ее, что с учетом одной руки из повседневной задачи превратилось в неприятную.

— Кто со мной, на улицу? — Он с ухмылкой оглядел собравшихся. Вся команда отводила взгляд. Сборище чертовых трусов! Только Набор, старый лоцман с обезьянкой на плече уже стоял у дверей, рядом *с* жаровнями. Он, да еще жрец — вот единственные мужики среди собравшихся!

Набросив на плечи плащ из медвежьих шкур, Коля застегнул тяжелую золотую пряжку под подбородком. Он надеялся, что единственным врагом, кто будет их ждать снаружи, будет холод. Затем перепрыгнул через обе жаровни, глубоко вздохнул. Если там, снаружи, есть башня, то есть и гарнизон. Опустив руку на засов на массивной двери, защищавшей святилище, он рывком рванул его и распахнул дверь.

Его ослепил алый рассвет. Свежий ветер дул в лицо. Коля вышел на палубу, слыша за спиной движение Барнабы и Набора.

Поднебесный корабль встал на якорь у огромной сваи, высотой с башню. Последние не замерзшие щупальца *Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта,* обвились вокруг монолита и остановили корабль. Нужно поскорее закрепить его с помощью канатов.

Повсюду на покрытой льдом палубе лежали скрюченные и обмороженные куски щупалец. Некоторые были толщиной с палец, другие побольше бедра. Из-за мороза все они срослись с палубой. Замерзая, щупальца становились хрупкими, как тонкое стекло. Нельзя доверять им безопасность корабля! Он обернулся к Набору.

— Нам нужна команда на палубе. Позаботься о том, чтобы нас как следует пришвартовали. Первый же порыв ветра может оторвать нас, и я не думаю, что *Ветру, дующему от наливающегося дождем горизонта,* хватит сил добраться сюда еще раз.

— Точно не хватит, — огорченно произнес лоцман. — Он умирает. Я вчера ночью почувствовал, как счастлив он был, что сумел проделать путь сюда. Обратную дорогу нам уже не осилить. Мы...

— Замолчи! — перебил его Барнаба. — И никогда этого больше не говори! Великая богиня защищает нас, мы найдем обратную дорогу, я знаю! Не лишай команду веры в это!

Набор кивнул, но Коля обратил внимание, как пристально поглядела на Барнабу маленькая обезьянка, сидевшая на плече старого лоцмана, словно бы злясь на проповедника за то, что он разговаривает с его хозяином таким тоном. Габотт пугал Колю. В ту ночь, когда бушевала буря, обезьянка умерла в каюте лоцмана. Он видел, как она дрожала, когда ее коснулась призрачная рука. Видел, как безжизненно обмякло ее тельце. Или обезьяна может упасть в обморок? С тех пор в маленькой зверушке появилось что-то подлое. Она смотрела хитрым взглядом, двигалась неловко, и, что бросалось в глаза сильнее всего, ее перестал пугать холод.

Проповедник указал на сваю, к которой пришвартовался поднебесный корабль.

— Пойдемте к Алой башне. Должно быть, вчерашнее отражение зари во льдах отдало ей все краски, — и с этими словами он пересек палубу и подошел к поручням.

Коля глядел на башню, теперь казавшуюся бледно-розовой,

цвета утренней зари. Барнаба наверняка прав. Он прищурился — было там что-то еще, что-то зеленоватое... Крик оторвал друснийца от размышлений. Барнаба отчаянно размахивал руками, указывая куда-то вниз.

— Вот он! Смотрите! Мы наконец-то добрались!

Они с Набором бросились к проповеднику. Под ними была уже не заснеженная равнина, нет, там зияла бездонная пропасть, терявшаяся во тьме. Она была далеко не так огромна, как Устье мира у Золотого города, насчитывая всего мили три в поперечнике. А может, и того меньше. В этой местности, где не было ни деревца, ни других привычных ориентиров, залитой слишком ярким светом, расстояния с трудом поддавались оценке.

Скала, у которой они причалили, возвышалась прямо на краю вулкана Их огромный корабль выступал немного над пропастью, поэтому им отлично было видно огромную дыру на самом краю мира Внутренние стенки кратера состояли из серого камня, покрытого снегом и льдом. Скальная порода вся была изрезана трещинами, присутствовали сотни маленьких пещер и ниш.

Коля задумался, ему стало интересно, что создало эти углубления — прихоть природы или же какие-то другие силы? Прищурившись, он всматривался в них, пытаясь разобрать узор или увидеть движение в темных провалах, но так ничего и не заметил.

— Нам нужно спуститься в эти пещеры, — настойчиво заявил Барнаба. — Там мы найдем лед мечты.

У Коли внутри все сжалось. Идея ему не понравилась.

— И как же мы туда попадем? — поинтересовался Набор. — По такой отвесной скале не спустится ни один человек.

— Приделаем к боковым мачтам лебедку, и я спущусь на канате, — предложил Коля.

Лоцман покачал головой.

— Это плохая идея. Мы пришвартованы всего к одной опоре. Корабль будет раскачиваться, если налетит ветер, и тот, кто будет висеть внизу, разобьется о скалы.

—Так найди вторую точку опоры! Я тебе уже сказал, чтобы ты вывел команду и пришвартовал корабль! — фыркнул Коля. Ему

хотелось как можно скорее закончить эти проклятые поиски. Одним богам известно, сколько дней еще продержится в воздухе *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта.* Собрав этот чертов лед мечты, нужно будет как можно скорее двигаться на юг, пока он не умер. Если повезет, они дотянут до Вану.

— Поспеши, лоцман. У нас меньше трех часов до наступления темноты. Я спущусь первым.

Овации на арене

Плохая это была идея, будучи одноруким, висеть над бездонной пропастью. Коля чувствовал, что, несмотря на обжигающий холод, по спине его струйками стекает пот. Проклятый канат раскачивался настолько сильно, что он всякий раз бился ногами оскалы.

Сверху спустили канат. Он вцепился в петлю, завязанную на канате. Пенька, из которой он был сплетен, стала совсем хрупкой от мороза.

Коля пытался не смотреть вниз. Очередной рывок — его снова опустили чуть ниже. Где-то над ним слышались глухие удары тяжелых молотов. Набор с дюжиной человек из команды спустился на равнину. Они вбивали в лед деревянные колья, чтобы закрепить собирателя облаков и корабль с помощью укрепленных проволокой канатов. Это был скорее жест отчаяния, нежели настоящая помощь. С таким же успехом можно было пытаться привязать дикого коня шерстяной ниткой. Если собирателя облаков подхватит порывом сильного ветра, он будет шататься из стороны в сторону. Тонким канатам не удержать вес этого существа.

«Меньше думай, -— оборвал собственные размышления Коля. — Особенно о том, чего не можешь изменить. И теперь он смотрел вниз; в скале под ним, чуть ниже его уродливых, подбитых мехом сапог зияло отверстие. Вот там-то он и начнет поиски! Оттолкнувшись от отвесной стены, он прыгнул в пустоту. Сверху канат вытравили еще немного. Возвращаясь к скале, он увидел, что находится на уровне пещеры. Воин вытянул ноги, но на несколько дюймов не достал до входа в пещеру. В отчаянии он взмахнул своей искалеченной рукой. Еще на корабле он привязал к кожаному протезу топор с шипом, но острие его лишь царапнуло скалу и ни за что не зацепилось.

И вот уже раскачивающийся канат снова вытаскивал его из пещеры.

— Еще пять дюймов! — закричал он наверх. Легкий рывок, и, качнувшись назад, он встал на ноги. Выпустив из рук петлю каната, Коля уставился во раскинувшуюся перед ним темноту.

Канат полетел в другую сторону. Вход в пещеру освещал яркий

дневной свет, падавший в кратер. Воин оглядел стену пещеры. Никаких следов резца. Судя по всему, она естественного происхождения.

Когда канат прилетел обратно к нему, мужчина поймал его, притянул к себе и отвязал латунный потайной фонарь, привязанный к нижнему концу. Маленькое пламя внутри, к счастью, не погасло. Протяжный вздох заставил его насторожиться. Он доносился сверху. Коля подошел к самому краю пропасти и поглядел вверх, на корабль. Барнаба! Друсниец выругался. Лучше бы этот чертов жрец сидел наверху. Никто не знает, что их здесь ждет. Нельзя Барнабе рисковать жизнью, он слишком ценен! Его вера поможет всем вернуться домой.

Жрец быстро спускался, махая ему рукой.

Снова послышался странный вздох, еще громче, чем прежде. Кто-то на корабле закричал, но Коля не смог разобрать ни слова. В следующий миг корабль опустился ниже и с оглушительным грохотом ударился о край кратера. Ломались мачты, трещал корпус судна. В пропасть полетели куски древесины, канатов и замерзших щупалец.

Одна из досок ударила Барнабу по спине, он закричал, из последних сил цепляясь за канат, раскачивавшийся теперь из стороны в сторону, словно язык колокола.

Коля, не колеблясь, ухватился за свой канат, здоровой рукой подхватил петлю и оттолкнулся от пола пещеры. Сверху прилетело замерзшее щупальце и ударило его по лицу. Воин вознес про себя молитву Великому Медведю, прося у него возможности пережить этот опасный «град». Совсем рядом с ним пролетел бочонок, замерзший канат хлестнул его по затылку. Кажется, Великий Медведь сейчас был занят чем-то другим.

— Поберегись, — хриплым голосом крикнул Барнаба. Тем временем он опустился ниже, чем Коля. И, словно в насмешку над его словами, по плечу его ударила сломанная доска.

Друсниец решил не обращать внимания на слова проповедника. Ни на миг не спуская со священнослужителя взгляда, он качнулся назад и сумел оттолкнуться одной ногой от скалы.

В правом борту корабля образовалась пробоина, и теперь из него сыпались мешки, разбитые амфоры, сушеная рыба и бобы. Их припасы? Даже если они переживут это кораблекрушение на краю

кратера, им конец. На Колю обрушился поток бобов, когда он поймал канат жреца своим шипом на топоре. Но теперь из-за дополнительного веса канат перестал сильно раскачиваться. У них будет лишь окна попытка, чтобы попасть в пещеру; потом они просто бессильно повиснут над пропастью.

— Отрежь меня, — приказал жрец. — Великая Богиня спасет меня.

Судя по всему, Барнабу только что здорово треснуло по башке. Не обращая внимания на слова проповедника, Коля сосредоточился на входе в пещеру, к которому они медленно приближались. Будет непросто! Над ними снова затрещало дерево. Коля поспешно перевел взгляд наверх. Звук этот издавали мачты, торчавшие из борта поднебесного корабля. Их придавило к отвесной стене, и теперь почти весь вес корабля и умирающего собирателя облаков лежал на них. Вот они уже начали сдаваться, одна за другой. Ломались реи, падая в пропасть вместе с такелажем. Одна из мачт пролетела шагах в десяти от Коли, когда он, вытянув нога, пытался устоять на полу пещеры. Не хватало еще чуть-чуть, когда канат достиг максимальной точки и полетел обратно в кратер.

Друсниец закричал от ярости и отчаяния. Над кратером словно огромные птицы парили обрывки парусов. Из черноты под ними поднимался теплый ветер. Внезапно что-то огромное, с запрокинутой назад головой, метнулось вниз по отвесной стене — похожее на огромную белку, бегущую по стволу дерева, только у этого существа не было пушистого рыжего хвоста. Коля повернул голову, чтобы посмотреть на существо повнимательнее, когда что-то ударило его прямо по почкам. В него угодила рея, запутавшаяся в паутине наполовину разорванного такелажа. Его швырнуло прямо в пещеру, и там он сумел наконец-то встать на ноги!

Едва не теряя сознание, он оперся ногами о пол, из последних сил взмахнул топором и ударил по обледеневшей скале. Канат дернулся в здоровой руке, но его не повалило на землю. Он по-прежнему держал в кулаке канат, на котором висел Барнаба.

Перед глазами плясали яркие искорки. Он в отчаянии тянул канат, дюйм за дюймом, бесконечно медленно, поднимал его выше и выше, пока над входом в пещеру не показалось залитое кровью лицо проповедника.

Барнаба улыбался, и кровь, текшая из раны у него на лбу, собралась в морщинках в уголках рта.

— Я же сказал тебе, что богиня бережет нас.

Коля скрючился от боли. Никогда в жизни он еще так не получал по почкам и теперь едва дышал, не в силах стоять ровно. Он отполз чуть дальше вглубь пещеры и прислонился к стене. Перед глазами по-прежнему плясали звездочки. Веки потяжелели, во рту чувствовался вкус железа. Неужели он прокусил губу? Коля знал, что от удара по почкам можно умереть. За те годы, что он сражался на аренах Лувии, ему дважды доводилось видеть подобный исход.

Он закашлялся, и кровь оросила покрытый изморозью пол пещеры. Коля открыл глаза. Нельзя закрывать их сейчас, нужно держаться, противиться смерти. А этот глупец, Барнаба, думает, что Великая Богиня защищала их. Ни черта она не сделала!

Оглушенный, не в силах шевельнуться, Коля наблюдал, как жрец поднимает потайной фонарь, освещая внутреннюю часть пещеры, а затем решительно переступает через него. Друсниец подавил приступ кашля. Глухая, парализующая боль крепко держала его. Воин попытался подняться, но не сумел. Сотрясаемый новым приступом кашля, он чувствовал себя так, словно на нем плясала лошадь.

— Вот он! — обрадованно воскликнул жрец. — Мы у цели! Ты только посмотри, Коля, мы нашли его. Лед мечты! Как он красив. Такой нежный, такой хрупкий, — Коля повернул голову и удивился, увидев, что пещера оказалась не очень глубока, всего шагов пять-шесть. В конце ее, там, куда светил фонарем Барнаба, на гладком граните что-то сверкало зеленоватым светом. Коля прищурился. Перед глазами по-прежнему плясали яркие искры. Что-то вертикально торчало из стены. Блестящий кристалл, примерно вдвое длиннее его мизинца, но толщиной не больше его четверти. Кристальная игла, в которой что-то сверкало, словно плененный жутковатый свет.

Коля снова заморгал. Постепенно он начинал видеть отчетливее. Кристалл был не один. Большинство из них были похожи на маленькие гнездышки тонких иголок. Должно быть, именно это и имел в виду Барнаба! Лед мечты был хрупок, как цветы. И в нем тоже был этот жутковатый свет.

Коле невольно вспомнилась та пещера с кристаллами, где он

потерял руку. Хоть те кристаллы тоже были зелеными, эти соцветия были совсем иными. Было в них что-то... На них можно было смотреть и размышлять. Вспоминать былое. Те дни на арене, когда его лицо еще не было изуродовано кожаными ремнями, оббитыми железом, которыми бойцы обматывали руки перед дракой. Когда тысячи людей с восторгом выкрикивали его имя, а после роскошных пиров, где он праздновал победу, за ним шли прекраснейшие женщины. По лицу воина скользнула меланхоличная улыбка. Как давно это было. Теперь он лишь изуродованное шрамами чудовище, без бровей, с ушами, превратившимися в маленькие комочки, да еще и безрукий. Но он не подохнет в этой ледяной дыре, это точно!

Коля снова закашлялся и сплюнул кровью. «Это все мелочи», — убеждал он себя, прекрасно сознавая обратное, и снова поглядел на кристаллы. Как они красивы... Но стоят ли они всех жертв? Как они могут изменить мир? Это могут сделать лишь мечи да желание прийти по трупам к власти. Красивые вещи и искусство — это для мечтателей.

Внезапно в пещере стало холоднее. Изморозь на полу и стенах негромко заскрипела. Какой-то звук заставил Колю обернуться: у входа в пещеру стоял Санган и смотрел на него своими пугающими зимними глазами.

— Вот мы и встретились снова, Коля, — произнес поразительно бестелесный голос Сангана. Несмотря на то что в бедре бывшего кока торчал огромный обломок бревна, он не обращал на это никакого внимания. Рана даже не кровоточила.

— А ты не стал красивее с прошлой встречи, — прохрипел Коля. — Не думаю, что ты пользуешься большим успехом у женщин.

То, что когда-то было Санганом, улыбнулось ему.

— Уверен, ты в этом разбираешься.

Наконец-то Барнаба обернулся к незваному гостю.

— Уходи! — просто сказал проповедник. — Тебя сюда не звали.

Коля не поверил своим ушам, задумавшись над тем, что это: мужество или безумие. Барнаба вел себя так, словно стоял в центре своего храма, окруженный сотнями верующих, то есть в месте, где он обладал полнотой власти и где ему нечего было бояться. Кровь из раны на лбу замерзла в бороде проповедника, образуя

поблескивающую красным ледяную корку на плаще.

— Уходи! — снова повторил Барнаба на этот раз решительно, взмахнув рукой и указывая на выход из пещеры, где стоял Санган.

Санган расхохотался, и смех его громом разнесся по кратеру.

— Я был здесь, когда рождалась эта земля, и я буду здесь, когда забудется не то что твое имя — даже язык, на котором ты говоришь. Ты явился ко мне в дом и смеешь указывать мне на дверь? — И он сделал еще один шаг.

— Возвращайся к Нангог, и она простит тебя, — миролюбиво ответил Барнаба. — Ты один из ее детей, а сердце матери велико. Настало время перемен. Время, которого вы так долго ждали.

— Я знаю, что значит ждать, — Санган сделал еще один шаг в пещеру.

Коля стал подниматься, опираясь спиной на стену пещеры. У него почти не было сил держаться на ногах, дрожала и рука, которой он потянулся за мечом.

— И что обещала нам Нангог тоже. Она хотела облечь нас в плоть, но ваши человеческие боги помешали этому! Так зачем мне щадить вас? Я заберу вашу плоть, чтобы одеть душу. И последняя, кто может мне в этом помешать, это Нангог, — он бросил презрительный взгляд на Колю, подошел вплотную к нему. — И ты не остановишь меня, воин. Я высоко ценю мужество, поэтому дарую тебе быструю смерть, в отличие от этого болтуна!

— Прости его, Великая мать! Ненависть ослепила его... — громко воскликнул Барнаба, словно читая проповедь перед огромной толпой людей.

Коля попытался обнажить меч, но оружие не хотело выскальзывать из кожаных ножен. Скорее всего, замерзла смазка, соединив сталь и кожу. А возможно, он просто стал слишком слаб.

Санган схватил его за грудки, легко поднял и подбросил, словно весу в нем было не больше, чем в мешке пуха.

— Пусть ваша мечта станет концом твоих мечтаний, Коля. Умри с миром, воин.

Коля хотел схватить Сангана за горло здоровой рукой, но она так прочно застряла между их телами, что он не сумел даже поднять ее.

Захрипел. Санган немного опустил Колю, и кончики его сапог коснулись земли. Ледяная боль пронзила друснийца. Что-то вонзилось ему в спину. Лед мечты! Тот кристаллический шип, что рос отдельно прямо из стены!

Коля еще раз попытался схватить Сангана за горло, но тот неумолимо вдавливал его в стену пещеры. Воин отчетливо ощущал, как шип дюйм за дюймом вонзался в плоть. Силы оставили его. Он был подобен форели, насаженной на железный прут в коптильне.

— Где же твоя богиня, жрец? — усмехнулся Санган, отходя на шаг от Коли. — Почему не спешит на помощь?

Судороги сотрясали тело насаженного на шип Коли.

Барнаба покачал головой, словно не веря в случившееся.

— Это... это не конец, — пролепетал он.

— Верно, его нужно еще немного подождать. Теперь ты полностью принадлежишь мне, поскольку совсем скоро мой брат захватит Колю — как только его душа распрощается с телом. Оно у него некрасивое, но поразительно сильное. А от тебя останется совсем немного, когда я с тобой покончу. Тебя не захочет взять никто из моих братьев. Я тебя...

Больше Коля не слышал ничего. Внезапно он почувствовал себя очень легким. Тяжесть оставила его. По спине текла кровь, собираясь под перевязью. Она была неприятно холодной и не давала уснуть.

«Что за дурацкий конец, — раздраженно думал он. — Чтоб меня насадил на шип какой-то болтун, и я истек кровью». Он стиснул зубы покрепче. Как же трудно не закрывать глаза. А проклятый болтун совсем рядом. Так близко... Коля знал, что не сможет обнажить меч, но рука с протезом была свободна. Вот высокомерный ублюдок...

Друсниец собрал в кулак всю свою ярость, все свое отчаяние. Он знал, что достиг конца пути, но эту тварь намеревался забрать с собой. Нет, так просто его не одолеть. Представил себе арену, бурные аплодисменты, цветы, падавшие на залитый кровью песок, и то, каким он был красивым и светловолосым героем. С тех пор ему доводилось делать много такого, чем не стоит гордиться. Последний героический поступок не перечеркнет былого свинства, но воину хотелось уйти хоть с каким-то подобием достоинства.

— Эй, болтун!

Санган обернулся к нему. Движение было на руку Коле: он буквально усилил его удар, сам напоролся на него. Топор с шипом угодил прямо в висок чудовищу с ледяными глазами. Бронзовый наконечник без труда пробил кости черепа и глубоко погрузился внутрь головы. На лице Сангана читалось удивление. Глаза его закатились, рот открылся, по пещере пронесся порыв ледяного ветра, и существо, которое когда-то было их коком, рухнуло наземь.

Рука Коли бессильно обмякла. По губам текла кровь, но он улыбался. Теперь он снова слышал их: оглушительные овации на арене, которых ему так не хватало все эти годы.

Потерянные

— Возможно, его убьет даже попытка переложить его в бочонок. Нужно оставить его здесь, чтоб он мог умереть спокойно.

— Я останусь с ним, — решительно заявил Барнаба. — Он спас мне жизнь.

Набор недовольно закатил глаза.

— Послушай, у нас совсем мало времени. Уже смеркается, а значит, придут духи ветра, — лоцман недоверчиво поглядел на тело лежавшего на полу кока. — Мы даже не знаем, не восстанет ли *этот*. Прошу тебя...

Барнаба резко взмахнул рукой, осадив лоцмана.

— Коля пойдет с нами. Давай перенесем его в бочонок! Лоцман вздохнул, но перестал сопротивляться и жестом подозвал двух членов команды, которые спустились вместе с ним. Те осторожно подняли Колю. Лишь крохотные облачка пара, временами появлявшиеся у его губ, говорили о том, что воин еще жив. Глаза его неподвижно смотрели в потолок.

Чувствовал себя Барнаба ужасно. Он слишком торопился спуститься, и богиня наказала его. Он точно знал это, хоть никогда не признался бы в этом перед командой. Набор тоже понимал, что разумнее было сразу закрепить лебедки на краю кратера, как они сделали теперь. Так было проще попасть в пещеры, ведь, в отличие от корабля, кратеры были неподвижны и можно было обойтись без раскачиваний.

Если бы они поступили так с самого начала, спуск в пещеры пришлось бы отсрочить на два-три часа, но зато риск был бы сведен к минимуму. Если бы все люди помогали вбивать колышки в лед, чтобы закрепить собиратель облаков и корабль, как того требовал Набор, возможно, никто бы не погиб. Если бы, если бы, если бы... Хватит ломать себе голову. Таков жребий предводителей — иногда они принимают неверные решения. Но без предводителя решений не принимают вообще! Они нашли лед мечты.

В данный момент это главное. И он будет рядом с Колей, когда друсниец умрет. Больше ничего он для него сделать не сможет.

Барнаба видел, как бессильно обмяк в бочонке Коля, когда его подняли наверх.

— Рана на спине снова начала кровоточить, — Набор бросил на него мрачный взгляд. — Она снова открылась, когда мы перенесли его.

Кажется, даже сидевшая на плече у лоцмана обезьянка была недовольна его решениями. Казалось, она насмехается над проповедником.

— Скорее поднимайте его, — решительно приказал жрец.

Лоцман подошел ко входу в пещеру и махнул рукой мужчинам,

обслуживавшим обе лебедки на краю кратера.

— По моему знаку поднимайте бочонок.

Два члена команды, спустившиеся вниз, подтолкнули бочонок ко входу в пещеру. Как и все предметы сегодня, он сильно пострадал. Казалось, он не утратил герметичности, но, когда бочонок стали двигать, на полу пещеры осталась струйка крови.

— Сейчас! — крикнул Набор.

Канаты, которыми был обмотан бочонок, затрещали. Когда пеньковые веревки натянулись, с них посыпались мелкие кристаллики инея. А затем бочонок поднялся, слегка покачиваясь, и поплыл к краю кратера.

— Нужно спешить! — торопил старый лоцман. — Уже почти стемнело, — он велел двум оставшимся членам команды подниматься по дополнительным канатам, спущенным вдоль отвесной стены.

— Сколько у нас погибших? — Теперь Барнаба знал, за чем охотятся духи льда и как им можно помешать.

— Одного парня пригвоздило вырвавшимся колышком, когда корабль чуть не рухнул в пропасть. Еще одного убило метавшимся по воздуху канатом, — мрачно перечислял Набор. — Из четверых, которые помогали спускать вниз тебя и Колю, двое сорвались в пропасть. Кроме того, у нас семеро раненых. Один из них вряд ли переживет эту ночь. И еще Коля... Мы потеряли больше людей, чем можем себе позволить, — он засопел, а затем продолжил: — Но у нас уже и корабля нет, для управления которым нужна команда. Так что в

принципе все равно.

— С сегодняшнего дня мы будем сжигать погибших. Первых — сегодня же ночью.

Набор в недоумении уставился на него.

—Духи бури здесь ради наших тел! Если мы не отдадим их, они будут искать себе другие жертвы.

Обезьянка пронзительно вскрикнула и погрозила Барнабе своим крохотным кулачком, пока Набор не спрятал ее под плащ.

— И все равно мы подохнем. Большая часть наших припасов рухнула в пропасть, и *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* не вернет нас обратно, — в отчаянии произнес старик. — Без его помощи нам здесь придет конец. Какая разница, умрем мы от голода, замерзнем или же нас заберут духи бури. Мы пропали.

— Нангог защитит нас! — настаивал Барнаба. Отчаяние лоцмана постепенно начинало злить его. Сегодня славный день. День, когда они наконец-то добыли лед мечты. — Мы изменим мир! С сегодняшнего дня все станет иначе.

Набор с сомнением поглядел на него, но больше ничего не сказал.

Сверху снова спустили бочонок.

— Садись ты, — сдавленным голосом произнес Набор. — А я поднимусь по канату.

— Я моложе. Я могу...

Лоцман решительно покачал головой.

— В бочонке надежнее. Лучше пусть выживают молодые мечтатели, чем старые ворчуны, — и с этими словами он помог Барнабе забраться в бочонок и подтолкнул его к краю пропасти.

Поднимаясь наверх, жрец увидел, как лоцман ухватился за один из свисавших канатов и стал карабкаться по стене. В бочонке было скользко от Колиной крови. Барнаба почувствовал себя виноватым. Почему он ничего не сделал с Санганом? Он самый обыкновенный трус, в отличие от друснийца, который никогда не сдавался и продолжал бороться.

У края кратера двое членов команды помогли ему выбраться из

бочонка. Барнаба потянулся, огляделся по сторонам. Бесконечную заснеженную равнину вокруг кратера заливал темно-красный свет заката. Солнце уже коснулось краем горизонта, а высоко над ними в небе показались луны-близнецы нового мира. Легкий ветерок гнал поземку, похожую на призраков.

Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, цеплялся за Алую башню. Собиратель облаков совсем обмяк, держась за сваи только самыми нижними щупальцами. Остальными, незамерзшими щупальцами он крепко обхватывал свое тело. Сейчас он казался меньше и словно бы тоньше, немного напоминая куколку бабочки, висящую на ветке, — только куколка эта была размером с башню.

Путаница канатов валялась на равнине чуть поодаль. Некоторые были порваны. В одном месте Барнаба отчетливо увидел поблескивающую на снегу кровь. Если бы Набор не приказал натянуть канаты, возможно, в пропасть рухнул бы и собиратель облаков.

Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, выглядел самым жалким образом. Было уже совершенно очевидно, что он умирает, что ему никогда уже больше не подняться в небо. Нужно найти другой способ убраться отсюда.

— Пойдем, нужно найти укрытие, — оторвал его от размышлений старый лоцман.

Барнаба прошел к импровизированному бараку, который соорудили шагах в тридцати от башни: Материалом послужили большие десантные корзины с поднебесного корабля. Их прикрепили ко льду с помощью тяжелых кольев, а еще Набор отдал приказ натянуть поверх парусину, чтобы убежище не так сильно продувало ветром. В меньших сторонах были вырезаны дырки такого размера, чтобы в них мог пролезть взрослый мужчина. Поставленные впритык друг к другу десантные корзины образовывали помещение шагов в пятнадцать длиной и чуть больше одного шага высотой.

— Где наши погибшие? — поинтересовался Барнаба.

Лоцман кивком головы указал на две неподвижные фигуры, лежавшие под шерстяными одеялами на льду чуть в стороне от укрытия.

— Нужно соорудить три костра, — решил проповедник. — У нас еще осталось масло?

— На это уже нет времени! — накинулся на него Набор. — Ради всех богов! Ты на горизонт посмотри! Эти проклятые духи бури могут напасть на нас в любой момент!

Солнце уже больше чем наполовину скрылось за горизонтом. Набор был прав, самое время забраться в барак. Но если они поступят именно так, то вскоре пожалеют об этом.

— В случае крайней нужды я сделаю это сам! Трупы надо сжечь. Главная причина, по которой нападают духи бури, — им нужны наши мертвецы!

Лоцман выругался, пробормотав что-то невразумительное, а затем подозвал нескольких человек из команды. Вокруг валялось достаточно дерева, и костры были сооружены довольно быстро. Двое мужчин позаботились о факелах, которые воткнули в землю рядом с грудами дерева, а затем отправились искать кувшины с маслом. Сложнее оказалось притащить к кострам трупы. Они буквально вмерзли в лед.

Тем временем солнце совсем скрылось за горизонтом, мужчины начали беспокоиться. В свете трех факелов они как одержимые продолжали работать, а ледяной ветер тем временем крепчал. Вокруг них плясали не принадлежавшие им тени, отображая искореженные тела с очень длинными руками и ногами.

Время текло, убегая, словно песок сквозь пальцы. Каждая пара рук была на счету. Барнаба опустился на колени рядом с одним из умерших, вонзил в лед кинжал и перерезал длинные волосы члена команды, ставшие единым целым с настом. На груди мертвеца хихикала и приплясывала обезьянка Набора. Больше всего Барнабе хотелось вонзить кинжал прямо в маленькую тварь. Она над ними просто насмехается! И жуткие тени его, судя по всему, нисколько не путали.

Наконец труп рывком оторвали ото льда и положили на обломок доски. Набор даже не стал пытаться поднимать доску, потащив ее к костру, словно сани. Барнаба бежал рядом.

Вокруг стало ощутимо холоднее. Ледяной воздух резал легкие, словно нож. Проповедник почувствовал присутствие духов и окружавшую их ауру гнева и тьмы.

Добравшись до костра, Барнаба схватил мертвеца за ноги.

—• Поднимайте его! Скорее!

Набор взялся за голову трупа, и вместе они водрузили мужчину на груду сломанных досок и брусьев.

Барнаба уже собирался отпустить его, как вдруг почувствовал, как дернулась нога умершего. Взвыл ветер.

— Начинается! — закричал он, наклоняясь за глиняным сосудом для масла, лежавшим рядом с костром. — Не дайте ему подняться!

Набор ухватил доску, на которой они волокли умершего и ударил ею мужчину по груди. В тот же миг умерший открыл глаза. Ледяные глаза. Настоящие бездны зла.

– Великая мать, владычица мира, пощади нас, защити от гнева своих детей! — воскликнул Барнаба и опрокинул сосуд с маслом на костер и на восставшего мертвеца.

Мертвец выгнулся дугой. Его движения были неловкими, пока еще он не мог по-настоящему контролировать захваченное тело. Размахивая руками, он пытался отбросить в сторону доску, которой прижимал его Набор. Существо напоминало жука, беспомощно двигавшего лапками, лежа на спине. Но сколько еще это может продлиться?

Барнаба отшвырнул в сторону пустой сосуд из-под масла И- схватил факел, торчавший в снегу рядом с костром, решительно ткнул им восставшего мертвеца в грудь, и пламя тут же лизнуло пропитавшуюся маслом одежду. По огромной равнине пронесся крик — еще до того, как существо открыло рот. В этом пронзительном вое слышалась не боль, а ярость.

— Держи его! — закричал Барнаба, когда второй крик заставил его обернуться. Второй мертвец тоже восстал и схватил за горло одного из членов команды.

Опаляющая ярость

Яростно размахивая факелом, жрец понесся к стоявшим на льду товарищам. Команда поднебесного корабля бросила товарища на произвол судьбы и побежала в свое укрытие, сооруженное из десантных корзин, перед входом в которое уже полыхало пламя.

Восставший мертвец тряхнул жертву, и, несмотря на завывание ветра, Барнаба услышал, как, ломаясь, хрустнула шея у их товарища. Нужно остановить это! Этой ночью они умрут все, если разбушевавшиеся духи бури захватят еще и другие тела.

— Отойди от моих товарищей! — изо всех сил закричал он. — Прочь! Великая мать навеки накажет вас, если вы не оставите в покое моих людей!

Восставший мертвец бросил свою жертву и повернулся к Барнабе. Ледяные глаза неотрывно смотрели на проповедника, чудовище направилось к нему на негнущихся, словно бы лишившихся суставов ногах, и вытянув вперед руки. Кисти сжимались и разжимались:

— Мы давно уже не боимся Нангог, — прозвучало в завывании ветра. — Мы повелители Севера! Нас ничто не остановит, — и словно бы в доказательство его слов, небо прорезала извилистая молния. Тень, ни капли не похожая на фигуру того невысокого и коренастого корабельщика, тело которого захватил непрошеный гость, упала на лед рядом с Барнабой. Вперед потянулась призрачная рука с когтями на длинных пальцах.

Испугавшись, проповедник отпрянул. Вспомнил об истории, рассказанной ему Колей. Истории о призрачной руке, коснувшейся обезьянки Набора.

— Вам не победить, — насмехался голос ветра. — Прячьтесь в свои жалкие корзины. Еще пару дней — и вы все станете нашими.

Барнаба отошел еще дальше, а затем его рука метнулась к висевшему на поясе кинжалу. К тому проклятому клинку, который он подобрал на равнине Куш. Клинку, который должен был покончить с бессмертным Аароном, если однажды ему довелось бы встретиться с ним лицом к лицу. Это орудие было создано для того, чтобы усмирять зло, он понял это сразу, как только прикоснулся к нему

впервые. Оно было просто создано для существ, подобных этому восставшему мертвецу.

— Прочь! — снова крикнул он.

— Чтобы прогнать меня, слов недостаточно, жрец! — насмешливо произнес голос ветрам — Беги, прячься, словно заяц, в свою норку, и я подарю тебе еще одну ночь.

Существо, которое когда-то было человеком, по-прежнему приближалось к нему, вытянув руки. Собрав в кулак остатки мужества, Барнаба остался на месте.

— Значит, все же этой ночью, проповедник. Тьма ждет тебя.

Высоко в небе сверкнула молния, разрезав его надвое, и на этот раз сразу же послышался раскат грома. Длинная тень падала за спину восставшего мертвеца. Барнаба прыгнул вперед, сжимая в руке кинжал, и вонзил его прямо в лицо существу. Лезвие разрезало нос и ушло прямо в ротовую полость. Глаза цвета мутного льда уставились на Барнабу.

Жрец рывком выдернул нож и снова нанес удар, не обращая внимания на то, что ледяная рука уже вцепилась в его ногу.

На этот раз Барнаба попал в глаз. Когда сталь вышла над ухом чудовища, в лицо человеку ударило ледяное дыхание, но когтистая лапа все еще держала его, а ледяные пальцы уже коснулись плоти. Барнаба выпустил из рук факел, который по-прежнему держал в руке. Закричать он не мог, силы были только на хрип. За всю свою жизнь он никогда не испытывал подобной боли! Этого не может быть. Ему не предначертано умереть здесь! Это просто невозможно.

Пламя лизало его штанины, обмотанные полосками ткани из разорванных одеял. Ткань пропиталась маслом, которое он только что, забыв об осторожности лил на погребальный костер. Выпустив факел из рук, он поджег сам себя.

Но не успел жрец отреагировать, как руки восставшего мертвеца крепко обхватили его бедра. Ему были безразличны пламя и жар.

– Значит, уйдем вместе, — послышался голос на ветру. Я вернусь, я снова облачу свою душу в плоть. А ты — нет, сын человеческий. Для тебя это станет концом всех твоих мечтаний!

— Никогда! — захрипел Барнаба, и даже ему самому

собственный крик показался похожим на вопль раненого дикого зверя. В слепой ярости он нанес третий удар. На этот раз он воткнул клинок прямо в лоб восставшего мертвеца. Противоестественное существо вздрогнуло. Объятия ослабли, и в конце концов руки отпустили его. Но проклятый нож застрял во лбу по самую рукоять.

Оживший мертвец отступил на шаг. Его одежда пылала. Воняло паленой шерстью и горелой плотью.

Барнаба с ужасом опустил взгляд и поглядел на себя. Его штанины были охвачены пламенем, язычки которого уже принялись лизать плотную жилетку из овчины. Он в отчаянии бросился наземь, принялся кататься по льду, сбивать руками пламя с горящих штанин. Он чувствовал, как от жары лопается кожа на ногах и закричал от боли, когда на грудь ему опустилась тяжелая нога и крепко придавила его к земле. Над ним стоял тот член команды, которого убил восставший мертвец незадолго до того, как бросился на жреца. И его глаза тоже были цвета льда.

— Мои братья и сестры были так добры, что передали мне это тело, чтобы я мог довершить начатое. Что же ты будешь делать теперь? Кажется, ты забыл вытащить нож из моего предыдущего тела.

Ярость помогла Барнабе побороть боль.

— Богиня... она поможет мне, — пробормотал он. — Вы проклятые ею дети. Вы потеряны навеки.

— Думаешь, я потерян? — Он поднял ногу с груди Барнабы. — Где же твои друзья? Кто пришел тебе на помощь? — Он отошел на несколько шагов и поднял факел, от пламени которого остались лишь слабо тлеющие угли.

— Как жаль, что это мертвое тело не может чувствовать ни вкуса, ни запаха. Ведь вы, дети человеческие, так любите жареное мясо, — он взмахнул рукой с факелом, и угли снова полыхнули. — Может быть, твои товарищи возьмут себе по паре кусочков от тебя. Припасов-то у вас осталось немного.

Барнаба поглядел на мертвеца, из головы которого торчал его кинжал, попытался подняться, но тут же со стоном рухнул навзничь. Бесполезно. До оружия ему не добраться никогда. Краем глаза он увидел, как к нему приближается еще одна пошатывающаяся фигура. Значит, погиб еще один член команды.

Восставший мертвец коснулся факелом его жилетки из овчины, и масло тут же загорелось.

— Сгори, проповедник! — воскликнул голос ветра.

От боли Барнаба не мог думать больше ни о чем. Он закричал и кричал, пока у горла были силы. Штанины снова горели. Он катался по льду, но не мог потушить огонь, факел снова и снова опускался на его тело, поджигая его снова и снова. А затем что-то вдруг рухнуло на землю рядом с ним. Голова восставшего мертвеца.

Сквозь пелену слез он увидел стоявшего над ним Колю. Как это возможно? Неужели он тоже — восставший мертвец?

Барнаба часто-часто заморгал, прогоняя слезы. Нужно посмотреть друснийцу в глаза! Но лицо товарища было скрыто в тени из-за яркого света лун-близнецов, светивших у него за спиной. Затем Коля опустился на колени рядом с ним и принялся забрасывать пламя снегом. Стал бы так поступать восставший мертвец? Но это чудо, что Коля оказался живым! Он потерял так много крови! Может быть, это последняя жестокая шутка духов бури, чтобы еще немного продлить его жизнь и мучения?

— Огонь слишком сильно проел твои штаны, — раздался голос. Неужели он на миг потерял сознание? В уцелевшей руке друсниец сжимал нож. Откуда он взялся?

Оружие опустилось. Барнаба услышал, как рвется ткань. Ему так хотелось потерять сознание. Эта боль... Такой боли он не чувствовал даже тогда, когда упал со скалы в своей потайной долине. И тогда ему помогла ксана. Взгляд затуманился от слез. Он обрел счастье, а Аарон отнял его. Он убьет бессмертного. Это цель его жизни.

— Кинжал... — пролепетал он. Для этого ему нужно проклятое оружие. Ни в коем случае нельзя оставлять его здесь!

— Не переживай, я осторожно. Я не пораню тебя, — произнес голос, похожий на голос Коли.

Барнаба приподнялся на локтях. Речь идет не о кинжале Коли! Нужно объяснить друснийцу, чего он хочет.

Его товарищ принялся отрезать обгоревшие штанины. Ткань сопротивлялась. Коля рванул ее и остановился, испуганно вскрикнув. Барнабе потребовалось одно мгновение, чтобы осознать, что именно

он видит. Штаны были закатаны до колен, а под ними виднелось лишь красноватое мясо. Среди обрывков ткани виднелось что-то совершенно черное и обгоревшее. Его кожа! Она соскользнула с него вместе с тканью, как чулок, который снимают с ноги.

Жрец не мог даже закричать, он смотрел на свои ноги и не чувствовал боли. Ужас вытеснил все остальные чувства.

Коля поднял его. Неподалеку от сваи, за которую держался их умирающий собиратель облаков, горел огонь. Должно быть, он действительно ненадолго потерял сознание. Проповедник не помнил, как оказался здесь, но сейчас он лежал на чем-то. Не на земле. Что это, неужели постель? Откуда в ледяной пустыне может взяться постель? Высоко над ним раскололось небо, и за чернотой показался лучик света. К горизонту прокатился торжественный раскат грома, похожий на далекий барабанный бой.

У Барнабы кружилась голова. Холод пробирал до костей. Как же он устал. А боли не было.

— Ты храбро сражался в последнем бою, проповедник.

Что это, неужели же голос Коли? Он звучал странно и словно бы доносился сразу отовсюду. Рядом с ним стояла какая-то тень. Нужно посмотреть ей в глаза! Что в них? Лед? Или это живые глаза?

— Твои предки глядят на тебя, Барнаба. Они будут гордиться тобой. Ты облек славой весь свой род.

Что это за ерунда? Похоже на надгробную речь! Они должны были отнести его в укрытие, обработать раны. Он еще не сразился в своем последнем бою. Его предназначение заключается в том, чтобы убить бессмертного Аарона! Он живет только ради этого!

— Мы не отдадим тебя духам бури, друг мой. Ты же знаешь, они придут за тобой.

Барнаба хотел что-то сказать, но сил не было. Холод поднимался все выше и выше. Он настолько устал, что уже не мог открыть глаза. Должно быть, это просто страшный сон. Великая мать защитит его. Быть может, *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* взял его в себя, как уже поступил однажды, чтобы исцелить его. Барнаба знал, что раны у него были ужасные. Но ведь он — избранный проповедник Нангог... Богиня спасет его...

— Прощай, мой храбрый друг! —Существо, похожее на Колю,

подняло факел и воткнуло его в странную постель, на которой он лежал. Вокруг Барнабы полыхнуло пламя, но боли он по-прежнему не испытывал, была лишь бесконечная усталость. Точно, это просто страшный сон. Когда он проснется, все будет хорошо... Он нашел лед мечты... Он освободит Нангог и свергнет бессмертного Аарона... Это его судь...

Потерянная невинность

— Чего она ждет? — прошептал Гламир.

— Я что, похож на эльфийку? — прошипел в ответ Галар. — Откуда мне знать, что происходит у нее в голове?

Два дня они поднимались по грязным тропам выше границы снегов, все выше и выше в горы. Айлин не сказала им, куда они направляются. Не знали карлики и того, для выполнения какого задания их отобрали. Поэтому теперь они сидели в снегу под низко нависшими тучами и наблюдали за Айлин, стоявшей на коленях примерно в сотне шагов от них. Может быть, она хочет открыть врата в новый мир? Единственное, что удалось узнать Галару, это то, что они пойдут в Нангог. Для этого им нужно будет пересечь Золотую паутину. Но почему же Айлин все никак не откроет чертовы врата? Может, она не умеет? Может, не получается заклинание? Нет, она точно ведет их всех на погибель.

Галар сделал медленный выдох. Какой смысл ломать себе голову над подобными вопросами. Карлик обвел взглядом длинную череду своих новых товарищей. Впереди стояли лагерем тролли: серокожие великаны ростом шага три, прокладывавшие им путь по глубокому свежему снегу, засыпавшему склон горы. Они были страшно злы, потому что эльфы приказали им нести все тяжелое обмундирование, необходимое для экспедиции. Десять новых копьеметов, около сотни больших кожаных колчанов, по двадцать копий для орудия в каждом. Галар даже представить себе не мог, зачем им так много орудий.

Тролли назвали копьемет оружием трусов! Для них вопросом чести было встать лицом к лицу с противником. Галар фыркнул. Если бы в нем было три шага росту, он тоже считал бы точно так же.

— Ты видишь, как смотрят на нас эти крысолицые? — прошептал Гламир. — Только и ждут шанса выстрелить нам в спину. Нам конец настанет самое позднее после того, как подохнет эта проклятая эльфийка. Как можно идти сражаться без меча? Ее высокомерие нас всех погубит!

— И какое нам, карликам, дело до дохнущих эльфов? — поинтересовался Байлин. — Нам это только на руку.

— Меня это волнует, потому что она ведет нас в битву, и мы

подохнем вместе с ней! — проворчал Гламир. — Ты назад посмотри. Они вооружили всех этих грязных кобольдов арбалетами. Если Айлин не будет с нами, они немедленно начнут палить нам в спины.

— Интересно, тролли думают о нас то же самое?

Все трое уставились на Нира, задавшего этот вопрос.

— С чего ты взял, что тролли вообще умеют думать? — широко усмехнулся Гламир. — У них одно сплошное мясо.

— Они тоже постоянно оглядываются на нас и перешептываются. А с помощью копьеметов мы можем справиться с целой кучей троллей.

— Ты что, не видишь разницы между троллями, нами и проклятым кланом Ледяных бород? — спокойно поинтересовался Байлин. — Тролли несут оружие, которым мы могли бы причинить им вред. А у проклятых кобольдов оружие, которым они могут выстрелить нам в спину, уже в руках.

— Ты уверен, что тролли осознают это небольшое отличие? У них же нет ничего, кроме мяса.

Галар удивился, что Нир так стал вступаться за троллей. Судя по всему, расставание с малышом Фраром не пошло ему на пользу. Он стал раздражительным, в голову ему приходили самые странные идеи.

Галар недовольно окинул взглядом склон и поглядел на кобольдов. Их было точно намного больше сотни. Они перешептывались, переглядывались и смотрели вверх по склону. Галару показалось, что в глазах их он видит ненависть. Эти негодяи чертовски хорошо вооружены. Теплую одежду они принесли с собой. У них были плотные, подбитые шерстью плащи. Шапки из меха зайца-беляка и высокие сапоги до колен. Кроме того, у них были белые шарфы с бахромой, из-за которых их и прозвали Ледяными бородами. Стоило им упасть в снег, и они сливались с местностью. Новыми были только блочные арбалеты, полученные от эльфийского кузнеца Гобхайна. Да и те они выкрасили белой краской. У некоторых кобольдов были броские красные шерстяные шапки, совсем не подходившие к их маскировочной одежде. Галару уже доводилось слышать истории про эти шапки: говорили, что их окрашивали красным, окуная в кровь убитых карликов. Если это верно, то, как только они пойдут в бой, за спинами у них окажется

две дюжины опытных убийц. При мысли об этом Галар содрогнулся. До сих пор он не говорил ни с кем из кобольдов, да и вообще для него эти мелкие негодники были все на одно лицо.

Оглядывая пятьдесят карликов, в число которых входил и он, приходилось признать, что чертовы Ледяные бороды были гораздо лучше подготовлены к ведению войны в условиях зимы. Из карликов же не стал маскироваться никто. Все были в развевающихся плащах, по большей части красных или синих, надетых поверх длинных отполированных кольчуг. Под ними — толстые камзолы, помогавшие сберечь тепло. Видно их было издалека: яркие пятна на фоне белой горы. Серокожие тролли вполне могли сойти за гранитные скалы. Айлин тоже была в белом. И не замаскированными получались только они. Неужели это сделано специально? Карлик перевел взгляд на эльфийку. Скорее бы уже...

Не успел он додумать мысль, как одна змея, созданная из алого, а вторая — из желтого света, взмыли вверх на снегу. Воздух завибрировал, словно в жаркий летний день. Бороды тут же стали топорщиться. Тролли беспокойно заворчали, а обе змеи склонили головы друг к другу, и появилась арка, заполненная непроницаемой тьмой.

— Вперед! — крикнула Айлин. — И не сходите с тропы! — Она повторила приказ еще и на языке троллей и на той тарабарщине, с помощью которой общались между собой кобольды.

«Что ж, мужества им не занимать», — признал Галар, наблюдая, как великаны, не колеблясь, устремились к воротам. Галар держался рядом с Гламиром. Дорога из желтого света пугала кузнеца. Он понимал, что этот свет должен быть прочным, по меньшей мере как камень, поскольку выдерживал воинов-карликов, шедших впереди, словно по мощеной дороге. Поставив первую ногу на магическую тропу, он увидел, что она слегка увязла. Ощущение было, словно он ступил на поляну, на которой только что паслось стадо овец и короткая трава пружинит под сапогами.

— Я предпочитаю угри, — проворчал шедший рядом Гламир, осторожно ощупывая тропу костылем.

— Вперед, трусы! — заорал сзади кто-то из кобольдов.

Гламир выругался и побрел дальше.

Впереди послышались разъяренные крики. Кто-то завизжал,

словно его режут. А затем послышался низкий, громоподобный боевой клич троллей. Галар снял с пояса секиру, а шедшие впереди карлики устремились вперед.

Справа и слева от Золотой тропы, по которой они шагали, царила непроницаемая тьма. По рассказам Галар знал о тропах альвов, что они подобны мостам над бездонной пропастью. Один неверный шаг — и тебе конец.

Шум драки впереди нарастал. Галар увидел кусок красного неба. Значит, другая сторона уже близко! Судя по всему, тролли уже вышли из магических врат. Сзади напирали другие карлики. Из-за костылей Гламир двигался слишком медленно. Просто безответственно брать с собой в битву калеку-кузнеца из Железных чертогов.

За их спинами появился Байлин. Раскинув руки в стороны, он пытался сдерживать давление.

— Я справлюсь! — заявил запыхавшийся Гламир. На лице его читалось отчаяние. Он прекрасно знал, что всем мешает.

И вдруг в темноте, шагах в пяти, показалась фигура. Дитя человеческое? Оно бежало прочь от красного неба. По щекам у него бежали слезы. У мужчины было темное суровое лицо и ни малейшего намека на бороду. Черные волосы доставали до плеч. На нем была толстая шерстяная безрукавка, ноги обмотаны шерстяными тряпками. Галар видел бегущего всего несколько ударов сердца, а затем мужчина скрылся во тьме. Здесь была и вторая тропа альвов, пересекавшая их тропу под острым углом и тоже ведущая к воротам! Показались и другие люди. Некоторые были ранены, но все они то и дело испуганно оглядывались.

В лицо Галару ударил ледяной ветер. Он вышел из пустоты междумирья и оказался на широкой заснеженной равнине посреди ожесточенного сражения. У ворот снег был пропитан кровью. От криков заболели уши.

— В укрытие! — закричал Гламир и бросился навзничь, увлекая за собой Галара. Прямо на них пятился тролль. На груди у него сидела тварь, подобной которой Галар никогда прежде не видел: она была черной, с огромной головой, и в широко раскрытой пасти было видно лицо. Когтистая лапа вонзилась в живот тролля. Оттолкнувшись от него, тварь взмыла вверх, и вторая рука чудовища

разорвала горло пошатнувшемуся троллю. Великан с грохотом рухнул на снег всего в нескольких дюймах от Гламира и Галара. Но даже умирая, он крепко сжимал черную тварь своими массивными руками, крепко прижимая ее к себе. Из Ничто вылетел кобольд и приставил к голове извивающейся твари арбалет. Болт пробил массивную гомону и вылетел с другой стороны вместе с фонтаном крови.

Галар поднялся, поднял товарища. Нужно отойти от входа в Золотую сеть. Здесь шел самый ожесточенный бой.

В толчее он заметил Байлина и Нира, пытавшихся установить один из копьеметов, которые тролли побросали просто в снег.

Их союзники-великаны устроили настоящую бойню среди детей человеческих. Большинство из них практически не сопротивлялись и, кажется, были даже не вооружены. Опасны, судя по всему, были только черные твари, двух из которых Галар увидел в отдалении: они крались, словно кошки, оставляя когтистыми лапами страшные раны.

Повсюду среди сражающихся лежали большие корзины и мешки, словно они напали на караван с грузом. Но ни одного мула Галар не обнаружил.

— Внимание! — закричал у него за спиной Гламир.

Галар обернулся и поднял секиру. Стальные когти со скрежетом скользнули по широкому лезвию и царапнули кольчугу из отличнейшей серебряной стали. Карлик глядел прямо в перекошенное от ярости лицо, обрамленное двумя массивными челюстями. Что это, неужели что-то вроде шлема?

На него градом посыпались удары когтистых лап — слишком быстро, он не успевал парировать. Галар полностью положился да защиту отличнейшей кольчуги и в свою очередь стал пытаться нанести удар секирой. Судя по всему, его противник был несколько не в своем уме. Он фактически не пытался увернуться от ударов, и только сила собственных лап, всякий раз слегка отбрасывавших Галара назад, мешала ему получить под ребра отличнейшей секирой с короткой рукоятью.

Кузнец прекрасно понимал, что драться он никогда не учился. Он поскальзывался на пропитанном кровью снегу, пытался удержать равновесие, раскидывая руки в стороны, и получил удар, выбивший из руки секиру. Сразу же последовал удар, нацеленный прямо в лицо.

-

Галар откинулся навзничь, но времени выиграть не сумел. Одним прыжком воин в кошачьей маске оказался над ним, прижал его коленом к земле и занес руку для смертоносного удара, когда тень пролетела настолько близко к Галару, что на залитом потом лице почувствовалось дуновение ветерка.

Человек-зверь отлетел в сторону, через карлика переступила огромная фигура. Послышалось бульканье, гортанный крик и второй удар.

Когда Галар сел, тролль обернулся к нему и, ликуя, поднял наполовину разломанный шлем-маску.

— Храбрый парень! — хрюкнул он, и Галар узнал в нем Гроца, который всего пару дней назад пытался убить Байлина.

Шум битвы вдруг стих, слышны были только негромкие стоны. В голове еще немного шумело от полученных ударов, но Галар уже оглядывался по сторонам. Некоторые кобольды перерезали горла раненым людям. Айлин наблюдала и не вмешивалась.

Карлик постепенно начинал осознавать, что у большинства их противников в руках даже оружия не было. На спинах у некоторых все еще были корзины. Что они хотели унести отсюда такого важного, что стали жертвой нападения?

Галар поднялся, подошел к одному из убитых, открыл мешок, торчавший из корзины. Оттуда посыпалось что-то белое и крошащееся. Карлик раздавил его пальцами, понюхал.

— Это птичий помет, — удивленно произнес он. — Птичий помет! уже громче повторил он. — Мы перерезали отряд невооруженных носильщиков птичьего помета!

Грог взял свой каменный нож и отрезал одному из мертвых противников когтистую лапу, поднял ее вверх.

— Не невооруженных, — только и сказал он.

— Ну, было у них три-четыре охранника. Нас же больше двух сотен! — Он обернулся к Айлин. — Что все это значит? Против кого мы воюем?

Но эльфийке, судя по всему, было все равно.

— Невинные всегда погибают первыми, — холодно ответила она. — Судя по всему, возникла ошибка. Готовьтесь к маршу — она поглядела на горизонт, где скрылось кроваво-красное солнце.

С севера дул ледяной ветер, — Выступаем! — крикнула она уже громче. — Оставьте убитых. Нам нужно на север. Там находится город, который мы должны завоевать. Будет лучше, если мы придем туда еще ночью и застанем врагов врасплох!

— А как же убитые? — возмутился кобольд в красной шапке. Галар еще прежде обратил внимание, что он говорит от имени всего маленького народа. На груди у этого негодяя была перевязь работы карликов, оббитая тяжелыми серебряными монетами. Из-за спины у него торчала рукоять короткого меча.

— По моему опыту, мертвым безразлично, где лежать, — порыв ветра взметнул подол платья эльфийки. — Если мы сейчас устроим поминки, то до завтрашнего вечера придется оплакивать еще больше убитых.

— Подождать чуть-чуть! — крикнул Гроц, пробивая грудную клетку человека-кошки, чтобы вырвать у него сердце и проглотить у всех на глазах. Его действия были встречены одобрительным ревом остальных троллей.

Галар отвернулся. Во всем этом безумии виноваты небесные змеи. Их нужно остановить, и именно поэтому он здесь! И поэтому он будет держаться и не позволит водовороту жестокости захлестнуть себя. Нельзя, чтобы на него обратили пристальное внимание. Нельзя ничего говорить. Если он хочет, чтобы оставалась надежда на свержение небесных змеев, то нужно застать их всех врасплох Краем глаза он заметил Байлина. Капитан из Железных чертогов был бледнее мела. Сколько времени он сумеет противостоять этому безумию? Галар не испытывал к Байлину особой симпатии, но этот воин был человеком искренним, для которого честь была не пустым звуком, от происходящего он может сломаться.

Галар поглядел вперед. Перед пронизывающим до костей ветром по равнине двигались снежные вихри, и казалось, будто духи этой Земли поднялись, чтобы посмотреть, как дети альвов лишились невинности. Карлик с горечью улыбнулся и подошел к Гламиру, стоявшему поодаль с опущенной головой. Конечно, все это просто романтические бредни! Отряхнув снег с одежды, он последовал за

жутковатой эльфийкой. В своем длинном платье без рукавов она казалась единым целым с этой снежной равниной, и Галар ни капельки не сомневался, что вместо сердца у нее был осколок льда.

Че

В ветре, дувшем с севера, была какая-то магия. Айлин снова и снова открывала Незримое око и вглядывалась в ночную тьму. Что-то было не так с этими вихрями, несшимися надо льдом вместе с ветром. В них чувствовались слабые ауры, словно бы за тонкой снежной пеленой скрывалось что-то еще.

— Вперед! — подгоняла она отряды. Коротконогие кобольды и этот карлик-калека отнимают слишком много времени. Как жаль, что небесные змеи не послали с ней пятерых драконников вместо этих двух сотен калек! Маленьким отрядом они смогли бы добиться большего, двигались бы быстрее и легче маневрировали. И не было бы жертв среди своих в первом же сражении. Эти люди-ягуары сражались славно! Оставалось надеяться, что в поселении, которое они должны взять штурмом, их не поджидают еще несколько этих влюбленных в смерть берсерков.

Смысл этого рейда ускользал от Айлин. Ей был отдан недвусмысленный приказ ждать, пока она не почувствует, что в том месте, куда им необходимо попасть, открылась звезда альвов. Небесные змеи обладали точной информацией насчет того, в какое время дня этого следует ожидать. Но какой смысл был уничтожать колонну носильщиков? Будучи драконницей, она научилась не задавать вопросов, выполняя поручения небесных змеев, но все ее подчиненные к подобному не привыкли. Она не знала, как вести себя с этим склочным карликом, Галаром, который презирал ее из-за случившегося и не перестанет задавать вопросы, на которые у нее нет ответа. Лучше бы она отправилась на это дело с одними только кобольдами и троллями. Они не ломают себе голову над происходящим.

Эльфийка снова окинула взглядом ночную равнину. Несмотря на то что обе луны оставались скрыты за облаками, было поразительно светло. Огромная ледяная равнина отражала свет звезд. Ома *отчетливо* увидела танец маленьких вихрей. Что это? Ей казалось, что за ней наблюдают. Все инстинкты предупреждали о притаившемся где-то неподалеку враге. Об опасности, относительно которой ей ничего не говорили небесные змеи.

Впереди надо льдом колыхался туман. Утоптанная дорога, по

которой они шли до сих пор, вела прямо к полосе тумана, которая походила на белую стену, возникшую посреди равнины. Айлин подняла руку и подала остальным знак остановиться. Услышав недовольное бурчание, эльфийка вздохнула про себя. Они во вражеской стране и брошены на произвол судьбы! Почему эти недоумки не могут помолчать? Никто не знает, что притаилось в тумане.

Странно, но на этот раз именно кобольды без приказа покинули строй, рассыпались и спрятались в ложбинки, и благодаря своей белой одежде практически слились с местностью, сняв даже свои дурацкие красные шапки. Судя по всему, плохой опыт был им не в новинку.

Айлин отскочила в сторону от дороги и осторожно вошла в туман. Услышала разбивающуюся о скалы воду. Снег под ногами был рыхлым и прилипал к сапогам. А затем эльфийка увидела темную реку, от которой поднимался туман, силуэт деревянного моста, дальний конец которого терялся в клубящейся дымке.

Осторожно вернувшись на дорогу, она приблизилась к мосту. Стражи не было. Укреплений на мосту тоже. Даже ворот и башни. Судя по всему, дети человеческие совершенно не ожидали нападения.

Как и приказывали драконы, несколько человек сумели уйти через Золотую паутину. Сколько может понадобиться времени, прежде чем подойдет подкрепление? Один день? Два?

В сторону города не побежал никто. Тамошние обитатели не догадывались, что их ожидает.

Айлин снова вернулась к своим воинам.

— Впереди мост. Кажется, он довольно прочный, но тролли все равно пойдут по одному, соблюдая интервал в три шага. Ты понял, Гроц?

— Думаешь, я такой тупой? — обиженно поинтересовался тот. — А что с сучками?

Айлин поняла не сразу.

— Ты имеешь в виду копьеметы?

– Точно! Оружие трусов!

— По мосту носильщики парами не пойдут. Вы сможете

пронести орудия по одному?

— Легко.

Неужели ей послышалось какое-то высокомерие в голосе тролля?

— В таком случае так и сделаем.

Гроц рыкнул, передавая своим ребятам приказы и указывая рукой в туман. Не переспрашивая, великаны перестроились и распределили оружие.

Айлин огляделась по сторонам в поисках кобольдов. К этому моменту они отошли еще дальше от дороги. Неужели собрались дезертировать? Эльфийка открыла Незримое око. Ауры выдавали присутствие маленького народца. А они те еще смутьяны. Если станет туго, рассчитывать на них будет нельзя.

— Че! — Айлин указала на кобольда, лежавшего в укрытии шагах в ста от нее. Не будь Незримого ока, она не увидела бы его, но его ауру нельзя было спутать ни с чем. Пурпурный цвет мстительности смешивался с золотым цветом благородных и бескорыстных чувств. Ни у одного другого кобольда не было настолько очевидных противоречий в душе. Че предпочел бы продолжать драться с карликами, ему не нравилось, что его отправили воевать с детьми человеческими. Он мечтал о том, чтобы основать свободное королевство кобольдов, где их не будут брать в плен ни тролли, ни карлики, ни эльфы, обращавшиеся со слугами-кобольдами хуже, чем с охотничьими борзыми. И ради воплощения этой мечты он готов был заплатить сколь угодно высокую цену, посвятив ей всю свою жизнь.

Че не заставил себя долго ждать. Если она напугала его, легко обнаружив в снегу, то виду он не подал и вышел вперед, вызывающе усмехаясь.

— Что стряслось, красавица? Ищешь настоящего мужика? Тебе повезло, он прямо перед тобой.

— Отлично, в таком случае собери всех настоящих мужиков своего роста и веди их через мост. Следуйте за троллями. Карлики будут замыкающими.

Кобольд отвесил ей нарочито низкий поклон.

— Твои желания для меня закон, красавица, хотя я считаю, что просто стыдно тратить ночь с тобой на прогулку.

— Никогда не знаешь, чем закончится ночь, — усмехнулась она ответ.

Че удивленно уставился на нее, а затем широко усмехнулся.

— Я готов к неожиданностям, — и с этими словами он быстро удалился. Он был головорезом и вором, мятежником и лжецом, во Айлин он нравился. Было в нем что-то такое, что сложно было облечь в слова... Казалось, он не знает, что такое «невозможно» или, по крайней мере, отказывается его принимать, и было в его энтузиазме что-то заразительное. На душе у Айлин стало немного полегче, когда она пересекла мост последней, прямо за карликами. Несмотря на ощущение, что за ними кто-то идет, эльфийка ничего не видела, но что бы это ни было, она готова была встретиться с этим лицом к лицу, когда настанет время. Она — драконница! Она умеет справляться с невозможным. Стыдно, что потребовался кобольд, чтобы напомнить ей об этом!

Отставшие

Почти в миле к северу от моста они обнаружили *город*. Галар был потрясен открытием, что у детей человеческих называется городом. Никаких тебе укрепленных стен. Две единственные башни представляли собой довольно странные сооружения, из стен которых торчали длинные балки. Они располагались в центре скопления невысоких домов на большой площади. Галар даже представить себе не мог, зачем они вообще предназначены. Уж точно не для защиты.

— Чувствуешь запах? — прошептал Нир.

Оба они стояли, прислонившись спиной к стене дома, вплотную к углу улицы, за которой начиналась площадь. Айлин решила, что карлики должны осторожно пробираться б центр поселения, в то время как кобольды позаботятся о домах на окраине. Троллей из отряда Гроца оставили в качестве резерва.

Галар втянул носом холодный воздух. Сильный мороз донимал. Наверное, он слишком долго прожил в пещерах, отвык от настоящих холодов, и теперь с ними не могла совладать даже самая теплая одежда.

— Где-то здесь горит костер, —прошептал ему Нир. — Значит, город все же не заброшен.

Галар кивнул. Несмотря на то что его удивляло то, что до сих пор им не встретился ни один человек, о том, что город покинут, он даже не думал. Иначе какой смысл драконам приказывать им атаковать брошенный город?

На противоположной стороне улицы показался Байлин. Он шел, пригнувшись, держал на уровне груди заряженный арбалет. Вдруг карлик остановился и помахал им рукой. С его позиции можно было видеть площадь за углом дома. Он поднес два пальца к глазам и ткнул указательным пальцем в сторону площади. Значит, что-то увидел.

Галар *проверил, не* соскользнул ли болт с направляющей арбалета. Оружие было заряжено. Настало время встретиться с жителями заброшенного города! Он решительно вышел из-за угла дома. На площади не было ничего живого. Из-за яркого света лун было светло, почти как днем. Ветер гнал поземку, и она

закручивалась в *три вихря, круживших* по рыночной площади. На другой стороне стояло большое здание, с крыши которого свисали длинные сосульки. За большим сугробом, у самой стены, мерцал едва различимый желтоватый свет. В небо уносился дым.

Уже не стараясь прятаться, Галар вышел прямо на середину площади, слегка опустив готовый в любой момент выстрелить арбалет, исполненный решимости убить всякого, кто решит остановить его. За ним по скрипящему снегу последовали товарищи.

Ни шевеления. Галар недоверчиво поглядывал на окна стоявших вокруг домов. Все они были забиты досками. Нигде ни огонька. Только там, впереди, где на стене дома плясали отблески пламени. По спине у карлика стекал пот. Что-то было здесь, что-то подстерегало его, он чувствовал это совершенно отчетливо. Злая сила, желающая погубить его. Он не был трусом, но идти на врага, который не показывается, это было не по нем!

Обойдя сугроб, он увидел покрытую обледеневшим снегом лестницу, ведущую вдоль стены дома в подвал. На ступеньках отражался свет скрытого внутри костра. Маслянистый дым поднимался вверх, заставлял слезиться глаза.

— Нужно позвать Айлин, — прошептал Байлин, вставший рядом с ним и тоже смотревший на лестницу. — Мы не знаем, что ждет нас внизу.

— Нет, знаем! Мы найдем там ответ на вопрос, почему этот город заброшен. И я намерен получить его самостоятельно, не полагаясь на то, что скажет мне лживая эльфийка. Я хочу увидеть, что там! — И с этими словами он стал спускаться по лестнице. Лед скрипел под тяжелыми подкованными сапогами. Дым теперь проник до самых легких. Неужели эти чертовы люди не знают, как делать камины? Неужели выпускают дым из помещения просто через какое-то отверстие?

В конце лестницы обнаружилась открытая дверь. Прямо посреди прохода стояла большая жаровня, в которой полыхало пламя высотой в человеческий рост. Ослепленный Галар никак не мог разглядеть, что скрывается за ним. Он видел лишь другие огоньки, поменьше, да похожие на тени силуэты. Гортанные голоса что-то говорили на незнакомом языке.

Носком сапога Галар отодвинул жаровню из проема к стене,

образовав проход, достаточный для того, чтобы пламя не коснулось его. Послышались взволнованные возгласы.

Внезапно рядом с ним прямо через пламя перемахнула белая фигура. По подвалу покатилось эхо испуганных криков, а затем все их перекрыл уже ставший слишком знакомым голос. Айлин!

Слов ее Галар не понимал. Она что-то настойчиво говорила детям человеческим, но ее перебил чей-то жалобный и громкий голос

Протиснувшись мимо жаровни, Галар тоже вошел в подвал и встал рядом с эльфийкой. Помещение оказалось больше, чем он предполагал. Судя по всему, оно было больше расположенного над ним дома и уходило даже под рыночную площадь. Повсюду, даже в многочисленных нишах, валялись грязные мешки, на которых сидели исхудавшие и изнуренные люди.

— Поставь жаровню на место, — приказала Айлин. – Насколько я поняла, пламя отгоняет злых духов.

«Что за детские сказки», — подумал Галар, но спорить не стал.

Едва жаровня вернулась на место, как по подвалу прокатился вздох облегчения. Кажется, Айлин дети человеческие не боялись. Возможно, приняли высокую эльфийку, мастерски владевшую их языком, за свою, но зато на него косились с явным недоверием.

Когда Айлин снова заговорила с ними, отчаянно жестикулируя, Галар стал украдкой наблюдать за ней. Откуда она так хорошо знает язык людей? И о чем они говорят? Как же бесит, когда не понимаешь ни единого сказанного слова. Эльфийка может потом сказать все, что угодно. В том числе и правду... Ему никогда не узнать наверняка. Айлин как раз снова указала на дверь, через которую они вошли.

Некоторое время продолжались дебаты. Затем в конце концов стало спокойнее, и эльфийка обернулась к Галару. Жалкие людишки, сидевшие в подвале, выглядели подавленными.

— Выходим! — приказала Айлин. Галар отодвинул жаровню немного в сторону, протиснулся вдоль стены. Едва Айлин перемахнула через пламя, как кто-то внутри передвинул жаровню на место.

— Я не буду участвовать в этом, если ты прикажешь убить и их. — заявил он, когда они вместе поднимались по обледеневшей лестнице. Он понятия не имел, что только что произошло в подвале,

но намеревался обороняться.

— С чего ты взял, что я прикажу убить их? — резко поинтересовалась Айлин.

— Судя по опыту у звезды альвов...

Ома вдруг повернулась к нему.

— Я тоже не могу отменить случившегося там. Здесь, в подвале, не воины. Они мореходы и носильщики. Возможно, ты заметил, что они ужасно напуганы. Приняли меня за свою жрицу. Было довольно сложно объяснить им, кто ты такой. Я сказала, что ты низкорослый уродец. Подарок моему храму из королевств по ту сторону Великой воды.

— Вот спасибо, — ледяным тоном ответил Галар.

— Они боятся каких-то духов, которые бродят здесь ночами. Поэтому они и собрались в подвале. Говорят, что огонь не пропускает духов.

— Духов? Ты что, им поверила?

Айлин нерешительно кивнула головой.

— Будь мы в Альвенмарке, я решила бы, что это бабушкины сказки. Но этот мир совсем другой... — Она пожала плечами. — Возможно, это пустая болтовня, но нам придется быть осторожными. Они сказали, что днем опасности нет, духи приходят только по ночам. Дети человеческие утверждают, что они оседлали северный ветер.

— А что делают эти трусь! при свете дня? Выходят из своего подвала?

Айлин холодно улыбнулась.

— Нет. Они больше не покинут свое убежище. Я сказала им, что теперь пришли еще и серые великаны с севера. Ужасные людоеды, которые будут охотиться на них. Наши друзья уверены, что в безопасности они могут быть только внизу. У них есть припасы и жир для поддержания огня. Ближайшие дни они переживут, пока здесь все не закончится.

— А что это должно произойти в ближайшие дни?

Айлин смерила его пренебрежительно-дерзким взглядом, как

умели делать только эльфы.

Во-первых, здесь останутся двое наших троллей. Самые глупые из этого отряда недоумков.

— А, серые великаны, — понял Башар.

— Вот именно. Если кто-то из детей человеческих все же выйдет из подвала и увидит троллей, то быстренько заползет обратно под землю.

Эта формулировка не понравилась Галару. Ничего плохого в том, чтобы жить под землей или под горой, нет!

— Кроме того, здесь останется твой одноногий дружок. Он будет мозгом обоих троллей.

— Не думаю, что Гламиру это понравится. Он...

— Неважно, что ему понравится, а что нет. Он получит приказ и будет подчиняться! Для него же так будет лучше. Остальные вернутся к мосту. Там мы дадим сражение, поскольку его защищать удобно. А этот *город* без стен удержать невозможно. Просто огромная ловушка.

— А какой такой атаки нам следует ожидать?

Эльфийка посмотрела на него, как на идиота.

— А ты как думаешь? Думаешь, на нас теперь нападут эти духи? Придут дети человеческие! Тысячи. Наше присутствие здесь — это провокация. *Мы* начали вторжение в Нангог от имени детей альвов. Они захотят уничтожить нас любой ценой.

Галар все еще не понимал, что все это значит.

— А за что мы вообще сражаемся? Здесь же, кажется, нет ничего, кроме птичьего помета. Разве у нас, в Альвенмарке, мало такого?

Айлин безрадостно хмыкнула.

— Здесь идет речь не о чем-то столь осязаемом как помет. Мы сражаемся за свободу Альвенмарка и Нангога, будем проливать кровь за идеалы. Мы воины света, мы изгоняем тьму из этого мира.

Галар не понял, говорит ли она серьезно или иронично.

— Для воинов света мы пролили чертовски много невинной

крови.

Насмешливость Айлин тут же исчезла. Она кивнула.

— И чтобы это не повторилось, мы оставим здесь твоего друга и троллей. У моста мы убьем много детей человеческих, но на этот раз это хотя бы будут воины. В конце концов они просто сметут нас. Ты заметил, что у них ноги подлиннее, чем у тебя, правда?

Галар кивнул.

— Когда они прорвут наш строй, лучше будет, чтобы Гламира там не было.

— Значит, ты знаешь его имя! — Карлик был потрясен. Он-то думал, что *все* они ничего не значат для этой хладнокровной эльфийки.

— Конечно, знаю. Каждого по имени. Гламир умер бы первым, когда пройдет время сражений и когда нужно будет просто быстро бежать. Поэтому он останется здесь.

Галар совсем растерялся.

— Неужели нет никакой надежды на победу? Нельзя ему умирать здесь! Его судьба свергнуть небесных змеев! Его предназначение в гораздо большем!

— Эта победа будет очень важна для детей человеческих, и было бы глупо недооценивать их. Я совершенно уверена, что им удастся удивить нас.

— Да, но разве мы не имеем значения для небесных змеев? Нельзя ведь начинать войну, не будучи уверенным, что ты победишь.

— Я считаю, что в конце концов мы, дети альвов, победим. Бот только я сомневаюсь, увидим ли мы конец войны. Мы не более чем песчинки, подхваченные бурей.

Галар выругался.

— То есть все наши действия бессмысленны?

— Да нет же, — страстно воскликнула Айлин. — Мы подобны искре, от которой разгорается пламя войны.

— Отличная речь перед битвой! Теперь мне хочется, чтобы я не знал всего этого!

— Ты спросил меня, не сражаемся ли мы за кучу помета. Эта война началась, потому что правители обеих сторон боятся. Девантары думают, что дети человеческие не смогут жить без того пропитания, что добывают в Нангоге. А небесные змеи боятся, что следующее, что сделают дети человеческие, — это потянутся в Альвенмарк — как только покорят Нангог. Гора помета — это было действительно проще, но мы сражаемся со страхами властьимущих.

— Зачем ты рассказываешь мне все это? Разве ты не боишься,

— Нет, — не колеблясь, ответила Айлин. — Мне кажется, что у тебя есть некое пристрастие к заведомо проигрышным затеям. Ты хочешь доказать всему миру, что можешь совершить то, что считают невозможным все остальные. Поэтому ты будешь стоять на мосту до последнего. Я рассказала тебе все это, чтобы, говоря с Гламиром, ты был убедителен. Мне все равно, какую сказку ты ему расскажешь, главное, чтобы тебе удалось убедить его остаться здесь. Понимая, что у моста он в любом случае погибнет, ты будешь говорить много убедительнее. Так что работай как следует! — И с этими словами она ушла, а карлик остался стоять на широкой площади.

Галар был озадачен. Она предоставила ему свободу, возможность рассказать Гламиру какую-нибудь лживую историю, чтобы его товарищ поступил именно так, как хочет она. Может быть, Айлин и с ним так же поступила? Раздражаясь все больше, он обошел большой сугроб, закрывавший лестницу. Он будет у моста, чтобы выяснить, где правда, а где — ложь.

— Чего вы там внизу так долго разговаривали? — Гламир стоял с подветренной стороны сугроба и выглядел ужасно замерзшим.

— Она хочет оставить здесь троллей, чтобы они присматривали за этими чертовыми людишками в подвале.

Гламир нахмурился.

— Почему?

— Мы будем сражаться у моста. Она боится, что эти идиоты вооружатся и нападут со спины. По крайней мере, она так говорит. Утверждает, что эта резня после нашего выхода в Нангоге не даст ей спокойно жить, но я не верю ни единому ее слову. Если бы она действительно заботилась о жизнях детей человеческих, то не оставила бы здесь троллей.

Гламир задумчиво почесал бороду.

— В этом что-то есть.

—Ты же помнишь, что сделал Гроц сразу после сражения? Стал жрать! И именно это тролли сделают снова, когда Айлин вернется с нами к мосту. Они устроят в подвале бойню, а люди будут едой на пиру наших победителей. Но Айлин все равно.

— Вот сука эльфийская, — зашипел Гламир. — Ничем не лучше проклятых драконов.

— Мы же поклялись, что нужно положить конец развязанной небесными змеями бойне. И здесь мы можем исполнить свой долг.

— Что ты задумал?

— На костылях ты передвигаешься слишком медленно. Никто не заметит, если ты немного отстанешь на марше. Пока остальные нейдут к мосту, ты останешься здесь и будешь присматривать за троллями. И если они решат зарубить детей человеческих, ты воспользуешься арбалетными болтами, которые мм снабдили наконечниками для убийства драконов.

Гламир покачал головой.

— Мне это не нравится. В принципе, мне эти люди безразличны.

— Посмотри на это с другой стороны, — решительно возразил Галар. — Мы ведь сражаемся не за людей. Мы боремся с драконьим произволом! Если выживут эти дети человеческие, это станет нашей первой победой в войне с драконами, — он увидел блеск в уцелевшем глазу товарища и понял, что победил. Что бы ни случилось у моста, один карлик, у которого есть стрелы для убийства драконов, уцелеет. И это было самое главное.

Освобожденные духи

В лицо Ливианне ударил приятный прохладный ветерок, когда она вышла из светящихся врат в Нангоге. Тропы альвов привели ее на поросший скудной растительностью склон горы. Над ее головой ветер гнал море облаков, застилая небо над узкой долиной.

Над красноватыми скалами свет был поразительно ясен. Эльфийка присела и задумчиво оглядела величественный пейзаж. Она находилась шагах в двадцати над облаками. Глядя на несущиеся мимо облака, на душе у нее становилось спокойнее. Можно было подумать о своих мертвых детях и об Анату.

Что сделали девантары? История ее любви к Пурпурному, судя по всему, была совершенно иной, нежели об этом говорилось в легендах. Ливианна не сомневалась в том, что Анату полюбила дракона. Сама она прекрасно представляла себе неотразимость небесных змеев. Если один из них смотрел на тебя, это ощущалось как величайшее счастье и мучительная тоска одновременно. Счастье — потому что они обратили на тебя внимание, а тоска потому, что нет ничего хуже, чем оказаться недостойным их пристального взгляда. Интересно, чувствовала ли то же самое Анату? Чего они с Пурпурным хотели добиться? И как именно погибли? Кто были те тайные помощники, поддержавшие Ишту в сражении с Анату и Пурпурным?

Эльфийка примирительно поглядела на кольцо умершей верховной жрицы по имени Ияли, которое надела на большой палец левой руки. Остальные ее пальцы оказались слишком тонкими, чтобы удержать его. Погибшая вызывала у Ливианны уважение. Насколько преданным человеком нужно было быть, чтобы броситься в ванну с кислотой?

Нужно вызвать ее дух из тьмы времен. Если верно то, что говорил Вепреголовый, и Уста Богини действительно делила все мысли со своей госпожой, то она знала и об интриге, жертвой которой пали Амату и *Пурпурный*. Лишь одно существо в Альвенмарке могло сплести подобные чары. Сама она не сумела бы вызвать дух жрицы, погибшей сотни лет назад в другом мире.

Ливианна прислонилась к скале и посмотрела на проносившиеся мимо облака. Она могла бы стоять так до скончания времен,

оставаясь пленницей игры природы и своих сомнений. Правильно будет пойти к Золотому и доложить о полученных результатах, решила она. Станет ли она просить его помощи при вызове умершей жрицы к насколько высока тогда будет ее доля в разрешении загадки? Она хотела предстать перед ним, блестяще справившись с заданием, а не с просьбой о помощи.

Эльфийка чувствовала тревогу Зеленых духов, обретших пристанище в ее теле. Она должна отпустить их на свободу. Именно они помогли ей напасть на след. Целую эпоху были они пленниками тех пещер, где девантары прятали половинку сердца Нангог. Утешатся ли они, снова оказавшись в своем мире, даже не имея телесной оболочки?

Ливианна расслабилась, освободила магические путы, наложенные на создания древней богини, сделала глубокий выдох, отпустила духов — и они полетели на волю: бледно-зеленый свет червячками вырывался из ее носа и рта, спиралями вился вокруг ее тела, кружась, поднимался в небо и замирал. На фоне чистого воздуха они были почти невидимы. На несколько ударов сердца Зеленые духи повисели над ней, а затем стали спускаться, словно змеи, скользящие по стволу дерева, снова закружились вокруг Ливианны, образуя плотную спираль.

Ледяной холод окружил эльфийку, и в то же время ее захлестнула эйфорическая уверенность — чувство, которое ей не доводилось испытывать давно. Возможно, это была обыкновенная радость от возвращения к жизни, охватившая ее целиком. Все сомнения улетучились, словно утренняя дымка под лучами набирающего силу солнца.

Ливианна предстанет перед той единственной, кто сможет помочь ей. Той, которая потребует за свою помощь высочайшую цену. Той, которая в своей слепой ненависти наверняка совершенно забыла о том, кому обязана своей жизнью. Перед Махтой Нат!

Зеленые духи полетели прочь, слившись с проносившимися мимо облаками. Какое-то мгновение их свет в белой дымке напомнил далекую зарницу, а затем они исчезли.

Драконница произнесла слово силы, и открылись врата в пропасть между мирами.

Кто заглянет за зеркало

Ишта удивилась, увидев своего брата, Вепреголового, стоявшего на коленях у большого черепа. Давно он не приходил сюда. Всякий, входя в зал для собрании, вынужден был пройти мимо черепа Пурпурного, чтобы никто и никогда не смог забыть о предательстве Анату, равно как и о назначенном ей наказании. Однако никто из братьев и сестер давно уже не останавливался здесь, чтобы послушать безумную болтовню Анату.

Она неслышно прошла через обрамленный по обе стороны рядами колонн зал, ругая про себя заключенное в этих стенах заклинание. Она сама его сплела. Здесь была искажена реальность, перекошены время и пространство. Почти так же, как в том зале для собраний, в который вызвали их всех. Эти заклинания обеспечивали полную защиту от нападений. Даже если башня полностью разрушится, они будут в безопасности, поскольку зал для собраний находился на самом деле вне ее стен, хотя любому могло показаться, что это не так. Даже сама Ишта не могла сказать, где именно они находятся. Слишком чуждой была эта магия, и она никогда не осмеливалась пройти этой дорогой дальше. Возможно, он вел в то место, которое альвы называли Лунным светом.

Череп дракона стоял у противоположной стены, рядом с дверью, ведущей в зал для собраний. Ишта решительно направилась к нему, но, когда она почти дошла до черепа, она снова, как по мановению невидимой руки, снова оказалась у лестницы, ведущей наверх, в этот чертог, ставший гробницей для Анату. Ее темная магия мешала Анату залечить раны, не давала преодолеть шок, и она столетие за столетием переживала один и тот же ужасный миг ранимости и беспомощности, не в силах облечь свои мысли в понятные слова. Если бы ее достали из черепа и отнесли в другое место, возможно, она поправилась бы и поведала тайну смерти

Пурпурного. Но никто не решится освободить Анату, разве что ее брат, Вепреголовый.

Ишта знала, как сильно он любил сестру, но именно поэтому она меньше всего опасалась любопытства с его стороны. Слишком велик был его ужас, когда он узнал, что его любимица связалась со старым драконом. Почему он пришел сюда именно теперь, после того, как

столько веков избегал Анату?

Ишта решительно во второй раз направилась к черепу дракона. Не шевельнулось ли что-то в глубокой тени глазниц? Может быть, Анату смотрит на нее? Предупреждает Вепреголового?

Ишта снова перенеслась в пространстве. Каменный крестовый свод над ней скрипнул, и на миг ей показалось, что колонны на краю поля зрения отодвинулись дальше.

В третий раз направилась Ишта к драконьему черепу. В этом зале никогда нельзя было знать, сколько раз придется отправиться в путь, чтобы действительно добраться до двери на другом конце зала. Внезапно она оказалась рядом с Вепреголовым, словно совершив огромный прыжок по воздуху. Тот испуганно обернулся к ней, и девантар услышала плаксивый голос Анату:

— За зеркалом... Ищи за зеркалом! Истина там! — Сестра просунула руку между драконьими зубами, каждый из которых был длиной с меч. Она была грязной и покрытой коростой, пальцы скрючились, словно звериные когти, ногти вросли в плоть и потрескались.

— Тебе жаль ее? — с притворным сочувствием в голосе поинтересовалась Ишта.

Вепреголовому потребовалось чуть больше времени для ответа, чем следовало бы.

– Она понесла наказание, соизмеримое со степенью ее предательства.

Он не схватил Анату за руку, которую она так отчаянно тянула к нему. Вместо этого он обернулся к Иште.

— Предательство не прощают, и даже спустя тысячу лет за него необходимо наказывать.

В его словах прозвучала едва уловимая угроза, это заставило Ишту насторожиться. Даже несмотря на то что Анату, как обычно, твердила безумные речи про истину за зеркалом, девантару показалось, что Вепреголовый о чем-то догадывается. Среди братьев и сестер он считался не самым умным. Возможно ли, что он напал на след окружавшей Анату тайны? Но как? Что она упустила? Какой след он смог найти спустя столько лет?

— Твое чувство справедливости делает тебе честь, брат, — с улыбкой произнесла она. — Но давай же направимся в зал для собраний. Нас ждут. Пернатый бегает по залу и квохчет, словно напуганный петух.

Ее вепреголовый брат улыбнулся.

— Да, пойдем. Раскроем тайну.

А это еще к чему? Он имеет в виду поведение Пернатого или что-то еще? Это был не тот легкомысленный, до мелочей знакомый ей брат. Что изменило его? Или это она придает его словам смысл более глубокий, чем кроется в них?

Высокие двери, ведущие в зал для собраний, распахнулись. Это место было жемчужиной ее чар. Почти все братья и сестры помогали ей создать это место, находившееся за пределами установленного порядка вещей, но идея принадлежала именно ей. С этим чертогом она была связана крепче, чем все остальные. Возможно, какая-то часть ее даже стала частью этих стен? В любом случае она не могла войти в зал, не почувствовав недомогания, перераставшего в тошноту по мере того, чем дольше она здесь оставалась и чувствовала на себе причудливое искажение пространства. По комнате бродили колонны, сотканные из светящейся тьмы, борясь со светом, блеска которого было недостаточно, чтобы отбрасывать тень.

— Наконец-то мы все в сборе! — сердито воскликнул Пернатый. — Что вас так задержало?

— Прошлое, — спокойно ответил Вепреголовый. Ишта заметила, что брат бросил на нее быстрый взгляд. Это плохо! Он что-то знает!

Впрочем, Пернатый на его ответ внимания не обратил.

— Дети альвов явились в Нангог, — провозгласил он срывающимся от злости голосом. — Они напали на шедший из Вану караван. Мои люди докладывают о серых великанах, напавших на них, и о подлых низкорослых чудовищах, засыпавших их градом стрел. Значит, они пришли с троллями и, возможно, сейчас уже захватили один из городов в Нангоге. Нужно реагировать! Нужно остановить это вторжение, прежде чем дети альвов закрепятся в Нангоге!

— Тебе не кажется некоторым преувеличением называть Вану

городом, брат? — скептическим тоном поинтересовался Львиноголовый. — И какой прок от подобного захвата? Если бы дети альвов проникли в сердце населенных районов, я разделил бы твои опасения. Но Вану... Куда они пойдут оттуда? Вряд ли можно найти более отдаленное место в Нангоге.

— Ты бы не говорил так, если бы захватили один из *твоих* городов, — резко осадил его Пернатый. — Что ты предлагаешь? Просто ждать и смотреть, что они предпримут дальше?

— Именно. Как раз это я и собирался предложить, — Львиноголовый отошел в сторону, увернувшись от одной из колонн из тьмы, бродивших по залу, делавших его необозримым и придававших ему некоторую жутковатость.

— Империи Цапоте нужны удобрения, добываемые в Вану, — вмешалась Ишта. То, что долгожданная война с Альвенмарком началась, радовало девантара. Она отвлечет братьев и сестер и даст возможность придумать отговорку, если придется, что-то делать с Вепреголовым. — Разве в Цапоте не предсказывают исключительно неурожайный год? Если к тому же не будет хватать удобрений для полей, империю нашего брата ожидает ужасный голод. Я уверена, что небесные змеи знают об этом! Именно поэтому они и атаковали Вану. И в подлости своей они наверняка рассчитывают, что мы не станем помогать брату, поскольку Вану находится слишком далеко от крупных городов и богатых земель, — она с довольным видом огляделась по сторонам и уверенно продолжала: — На первый взгляд Вану действительно не имеет никакого значения. Но если подумать, то он может вбить клин между нами, как союзниками. Если мы не встанем плечом к плечу во время первой же атаки, как мы сможем выиграть войну, которая с этого началась?

Из одной из темных колонн вылетели язычки пламени и из Живого света образовалась фигура статного воина с орлиной головой.

— Отлично сказано, сестра! Я за то, чтобы мы со всей решительностью отреагировали на это нападение. Давайте уничтожим детей альвов в Вану! Пошлем войско, настолько сильное, что они не смогут ему противостоять. Если первый же бой закончится сокрушительным поражением, они трижды подумают, стоит ли совать свой нос к нам и дальше.

Ишту веселила склонность брата к мелодраматичным

выступлениям. Он любил их, так же, как и его подопечный, бессмертный Ансур, правитель Валенсии, чей город Зелинунт уничтожили небесные змеи.

— Давайте пошлем большое войско! — потребовал обычно рассудительный Великий Медведь. — Раздавим их!

— При всем уважении к вашей страстности, братья, — прошипела Зовущая Бури, — не стоит забывать и о здравомыслии!

Ишта не любила свою красивую сестру с волосами-змеями. Та с удовольствием стала бы правительницей одной из семи Великих империй, хоть и любила говорить о свободе и независимости. Она так никогда и не смогла смириться с тем, что Ишта заняла место Анату.

— Вы помните, где находится Вану? — продолжала Зовущая Бури. — Пошлите туда мужчин из степей Арама или с юга Валенсии, и детям альвов не придется даже поднимать оружие, чтобы победить их. Нангог сама всех перебьет. Там стоит очень сильный мороз, а по обледеневшим равнинам носятся свирепые бури. Нам нужны люди, привычные к такому климату, и они должны быть подобающим образом одеты для зимней войны.

— Нет, в первую очередь нам необходимо действовать быстро и решительно, — возразил Орлиноглавый. — Это сражение продлится не дольше нескольких часов. Мы проведем своих людей в Вану через Золотую сеть и тут же отступим.

—• Тем не менее, осторожность не повредит, — низким голосом пролаял Белый Волк. — Я выставлю для этого похода тысячу степных всадников из Ишкуцы. Они привычны к лишениям и долгим суровым зимам.

— Я пошлю две тысячи друснийцев под предводительством бессмертного Володи, —• прорычал Великий Медведь. — Очень крепкие ребята. Без холодов они чувствуют себя не в своей тарелке. Володи можно поручить командование всеми войсками. У него есть опыт ведения боевых действий в зимних условиях.

Ишта вспомнила, что на равнине Куш Володи стоял не на том конце поля битвы, но предпочла не возражать Великому Медведю. Если воинов будет достаточно, сгодится даже такой полководец, как Володи.

Другие девантары тоже предлагали войска. В конце концов

пришли к выводу, что друсниец поведет в бой более семи тысяч воинов. Кроме того, все должно было произойти очень быстро. До момента начала атаки отводилось не более двух дней.

Когда собрание закончилось, Ишта отвела в сторону своего брата Длиннорукого, кузнеца, создавшего серебряных львов и многие другие чудеса. Он был низкорослым и настолько уродливым, что девантар с трудом заставляла себя смотреть на него.

— Кажется, былая любовь Вепреголового к Анату снова проснулась.

Ее братец-урод бросил на нее сладострастный взгляд.

— Я тоже подумывал о том, чтобы зайти к ней в драконий череп.

— Он разговаривает с ней, вот что я имею в виду.

Длиннорукий расхохотался.

— Да что разумного он может услышать? Она все так же болтает о том, что нужно что-то поискать за зеркалом. Ему скоро надоест.

— Я удивлена тем, что он вообще подошел к ней. Никто так не избегал Анату, как он. И вдруг — что я вижу, он стоит перед ее черепом и слушает ее бормотание. Нужно проследить за ним.

Брат раздраженно покачал головой.

— Я не могу. Ты хоть представляешь себе, сколько у меня работы? Все эти крылатые львы! Бессмертный Аарон заказал дюжину. И лучшее оружие для войны, планы перестройки поднебесных кораблей, доспехи...

— С каких это пор ты принимаешь заказы детей человеческих? — усмехнулась Ишта.

— Меня заставляет Львиноголовый, да еще тот брат наш, что любит превращаться в пламя. Даже Белый Волк прицепился. Все они думают, что мне достаточно щелкнуть пальцами, и...

Ишта подняла руки, словно бы защищаясь.

— Довольно! Я поняла. Я поговорю с Пернатым. Но я советовала бы тебе тоже выкроить время. Если выяснится, как встретились наша сестра Анату и Пурпурный, это будет стоить головы не только мне, — теперь ей наконец удалось полностью завладеть его вниманием.

— Да как это можно выяснить, спустя столько веков? Мы часто приходили в ее храм, там уже ничего не осталось. Все следы давным-давно стерлись.

— А если мы все же что-то проглядели?

Длиннорукий рассмеялся.

— Тогда проклятый Вепреголовый явно не тот, кто это обнаружит. На это ему не хватит таланта. Впрочем... — Он потер подбородок своими мощными, покрытыми сажей от долгой работы в кузне руками. — Думаю, я могу кое-что сделать. Я позабочусь о том, чтобы мы узнали, если он сунется в храм, — он посмотрел на нее, и глаза его похотливо сверкнули. — Однако тебе придется принять у меня браслет в качестве подарка.

— Зачем?

— Сейчас объясню, — он подошел настолько близко, что она почувствовала на руках его дыхание. — Скучаю по тебе, — прошептал он.

Все эти признания в любви были Иште противны, и она невольно отпрянула на несколько дюймов. Разочарование Длиннорукого было очевидно.

— Еще сорок два дня до следующей Небесной свадьбы, — ликующим тоном произнес он. — Считаю дни.

«Я тоже», — подумала Ишта. Дав ему обещание длиной в вечность, она допустила ошибку. Но он нужен был ей, без него Пернатый не согласился бы на ее план.

— Браслет... — начал Длиннорукий, но Ишта уже не слушала его. Мысленно она перенеслась в прошлое, в тот день, когда она заключила союз, изменивший всю ее жизнь.

Чужими глазами

Золотой выругался. Что произошло? Почему он перестал видеть Айлин? И вообще всех остальных. Остался только этот калека-карлик.

Для заклинания он выбрал двух троллей, чтобы видеть происходящее в Нангоге их глазами. В отличие от кобольдов и карликов, которых могла убить одна шальная стрела, троллей укокошить было непросто. Выбрал он этих двоих еще и потому, что они не отличались особым умом: никто не заметит, если заклинание начнет разрушать их рассудок. Все равно у них мозгов толком и не было.

Однако, возможно, именно в этом и заключалась ошибка. Он все так отлично продумал и теперь совершенно запутался. Почему эти двое остались в городе детей человеческих? Где остальная часть маленькой армии? Очень важно знать, что происходит в Вану. Ему нужны разведчики, чтобы в нужный момент перехватить управление и превратить неминуемое поражение в сокрушительную победу.

Он снова закрыл глаза и сосредоточился на обоих троллях. Прошло несколько ударов сердца. Выкрикнув слово силы, он почувствовал, как стягивается вокруг магическая сеть. Дракон снова глядел глазами троллей. Он не запомнил даже их имен.

Небесный змей видел перед собой унылую обледеневшую площадь, окруженную покосившимися хижинами. В поле зрения показался второй тролль. Губы уродливого великана шевелились, но Золотой ничего не слышал, он мог лишь видеть. Еще он мог говорить устами тролля, разум которого подтачивало заклинание, словно вгрызающийся в плоть червь. Впрочем, ответа он не услышит. Поэтому не стоит и утруждаться.

Тролль опустил взгляд, и дракон увидел карлика. Что такой тип забыл в отряде Айлин? У него не было одной руки, одной ноги к одного глаза. Никакого проку. Что ом делает там, где должны быть только самые лучшие воины?

Золотой тяжело вздохнул и оборвал магическую связь, тянувшуюся в другой мир. Для сплетения подобных чар нужно было очень много сил, и у дракона немного кружилась голова.

Что он может предпринять? Признаться братьям в поражении? Сказать им, что утратил контроль еще до того, как сражение по-настоящему началось? И как это будет выглядеть? Он прекрасно представлял себе злорадство Темного. Если станет известно о случившемся, Перворожденный вернет себе главенство в совете.

Терзаясь от раздражения, дракон протяжно, с шипением вздохнул. Что ж, по крайней мере, он один. Никто не видит его в этот час отчаяния. Он пошлет разведчика, по старой доброй традиции. Того, кому можно слепо доверять, кого убить тяжелее, чем тролля. Наверняка девантары еще не отправили свои войска и его разведчик сможет выйти из звезды альвов неподалеку от Вану и вернуться незамеченным. Долго он оставаться там не будет. Его задача — выяснить, куда подевались Айлин и остальные воины.

Золотой расправил крылья. Лететь нужно было всего полчаса, не больше — чтобы найти своего посланника.

Вторая смерть

Айлин обошла огневые позиции орудий справа и слева от моста, чтобы еще раз удостовериться, что тревожиться не о чем. Все десять копьеметов были нацелены на мост не более трех шагов в ширину. Попытка детей человеческих пересечь его сродни настоящему самоубийству. Вот только разве нельзя ожидать от них абсолютно любой глупости?

Скорее бы закончилась эта проклятая ночь! Она знала, что в это время года дни на крайнем севере очень коротки, но одно дело знать это, и совсем другое — переживать. Обе луны стояли низко над горизонтом, окутывая заснеженный пейзаж ясным серебристым светом и придавая колышущемуся над рекой туману жутковатую ауру.

У копьеметов стояли карлики Айлин. Они почти не разговаривали, просто вглядывались в туман, словно могли пронзить взглядами колышущуюся дымку. Им тоже хотелось, чтобы скорее началось сражение, но приходилось мучиться ожиданием, прежде чем все произойдет. Тем не менее, Айлин чувствовала, что там снаружи что-то есть, и именно это н нервировало эльфийку. Людям нужно время, чтобы донести весть своим правителям, собрать войска и еще раз время, чтобы в конце концов оказаться здесь. Невозможно, чтобы противник стоял на другом берегу реки уже сейчас

Эльфийка подошла к мосту. Наверное, этот туман не уходят никогда. Видно было не дальше чем на двадцать шагов. Это плохо для копьеметов. Времени на перезарядку почти не остается. Гламир предлагал стрелять не залпами, а один за другим, по команде. Так первый копьемет уже будет перезаряжен к тому моменту, когда последний только совершит выстрел. Хорошее предложение, поскольку для морального духа атакующих будет гораздо хуже, если по ним постоянно будут стрелять смертоносными копьями, чем если в них попадет один-единственный несущий смерть залп. Оставалось лишь надеяться, что они не пошлют этих людей-кошек. Этих не остановит ничто.

Айлин ступила на мост и прошла немного вперед. Старые доски едва слышно поскрипывали под ее ногами. Что-то плескалось в воде. Она бросила взгляд на серую реку, но ничего не увидела. Карлики

утверждали, что видели несколько странных рыб. Эльфийка не могла понять, почему небесные змеи просто не послали вперед разведчиков. Важно изучить землю, на которой предстоит сражаться. Есть ли в реке хищные рыбы или другие существа, которых следовало бы опасаться?

Эльфийка развернулась и пошла обратно к берегу. Лучше не думать об этом! Че и его воины лежали в ложбинке на берегу, завернувшись в одеяла, и спали. Тролли сидели неподалеку и дремали. Вахту несли только карлики. Они наверняка справятся со своей задачей хорошо. Этот Галар умница и, кажется, надежный парень. Ему можно доверить охрану, а самой немного прилечь. Совсем скоро у нее совершенно не будет времени для сна.

Скрип за спиной заставил Айлин обернуться. В тумане что-то было. По мосту двигалась фигура ростом с тролля, слегка приволакивая ноги. Неужели тот воин, что пал в сражении у звезды альвов, еще жив? В принципе, это невозможно... С другой стороны, троллей убить не так-то просто. Айлин решила пойти ему навстречу.

— Дарп?

Тролль не отреагировал. Судя по тому, как его отделали, он скорее мертв, чем жив. Возможно, он пришел к ним просто из последних сил.

Фигура вышла из тумана, и Айлин отчетливо увидела кошмарные раны тролля: грудь залита замерзшей кровью, горло разорвано. То, что он при этом держится на ногах, просто чудо.

— Я позову твоих братьев, Дарп, они помогут тебе.

Тролль слегка повернул голову, которая сразу же рывком упала

на грудь. На эльфийку смотрели глаза цвета потрескавшегося грязного льда. Когда он наклонился и потянулся к ней своей массивной лапой, Айлин увернулась. Тролль пошатнулся. На удар сердца она испугалась, что он рухнет. Неужели на этом жутком морозе у него остекленели глаза? Теперь в тумане эльфийка разглядела и другие силуэты. Три... нет, четыре. И все они пошатывались так же, как тролль.

— Дарп! — приказным тоном крикнула она. — Что с тобой? Отвечай!

— Твое тело гораздо красивее моего, — послышался низкий

голос откуда-то из тумана.

Эльфийка испуганно отступила на шаг.

Дарп поднял голову и пошел за ней, вытянув руки, словно пытаясь схватить ее.

— Я хочу тебя, — прозвучал голос из тумана.

Должно быть, это те самые духи, о которых говорили цапотцы.

– Кто идет? — крикнул с берега Байлин. — Кто с тобой на мосту, командующая?

С безжалостной четкостью луна вдруг осветила рану на горле Дарпа. Она была слишком глубокой, тролль просто обязан был истечь кровью. С такой раной не выжить никому, даже троллю.

Айлин пригнулась, увернулась от цепкой лапы, отскочила в сторону, схватила левой рукой кожаный ремешок, державший набедренную повязку тролля, подтянулась и изо всех сил нанесла удар правым локтем в нервный узел прямо под третьим позвонком. Ощущение было такое, словно она ударила лед. Дарп даже не шевельнулся. Любой другой тролль беспомощно рухнул бы на колени, беспомощно дрыгая руками и ногами. Любой, но не мертвый тролль, чье тело почти превратилось в лед!

Дарп схватился левой рукой за правое плечо, чтобы поймать эльфийку, но Айлин уже соскользнула по его спине вниз. Легко пружиня, она приземлилась на ноги и уставилась на вышедшего из тумана человека-ягуара с проломленной грудной клеткой. За ним следовал носильщик, которому тролль оторвал правую руку.

Айлин взвесила свои шансы на победу: с восставшими мертвецами она не справится одними только пинками да ударами локтями. Она перебежала мост и крикнула карликам:

— Подготовить копьеметы!

Кожаные тенты, защищавшие смазанную механику механизмов от мороза, тут же полетели в сторону.

Спрыгнув на берег, Айлин крикнула:

— Стреляйте в тролля!

Галар вопросительно поднял брови.

— В нашего союзника?

— Стреляйте! — решительно приказала та.

Копьеметы нацелились в Дарпа, которого теперь видели все.

— Орудие один! — крикнул Галар. — Пли!

Металлически запела тетива, лук разрядился, метнув копье в сторону моста. Для стабилизации в полете все снаряды для копьеметов имели оперение, покрывавшее последние десять дюймов древка, как и стрелы лука. Айлин увидела, как вращается вокруг своей оси копье в полете. Казалось, время замедлилось, она подмечала все до последней мельчайшей детали: кристаллики льда, отрывавшиеся от оперения и блестевшие в лунном свете, полированный, вращающийся вокруг своей оси наконечник копья.

Копье попало Дарпу в живот. Сила удара заставила тролля пошатнуться. Его массивные руки взметнулись, и на миг показалось, что он вот-вот рухнет на шедшего за ним цапотца, но тут же выровнялся.

По рядам карликов у орудий пробежал шепоток.

— Что это? — удивился Галар.

— Наша погибель, если мы не остановим его!

— Второе орудие! Пли! — заорал карлик. — Третье орудие! Целься выше! Целься в голову!

— Что вы делаете! — взревел подошедший к эльфийке Гроц. За его спиной раздался рев рассерженных троллей, которые проснулись и теперь видели, как в их брата летят копья.

Второе копье угодило Дарпу прямо под правое плечо. Его развернуло, он сделал полупируэт и рухнул навзничь. Шедший за ним цапотец продолжал идти как ни в чем не бывало.

— Это уже не ваш брат! — крикнула троллям Айлин. — Злые духи льда захватили тела погибших и теперь хотят уничтожить живых.

Незаметно подобравшийся к ним Че поглядел на нее с удивлением.

— Так я и думал. Если на миссию отправляют драконников, они не просто заведут тебя в дерьмо, нет, это обязательно должна быть

огромная куча дерьма.

— Меч! — резко приказала Айлин.

Тролль-мертвец снова поднялся на ноги. Оба копья пробили навылет его массивное тело, их наконечники торчали из спины на целый фут, но это его не останавливало. Пошатываясь, он продолжал брести прямо на копьеметы.

Че обнажил меч, который носил за спиной, протянул ей рукоятью вперед. Меч работы карликов, хорошо уравновешенный. Голая сталь и яростная атака, возможно, помогут снова успокоить мертвеца.

. — Третье орудие! Пли! — орал Галар. В воздух взметнулось копье. На этот раз оно пролетело мимо цели.

— Не стрелять! — приказала Айлин и побежала. — Только если я упаду.

Дарп почти пересек мост.

— Этот мой! — Под тяжелыми шагами Гроца, последовавшего за Айлин, задрожала земля. — Мой бой! — И с этими словами он взмахнул булавой, пытаясь обогнать Айлин.

Эльфийка с радостью пропустила его вперед, остановилась и открыла Незримое око. Тело тролля окружала колышущаяся аура темно-лилового цвета, родившаяся из ярко-красного гнева и иссиня-черной столетней тоски. Сильнее всего аура полыхала вокруг головы тролля. Айлин оглядела мост. Остальные фигуры тоже окружал темно-лиловый ореол. В том мире, который эльфийка видела Незримым оком, не было тумана. Она отчетливо увидела новые и новые фигуры, приближающиеся к мосту. Восстали дюжины мертвецов. Казалось, они ждали, пока сразится их передовой отряд.

Яростный крик заставил Айлин оборвать заклинание. Гроц колотил булавой по Дарпу. Его бывший товарищ поднял руку, защищаясь.

Эльфийка услышала хруст ломающихся костей, когда тяжелое оружие ударилось о руку. Она подбежала к Дарпу и вонзила меч под левое колено, однако, несмотря на то что Айлин почувствовала, как клинок входит в плоть и упирается во внутреннюю сторону коленной чашечки, тролль не издал ни единого звука, и пошатнулся только тогда, когда в него угодил еще один удар булавы Гроца.

Мертвый цапотец попытался ударить Айлин оставшейся когтистой лапой по лицу. Эльфийка выпустила меч, уклонилась и ударила человека-ягуара в сгиб локтя, так что рука с оружием согнулась и когти стали указывать на его лицо. Резкий короткий удар в локоть воина — и он вонзил свои когти в свое же лицо. Послышался булькающий звук Один из когтей через глаз вошел внутрь головы.

Над мостом пронесся вихрь, подхватив подол платья Айлин. Цапотец рухнул на землю, как подкошенный. Эльфийка прошептала слово силы и снова открыла Незримое око. Аура человека-ягуара исчезла, лишь несколько слабых силовых линий соединяли его с сетью всех вещей. Теперь он был действительно мертв. Что бы ни вселилось в него, оно ушло.

Но было еще много других!

Гроц запыхтел. Айлин заморгала, не осмеливаясь снова переводить взгляд на мир. На миг она почувствовала, что ослепла — как же глупо применять подобное заклинание в самой гуще сражения!

Дарп рухнул на колени и обхватил руками ноги Гроца.

– Размозжи ему череп! — крикнула Айлин. Она знала, что по какой-то причине тролли боятся разрушать черепа, особенно себе подобных. Они опасались, что дух такого воина неустанно будет преследовать их. Казалось, будто Дарп пытается укусить своего командира за ногу, в то время как Гроц то и дело колошматил булавой по плечам воина в надежде, что тот его наконец отпустит.

За спиной у Гроца возникла маленькая фигурка. Его ауру нельзя было спутать ни с кем. Золото и пурпур, теперь с отчетливой примесью холодной синевы, цвета страха. Это был Че, предводитель кобольдов.

— Бери арбалет и стреляй в тех, кто идет оттуда, цельсь в голову. Их можно остановить только так. Я помогу тебе, как только вытащу меч.

Айлин увидела, что синева усилилась еще больше, но Че удалось преодолеть страх. Он направился к жутким фигурам, поднял оружие к плечу, его руки еще дрожали, когда он выстрелил в первый раз.

Айлин опустилась на колени рядом с Дарпом, схватилась за

рукоять меча. Ей пришлось надавить на нее как на рычаг, несколько раз опустить и снова поднять, чтобы высвободить клинок, но Дарп, кажется, совершенно ничего не замечал. Он был целиком и полностью поглощен борьбой с Гроцем и, судя по всему, боли не испытывал.

Наконец меч работы карликов освободился. Айлин приставила оружие к шее тролля. В том месте, где позвоночник переходил в череп. Одним ударом кулака по круглой рукояти оружия она вогнала клинок в мозг, и тролль тут же рухнул навзничь, а эльфийка снова почувствовала порыв ледяного ветра, совсем как тогда, когда она победила цапотца.

— Они отступают! — воскликнул Че, и в голосе его слышалось облегчение. — Я обратил их в бегство!

Айлин перестала поддерживать заклинание, позволявшее ей смотреть на магический мир. В течение одного удара сердца она чувствовала себя растерянно. Даже серебристый свет уходящего полнолуния казался ей неприятно ярким. Затем эльфийка снова обрела способность видеть четко. Перед ней стоял Гроц, великан, ростом более трех шагов, один из самых могучих воинов своего народа, и на лице его застыла маска ужаса. Ручейки крови стекали ему на грудь, на бедре красовались круглые раны от укусов.

— Хорош орать! — рявкнул тролль. — Это не победа!

Было видно, что Че ужасно обиделся, но возражать Гроцу не осмелился,

— Столкните убитых в реку, — устало приказала Айлин. — Пусть вода унесет их в море, на поживу морским чудовищам, — она пристально поглядела на тролля. — И на этот раз вы не станете воздавать дань героям, съедая их части. Эти тела были одержимы. Я не знаю, не легче ли врагу находить вас, если вы съедаете их плоть, — перевела взгляд на Че. — Или если вы красите шапки в крови мертвых.

— Да что здесь вообще происходит? — несмотря на победу, Че вел себя не столь высокомерно, как обычно.

Айлин вонзила меч работы карликов в доску моста прямо перед ним.

— Твое оружие.

Они вернутся? — Теперь вопрос задал 1роц.

— Если они глупы — да, — спокойно ответила Айлин. Теперь мы знаем, как их убить, и победим их снова.

С этими словами она вернулась в лагерь на берегу. На миг драконница задумалась, Не отказаться ли от сражения за Вану, пока еще есть время отступить. Сражаться в таком месте, где мертвые восстают и продолжают драться — сущее безумие. Но она знала, что скажет Золотой и другие небесные змеи. Они здесь не для того, чтобы победить. Они лишь наживка. Давно уже решено, что их должны заглотить.

Город мертвым детей

— Подъем, девочки! — Крики Киры сопровождались ударами по большой пустой суповой кастрюле. — Подъем!

Шайя выбралась из одеял, первым делом ощупала подушку, в которую зашила травы. Женщины здесь были вороватыми, как сороки! Облегченно вздохнула, увидев, что все на месте. Хорошо, поскольку она поклялась себе вести себя сдержанно. Если во время драки она воспользуется своими умениями, об этом узнает Аарон. Нужно вести себя тише воды, ниже травы. Постепенно она начинала понимать, что было ошибкой присоединиться к войскам Арама, но ей хотелось хотя бы сражаться за то же дело, что и ее возлюбленный.

— Ну, проснулись наконец? — кричала Кира. — Поднимайте свои задницы с одеял! Только посмотрите, кто к нам пришел. Рядом со мной стоит настоящий красавец, и он очень хочет утащить парочку из вас.

Ее слова сработали. Назывались они швеями, кухарками или прачками, выполняли всю ту мелкую работу, без которой войско на самом деле продвигаться вперед не может. Но за это им платили настолько плохо, что на жизнь не хватало. Почти все в ночные часы старались заработать пару медяков, продавая свое тело. Этот источник дохода был вечным, даже если воины шли босиком и в лохмотьях.

Шайя идти этим путем не собиралась. На все монеты она купила лекарственных трав. Она хотела воспользоваться знаниями, подаренными ей Шеном И Мяо Шоу, когда он понял, что за ту услугу, что он оказал ее отцу, придется заплатить жизнью. Бессмертный Мадьяс хотел быть уверенным в том, что все останется в тайне. Старый лекарь с Шелковой реки вернул ей девственность, чтобы отец мог продать ее бессмертному Муватте на Небесную свадьбу. Эта сделка принесла мир между двумя империями, а еще тысячу лошадей правителю Мадьясу.

Женщина устало улыбнулась. Когда-то она стоила тысячу лошадей, а сегодня радовалась, если вечером удавалось получить горсть риса и не ложиться спать голодной.

— Дорогие дамы...

Услышав такое обращение от капитана, все захихикали. Здешние женщины не привыкли, чтобы их называли дамами. Впрочем, таким образом ему удалось добиться внимания даже самой сонной из обозных шлюх.

— Дорогие дамы, — повторил он и поднял руки, призывая к порядку. Он был еще молод, над верхней губой еще даже толком не появились усы. На нем был холщовый нагрудник с вышитым на нем львом. На плечах красовался плащ из тяжелой алой шерсти, поддерживаемый золотой брошью в форме птицы.

«Не слишком мужественно, — подумала Шайя. — Наверное, подарок возлюбленной. Судя по виду, он наверняка из какой-нибудь богатой семьи».

— Хватит хихикать, глупые гусыни! — закричала Кира. Она представляла собой полную противоположность молодого капитана: тощая, насколько это вообще возможно, если ты долго голодаешь или если у тебя глисты. Лицо у нее было узкое, глаза суровые, волосы темно-каштановые, длинные, сбитые в пряди. — Дайте человеку сказать!

— Меня послал бессмертный Аарон, — несколько неуверенно произнес молодой человек. — Я должен выбрать пятьдесят дам, которые будут сопровождать часть нашего войска на крайний север. Это должны быть только те женщины, которые привыкли к невзгодам и суровым зимам...

— Мы привыкли к совсем иным невзгодам, нежели колючие ветра, — выкрикнула Нинве. — Ты бы видел, кто ко мне вчера приходил! Милосердные боги, как же от него воняло! Я уж думала, дышать не смогу. К счастью, он хотел сзади, — снова послышались смешки. Немытые любовники приходили ко всем. Нинве была самой толстой среди женщин и пользовалась большой популярностью среди мужчин. Возможно, потому, что красила свои волнистые волосы в рыжий цвет, и будто бы не только на голове, но и в других местах своего тела. Или же просто потому, что им было приятно трогать ее. Если бы у Киры не было медного котла, от имени всех женщин наверняка говорила бы Нинве, потому что ее любили все.

— Поход продлится всего несколько дней, — продолжил юнец. — Но каждый из этих дней будет по-настоящему тяжелым. На север пойдут лишь те, кто чувствует себя достаточно сильным, привык к

холодным зимам и у кого есть теплая одежда. Кроме того, кто не боится еще раз пройти сквозь великую тьму между мирами. Именно этим путем мы отправимся на север.

— И что вы забыли там, на севере? — скептичным тоном поинтересовалась Нинве. — Мы тут сидим с огромной кучей скучающих ублюдков, это очень прибыльно! Кстати, что делаешь сегодня вечером ты? Подари мне эту красивую птичку, что сидит на твоем плаще, и я научу тебя кое-чему такому, о чем ты не смел даже мечтать.

Молодой капитан покраснел и откашлялся.

— Я тоже пойду на север. Мы выступаем сегодня же вечером. Я не знаю, с кем доведется сражаться, для этого я занимаю недостаточно высокий пост, но говорят, что бессмертные собирают огромную армию, и битва будет великая.

Женщины взволнованно зашептались. Битва обещала быстрые деньги. Они смогут обокрасть мертвых и раненых на поле боя; как только закончатся сражения, а выжившие обычно ведут себя крайне щедро и делятся полученной добычей. Позволить воину на одну ночь забыть о пережитых ужасах — и шлюха могла легко заработать столько же, сколько за месяц в мирное время. Говорили, что именно таким образом Кира и заполучила свой медный котел, заработав его после сражения на высокогорной равнине Куш.

— Я люблю чистеньких юношей, — крикнула Нинве, хватая себя за огромную грудь. — Я пойду туда, куда и ты!

— Твой веселый характер наверняка согреет нас на крайнем севере, — провозгласил капитан, продолжая краснеть и смущаться. — Те из вас, кто хочет пойти с нами, должны к полудню прибыть на рынок крупного рогатого скота. Оттуда отправляются войска Воины будут родом большей частью из восточных провинций Исседона и широких степей Гарагума. Кого это пугает, лучше не появляйтесь.

Тут же стало тихо. Мужчин Гарагума считали варварами, которые любили бить женщин. С исседонцами дело обстояло еще хуже. Ходили слухи, будто если умирал один из воинов или охотников, они срезали мясо с костей умершего, тушили его вместе с бараниной и подавали на поминках. Кроме того, поговаривали, что сыновья так любят своих отцов, что обрамляют их черепа в золото и открывают их гробницы в годовщину их смерти, чтобы попировать

вместе с ними.

Кира ударила по медному котлу половником, который все еще сжимала в руке.

— Как по мне — какая разница, исседонец или нет. Я даже котел с собой возьму, чтобы было в чем тушить мясо.

— Значит, вы все поняли, — молодому капитану, судя по всему, ее замечание было неприятно. — Если все это вас не пугает, приходите к полудню на рынок крупного рогатого скота. Внакладе вы не останетесь, — и он несколько неуверенно поднял руку, прощаясь, но при этом ни на кого конкретно не глядел. А затем ушел со двора караван-сарая, где расположились лагерем женщины.

Нинве свистнула ему вслед, но он не обернулся.

— Милый парень, но спать с исседонцами... — Она сплюнуты.

Шайя поднялась со своего ложа и стала складывать на одеяло свои завернутые в тряпки пакетики с травами.

— Ты что, действительно собираешься идти с ним? — недоверчиво поинтересовалась Нинве.

— Малышка совершенно права! — вмешалась Кира. — Я тоже пойду. После битвы можно разбогатеть.

— Тебе следует думать не только о воинах, — Нинве намотала на палец длинный локон и хитро улыбнулась. — Нангог — это лучшее место, которое только может пожелать шлюха. Мы не можем забеременеть случайно, на добрую сотню мужчин приходится лишь одна женщина. Два, три года — и всякая возвращается домой богатой леди. Так что не глупите и бегите за воинами! Если влюбитесь в кого, он подохнет в следующую же луну. Его унесет сыпной тиф, он умрет от истощения, или его забьют до смерти как дезертира, потому что он слишком часто бегал по бабам, его закопают во время игры в кости или зарежут на поле боя враги бессмертного Аарона. Поверьте мне, детки, я знаю, о чем говорю. А я подцеплю себе здесь богатенького купца или табунщика из степей Ножевой травы, или золотоискателя, которому улыбнулась удача.

— Мечтай побольше, — Кира плюнула на грязную тряпку и начала протирать котел. — Думаешь, кто-то с деньгами возьмет себе такую, как ты? Нет, он привезет любовницу с собой.

— Вот только не всякая любовница захочет приехать сюда, — с довольным видом провозгласила Нинве. — Нага — город мертвых детей. Кто же не знает его историю и историю несчастного сатрапа Сирана. Сюда ни одна нормальная женщина прийти не захочет. А мужчины готовы отдать последнюю рубашку ради приятной ночи. Нужно только знать, с чего начать, девочки, и каждая разбогатеет. Я слыхала историю про одну шлюху из Золотого города, которую звали Шелковой. У нее был собственный дворец, а наместники бессмертных состязались друг с другом, умоляя ее снизойти до них.

— Сиран был скрягой, а после событий с... — Кира запнулась. Она, которая всегда была хладнокровна, вдруг заволновалась. — Ну, после того, как все и случилось, он будто бы больше никогда не прикасался к женщине. Уж лучше я пойду на поле сражения. Это дело верное.

Шайя вспомнила свою няньку, которая много лет назад рассказывала ей историю города мертвых детей. Нага строился из темных базальтовых блоков, которые находили в степи. Город был черным и неприятным — и слишком большим для тех немногих жителей, которые согласились поселиться в нем. В нем был порт с причалами для более сотни речных судов, две дюжины караван-сараев, которые расположились во внешних кварталах и теперь постепенно разрушались. Сиран полагал, что Нага станет важным торговым центром. Местом, где будут встречаться караваны, идущие с востока и с севера. Где по Желтой реке будут перевозить товары из просторных степей, чтобы доставить их в богатые портовые города на берегах Среброспинного моря. Но мрачные базальтовые стены давили на живших здесь людей. Никто никогда не смеялся на широких бульварах Наги, и вскоре города стали избегать.

Тогда Сиран решил, что город должен наводнить детский смех, и приказал спрятать мрачные стены под белой штукатуркой. А из своей родной сатрапии вызвал в Нагу беременных женщин. Также в этот мрачный город привезли и детей-сирот.

Но оказалось, что в городе на Желтой реке проклятье Нангог действует еще сильнее, чем где бы то ни было. Со стен то и дело опадала штукатурка, и ни одна из беременных женщин не произвела на свет, живого ребенка. Через год в городе не осталось ни одного ребенка, и вместо смеха на широких бульварах звучал плач и жалобы.

Шайя отлично помнила, какими словами закончила историю ее

нянька. «Сатрап все продолжал искать детей для своего города, по стране рыскали его ищейки. Они забирали всех непослушных детей, которые забрались слишком далеко в степь или тайком покинули юрту».

После этой истории поведение Шайи кардинально не изменилось, но тень сатрапа Сирана навсегда отпечаталась на ее счастливом детстве. Всякий раз, решая удрать из юрты, она вспоминала о нем. И теперь, спустя столько лет, судьба забросила ее в его город. Она была в обозе пяти тысяч воинов, которых перевели сюда, поскольку степные стада крупного рогатого скота давали достаточно мяса, а они могли поселиться в пустующих караван-сараях и складах. Теперь у Шайи был выбор — пойти с войском или остаться в Араме. Однако в этом проклятом городе она не желала оставаться ни единого лишнего дня.

До сих пор Аарон всегда сам вел в битву своих воинов. Наверняка он пойдет и на север. А она хотела быть рядом и хотя бы иногда видеть его хоть издали. Это был еще один повод уйти из Наги.

Шайя свернула одеяло с пакетиками целебных трав, крепко перевязала его веревкой с обеих концов, затем перебросила длинный валик через плечо и подхватила корзину, в которой находились остальные ее пожитки. Она не станет ждать до полудня и пойдет к месту сбора прямо сейчас

— Да ты шутишь, малышка! — крикнула ей вслед Нинве. — Это будет не такая битва, как у нас на родине. Там есть чудовища, способные оторвать плоть от костей, и злые колдуны, превращающие людей в страшных чудовищ; полузверей, полулюдей.

— Не слушай жирную корову, — Кира тоже поднялась и забросила за спину тяжелый медный котел. — Подожди, Шайя, я пойду с тобой. Если войско на марше, значит, будет битва, а я еще никогда не слышала, чтобы полководец собирал армию чудовищ. Даже здесь, в Нангоге.

Они вместе прошли под разрушенной аркой ворот караван-сарая. Только теперь Шайя обратила внимание на белую штукатурку, лежавшую у подножия стен. Она рассыпалась — в точности, как и ее мечты. Так же, как и у Наги, города проклятого сатрапа Сирана, у нее остались одни только страхи.

Враг

Коля сидел на одеяле и ощупывал спину. В жилетке еще оставалась дыра в том месте, где в его спину вонзился шип. Просунув палец в порванную одежду, он ощупал рану на спине, уже покрывшуюся корочкой. Воин чуть-чуть надавил на нее, и по спине разлилась глухая боль. Мужчина стал нажимать все сильнее и сильнее. Должен же он в конце концов почувствовать этот проклятый кристалл! Эта штука была длиной с его палец. Или он растворился и теперь постепенно отравляет его? На лице и в руках он уже не первый час чувствовал неприятное покалывание, словно тысяча тараканов решила устроить на нем танцы. Спать было просто невозможно. Кроме того, в культе пульсировала глухая боль. И для полной коллекции не хватало только этого кристалла, засевшего у него в спине. Он словно испарился.

Коля вытянулся, устраиваясь поудобнее, но уснуть не сумел. События минувшего вечера не шли из головы. Все мужчины были потрясены. Они еще не успели толком осознать смерть проповедника. Погиб именно он, избранник богини. Как только до них дойдет этот факт, начнутся неприятности. Но Коля был исполнен решимости выполнить план жреца до конца: собрать лед мечты, а потом отправиться на юг. Он не из тех людей, кто просто так сдастся и станет ждать смерти. Может быть, придется сбросить в кратер пару членов экипажа, чтобы остальные поняли, что с ним лучше не связываться.

Воин принялся размышлять, кто из ребят лучше всего подходит для устрашающего примера. Чья смерть оставит наибольшее впечатление? Может быть, убить Набора? Нет, лоцман знает путь на юг лучше всякого другого. Если хватит сил, то именно он сможет привести их в Вану. И, несмотря на преклонный возраст, он тот еще живчик. Он прорвется там, где сдадутся молодые.

Звук не вписывавшийся в ночные шорохи их тесного пристанища оторвал Колю от раздумий. Он напряженно прислушивался. Один конец тента, который они придавили десантными корзинами, образующими их убежище, вырвался и трепетал на ветру. Некоторые мужчины храпели, другие тяжело дышали, а Набор неравномерно посвистывал во сне. Но было и еще

что-то. Звук, доносившийся словно исподтишка, не вписывавшийся в эту ночную симфонию. Звук, который возникает в тех случаях, когда изо всех сил стараешься не издать ни звука. Негромкий скрежет.

Коля чуть-чуть приоткрыл глаза, изо всех сил стараясь не шевелиться. Пламя в жаровне у входа отбрасывало неровные тени на сплетенные из веток Десантные корзины. Мужчины справа и слева от него лежали спокойно. Коля скосил глаза, насколько это было возможно.

Наборова обезьянка выбралась из гнезда, которое она устроила себе на руках лоцмана и взобралась на один из нескольких стоявших в укрытии бочонков с сельдью из корабельных припасов, которые удалось спасти. Зверек подозрительно покосился в сторону Коли, словно почувствовав, что за ним наблюдают. В лапе у него был кинжал Барнабы. То самое оружие, которое жрец воткнул в голову одному из бродячих трупов. После сражения Коля спрятал его. Клинок был сделан мастерски: друснийцу было очень интересно, откуда у жреца взялось такое оружие. Что ж, теперь ответа на этот вопрос ему не получить никогда. Но что обезьянка собралась делать с кинжалом? Играть? В начале путешествия она иногда весело кувыркалась в такелаже поднебесного корабля, радостно покрикивая. Но с той ночи в каюте лоцмана маленькая обезьянка изменилась. Коля по-прежнему был уверен, что видел, как она умерла, когда ее коснулась тень когтистой лапы.

Неужели и она... Нет, она не может быть ожившим трупом, как Санган или те, что умерли этой ночью. У нее не было таких глаз, похожих на изборожденный трещинами лед. Коля чуть-чуть повернул голову, чтобы лучше видеть обезьяну. Что же задумала эта маленькая тварь?

Под яростным порывом ветра задрожали стены из плетеных корзин. Яркий свет молнии озарил мелкие трещинки в стенах корзинок в тех местах, где ветру удалось оторвать брезент. Коле не доводилось прежде видеть столько бурь за такой короткий промежуток времени. Неужели же эта тварь, тень которой упала на обезьянку в каюте лоцмана, кружит где-то неподалеку, вокруг их убежища?

Для маленькой обезьянки кинжал Барнабы был почти как копье для взрослого мужчины. Положив рукоять себе на плечо, она ухватилась одной лапкой за край бочонка с сельдью, а затем

соскользнула на пол. Коля удивился, снова вспомнив ту обезьянку, которая храбро кувыркалась в такелаже. Разве это одно и то же животное? Оно двигалось неуклюже и словно обдумывало каждый свой шаг.

За бочонком обезьянку было не видно. Зато послышался треск, словно кто-то принялся выламывать прутья, из которых были сплетены десантные корзины. Осторожно, стараясь не издать ни звука, Коля сел, но толку от этого было мало, обезьянка по-прежнему была вне поля зрения.

Чего он так переживает из-за животного? Что может сделать маленькая обезьянка, даже с ножом... Друсниец задумчиво почесал зудящий лоб. Да что же с ним такое? Здоровая рука тоже чесалась так, что больше всего хотелось сорвать с себя кожу.

Встав на колени, друсниец поднялся. Их импровизированное укрытие получилось настолько низким, что двигаться он мог только пригибаясь. Шуршание впереди стихло. Должно быть, проклятая обезьянка что-то заметила.

Коля переступил через лежавшего рядом мужчину, задев руку следующего, который недовольно заворчал во сне и перевернулся на другой бок. Как же тесно. Снова послышался треск, всего один удар сердца, а затем раскат грома заглушил все остальные звуки. Коля переступил через Набора и теперь оказался прямо рядом с бочонком с сельдью. Наконец-то он увидел обезьянку. Схватив нож обеими руками, она вырезала дырку в ивовых прутьях. Клинок настолько легко резал переплетенные прутья, словно они были не тверже ткани.

— Ах ты, маленькая тварь! — прошипел Коля и взмахнул рукой с протезом, заставляя выскользнуть из кожи потайной клинок.

Не обращая на него внимания, обезьянка продолжала трудиться с удвоенным рвением. Кинжал прошел до самого грунта, и в стене десантной корзины образовалось отверстие размером с крышку бочонка. Коля ринулся вперед, не обращая внимания на спящих. Теперь маленькая обезьянка повернула голову, дерзко усмехнулась ему и отодвинула отрезанный кусок стены в сторону.

Коля ринулся вперед, вытянув руку с клинком и попал обезьяне в грудь. Сталь со скрипом проткнула маленькое тельце. Лежа, Коля отчетливо увидел кусок парусины за брешью, поднимавшейся и опускавшейся на ветру. Там были колья, которыми Набор закреплял

тент. Когда молния превратила десантную корзину в ярко подсвеченное окно, он увидел четкие очертания когтистой лапы, пытавшейся пробраться в их убежище.

Коля вскрикнул, и тут был оглушен яростным воплем Набора.

– Что ты натворил! Ты, чудовище! Габотт! Малыш мой, что ты с ним сделал...

Друсниец поднялся. Дыру в стене снова заливала тьма. А обезьянка держала лапками клинок, пытаясь сняться с острого лезвия. По острой стали Колиного протеза не стекло ни капельки крови. Обезьянка не сводила с Коли взгляда черных глаз.

– Мы еще не закончили, малыш, — он толкнул Набора локтем, и старик полетел прямо на бочонок с сельдью.

Теперь проснулись и остальные. Все они глядели на меч и на обезьянку, которая должна была умереть, но не собиралась сдаваться. Резала лапки об острую сталь, но продолжала сражаться. Бесконечно медленно зверек двигался к острию пронзившего его клинка.

Коля, пригнувшись, ломился к выходу, не обращая внимания на мужчин, лежавших под ногами. Было слишком тесно, чтобы избежать столкновения с разъяренным друснийцем. Он наступал на ноги, угодил в грудь одному из мужчин, тот захрипел от боли, но взгляд Коли был прикован ко входу. Нужно дойти туда прежде, чем обезьянка освободится.

— Убийца! — кричал за его спиной Набор. — Это он чудовище! Он — наше проклятие!

Обезьянка почти освободилась, когда Коля опустил меч с нанизанным на него зверьком в стоявшую у входа жаровню. Друсниец наслаждался выражением удивления и ужаса на мордочке существа. Всего один удар сердца — и его шерстка загорелась.

Тварь не закричала. Взгляд ее был устремлен прямо на Колю, когда маленькое тельце стало корежиться в жаре пламени. Порыв ледяного ветра пронесся по убежищу последних выживших членов экспедиции.

— Этой ночью вы победили, — прозвучал в ночи жуткий голос. — Радуйтесь, ибо это будет ваша последняя победа.

Следы на снегу

Первое, что увидел Володи, выйдя из звезды альвов, это замерзшую кровь. Здесь кто-то сражался. Здесь демоны напали на караван цапотцев. Но нигде не было видно ни мертвых тел, ни могил. Удивившись, мужчина прошел дальше, стараясь не наступать на кровавые полосы в снегу. Он выяснит, что здесь произошло. Зябко потер руки. Он привык к суровым зимам, но здесь действительно было дьявольски холодно.

Володи был одет в одну только шерстяную тунику и нагрудник, подаренный ему Великим Медведем. Доспехи бессмертных со шлем-масками, поножами и длинными рукавами казались ему дурацкими. Если бы он надел подобное, то показался бы идиотом сам себе. Кветцалли настаивала на этом, но как можно надевать доспехи, делающие его почти неуязвимым, если его воины в то же время будут идти под клинки врагов, презрев смерть? Так не пойдет! Даже будь он тысячу раз бессмертным, в его груди бьется сердце простого воина, и он будет по-прежнему делить с ними все невзгоды и опасности. Нагрудник из кожи и чешуи был единственной уступкой Кветцалли, но теперь Володи задумался о том, что роскошный доспех защитил бы его не только от клинков врагов, но и от холода.

Из звезды альвов выходило все больше и больше воинов. На лицах мужчин читались радость и облегчение, ведь ужасы тьмы остались позади. По сравнению с пропастью между мирами холод казался сущим пустяком. Многие его воины проделывали подобный путь впервые. Совсем недавно они выстроились на широком поле перед резиденцией бессмертного в Друсне, а теперь стоят на заснеженной равнине где-то на севере Нангога.

— Вперед, ребята! — звучным голосом крикнул Володи, отвернулся от восточного горизонта, где показалась первая заря, и указал мечом на север, где на равнину опускались темные тучи. — Мы первые. Судя по всему, остальные менее решительны, когда речь заходит о том, чтобы поплясать с демонами. Или же боятся обморозить ноги.

Никто не понял шутки, не засмеялся.

«Нет, произносить речи перед битвой — не мое, — с грустью подумал Володи. — Аарон справился бы лучше».

— Посрамим остальных и покончим с этим еще до того, как явятся остальные! — И с этими словами он решительно зашагал вперед. Широкий след истоптанного снега указывал им путь, которым шли демоны.

Больтар, массивный князь-воитель, совершивший в прошлом множество набегов на поселения валесийцев, поспешно подошел к нему.

— Ты видел эти следы? — Он указал на след, проходивший чуть в стороне от широкой тропы. — Среди них есть великаны.

Володи тоже обратил внимание на следы. В изрытом снегу на тропе попадались отпечатки гигантских ног.

— Их же мало, им нужны великаны, — пояснил он, хотя голос его звучал не настолько спокойно, как хотелось бы. — Иначе для нас это был бы довольно бесславный бой.

— Что? — раздраженно засопел Больтар.

— Да ты посмотри на эти следы, — в отпечатке огромной стопы виднелся и второй. Володи встал рядом, измерил его. Лапа великана была почти вдвое больше, чем его собственная нога, но второй отпечаток был маленьким и узким. Похоже на след ребенка. Ребенка лет трех, судя по росту.

Больтар задумчиво провел рукой по черной бороде, спускавшейся до середины груди. К этому моменту вокруг них собралась целая группа воинов. Все рассматривали следы на снегу.

— Зачем же приводить сюда детей, — произнес наконец крупный воин и покачал головой. — Все же знают, что этот проклятый мир вреден для малышни.

— Может быть, они решили поселиться здесь, — заметил рыжеволосый воин, лицо которого наискось пересекал толстый шрам. Володи вспомнил, его имя — Рагнар — и что о нем говорят, будто он отличный охотник**.**

— Здесь, где нет ничего, кроме снега и льда? — усмехнулся Больтар. — Надо было тебе меньше пить самогон. Судя по всему, он выжег тебе остатки мозга. Как можно жить там, где одни только снег и камни?

— Что ни говори, но цапотцы построили здесь город, —

напомнил Володи. Впрочем, он тоже не понимал, зачем великаны привели сюда детей.

— Цапотцы, — презрительно фыркнул Больтар. — Ничего не имею против твоей жены, бессмертный, но именно от нее, от Кетца... Кетча... ну, от твоей жены, в общем, с ее непроизносимым именем, я слышал кое-что о ее собственном народе. Они вообще ненормальные! Одевают лучших своих воинов в костюмы кур и кошечек. Да у них рассудка еще меньше, чем у нашего друга, Рагнара. Хотя... Возможно, они надеются, что их враги поумирают от хохота, увидев перед собой войско из домашней птицы.

Мужчины стали усмехаться. Настроение наконец-то улучшилось, и Володи решил не рассказывать им о людях-ягуарах, с которыми ему довелось повстречаться.

– Идемте дальше!

Они взяли довольно хороший темп, топая навстречу далеким облакам. Повсюду, насколько хватало глаз, тянулись невысокие холмы. Володи послал впереди по флангам нескольких разведчиков. Не то чтобы он ожидал обнаружить засаду, просто хотел знать, найдут ли они могилы. Странно, что при таком количестве крови они не обнаружили ни единого тела.

Когда они шли уже два часа, Володи сообразил, что обзор закрывают не тучи, а полоса тумана. Солнце быстро поднималось по небосводу. День будет коротким. Туман не рассеивался, как должно было быть в столь ясный день. Над ними в ясном небе цвета стали не было ни единого облачка, но несмотря на солнце, стоял очень сильный мороз.

Туман тревожил бессмертного. Может быть, это сплетенное демонами заклинание? И, если да, то что они хотят в нем спрятать? Может быть, там ждет их войско из великанов и детей?

Володи обернулся и подозвал к себе Рагнара. Рыжебородый быстро оказался рядом. Этот шрам у него на лице... Володи трудно было смотреть на него. Рану плохо обработали, и все лицо казалось словно бы перекошенным.

— Что думаешь, сколько врагов нас ожидают?

— Трудно сказать. Следы перекрывают друг друга. Быть может, шестьдесят великанов? С детьми все еще сложнее. Их точно больше

сотни. Если это вообще дети...

Володи вопросительно поглядел на него.

— А кто это еще может быть?

Рагнар только головой покачал.

— Я в демонах не разбираюсь. Но среди этих малышей есть те, кто носит подкованные сапоги. Тебе это не кажется странным? Все родители босиком, а дети — нет. И кто же станет брать детей на войну? И еще этот странный туман... Все это дело попахивает... Все это чертовски отдает засадой.

К ним бегом приближался один из разведчиков. Высокий жилистый воин, набросивший на плечи волчью шкуру и носивший на голове шлем из волчьего черепа.

— Там, впереди, широкая река, бессмертный. От нее поднимается туман. Вода теплая. Есть деревянный мост.

— Вот дерьмо! — Почему, если богам непременно хочется дурно пошутить, они всегда выбирают его?

Перед ним самое большее двести врагов. И, возможно, сотня из них — дети или какие-то маленькие существа. С ним же идут более двух тысяч лучших воинов Друсны. Он может просто серпом пройти сквозь строй демонов, окружить их, если они будут готовы сражаться в нормальном бою на равнине. Но на мосту все их численное превосходство бесполезно. Там все войско может остановить один-единственный великан.

— Как тебя зовут?

Разведчик поглядел на него удивленно и даже с некоторым недоверием. Возможно, он опасался наказания за дурные вести, которые принес

— Сеня, — нерешительно произнес он.

— Кто-нибудь из наших уже пересекал мост?

Тот покачал головой.

— Остальные разведчики ждут твоих распоряжений. Они хотят немного осмотреть окрестности. В снегу есть следы. Оставлены не великанами. Кажется, это были цапотцы. Быть может, где-то есть брод.

«А может быть, какие-то охотники, которые хотели попасть в проклятый город, расположенный где-то за мостом, — подумал Володи. Они наверняка увидели следы великанов и решили, что лучше на мосту с ними не встречаться». А вслух произнес:

— Ты похож на охотника, Сеня. Ты когда-нибудь ходил на медведя?

— Умный человек старается с медведями не встречаться, — осторожно ответил тот.

— А если иначе никак, как бы ты охотился на него? — не отставал Володи.

— Я не стал бы подпускать его к себе, это точно. Все эти истории о героях, которые убивали медведей одним ножом, все выдумка и ложь. Если ты подойдешь к медведю достаточно близко, он почует тебя и обхватит своими лапами. Даже если ты вонзишь нож ему в сердце, он успеет растерзать тебя и сожрать мясо с твоих ребер, — настроение у Сени заметно улучшилось. — Стрелами тоже было бы глупо даже пытаться. У медведя слишком крепкий череп, чтобы стрела могла пробить его, если только охотнику не повезет и он не попадет прямо в глаз. А пока он не встанет на задние лапы, от смертоносных выстрелов его будут защищать толстая шкура, сало и мышцы. Я слыхал истории о медведях, в теле которых было множество стрел и которые продолжали сражаться.

— Значит, не нож и не стрелы, — подытожил Володи. — А что бы ты сделал, если бы пришлось убивать медведя?

— Единственное, что может помочь, это храбрые мужчины с длинными копьями. Так его можно держать на расстоянии и наносить раны. В какой-то момент он потеряет такое количество крови, что упадет.

— Ты мне очень помог, Сеня, спасибо. Я тебе этого не забуду. А теперь возвращайся к мосту и сделай так, чтобы никто из твоих товарищей на него не ступал.

Охотник удивленно поглядел на него. Судя по всему, он не понял, о чем шла речь.

— Ты хочешь сказать, что великаны ростом с пещерного медведя, вставшего на задние лапы? — поинтересовался Рагнар, когда разведчик ушел за пределы слышимости.

Володи слегка пожал плечами.

— Надеюсь, что не намного больше. Но судя по следам, **я** сказал бы, что шага три или чуть больше. А теперь найди мне дюжину мужчин с крепкими копьями, которые не боятся смерти, и приведи еще пару лучников. Готов спорить на бочонок вина, что посреди моста нас ждет великан, и я намерен прогнать его оттуда.

Лед вместо сердца

Галар прищурился. В светящемся белым от солнечного света тумане были какие-то темные тени. Неужели возвращаются проклятые восставшие мертвецы? Карлик перевел взгляд на Айлин. Эльфийка стояла, облокотившись на первое орудие. Она тоже смотрела на мост, но выглядела при этом совершенно спокойной.

— Что-то приближается, — прошептал стоявший рядом Нир. Не дожидаясь приказа, он снял с орудия кожаный чехол, проверил направляющую шину для тяжелого копья; по которой полетит во врагов тяжелое оружие.

— Пусть выйдут из тумана, — спокойно приказала Айлин.

Галар снова поглядел на эльфийку. Она была красива. Несколько высоковатая и непропорциональная, но красивая — не будь окружающего ее холода. Черные волосы она зачесала назад и собрала в хвост, из которого не выбивалось ни единой пряди. Прическа ее была такой же безупречной, как и белизна ее длинного платья. На нежной ткани не видно было ни единого пятнышка грязи. Казалось, ей все нипочем. Ни ветер, ни непогода, ни тем более враги из плоти и крови.

Из тумана вышел высокий светловолосый воин. На таком расстоянии Галар толком не мог рассмотреть его, но ему показалось, что сына человеческого что-то удивило. Неужели он думал, что берег не охраняется? Помедлив, он что-то крикнул и взмахнул мечом. Спустя миг из колышущегося над рекой тумана плечом к плечу вышли копьеносцы.

Светловолосый, судя по всему, полководец, шел впереди всех.

— Ждем, — с нажимом произнесла Айлин. -— Пусть подойдут поближе.

Нир откашлялся. До детей человеческих оставалось немногим больше двадцати шагов.

— Ждать, пока они не окажутся у нас на носу?

— Кобольды! Готовься! — скомандовала эльфийка.

Че и его ребята, стоявшие полукругом перед мостом, поднялись

и взвели курки арбалетов.

За человеческими копьеносцами шли несколько лучников. Врагов было не очень много. Человек пятьдесят. Предводитель их был мужиком храбрым. Он видел и кобольдов, и копьеметы, но шел вперед, не колеблясь. Галар поймал себя на мысли о том, что ему жаль парня. У него и его воинов не было даже щитов. Теперь до конца моста им оставалось пройти лишь десять шагов.

Светловолосый что-то крикнул, и шедшие за ним мужчины перешли на бег.

— Орудие один! Пли! — спокойно крикнула Айлин. — Орудие два! Пли!

Галар увидел, что первое копье едва не попало в светловолосого и ударилось в ряд следовавших за ним воинов. Мужчину с густой черной бородой отбросило назад и насадило на копье шедшего следом. На столь короткой дистанции орудия обладали просто убийственной силой. Следующим выстрелом убило сразу двоих.

Светловолосый взмахнул мечом и побежал еще быстрее.

— Кобольды! — приказала Айлин. — Пли! Орудие три! Пли!

Град болтов, выпущенный из кобольдских арбалетов, окончательно смял атакующих. В светловолосого попало сразу несколько болтов. Казалось, его колотят невидимые кулаки. Он дернулся, причудливым образом пошатнулся.

Кроме него, на ногах держались лишь еще двое воинов. По бокам с моста стекали ручейки дымящейся крови. Темные тени скользили под водой, вздымая брызги пены. На миг речной поток разрезал ослепительно яркий оранжевый плавник. Что за твари живут там?

– Орудие четыре! — закричала Айлин.

— Немного повернуть, — пробормотал Галар, но Нир уже и сам начал делать поправку при наведении. Мастер орудий спокойно прицелился через направляющую и коротко кивнул.

— Отлично!

Галар стиснул зубы. Светловолосый сын человеческий несколько пришел в себя и поднялся. Они победили. Нет нужды продолжать дальше.

— Пли! — раздался безжалостный голос эльфийки.

Нир спустил курок. Стальные плечи, щелкнув, отправили копье в полет. Орудие летело и вращалось вокруг своей оси. Было полное безветрие, а Нир был лучшим стрелком из тех, кого доводилось встречать Галару. Не может быть, чтобы это копье пролетело мимо цели. Ослепительный свет зимнего солнца преломлялся на наконечнике из серебряной стали. Снаряд настиг цель. Военачальник пронзительно вскрикнул, его опрокинуло навзничь и швырнуло по воздуху, прямо на тела погибших на мосту.

— Этого не может быть, — недоуменно пробормотал Нир. — Ты это видел?

— Хороший выстрел, — бесцветным голосом произнес Галар.

— Нет, я не это имел в виду. Копье должно было проткнуть его насквозь, как вертел курочку. Я же попал ему прямо в грудь.

Светловолосый воин сел. Оба других выживших тут же бросились к нему.

— Крепкий орешек! — тем временем прокомментировал Гроц. — Нелегко убить.

— Орудие пять! — крикнула Айлин.

— Довольно! — Галар бросился к эльфийке. — Неужели ты настолько безжалостна? Этим троим повезло. Прояви великодушие, подари им жизнь.

Айлин подняла бровь.

— Надеюсь, дети человеческие тоже проявят в свою очередь милосердие, когда придет их час, — и с этими словами она обернулась к расчету орудия. — Не стрелять. Пусть уходят. Если они расскажут воинам на том берегу о том, что их здесь ждет, это будет ценнее, чем еще три человеческих жизни. В следующую атаку они пойдут, испытывая ужас.

— Спасибо, — негромко произнес Галар.

Айлин присела перед ним на корточки. Лицо ее было почти таким же белым, как и платье, а бледные губы сжались в узкую черточку.

«Эти губы никогда никто страстно не целовал, — вдруг подумал

Галар. — Вряд ли ее любила даже собственная мать».

— Ты же видел, что копьем светловолосого воина не убить, — произнесла она настолько тихо, что окружающие не слышали ее. — У этого воина доспех, изготовленный человеческими богами, иначе он умер бы, как и остальные. Ты знаешь, что это значит, карлик?

Галар судорожно сглотнул. То, что тот человек не обычный воин, а князь, было ясно с самого начала. Но, кажется, все далеко не так просто.

— Этот человек, судя по всему, один из семерых бессмертных. Друг богов. Ты понимаешь, какие последствия может иметь твое желание?

— Тогда зачем ты отпустила его? — удивился кузнец, не понимая, как она могла отпустить бессмертного.

— Потому что ты проявил благородство, карлик. Ты человек чести. Если бы было побольше таких, как ты, наши миры не вели бы войн. Но ты у меня в долгу. И надеюсь, что однажды, когда я потребую вернуть долг, ты будешь столь же благороден... Возможно, моя цена тебе не понравится. Вспомни этот час, когда дойдет до этого, — с этими словами Айлин поднялась и подозвала Че.

— Возьми пару воинов, иди на мост и выпусти в каждого убитого по арбалетному болту в голову. Не хотелось бы убивать их снова.

— Желания красивой женщины для меня закон, госпожа! — Предводитель кобольдов поклонился и мило улыбнулся. — Что будем делать, если среди этих ребят окажутся выжившие?

— То же самое, — ледяным тоном отрезала Айлин. — Это не то место, где можно проявлять щепетильность. О пленниках заботиться некогда. Пусть мертвые лежат на мосту. Они будут мешать следующим идти в атаку. Че подозвал нескольких своих товарищей и, не колеблясь, принялся за выполнение грязной работы.

Внезапно Айлин подняла голову. Высоко над ними, широко раскинув крылья, парило похожее на змею существо. Галар невольно пригнулся. Дракон! Он был карминного цвета, каких карлику никогда прежде видеть не доводилось. Но он о них слыхал, о солнечных драконах Ишемона, принцах небесных змеев.

— Что он здесь забыл, — прошептал он, несмотря на то что

небесная ящерица его не слышала.

— Мне бы тоже хотелось это знать! — Айлин впервые проявила хоть какое-то чувство: она разозлилась. Всего на один удар сердца, а затем снова овладела собой. — Он не должен здесь быть. Еще не время!

— Ты знаешь его?

Она поглядела на Галара, как на ничтожество, ухитрившееся задать один из глупейших вопросов. — Это Вечернее Светило, одно из ближайших доверенных лиц Золотого. И поверь мне, *тебе* не захотелось бы знакомиться с ним. Он карликов не любит.

Потому что мне так хочется

Взволнованные вопли троллей разбудили Гламира. Оба идиота тыкали пальцем в небо, что-то кричали на своем гортанном наречии и бросились куда-то бежать.

Карлик протер глаза и выругался. Ему снилась приятная женщина с тугой грудью. Внешне она немного напоминала Амаласвинту, только была гораздо более сговорчивой и милой. Оставалось надеяться, что у этих двоих была веская причина будить его. Такой хороший сон ему давно уже не снился.

Вздохнув, карлик сел. Несмотря на то что он закутался в два одеяла и прислонился к южной стене одного из покосившихся домов, там, где солнце светило сильнее всего, холод пробрал его до самых костей.

Бросив украдкой взгляд на вход в подвал, загороженный большим сугробом, он прикинул, какова вероятность того, что оттуда вылез кто-то из детей человеческих. Вряд ли! Пару часов назад, вскоре после захода солнца, один из них поднялся по лестнице. Но стоило ему увидеть одного из троллей, как он тут же с криками скрылся в подвале. Точно, там, внизу, никакие не воины!

Над рыночной площадью скользнула огромная тень. Гламир поднял арбалет, изготовленный для него Гобхайном. Приклад оружия был удлинен и сделан в форме змеи, прекрасно прилегая к тем жалким крохам, что остались от его правой руки. Так он мог более-менее нормально держать оружие. Поспешно повернув левой рукой рычаг, он натянул стальной лук. Издаваемые механизмом негромкие щелчки немного успокоили карлика, пока он глядел в ослепительно-синее небо.

Внезапно все поле зрения Гламира заслонили карминно-красные крылья. Они взметали снег на большой площади, заставили застучать деревянную черепицу на крышах домов, словно даже жалкие домишки боялись существа, с поразительной грациозностью опускавшегося на площадь.

У Гламира захватило дух. С самого детства, еще когда он сосал молоко кормилицы, он слышал истории о драконах, но ни одного из них никогда не видал. По крайней мере, настоящего. Такого. В этой

зверюге от кончика хвоста и до носа было почти пятьдесят шагов. В его сторону, негромко зашуршав, полетел хвост, заканчивавшийся плоским шипом, похожим на длинный клинок меча.

— Что здесь произошло, червь?

На бороде у Гламира встали дыбом волосы, по телу побежали мурашки. В воздухе витало напряжение, словно перед грозой. Дракон не открывал рта, но голос его был слышен совершенно отчетливо, он звучал низко и звучно, оставляя после себя какое-то неловкое чувство, с которым Гламиру едва удавалось справиться. Он поднял голову, взглянул в янтарные глаза ящерицы размером с круглый щит.

— Не мешал бы мне спать, если пришел поговорить с червяками!

Кончик хвоста устремился вперед, словно решившая напасть змея, застыв в полудюйме от горла Гламира.

— Мне не до шуток, карлик! Где Айлин? Где сражающиеся?

—• Там, где ожидается битва.

Вертикальные зрачки дракона сузились, остались лишь узкие, черные-пречерные щелочки.

— Значит, ты червяк из тех, что любят шутить.

Гламир едва дышал. Голос дракона проникал в каждую клеточку тела. Сдавливал горло, смущал рассудок, заставлял дрожать все оставшиеся части тела. Никогда в жизни он еще так не боялся. Даже когда на него напали изумрудные пауки. Где-то на краю сознания вертелась мысль, что здесь не обошлось дело без магии. Он не трус! И, несмотря на это, по щекам у него от страха катились слезы.

— Они у моста, — всхлипнув, произнес он. — Айлин решила, что город не удержать. Она хочет остановить детей человеческих у длинного деревянного моста.

— А зачем здесь эти тролли?

Гламир извивался под все новыми и новыми вопросами и под мучившим его заклинанием.

– Я точно не знаю. Она говорила что-то насчет того, что они слишком тупы. Хорошие стражи.

Дракон фыркнул и дохнул на карлика опаляющим дыханием.

— Стражи для чего?

Страх пожирал душу Гламира. Он чувствовал, что уже не может удержать в себе воду, что она уже стекает струйкой по ноге.

— У нас есть пленники! Там, позади, в подвале. Дети человеческие!

—•Дети человеческие... — Меж клыков дракона показался длинный раздвоенный язык. Он повернул голову в сторону, шумно втянул ноздрями воздух. — Да, я чувствую их запах. Там, впереди, — кончик хвоста, только что дрожавший у самого лица Гламира, хлестнул обледеневшую площадь. — Зачем вы взяли пленников? Это же одна сплошная обуза.

— Они ведь даже не воины, не представляют опасности, — наложенное драконом заклинание отступило. На этот раз Гламир ответил добровольно.

— Эти два тролля нужны на поле сражения. Эти дети человеческие нарушают планы Золотого.

— Ты же не можешь просто... — начал Гламир, когда голова снова метнулась к нему. Это заклинание, внушавшее ему страх, имело какое-то отношение к огромным глазам. Гламир не мог устоять перед их взглядом. Горло снова сдавило.

— Ты решил преградить мне путь?

— Да! Ты совершаешь зло. А со злом нужно бороться! — вырвалось у Гламира. Праведный гнев одолел страх, когда оглушительный удар сбил его с ног. Падая, он видел только кончик красного хвоста, а затем рухнул у стены в теплую лужу.

— Ты никогда больше ни у кого не встанешь на пути. И теперь будешь двигаться только как полагается червю, — и с этими словами огромный дракон отвернулся.

Глухая боль захлестнула Гламира. Только теперь он увидел кровь. И ногу, стоявшую у стены дома, словно забытый протез. Дракон отнял у него единственную ногу! Лишил его остатков достоинства! Гламир закричал. Не от боли. Это был вопль отчаяния.

— Зачем? Зачем эта бессмысленная резня?

— Потому что мне так хочется, — усмехнулось в ответ чудовище, не удостоив его больше ни единым взглядом. Теперь он

стоял у самого входя в подвал.

Гламир увидел, как выгнулось тело чудовища, услышал свист. Дракой втягивал в легкие побольше воздуха.

Карлик дрожащими руками потянулся к кожаной сумочке с арбалетными болтами, висевшей у него не поясе. Постепенно он замерзал. Кровь толчками вырывалась из раны и брызгала на стену дома. Судя по всему, у него была перебита одна из главных артерий. Ремнем можно перетянуть ногу и остановить кровотечение. Но через минуту погибнут все люди в подвале! Он может спасти одну жизнь или дюжины.

Расстегнулась защелка на кожаной сумочке. Карлик потянулся за болтом, осветил несколько и потащил.

Воздух вокруг дракона задрожал, Гламир почувствовал жар. Все болты высыпались из руки, кроме одного. Вот он, с совиным оперением, чтобы как можно лучше выровнять полет.

Дракон поднял голову. Благородный изгиб шеи напоминал лебединый.

Гламир вложил болт в арбалет. Оружие было взведено только наполовину, но времени уже не оставалось. Он поднял руку, вздохнул и в тот же момент спустил курок.

Они ему даже не нравились, эти дети человеческие. Но он не собирался смотреть, как они гибнут. Несмотря на слабость, изувеченная рука не дрожала. Нажимая на курок, он думал: «За Глубокий город!» Сказать карлик уже ничего не мог, для этого он был уже слишком слаб. Рука опустилась.

Дракона он уже не увидел, только ослепительно яркое белое пламя. Гламир вдруг почувствовал себя легким. И немного усталым. Нужно просто на минуточку закрыть глаза. Всего на один выдох. Совсем на чуть-чуть...

Книга Вторая
Последние воины льда

Обмен ударами

Артакс поднял руку, и за спиной у него послышались отдаваемые громким голосом приказы. Марширующая колонна остановилась. Бессмертный с удивлением наблюдал за разворачивавшимся перед ним на равнине спектаклем. Там царила ужасная суматоха. Разбивали лагерь, без определенного порядка и узора, словно побеги плюща на камне. Границей служила колышущаяся стена тумана, которая стояла на расстоянии примерно полумили и закрывала обзор в направлении севера.

– Орму!

Капитан отряда лучников кушитов подошел к нему. Нельзя было сказать, что он плелся, но осанка у него была не военная. Худощавый рыжебородый лучник когда-то входил в Каменный совет, небольшую группу мудрецов, вершивших судьбы провинции Гарагум. Артакс так и не смог понять, почему именно он присоединился к войску, но, несмотря на внешнюю расхлябанность, Орму был хорошим и осторожным командиром.

— Мы встанем лагерем на некотором расстоянии от этого хаоса, — решил Артакс. — Ты позаботишься о том, чтобы лагерь разбили как подобает. И сделай так, чтобы наши припасы хорошо охранялись.

Окинув взглядом суетящихся людей, он покачал головой.

— Такое ощущение, что они осаждают стену тумана. Говорили, что это будет быстрое сражение, всего на пару дней. То есть у тех, других, скоро закончатся припасы. Позаботься обо всем, а я пойду погляжу на этот муравейник поближе и отыщу бессмертных Володи и Лабарну.

— Я подготовлю эскорт, — предложил Орму.

Артакс отмахнулся.

— Лучше я пойду один.

Орму улыбнулся, словно ничего другого и не ожидал. Капитан не очень-то жаловал дворцовый этикет. Нельзя было сказать, чтобы он вел себя неуважительно, но он очень редко обращался к Артаксу на «вы» я мало кто помнит, чтобы он перечислял титулы бессмертного, вроде Повелителя всех черноголовых. Тем не менее, он

и его лучинки уже дважды предотвращали покушения на него. И на этот раз, Артакс был в этом уверен, за ним незаметно пойдут несколько мужчин, чтобы приглядывать за своим правителем. При этом он был одет в подаренный ему Львиноголовым доспех, то есть практически был неуязвим, хотя на первый взгляд броня не выглядела особенно примечательной. Плотный белый холщовый нагрудник с вышитой на нем головой льва защищал грудь. Под ним была туника с длинными рукавами и перчатки, штаны и высокие сапоги. Доспех был изготовлен из мягкой кожи, но ни один клинок не мог разрезать ее или поцарапать холщовый нагрудник, Роскошный шлем-маску, атрибут бессмертного, Артакс нес под мышкой. В нем он постоянно чувствовал себя словно в плену, несмотря на то что металлическая пластина маски идеально повторяла профиль его лица и весил шлем на удивление мало.

Артакс прошел мимо огромных гор дров, с удивлением увидел, что неподалеку лежат три катамарана какие использовали преимущественно островитяне. Неподалеку от стены тумана были возведены высокие леса из бамбуковых стеблей.

Он как раз прошел мимо ряда мертвецов, лежавших вдоль дороги, когда из тумана показался отряд всадников. Выглядели они измученными. Некоторые были ранены, на лицах читался ужас Один из всадников отделился от отряда и направился к большой юрте из выкрашенной красным кожи. Неужели во в этой путанице все же есть центр?

Артакс прошел мимо перевязочного пункта, где оказывали помощь воинам-ягуарам из народа Цапоте; при виде этих воинов в душе шевельнулись неприятные воспоминания. Всего несколько лун тому назад он сражался с ними, когда штурмовал храмовый квартал Цапоте в Золотом городе. На этот раз они не обратили на него внимания. Вид у мужчин был неприглядный. Тела их были утыканы короткими стрелами.

Перед алым шатром трое стражников, скрестив копья, остановили его. На воинах ишкуцайя, степных наездниках, были полированные пластинчатые доспехи из меди, их остроконечные шлемы были обернуты пестрыми шелковыми тряпками.

— Проходи дальше, незнакомец. Здесь... — Говоривший увидел шлем-маску, который Артакс нес под мышкой, и пристыжено опустился на колени. — Простите, бессмертный. Без эскорта,

знаменосца и свиты я вас и не узнал.

— Я ни за что не стал бы ругать стража за то, что он тщательно охраняет шатер своего господина. Ты отлично справился со своей задачей. Забудем об этом, — двое других воинов отодвинули в стороны тяжелые занавески, закрывавшие вход в юрту, и Артакс вошел в сумрачный и душный шатер. Там пахло диким зверем.

Первое, что он увидел, был огромный медведь, склонившийся над ложем, где лежал Володи. Значит, пришел девантар из Друсны! Но он был не один. У длинного стола стояла фигура, жуткая словно ночь. Брат медведя, Длиннорукий, божественный кузнец.

В центре юрты перед бессмертным Мадьясом, правителем ишкуцайя, стоял на коленях воин, из глубокой раны которого сочилась кровь. Бессмертный был невысок и приземист, щеки его покрывала густая щетина. Всю жизнь он провел в седле, поэтому ноги его искривились. Руки покрывали татуировки с изображением волка и широкие шрамы.

«Значит, это и есть отец Шайи», — подумал Артакс, чувствуя, как в душе закипает ярость. Человек, продавший дочь за табун лошадей, прекрасно зная, что Небесная свадьба означает для Шайи смерть.

— Ты разочаровал меня, Субаи, — ругал он стоявшего на коленях мужчину, щуря темно-карие глаза. — В очередной раз! — Бессмертный пнул сына в грудь, и воин повалился на пол. — Ты обесчестил наш народ, ты... — Он поднял ногу, словно собирался раздавить мужчину, как отвратительное насекомое.

— Не он один потерпел поражение, — голос Володи звучал слабо. Произнеся всего несколько слов, он тяжело перевел дух. — Я не сумел там пройти, отшвырнули они и воинов-ягуаров. У них сильная позиция.

— Мы почти дошли до копьеметов, отец, — воскликнул лежавший на полу воин, над лицом которого все еще нависал сапог бессмертного Мадьяса. — Но затем нас атаковали серые великаны! На мосту нам некуда было деваться, они ворвались в наши ряды, славно разящие молнии. Поднялась паника. Дюжины воинов попадали в воду, а там тоже их ждали чудовища. Рыбы с пастью, похожей на орлиный клюв, и размером с небольшой корабль. Я сам видел, как такая тварь в мгновение ока перекусила лошадь пополам...

— Что ж, Аарон! Добро пожаловать в вечные льды! Это поле боя просто создано для героя равнины Куш, который в пустыне с войском крестьян сумел победить опытных воинов, — Длиннорукий указал на небольшой, наполненный песком ящик. –Иди сюда, я покажу тебе, как у нас обстоят дела, — он провел линию двумя пальцами. — Это река. Теплая вода в ней и обеспечивает ту стену тумана, — третья линия пересекла две первые. — Это мост. Всего шагов сто от нашей юрты. Он достаточно широк, чтобы по нему могли пройти в ряд пятеро мужчин.

Длиннорукий постучал пальцами по песку, изображавшему конец моста на другом берегу.

— Здесь у них стоят копьеметы и лучники. Выходишь из тумана — попадаешь под смертоносный обстрел. А если кто доходит до конца моста, его встречают там великаны, уничтожающие всех, кому удалось выжить. Как бы ты решил проблему?

— Мы ведем себя именно так, как они того ожидают, — задумчиво произнес Артакс. — Если хотим победить, нужно застать их врасплох. Есть ли брод через реку?

— Думаешь, мы настолько глупы? — возмутился бессмертный Мадьяс, подойдя к столу. — Здесь нет ни второго моста, ни чертова брода. Мои люди могли бы переплыть реку верхом, если бы не эти чудовища, готовые растерзать все, что войдет в воду. Кажется, их привлекла текущая в море кровь. Их становится все больше и больше.

— Сколько врагов ждет нас на другом берегу?

— Две, три сотни, — Длиннорукий пожал плечами. — Мы точно не знаем. И эти великаны — еще не самое худшее. Вскоре после моего прибытия через врата между мирами явился дракон. Очень большой. Он еще в сражение даже не вмешивался.

Артакс задумчиво поигрывал бородой.

— А что это там такое строят?

— Летучие башни, — пояснил девантар. — Цапотцы хотят посадить на них своих воинов-орлов. Тогда они смогут пересечь реку на бреющем полете.

— Это может сработать?

Длиннорукий скривился.

— Цапотцы уверены в этом.

— Как обстоят дела с моральным духом?

— Так себе. Мы провели три атаки и трижды потерпели поражение. Об этом известно всем в лагере. Когда мы посылаем людей на мост, они идут, готовые умереть, не победить. Вот и все...

— Чушь! — вмешался Мадьяс. — Мои всадники, не колеблясь, пойдут в атаку снова, если я прикажу им!

Длиннорукий закатил глаза, но ничего не сказал.

— Никто не сомневается в мужестве ишкуцайя, — примирительным тоном произнес Артакс. — Но для начала мы должны изменить некоторые принципиальные вещи. Наши убитые не должны лежать на дороге, по которой в бой идут новые войска. Это сразу же наносит ощутимый удар по морали войск. Я хочу, чтобы их убрали оттуда сегодня же. Куда-нибудь, хоть выше по течению. Туда, где на них не будут постоянно натыкаться. После этого нужно организовать общий лагерь для всех раненых. Тоже на некотором расстоянии от основного лагеря. Нужно собрать все наши силы в кулак. Ты серьезно ранен, Володи?

Бывший капитан его лейб-гвардии приподнялся на ложе.

— Да так, в принципе, просто царапина. Завтра я смогу сражаться снова.

— Я исцелю его, — проворчал Великий Медведь. — Но это не просто царапина. У него сломаны три ребра, и ему страшно повезло, что обломками не проткнуло легкие.

— Мне не впервой ребра ломать, — проворчал Володи. — Тугая повязка — и завтра я снова буду в строю.

Артакс ни минуты не сомневался, что так и будет. Володи будет сражаться, даже если на поле боя его придется нести на носилках.

— Ты у нас кто, целитель или полководец? — поинтересовался Мадьяс, ударив ладонью по рисунку на песке. — Как нам победить здесь, Аарон, правитель всех черноголовых?

— Для начала нужно построить катапульты, — Артакс был твердо исполнен решимости. Не поддаваться на провокацию. Он перевел взгляд на Длиннорукого. — Двух-трех катапульт будет недостаточно. Их должно быть не меньше двадцати. Еще нам

понадобятся горючие снаряды.

— Ты собираешься стрелять наобум? Что за чушь? Демоны прячутся за пеленой тумана. Мы не увидим, попали мы или снаряд пролетел мимо.

— Я исходил из того, что ты достаточно мудр, чтобы понять более глубокий смысл данного мероприятия, Мадьяс, — иронично отозвался Артакс. Ему было неприятно выслушивать оскорбления от человека, которому не пришло в голову ничего умнее, нежели провести бессмысленную лобовую атаку конницы на хорошо охраняемый мост.

Лицо князя степей побагровело, на виске забилась толстая жилка.

— Слушай сюда, надутый...

— Нет, слушать будешь ты, — холодно перебил его Артакс. — Причем ровно столько, пока не предложишь что-то дельное, что заслуживает моего внимания. В противном случае будешь молчать. А если тебе этого не дано, мы можем выйти из шатра и раз и навсегда решить этот спор на мечах, после чего ты замолкнешь навеки. Ты не первый выскочка, именующий себя бессмертным, которого я остановил. Ты ведь помнишь судьбу Муватты, правда?

Мадьяс расстегнул пряжку на перевязи и уронил ее на пол.

— Мы не будем решать это на глазах наших воинов, а выясним все прямо здесь, в юрте.

— Что, боишься, что я перережу тебе горло, если мы воспользуемся мечами?

Мадьяс поднял кулаки.

— Судя по тому, что я слышал про Муватту, ты отрезаешь мужикам сразу и член, а мой мне еще пригодится, — он усмехнулся. — Что? Испугался, что я выбью тебе зубы?

Артакс поставил шлем-маску на стол для карт, расстегнул перевязь и тоже поднял кулаки.

— Судя по тому, что слышал я, ты любишь ломать носы тем, кто красивее тебя, — и усмехнулся. — А глядя на тебя, я понимаю, что тебе хочется сделать это со всеми.

В этот миг полог шатра раздвинулся, и в юрту вошел Львиноголовый.

— Что здесь происходит? — Он поглядел на Длиннорукого и Великого Медведя. — А вы просто стоите и смотрите?

— Иногда небольшая драка полезнее бесполезной болтовни, — проворчал девантар Друсны. — Пусть разберутся!

Львиноголовый поглядел на Артакса, и в глазах его читалось разочарование.

— А я считал, что ты мудрее.

— Великий Медведь прав. Иногда нужно решить все именно таким способом, вместо бесконечных разговоров, — несмотря на собственные слова, ему было больно от того, что он вызвал разочарование своего девантара.

— *Утратишь его расположение, и вскоре распростишься с жизнью*, — вмешался голос прежних Ааронов. Тех, чьи воспоминания он носил в себе и кто поистине обрел бессмертие, несмотря на то что все они были обречены лишь смотреть и быть только шепотом в его мыслях.

— Дай посмотреть на хорошую драку, брат!

Что-то в голосе Длиннорукого не понравилось Артаксу. Интересно, он действительно хочет просто стать зрителем кулачного боя? Или его цель посеять раздор?

— *А ты как думаешь, Артакс? Он друг Иштыа*, — усмехнулся голос в мыслях. — *Здесь тебе не победить. Одолеешь Мадьяса — и среди бессмертных у тебя появится новый враг. Выиграет он, и тебя будут лишь презирать.*

—Что, хвост поджал? — Мадьяс вышел в центр юрты и жестом подозвал его. — Давай, или храбр ты только тогда, когда в руках у тебя меч духов?

Артакс вспомнил истории, которые рассказывал ему о кулачных боях Коля. Там драка продолжалась ровно до тех пор, пока нравилась публике. Друсниец любил рассказывать и о том, как дрался в караван-сараях и кабаках.

— Есть ли какие-то особые правила, по которым ты хочешь сражаться, Мадьяс, хранитель стад, свет солнца, сын Белого Волка?

— Молодец, выучил все мои титулы, — усмехнулся тот. — Если поцелуешь мои сапоги, то так и быть, драться не станем. А правила — это для мальчиков, которые еще сосут титьку кормилицы. Довольно болтать, мужик, дерись, пока я...

Артакс схватил стоявший на столе ящик с песком и швырнул им в Мадьяса. Бессмертный заслонился от ящика локтем, но песок ослепил его. Не успел он оправиться от изумления, как Артакс уже был рядом. Не колеблясь, он ударил Мадьяса между ног, а когда степняк со стоном стал заваливаться на пол, Артакс изо всех сил поддал коленом Мадьясу в подбородок.

Бессмертный опрокинулся навзничь. Артакс тут же подскочил к нему и поставил ногу на горло. Он думал о Шайе, и ему с трудом удавалось сдерживать себя, чтобы не раздавить правителю ишкуцайя трахею.

— Довольно ли этого, чтобы понять, как я дерусь?

Мадьяс оттолкнул ногу, стоявшую у него на горле. Поразительно, но он улыбался.

— Рад буду сражаться рядом с тобой.

Артакс отступил на шаг, готовый тут же нанести новый удар, если Мадьяс решит напасть, но степняк лишь вытер окровавленные губы.

— Я недооценил тебя. Настоящий мужик, с яйцами! А теперь расскажи мне, зачем нам нужны катапульты. Если мы начнем стрелять во врага не глядя, то, скорее всего, не промахнемся.

— Дело не во врагах. Мы сделаем это ради наших воинов. Всем в лагере уже известно, что ждет нас на другом берегу. Если мы станем стрелять в ответ, то это поднимет моральный дух. Кроме того, с этого берега не видно, что мы не попадаем, — он улыбнулся. — И, кто знает, если мы будем использовать горючие снаряды, возможно, сможем увидеть сквозь туман. В любом случае попробовать стоит.

Артакс обернулся к божественному кузнецу.

— Крылатые львы готовы?

— Три, — обреченно вздохнул Длиннорукий. — Их очень тяжело делать, и испытаний пока было мало.

— Они полетят?

— Хм... Ты хоть представляешь себе, что значит соединить воедино магию и механику? Эти силы не очень-то гармонируют друг с другом.

— Они полетят? — не отставал Артакс.

— Да, но с приземлением могут быть проблемы.

— Прилетел большой дракон, произнес Артакс и поглядел на Мадьяса. — Ты умеешь ездить верхом на львах?

Бессмертный не очень обрадовался вопросу.

— Конечно.

— Будешь рядом со мной?

Мадьяс побледнел чуть сильнее.

— Я что, похож на труса?

— Ты же понимаешь, что драконы изрыгают огонь, — вмешался Львиноголовый. — Кроме того, он летает гораздо лучше тебя. Ты убьешься, если сразишься с ним в воздухе.

— Кто-то же должен прикрывать наших ребят с воздуха. Я никогда не требовал от своих воинов ничего, что не готов совершить сам. Значит, мое место там, наверху, хоть мне и страшно, — ответил Артакс.

— Думаешь, если командовать битвой будешь ты, атака на мост наконец увенчается успехом? — поинтересовался Великий Медведь, отвернувшись от ложа Володи.

— На этот раз мы поступим иначе. Мы дадим им столько целей, что они не будут знать, куда стрелять. Впрочем, для этого потребуется чуть больше скоординированности, чем раньше. План у меня такой...

Когда он закончил, в шатре воцарилось одобрительное молчание. И только Львиноголовый не был до конца убежден.

— Твой план хорош, бессмертный Аарон, но есть кое-что, что ускользает от нашего понимания! Я наблюдал за последней атакой ишкуцайя. В тумане что-то было. Не на мосту и не в реке. Кажется, оно нематериально и питается последней силой умирающих. Заклинания, подобного этому, я не видел еще никогда. Там, снаружи, есть сила, не вписывающаяся в наши планы. Нужно быть осторожнее.

— Но возврата нет, — напомнил Великий Медведь. — Если необходимо, я сам перейду мост и поведу своих друснийцев.

— А я пойду с тобой, — слабым голосом произнес Володи.

Артаксу вспомнилась кошмарная резня на равнине Куш. Там его планы тоже не совсем сработали. Несмотря на то что Муватта был жестоким и тщеславным правителем, он оказался очень способным полководцем.

— Ни одна битва не происходит по плану, — меланхолично произнес Артакс.

Перед глазами у него стояло лицо Нарека, друга юности, вспомнился его маленький сын и то, как храбро вел себя Дарон в ту ночь, когда он принес ему известие о гибели отца. Нарек стоял в одном из самых безопасных мест в битве. Его окружали воины, защищавшие его и штандарт, который держал Нарек. И, несмотря на это, смерть нашла его друга.

— Если атаковать будем мы, неожиданностей будет меньше, — твердым голосом произнес он. — Нельзя в первом же сражении уступать демонам. Если других предложений нет, то поступим так, как предлагаю я.

Под обстрелом

— Осторожно! — Крик Айлин взорвал ночную тишь.

И почти в тот же миг что-то разбилось шагах в десяти за спиной Галара, в снегу запылало яркое пламя. Карлик сонно заморгал. Поток пламени потек по берегу в его сторону. За пеленой тумана послышался глухой звук, словно кто-то ударил кулаком по кожаной обшивке. Спустя два удара сердца пламя брызнуло за лагерем троллей.

— Катапульта, — Нир смотрел на него широко открытыми глазами. — Они построили катапульту.

— Гроц! — воскликнула Айлин. — Поднимай своих ребят. Нужно отвести копьеметы подальше.

— Зачем? — Тролль поглядел на небо, где словно падающая звезда летел огненный шар.

— Потому что они сгорят, идиот! Нужно оттянуть их от берега. Нужно… — С неба отвесно рухнул огненный шар. И на этот раз он разбился прямо посреди тролльского лагеря. Горячее масло брызнуло из расколовшегося снаряда. Задело нескольких троллей. Заорав, они стали хлопать себя по серой коже, объятой язычками пламени.

— Падайте в снег! — спокойно приказала Айлин, несмотря на то что с того берега снова послышался глухой удар, а в небо по крутой дуге взметнулся новый огненный шар.

Большинство троллей эльфийку не слушали. Некоторые просто колотили по ожогам своими массивными руками. Другие бежали в реку, чтобы броситься в воду, но вскоре и оттуда стали доноситься ужасающие крики, и никто из троллей не вернулся.

Следующий снаряд пролетел мимо. Он ударился о землю в более чем десяти шагах от их орудий.

Они ориентируются по огням и нашим крикам, заорал Нир, перекрикивая троллей. — Нужно кричать, когда они мажут, и сохранять спокойствие, если попадают.

— Да ты спятил! Как ты прикажешь сохранять спокойствие горящим троллям? — поинтересовался Галар, краем глаза наблюдая

за реакцией Айлин. Судя по всему, она тоже услышала совет мастера по орудиям, и карлик отлично представлял себе, какие выводы она сделает из его предложения.

— Они нас не видят. Разве что слабые отсветы пожаров. Но в первую очередь они ориентируются на слух. На это вся надежда. Мы можем обмануть их, если... — упрямо повторил Нир.

— Он прав, — поддержала Айлин и вдруг побежала по берегу. Всего через удар сердца там, где она только что стояла, разбился очередной снаряд. Глиняный сосуд с грохотом раскололся на утоптанном снегу. Он был обмотан сеточкой из промасленных пеньковых веревок. Веревки загорались сразу же, как только разбивался горшочек, поджигали горячее масло, разбрызгивавшее пламя во все стороны. Снег с шипением таял. Вниз к реке потекли ручейки пламени.

В промерзший снег ударил еще один глиняный сосуд. Огненный цветок расцвел почти в двадцати шагах от последнего орудийного расчета.

— Кричите! — приказала Айлин. — Давайте, кричите! Первым выполнил ее приказ Нир. Он заорал так, словно ему вонзили в живот меч. Следующим был Че, затем крики подхватили и остальные.

Галару это казалось глупым. Может быть, это и разумно, но почему-то он так поступить не мог.

На берегу разбился еще один снаряд. На этот раз он был нацелен как следует, разбился посреди отряда кобольдов. Крики, которые еще только что звучали натужно и искусственно, стали искренними.

Прямо на Галара помчался кобольд, целиком объятый пламенем. Это был один из красношапочников. Лицо его было скрыто за пеленой огня, и виден, было хорошо только широко открытый рот.

— Тихо! — приказала Айлин, но ее никто не слушал. Боль и ужас заставили забыть о подчинении. Эльфийка решительно подошла к кобольду, остановившемуся напротив Галара и принявшемуся хлопать себя руками, изо всех сил пытаясь погасить охватившее его тело пламя.

Айлин схватила его за шею. Галар толком не видел, что она сделала, но крик стих, руки кобольда бессильно обвисли, а в глазах читался безотчетный страх. Маленький воин еще был в полном

сознании, но не мог произнести ни звука, не мог пошевелиться, стоял неподвижно, словно объятое пламенем дерево.

Айлин подошла к Галару, вытерла о его жилетку испачканную руку.

— Кричать будете только если я разрешу, — с мрачной решимостью произнесла она. — Вы принадлежите мне. И даже если вы сейчас будете проклинать меня, в конце концов вы поймёте, что я спасла вам жизнь.

Но ее слова не произвели никакого впечатления на раненых. Крики все звучали и звучали, Айлин заставила замолчать некоторых кобольдов, и в конце концов стало чуть тише.

— Эй, давай что-то делать! — Байлин толкнул Галара в бок. — В эту ночь мы все товарищи, что бы там ни было в прошлом, — и с этими словами капитан подошел к маленькой фигурке, лежавшей скрючившись на земле, и потушил огонь на его меховой курточке несколькими горсточками снега.

Нир тоже принялся за работу. Он забросал снегом пламя из кувшинчика, разбившегося неподалеку от них. Крики стихли, сменившись негромкими всхлипываниями, когда туман снова пронзила яркая вспышка света.

— В сторону, Че! -— заорал Галар. — Руки в ноги!

Предводитель кобольдов поднял голову к небу, на миг нахмурился, а затем замер, словно тоже попал, под действие странного заклинания, наложенного Айлин на тех, кого объяло пламя.

— Чертов идиот! — Галар бросился вперед. Кобольды все до единого пустозвоны, да еще и тупы до умопомрачения. Карлик подхватил Че и бросился бежать. Пробежал всего два шага, поскользнулся на обледенелом берегу. Спустя всего один удар сердца сверху рухнул глиняный кувшинчик, почти на том самом месте, где еще только что стоял Че. Расцвел еще один огненный цветок. Что-то брызнуло на руку Галару. Он застонал, ударил рукой по снегу, откатился в сторону от кобольда, которого придавил своим телом.

Но рука не горела, на него просто брызнула капелька раскаленного масла. Кожа на тыльной стороне ладони вздулась огромным, красным волдырем.

— Вот дерьмо, — выругался он сквозь стиснутые зубы, когда что-то ударило его в спину.

Че колотил его по жилету огромным снежком.

— Ты дымишься, — пояснил кобольд. — Много масла попало, даже два маленьких язычка пламени появились. Но я их уже потушил.

Галар недоверчиво поглядел на кобольда. Че стоял, склонившись над ним, на груди у него висела широкая перевязь, которую он снял с какого-то подлым образом зарезанного карлика. Нужно было просто оставить этого ублюдка стоять на месте, ведь у того на совести была жизнь не одного карлика. А когда здесь все закончится, возможно, он со своим отрядом кобольдов развяжет новую войну против карликов Ихавена. Все было так легко...

— Спасибо! — вдруг произнес Че. Было видно, что это слово далось ему нелегко.

— Тут так темно, что я принял тебя за карлика.

— Да я понял, — усмехнулся кобольд. Он знал, что ни один карлик Альвенмарка не может случайно спутать кобольда с представителем своей расы.

За их спинами в снег рухнули еще два снаряда.

— Кричите! — приказала Айлин.

И на этот раз вой поднялся такой, словно загорелось пол отряда. Кроме того, крики теперь звучали до ужаса естественно. Че протянул руку Галару, чтобы помочь подняться.

— Пойдем ближе к берегу.

Галар не принял руки. Не настолько он еще опустился, чтобы принимать руку помощи от Ледяной бороды!

—Упрямый, да? — Че было весело. — Ты первый из карликов, который мне по душе, — с ухмылкой заявил он. —Конечно, примерно так же, как каменная гадюка, которую жаришь на костре. Но когда такая мерзкая гадюка наконец-то сдыхает и как следует прожаривается, это не может не радовать.

— Это что было? — заворчал Галар. — Оскорбление или объявление войны?

Че развел руками.

— Ничего такого. Ты спас мне жизнь. Мне, предводителю клана Ледяных бород. Я потрясен, да, более того, даже немного тронут.

— Было бы здорово, если бы ты не стал болтать о том, что я сделал, — проворчал Галар. — Скорее всего, карлики Ихавена повесят меня за этот героический поступок на первом же столбе.

Че покачал головой, а когда ответил, в его голосе никакой издевки не чувствовалось.

— Нет, они придумают кое-что похуже.

Они дошли до берега парящей реки. Над ними в тумане снова полетели огненные шары. На этот раз они промахнулись мимо орудийных расчетов шагов на сорок.

— Кричите! — снова приказала Айлин.

Тролли, карлики и кобольды подчинились, послышались жалобные причитания. Благодаря идее Нира, воплощенной безжалостной эльфийкой, в их рядах сейчас не рвались огненные снаряды. Но Айлин не обращала внимания на успех, напряженно вглядываясь в туман над рекой, и Галар спрашивал себя, что за новые ужасы ей видятся в нем.

Семь песочных часов

Артакс шея вдоль длинного ряда катапульт, стоявших на берегу. К этому моменту огромных орудий с длинными плечами построили уже двадцать три. За ними лежали сотни огненных снарядов.

— Ты понял меня? — строго спрашивал он следовавшего за ним худощавого капитана. Валесиец кивнул, пышный плюмаж на шлеме качнулся у самого лица. Артакс считал этого человека спесивым франтом. В этом первом бою валесийцам было поручено обслуживать орудия. Они обстреливали другой берег три дня, пока оттуда не стали слышаться лишь одиночные вскрики.

— Переверните песочные часы! — приказал своей свите Артакс, и в тот же миг семь песочных часов перевернули вверх ногами.

Одни часы Артакс взял и лично протянул валесийцу.

— Из катапульт палить, сколько хватит сил. Превзойди сам себя! Преврати противоположный берег в огненную стену. Но как только последняя песчинка упадет в этих часах, вы прекращаете стрелять. Именно в этот миг вмешаются наши люди.

Капитан снова кивнул, и слишком длинный плюмаж снова качнулся у самого лица.

— Я полагаюсь на тебя, Вибий. Если твои катапульты вовремя не прекратят стрелять, в огне погибнут сотни наших собственных воинов.

— Я не спущу взгляда с этих песочных часов, — теперь по голосу капитана было отчетливо слышно, насколько неловко он себя чувствует.

— Если же ты остановишь стрельбу слишком рано, у демонов будет возможность снова встать к копьеметам. Все зависит от тебя. Я верю в тебя! — Артакс увидел, что последние слова рассеяли последние сомнения капитана. Командующий орудиями теперь выглядел увереннее, чем прежде.

Окинув взглядом своих слуг, бессмертный снова удостоверился в том, что все песочные часы перевернуты. Теперь атака была неизбежна, и время утекало, словно песок сквозь пальцы. Коротко попрощавшись, Артакс ушел от катапульт и стал спускаться дальше

по течению, туда, где у самого берега стояли катамараны воинов с Плавучих островов. Плоские двойные корпуса лодок должны были скользить по замерзшей земле, как сани.

Среди воинов его ждал бессмертный брат, Кеану, Повелитель всех вод. Стройный высокий воин был одет в плащ из перьев, отливавший всеми цветами радуги. Доспех его был похож на доспех Артакса, только его нагрудник был сделан в форме панциря черепахи.

— Твои люди готовы?

Кеану широко усмехнулся.

— Они ждут не дождутся возможности проявить себя и победить, после того как все потерпели поражение.

Высокомерие брата не понравилось Артаксу, но он не подал виду.

— Выведи лодки на середину реки, как договаривались, — он подозвал слугу. — Как только закончится песок в верхней части часов, катапульты перестанут стрелять. Тогда вам необходимо продвигаться как можно быстрее в сторону вражеского берега.

Кеану принял песочные часы.

— Я прекрасно помню, о чем мы договаривались. Не нужно еще раз напоминать мне план.

— *Вот наглый сучоныш,* — возмутились голоса в мыслях Артакса. — *Не стоит спускать подобные дерзости. Промолчишь — и он расценит это как слабость. Ты же знаешь, он союзник цапотцев и сделает все, чтобы подорвать твой авторитет*.

«Обладать авторитетом по-настоящему — значит не реагировать на всякую провокацию», — подумал Артакс, а вслух сказал:

— Я рассчитываю на тебя, брат Кеану. Ваша атака может склонить чашу весов в сторону победы или же поражения.

— Мы будем на том берегу первыми, — уверенно ответил Повелитель всех вод.

— В таком случае ты посрамишь всех своих братьев, — с этими словами Артакс отвернулся и пошел дальше к летающим башням цапотцев. Их бессмертный стоял на самом высоком из возведенных

бамбуковых стволов лесов. Он был одет в доспех из перьев и стоял, скрестив на груди орлиные крылья. Вокруг него за леса держались дюжины воинов-орлов. Все они полетят над рекой, раскинув крылья, как только придет время атаки.

Артакс специально решил не подавать голосовых сигналов, которые могли бы услышать и демоны на другом берегу. Песочные часы покажут, когда настанет время перейти в наступление. Они намеревались атаковать врагов без предупреждения и смести их.

Навстречу Артаксу вышел воин в черном доспехе ягуара и почтительно склонился перед ним. Широкие золотые браслеты говорили о том, что ранг у воина высокий.

— Мой повелитель хочет вести воинов-орлов в бой. Прошу, простите, что он лично не может спуститься и принять вас, бессмертный Аарон, правитель всех черноголовых Меня зовут Некагуаль, и я обязан выполнить все ваши пожелания со всей тщательностью.

Артакс понимал, что все это лишь отговорки. После его нападения на храмовый квартал цапотцев в Золотом городе, когда Артакс вызволил Володи, между ним и Некагуалем царила открытая и непримиримая вражда.

— Отнеси своему повелителю эти песочные часы, Некагуаль. Он со своими воинами должен идти в атаку, как только песок полностью перетечет.

— Так и будет! — Поклонившись, Некагуаль принял песочные часы, переданные ему одним из слуг из свиты Артакса.

Бессмертный был рад, что эта встреча осталась позади, он направился к дороге, ведущей к мосту: там уже собрались длинные колонны воинов. На этот раз главная атака тоже будет происходить на этой узкой тропе, и Артакс был уверен, что на этот раз они сумеют прорваться. В конце концов, кажется, на том берегу не так много защитников. Если их атакуют одновременно с воздуха, по воде и на мосту, они будут сметены — ведь и без того сильно пострадали во время обстрела. Крики раненых и умирающих были отчетливо слышны даже на этом берегу, особенно глухой рев великанов.

Войска Лувии возглавляли колонну. Воины стояли, опираясь на высокие щиты, и негромко переговаривались между собой. У губ образовывались густые облачка пара. На ногах у всех были плотные

меховые гамаши, толстые жилеты и плащи из тяжелой шерсти. Как и на равнине Куш, лувийские воины подготовились к войне наилучшим образом. На длинных копьях сверкали дорогие железные наконечники, мужчины казались бесстрашными, хоти наверняка слышали о случившейся в первые дни резне.

Некоторые воины махали ему руками, узнавая его по доспехам и большому шлему-маске, который он нес под мышкой. Не так давно они стояли друг напротив друга на поле сражении и были врагами, но с тех пор как Лабарна сменил на посту бессмертного своего предшественника, Муватту, все изменилось. Они оба хотели мира, и на протяжении вот уже многих веков отношения между Арамом и Лувией не были настолько дружелюбными, как в последние месяцы.

— Эй, крестьянский командир! — послышался звучный голос. От маленькой группы в конце колонны отделился великан. Среди окружавших его воинов он был одет проще всех. Шерстяные штаны потрепаны и забрызганы грязью, гравюра с изображением крылатого существа на бронзовом нагруднике, несмотря на хорошее качество, подернулась патиной. На перевязи висел шлем-маска, символ статуса бессмертного. На плечах у воина лежала массивная булава с бронзовыми шипами. Лабарна лениво поддерживал ее руками и издалека напоминал распятого.

— А, вот наконец и лувийский лысый, — широко усмехаясь, ответил Артакс. Лабарна брил голову, оставляя только две широкие завитые пряди на висках.

Спустив булаву с плеч, Лабарна подошел к Артаксу и схватил его за запястья, приветствуя его как воина.

— Рад видеть тебя, Аарон! Как хорошо, что командуешь здесь именно ты, — он понизил голос до шепота. — Мне не хотелось бы принимать приказы от бессмертного, который одевается словно надутый индюк.

— Ты будешь на острие атаки, — серьезно произнес Артакс. — Это самая опасная задача.

— Да знаю я, что ты никак не успокоишься, надеясь как можно скорее уложить в могилу любимчика Иштары, — он по-приятельски хлопнул его по плечу, и Артакс чуть не рухнул на колени. Наверное, лошадь могла бы лягнуть его нежнее в доказательство дружбы, чем хлопнул его по плечу этот великан.

— Не беспокойся об этом. Мы с мужиками думаем точно так же. Там, где труднее всего, нужно ставить лувийцев — если хочешь победить. И право возглавить атаку для нас большая честь.

«Легко говорить таким образом, если у тебя есть доспех бессмертного», — подумал Артакс.

— Остальные посвятили тебя в подробности плана?

— Как раз занимались этим, — он подозвал группу капитанов, с которыми стоял, и Артакс узнал Субаи, сына Мадьяса, Орму, капитана его кушитов, и бессмертного Володи.

— Это те самые песочные часы? — Лабарна кивнул в сторону следовавшей за Артаксом свиты. — Необычная идея договориться о времени начала атаки. Я-то считаю, что началом бури, надвигающейся на врагов, должны служить звуки рогов, голоса полководцев. А шуршащий песок... хм, ничего героического, — он обнял Артакса за плечи. — Идем, поговорим с остальными. Володи все еще обижается, что ты не хочешь брать его с собой в небо.

По пути Лабарна продолжал уже тише.

— Я рад, что твой выбор пал не на меня. Я не трус, честно, но то, что ты задумал, просто не для меня.

— И несмотря на это, настанет день, когда нам придется сделать это всем, — ответил Артакс.

Лабарна усмехнулся.

— Я простой человек, друг мой. Я редко задумываюсь о завтрашнем дне.

Полководцы стояли у жаровни и грели руки, а за спинами у них толпились всадники ишкуцайя. Субаи пойдет со своими степняками следом, как только Лабарна сумеет оттеснить врагов от моста. Конные лучники должны были отрезать демонам возможность к отступлению, в то время как Володи третьим должен был вести своих воинов на мост, чтобы помочь Лабарне довершить дело. Орму же должен был остаться в лагере, вместе с воинами Арама.

Артакс не сомневался в победе, его смущал только дракон. Как он поведет себя? Если он атакует мост, в то время как там будут стоять сотни воинов и ждать накала событий и возможности ворваться в ряды сражающихся, получится бойня, и он был намерен

это предотвратить!

— Вы все знаете, что нужно делать?

Полководцы кивнули, только Субаи что-то проворчал себе под нос. Стенной всадник Артаксу не нравился. Казалось, он всегда пребывает в дурном настроении, а еще в уголках рта таились жестокие складочки. Кроме того, правитель прекрасно помнил истории, которые рассказывала о своем брате Шайя. Шайя... Интересно, где она сейчас? «Не думай об этом», — одернул он себя. Нужно забыть о ней. По крайней мере, на время сражения... Она стала лишь мечтой, вроде той Альмитры, которую он, бедный крестьянин из Бельбека, придумал себе давным-давно.

Сейчас он стал самым могущественным правителем на Дайе, но мечта о женщине, с которой ему хотелось бы жить, была так же недосягаема, как и тогда, когда жизнь его определяли голод и бедность. Ничего не изменилось... Он в ярости сжал кулаки. Нет, он не собирался просто смириться с ее потерей! Он займется поисками, когда все это закончится, и найдет ее, даже если на поиски уйдет вся оставшаяся жизнь. Но для начала он должен победить здесь!

Артакс подозвал слуг с оставшимися песочными часами и велел передать их полководцам. Не получил часов только Орму, поскольку он не участвовал в атаке, и охотник ценил оказанную услугу. Он не был трусом, но не испытывал большого желания вести своих в самоубийственный бой ради толики чести и славы. В отличие от Володи, который дулся из-за того, что ему с воинами доведется выйти на мост последними.

В верхней части песочных часов песка осталось ровно на два пальца. Время уходило.

— Вопросы есть?

Ответом было молчание. Все смотрели на песочные часы.

— Вы понимаете, что вся тяжесть этого сражения и успех всего мероприятия зависит в первую очередь от вас? — повторил свою фразу Артакс. — Надеюсь, что через час все закончится и мы все увидимся на другом берегу в добром здравии.

— Увидимся на другом берегу, Аарон, правитель всех черноголовых, — торжественно ответил Лабарна. — Мы знаем, какой бой ты избрал себе, и кто идет на величайший риск. Да пребудут с

тобой боги!

Артакс смущенно улыбнулся, затем коротко кивнул и направился к Длиннорукому. Девантар ждал его в лощине, защищенной от любопытных взглядов. Были здесь и Мадьяс с Ансуром, бессмертным правителем Валесии. И три льва со сложенными золотыми крыльями.

Созданий божественного кузнеца внушали страх. Под ярким зимним солнцем их фигуры, вдвое превышавшие высотой человеческий рост, сверкали просто неземной красотой. Артакс протянул руку и осторожно погладил причудливую шерсть. Металл был теплым на ощупь, словно мужчина коснулся живого тела. Лев повернул к нему голову, поглядел на него своими небесно-голубыми глазами, словно был существом разумным, а не машиной, созданной Длинноруким. Грива была сделана из сотен наложенных друг на друга золотых пластинок, негромко позвякивавших при каждом движении. Открыв пасть, он продемонстрировал Артаксу длинные клыки, а затем с металлическим звоном захлопнул ее.

—Я на них почти не летал, — пояснил Длиннорукий, чувствовавший себя явно не в своей тарелке при мысли о том, что предстояло совершить людям. — Они почти не испытаны. Идти на них в бой — чистейшей воды безумие. Это не говоря уже о том, что вы не пробовали летать.

— Длиннорукий прав, — подтвердил Ансур. Всякий раз, встречаясь с этим бессмертным, Артаксу думалось, что он скорее ученый, нежели воин. Он был хрупкого и невысокого телосложения, лицо у него было узким, а самым ярким признаком была большая родинка прямо над верхней губой. И только серые глаза полыхали страстью, из-за которой первое впечатление быстро забывалось.

— Я прочно сижу в седле, и мне не важно, что за зверь подо мной, — презрительно фыркнул Мадьяс. — Я не стану стоять и смотреть, пока мои люди сражаются!

Артакс понимающе кивнул. Какое облегчение — знать, что ты поднимешься в небо не один.

— Когда прилетит дракон, лишь мы сумеем защитить наших воинов от смерти в огне, — бессмертный перевел взгляд на часы. В верхней части песка оставалось всего на один палец. Отступать уже некуда.

— Тогда вам потребуется вот это, — и с этими словами Длиннорукий наклонился и поднял предмет, который наполовину был скрыт в свежем снегу. Копье длиной в почти четыре шага, с похожим на клинок меча наконечником и тяжелым шаром на другом конце. — К сожалению, оно сбалансировано не идеально. За столь короткое время большего я не успел. Чтобы вернуться на землю живыми, вам потребуется не только мужество, но и добрая толика удачи!

Порожденное благородством

Берег уже не блестел так по-зимнему красиво, а казался Айлин скорее пародией на жизнь. Под твердым кристаллоподобным льдом стал виден серый гранит. Условия для существования чего бы то ни было отсутствовали. Лед был подобен чарам, скрывавшим реальность. Он позволял представлять себе, что это место, с его чарующе парящей рекой могло бы быть очень красивым, если бы здесь светило теплое солнце. Иллюзия, уничтоженная огнем.

Там, где лед уцелел, черный дым от горящего масла оставил свой цвет. Те из ее воинов, кто уцелел, были настолько же черны. Сажа осталась на одежде, волосах и лицах, покрасневшие глаза горели. Подобно тому, как в кузнице под ударами кузнечного молота из трех кусков различной руды куется лучшая сталь для войны, так и здесь безжалостный грохот катапульт и горящее масло превратили ее воинов в неподражаемый клинок, который она теперь сжимала в руках, чтобы принести детям человеческим дар смерти. Ее тролли, карлики и кобольды забыли о былых ссорах, вся их сила была собрана в единый кулак. Слабых и невезучих забрал огонь.

Несмотря на то что им удалось обмануть детей человеческих и большинство снарядов взрывались за спинами отряда, чуть дальше по берегу попаданий было много. Погибла почти треть ее людей, и, умирая, они получали арбалетный болт в голову, чтобы не восстали снова, чтобы тела их не стали рабами духов, облюбовавших это место.

Люди снова вели более серьезный обстрел, хотя на протяжении последних часов казалось, будто горючие снаряды у них постепенно заканчиваются.

Вдалеке на берегу расцвели два новых огненных цветка, и тролли прежде прочих стали заходиться в стонах и криках боли. Айлин знала, что высоченные воины страдают от солнечного света.

Альвы создавали их для мрачного Снайвамарка, и на ярком солнечном свету они словно бы впадали в спячку и начинали лениться. И жаловаться.

Неподалеку от нее стояли двое, которые вообще-то должны были остаться с Гламиром в городе детей человеческих. Появление

солнечного дракона настолько напугало их, что они бросились бежать, и бежали насколько хватило сил. Что произошло в городе? Почему большой солнечный дракон не прилетел сюда? Может быть, выжидает, когда люди снова пойдут в атаку, чтобы устроить бойню на мосту? Но это противоречило плану небесных змеев. Божественные драконы не предполагали милосердного конца для ее отряда. При мысли о том, что должно произойти, эльфийку охватывала холодная ярость. Она пришла сюда с отрядом оборванцев, превратившимся в отряд храбрейших героев. Просто стыдно разбрасываться такими жизнями! Они заслуживают лучшей участи — особенно после того, как столько времени храбро держались здесь во имя драконов.

На берегу появились новые огненные столбы, по граниту в реку потекло раскаленное масло и поплыло прочь по течению маленькими огненными островками. Ветер приносил густой черный дым, слепил глаза.

Внезапно Айлин осознала, что воцарилась противоестественная тишина. Перестали жалобно причитать тролли. Серые воины-исполины молча глядели на берег, туда, где среди клубов дыма появилась изящная белая лошадь. Нет, не лошадь... У Айлин захватило дух. Единорог!

Об этих существах она слышала только в сказках и никогда не встречала тех, кто видел бы живого единорога. Говорили, будто их создали не альвы, а они стали порождением Золотой сети. Они воплощали в себе невинность и красоту и появлялись лишь тогда, когда кто-то беззаветно готов был принести себя в жертву, и некоторые утверждали даже, будто именно подобные поступки и приводили к появлению единорогов. Бескорыстная жертва, какая бывает, пожалуй, раз в столетие. То есть для появления единорога не было места более неподходящего, чем здесь, на поле сражения посрет ледяной пустыни Нангога.

Он грациозно шел сквозь черный дым, и на берег уже смотрел весь ее отряд. Никто не отпускал сальных шуточек, никто не поднял оружия. Убийцы и варвары, оказавшиеся под ее командованием, были потрясены неземной красотой единорога.

Послышался глухой удар катапульты, и всего несколько мгновений спустя слева и справа от единорога вверх взметнулись огненные колонны. Но ни один язычок пламени не коснулся

блестящей белой шерстки. Единорог встал на дыбы, запрокинул голову, так что грива затрепетала на ветру, и заржал, словно приветствуя воинов. Затем отвернулся и помчался в сторону города.

Может быть, он хотел им что-то сказать? Непривычный звук оторвал Айлин от размышлений, и волшебный, чарующий миг тут же рассеялся, когда она осознала, что именно слышит: скрип весел! Эльфийка открыла Незримое око и увидела то, то скрывал от взглядов ее людей туман. По реке шли дюжины кораблей. Их было слишком много, чтобы их можно было остановить.

— К копьеметам! — спокойно приказала она. Этот бой уже не выиграть, можно лишь выбрать, погибнуть героями или трусами. — Орудие с шестого по десятое — целься на реку. Нас атакуют и оттуда. В борта не стреляйте, вы их не потопите.

Карлики молниеносно повиновались приказу.

— Гроц! Пошли на мост лучших своих людей! Остальные понадобятся нам здесь. Че, веди своих воинов к берегу, цели выберете себе сами. Старайтесь не ввязываться в ближний бой. Постарайтесь застрелить как можно больше людей.

— В качестве утреннего дара мы принесем тебе сотню голов, красавица! — весело ответил кобольд и улыбнулся ей почерневшими от сажи губами.

«Никогда в жизни меня не называли красавицей столько раз за столь короткий промежуток времени», — подумала Айлин. Эльфийка жалела, что ей так и не встретился эльф, хоть немного похожий на Че. Этот мерзавец ей нравился, но это навеки останется тайной.

— Я что-то вижу! — крикнул Ниру, один из стрелков. — Пусть отведают нашей стали.

Первая волна

Из тумана показались две ярких птичьих головы, направляясь прямо к их отрезку берега.

— Альвы всемогущие, это еще что такое? •— прошептал Нир.

— Корпуса лодок, — Галар стоял рядом с орудием и держал наготове следующее копье. Несмотря на пронзительный холод, ладони стали мокрыми. Из тумана показывались все новые и новые ярко раскрашенные головы. Пара цапель, ящерицы, две желтые собаки. И вот теперь Галар увидел и детей человеческих. На орудийных палубах, расположенных между двумя корпусами, плотной толпой стояли воины с оббитыми мехом щитами.

Нир даже не стал дожидаться, пока прозвучит первый приказ стрелять. Он нажал на спусковой крючок, и копье полетело прочь. Байлин тут же принялся крутить рукоятку, заново натягивавшую стальной лук орудия.

Галар увидел, как копье пробило один из оббитых мехом щитов. Над водой пронеслись крики. Дети человеческие стояли настолько плотными рядами, что раненый не упал.

— Копье! напомнил ему Нир, а Байлин продолжал взводить механизм.

Галар положил снаряд на направляющую и нагнулся, чтобы вынуть еще одно копье из длинного кожаного колчана, лежавшего рядом с орудием на скалистом грунте. Прямо у поставки копьемета лежал кувшин с маслом. Один из выпущенных детьми человеческими снарядов, упавших на снег и не разорвавшихся. Айлин позаботилась о том, чтобы каждое их орудие можно было поджечь по приказу. Они ни в коем случае не должны были попасть в руки людям.

Нир снова спустил рычажок, копье унеслось вперед.

— Копье! — снова напомнил он Галару. Нир был поразительно спокоен. Казалось, он видит лишь цели, а об остальном, что движется к ним сквозь туман, даже не задумывается.

В этом отношении у Галара времени было побольше. Воины были плотно укутаны. Сейчас они были уже достаточно близко и над щитами можно было различить лица. Все они были покрыты самыми

причудливыми татуировками, и были похожи на звериные морды, вырезанные на кораблях.

Галар положил на направляющую очередное копье. Еще пятнадцать шагов, и они будут здесь. Снаряд улетел прочь. На этот раз Нир попал в воинов, стоявших на самом краю отряда, выстроившегося на орудийной палубе, и они полетели в воду. Все трое! Одно-единственное копье убило троих! Вода рядом с катамараном вспенилась. Галару лишь на миг удалось увидеть огромный клюв в серых водах, а затем один из татуированных сынов человеческих исчез.

Немного правее от катамарана с головой птицы лодка вдруг накренилась, один из корпусов лодки поднялся, воины на палубе зашатались. Держаться им было не за что, и дюжины людей посыпались в воду, а стоявшие на соседних лодках воины стали метать копья в длинную, темно-серую спину, торчавшую из воды. Вскоре существо стало похоже на ежа, но все эти раны были для нее не страшнее булавочных уколов.

— Копье! — снова напомнил Нир.

Галар оторвался от созерцания происходящего на воде, вытащил из колчана следующее копье и протянул товарищу. Два тролля встали по бокам от орудия, и над их головами просвистели первые арбалетные болты.

Над водой поднимался странный, бледно-зеленый туман, двигаясь в сторону, противоположную направлению ветра. Подобно кракену, он образовал щупальце и потянулся к людям, которые, размахивая руками, пытались добраться до берега. Галар увидел, как один из покрытых татуировками людей встал на твердую почву и, подняв копье, ринулся к берегу. На лице его читалось огромное облегчение и радость от того, что ему удалось выбраться из смертоносной воды, когда арбалетный болт пробил его левый глаз, оставив вместо него окровавленную дыру.

Высадка на берег сопровождалась оглушительными боевыми криками. Где-то в тумане трубили боевые рога, и их глухой рев проникал в самое нутро.

Одного из воинов схватила рыба с несколькими рядами зубов в огромной пасти и потащила обратно на глубину. Заскрипело по камням дерево, когда первые катамараны подошли к берегу на пять

шагов.

Галар подал следующее копье. Их орудие снова несло гибель рядам детей человеческих, которые прятались за высокими щитами, не в силах спастись от гибели. Прочная кожа щитов рвалась, словно тонкий шелк. Сынов человеческих отбрасывало назад, но воины справа и слева от них прыгали на отмель неподалеку от берега.

Щелканье ворота, вращая ручку которого Байлин снова взводил орудие, казалось Галару неестественно громким. Нир снова нацелил копьемет. Оба тролля, стоявшие рядом с ними, которые должны были защищать их орудие от противников, побежали. Издавая громкие кличи, они неслись вперед, но Галар слышал только негромкое металлическое позвякивание механизма. Он наклонился и вытащил из кожаного колчана следующее копье.

Нир принял у него снаряд и вложил его в желобок направляющей.

Тролли и дети человеческие столкнулись. Кожаные щиты рвались под яростными ударами дубинок, но воины с кошмарными разукрашенными лицами не отступили. Они падали под ударами, но вместо каждого убитого словно бы восставало двое новых. Они тыкали в гигантов из Снайвамарка длинными копьями, и вот уже по покрытой шрамами коже потекли струйки темной крови.

Нир нашел брешь между сражающимися и выстрелил снова.

Когда копье вновь проткнуло двоих и сбило их с ног, поднялся жалобный вой.

И вдруг на первого из двух троллей спикировал орел. Его сверкающие серебром когти впились в его плечи и шею.

Тролль выронил дубинку и схватился обеими руками за шею, когда один из когтей вспорол ему горло. Только теперь Галар понял, что это не огромная хищная птица, а воин, вроде тех воинов в кошачьих доспехах, с которыми они столкнулись, когда только пришли в эту проклятую ледяную пустыню. Только у этого было птичье оперение, а руки были продеты в длинные крылья.

Воин-орел не мог высвободиться из хватки умирающего тролля, которому другие воины теперь вонзили копья в грудь.

Галар снова подал другу копье. Сражение уже разворачивалось шагах в трех от их орудия. Слева от них ярким пламенем загорелся

первый копьемет. Линия обороны на берегу была прорвана, но Нир еще не думал о том, чтобы бросить свое излюбленное орудие.

Галар на миг поднял голову к небу. Там уже кружило несколько воинов-орлов. Кобольды обстреливали их, но теперь воины с татуированными лицами прорвали их оборону в еще одном месте на берегу, и один из них мчался прямо на Галара. Прикрываясь щитом, он, судя по всему, намеревался просто сбить его с ног.

— Ты никогда еще не сражался с карликом, морда, — заорал на него Галар, выхватил из колчана копье и, издавая пронзительный клич, побежал навстречу сыну человеческому. В самый последний миг он бросился на землю. Нижний край щита ударил Галара по спине, но там его защищала драгоценная кольчуга из серебряной стали. Щитоносец уже не мог остановиться, он споткнулся о собственный щит, а Галар ловко откатился в сторону и одним прыжком снова оказался на ногах.

Не испытывая ни малейшей жалости и сочувствия, он вонзил сыну человеческому, который наполовину лежал на собственном щите и не мог поднять его, чтобы защититься, копье в грудь. Воин удивленно поглядел на него, широко открыв рот, а Галар повернул наконечник, чтобы высвободить его из раны.

Краем глаза карлик увидел, как упал тролль, в шею которого вцепился воин-орел. Их орудийный расчет смели. Байлин бросил взводить механизм и выхватил из-за пояса тяжелый топор, одновременно с этим пригибаясь и уходя от удара копьем.

— Горшок с маслом! — закричал Нир, изо всех сил старавшийся отразить удары булавы с длинным изогнутым зубом длиной с кинжал. — Копьемет не должен попасть им в руки! — С каждым ударом стрелка все дальше и дальше оттесняли от орудия, которое принесло смерть стольким детям человеческим.

Галар бросил своего умирающего противника, с губ которого лилась кровь и сыпались какие-то проклятия. Несколько троллей под командованием Гроца пытались провести контратаку и загнать людей обратно на лодки, но чуть ниже по течению реки появились еще катамараны, и там атакующим не мог помешать никто. Карлик не сомневался, что полное окружение их отряда — только вопрос времени.

Гроц же, кажется, совершенно не задумывался об этом. Его

покрытое шрамами лицо было перекошено в диком экстазе, и он мчался на врага, держа наперевес ствол дерева толщиной в плечо тролля. Он то использовал его как таран, временами отражая удары детей человеческих, словно щитом, а затем снова принимался размахивать как булавой. С криком, словно хищная птица, на Гроца с неба спикировал воин-орел, угрожающе выставив вперед похожие на кинжалы когти.

— Сверху! — заорал Галар.

Для столь массивного существа Гроц отреагировал на удивление быстро. Он поднял ствол дерева, которое использовал в качестве оружия, вертикально вверх, и воин-орел на лету напоролся на верхний конец ствола. В разные стороны полетели перья, словно бы ястреб убил голубя. Одно крыло птицеподобного воина загнулось назад и сломалось, а Гроц тем временем перехватил ствол, размахнулся и со всего размаху ударил по ряду копьеносцев, строившихся на берегу.

Все взгляды устремились на тролля, который ринулся в бой с оглушительным ревом. Галар воспользовался возможностью, чтобы пройти мимо двух воинов и поднырнуть под копьемет. Рукоятью кинжала он разбил кувшин с маслом и схватил фитиль, тлевший на земле рядом со вторым разбитым кувшином. Из искры постепенно разгоралось пламя, ползшее по сеточке из переплетенных пеньковых веревок. Этого должно хватить. Еще несколько мгновений — и деревянное орудие загорится.

Галар выбрался из-под копьемета и как раз собрался отойти, когда сильный удар в спину швырнул его на землю. Жидкая борода карлика окунулась в масло, пролившееся из разбитого кувшина. Скорее удивленный, нежели оглушенный, он попытался подняться, когда получил еще один удар в спину. За мгновение до того, как снова рухнуть на землю, он краем глаза заметил нацеленное на него копье.

Ругаясь, он перевернулся на спину. Когда копье опускалось в третий раз, на этот раз целясь ему в грудь, он схватился за древко прямо за лезвием наконечника, одним рывком выхватил его из рук воина, на лице которого была вытатуирована рыбья пасть.

– А я думал, что проклятые рыбы сегодня сражаются на нашей стороне, — проворчал Галар и повернул копье, нацелив его таким

образом на сына человеческого. Вместо того чтобы побежать прочь, воин ударил по копью щитом и, защищаясь плотной кожей, попытался броситься на Галара и придавить его к земле.

– Ты что, думаешь, что я блоха, которую так легко раздавить? — крикнул карлик.

Галар отвел копье в сторону и выхватил висевший в ножнах на поясе кинжал. Когда нападающий обрушился на него всем весом, он держал кинжал напротив груди. Сын человеческий собственным весом воткнул его себе глубоко между ребер. Эльфийский кинжал проткнул его щит и доспех. Глаза, обрисованные татуировками, испуганно расширились, воин хрипло вскрикнул. По губам его побежала кровь, когда он опустил голову и попытался укусить Галара за нос.

– Идиот! — Карлик напряг мышцы, уперся в щит и вместе с лежавшим на нем воином отшвырнул его в сторону, а затем вытащил кинжал из груди умирающего. — Вот дурак, надо было пробегать мимо, — проворчал он себе под нос, вытирая оружие о снег. — Думал, я маленький и беззащитный, а, рыбья морда?

Воин не ответил, глядя в ясное зимнее небо широко раскрытыми мертвыми глазами.

Вокруг Галара носились тролли, топая ногами. Казалось, серые великаны все же способны удержать позицию на берегу. Но ниже по течению реки собиралось все больше и больше воинов, а над водой плыли странные зеленые полосы, от одного взгляда на которые карлику становилось страшно. Там сплетали заклинания, а ведь всегда считалось, что дети человеческие магией не владеют. Если это правда, то где-то там, за туманом, спрятались их боги. По меньшей мере один из них... Самое время убираться отсюда!

Галар выхватил из-за пояса секиру и поглядел на тлеющий фитиль в разбитом глиняном кувшине. Нужно наконец поджечь орудие. Карлик с сомнением оглядел себя. С ног до головы он был весь забрызган маслом. Нужно быть очень осторожным!

Кончиками пальцев он потянулся к фитилю, вокруг которого трепетало слабое пламя и уронил его в Другую лужу масла. Прошло мгновение, прежде чем и там заплясал маленький огонек, постепенно увеличиваясь в размерах. Масло было холодным, горело плохо. Это хорошо. Карлик отвернулся и ухватил секиру обеими руками, когда

совсем рядом с ним прозвучал пронзительный крик. Несколько детей человеческих вонзили троллю копья в грудь, и великан, взмахнув руками, стал падать навзничь. Прямо на него.

Карлик отскочил в сторону. Слишком медленно! Одной рукой тролль больно ударил его и опрокинул на землю. Теперь он снова оказался рядом с копьеметом и в масле! А на груди у него лежала рука, тяжелая, словно дерево.

– Шевелись! — заорал он. — Идиот проклятый! Сделай же что-нибудь!

Тролль скосил глаза, поглядел на Галара. Веки его трепетали.

– Эй, не смей умирать сейчас, слышишь? Подними руку! — Галар изо всех сил уперся в тролля, когда через труп великана переступила фигура с копьем.

Галар тоже закатил глаза и решил притвориться мертвым, но краем глаза заметил, что пламя лизнуло деревянный копьемет и стало распространяться в его сторону, разгораясь все сильнее и сильнее.

Стоявший над ним сын человеческий пристально уставился на него.

«Не моргать!»—напряженно думал Галар, неподвижно уставившись в лицо, на котором была вытатуирована рыбья пасть с пугающим количеством зубов. Не шевелиться! Что бы ни случилось.

Последний праздник

Тролль двигался с раздражающей неторопливостью. Казалось, даже о таких мелочах, как парирование или уклонение, ему нужно сначала чуть-чуть подумать, а только потом сделать. Он пропускал один удар за другим, наносимый высоким воином с булавой. Золотой предположил, что это бессмертный, поскольку сражался он во главе своих воинов на мосту.

Единственное, что его удивляло в тролле, это то, сколько таких костедробительных ударов он способен выдержать прежде, чем рухнуть на землю. На миг перед ним промелькнул пейзаж и кусочек неба, а затем Золотой глазами тролля увидел, что над ним стоит воин с волчьим черепом на голове. Чья-то нога придавила тролля к земле. Сын человеческий поднял обеими руками булаву высоко над головой, а затем оружие обрушилось на него, прямо ему на лицо!

Золотой рефлекторно зажмурился. Удара он не почувствовал, и боли, доставшейся троллю, не испытал. Когда же небесный змей снова открыл глаза, связь с другим миром оборвалась.

Просто катастрофа. Сражение за Вану выходило из-под контроля, и он не мог сказать, обернется ли это успехом или катастрофой.

Он по-прежнему не понимал, почему оба тролля, бывшие его разведчиками, остались в городе людей. К счастью, его посланник, Вечернее Светило, настолько сильно напугал их, что они вернулись к войску. Но куда теперь подевался солнечный дракон? Последний раз он видел его глазами обоих троллей в человеческом городе.

Вечернее Светило должен был вернуться! Он получил недвусмысленный приказ. Почему же его до сих пор нет? Может быть, ввязался в сражение у реки? Солнечному дракону нравились драки и смерть... Но он был послан в качестве разведчика, а не в качестве воина.

Золотой решил в следующий раз наложить заклинание, позволявшее ему видеть чужими глазами, на кого-нибудь понадежнее. Например, на драконника. На такого, чьи лучшие времена уже миновали. Может, на Ливианну? Если ее мозг пострадает, это легко пережить. Все равно нужно что-то придумать,

чтобы избавиться от нее. Сколько можно терпеть тот факт, что она убивает своих собственных детей и все время ищет себе партнера в постель, с которым можно было бы зачать идеального эльфа. Не то чтобы он считал ее поступки слишком аморальными... В некотором роде это даже закономерно: почти все эльфы стремятся к совершенству, только обычно они создают произведения искусства, песни и закладывают красивые сады.

А Ливианна искала ребенка, из которого вырастет идеальный эльф. Красивый, как весна, умный, пронизанный магией, безупречный во всех отношениях. И эти поиски ослепили ее. Она родила Гонвалона и не увидела, насколько он ценен. Если другие эльфы поймут, что она делает, они придут в неописуемый ужас. А поскольку Ливианна драконница, это бросит тень на репутацию небесных змеев. Этого ни в коем случае нельзя допустить! Особенно сейчас, когда они должны объединить все силы Альвенмарка, чтобы выстоять в судьбоносном сражении с девантарами. В конечном итоге сможет выжить лишь один из миров, и он не допустит, чтобы Альвенмарк был обречен на погибель!

Дракон выпрямился, задевая головой низкий свод пещеры, в которой он спрятался ото всех. Осторожно высунулся наружу. Над огромным склоном горы, где собралось войско Альвенмарка, раскинулось чистое голубое небо. Его братья-драконы и тысячи детей альвов ждут его. Они собрались под знаменами всех цветов радуги. Вот вставший на дыбы белый пегас на белом же фоне, знамя эльфов из Сердца страны, два черных скрещенных арбалетных болта клана Ледяных бород с далекого севера, череп медведя на синем фоне, штандарт карликов из Ихавена или штандарты с конскими головами и хвостами — как у кентавров из Земель ветров. Сотни полевых знамен развевались на легком ветру, ощущавшемся над склоном горы. Никто и никогда в истории Альвенмарка не видел подобной армии. Эта сила способна была раздавить почти всякого врага — и, несмотря на все это, она так же, как и маленький отряд Айлин, была в конечном итоге лишь приманкой.

Они выманят армию детей человеческих на другую сторону моста, а затем, когда люди уже будут целиком и полностью уверены в своей победе, они атакуют войска детей человеческих и погонят прочь. Речь не о том, чтобы уничтожить их. Нет, они будут играть с ними, как кошка с мышкой. Нужно ввергнуть их в пучину глубочайшего отчаяния, чтобы они позвали на помощь своих богов,

девантаров. Если это произойдет, то они с братьями наверстают упущенное в Зелинунте. Они сделают так, что девантары погибнут в их общем пламени.

Золотой поглядел на небо. Солнце стояло в зените. Незадолго до сумерек они пойдут по драконьей тропе, созданной небесными змеями специально для них. Это будет новый путь сквозь тьму между мирами. Этот путь не смогут предугадать девантары, планируя свой поход. Нужно подождать еще, прежде чем люди перейдут мост и захватят Вану. У Айлин и ее воинов была лишь призрачная надежда на победу. Они были приманкой, и теперь их уже почти заглотили.

– *Ну, что?* — послышался в мыслях Золотого голос Дыхания Ночи. Дракон отчетливо чувствовал напряжение брата.

– *Уже гибнут. Еще часа три, четыре, и настанет время отомстить за наших павших детей.*

– *И ты хочешь, чтобы все это время они ждали здесь, на склоне?* — спокойно поинтересовался Приносящий Весну. — *Кобольды и кентавры не любят стоять на месте. Ты требуешь от них большего, чем они могут дать.*

Золотой не продумывал этот момент ожидания. Ему и в голову не приходило, что детям альвов это может быть неудобно. Сам он в такой солнечный день, как сегодня, мог часами лежать на скале и предаваться размышлениям, постоянно чувствуя, что время летит незаметно.

– *Они всего лишь дети,* — напомнил ему его брат с зеленой чешуей, и Золотому показалось, что в воздухе запахло свежей травой и первыми цветами. Приносящий Весну прочел его мысли! Это же противоречит их этикету!

– *И, несмотря на это, он прав,* — заметил Дыхание Ночи. — *Нет, я тоже не читал твои мысли. Достаточно поглядеть на тебя, и сразу ясно, о чем ты думаешь.*

Золотой едва сумел сдержать вспышку гнева.

— *Довейте займем детей. Как вам идея принять облик эльфов, походить среди них, поговорить с некоторыми, похвалить их? Устроим смотр войск, произнесем высокопарные речи о величии этого мига и том, как однажды они станут рассказывать детям, что в час величайшей нужды они были в войске и сражались ради*

спасения Альвенмарка.

— Тебе не кажется, что это глупо? — ошеломленно поинтересовался Красный

– Нет, они же дети, — поразительно, но на помощь ему пришел именно Дыхание Ночи.

Золотой недоверчиво покосился на брата, который, как обычно, отыскал себе тенистое местечко и словно бы слился с затаившейся там темнотой.

— Мы — их боги, — продолжал Дыхание Ночи. *— Несмотря на то что мы их не создавали, именно глядя на нас, они могут видеть только нас и встретиться только с нами. Они чувствуют окружающее нас дыхание вечности. Они думают, что мы можем все. Если же, как предложил наш брат, мы пойдем к ним и отметим некоторых своей похвалой, то они почувствуют, что стали словно бы тоже всемогущими. Для нас это мелочь, а для них — миг, который до самого смертного часа они будут хранить в сокровищницах своей памяти, как величайший в жизни. Сегодня у них есть шанс быть так близко к богам, как никогда прежде. Когда мы встретимся с ними яйцом к лицу, это вызовет всеобщий восторг. Даже кобольды застынут в изумлении и почтении. Давайте подарим им этот миг, прежде чем послать их на свою войну, и они отплатят нам самоотверженностью и несокрушимой верностью. Мы стоим на пороге новой эпохи. История затаила дыхание, и они участвуют в том, что произойдет. Устроим им этот последний праздник.*

Рожденные в потоке

Галар изо всех сил уперся в руку тролля. Постепенно мертвая плоть начинала сдвигаться с мертвой точки. За всю жизнь кузнеца засыпало трижды, но груз камней никогда не казался ему настолько тяжелым, как эта рука, которая пригвоздила его к земле, так что он мог только беспомощно наблюдать за тем, как пламя постепенно подбирается все ближе и ближе.

Карлик закричал от ярости и отчаяния. К этому моменту ему было уже все равно, может ли услышать его рыбьеголовый или кто-то другой из людей. Он снова уперся в руку, даже сумел приподнять ее на несколько дюймов, но выбраться из-по нее не сумел.

Пламя добралось до его подбитых мехом кожаных штанов, заплясало на темных пятнах, приближаясь к паху. Пока что жара он не чувствовал, но по спине уже стекали тонкие струйки липкого лота. Он же сгорит живьем! Как почти все карлики Глубокого города. Кузнец с горечью улыбнулся. Круг замкнулся. И он не достиг своей цели, не смог свергнуть с неба великих тиранов. Ниже по течению реки послышались дикие боевые крики, затем зазвенели мечи, утробно зарычали тролли, ринувшиеся навстречу новому противнику.

«Не хочу сгорать», — подумал Галар. Он хотел умереть смертью воина, его жизнь должна была оборвать холодная сталь.

– Сюда, сосунки! — заорал он изо всех сил, прекрасно понимая, что его не услышат и не поймут. — Давайте уже, идите сюда и сражайтесь, если осмелитесь.

Шум сражения приближался. Галар видел широкие плечи тролля, медленно отступавшего перед стеной вытянутых копий.

– Давайте, идите сюда! Сразитесь со мной! — снова закричал он, и голос его сорвался на визг, когда огонь добрался до паха.

– Я от вас не убегу! Я не боюсь! Идите сюда и посмотрите, как сражаются настоящие мужики!

. — Тебя что, по голове ударили? — Над ним с насмешливой улыбкой склонилась Айлин и прошептала слово на древнем, незнакомом ему языке. По телу карлика побежали мурашки, все волосы на теле встали дыбом. Эльфийка подняла руку тролля, словно

она была легкой, как перышко. Галар с облегчением вздохнул, когда тяжесть с груди исчезла.

– Скорее! — Айлин держала ручищу левой рукой. Внезапно ее правая рука устремилась вверх, она перехватила в воздухе копье, судя по всему, нацеленное в спину тролля, сражавшегося чуть дальше по берегу.

Галар с трудом поднялся на ноги и стал сбивать пламя ладонями. Кажется, это была неудачная идея — встать. Теперь пламя стало подниматься выше и распространяться быстрее. Оно уже добралось до его бороды!

Эльфийка снова прошептала слово, больше напомнившее карлику звериный рык, нежели ходовые языки Альвенмарка. Провела ладонью вдоль его тела, не прикасаясь к нему, и все язычки пламени погасли.

– Беги, Галар! Убирайся! Увидимся в Вану. Я с троллями попытаюсь прикрыть отступление. Беги, пока можешь. Войско девантаров пытается окружить нас, времени совсем мало.

– Я не трус! — возмутился кузнец. — Я никогда еще не бежал от сражения.

– Если ты не трус, то имей мужество признать наше поражение и принять решение, сражаться ли завтра снова, когда наши шансы победить будут выше. Тех, кто останется здесь, ждет смерть.

И с этими словами она отвернулась и ушла, по-прежнему сжимая в руке копье. Карлик впервые видел оружие в руке у Айлин.

Он решил тоже взять копье, благо на поле боя их было уже достаточно много. Первое оружие, которое он нашел, было плохо сбалансировано, а наконечник был бронзовый. Но карлик решил все же оставить его себе. Орудие его горело, и причин оставаться здесь уже не было.

Над ним скользнула тень. В небе все еще кружили воины-орлы, а еще выше было что-то еще. Оно приближалось со стороны солнца, и он толком не мог разглядеть, что это такое. Что-то серебристое с широкими крыльями.

Галар побежал: ему совершенно не хотелось смотреть на эту тварь вблизи.

На крутом скалистом берегу он то и дело спотыкался. Замерзшая кровь кобольдов снова стала скользкой, несмотря на то что из-за горючих снарядов снега и льда почти не осталось. Повсюду валялись мертвые представители клана Ледяных бород, а среди них — несколько воинов-орлов. Судя по всему, их крылатые противники напали на целый отряд кобольдов.

С берега Галару хорошо было видно все сражение. Мост защищали уже только два тролля, и долго им было не продержаться. Атакующие, которые высадились ниже по течению реки, отошли немного назад. К берегу подходили все новые и новые катамараны. Все их копьеметы горели, но загорелись уже и некоторые лодки, и черный маслянистый дым смешивался с белым туманом. У орудий погибли многие воины. Но к счастью, среди погибших не было Нира и Байлина.

Карлик в отчаянии оглядел маленький отряд тех, кто еще противостоял потоку детей человеческих. Айлин стояла между сражающимися троллями и стеной копий, выстроенной детьми человеческими. Она держала свое копье острием вниз. Длинное древко спрятано за спиной, белое платье полощется на ветру. Судя по всему, она собиралась лично остановить войско детей человеческих.

Трубы призвали к атаке, и строй людей ринулся на Айлин. Вместо того чтобы отступить, эльфийка побежала навстречу воинам. Взмахнув копьем, она перехватила оружие сразу нескольких атакующих. Двигалась Айлин просто с невероятным проворством, и это больше напоминало танец, нежели бой не на жизнь, а на смерть. Вскоре враги уже окружили ее со всех сторон, на нее были нацелены дюжины копий. Айлин начала вращение, разбивая деревянные древка вражеских копий, и сумела обратить силу, нападающих против них самих. Снег кружился в такт ее движениям, словно она была не существом из плоти и крови, а бурей во плоти.

Пронзительный крик заставил зачарованно наблюдавшего за боем эльфийки Галара вздрогнуть. Из реки на берег вышла обнаженная фигура с бледно-зеленой кожей. Никогда прежде кузнецу не доводилось видеть подобного существа. Ростом оно было выше тролля, но тело у него было изящным и грациозным, как у эльфийки. На голове у существа не было ни единого волоска, череп был вытянут назад и окружен костями в форме спиралей, немного напоминая рога горных коз. Вплотную к плоскому носу расположились большие

черные глаза, губы сложились в узкую черточку.

Существо потянулось и какое-то мгновение задумчиво поглядело на свои длинные руки с тонкими пальцами. У моста зеленые полосы тумана сгустились и образовали вторую фигуру, похожую на первую. Что это рождается из вод реки? Галар решил больше не ждать. Почти все, кто остался внизу, умеют бегать быстрее, чем он. Единственное, что способно спасти его, — это достаточно большая фора.

Когда у самых его ног в землю вонзилось копье, Галар испуганно поднял голову к небу. Лев с золотыми крыльями пролетел над самой его головой. В седле с высокой как трон спинкой сидела фигура, лицо которой словно было отлито из чистого серебра. Она вынула из висевшего у седла колчана еще одно копье, а лев развернулся и направился к мосту. Рядом с седлом, у самого колена всадника, в кожаной петле висело длинное копье. Под наконечником, похожим на лезвие меча, развевалось красное знамя с изображенной на нем львиной головой.

Полет льва сопровождался негромким металлическим гудением. «А мы-то думали, что дети человеческие не умеют плести заклинания», — с тоской подумал карлик. Они безнадежно недооценивали своих врагов, и теперь вынуждены будут поплатиться за собственное высокомерие.

Галар побежал, хоть и не очень быстро. Он знал, что впереди долгий путь и что нужно поберечь силы. Он мог стоять целый день у наковальни, крестец у него был широкий, как у быка, но бегать он не умея никогда. Он мог топать целый день с тяжелой ношей на спине, потом отдохнуть два часа и идти еще двенадцать. Но карликов создавали не для того, чтобы они бегали, это занятие для эльфов. Достаточно посмотреть на их длинные ноги, они же как лошади. А вот карлик больше похож на барсука. Крепкий, выносливый, умеющий зарываться под землю, но вот бегать... Тут Галар осознал, что с помощью подобных размышлений просто пытается отвлечься от происходящего. Просто хочет забыть об этой огромной зеленой фигуре, вышедшей из воды. У тварей были длинные ноги, и, судя по всему, они рождены, чтобы бегать.

Галар невольно оглянулся через плечо. Слева от него, на большом расстоянии, двигались две маленькие белые фигурки. Кобольды, наверное. Они такие медлительные! Галар засопел. Он

ничем не обязан этим убийцам карликов, несмотря на то что сражался здесь вместе с ними у этой чертовой дымящейся реки. И что еще важнее, у них ноги еще короче, чем у него. Они будут его только задерживать.

Карлик снова оглянулся, две фигурки продолжали бежать.

А ведь на берегу этой проклятой реки кобольды умирали ради того, чтобы спасти карликов. Подумал он и о троллях, кровь которых замерзла на скалах. Они могли бы дать стрекача, вместо того чтобы прикрывать спины тем, кто сражается там, внизу.

– Вот дерьмо! — выругался Галар и повернулся. Это будет стоить ему головы. Как можно быть настолько глупым и задумываться о том, удастся ли двум каким-то кобольдам спасти свои задницы?

Карлик побежал. Следующая умная мысль пошла лесом. Собственное хриплое дыхание вырывалось облачками изо рта. Теперь обе фигурки хорошо были видны на фоне льда. Один из них был одет в кольчугу и тяжело опирался на второго.

Галар напрягся и побежал еще быстрее. Кольчуга тяжело давила на плечи. Он отбросил в сторону копье, как бесполезный в эту минуту балласт.

Одна из двух фигурок, та, что поменьше, замахала ему руками:

– Сюда! — донесся до него слабый голос. Даже на таком расстоянии в нем отчетливо слышалось изнеможение. Галар увидел перевязь, наискосок пересекавшую грудь кобольда. Только один из этих проклятых ублюдков носил оружие подобным образом — Че! Ну почему, ради всех альвов, именно этот мешок дерьма бредет ему навстречу по этой замерзшей земле. Че, Мясник Че. Кобольд, проливший больше крови его соплеменников, чем кто бы то ни было из его клана. А потом Галар увидел, кого поддерживал кобольд: это был Байлин, на грани истощения.

Запыхавшись, Галар подбежал к обоим.

– Рад тебя видеть, карлик. Твой друг чертовски тяжелый.

Байлин крепко прижимал руку к животу, между пальцами на снег капала кровь. Три крупные капли. На снегу они превратились в лицо: губы и два кроваво-красных глаза.

Галар поднял взгляд. Да что с ним такое? Может быть, эта страна духов постепенно сводит его с ума?

– Бросьте меня, – выдохнул Байлин. — Я не дойду. Будете пытаться спасти меня — погибнем все.

Че расхохотался.

– Слушай, твой друг жуткий зануда! Болтает одно и то же все время. Но вас, карликов, не так-то просто убить. Я-то знаю, о чем говорю.

Галару захотелось свернуть ему шею.

– Давай, хватай его! — скомандовал Че. — Вдвоем мы его как-нибудь дотащим до человеческого города. Он спас мне жизнь и с тех самых пор ноет и требует, чтобы я бросил его. Интересно, кем он меня считает? У кобольдов тоже есть честь, хоть какая-никакая.

– Же-лез-ное лицо... — пробормотал Байлин.

– Говорить буду я, — перебил его Че. — А ты побереги дыхание, чтобы выжить. Я расстрелял все болты и думал, что не стоит позволять троллям делать всю грязную работу самостоятельно, ну и ринулся вперед. Твой друг там тоже сражался. Эти чертовы дети человеческие высадились ниже по течению реки и хотели смять наш фланг. Плохая идея была —вставать у них на пути. Я как раз перерезал подколенные связки одному из них, когда меня окликнул Байлин. За мной стоял высоченный мужик в шлеме, скрывавшем его лицо за маской. Похож был на черепаху с перьями, и у него в руках был чертовски нехороший меч. Байлин оттолкнул меня в сторону, а потом... — Кобольд запнулся. — Потом ему досталось. Он просто ринулся между нами, поймал тот удар меча, который предназначался мне... — Голос отказался служить кобольду.

– Думал, что ни одно человеческое оружие не может проткнуть серебряную сталь... — прохрипел Байлин. — Кажется, я ошибался.

— Сегодня обнаружилось множество ошибок, — Галар увидел, что из-под руки товарища упало еще несколько капель крови, а затем обнаружил длинный кровавый след. Капитану не дойти.

— Да, много ошибок... — Байлин слабо кивнул. — Поэтому ты должен уйти. Ты должен... — Он перевел дух. — Ты должен предупредить всех. Дети человеческие не так слабы, как говорят драконы. И ты должен... — Он с тревогой бросил взгляд на Че.

– Ты можешь отойти на пару шагов, кобольд?

– Я тащил этого мужика, вместо того чтобы спасаться самому, и теперь мешаю? — удивился Че. — Вот это, я понимаю, благодарность!

– Это желание умирающего. Это ничего не значит для твоего народа? Он принес себя в жертву ради тебя.

– А я его об этом не просил, — скривился кобольд. — Ну ладно, пойду дальше сам. Мне все равно, будете вы двое догонять меня, или нет, — он отошел на несколько шагов и остановился как раз за пределами слышимости.

Байлин схватил Галара за руку.

– Ты не должен... — начал он и закашлялся. По губам и покрытой инеем бороде потекла темная кровь. Глаза капитана расширились, словно он пытался вложить в этот последний взгляд все, что хотел сказать.

– Обещай... — прошептал он.

Галар догадывался, что хочет Байлин, поскольку прекрасно знал, почему капитан пошел с ними. И требовал того единственного, чего Галар ни в коем случае пообещать не мог.

Он упрямо молчал, и Байлин наконец вздохнул. В крови на губах появились пузырьки. Глаза его казались бесконечно печальными. Он понял, что его миссия была напрасной. Рука скользнула на землю, взгляд затуманился.

– Вы там скоро закончите? — нервно поинтересовался Че. — Там, сзади, что-то движется. Что-то большое, и это явно не тролли.

Галар тут же вспомнил о зеленокожих созданиях, вышедших из воды, и поднял голову. На южном горизонте, у реки, показалась длинная цепочка темных фигур. Всадники?

Кузнец склонился над Байлином, проверил пульс на шее карлика. Он был неровным и едва чувствовался, но капитан еще не умер.

– Ты хочешь, чтобы я предал все, ради чего боролся и сражался? Цель всей моей жизни — свергнуть тиранов с неба. Убитые в Глубоком городе хотят, чтобы я отомстил. И если для достижения этой цели я должен буду принести в жертву Железные чертоги, то

сделаю это не колеблясь. А теперь покажи мне, что ты боец. Не смей подыхать! Борись за жизнь! Если ты не помрешь, то сегодня же ночью мы бросим с тобой монетку. И тот, кто выиграет, будет определять будущее.

Глаза Байлина слабо блеснули, губы задрожали, словно он что-то хотел сказать.

– Не трать силы на слова. На то еще будет время позже. А теперь давай убираться отсюда, и постарайся стать полегче, чтобы я мог тащить тебя. Причем я не имею в виду, что для этого тебе нужно растерять всю свою кровь.

На губах капитана мелькнула слабая улыбка.

Че подошел к нему и поглядел на Байлина.

– Он уже все?

– Мы договорились, что он пока погодит умирать.

Че уставился на него, как на сумасшедшего, а затем показал вытянутой рукой на линию черных фигурок, с пугающей скоростью двигавшуюся в их сторону.

– Думаю, ничего из этого обещания не получится, карлик. Они нас нагонят задолго до того, как мы дойдем до Вану.

Галар поднял Байлина, взвалил его руку себе на плечо.

– Мы не будем стоять здесь и ждать их. Не знаю, как у вас, у кобольдов, но карлики не перестают сражаться только потому, что шансы невелики.

Че рассмеялся.

– Все наши враги выше и сильнее нас, клана Ледяных бород, но это не мешает нам убивать угнетателей. Я просто буду продолжать делать то, чем занимаюсь уже не первый год. А теперь берите руки в ноги, медлительные подгорцы! А я буду прикрывать ваше отступление.

Вместе с кобольдами

Нир хотел отодвинуть в сторону белоснежную накидку, но сидевший рядом кобольд схватил его за руку и с поразительной силой рванул на себя.

– Так не пойдет, карлик!

Нир увидел, что всадники мчатся к Галару и Байлину. Капитан тяжело опирался на кузнеца, и они изо всех сил пытались уйти подальше. Шансов оторваться от преследования у них практически не было. Че поднял лежавшее на льду копье и повернулся к всадникам.

– Там стоит ваш собственный командир. Он тоже погибнет. Вы же не можете...

Кобольд слева резко махнул рукой, не давая ему договорить.

Он и еще шесть кобольдов, вместе с которыми он бежал, лежали в небольшой ложбинке, накрывшись сверху белыми плащами. Один из них, вытянувший короткую спичку, засыпал плащи снегом.

– Да как вы можете... — снова начал он.

– Че сам приказал нам поступить именно так, — прошептал другой кобольд. Он лежал справа от него, и изо рта у него пахло гнилыми зубами. На лоб свисали жирные черные пряди волос. Нир даже не знал его имени. Он вообще не знал никого из семерых, с кем лежал бок о бок. — А как ты думаешь, как нам удавалось исчезать во время войны за Ихавен, когда мы дрались с твоими соплеменниками? Если сражение безнадежно, мы становимся невидимками. Дети человеческие не привели собак, значит нам повезло. Они могут пробежать в одном шаге от нас и не увидеть, — кобольд закрыл маленькую щель, через которую они наблюдали за происходящим за пределами ложбинки. — Облачка пара от дыхания могут выдать нас. Не шевелись и чтоб ни звука. Все очень просто. Тогда нас не найдут.

– Но...

– Нет, никаких «но». Ты рассказывал нам, как важна твоя жизнь. Что есть некая тайна, которую нельзя утратить. Мы тебе поможем. Но еще важнее твоей тайны наши шкуры. Я достаточно, ясно выражаюсь?

Нир кивнул. Галара ему не спасти. Замерзшая земля, на которой они лежали, задрожала от грохота сотен подков. Теперь, чтобы защитить кузнеца, понадобится еще целая армия. На глаза у него выступили слезы. Он видел, как Галар вернулся, чтобы помочь Байлину. А он теперь бросает их обоих!

Но он обязан выжить. Иначе тайна стрел, способных убить драконов, будет утрачена навеки.

В окружении

Субаи натянул поводья и развернул коня, чтобы убить мелкое существо, пытавшееся сбежать от него. Он петлял, словно заяц, но это ему не поможет.

Степняк наклонился в седле и вытянул вперед копье. Он догадывался, что задумал малыш. Существо постоянно оглядывалось на него. Ну и уродец! Значит, вот они какие, демоны из другого мира. Субаи был глубоко разочарован. Сражение за мост было суровым, и вся слава досталась другим. Лувийцы в конце концов перебили серых великанов, ребята с Плавучих островов взяли штурмом берег. И только ишкуцайя не досталось славы. Теперь они гнались за этими убегающими уродливыми детьми. С вытянутыми лицами, очень длинными острыми носами и ртами, полными острых, словно иглы, зубов.

Он почти догнал убегавшего от него уродца. Сейчас Субаи держал копье почти расслабленной рукой, намереваясь крепко перехватить его только в последний миг перед ударом. Пока он расслаблен, реагировать удается быстрее. Вот! Он сделал это! Ровно то, что он и ожидал. Малыш бросился в снег, надеясь, что он промахнется.

Субаи снова рванул поводья. Его конь встал на дыбы и едва не сбросил его с седла. Степной конник обрушил копье вертикально вниз, почувствовал, как лезвие проткнуло крохотное тельце и вонзилось в промерзший грунт. Руки и ноги малыша дернулись, он взвизгнул. Всего пара мгновений — и он затих в дымившейся на снегу луже крови.

— Новое копье! — раздраженно закричал Субаи. Они подметали ошметки. Какое же это бесчестное занятие! Он так надеялся снискать бессмертную славу в драке с детьми демонов и наконец-то добиться расположения отца. Но это просто ничто! Охота на волков в бескрайних степях и то опаснее.

Саумак, командующий его лейб-гвардией, протянул ему новое копье. Парень выглядел настолько же мрачно, как чувствовал себя и он сам, подумалось Субаи. У Саумака было плоское лицо и плоский же нос Судя по всему, матерью его была конкубина с Шелковой реки. Он проявил себя как хороший мечник и лучник, но в первую очередь

при назначении на должность командующего лейб-гвардией для Субаи важно было то, что он никогда не сражался под командованием Шайи. Субаи терпеть не мог иметь рядом людей, восхищавшихся его сестрой. Степной князь повернулся в седле и указал на север.

– Вон, там еще трое демонов! Нагоним их!

И помчался по равнине безумным галопом. Замерзший снег и лед летели из-под копыт в разные стороны. Воин чувствовал между ног жар жеребца, его желание бежать. Он был просто создан для сражений.

– Господин! Там, позади! Вы только посмотрите! Севернее!

С ними наперегонки мчался белый жеребец без всадника. Роскошное животное, словно бы парившее над снегом. Вскоре оно уже перегнало их, скользя над равниной словно ветер, оставляя за собой шлейф блестящего снега. Может быть, это Белый Волк? Бог, распоряжающийся судьбами ишкуцайя? Обычно он приходил в облике волка или статного воина в сверкающих доспехах. Таким его Субаи видеть доводилось.

Но говорили, будто иногда он превращается в белого жеребца. Может быть, он пришел поучаствовать в травле демонов? Тогда эта задача стала бы почетной. Жеребец направлялся прямо к трем маленьким фигуркам. Несмотря на большое расстояние и плохую видимость, что-то в нем показалось Субаи странным. Он ударил своего коня пятками по бокам и безжалостно погнал его вперед. Вскоре он на много корпусов обошел своих спутников, но состязаться с белым жеребцом просто не мог. Когда тот догнал демонов, Субаи оставалось до них еще более сотни шагов.

Что это такое? Жеребец не стал атаковать существ из другого мира... Он остановился и помог им взобраться к себе на спину!

– Поймайте мне эту лошадь. Я... — У Субаи захватило дух. Только теперь он увидел росший из самого центра лба лошади рог, длинный, словно лезвие меча, и закрученный.

Он хочет, он просто обязан заполучить его! Он желает подчинить его себе, а в будущем ездить на охоту на этом чудесном звере.

Он вернет своему имени блеск, который положен ему, как сыну

бессмертного Мадьяса. Тогда никто больше не вспомнит о его сестре, Шайе, этой чертовой шлюхе, которая спала с половиной своей лейб-гвардии, пока на нее не положил взгляд бессмертный Муватта.

До сегодняшнего дня Субаи не понимал, что нашел в этой мужеподобной женщине правитель Лувии, но в его лице Шайя нашла своего укротителя. Мужчина злобно усмехнулся. Она разочаровала правителя, не родила ему ребенка, и за это Муватта сжег ее. Но имя Шайи не обратилось в дым. Наоборот! После смерти оно стало легендой. Истории, которые рассказывали про нее, становились все более и более фантастичными. Говорили, что она будто бы скакала по небу на спине Белого Волка, а здесь, в Нангоге, убивала демонов вместе с бессмертным Аароном.

Субаи раздраженно засопел. Что такого в том, чтобы убивать демонов? Сегодня днем он сам насадил на копье дюжины таких. Как можно слагать героические истории о подобных сражениях? Вот сейчас он убьет еще троих.

Он придержал коня, заставляя его перейти с галопа на рысь. До рогатого коня оставалось всего тридцать шагов. Его воины окружали его.

— Он нужен мне живым! — громко крикнул он. — Поймайте его в лассо. Не вздумайте его ранить!

С тех пор как он сменил Каниту на посту наместника в Золотом городе, Субаи поездил по провинциям Нангога. Особенно его интересовали охота и лошади. В степи Ножевой травы рождались сильные и выносливые скакуны, а просторы у источника Сепано славились своими грациозными и красивыми лошадьми. Но рогатого коня ему видеть не приходилось. Более того, он никогда ни о чем подобном не слышал. Откуда оно здесь? На широких ледяных равнинах такому существу попросту не выжить. Если оно не из Нангога, то, быть может, из мира демонов?

Его всадники рассредоточились, пытаясь окружить белого коня. Один из демонов, судя по всему, с трудом пытался взвалить на спину коня своего раненого приятеля. Третий демон встал, заслонив их собой, держа в руках копье.

Субаи крутнул копье вокруг запястья. Еще одна жертва! Он понесся навстречу малышу, храбро выставившему вперед свое оружие, словно надеясь выиграть этот поединок. Наконец-то, хоть

кто-то не бежит от него. «Это будет даже интересно», — весело улыбнулся князь. Конечно же, шансов у малыша не было ни малейших.

Князь степей почти нагнал демонов, перехватил копье покрепче, когда существо бросилось на землю. Конечно! И почему они не могут придумать ничего поновее? Копье Субаи опустилось вниз, но не попало в демона, который перекатился под ноги лошади. Наконечник копья глубоко вонзился в промерзшую землю. Не успел Субаи вытянуть копье, как оно вырвалось из руки, когда его конь вдруг пронзительно заржал и встал на дыбы.

Субаи почувствовал, как вздрогнул его боевой конь, когда копье демона вонзилось ему в живот. Он задрожал, встал на дыбы и стал бить передними копытами, словно пытаясь затоптать невидимого врага, и готовый рухнуть в любой момент. Субаи соскользнул с крупа лошади и вытащил из-за пояса топор с шипом.

Тем временем маленький демон выскочил из-под копыт коня. Его белая одежда была вся забрызгана светлой кровью, злобные черные глазки вызывающе глядели на Субаи. Широко ухмыльнувшись, маленький демон обнажил свои острые зубки.

– Ты еще пожалеешь, что сделал это, — прошипел степной принц. — Ты даже не представляешь себе, как поступает мой народ с теми, кто убивает лошадей.

Остальные два демона наконец сумели взобраться на спину рогатого коня. Их кривые ножки едва доставали до середины корпуса животного, поэтому они вцепились в гриву роскошного зверя. Один из них почти полностью залил белую шерстку кровью.

Воины Субаи заключили рогатого жеребца в широкий круг. Их лошади приплясывали на месте и нервно фыркали. Казалось, они боятся жеребца из мира демонов.

– Ну же, поймайте его, наконец!

Первые лассо со свистом рассекли воздух, и три петли опустились на шею белого жеребца. Четвертая обхватила одного из двух всадников, и воин, державший ее в руках, резко рванул ее на себя, сбрасывая его с коня. Наездник тяжело ударился об лед.

Охотник, поймавший его, тут же бросился вперед, чтобы убить лежавшую на снегу жертву.

Субаи взмахнул своим острым топориком, но маленький демон был умен. Острие его копья дернулось немножко в сторону, но не настолько, чтобы позволить пробить брешь в его защите. Краем глаза Субаи увидел, как рухнул наземь его боевой скакун. Задние лапы вороного коня подрагивали на снегу.

– Ты за это поплатишься, малыш, — прошипел он и снова взмахнул топориком. Демон постоянно уклонялся. Субаи задумался на миг, не приказать ли просто своим лучникам застрелить парня, но могло показаться, что он не в состоянии победить этого крошку, и снова станет объектом тайных насмешек и произносимых шепотом сравнений с мертвой сестрой.

Внезапно мордочка стоявшего перед ним демона напомнила Субаи лицо сестры. Яростно завопив, он прыгнул вперед и нанес противнику удар топором. Сильный удар отбросил копье в сторону, отшвырнул малыша в снег. Субаи придавил копье ногой, чтобы тот уже не смог поднять его. Малыш тут же выпустил оружие из руки, перекатился в сторону, встал на колени и обнажил меч, который носил в перевязи за спиной.

Субаи снова атаковал.

– Да умри же, наконец! — прошипел он, пытаясь сильным ударом отбросить в сторону меч противника. Но на этот раз демон, за миг до того, как их клинки встретились, слегка повернул запястье — и удар Субаи пропал впустую. А малыш пригнулся и ткнул мечом ему в бедро.

Выругавшись, степной князь отскочил назад, поскользнулся и плюхнулся на задницу. Лицо залила жгучая краска. Это видел весь его отряд! Сегодня ночью, у костров, они снова и снова будут говорить о нем и сравнивать с его проклятой сестрой!

Демон же тем временем вскочил на ноги. Издав дикий клич и вытянув вперед меч, он понесся прямо на Субаи, пытаясь вонзить ему клинок в горло.

Князь перекатился на бок и в движении нанес удар по ногам. Его противник поймал этот неудачный удар клинком своего меча. Даже эта неловкая попытка заставила маленького демона пошатнуться.

Степной всадник вскочил и выхватил левой рукой плеть, которую носил за поясом. Длинный, витой кожаный шнур ударил демона по лицу, оставив на носу и щеке кровавый след

Малыш с ненавистью уставился на него. Судя по всему, понял, что конец близко. Он снова отпрянул, и Субаи позволил себе бросить быстрый взгляд на белого жеребца. На шее у него затянулось уже несколько лассо. Роскошный конь будет принадлежать ему, равно как и голова этого упрямого маленького демона.

В этот миг рогатый конь поднялся на дыбы и запрокинул голову. Кожаные лассо натянулись. Двоих мужчин рывком выдернуло из седла. Конь метался из стороны в сторону, дергая головой, лассо рвались один за другим. Но это же просто невозможно! Субаи в недоумении наблюдал за происходящим. Стоило коню коснуться рогом кожаных петель, как они вспыхивали и тут же обращались в пепел.

Один из его людей соскочил с коня и, презрев смерть, ринулся к коню. Субаи догадывался, что он хочет сделать. Если в нужный момент схватить лошадь за гриву, ее можно повалить на землю. Остальные тоже спешились, пытаясь помочь первому, когда белый конь повернулся и вонзил рог в грудь одному из нападавших. Мужчина тут же мешком повалился на снег. Изо рта и носа у него повалил темный дым.

Второй воин, которого настиг удар копытом, пролетел несколько шагов по воздуху. Когда конь заплясал, крутясь вокруг своей оси, все разбежались в разные стороны. Затем конь посмотрел на Субаи, и мужчине показалось, что взгляд этих темных глаз достал до самого дна его души. Животное поняло, что предводитель — он, и теперь направлялось к нему.

Субаи хотел приказать своим людям застрелить демонического коня, но не мог произнести ни слова, не мог даже поднять свой топор с шипом, не мог защититься.

Маленький демон, кажется, тоже боялся коня. Вместо того чтобы атаковать снова, он отскочил. Бородатое существо, сидевшее на спине животного, что-то крикнуло ему.

Жеребец остановился в трех шагах от Субаи и угрожающе опустил рог, а наездник тем временем втащил своего приятеля на спину коня.

Субаи словно окаменел, каждый миг ожидая, что эта тварь вонзит ему рог в грудь, но конь вдруг подпрыгнул и галопом понесся прочь. Он бежал по кровавому следу в снегу, оставленному

измученным третьим демоном.

Мы еще не закончили

Галар, потрясенный, стоял на коленях рядом с телом своего товарища. Вместо лица у Байлина была просто бесформенная масса растерзанной плоти.

– Пойдем! — торопил Че. — Я вижу их. Они идут за нами, и, если нагонят, на нас обрушится град стрел. Если у них есть хоть капелька рассудка, они снова попытаются поймать чудесного рогатого скакуна.

– Это единорог, — пробормотал Галар, снял с шеи шарф и обмотал им голову Байлина. Сил смотреть в лицо убитому не было. Бороду оторвало, не было и носа. Глаз остался только один. — Ты не заслужил этого.

– Не думаю, что это настоящий единорог, — Че не спускался со спины жеребца, по-прежнему крепко держась за его гриву. — Единороги — благородные и миролюбивые существа. Я все истории про единорогов, знаю, и ни в одной из них единорог не спас бы нас и не проткнул бы рогом одного из этих сынов человеческих. Они нюхают цветочки, гордо прогуливаются на закате и сторожат зачарованные леса. Я рад, что наш рогатый друг не такой. Иначе нам обоим пришел бы конец.

– Наверное, ты не те истории слышал, — Галар посадил убитого, а затем взвалил Байлина себе на плечо.

– Эй, ты что задумал?

– Конечно же, я не собираюсь бросать его здесь. — Он должен быть похоронен, как подобает. Давай, помоги мне посадить его на спину единорога.

– Единороги не катают трупы, — возмутился Че, но схватил Байлина под мышками и изо всех сил потянул его наверх, затем подал руку Галару и помог ему сесть на спину животному.

Карлик поглядел на детей человеческих. Всадники окружали их.

– Ты можешь отнести нас в город? — спросил он единорога. Карлик не представлял себе, каким образом можно лошадь без поводьев направить в нужную тебе сторону. Одной рукой Галар держал Байлина, а другой крепко вцепился в гриву единорога Че

сидел у него за спиной и обеими руками держался за бока Галара.

– Оставь это! — раздраженно прошипел карлик. — Мы не любовная парочка. Держись за пояс!

Че что-то проворчал, но возражать не стал.

«Интересно, единороги понимают речь? — подумал Галар. — И знает ли он вообще, что такое город?»

– Ты можешь отнести нас к конюшням людей? — медленно и очень четко повторил он.

Жеребец фыркнул и нетерпеливо ударил по замерзшей земле передним копытом.

Галар попытался думать о городе. Может быть, единороги умеют читать мысли? Одной рукой он осторожно провел по шее жеребца.

– Пожалуйста, отвези нас к нашим друзьям.

Единорог снова ударил копытом, а затем медленно сдвинулся с места. Он шел навстречу детям человеческим, до которых оставалось не более трех сотен шагов.

Что же, неужели он думает, что эти всадники — их друзья? Единорог побежал быстрее, перейдя с шага на легкую рысцу. Галар на всякий случай снова вцепился в гриву.

До людей оставалось шагов сто. Галар отчетливо видел, как конные лучники тянутся к колчанам.

Карлик низко пригнулся к шее жеребца, бежавшего все быстрее и быстрее. Стук его подков по замерзшей земле гулко отдавался в ушах.

– Не нужно приближаться к ним. Они убьют нас.

Но единорог не слушал его, лишь снова побежал быстрее. Он яростным галопом несся прямо навстречу врагам.

Сидевшего у него на спине Галара так сильно бросало из стороны в сторону, что ему стало страшно. Че напевал себе под нос странную мелодию. Погребальную песню?

Карлик крепко прижимал к себе Байлина. Мертвый товарищ станет для него щитом от летящих в них стрел. Но какой от этого прок, если они попадут в единорога и он споткнется? Судя по всему,

жеребец понятия не имел, какой смертельной опасности решил подвергнуть их жизни.

В воздухе засвистели стрелы. Одна из них попала в грудь Байлину, другая запуталась в гриве единорога, унеся с собой прядь волос. А затем они оказались среди детей человеческих. Их лошади в слепой панике бросились врассыпную. Галар прижался лицом к гриве единорога и еще крепче прижал к себе Байлина. Ничего больше он сделать не мог. Он не умел сражаться верхом, он вообще с трудом удерживался на спине единорога.

Вокруг слышались крики, и в них звучали страх и гнев. А затем они прорвали строй всадников. Некоторые еще стреляли, но единорог бежал все быстрее и быстрее, пока Галару не начало казаться, что его копыта уже не касаются земли и что он словно северный ветер несется над равниной.

Вот уже показались две массивные башни, торчавшие на большой площади Вану, затем Галар увидел первые жалкие хижины. Они промчались мимо группы раненых и измученных троллей, которых сопровождали двое-трое карликов и ни единого кобольда.

Единорог замедлил бег. Его копыта гулко стучали по узким заброшенным улочкам, пока не выехали на площадь в центре города. Площадь, которую заполнял собой огромный красный труп.

Кузнецу потребовалось одно мгновение, прежде чем понять, что перед ним дракон, размером еще больше, чем то чудовище, которое они давным-давно убили вместе с Ниром.

– Вряд ли мы здесь в безопасности, — тяжело вздохнул Че. — Должно быть, где-то здесь поблизости человеческие боги. Кто еще мог убить солнечного дракона?

Галар промолчал, соскользнул со спины единорога. Че остался держать Байлина, а затем опустил его на руки Галару. Карлик осторожно уложил на землю своего товарища с закрытым лицом. Че смелым прыжком приземлился рядом.

– Потерпи меня еще немного, Байлин. Я должен кое-что проверить, и скоро вернусь, — прошептал Галар.

Единорог фыркнул, склонил голову набок и вопросительно поглядел на него своими огромными черными глазами.

– Пока еще я не могу уйти отсюда, я в долгу перед своим

народом, мне нужно остаться и обязательно скрыть следы, — карлик вздохнул и с отчаянием оглядел огромного дракона. — Хотя, боюсь, это не скроешь. Тем не менее, я должен остаться. Мне нужно найти Гламира и узнать, что произошло.

Кузнец выпрямился, потрепал единорога по шее.

— Спасибо, что ты оказался не настолько невинным, как в сказках, которые про тебя рассказывают. Беги прочь. Дети человеческие скоро будут здесь, а они разрушают все, что есть красивого в мире.

Единорог покачал головой, словно возражая карлику, а затем развернулся и помчался прочь. Галар прислушивался к стуку копыт по мостовой переулков, пока он не стих вдали. Алый закат расправил яркие крылья меж двух башен, занимавших значительную часть площади.

– Если этот поднимется, нам всем конец. И почему мы не сели верхом на единорога и не убрались отсюда? Здесь нам в любом случае ловить нечего, — причитал Че.

– Беги, догоняй единорога или помоги мне позаботиться о том, чтобы эта тварь больше не встала.

– Ты на всех кобольдов смотришь свысока, не так ли? Считаешь нас трусами. Ты не знаешь, каково это, когда почти все народы считают тебя прирожденным слугой.

– Такого слугу, как ты, я бы в жизни не нанял, — рявкнул на него Галар. — А теперь помогай. Найди мне рану, которая убила дракона. Забирайся на него.

– А если он проснется?

– Тогда можешь считать, что тебе повезло: за один день прокатился и на единороге, и на драконе. Станешь легендой среди своего народа, — цинично усмехнулся карлик. — А теперь помогай мне!

Че рассмеялся.

– Ты хоронишь все мои любимые предрассудки относительно карликов. Я-то всегда считал, что у них юмора примерно как у скал, под которые вы обычно закапываетесь.

– Все так и есть! — Галар обошел дракона. Раны он. не видел.

Ничего? что бы... Гламир! Тело кузнеца застыло у забрызганной кровью стены. — Гламир! — Галар увидел в руке убитого арбалет, рассыпанные болты, лежавшие рядом на земле. Айлин сразу догадается, что произошло, как только увидит все это. Если она еще жива... Поймет даже Че... Галар выругался. Слишком рано! Нельзя допустить, чтобы небесные змеи что-то заподозрили.

Карлик бегом пересек площадь и подбежал к убитому.

– Ах ты, проклятый идиот. Ну, что ты натворил? — Он поспешно стал собирать рассыпанные арбалетные болты, сложил их в кожаный колчан и взял себе, затем снял с изуродованной руки убитого оружие с причудливым прикладом. Пальцы Гламира примерзли к спусковому крючку, и когда Галару наконец удалось освободить оружие, на пальце кузнеца недоставало немаленького куска кожи. Он вложил в руку убитому свой топор. Его не должны найти безоружным, это лишь вызовет ненужные вопросы.

Галар присел на корточки и попытался представить себе траекторию полета арбалетного болта. А затем увидел: крохотный ручеек замерзшей крови на затылке солнечного дракона. Входное отверстие в черепе дракона было настолько крохотным, что он увидел его только потому, что знал, что оно должно быть там.

– Хороший выстрел, — Галар поглядел в бледное и обескровленное лицо своего друга. — Тем самым ты избавив нас по меньшей мере от одной заботы.

– Я ничего не нахожу! — Че переступил через хвост дракона и споткнулся. — Здесь все в крови. Весь кончик хвоста. Он...

Галар отскочил в сторону, чтобы кобольд мог увидеть мертвого кузнеца.

– Он убил моего друга. Отнял у него вторую ногу и оставил истекать кровью. Что бы ни случилось с этой чертовой тварью, я с удовольствием выставил бы убийце бочонок самого лучшего грибного из Глубокого города.

– Если этот восстанет... — Че содрогнулся. — Его уже никто не остановит. Он...

– Бу! — На площадь вышли два тролля и застыли в немом изумлении, нарушаемом только какими-то невнятными звуками. За ними вышли еще несколько троллей, а затем небольшой отряд

карликов, которых Галар видел на подходе к городу. Не видно было ни единого кобольда, но Че не особенно переживал.

– Всадники окружают город! — Около самой северной из башен послышался хорошо знакомый голос. Айлин! Она жива. Как это возможно? Ее ведь окружали враги. И на белоснежном платье ни единой капельки крови! Даже ее строго зачесанные назад и собранные в пучок волосы не растрепались. Эльфийка стояла на первой ступени винтовой лестницы на внешней стене башни, чтобы всем было хорошо ее видно. На убитого дракона она даже не взглянула.

– Нам нужно убежище, которое будет легко защищать. Например, подвал, подобный тому, в котором спрятались дети человеческие. Я видела такой, когда мы были здесь в первый раз. Там и припасы есть. Следуйте за мной! Здесь, на улицах, всадники нас поубивают. Но в тот подвал есть только один вход, и им придется пройти мимо меня, если они захотят что-то сделать с вами. Сегодня мы потеряли много хороших воинов, теперь настал черед проклятых детей человеческих истекать кровью.

– Кто убил дракона? — крикнул Галар. Это показалось ему хорошей идеей. Пусть Айлин придумает отговорку, ей поверят все остальные.

Эльфийка посмотрела на него так, словно он был надоедливым насекомым.

– Разве это не очевидно?

Кузнец судорожно сглотнул. Что она имеет в виду?

– Кто еще, кроме девантаров, мог убить солнечного дракона?

Она по-прежнему смотрела только на него. И Галар знал, что она в свои слова не верит.

Драконоборец

Субаи осторожно протянул руку к чудовищу, занимавшему почти всю рыночную площадь. Никогда прежде не видел он подобного существа. Все собиратели облаков были значительно больше, чем это существо, но, несмотря на то что оно было без сомнения мертво, от него по-прежнему исходило ощущение угрозы. Интересно, это один из небесных змеев? Они князья демонов. Могущественные крылатые змеи. Чудовища, порождения кошмаров.

На площадь выехал всадник с факелом в руке.

– Господин, я напал на след беглецов. Они засели в подвале неподалеку отсюда.

Субаи поднял руку и велел всаднику замолчать. На площади толпилось около сотни воинов. Некоторые из них отрезали от чудовища чешую. Князь не сомневался, что эти кусочки станут сильными талисманами.

Это чудовище — настоящий дар богов. Если сейчас поступить разумно, то ему наконец-то удастся снискать славу, которой он добивался всю свою жизнь.

– Лучники! — крикнул он звучным голосом, способным заглушить грохот сотен подков. — Целься!

– Застрелить небесного змея! — резко выкрикнул он. Стоявшие рядом мужчины смотрели на него так, словно он вдруг спятил.

– Вы хотите, чтобы вас считали драконоборцами, или нет? Посмотрите на него, он просто лежит, и ни одной раны не видно. Отчего он умер — загадка. Возможно, это дар богов нам. Если его тело будет утыкано сотней стрел, кто же оспорит нашу славу, славу людей, убивших крылатое чудовище? За мной, воины! Давайте вместе ступим на тропу бессмертной славы! — Он направился к лошади, которую отобрал у одного из своих капитанов, снял с седла лук, вынул стрелу из колчана, висевшего на луке седла.

– Делай как я, ребята! — И с этими словами он положил стрелу на тетиву и выстрелил в мертвого дракона.

Воины не подчинились ему. Субаи показалось даже, что некоторые смотрели на него с презрением. Не обращая на них

внимания, он снова запустил руку в колчан и вытащил новую стрелу.

— Вы все знаете моего отца! Мы не смогли уничтожить всех демонов, как он нам приказывал. Некоторые сбежали и спрятались здесь, и мы не сможем взять штурмом чертов подвал, если его будут защищать великаны. По крайней мере, пока не подойдут войска союзных бессмертных. Наша задача была самой незначительной. Мы должны были преследовать побежденных врагов и убить выживших. Как думаете, что сделает с нами мой отец, если узнает, что мы не справились? Как он отнесется к тому, что в присутствии всех остальных бессмертных потеряет лицо, потому что его воины потерпели поражение? Вы все знаете, что он не славится терпеливостью. Мы должны убить это чудовище! Все должны понимать, что его повергли стрелы храбрых ишкуцайя. Только такой героический поступок, как убийство дракона, сможет оправдать нас в его глазах.

Он положил новую стрелу на тетиву и снова выстрелил. Несмотря на то что он стоял всего в десяти шагах от дракона и натянул тетиву до самого уха, стрела вонзилась всего на три пальца в тело дракона.

Первые воины последовали его примеру, когда к нему подошел командующий его лейб-гвардией.

— Господин, — на лице Саумака не дрогнул ни один мускул. Маска с плоским носом, пухлыми губами и хитрыми глазами. — В одном из подвалов на площади есть выжившие из народа Цапоте. Кажется, там спрятались все жители города. Демоны пощадили их.

—• На площади? Ты имеешь в виду эту площадь?

— Именно так, господин.

Субаи схватился руками за голову.

«Боги ненавидят меня», — в отчаянии подумал он.

– Возьми несколько человек и убей их! Ни один из цапотцев, которые видели, что в действительности случилось с драконом, не должен выжить.

– Но господин, этот поход организовывали для того, чтобы освободить Вану и спасти жителей города!

– А при чем здесь я, если демоны презирают законы войны и

убивают даже пленных, — громко произнес Субаи и удрученно развел руками. — Чего еще можно ожидать от демонов? — И уже тише добавил: — Возьми несколько человек, только тех, кому ты доверяешь целиком и полностью. И никогда не говори о том, что вы сделали. А теперь иди! Мне нужно убить дракона.

Саумак подозвал нескольких воинов и исчез. Все остальные тем временем стреляли в дракона. Даже только что появившиеся на площади под якорными башнями степняки присоединились к лучникам, хотя их никто не просил. Но никакого ликования, обычно сопровождавшего успешные сражения, не было слышно. На площади царила жуткая тишина, нарушаемая только глухими ударами стрел о покрытое чешуей тело.

Наконец Субаи опустил лук.

– Довольно! — приказал он. В теле дракона уже торчало бесконечное множество стрел. — Обрызгайте раны от стрел кровью, нанесите себе рану на руке, в незаметном месте, и капните кровью на дракона. Если не будет крови, даже самые глупые люди поймут, что стрелы летели уже после того, как он умер. Вперед! Быстрее! У нас совсем мало времени.

Субаи подошел к изувеченному трупу, закатал рукав подбитой мехом курточки, вынул из-за пояса нож и порезал руку. Затем вытянул ее вперед, чтобы все видели, как его темная кровь капает на некоторые стрелы и красную драконью чешую.

– С этого дня мы зовемся Братством Дракона. Мы разделим победу, какой никогда не удавалось совершить ни одному воину Дайи. И разделим тайну. Здесь и сейчас я клянусь Белым Волком, Повелителем степей, Руссой, Метателем молний, и Зовущей бури со змеиными волосами, что я разделю славу и богатство с каждым членом братства, равно как и буду готов вонзить кинжал в сердце предателя. А теперь вперед! Скрепим наш союз кровью, братья!

На этот раз они, не колеблясь, последовали его приказу. Дюжины воинов подходили к дракону, взбирались по лапам на спину, чтобы пропить кровь. Началась самая настоящая кровавая оргия, вскоре по телу чудовища текли ручьи крови, затекая в его широко открытые глаза и на оскаленные зубы, стекали с чешуи на спине и боках, собираясь под телом на плотно вытоптанном снегу рыночной площади.

Субаи с довольным видом наблюдал за спектаклем, ожидая возвращения Саумака. В руках у капитана был окровавленный меч.

— Свидетелей больше нет, — сдавленным голосом произнес он.

Принцу не понравилось выражение лица воина. Саумак осуждал его, хотя был достаточно умен, чтобы не произнести ни слова. Да кем этот парень себя возомнил! Несмотря на то что он был родом из клана, с незапамятных времен пользовавшегося милостью бессмертного Мадьяса, воин был лишь полукровкой. Ублюдком, рожденным гладкими бедрами шлюхи с Шелковой реки. Ему никогда не быть князем — для этого нужна чистая кровь, и Саумак это прекрасно знал. Командование лейб-гвардией одного из сыновей Мадьяса — и без того слишком большая честь для него, дальше ему не пойти никогда. Никогда не командовать большим войском, не войти в круг приближенных к бессмертному. Со временем он станет завистливым и ожесточенным человеком... Разумнее не допустить подобной ситуации.

Субаи подошел к своему капитану, положил руку ему на плечо.

— Я бесконечно благодарен тебе. Иногда жизнь требует от нас поступков, за которые нам потом очень стыдно. Но настоящий воин, тем не менее, не колеблясь, делает то, что должен. А теперь у меня есть для тебя почетное задание, друг мой. Последние демоны, бежавшие от нас на поле боя, спрятались в подвале. Возьми лучших воинов и возьми их укрытие штурмом! Я хочу, чтобы к приходу бессмертных в этом городе не осталось врагов.

Саумак коротко кивнул. Большего ему делать не полагалось, несмотря на то что он прекрасно осознавал, что означает полученный приказ.

— Твоя воля для меня закон, господин!

Субаи наблюдал за тем, как полукровка подбирал воинов, которые должны были сопровождать его, и вскоре князь понял, как искусно отомстил ему Саумак: он взял с собой лучших из лучших. С Субаи остались лишь лизоблюды да дурачье.

— Давайте же отпразднуем, воины! — закричал он, скорее от разочарования, нежели потому, что ему действительно хотелось попировать. — Режьте добычу! Срезайте мясо с ребер, жарьте его на кострах. Сегодня ночью мы все отведаем драконьей плоти, чтобы его мужество передалось нашим сердцам. Давайте устроим пир, какого

не ведали даже бессмертные. Никогда прежде не пробовал человек драконьего мяса — так станем же первыми. Отличное главное блюдо в честь основания Братства Дракона — собственно, сам дракон!

Семеро

По лестнице в подвал покатились горящие тюки с тряпками, воздух наполнился едким дымом.

— Ко мне! — заорал Галар что было сил. Сбросив с плеч одеяло, он пытался затоптать пламя, когда по лестнице скатился еще один тюк.

– Гроц! Тащи сюда свою громадную задницу! — кашляя, крикнул Че.

У Айлин слезились глаза. Подвал, в котором они укрылись, был далеко не таким большим, как тот, в котором сидели дети человеческие, он наполнялся дымом слишком быстро. На языке появился неприятный маслянистый привкус: скорее всего, тюки поливали рыбьим жиром, чтобы дыма было больше.

Че расстегнул ширинку.

— Давай, Гроц, делай, как я. Мы сейчас зассым эти проклятые тряпки и...

Айлин с ужасом увидела, что тролль поднял набедренную повязку. Вонь, которая поднимется, если он выполнит приказ кобольда, будет гораздо хуже горящего рыбьего жира.

— Нет! — резким тоном приказала эльфийка. — Об этом позабочусь я, — она закрыла глаза, открываясь магическому миру. За последние несколько дней она слишком часто прибегала к помощи этого заклинания, прекрасно зная, что бывает, если слишком часто использовать силу, связующую воедино все три мира. Плетение заклинаний подтачивало силы. Загнав опасения в дальний уголок сознания, она мысленно потянулась к силовым линиям, прошипела одно из древних слов силы, благодаря правильному произнесению которых можно было воплотить мысли.

С затылка в голову вошла резкая боль, в подвале, ставшем их убежищем, воздух потрескивал от напряжения. Сквозняк играл с подолом ее платья, он свежел, превращаясь в порыв ветра, прогнавшего из подвала весь дым. Остался лишь влажный аромат летней ночной грозы. Снова стало можно дышать. Айлин открыла глаза. Веки были тяжелее свинца. Во второй раз этого не повторить.

Мастер прекрасно помнила уроки Парящего Наставника, который когда-то, целую вечность тому назад, открыл для нее искусство плетения чар. Если слишком часто прибегать к помощи магии, она выжжет тебя изнутри, в прямом смысле этого слова! Таково проклятие силы.

Нужно так напугать собравшихся снаружи детей человеческих, чтобы они ушли от входа в подвал и вернулись нескоро.

— Дай меч!

Че удивленно уставился на нее.

— Он для тебя слишком маленький...

— Мне важен не размер меча.

Казалось, кобольд хотел сказать что-то еще, но потом передумал. Однажды он уже давал ей свой меч, тогда, на мосту, когда они дрались с восставшими мертвецами. Че молча протянул ей клинок.

Айлин взвесила его в руке, проверяя. Центр тяжести был смещен. Эльфийка медленно взмахнула оружием, очерчивая в воздухе восьмерку, а затем сделала несколько простых движений из танца с мечом, придуманного Гонвалоном. Назвать оружие элегантным было нельзя, его ковали для того, чтобы наносить быстрые и сильные удары, но для ее целей этого должно было хватить.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался Гроц.

— Позабочусь о том, чтобы дети человеческие играли с огнем где-нибудь в другом месте. А вы сидите здесь!

И эльфийка решительно ринулась вверх по лестнице. Она увидела, что люди окунают в масло новые тюки. По-хорошему не понимают, значит. Необъяснимого порыва ветра, прогоняющего дым и гасящего пламя, оказалось недостаточно — им нужно повстречаться со сталью.

— Там! — Один из воинов с факелом в руке указал на нее и попятился.

Сидевший за горой тряпок мужчина с длинными косами поднял лук, плавным движением натянул тетиву и спустил стрелу. Айлин подняла меч. Стрела взвизгнула, коснувшись чуть скошенного лезвия, оставив на стали небольшую бороздку, и просвистела всего в

двух дюймах от ее левого уха.

Лучник в недоумении уставился на нее.

— Бегите, или вы все умрете, — произнесла она на языке степных кочевников.

Лучник снова поднял оружие, и краем глаза Айлин увидела еще двух воинов с оружием, похожим на остроконечные молотки. За спиной лучника показались и другие воины.

— Бегите, или умрут семеро, прежде чем я снова предложу вам бежать, — спокойно повторила Айлин.

— Убейте демоницу! — закричал кто-то, чей силуэт за стеной огня был похож на размытую тень.

Мимо просвистела еще одна стрела.

Эльфийка подняла клинок на уровень груди. На этот раз она выбрала другой, не такой острый угол, и сталь взвизгнула, коснувшись стали, послышался хриплый крик. Не обязательно было смотреть, чтобы погашать, что стрела пронзила первого из двух воинов с шипастыми секирами и угодила ему в горло.

— Раз! — холодно произнесла она, одним прыжком перемахнув через огонь.

Три быстрых шага привели ее к лучнику, уже наложившему на тетиву вторую стрелу. Один плавный удар рассек тетиву и вонзился в тело прямо под ключицей.

— Два! — Айлин подхватила умирающего и заслонилась им, словно щитом. Два копья вонзились в грудь стрелка.

Эльфийка отбросила труп в сторону. Два сильных быстрых удара разрубили древка копий, когда нападавшие пытались высвободить оружие из тела убитого. Айлин сделала шаг и встала между воинами. Один короткий, точный удар локтем прилился левому прямо за ухо, сломав ему шею. Правой рукой она взмахнула мечом и походя нанесла удар лезвием назад, так что клинок вонзился прямо в печень второго копьеносца.

— Три и четыре!

Взмахнув руной, она поймала в воздухе кожаную петлю, брошенную в нее седым воином. Одним рывком она вырвала веревку

у него из рук и взмахнула ей, словно плетью. Веревка захлестнула клинок, еще один рывок — и оружие взлетело в воздух, едва не задев приземистого воина в жилетке из волчьих шкур, пытавшегося подкрасться к ней со спины. «Что-то я не в ферме, — раздраженно подумала Айлин, — Как же не хватает бесконечных тренировок в Белом чертоге...»

Мужчины расступились. На лицах читался неприкрытый ужас. Айлин преследовала их, снова метнула лассо, и петля захлестнула шею седого, который еще только что пытался заарканить ее саму. Воин в ужасе обеими руками ухватился за петлю, крепко сдавливавшую его горло. Айлин присела и резко рванула веревку на себя. Послышался резкий хруст: она сломала старику шею.

— Пять!

Большинство степняков просто бежали прочь. Айлин подняла копье, брошенное одним из убегавших. «Я же их предупреждала», — мелькнула холодная мысль, когда эльфийка подняла руку и метнула копье. Оружие вонзилось в спину воину, бежавшему последним. Пронзительно вскрикнув, он поднял руки, рухнул лицом вперед, прополз еще немного по льду и остался лежать неподвижно.

— Шесть!

Она обернулась. За ней стоял воин в жилетке из волчьих шкур. Он отошел к стене дома, в подвале которого Айлин спряталась с последними выжившими. Сквозь пламя костра лицо воина казалось маской из света и тени.

— Ты что же, не боишься меня? — поинтересовалась Айлин.

Воин поднял меч.

— Страх смерти, — слова его звучали обреченно. Так говорят те, кто уже смирился со своей судьбой.

— Тогда почему не бежишь?

— Князь послал меня сюда умирать. Если я убегу, он казнит меня за трусость. Поскольку я могу решить, каким именно образом погибать, то предпочитаю путь чести, — он вызывающе поднял меч и сделал шаг в ее сторону.

Айлин подхватила меч, брошенный у тюка с тряпками. Это был длинный узкий клинок с широкой гранью, сделанный из бронзы.

Эльфийский меч из серебряной стали разрубил бы такой одним ударом.

— Ты готов?

Ответом степняка был выпад. Он попытался нанести мечом удар по ноге. Айлин просто отступила на шаг. Удар был нанесен не сказать чтобы неловко, но слишком медленно. Противник отпрянул. В глазах его она читала понимание того, что будет сейчас. И он не боялся.

Мечом работы карликов эльфийка отбросила клинок степняка в сторону и нанесла укол бронзовым мечом. Даже это примитивное оружие без труда проткнуло жилет из волчьей шкуры. Сила удара заставила воина пошатнуться, он ударился о стену, меч вонзился в стенную кладку.

— Семь! — с сожалением в голосе произнесла Айлин.

— Тот, кто устанавливает правила, тот может и изменить их... — Воин говорил тихо, кривясь от боли, держась обеими руками за меч.

— Именно это я и сделала. Эта рана убьет тебя не сразу. Если у твоих воинов достанет духу вернуться, то они смогут спасти тебя. Пройдет около часа, прежде чём ты истечешь кровью. Вытащишь клинок из раны — все произойдет быстрее. Возможно, ты замерзнешь насмерть до истечения часа, потому что кровь пропитает одежду. Твоя жизнь уже не в моих руках.

— Ты должна была...

— Нет, — без гнева в голосе возразила Айлин. — Я не могла поступить иначе. Я предлагала вам уйти с миром, вы отказались. Я всегда делаю так, как говорю. Если тебя найдут вовремя, скажи своим товарищам, что умрут очень многие, если вы попытаетесь взять штурмом этот подвал. Забудьте о нас, и я обещаю вам, что мы не уйдем из своей добровольной темницы в эту ночь. Мы не представляем опасности, если, конечно, вам не хочется доказать обратное.

Айлин вытерла клинок меча работы карликов о жилетку из волчьей шкуры, а затем спустилась в подвал по внешней лестнице. Она не надеялась, что дети человеческие оставят их в покое.

Подозрения

— Это хрупкая женщина в белом платье. Когда она сражается, кажется, будто она танцует, но за ней остается выстланная трупами тропа.

На лбу степняка, лежавшего на импровизированном ложе перед Артаксом, стояли крупные капли пота. Он был бледнее мела. Лейб-гвардейцы Артакса обнаружили его пригвожденным к стене дома.

Артакс пожал ему руку.

— Спасибо за доклад, Саумак. Ты храбрый воин. Большинство убегают прочь, стоит им завидеть демоницу с мечом.

— Хороший воин насадил бы эту бабу на копье, — возмутился стоявший рядом Мадьяс.

— Нет! — Артакс поднялся, раздраженно глядя на бессмертного. — Мне уже доводилось встречаться с демонами. В одной пещере в джунглях, где росли кристаллы, в нескольких днях пути от Золотого города. Мы загнали их в угол, все было в точности так же, как здесь. Две бабы и один мужик. Им было некуда бежать. Мы превосходили их по численности десять к одному, но им было все равно. Они вырвались из пещеры, а мы были словно колосья под серпом жнеца. Твоя дочь Шайя присутствовала при этом сражении. Разве она никогда не рассказывала тебе об этом?

— Шайя была маленькой хвастуньей, любившей похвалиться своими деяниями. Стоило ей открыть рот, и ее невозможно было заткнуть: столько рассказов у нее было, — Мадьяс задумчиво провел рукой по черной щетине на щеках. — И что ты предлагаешь? Мы собрали многие тысячи воинов из всех семи королевств. Неужели же мы капитулируем перед одной-единственной демоницей?

Артакс подошел к двери маленького дома, куда отнесли раненого. Он с тоской снова подумал о теплом огне, горевшем в камине. Кроме этого живительного тепла, оставаться здесь больше причин не было. Он нужен был снаружи. Ночи здесь, в вечных льдах, были сущим кошмаром. Лучше, если его люди будут видеть его, если он вселит в них мужество парой ободрительных фраз. И он устало ответил:

— Кто же говорит о капитуляции, Мадьяс? Мы дождемся утра, чтобы нашим лучникам хорошо было видно. Если понадобится, мы снесем этот дом, обрушим стены подвала. И когда демоны, повизгивая от страха, выползут на свет, каждого из них будет ждать сотня стрел, как того дракона, что убил твой сын. Это был великий поступок, Мадьяс Честно признаюсь, Субаи удивил меня своим мужеством. Вид убитого дракона укрепил мужество наших воинов лучше, чем слишком кровавая победа у реки.

Артакс открыл тяжелую дверь. В лицо ему ударил ледяной холод. Переступать порог не хотелось. Он не создан для этих снежных земель, бессмертный с каждым часом все больше и больше тосковал по теплым равнинам Арама.

У дверей его ждал Орму. Капитан кушитов казался встревоженным. Артакс огляделся по сторонам. В тени домов он заметил несколько знакомых фигур.

— Что случилось? Войско семи империй вошло в Вану. От чего ты хочешь защитить меня? Сегодня на меня точно не станут покушаться.

— Этот дракон, -— без предисловий начал шепотом худощавый лучник, шагая рядом с Артаксом в сторону их квартиры на краю городка. — С ним что-то не так. Я внимательно осмотрел его. Все стрелы вошли не очень глубоко в тело, они были для него не серьезнее булавочных уколов.

—-Возможно, дело в количестве стрел, — предположил Артакс. — Разве не мог он в конце концов умереть от потери крови?

— Маловероятно. Ишкуцайя разрезали его и теперь пируют на его костях. Мясо промерзло поразительно сильно. Как будто он пролежал на рыночной площади целый день. А быть может, и дольше.

Артакс ускорил шаг, раздраженно огляделся по сторонам, проверяя, не подслушивает ли кто. Мадьяс остался в хижине с раненым воином. За ним, словно тени, следовали только телохранители. Большинство воинов семи империй праздновали победу над драконом на площади под якорными башнями. На улицах почти никого не было.

— То, о чем ты говоришь, ужасно, Орму. Возможно, ты ошибаешься. Здесь действительно очень холодно, — и словно в

подтверждение его слов из-за угла дома налетел ледяной северный ветер.

– В горах Гарагума зимы не менее суровы, — стоял на своем лучник. — Тревожит меня и кое-что еще. Я не видел следов сражения в городе. Это чудовище могло разрушить несколько домов, просто взмахнув хвостом. И разве он не должен был изрыгать огонь, как те драконы, которые уничтожили Зелинунт?

— Это не небесный змей.

Артакс говорил со Львиноголовым сразу же после того, как увидел дракона. Девантар настаивал на том, что на рыночной площади лежит не один из тех драконов, что наделены божественной силой. Он утверждал, что небесные змеи намного больше. Мысль об этом заставила Артакса содрогнуться. Однажды он встретится с ними в небесах над Нангогом, верхом на своем крылатом льве. Это станет днем его гибели.

— Что вы собираетесь делать с драконом?

Артакс отмахнулся.

—Ничего. Победа слишком важна. Если мы разоблачим Субаи и его воинов, то ничего тем самым не выиграем, только людей деморализуем. Для нас же будет лучше, если они будут верить в то, что этих огромных чудовищ можно победить!

Орму резко втянул носом воздух.

В темноте лица лучника было почти не разглядеть, но во всей его фигуре читалось раздражение и злость.

Что? — несдержанно поинтересовался правитель.

— Лгать нашим воинам неразумно. Настанет день, и мы встретимся еще с одним таким драконом. Наши лучники с уверенностью поднимут луки и встретят его градом стрел, и я уверен, что этот дракон промчится сквозь эту тучу стрел, словно это просто дымка, а затем принесет смерть и погибель нашим воинам, которые поймут, что совершенно беззащитны — только тогда будет уже слишком поздно. И они умрут, потому что сейчас вы стерпите ложь Субаи.

Слова лучника разозлили Артакса. Никто не смел разговаривать с ним в таком тоне, кроме разве что Ашота.

— Думаешь, так легко управлять империей? Что нужно просто говорить правду и все будет хорошо? Если я разоблачу Субаи и выставлю его лжецом, рухнет союз семи империй. Если из-за сына Мадьяс потеряет лицо, он со своими всадниками выйдет из альянса. И это будет только начало. Ты прекрасно знаешь, что цапотцы тоже только и ждут возможности сбежать. Когда дело дойдет до сражения с драконами, мы будем готовы. Длиннорукий сразу же после победы вернулся на Дайю, чтобы изготовить новое оружие для борьбы с драконами у себя в кузнице. Нам нужно больше летающих львов, — Артакс подошел вплотную к Орму ж понизил голос до шепота. — Если ты прав в своих подозрениях, мы должны знать, от чего на самом деле умер дракон. Вряд ли он просто рухнул с неба, потому что его постиг удар. Выясни, что убило его. Это знание может решить исход всей войны.

Орму с сомнением поглядел на правителя.

— Вряд ли с этим можно что-то сделать. Возможно, ишкуцайя жрут дракона именно ради того, чтобы-навеки уничтожить этот след.

— И тем не менее! — строго произнес Артакс. — Возможно, они что-то упустили.

— Но если не они убили дракона... То кто же тогда?

Бессмертный подумал о зеленых великанах, вышедших из потока. Львиноголовый утверждал, что это и были истинные дети Нангог, но какой им смысл убивать дракона, который пришел сражаться за них?

— Выясни, каким образом умер дракон, возможно, это поможет нам понять, кто именно убил его.

Орму коротко кивнул и скрылся, вернувшись к теням, следовавшим за Артаксом по пятам, отдал телохранителям новые приказы и растворился в темноте.

Бессмертный постоял какое-то время, прислушиваясь к ночным звукам. С рыночной площади доносились барабанный бой и веселый смех. Он знал, что воины не просто празднуют победу, весь этот шум должен был заглушить жуткое завывание ветра, который был гораздо отчетливее слышен здесь, в городе, чем там, на ледяной равнине. Что-то здесь не так. С тех самых пор, как они вышли из врат между мирами, его не оставляло ощущение, что они идут прямо в ловушку.

Но не только это тревожило предводителя. Вскоре после того, как они вошли в город, произошло что-то, что до глубины души напугало даже его повелителя, Львиноголового. Артакс видел, как девантар буквально содрогнулся от ужаса. Ему пришлось трижды спросить его об этом, пока Львиноголовый не сообщил ему, что почувствовал сотрясение магической сети. Что-то, что происходило только тогда, когда кто-то плел могущественное заклинание, нарушавшее естественный порядок вещей.

Но девантар не мог или не захотел сказать, что это было за заклинание. Вскоре после этого он оставил войско и вернулся на Дайю. Великий Медведь был единственным богом, все еще сопровождавшим их, и это было дурным знаком.

Погрузившись в мрачные размышления, Артакс шел к маленькому домику на краю города, который он выбрал в качестве квартиры. Еще самое большее четыре часа, и начнет светать. Тогда они убьют последних демонов и постараются как можно скорее убраться из этой проклятой ледяной пустыни. Если ничего не помешает, то через двадцать четыре часа они будут уже у врат между мирами.

Слова Львиноголового все не шли у него из головы. Что за заклинание потрясло магический мир? От чего бежал сам девантар?

С солнца

—Повелитель!

Артаксу показалось, что он только-только закрыл глаза, когда его разбудил настойчивый голос Орму.

— Что?

— Еще вчера ночью я послал разведчиков за пределы города. Один только что вернулся, и он совершенно не в себе. Говорит, что видел отряд человекоконей.

Артакс застонал и плотнее закутался в шерстяное одеяло. В камине маленькой комнатки уже прогорел огонь, леденящий холод просочился в дом.

. — Значит, он видел парочку ишкуцайя, — сонным голосом ответил Артакс. — Их у нас полно.

— Это были не степняки!

Артакс сонно заморгал. Орму стоял на коленях у его узкой полевой койки. Судя по виду охотника, он всю ночь пробыл на улице. В рыжей бороде и в растрепанных волосах сверкали кристаллики льда.

— Там, на улице, появились существа, наполовину люди, наполовину кони.

— Почему он так уверен? Еще ведь темно!

— Я ему доверяю! — Теперь Орму уже откровенно потряс его за плечо. — Нужно разобраться с этим. К востоку от города что-то есть!

Артакс сонно протер глаза. Орму не оставит его в покое. Бессмертный сел на ложе, пытаясь отогнать усталость.

— Может быть, это опять порождения чар Нангог. Ты же сам их видел. Женщины-птицы, люди-крокодилы... Просто страшные уродцы.

— Нет, это другое. Тех существ, о которых говорите вы, никто не видел больше двух или трех одинаковых. Чаще всего они вообще встречались по одному, но мой разведчик утверждает, что человекоконей был целый отряд. Когда они ушли, он рассмотрел

следы на снегу. Их было не меньше двадцати.

Тут Артакс проснулся окончательно. Это действительно тревожные новости! Бессмертный свесил ноги с узкого ложа, на котором спал прямо в одежде.

– Расставь дозорных на обеих якорных башнях и удвой посты за пределами города, — бессмертный натянул подбитые мехом сапоги. — Ты что-нибудь выяснил о гибели дракона?

— М-да... — Орму крякнул так, что Артакс поднял голову и посмотрел на него.

— Кажется, чудовище все же было убито стрелой. Одной из всех сотен... Но это все равно странно.

— Значит, ты все же ошибся. Кто-то из ребят Субаи сделал удачный выстрел, который и убил дракона. — Артакс натянул второй сапог и натянул холщовый нагрудник, подаренный ему Львиноголовым.

— Нет, не думаю, что это был один из ребят Субаи. Эта стрела должна была быть совершенно иной.

Артакс поднял обе руки.

— Застегни пряжки доспеха.

Орму затянул кожаные ремешки, и кираса из пропитанного глиной холста плотно застегнулась на груди бессмертного. От охотника пахло дымом и кровью. Весь жилет был покрыт темными пятнами.

— И кто же стрелял, если не степняки?

Орму согнул наплечники, защелкнул бронзовые крючки в маленьких отверстиях на нагруднике рядом с вышитой львиной головой.

— Как я и говорил, кто стрелок, по-прежнему остается загадкой. Его стрела попала дракону в затылок. В том месте череп должен быть не менее двух дюймов толщиной. Я не знаю оружия, выстрел из которого был бы способен пробить настолько плотную кость.

— Возможно, нам все же помогли девантары?

— Но почему они это скрывают?

Орму говорил словно бы сам с собой, надевая кожаные наручи на Артакса и соединяя их с доспехом. Взгляд его был задумчив.

– Стрела пробила один из зубов дракона, губу и полетела дальше. Голова чудовища размером с карету! А эта стрела просто пробила ее навылет.

— Значит, она должна где-то валяться? — Артакс взмахнул руками, проверяя, как сидит доспех. — Найди ее, Орму. Я хочу посмотреть, что за это за чудо такое, и попросить Длиннорукого сделать таких побольше. Этот алый дракон наверняка будет не последним из тех, с кем нам доведется повстречаться.

— Я отправлюсь на поиски, как только станет светло.

Артакс застегнул перевязь с лежавшим в ножнах зачарованным мечом, тем самым оружием, благодаря которому получил прозвище Король с мечом духов. Сейчас он был рад, что он у него есть.

— Вы готовитесь драться?

— Я хочу выяснить, что это за люди-кони такие, — Артакс взял лежавший у камина шлем-маску. Металл был ледяным. Несколько недель тому назад Длиннорукий еще раз изменил его, и теперь он выглядел роскошнее обычного: был похож на львиную голову с развевающейся гривой из кованого золота. Надевая его, Артакс знал, что надо лбом у него красуется верхняя челюсть с клыками из слоновой костя, словно он, подобно многим охотникам, сделал себе шлем из черепа убитого льва и надел его на голову, вместе с гривой. Однако под клыками лицо его закрывала маска с прорезями для глаз с маленькими дырочками для дыхания напротив носа. Маска изображала вырезанное в золоте лицо бородатого мужчины — настоящее произведение ремесленного искусства и магии.

Маска закрывала лицо бессмертного, словно вторая кожа. Стоило ему закрыть забрало, и она прижималась к бороде и шее. Ощущение было такое, словно кто-то пытался его задушить. Но несмотря на неудобства при ношении этого шлема, его не могло пробить никакое оружие.

— Что вы предполагаете найти?

Артакс надел шлем-маску и закрыл забрало.

— Уже не друзей, это точно, — голос его прозвучал металлически. Он подхватил карминово-алый плащ и предпринял

неуклюжую попытку пристегнуть его к кольцам на наплечниках, когда Орму пришел ему на помощь.

— Вы собираетесь идти один? Разумно ли это?

— Ты со своими ребятами не можешь присматривать за мной постоянно, Орму, — бессмертный натянул тяжелую латную перчатку. Запястье и пальцы дополнительно защищали нашлепки из железа. — Я могу попытаться отыскать Мадьяса и Ансура, но скорее всего выяснится, что вчера оба они пировали со своими людьми, празднуя победу над драконом и демонами. Я буду в большей безопасности, если пойду один. Да и время не терпит. Если там, снаружи, нас поджидает новый враг, нужно как можно скорее выяснить, на что он способен.

По лицу Орму читалось, что все это ему страшно не нравится.

Выходя из дома, Артакс подумал: «Нам понадобится больше крылатых львов». На улице он попал в ледяные объятия холода. Небо было ясным. Слабый свет звезд и лун-близнецов окутывал город и ледяную равнину каким-то призрачным сиянием.

— Найди стрелу! — еще раз повторил Орму Артакс и направился к металлическому Льву, стоявшему возле хижины. Когда он подошел ближе, лев поднял голову и выжидающе поглядел на него. Это существо пугало Артакса. Несмотря на то что оно целиком и полностью состояло из металла, Длиннорукому, судя по всему, удалось наделить льва разумом. Он знал, кто его хозяин, и достаточно было представить себе, что он должен сделать, чтобы лев выполнил команду.

Несмотря на первоначальные сомнения, летать Артаксу понравилось. Еще вчера, во время первого полета, он понял, что там, в небе, оставаясь один, он обретает место, где сможет забыть обо всех своих тревогах. По крайней мере, пока летит.

— Не кривись так, Орму. Я бессмертный! Мне не нужна нянька, которая постоянно будет присматривать за мной. Убить меня не так-то просто. И как люди-кони могут напугать меня, если я буду парить в сотне шагов над их головами?

—А что, если там есть еще и дракон?

Артакс рассмеялся, хотя из-за шлема-маски смех его прозвучал фальшиво.

— Значит, это утро будет очень интересным.

Длиннорукий немного изменил льва после вчерашнего первого полета. Теперь стремена висели низко, и Артакс мог сесть в седло без посторонней помощи. Два длинных кожаных ремешка шли на перехлест через плечи и застегивались на третьем ремешке, охватывающем талию. Пристегнутый таким образом ездок не выпадет из седла, даже если погибнет.

Орму протянул ему длинное копье с похожим на меч наконечником.

— Я вернусь! — крикнул Артакс, мысленно приказывая льву подняться в небо.

Огромный лев тут же пришел в движение. Все тело его зазвенело, когда он понесся по равнине сильными и широкими шагами. Его золотые крылья взметали снег, и он кружился по спирали, оставляя длинный красивый след. Зверь поднялся в воздух. Артакс ощутил резкое напряжение глубоко внутри, а затем его захлестнуло то же самое ощущение счастья, как и вчера. Он почувствовал себя свободным, спали путы и тревоги, которые тяготели над ним как над бессмертным. Это было почти похоже на те украденные у всех ночи, когда они с Шайей тайком встречались на спине собирателя облаков.

На горизонте показалась первая бледная серебристая полоска зари приближающегося дня, звезды на темно-синем небосклоне пропадали все быстрее и быстрее. Небольшое знамя на наконечнике копья затрепетало на ветру. Полет льва сопровождался постоянным тихим звоном, холод безжалостно проникал сквозь швы теплой одежды. Он знал, что заклинание, защищавшее шлем и доспех, немного защищало его и от мороза. Простых воинов это ледяное дыхание севера убило бы очень быстро. На перчатках и рукавах уже образовались мелкие кристаллики льда. Накидка совсем заледенела.

Вскоре Артакс увидел впереди черные точки, быстро уносившиеся прочь, но он летел слишком высоко, чтобы сказать, идет ли речь о тех странных человеколошадях, о которых говорил Орму. Лев понял его желание, наклонился и спустился ниже, чтобы попытаться догнать всадников.

Львиноголовый говорил ему, что те магические врата к югу от реки, через которые прошла армия семи империй, единственные на

более чем триста миль вокруг. Так откуда же взялись демоны?

Возможно, это всего лишь отбившиеся от своих разведчики или остатки того отряда, который они разбили у реки. Они скакали на восток, прочь от Вану. Нагнать их будет тяжело.

Артакс попросил льва опуститься еще ниже. Он хотел пролететь прямо над их головами, чтобы как следует разглядеть их.

Человекококони! Что это за злая шутка богов? Но люди выстоят в этом бою, в этом Артакс готов был поклясться. Каких бы демонов ни привлекли в своей союз небесные змеи. Победа на мосту и мертвый дракон в Вану дали людям уверенность. Не было ничего, что могло бы противостоять войску семи империй и воле бессмертных! Они были готовы, если потребуется, вести долгую войну.

– *У нас не будет иного выбора,* — напомнил о себе ненавистный голос в голове. — *Все семь империй слишком зависимы от полей Нангога.*

«Ну ты и подлиза, — с отвращением подумал Артакс. — При жизни тебя интересовал только гарем».

— *А ты бы молчал лучше, если предпочитаешь мечтать о женщинах, а не обнимать их,* — съязвил голос. — *Мои женщины от меня не сбегали. Но вернемся к тебе. Возможно, чтобы видеть яснее, нужно отойти на какое-то расстояние. Великие империи оказались в невыгодном положении. У вас вообще нет выбора. Вы должны сражаться, как бы худо ни пришлось.*

Артакс как раз собирался согласиться скрепя сердце, когда скакавшие впереди *всадники* заставили его забыть о голоде и политике.

Пока еще он находился на расстоянии полумили, но уже отчетливо видел, насколько противоестественны эти существа. Из лошадиных тел, в том самом месте, где у лошадей обычно находится шея, росли человеческие торсы. Существа тоже заметили его, некоторые стали показывать в небо, другие похватали короткие луки, притороченные к седлам, и натягивать тетивы, чтобы встретить его градом стрел, как только расстояние будет подходящим.

— *Мне кажется, что они не так уж непохожи на наших дорогих степных союзников. Даже отсюда мне видно, что это немытые и вонючие засранцы,* — насмешливо заявил Аарон. —

Одеваются они в такие же грязные меховые жилетки, как и ишкуцайя. А ты посмотри на грубые татуировки на их руках. Ладно, не у всех у них внизу волосы черные, зато они полагаются на то же самое оружие, что и ишкуцайя. Луки и копья. Возможно, нам следует проследить, чтобы эти кони-люди не бросились в объятия наших немытых степняков и вдруг не побратались при встрече.

Первая стрела просвистела в пяди от Артакса. Серебряный лев взмыл вверх, и надоедливый голос в голове Артакса умолк.

Человекокони стали грозить ему кулаками и что-то кричать на непонятном языке. Наверное, какие-нибудь проклятия и оскорбления.

На миг он задумался, не обнажить ли меч и не атаковать ли в полете. Артакс знал, что именно проклятый клинок сеет в его голове подобные мысли. Он представил себе, какой ущерб могут нанести львиные когти и металлические клинки, но бессмертный прилетел не затем, чтобы вершить кровавый суд. Серебряный лев понял его намерение и снова понес его на восток, где серебро на горизонте сменилось бледно-розовым светом. Нужно выяснить, куда направляются человекокони.

Он обогнал их мили на три или четыре, когда горизонт вдруг зашевелился. Из раскаленного солнечного шара, уже на четверть поднявшего голову над землей, поползли тени. Усиливавшийся свет ослепил Артакса. Что-то темное изливалось на белоснежную ледяную равнину, постоянно двигаясь вперед. Войско, намного больше того, которое собрали на ледяной равнине правители семи империй.

Артакс мысленно попросил льва поторопиться. Ветер пел в золотой гриве, сильно били широкие крылья, поднимаясь и опускаясь, неся его ближе к тому, что наполняло его величайшим ужасом и что он, несмотря ни на что, должен был увидеть. Так вот каково их будущее!

Алая заря сверкала на тысячах копий, из-за чего казалось, будто их только что обмакнули в кровь. Множество знамен вздымалось над марширующими массами. Над войском возвышались одинокие огромные фигуры, похожие на башни, восстающие из прилива.

Войско все быстрее обретало контуры, несмотря на то что солнце все еще продолжало слепить Артакса. Великаны, с которыми они сражались на мосту, были ничто по сравнению с тем, что он видел перед собой. Эти фигуры посреди войска были подобны

бродячим башням. По бокам от них следовали огромные конные отряды, эскадроны в сотню колесниц каждый и бесконечные колонны щитоносцев. За войском следовал караван величиной со стадо буйволов. А на самом дальнем фланге войска он увидел парусники, скользившие по льду! Даже одной десятой части этого войска будет достаточно, чтобы раздавить их.

Мысли путались в голове у Артакса. К полудню войско демонов будет в Вану. Нужно немедленно поворачивать и предупредить остальных бессмертных. Если они немедленно вернутся к магическим вратам, то, возможно, еще получится бежать. Сегодня утром солнце родило погибель для всех для них.

Пронзительный крик заставил его отвлечься от созерцания марширующего войска демонов. Артакс поднял голову к небу и увидел крылатые тени, пикировавшие на него прямо из яркого, света: орлы — размером с быка. А среди них по небу на черном, как ночь жеребце с крыльями еще больше, чем у его льва, неслась одетая в алые одежды фигура.

На львиных крыльях

Лев отреагировал, хотя Артакс не посылал ему приказа даже мысленно. Пока бессмертный таращился на страшных всадников, серебряный лев наклонился на левое крыло и начал пикировать, от чего Артакса настолько сильно вдавило в высокую спинку седла, что он едва дышал. Они неслись навстречу ледяной равнине с головокружительной скоростью. Артакс уже представлял себе, как разобьется о лед, когда осознал, что лев еще, чего доброго, может воспринять это как приказ.

Внезапно лев расправил крылья, прижатые к телу во время падения. В его металлическом теле послышался страшный звон и скрежет, слева и справа мимо пронеслись два орла. Они тоже расправили крылья, пытаясь замедлить падение. До обледеневшей земли оставалось еще шагов сорок, когда лев предпринял попытку набрать высоту, сильно взмахнув крыльями. Одного-единственного взгляда наверх оказалось достаточно, чтобы Артакс понял, что падение вниз ничего не дало. Над его головой по-прежнему кружили семь орлов, и среди хищных птиц верхом на жеребце мчался демон в красном облачении. Белые как снег волосы обрамляли его лицо с тонкими, словно бы резными чертами. У него тоже было копье, как у Артакса, и он поднял его, приветствуя бессмертного, когда почувствовал его взгляд.

Удар клюва угодил Артаксу в шлем, когти со скрежетом полоснули по крылу льва, вокруг били крылья. Воздух полнился пронзительными криками. Внезапно лев качнулся на бок и перевернулся, его золотые крылья больно ударили по крыльям орлов. Артакс вслепую нанес удар копьем куда-то в коричневую массу перьев, получил новый удар по шлему, и в ушах загудело от металлического звона. Он увидел, как одна из крупных птиц камнем полетела на землю, одно крыло у нее было неестественно вывернуто, а второе то поднималось, то опускалось, не в силах спасти орла.

Чей-то клюв попытался клюнуть бессмертного в правую руку. Мягкая кожа доспеха уплотнилась, едва началось давление. То, что еще только что прижималось к нему, словно вторая кожа, превратилось в прочную трубу, которую не мог пробить даже такой сильный клюв. Но теперь Артакс не мог согнуть руку — она застыла

в вытянутом положении, сжимая в кулаке копье, а крылья тем временем хлопали о шлем.

Золотые львиные крылья ворвались в окружавший их клубок гигантских орлов, и перья полетели в разные стороны. Внезапно Артакс снова увидел чистое небо: они прорвались сквозь орлиный строй. Не чувствуя ударов клювов и когтей, кожаный доспех снова стал мягче, и мужчина снова смог согнуть руку. В этот миг лев настолько резко повернул влево, что Артакса бросило влево. В него едва не угодило острие копья, оторвало несколько золотых прядей со львиной головы. Одетый в красное всадник на крылатой лошади пронесся прямо над ними. За ним летел орел, вцепившийся когтями в высокую спинку седла. Сильно взмахивая крыльями, он пытался оторвать седло.

Артакс ткнул копьем за спину, чувствуя, что сталь на что-то наткнулась. Орел отпустил его. Вертясь в воздухе и разбрызгивая кровь, крупная птица камнем полетела вниз.

Но ликования Артакс не чувствовал, только облегчение. Орлы были грациозными существами, равно как и крылатый конь. Нечего им делать в сражениях!

Воспользовавшись небольшой передышкой в сражении, он перевел взгляд в сторону Вану. Казалось, там все было спокойно, ночные тени еще лежали над городом. Артакс повернулся, насколько позволили кожаные ремни, пытаясь увидеть, что происходит сзади. Небо было настолько огромным... и пустым. Может быть, одетый в красное воин летит под ним, пытаясь воткнуть копье льву в брюхо?

Он услышал хлопанье крыльев, и мгновением позже алый всадник поравнялся с ним. Копье его лежало в петле на странном седле небесного скакуна. Сейчас в руках у воина был длинный блестящий клинок.

Серебряный лев повернул, пытаясь оторваться от противника, но крылатая лошадь без труда повторила маневр. Артакс подумал о странном кувырке, который только что выполнял его металлический спутник, маневр, который не сумело бы повторить существо из плоти и крови, и лев тут же воплотил его мысли в жизнь. Он перекатился влево, словно бочонок, металлические крылья скользнули по черным крыльям крылатого скакуна.

На миг Артакс оказался висящим головой вниз в своей

страховочной системе, а затем перекат завершился. По воздуху летали черные перья, жеребца воина в красном закружило, но всадник смело наклонился вперед, по-прежнему стоя на спине жеребца, и ударил мечом по левому крылу льва. Брызнули искры, взвизгнул металл, и Артакс с ужасом осознал, что алый всадник отрубил льву кончик крыла. Из разорванного металла полилось что-то похожее на жидкое стекло. Раненый серебряный лев полетел вниз, все сильнее и сильнее вращаясь вокруг своей оси. Синева и белизна, небо и лед быстро сменяли друг друга. В полете Артакса наполовину выдернуло из высокого седла. От поврежденного крыла отрывалось все больше и больше перьев.

А затем лев расправил крылья. Тело содрогнулось от рывка, и Артакса с силой вдавило в высокую спинку. Он едва не потерял сознание, когда последовал второй, еще более сильный удар. Взлетели брызги льда, металл застонал и прогнулся. Артакса бросило вперед, он повалился грудью на спину льва, окруженный водоворотом из золотых перьев.

Под ногами у льва снова была твердая почва, и он побежал, хромая, но уверенно приближаясь к Вану, где уже трубили рога. Должно быть, стража на башнях видела бой в небе.

Сейчас Артакса держала только система, каждая косточка в теле болела, гудела голова.

Навстречу ему неслись всадники, и бессмертный разглядел среди них Мадьяса.

— Нужно возвращаться, — выдохнул он, когда они почти поравнялись со всадником. — Пришли демоны, и их тысячи.

Об орлах и зайчатах

Шайя не понимала, что происходит, да никто и не пытался ничего объяснить мнимой обозной шлюхе. Войско семи империй бежало. Еще вчера они праздновали победу, и ее товарки заработали немало. Пока Шайя ухаживала за множеством выживших, они ублажали победителей. Толстая Нинве с кудрявыми рыжими волосами, тощая Кира, их предводитель, неутомимо таскавшая на спине свой медный котел, и все остальные, которые пришли сюда, несмотря на то что вербовщики предупреждали их по поводу очень холодной зимы.

С первыми лучами солнца рога затрубили тревогу, и с тех пор все пошло кувырком. Говорили, что к этому проклятому городу на самом краю света движутся тысячи демонов, что они попытаются помешать войску пересечь мост через Куни Уну, дымящуюся реку. Один день пути — и они будут в безопасности!

Но, судя по всему, этот день пути обещал стать безжалостной гонкой. Воины шли в удручающем молчании, то и депо поглядывая на небо. Кто-то сказал, что демоны умеют летать.

— Что ж, это был самый короткий поход в моей жизни, — с трудом переводя дух, поделилась Нинве. Крупная конкубина едва поспевала за ними. С прошлой ночи у нее появился дорогой меховой плащ. Одним богам известно, кому она вскружила голову, чтобы заполучить столь ценную вещь. На все вопросы женщина отвечала многозначительным молчанием, и за все утро никто не сумел заставить ее сказать, кто же стал ее благодетелем.

— Лучше побереги дыхание! Оно тебе еще понадобится, если ты не хочешь отстать, — Кира бросила на товарку презрительный взгляд. Лидер небольшого отряда женщин шла, согнувшись под своим медным котлом. Она куталась в одеяло, а лицо и руки были красными от мороза.

— Я легко пройду столько же, сколько и ты! — весело ответила Нинве. — Хоть я, конечно, не такая тонкая и звонкая, как клинок меча.

Кира презрительно фыркнула.

— Как ты думаешь, что больше нравится воинам — клинок или

пузатая амфора для масла?

— М-да, глядя на роскошную одежду, в которую ты кутаешься, кажется, я знаю, что на это ответить, — сказала одна из женщин. Остальные злорадно захихикали.

— Я вас всех запомнила, — фыркнула Кира. — Не смейте вечером даже подходить и просить чего-нибудь тепленького из моего котла. Вы ведь можете спрятаться под плащом Нинве. Может быть, промерзшая солонина вам покажется вкуснее, если вы будете прижиматься к толстушке. А я, как бы там ни было...

Пронзительный крик оборвал речь Киры.

Шайя подняла голову к небу.

Стая гигантских орлов пролетела над ними, направляясь к мосту, видневшемуся в тумане над Куни Уну и до которого оставалось не больше мили. В центре стаи на крылатом коне летела одетая в красное фигура. По войску пробежал негромкий шепоток. Все пошли еще быстрее.

Шайя опасалась, что более-менее организованное отступление в любой момент может превратиться в обыкновенное бегство. Подобные вещи она уже видела во время набегов отца на города Шелковой реки. Как затаптывали слабых, если они не успевали достаточно быстро убраться с дороги.

— Боги, помогите! — негромко прошептала она и пошла быстрее.

— Красивые птицы, — мрачно заявила Кира. — В детстве я любила наблюдать за сарычами на наших деревенских полях, они там на зайцев охотились. И первым делом всегда ловили жирненьких зайцев.

Нинве рассмеялась, но смех ее звучал несколько принужденно.

– Я слишком жирный зайчонок. Меня не поднять в воздух даже такому орлу.

— Но они и не поднимали зверушек в воздух, — довольным голосом заявила Кира. — Они крепко прижимали их когтями к земле, а затем с наслаждением рвали на части острым клювом.

— Довольно! — резко произнесла Шайя. — Мы будем помогать друг другу, и все сумеем уйти из этой проклятой ледяной пустыни.

Осталось совсем чуть-чуть. Пройдем мост — и до золотых троп сквозь вечную пустоту будет уже рукой подать. А затем от теплых домов нас будет отделять лишь пара шагов.

— Тебе когда-нибудь доводилось идти с бегущим от врага войском? — Язвительности в голосе Киры как и не бывало.

—•Нет.

— Оно и видно.

Женщины молча шли рядом с длинной колонной отступающих воинов. Никто из них не шутил с ними, как это было по пути в Вану. Мужчины раздраженно смотрели прямо перед собой или с испугом поглядывали на небо. Шайя прислушивалась к разговору двух воинов, говоривших о том, что утром один из бессмертных был тяжело ранен, когда схлестнулся в воздухе с крылатыми демонами. Как бы там ни было, никто из правителей не стал садиться на крылатого льва.

Шайя подумала об Аароне. Это он сразился с демонами? Или все это лишь слухи? Наверняка все это пустая болтовня! Слишком много ходило слухов. Шайя не могла поверить, что Субаи убил огромную ящерицу, которую она видела у якорных башен в Вану. Подобный героический поступок был совершенно не в стиле ее брата. Но, судя по всему, остальные верили в это. Даже ее отец, бессмертный Мадьяс.

Вчера ночью она решила держаться подальше от пирующих степняков. Несмотря на то что в поношенной одежде и с шерстяным одеялом на плечах она была совершенно непохожа на ту принцессу-воина, которой была когда-то, она решила не подвергать. себя ненужному риску.

Даже сейчас она пыталась держаться как можно незаметнее. Степняки скакали всего в нескольких шагах на флангах колонны, торопливо приближавшейся к мосту. Караван беженцев растянулся на добрых две мили, если не больше. Женщин, с которыми шла Шайя, определили в переднюю треть колонны. Перед ними шли воины из Валесии. За ними — мужчины с Плавучих островов, ужасно страдавшие от холода. Их бессмертный то и дело подбегал к своим воинам, пытаясь подбодрить их. Шайя знала, что многие не дойдут до врат между мирами.

Пока еще демоны были похожи на неясные тени на фоне

белоснежной равнины. Они собирались у них за спинами и на левом фланге, параллельно колонне на марше. Они тоже послали всадников. Те старались близко не подходить, чтобы не дать себя как следует рассмотреть, но вид их внушал Шайе необъяснимую тревогу.

Не то чтобы ее пугало то, что те собираются охотиться на них. До сих пор никто еще не лишил ее сердца воина, ни Муватта, которому нужно было просто унизить ее, ни Аарон, любовь которого задела ее еще сильнее, чем то, что сделал с ней правитель Лувии. Она сражалась во многих боях, и один лишь вид врага не мог напугать храбрую женщину.

Но в этих всадниках было что-то такое, что до глубины души пугало Шайю. Что-то противоестественное! Хуже серых великанов, карликов-недорослико в и огромной ящерицы, на которых рва успела насмотреться за минувшие двадцать четыре часа.

Тысячеголосый крик, донесшийся от моста, до которого оставалось дойти уже совсем, немного, оторвал ее от размышлений. Наступление началось: Шайя увидела, как на беглецов обрушилась стая орлов, как они хватали воинов когтями, поднимали их в воздух и бросали в серый поток, где кишмя кишели чудовища.

На мосту началась невообразимая давка, каждый думал только о себе. Воины толкали друг друга, забыв о дружбе и жалости, слабых и неудачников затаптывали или сбрасывали в реку. Перил на мосту не было, потеряв равновесие, человек падал прямо в реку.

Шайя почувствовала, как задрожала земля под ногами. Раздался гул, словно от множества копыт. На тонкий щит в облике степных наездников рекой хлынули сотни всадников.

По марширующей колонне прокатилась волна тревожных криков. Несмотря на атаки орлов, все больше и больше воинов сбегались к мосту, поскольку было ясно: останешься на берегу — и всадники безжалостно загонят тебя в реку.

Теперь Шайя увидела то, что не могла разглядеть на расстоянии, и на несколько ударов сердца ее охватили недоумение и ужас. Что за боги правят этими демонами? Что за глупую шутку сыграли они со своими творениями? Шайя прекрасно знала, что говорили другие народы Дайи об ишкуцайя; что они рожают детей в седле, что малыши сначала учатся ездить верхом, а уж потом ходить. Что степняки становятся единым целым со своими лошадьми, которых

любят больше, чем женщин. Ей показалось, что боги демонов претворили все эти небылицы в жизнь: всадник и скакун слились в единое целое.

Остальные женщины уже давно побежали. Они тоже увидели, что именно несется на них. Если некоторые еще подумывали над тем, не сдаться ли на милость победителю у моста, то при виде человекоконей они тут же передумали. Этот поход был совсем не таким, как те войны, которые им доводилось видеть до сих пор. Демонам не понадобятся человеческие женщины.

Степняки развернулись и, ни на кого не обращая внимания, понеслись прямо в толпу у моста. Шайя прибилась к каравану мулов, где животные кричали в панике, потянув за собой Нинве, превратившуюся в безжалостной людской толпе в безвольную куклу. Женщина схватила товарку и повела за собой.

Перед ними был отлогий кусочек дороги к мосту. Там толпились воины с лицами, на которых были вытатуированы кошмарные чудовища. Толкая других щитами и орудуя копьями как дубинками, они пробивались вперед. Когда один из воинов с вытатуированным на лице львом упал, то увлек за собой и шедшего впереди воина. Потом еще одного и еще. Брешь тут же сомкнулась, пронзительные крики перешли в проклятия и вопли отчаяния — тех, кто еще мог стоять.

Орлы снова и снова пикировали на мост. Всякий раз, как кто-то из них подлетал к войску, отчаявшиеся люди пытались отпрянуть и сыпались с узкого моста, безжалостно увлекая за собой остальных. В пенящихся водах реки люди попадали прямиком в жадные пасти чудовищ. По воде тянулись кровавые следы, увлекаемые потоком в море.

Работая локтями, крепко зажатые между воинами, обе женщины, в конце концов, добрались до моста. Бессмертный с длинными светло-русыми волосами приказал лучникам выйти на берег, и те пытались отогнать орлов от моста, но пока воины строились, из пелены тумана над рекой появился демон на крылатом коне. Одетый в карминово-красные одежды всадник. Он стоял на спине коня, обрушивая на защитников дождь из легких копий,

Немного впереди Шайя увидела Киру. Ее товарка в окружении нескольких других женщин сумела выйти на середину моста, когда

последовала новая атака орлов. Последние лучники в отчаянии выпускали единичные стрелы, которые, однако, не могли остановить хищных птиц. Крики женщин звучали пронзительнее, чем крики мужчин. На мосту снова началась безжалостная давка, каждый отчаянно пытался ускользнуть от орлиных когтей.

– Боги, защитите их, — бормотала Нинве, но, кажется, у богов были дела поважнее, чем слушать набожные мольбы шлюхи.

Кира остановилась, хотя орел летел прямо на нее, и даже погрозила птице поднятым кулаком — храбрый и бессмысленный жест. И тогда, в самый последний миг, она бросилась на землю. Когти ударились о медный котел, который она носила на спине. Он защитил Киру, но она слишком крепко пристегнула его к своему тщедушному телу. Орел поднял кричащую жертву и скрылся в тумане вместе с нею.

Нинве бормотала не связанные между собой слова и, наверное, так и стояла бы на месте, если бы Шайя не потащила ее за собой.

— Она всегда так отчаянно пыталась пробиться, — всхлипывала толстушка. — Ее ничто не могло напугать. Не могла же она просто...

— Поднять копья! — громко скомандовал кто-то сзади. Этот голос Шайя узнала бы из тысячи. Бессмертный Аарон!

— Превратитесь в ежа! Посмотрим, осмелятся ли орлы хватать вас, если ради этого им придется пробиваться через железные наконечники.

Его присутствие и спокойный голос изменили абсолютно все. Мужчины, каждый из которых еще только что дрался сам за себя, снова обрели мужество. Они подняли копья, и орлы действительно отступили перед стеной железных и бронзовых наконечников.

— Женщин в центр! Поддержите слабых и раненых! Еще несколько миль, и мы будем в безопасности! — Голос приближался.

Шайя натянула на плечи и голову грязное одеяло, стала смотреть под ноги. Нельзя, чтобы он нашел ее. Он нужен войску и империи больше, чем когда бы то ни было. Нельзя, чтобы тревога за нее и мечта о любви отвлекали его от выполнения обязанностей!

Колонна воинов снова перешла на ровный шаг, и Шайя под защитой стены копий уверенно пошла к противоположному берегу. Теперь голос Аарона доносился издалека. Судя по всему, он

намеревался остановить атаку человекоконей. Таким он был с тех самых пор, как она увидела его впервые — всегда думал о себе в последнюю очередь. Сколько раз он сможет пережить приступы самоубийственного мужества? Или он решил вообще покончить с жизнью? Шайя в отчаянии обернулась, пытаясь увидеть его в последний раз, но смогла увидеть лишь шлем-маску со львиной гривой и роскошный алый плащ.

— Ты плачешь... — удивилась Нинве.

Шайя только отмахнулась.

— Все в порядке...

— Возможно, Кира сумела выжить. Ей всегда везло...

Принцесса молча кивнула. Она не могла признаться, что плачет не о Кире.

О безумцах и трусах

Его раненый лев тяжело плелся к мосту с последними отставшими от войска воинами. Артакс собрал вокруг себя своих кушитов. Ветераны войны против Лувии стояли плечом к плечу, подняв щиты и вытянув копья, создавая таким образом защитный вал для разбитой армии. За двумя рядами копьеносцев шли лучники Орму. Именно им удавалось удерживать человекоконей на безопасном расстоянии.

Но сколько еще мог удаваться подобный маневр? На горизонте маячили силуэты великанов, которых Артакс видел еще утром. Наверняка они будут слишком тяжелы, чтобы пересечь мост, но он был уверен в том, что они с легкостью пробьют этот защитный вал копьеносцев.

Двое остальных серебряных львов шли за его крылатым товарищем, который по-прежнему хромал. Артакс подошел к ним, хотел сесть на одного из животных, как пытался уже не раз, но лев Ансура снова оскалился и издал угрожающий металлический рык. Когда он приблизился к нему впервые сегодня утром, он даже схлопотал удар лапой. Судя по всему, животные были сделаны так, чтобы позволять сесть на себя только одному человеку. Нужно будет срочно побеседовать на этот счет с Длинноруким — если, конечно, удастся выбраться отсюда живым.

Сам Ансур шел в авангарде войска. Правитель Валесии давно уже был в безопасности, перейдя мост, в отличие от того же Мадьяса. Бессмертный, командовавший отрядом степных всадников, все утро не отходил от своих воинов и даже немного подрался с человекоконями. Под ним было убито два коня. Никто не назвал бы его трусом, но в небо он подниматься боялся.

— Вам нужно идти к мосту, — прошептал на ухо Артаксу Орму. — Великаны будут здесь до того, как мы успеем пересечь реку. Это будет ужасно, поскольку мне кажется, что на них не произведут впечатления ни мои стрелы, ни наши копья.

— Будучи бессмертным, я первый среди своих. Купаюсь в роскоши, имею множество привилегий. Если сейчас я побегу, то чего можно ожидать от людей, что они останутся здесь? Я обязан подавать им пример мужества.

— Из семерых бессмертных здесь остались лишь Мадьяс да Володи, — шепотом продолжал Орму. — И, честно говоря, я считаю их обоих не самыми умными людьми. Может быть, вы могли бы быть хоть немного похожим на других?

«Значит, ушел уже и Лабарна», — разочарованно подумал Артакс. От других бессмертных он ничего иного и не ожидал. — Володи со своими воинами еще охотится на орлов?

— Я послал к нему нескольких своих лучников. Большинство его ребят предпочитают более осязаемые цели и виды сражений, чем попытки попасть стрелой из лука в орла размером с лошадь.

Артакс усмехнулся. Он понимал, что имеет в виду Орму. Друснийцы были страшными противниками, когда нужно было сражаться лицом к лицу. Умением стрелять из лука они не славились никогда.

Отряд всадников понесся на стену копий. Среди них был мужчина в волчьем шлеме на крупной белой кобыле. Мадьяс! По пятам за ним следовали человекококони. Бессмертный то и дело оборачивался в седле, посылая в преследователей стрелы. Его примеру следовали лишь немногие воины. Многие держались в седлах из последних сил.

— Внимание! — крикнул Артакс. — Пропустите наших друзей! Третий, пятый и седьмой взвод, разойдись!

Воины выполнили его приказ с ювелирной точностью, словно на маневрах на огромном Львином поле перед его дворцом. Ашот тренировал их сотни раз, пока все они не научились выполнять маневры даже среди ночи и спросонья. Жаль, что Ашота здесь нет. Воины Арама были его войском. Несправедливо было оставлять его во дворце только потому, что он принял решение, которое будет правильным для империи. И, несмотря на все это, правитель не мог простить Ашота за то, что тот отнял у него Шайю.

Строго говоря, для нее так тоже будет лучше. Шайя воин. Ничто не смогло бы помешать ей быть рядом с ним здесь. Где бы ни была она сейчас, любое место было лучше этого поля сражения, где на победу не было никакой надежды.

Мадьяс последним промчался мимо копий, в то время как лучники Орму продолжали вести обстрел человекококоней, стараясь держать их на безопасном расстоянии. Теперь эти уродливые

существа в свою очередь взялись за луки, и их стрелы застучали по щитам кушитов.

Поравнявшись с Артаксом, Мадьяс придержал коня. Белая кобыла была с ног до головы залита кровью. У нее не было правого уха — признак неудачного удара мечом со стороны всадника.

Князь степняков жестом велел одному из воинов бросить ему бурдюк с водой, сделал большой глоток. Лицо его заливал пот.

— Проклятье, это лучшие наездники из всех, кого я встречал. Жаль, что мне не узнать, каково это — когда воин и конь сливаются воедино.

Артакс в недоумении поглядел на него. Судя по всему, Мадьяс не шутил, он говорил серьезно. Казалось, его действительно восхищает идея стать наполовину конем. Да и окружавших их воинов не напугали слова предводителя.

— Ты можешь послать пару лучников на берег реки, чтобы они помогли Володи отгонять от моста орлов?

Мадьяс сделал еще один глоток.

— У нас уже совсем мало стрел осталось. Воины Субаи почти все расстреляли, когда убивали дракона.

Артаксу показалось, что поступок сына скорее раздражает бессмертного, нежели наполняет гордостью. Может быть, он тоже догадывается, что с этой охотой на дракона что-то не так?

— На берегу нам пригодится каждый лучник, — спокойно ответил Артакс. — Орлы берут слишком большую плату кровью.

Князь степняков рявкнул приказ, и некоторые воины, недовольно ворча, тронулись с места. Затем он снова обернулся к Артаксу и поинтересовался:

— И куда подевались девантары?

Воин впервые за весь поход выглядел встревоженным. Обычно он встречал все трудности подчеркнутой суровостью и грубоватым юмором, но сейчас маска спала с его лица, он тревожно хмурился, и глубокие морщины пересекали лоб.

— Если демоны пойдут за нами за реку, нам предстоит еще одна тяжелая драка — иначе нам не дойти до магических врат.

— Если ты поможешь мне, возможно, нам удастся предотвратить и то, и другое.

. — Что ты задумал? — Его узкие глаза подозрительно сверкнули.

Вокруг бессмертных свистели стрелы человекококоней, пока Артакс объяснял свой план.

Когда тот закончил, Мадьяс схватился за голову.

— Да ты совсем свихнулся! Никто в здравом уме не станет этого делать!

— Поэтому я тебя и прошу, потому что знаю, что в твоем лице могу обрести брата по духу.

Правитель степняков недовольно засопел.

— Если я соглашусь, то буду безумцем, а если откажусь, то трусом? Какой чудесный выбор, — он нерешительно поглядел на своего крылатого льва, от головы которого как раз отскочила шальная стрела. Мадьяс почесал заросший щетиной подбородок. — Проиграем мы или победим — о нас ведь все равно споют героические песни, как считаешь?

— Наверняка. Двое бессмертных, прикрывающие отступление всей армии. Об этом будут говорить еще спустя тысячу лет.

Мадьяс покачал головой, а затем рассмеялся.

— Проклятье, надо было брать в зятья тебя, не отдавать Шайю Муватте. Ты меня понимаешь. Я такой же ненормальный, как ты. Сделаем же это!

Его слова задели Артакса за живое. И зачем он сказал о Шайе! Что за идиот!

Мадьяс вопросительно уставился на него.

— Что-то не так?

— Просто удивился, — односложно ответил Артакс.

Нельзя сейчас думать об этом! Вся его жизнь пошла бы иначе, если бы он смог жениться на Шайе в ее роли принцессы Ишкуцы. Никто в империи и не пикнул бы, если бы он привел во дворец дочь бессмертного.

— Возьми колчаны с метательными копьями. А мне нужно отдать еще несколько приказов, чтобы отступление было организованным.

Мадьяс хитро усмехнулся.

— Ты хочешь сказать, что собираешься попрощаться со своими. Я поступлю так же. Не хочу, чтобы командовал Субаи, если со мной что-то случится.

Артакс удивленно поглядел ему вслед. Этот варвар полон сюрпризов. Покачав головой, бессмертный направился на поиски Орму. Его капитан стоял рядом с отрядом лучников.

— Пошли от моего имени посланника на другой берег, — без экивоков начал Артакс. — Дай ему с собой сопровождение, чтобы он смог пройти через толпу на мосту. Это сообщение должно дойти! Посланник должен найти Вибия, валесийца, который командует катапультами, и передать ему следующее...

— Вы не можете сделать этого! — возмутился гарагумский лучник. — Это же самоубийство!

— Мы сейчас не станем спорить о том, может ли бессмертный лишить себя жизни, — с улыбкой ответил Артакс. — Это единственный способ. Ты примешь на себя командование здесь. Немедленно начинайте отступать к мосту, — он поглядел через головы стоявших строем воинов-копьеносцев. Великаны подобрались уже пугающе близко. — Времени мало. Наши люди не смогут сдержать великанов. Позаботься о том, чтобы они перешли мост живыми и этот проклятый валесиец у катапульт сделал свое дело.

— Повелитель! — Обычно Орму старался так его не называть, Лучник что-то вытащил из маленького кожаного мешочка, висевшего у него на поясе. — Вот что я должен был найти для вас, — и он протянул правителю наконечник странного вида, в насадке которого виднелось сломанное древко длиной не больше его мизинца. — Думаю, что именно этот снаряд и убил дракона. После этого он пробил еще семь стен домов. Ничего подобного я прежде не видел. Возможно, боги все же здесь и пришли нам на помощь?

Артакс взял кусочек металла. Выглядел он странно и был больше похож на гвоздь, чем на наконечник стрелы. Четырехгранный, утончающийся к острию. На другом конце — насадка.

— Он пробивает все: камень, металл... Абсолютно все. Я пробовал, — с благоговением в голосе произнес Орму. — Должно быть, его создали боги.

Артакс пожалел, что у них совсем нет времени. Именно такая стрела очень пригодилась бы им сейчас.

– Эй, брат по духу! — послышался хриплый голос Мадьяса. Бессмертный стоял рядом со своим крылатым львом, под мышкой у него был шлем-маска с забралом в виде морды волка. — Ты готов? — Слева и справа от высокой спинки седла висело по два колчана с метательными копьями.

Орму снял с шеи кожаный ремешок, на котором висел какой-то непонятный кусок шкуры.

— Возьмите это, мне он всегда приносил удачу.

Артакс поглядел на кусок шкуры со смешанными чувствами в душе.

— Удача тебе еще пригодится.

— Не так, как вам!

— Что ж, — он обмотал шнурок вокруг странного наконечника. — Эта штука принесла несчастье дракону. В качестве талисмана она наверняка сослужит мне добрую службу, — он улыбнулся Орму. — Не тревожься. Я всегда возвращаюсь.

— Ты идешь или мне лететь одному? — крикнул Мадьяс.

Артакс отвернулся и побежал ко льву. Лучники и воины, стоявшие во втором ряду с копьями, замахали ему руками. Вдруг кто-то крикнул:

— Король с мечом духов непобедим!

Остальные подхватили его крик, и под возгласы своих воинов он вскочил на круп серебряного льва и пристегнулся с помощью широкого кожаного ремня.

— Готов? — поинтересовался Мадьяс.

— Готов! — Артакс надел талисман на шею, а на голову — свой шлем. Сейчас, когда никто уже не видел его, ослепительная улыбка исчезла с его лица.

Лев тяжело и медленно тронулся с места. Два воина, да еще все эти метательные копья — он был безнадежно перегружен. Возможно, что он вообще не сможет взлететь. И если это случится, им конец.

Артакс сжал в кулаке висевший на груди талисман и пробормотал негромкую молитву, а его воины все кричали:

— Король с мечом духов непобедим!

Навстречу смерти

Двойной ряд копьеносцев расступился, пропуская льва, и металлический зверь устремился навстречу скачущим по равнине человекоконям. Его серебряные крылья тяжело поднимались и опускались, делая сильные взмахи, в стороны разлетались мелкие брызги льда и снега. Ряды воинов сомкнулись за их спинами.

Пристегнутому поясом к высокой спинке седла Артаксу оставалось смотреть только назад. Он не видел, что находится впереди, и его это не печалило. Орму вышел в первый ряд воинов и смотрел ему вслед с такой тоской, словно был уверен, что никогда больше не увидит своего правителя. Затем он что-то крикнул, отдавая какой-то приказ, и воины Арама медленно двинулись в сторону берега реки. Лапы льва по-прежнему стучали по промерзшей земле. Строй воинов остался позади, на расстоянии вот уже более двух сотен шагов, когда справа и слева от них показались первые человекокони. Некоторые смотрели на металлического льва, широко открыв рты, другие сохранили присутствие духа и стали поднимать луки. Вскоре вокруг двух бессмертных воздух гудел, словно стал вспугнутых шершней. Мадьяс что-то закричал на языке степей, но Артакс не понял его. Стрела задела шлем Артакса, в ушах негромко загудело.

А лев все еще не взлетел, впрочем, прыжки его стали больше. Некоторые человекокони уже развернулись и устроили настоящую гонку со львом, угрожающе размахивая копьями и мечами.

Послышался пронзительный крик. Артакс увидел, как один из человекоконей рухнул на колени, в груди его зияла одна сплошная рана.

— Это крылья! — крикнул сидевший впереди Мадьяс. — Этот ублюдок подошел слишком близко.

Остальные человекокони тут же отреагировали и стали стараться держаться подальше. На серебряного льва обрушилось еще больше стрел. Артакс поднял руку, защищая прорезь для глаз в шлеме-маске. Несколько стрел ударили в грудь, но ни одна из них не сумела пробить доспех.

Но гораздо больше, чем человекокони, Артакса тревожили орлы.

Их вожак, всадник на крылатом коне, уже заметил, что ситуация поменялась, и крупные птицы одна за другой развернулись от реки и последовали за ними.

— Копье! — крикнул Артакс.

— Слева! — последовал ответ от Мадьяса. Тот передал назад длинное оружие.

Серебряный лев уже добежал до невысокого холма. Поворачивая к флангу, он еще раз увеличил темп, и правители наконец взлетели. Всего на три удара сердца, и вот металлические лапы снова ударились об обледенелый грунт.

— Впереди великаны! — закричал Мадьяс.

Артакс не мог наклониться далеко в сторону, чтобы посмотреть, насколько сильно они приблизились к существам ростом с башню. Он следил за преследующими их орлами. Первый был уже на пугающе близком расстоянии.

Артакс опустил правую руку в кожаную петлю, ухватил копье посредине, опустив его наконечником вниз, к земле. Внезапно лев метнулся в сторону. Мадьяс выругался, и едва ругательства сорвались с его губ, когда в полушаге от них ударился о землю ствол массивного дерева. Лев прыгнул. Вдруг слева и справа показались ноги, массивнее пузатых колонн храма в Изатами. Кожа с широкими порами пестрела толстыми волосами.

— Расстанемся с парой метательных копий! — крикнул Мадьяс, и в следующий миг два колчана рухнули в снег.

Над ними послышался низкий крик, настолько громкий, что Артаксу показалось, что его ударил кто-то кулаком в живот, а перья льва зазвенели. Теперь он увидел, как один из великанов взмахнул булавой. Замах был широким, и удар пришелся по летевшему впереди орлу, который тут же превратился в клубок брызжущих во все стороны перьев, словно воробей, в которого мальчишка попал камнем из пращи. Остальные орлы разлетелись во все стороны, облетая собрата по огромной дуге.

В животе у Артакса все сжалось. Они в воздухе! Наконец-то!

Мадьяс взревел от восторга, словно разъяренный бык. Над ними скользнула тень. Орлы нагнали их. По ним колотили острые, словно шипы, клювы.

— Пусть твой лев перевернется, словно бочонок! — крикнул Артакс, заглушая шум крыльев и пронзительные крики орлов.

Наручи доспеха снова затвердели. Удары клювов обрушивались на шлем, когти пытались схватить его за плечи, а он не мог защититься. Один из орлов вырвал из рук Артакса копье, другой, с золотыми глазами, предпринял попытку сбросить его с крупа льва.

В этот миг серебряный лев качнулся вправо и сделал переворот. Орлы закричали, не в силах повторить этот маневр. Серебряные крылья резали плоть и перья. Стая, еще только что окружавшая их, поредела.

— А теперь настала очередь великанов! — ликовал Мадьяс.

Лев заложил крутой вираж в небе, а орлы с трудом пытались поспеть за ним.

Теперь Артаксу открылся головокружительный вид на огромное поле битвы. Под ними сгрудилась семерка великанов. Все они остановились и угрожающе тыкали в небо стволами деревьев, которыми пользовались как дубинками. Чуть дальше маршировало войско демонов. Над бесконечными колоннами трепетали знамена всех цветов радуги.

«Война будет долгой», — с тяжелым чувством подумал бессмертный. Даже если они соберут все войска Дайи, все равно будет неясно, удастся ли им остановить это войско. Как сражаться с такими великанами? Или с драконами? Он потянулся назад, к колчану с метательными копьями. Что ж, настал час мести, хотя бы в отношении орлов. Лев продолжал взмывать все выше и выше. За ним летели орлы, но не могли нагнать мчавшегося вперед льва.

Прошло достаточно много времени, и кожа наручей снова стала мягкой. Артакс замахнулся и метнул первое копье в середину стаи хищных птиц. Лев взмыл в небо настолько круто, что бессмертный оказался словно бы сидящим на перевернутом стуле. Из такого положения целиться было сложно. Ремень, которым он был пристегнут к спинке седла, держал весь его вес и впивался глубоко в тело.

Первое копье пролетело мимо цели, устремившись почти вертикально вниз к земле. Они взмывали все выше и выше. Артакс спрашивал себя, насколько высоко в небо собирается подняться Мадьяс. Встревоженно поднял следующее копье. На этот раз он дал

себе немного больше времени. Взвесил оружие в руке, метнул его и снова промахнулся. Выругавшись, достал новое. Сверху все представляется несколько иначе.

Третий бросок нашел цель. Копье вонзилось глубоко в оперение орла, который опрокинулся навзничь, и, широко раскинув крылья, рухнул вниз.

Теперь Мадьяс изменил направление полета. Они по большой дуге приблизились к великану, шедшему в арьергарде небольшой группы чудовищ. Когда они подлетели достаточно близко, Артакс взял еще одно копье и метнул его. Оружие вонзилось великану в затылок, но, судя по всему, произвело впечатление не больше укуса пчелы. Он раздраженно махнул рукой, на миг замер, повернулся к ним.

Мадьяс воспользовался своим шансом, чтобы совершить новый маневр. Они пролетели настолько близко к его лицу, что серебряное крыло задело великана по носу, оставив на нем кровоточащую рану. Большие голубые глаза недоуменно смотрели им вслед.

Артакс метнул еще одно копье в лицо удивленному великану. Вообще он целился в левый глаз, но копье вонзилось в плоть у самого носа. Попасть в цель на лету было далеко не так просто, как метать копье, стоя на твердой почве.

Летевшие за ними орлы брызнули врассыпную, пытаясь увернуться от руки великана, который неуклюже размахивал ею у себя перед лицом, словно пытаясь отогнать нескольких надоедливых мух.

— Давай сделаем еще одного чертова великана! — ликовал Мадьяс, направляясь к следующему противнику.

Артакс подумал, что их представления о том, чтобы кого-нибудь сделать, сильно разнятся. Оба попадания лишь немного разозлили великана, но остановить его они не остановят.

Последние воины из числа кушитов достигли начала моста. Они по-прежнему держали щиты над головами, защищаясь от стрел чедовекоконей. Повсюду на льду и голых прибрежных камнях лежали убитые. С высоты Артакс отчетливо видел, что весь их путь отступления из Вану отмечен длинной цепочкой трупов. Они допустили, чтобы их заманили в ловушку, и в этот час величайшей нужды девантаров не было рядом с ними, они не спешили прийти на

помощь. Даже Великий Медведь, остававшийся с ними еще ночью, сейчас куда-то пропал.

Мадьяс приглушенно вскрикнул, когда тяжелый удар пришелся в высокую спинку седла. В тот же миг мимо Артакса пронесся черный крылатый жеребец. Сидевший на нем беловолосый демон отбросил в сторону расщепленное древко копья. Облетев их по широкой дуге, всадник обнажил меч.

— Мадьяс!

Бессмертный не ответил. Артакс обернулся, насколько позволял ремень, но сумел увидеть лишь, что в воздухе за ними остается след мелких капелек крови. Вот уже траектория полета льва стала стремиться к земле. Его крылья застыли, взмахи прекратились, лишь ледяной ветер еще посвистывал в перьях.

— Прикажи ему держать к берегу! Наш план! Помни о нашем плане! — в отчаянии крикнул Артакс, но Мадьяс не подавал признаков жизни.

Они пронеслись вплотную над головой великана, отреагировавшего на это разъяренным рычанием. Монстр поднял булаву и тяжело затопал за ними вдогонку. Но они летели слишком быстро...

Слева от себя Артакс уже видел мост. Его кушиты скрылись в тумане, и, судя по всему, человекокони не торопились их преследовать. Первые три великана находились на расстоянии всего сотни шагов от реки. Происходящего за стеной тумана Артакс разглядеть не мог, для этого они летели уже слишком низко..., Всего тридцать шагов до земли. Лев заложил довольно безопасный вираж, но совсем скоро он должен был удариться о промерзший грунт.

Артакс в отчаянии протянул руку за спинку седла, ухватил степного князя за руку.

— Заставь его подняться! Мадьяс! Мы на берегу! Наш план... Мадьяс!

Рука Мадьяса выскользнула из его ладони. Он чувствовал, что правитель обессилел.

Земля приближалась... Уже осталось менее двадцати шагов.

Некоторые человекокони под ним радостно взвыли и погнались

следом. Они явно намеревались заполучить трофей. Яростно потрясая копьями в воздухе, они словно бы пытались показать ему, что его ждет, когда под ногами у него снова будет земля.

Еще пять шагов. Внезапно лев словно очнулся. Его крылья снова задвигались. Слабо, робко, словно бы животное пробуждалось от глубокого сна и потягивалось, разминая затекшие конечности. Массивные ноги, зазвенев, коснулись земли. Тело льва содрогнулось, Артакс больно ударился о спинку седла, а затем они снова поднялись.

Человекокони принялись ругаться. Одна стрела попала Артаксу в грудь, не причинив вреда, вторая задела шлем.

Лев поднимался, вращаясь вокруг своей оси. Это был условный знак для капитана Вибия! Если, конечно, посланный Орму воин нашел его. Артакс протянул руку назад, его ладони вцепились в крепкую кожу седла. Корпус принял почти горизонтальное положение — настолько круто лев взмыл вверх. Алый плащ бессмертного трепетал на ветру, словно знамя. Он поднялся выше тумана над рекой, при этом лев продолжал описывать крути.

У Артакса кружилась голова. Отчаянный полет верхом на льве пьянил и пугал одновременно. За спиной стояла смерть. Одна ошибка — и его не спасет даже созданный девантарами доспех. Его предшественник погиб именно таким образом: рухнул с небес, сброшенный в пропасть демоницей.

При воспоминании об этом в животе возникло нехорошее ощущение. И в то же время он чувствовал себя подобным богу! Это было совсем не то же самое, что неспешное плавание на поднебесных кораблях. Этот головокружительный полет пьянил. Пока лев продолжал ввинчиваться в небо, под Артаксом открывалась широкая равнина. От Вану и до стены тумана над рекой и до того места, где вскоре должны были открыться магические врата.

Под ним по небу тянулись дымящиеся нити. А затем наконец-то внизу на берегу расцвел первый огненный цветок! В мгновение ока за ними последовали другие. Испуганные человекокони бросились врассыпную. У одного из них загорелась шерсть. Одному великану в грудь попал глиняный кувшин, и целый каскад пламени пролился ему на живот до самого паха. Закричав, он ринулся к реке, бросился на колени и принялся черпать воду на себя своими огромными ручищами. Но горящее масло не желало тухнуть.

Остальные великаны бросились наутек, не обращая внимания на то, что попадалось им под ноги. На берегу поднялась суматоха. Колонны на марше, немного отстававшие от авангарда, замерли.

Артакс ликовал, когда на берегу расцвел новый ряд огненных цветов. Демоны отступают! Если им удастся поджечь мост, люди будут спасены! Всего один день пути отделял их от врат между мирами. Настолько быстро новый мост не построят даже демоны.

Внезапно всадник в алых одеждах снова оказался у него за спиной и поднял меч в воинском приветствии. Просто поразительно, насколько стремительно и с какой легкостью несет его крылатый конь! Вскоре Артакс уже мог отчетливо разглядеть лицо демона и его ровные черты. Он был довольно красивым — высокие скулы, крутой лоб. Вот только глаза... Они были абсолютно черны, в них не было даже тонюсенькой белой каймы.

Вытянув вперед меч, он летел вслед за ними.

— Мадьяс! — снова закричал Артакс. — Мадьяс! Нужно увернуться!

Демон безжалостно приближался, а лев поднимался все выше и выше в небо по спирали.

Артакс изо всех сил думал о льве, отчаянно надеясь, что удастся установить связь с этим существом из живого металла. Не получается! Они повиновались лишь одному человеку — тому бессмертному, что выбрал их.

Острие меча безжалостно приближалось, словно выпущенная стрела, вот только в отличие от стрелы, летящей со скоростью ветра, Артакс мог отчетливо видеть приближающуюся смерть и сполна прочувствовать ощущение беспомощности. Клинок был нацелен прямо ему в лицо.

Бессмертный закрыл глаза и тяжело вздохнул. Перед глазами стояло лицо Шайи. Он видел, как она танцует на спине собирателя облаков, как стоит на коленях перед его троном во дворце в одежде простой служанки, когда ее привели к нему, чтобы он свершил над ней суд. Никогда не забыть ему мига, когда для него она воскресла из мертвых.

Вместе с воспоминаниями вернулся гнев. Нельзя так просто сдаваться на милость судьбы! Открыв глаза, он потянулся к мечу и

вынул его из ножен. На клинке заплясало жутковатое зеленое пламя.

Бессмертный отчетливо увидел, как расширились глаза у демона, но он не повернул крылатого коня. Сталь ударилась о сталь. Артакс отчаянно пытался отодвинуть оружие демона в сторону. От клинков в стороны разлетались искры. Демон, кажется, тоже был ранен, но сдаваться не собирался.

Черные крылья коснулись шлема Артакса, а затем меч противника скользнул в забрало. Тело пронзила жгучая боль, мир перевернулся. В глаза брызнула кровь. Он заморгал, но все по-прежнему казалось расплывчатым. Оглушенный воин почувствовал, что лев перестал подниматься вверх и, раскинув крылья, ринулся вниз.

Металлический скрежет вырвал его из состояния апатии, с которой Артакс отнесся к падению. В разные стороны брызнули серебряные перья. Демон снова сделал это! Он нанес удар по крыльям льва, но созданное из живого металла существо перестало падать и ко всеобщему удивлению развернулось. Его тяжелые крылья перерезали переднюю ногу крылатого коня, вонзились глубоко в грудь жеребца, заржавшего от испуга.

Демона выбросило из седла, и только страховочный канат помешал ему убиться, когда его роскошный жеребец, кружась в воздухе, стал падать вниз.

Алая пелена окончательно ослепила Артакса. Он скорее почувствовал, чем увидел туман, почувствовал на языке его влажное тепло, вдохнул его и снова увидел образ Шайи, танцующей в небе для него.

Лунный Силуэт

Нодон стоял на коленях рядом со своим жеребцом по имени Лунный Силуэт, который столько лет носил его по небу Альвенмарка. Пегас лежал на обледеневшем грунте, одно крыло торчало прямо вверх, второе было причудливо вывернуто и погребено под его тяжелым крупом. Одного копыта не было. Нодон отвел взгляд, чтобы не смотреть на обнажившуюся кость, проклиная приказ Темного, приведший его сюда, и собственную жажду сражений! Нужно было просто отпустить серебряного льва. Что могло сделать это металлическое создание и два его наездника... Ну, может быть, немного замедлить продвижение войска. Его же вмешательство не помешало всадникам подать сигнал для использования катапульт.

— Мне очень жаль, — прошептал Нодон, нежно гладя покрытую клочьями пены шею пегаса.

Жеребец смотрел на него широко открытыми глазами, и эльф прочел в них боль и желание продолжать сражаться, не сдаваться ни в коем случае. Нодон прекрасно донимал, что этот последний бой пегасу не выиграть: слишком тяжелы были полученные раны. Но Лунный Силуэт проживет еще несколько часов. Он горд и упрям, таким он был всегда.

— Прости мою глупость, — Нодон почувствовал, как кровь пульсирует в крупной шейной артерии пегаса, как по-прежнему сильно бьется сердце его верного товарища. — Не надо было мне лезть в тот бой. В нем не было смысла.

Лунный Силуэт фыркнул, словно бы возражая.

— Да, ты победил его, этого металлического льва, — успокаивающим тоном произнес Нодон и обнажил кинжал, торчавший у него за поясом. — Ни одно существо с крыльями не может сравниться с тобой, Лунный Силуэт, — он мягко прижал клинок к большой артерии в нижней части шеи. Драконник был уверен, что его друг не почувствовал боли. Под ним быстро увеличивающейся широкой лужей разливалась темная кровь. — Ты никогда не проигрывал, друг мой. Спасибо, что позволял мне носиться по небу вместе с тобой и делить с тобой славу.

Глаза Лунного Силуэта тепло сверкнули. Нодон потрепал ноздри жеребца — они были холодны.

— Пусть альвы проводят твою душу в Лунный свет.

Пегас еще раз слабо хлестнул хвостом по льду, ноги его вздрогнули.

— Я с тобой, друг мой.

Глаза Лунного Силуэта расширились, ноги снова дернулись. Он хотел встать, хотел встретить смерть, стоя на ногах.

— Ты помнишь то лето, когда мы повстречались впервые? Ты увидел меня, хотя я хорошо замаскировался в колючем кустарнике. Ты был самым крупным жеребцом в стаде. Король Байнне Тир. Даже тамошние львы уважали тебя и боялись твоих тяжелых копыт.

Нодон прошептал слово силы и сплел заклинание. Налетел слабый теплый ветерок, играя с растрепанными перьями сломанного крыла.

— Я-то думал, что невидим в кустах, но ты унесся прочь, расправив крылья, поднимаясь вверх на теплых ветрах Байнне Тир. Когда я вспоминаю тот день, мне кажется, что я чувствую тот ветер. Словно достаточно закрыть глаза, чтобы оказаться там.

Лунный Силуэт не отводил от него взгляда, и в больших черных глазах читались покой и умиротворение. Его ноздри затрепетали, и конь фыркнул.

— Ты сделал большой круг и вернулся, чтобы растоптать меня своими крепкими копытами в том кустарнике. Я бросился плашмя на землю, и тогда мы впервые взглянули друг другу в глаза. У нас у обоих были большие черные глаза, правда, красавец мой?

Нодон почувствовал, что кровь уже слабее пульсирует в большой шейной артерии. Теперь под жеребцом была уже пугающе большая лужа крови.

— Посмотрев мне в глаза, ты понял, что мы предназначены друг для друга. Конечно же, ты не признался в этом, упрямец мой. Тебе хотелось лишь растоптать меня, ты приземлился у кустов неподалеку, посмотрел на меня долгим взглядом. А я, глупец эдакий, попытался набросить тебе на шею лассо, то все же схлопотал удар копытом, — Нодон негромко рассмеялся. — Ты был как невеста-недотрога.

Прошло две недели, прежде чем мне впервые было дозволено прикоснуться к тебе. И больше месяца, прежде чем я впервые оседлал тебя. А к тому моменту, как ты был готов покинуть стадо, прошло почти полгода. Хотя в первый же день понял, что именно этим все и закончится. Но признавать что-то, уступать — ты, друг мой, никогда не умел.

Глаза пегаса утратили блеск. Нодон закрыл ему веки, подержал на них ладонь.

— Желаю тебе хорошего восходящего потока — куда бы ни полетела твоя душа, Лунный Силуэт.

Нодон долго стоял на коленях родом с мертвым пегасом. Он чувствовал, что уже не один, но не оборачивался. Кто бы там ни был, он понимал его боль и то, что ему нужно время, чтобы попрощаться.

Наконец все закончилось. Вздохнув, эльф поднялся. Ноги онемели — почти так же сильно, как и душа.

Оказалось, что к нему подошла Айлин. Встреча с ней удивила драконника.

— Я была с авангардом, — спокойно произнесла она.

Судя по всему, его мысли отчетливо отразились на его лице. Эльф одернул себя, пытаясь водрузить на лицо маску нерушимого спокойствия, какую его приучили носить еще в Белом чертоге. Искусство скрывать эмоции заставляло чужих считать драконников бесчувственными существами, но это было не так. И здесь, рядом со своим мертвым пегасом, который был с ним столько лет, Нодону никак не удавалось заставить себя казаться равнодушным.

Айлин выглядела так, словно только что пришла с пира. Драконница стояла перед ним, белая и безупречная. У нее не было даже оружия. Пожалуй, сложно было выглядеть на поле сражения более неуместно, чем она. Но на лице ее читались суровость и решимость, не оставлявшие сомнений в том, что она привыкла отдавать приказы.

— Кто еще здесь? —устало поинтересовался Нодон.

— Из наших? Больше никого. Драконников держат в резерве. Кроме тех, от кого хотят избавиться. Что ты натворил, раз попал сюда?

Нодон пристально поглядел на Айлин. Несмотря на то что внешне в ней ничего не изменилось, в голосе ее чувствовались не циничные, а почти что мятежные нотки.

— Думаю, я задавал слишком много вопросов о Нандалее.

Глаза Айлин сузились.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... — Нодон не знал толком, как описать свои ощущения. — Ее дети. Они давно должны были появиться на свет. Эта беременность… она пугает все больше и больше. Нандалее сидит в темной комнате, куда не проникает свет, в полной апатии и в каком-то жутком состоянии. Я не раз приходил к Дыханию Ночи. Умолял его покончить с этим, но он просто игнорировал мои просьбы. А затем приказал прибыть сюда, — Нодон засопел. — Он сказал, что я должен быть его глазами. Оказывается, ему просто нужно было избавиться от меня. Судя по всему, я могу возвращаться. Резня окончена.

— Почему ты так думаешь?

Нодон махнул рукой в сторону моста, от которого валил черный дым.

— Мост горит. Мы больше не можем преследовать их.

— Наш полководец считает иначе.

Нодон удивился. Он не предполагал, что Солайн, ожесточившийся эльфийский князь из Аркадии, которому небесные змеи вдруг ни с того ни с сего доверили верховное командование в походе, проявит какую-то инициативу. Прежде он всегда считал его неспособным проявить воображение.

— Солайн хочет воспользоваться брошенными на берегу двухкорпусными лодками, чтобы построить переправу через реку. Он уже послал повозки обратно в Вану, чтобы набрать там древесины и веревок.

Нодон глядел на горящий мост.

— А смысл какой? Нам потребуется не меньше дня, чтобы построить такой мост из лодок. К тому моменту все дети человеческие сбегут через ту звезду альвов, через которую и пришли.

— Не думаю, — мрачным тоном заявила Айлин. — У небесных змеев на их счет другие планы.

Все пропало

Она видела, как лев падал с неба. Не как камень, но и без того было ясно, что приземление будет неудачным. Роскошное животное не делало ничего, чтобы замедлить полет, а оба всадника безжизненно висели в седле.

Шайе вдруг показалось, что какая-то невидимая сила сдавила ей горло. Неужели этот всадник в карминово-алом плаще — это Аарон?

— Кажется, наши бессмертные вошли в положение нас, смертных, — с совсем несвойственным ей цинизмом произнесла Нинве.

— Мне нужно туда! — Шайя отделилась от длинной вереницы беженцев, в которую превратилось еще вчера такое гордое войско.

Нинве схватила ее за руку, пытаясь удержать.

— Нет! Они не захотят, чтобы такие, как мы, видели в таком состоянии наших божественных правителей, — теперь в глазах ее читалась искренняя тревога. — Такие, как мы, рождены не для того, чтобы общаться с бессмертными. Ничего хорошего из этого не выйдет! Не ходи туда.

Шайя вырвалась. Она должна видеть Аарона. Когда она побежала, лев уже почти достиг земли. Существо из живого металла несколько раз бессильно взмахнуло крыльями, пытаясь улететь прочь от тумана и врагов. Орел, атаковавший его прежде, еще кружил в небе, не пытаясь напасть снова.

Взметнулась туча снега, когда лев рухнул наземь. Несмотря на то что Шайя находилась на расстоянии доброй полумили от него, она услышала скрежет металла. Воцарилась жуткая тишина. К месту падения бросилось несколько степняков. Только теперь бывшая принцесса осознала, что один из упавших, должно быть, ее отец, Мадьяс.

Ее брат, Субаи, был среди тех, кто помчался ко льву, за ним следовал его личный знаменосец с полковым штандартом, с которого свисали три белых конских хвоста. Он не должен видеть ее! Шайя побежала медленнее. Ее обгоняли мужчины. Она узнала Орму и еще нескольких знакомых из отряда кушитов, телохранителей Аарона.

Принцесса поняла, что хочешь не хочешь, придется признать, что Нинве была права. Глупо было приходить сюда, хоть и совсем не по той причине, которую предполагала ее приятельница. Никто из них не должен видеть ее! Шайя плотнее закуталась в одеяло, наброшенное на плечи и голову, поправила шерстяной шарф, закрывавший губы.

Она почти добежала до места падения, когда навстречу ей бросился всадник с угрожающе опущенным копьем. Серебряный лев упал в большой сугроб с подветренной стороны холма.

— Держись подальше! — крикнул ей воин, но она уже увидела то, что не было предназначено для глаз смертных. Из груди отца торчало сломанное древко копья. Доспех его пропитался кровью.

В седле его удерживали только тугие ремни. И не нужно было глядеть ему в лицо, спрятанное за волчьей маской, чтобы понять, что он мертв.

— Прочь! — Стальное копье коснулось ее груди. — Шлюхам здесь не место!

Она увидела, как отстегивали Аарона от высокой спинки седла. Он обмяк на руках у Орму.

— Женщина...

Охваченная яростью Шайя схватила копье за древко и рывком потянула его на себя, заставив удивленного всадника вывалиться из седла. Один удар в висок — и он уже не шевелился. Нужно идти дальше... Никто не заметил, что она сделала. Пока что. Все взгляды были устремлены на обоих бессмертных.

Аарона как раз укутали в плащ, кушиты унесли его прочь ото льва. Один удар сердца Шайя видела его, сломанное львиное забрало его шлема. Один миг, растянувшийся на целую вечность.

У женщины подкосились ноги. Не может быть. Все не может закончиться вот так! Неужели боги все же оставили их? Аарон был благороднейшим из бессмертных. Единственным, чьи планы не ограничивались интересами только его королевства. Возможно, он безумен, но он хотел изменить весь мир. Именно эту черту она любила в нем больше всего. И в конце концов ушла, чтобы их любовь не задушила эту мечту. Неужели теперь конец всему?

Чьи-то руки легли ей на плечи. Женщина обернулась. Нинве!

— Пойдем отсюда! Это место не для нас, — голос ее был хриплым от страха. — Происходящее здесь слишком велико для двух простых девушек.

Шайя почувствовала, как что-то внутри нее разбилось. У девушки не было ни сил, ни желания противиться. Она позволила Нинве поставить себя на ноги и увести прочь. Они снова присоединились к длинной веренице беженцев, но Шайя продолжала брести только потому, что Нинве тащила ее за собой.

Шайя не могла заставить себя забыть о сломанном забрале. Она смотрела прямо перед собой, видя только львиный шлем-маску, пробитый ударом меча. Солнце двигалось по небу, опускаясь в роскошный алый закат, словно небо вознамерилось поджечь все вокруг. Ветер свежел, трепал тяжелое одеяло Шайи. Беглецы шли молча, лица сосредоточены, слегка наклоняясь вперед, словно склоняясь перед безжалостной тиранией холодного северного ветра.

Внезапно шедшие впереди воины остановились. По рядам пробежал шепоток. Испуганный шепот. А затем волнами стада распространяться паника. Вдруг все снова двинулись вперед, на этот раз быстрее. Толчея была просто убийственная. Слабых просто затаптывали. Повсюду слышались отчаянные крики. Нинве, которая все это время вела ее, вдруг не оказалось рядом. Шайя огляделась по сторонам. Наконец с нее спало оцепенение, из-за которого весь мир сжался до размеров щели сломанного забрала. Где же ее подруга? А вокруг толкались все сильнее.

Шайя остановилась, ее обгоняли усталые воины. Девушка протолкалась и вышла из толпы, отчаянно, снова и снова зовя Нинве по имени. Ответа не было. Всем было все равно. Из марширующей колонны доносились раздраженные окрики. Люди хотели знать, почему никто не идет дальше. Все хотели как можно скорее убраться подальше от демонов и убийственного холода. Внезапно один из капитанов в хорошей зимней одежде промчался вдоль колонны на белом жеребце, крича мужчинам, чтобы они сделали привал, скоро они смогут пойти дальше.

Шайя почувствовала, что это ложь. Что-то пошло не так. Может быть, враги окружили их и отрезали путь к вратам между мирами?

Наконец Шайя обнаружила в толпе за спиной ослепительно яркую рыжую шевелюру.

Нинве протолкалась к ней. Лицо ее покраснело, по щекам бежали слезы.

— Все кончено. Мы пропали, — крикнула она, дойдя до Шайи. — Мы все умрем!

Раненое творение

«Искусство заключается в том, чтобы не жадничать», — думал Длиннорукий, глядя Незримым оком на свое новейшее творение и изучая паутину тонких светящихся нитей, окружавшую стоявшее в центре его пещеры существо.

Зачем создавать только львов? Зачем ограничивать себя? У него ведь есть все возможности. Силуэт переплетенных светящихся линий наполнял его гордостью. Это был дракон. Правда, не настолько крупный, как небесные змеи, но не меньше их могущественных слуг, солнечных драконов. Длина от кончика хвоста и до носа существа составляла почти тридцать шагов. Он понесет смерть и разорение детям альвов.

Он чувствовал, что Золотая сеть восстает против него, противится его попыткам и пытается задушить его. Длиннорукий тяжело вздохнул. «Нельзя бороться с этим, — мысленно напомнил себе кузнец. — Отпускай!» Он слишком много и слишком быстро зачерпнул силу из паутины, стягивавшей все три мира. Терпенье— вот самая сложная из всех добродетелей, если ты бог. Если пропускать силу медленно, сплетая свое творение с сетью, то оно станет частью магического мира. Если заставить силу течь слишком быстро и действовать небрежно, Золотая сеть накинется на дракона из живого металла. Такова была особенность, вплетенная альвами в это величайшее заклинание, когда они вместе с девантарами создавали миры. Или это сделала Нангог?

Мысль о том, что неуклюжая великанша могла создать что-то настолько подлое и в то же время искусное, была противна Длиннорукому. Нет, это наверняка сделали альвы, вдохнувшие в магическую сеть что-то вроде сознания. Это сознание восставало против всего, что нарушало план творения. Оно наказывало чародеев, которые слишком жадно брали его силу, и направлялось против существ вроде того дракона, которого он создал… Если только не потратить время, не позволить этому существу постепенно стать частью магической сети.

Это было все равно что пить крохотными глотками, каплю за каплей, при этом умирая от жажды. Но он сделал это. Силы Золотой сети перестали оборачиваться против него и против дракона.

Тончайшие нити переливались всеми цветами радуги. Ни одно дитя человеческое никогда не станет истинным венцом творения. Им недоступен магический мир. Все, что они видят — лишь металлическая оболочка. Но ведь это — лишь самая ничтожная доля его работы.

Он перевел взгляд на голову дракона. В ней был спрятан крохотный осколок сердца Нангог. Именно в нем и заключалась тайна дракона и всех остальных существ из живого металла. Только благодаря этому осколку и удалось привязать к дракону все те сложные и разнообразные заклинания. Быть может, это указывает на то, что великанша тайком вмешалась в создание магического мира, подобно тому, как втайне ото всех построила свой собственный мир? Или же это получилось случайно?

Лучше не трогать эту тайну, нежели найти доказательство того, что творение, возможно, было не совсем таким, как ему нравилось о нем думать. Интересно, а среди его братьев и сестер есть такие, кто задумывается о подобных вещах? Вряд ли. Они слишком заняты мирскими делами и наслаждениями. Кузнец считал, что большинство из них неспособны мыслить самокритично.

Вот бы узнать, как обстоят дела у небесных змеев. Может быть, среди них тоже процветают интриги и недоброжелательство? Или же все они действуют в порыве единой воли, решив позабыть о разногласиях — до полной и окончательной победы?

Что-то нарушало гармонию его заклинания. Силовые линии начали извиваться так, как ему никогда прежде видеть не доводилось. Внезапно резкая боль пронзила его, словно удар плети. Что-то выпивало его сущность, его жизненную силу. Ее втягивала в себя магическая сеть! Девантар тут же оборвал заклинание, прервал связь с магическими линиями и увидел, как две из тех, что он вплел в свое заклинание, померкли, а затем и вовсе растворились.

Длиннорукий не поверил своим глазам. Силовые линии так просто не исчезают. Что-то разрушило их, и, угасая, они начали пить его силу, чтобы обеспечить собственное существование. Кузнец вздохнул, тяжело оперся на огромную наковальню, стоявшую рядом. Колени дрожали. Во всем теле чувствовалась слабость, словно он работал весь день без передышки, как бывало иногда, когда готовился вот-вот завершить большую работу и совершенно забывал о мире и течении времени.

Девантар выругался, осознав, что заклинание, сплетенное для металлического дракона, сильно пострадало. Придется начинать все сначала. Несмотря на то что в отличие от первоначального заклинания для дракона, он должен был лишь восстановить гармонию между кристаллом из сердца Нангог и металлом, из которого был создан дракон, это было совсем непросто.

Длиннорукий по-прежнему изучал окружающий мир Незримым оком. Все силовые линии трепетали, словно струны лиры, по которым слишком сильно ударили рукой. Может быть, небесные змеи обнаружили его действия и специально разрушили заклинание? Нужно посоветоваться с братьями и сестрами!

Отвернувшись от наковальни, девантар почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Громко выругавшись, он потянулся, ища что-нибудь, что могло бы послужить ему в качестве костыля и в конце концов нашел древко копья. Тяжело опираясь на него, он начал подниматься по длинной лестнице, которая вела из сердца горы наверх к Желтой башне. Длиннорукий отчетливо чувствовал тревогу остальных братьев и сестер. Все они устремились к большому залу для собраний.

Когда Длиннорукий наконец добрался до большого чертога, на пороге его встретили причитания Анату. Она сидела на корточках в своей темнице, в черепе дракона Пурпурного, издавая звуки, словно раненый зверек. Девантар не удостоил ее ни единым взглядом, несмотря на то что из-за странного заклинания, вплетенного в пространство зала, ему пришлось дважды пройти мимо черепа, прежде чем он сумел оказаться под высокой аркой ворот, ведущих в чертог для собраний.

Его братья и сестры волновались. Все говорили, перебивая друг друга, стараясь поделиться своими ощущениями. Казалось, все по-разному прочувствовали случившееся. Бродившие по залу колонны делали свое дело, подчеркивая царившую в зале давящую атмосферу. На миг Длиннорукому даже показалось, что он попал в курятник, в который прокралась лиса.

Наконец его брат с орлиной головой, бог-хранитель Валесии, заговорил громче и призвал всех к спокойствию:

— Небесные змеи атаковали врата между мирами, ведущие в Вану. Перерезаны все семь троп, которые через них проходят. Войско

семи империй не имеет возможности отступить. Другие врата между мирами слишком далеко. Наши воины оказались заперты в ловушке, посреди вечной мерзлоты, их теснят превосходящие по численности войска детей альвов. Там все наши бессмертные, но из нас нет никого. Что будем делать?

— Конечно же, помочь им! — мрачно рыкнул Великий Медведь. — Мы не имеем права бросать их в первом же сражении с детьми альвов.

— А ты не думаешь, что именно этого и ждут от нас небесные змеи? — поинтересовался Длиннорукий. Он чувствовал, что его предложение бросить детей человеческих на произвол судьбы звучит подло, но слишком уж очевидно было намерение небесных змеев. — Они хотят, чтобы мы бросились на помощь своим питомцам. А почему? Чтобы еще раз собрать в одном месте, не таком защищенном, как Желтая башня, как можно больше девантаров. Неужели вы забыли огонь в Зелинунте? Забыли, что горело даже небо? Они хотят повторить это! Они там. Где-то во тьме между мирами или же в вечных льдах. Они хищники. Они привыкли подстерегать добычу. А я точно знаю, что не хочу быть добычей.

В огромном зале воцарилась тишина. По лицам братьев и сестер девантар видел, что все они напряженно размышляют. Львиноголовый, судя по всему, боролся с собой. Ему не нравилась идея бросать своего Аарона, Ишта же, наоборот, внешне была спокойна и сдержана. Великий Медведь беспокойно бегал из угла в угол, словно пойманный хищный зверь. А Львиноголовый глядел на него с неприкрытой ненавистью: ему всегда тяжело давалась необходимость принимать неудобную правду. Вепреголовый только фыркал. В конце концов именно он нарушил молчание.

— Неужели это и все? И мы больше ничего не можем поделать с тем, что драконы в первом же сражении лишают нас сразу всех бессмертных? И вы все боитесь их? Неужели мы не сумеем сплести заклинание, которое защитит нас от их огня? Мы — создатели миров. Мы — боги! Мы несем ответственность. Мы же не можем просто сидеть здесь и ждать, пока все закончится, а наши дети будут надеяться на наше вмешательство.

— Нравится тебе это или нет, это единственный разумный выход, — с безжалостным спокойствием в голосе произнесла Ишта. — Ты же сам знаешь, как обстоят дела с плетением заклинаний.

Полезешь в новую и неизвестную для себя область — и не знаешь, повезет или не повезет. Да, мы можем попытаться защититься с помощью заклинания. Но что нам известно об огне небесных змеев? Они — существа с почти божественными возможностями. Что, если мы ошибаемся? Если совершим ошибку, то возможности сплести второе заклинание у нас уже не будет. От нас останется лишь пепел. Будущее всего человечества обратится в пепел... И именно потому, что они — наши дети и нуждаются в нас, мы не имеем права идти туда. Мы не имеем права рисковать будущим целого мира ради того, чтобы спасти парочку жалких смертных, — она в отчаянии всплеснула руками. — Я понимаю, что вы считаете меня жестокой и хладнокровной, но я говорю правду.

— Разве люди будут по-прежнему уважать нас, если разнесется весть о том, что мы не помогли им в час величайшей нужды? — зло фыркнул Львиноголовый. — Зачем им продолжать считать нас богами, если наша трусость перед драконами будет настолько очевидной? Позволим войску семи империй погибнуть — и эра нашей славы подойдет к концу.

Ишта прищелкнула языком, сочувственно поглядела на своего львиноголового брата.

— Тебе не кажется, что ты слишком драматизируешь? Мы знаем, что ты без ума от своего нынешнего Аарона, но что поделаешь, его время тоже истекло.

— Мы разрушим миф о бессмертных, — не сдавался Львиноголовый. —Твой необдуманный поступок на равнине Куш, когда ты обезглавила Муватту на глазах у тысяч людей, и без того поколебал веру в этот миф. Теперь же мы окончательно развеем его.

—А вот и нет, — вмешалась Зовущая бури.

Длиннорукий не любил эту сестру. Ему внушали отвращение ее змеиные волосы, а холодность и пренебрежение по отношению к нему были просто оскорбительны.

— Мы просто поступим как обычно, когда время одного из бессмертных подходит к концу, — продолжала она. — Мы их заменим. Никто не удивится, что в ужасном сражении на ледяной равнине выжили только бессмертные, — она поглядела на Длиннорукого.

— Нет! — Кузнец понял, что последует за этими словами. —

Вам кажется, что все настолько легко? Это же...

— Не увиливай, брат. У каждого из нас свои обязанности. Ты создашь семь доспехов, до мельчайших деталей соответствующие тем, что носят наши теперешние бессмертные.

— Ты понятия не имеешь, чего требуешь! — возмутился Длиннорукий. — Мне требуется целый день на изготовление одного только шлема. Давайте возьмем доспехи убитых!

— Убитые лежат на ледяной равнине, идиот! — вмешалась Ишта. — То есть там, где нас поджидают небесные змеи. Я уверена, что даже если мы будем там не все, они удовольствуются тем, что сожгут некоторых из нас. Хочешь рискнуть, Длиннорукий? Ради парочки доспехов?

— Если мы создадим новых бессмертных вдали от их предшественников, у них не будет всех нужных воспоминаний, — напомнил Орлиноглавый. — При дворе быстро заметят, что что-то не так.

— Я тебя умоляю, — насмешливо воскликнула Ишта. — Ты что, не способен внушить людям воспоминания о событиях, в которых они не принимали участия? Показать тебе, как это делается? У нас более десяти дней на то, чтобы подготовить новых бессмертных к правлению. Раньше выжившие до вторых врат между мирами не дойдут. Если выжившие вообще будут. Наполним им головы воспоминаниями о героических сражениях в вечных льдах. По возвращении они должны суметь рассказать потрясающие историй.

— Как бы хороши эти истории ни были, — проворчал Великий Медведь, — кто же пойдет в бой за человеком, который ушел с тысячами воинов, а вернулся без единого человека?

— Неужели же нет шансов, что они доберутся до следующей звезды альвов? — поинтересовался Львиноголовый. — Почему вы так уверены, что из всего войска не выживет никто? Разве мы не можем послать им на выручку флот собирателей облаков?

— Нет, это безнадежно, — подавленным голосом ответил Длиннорукий. — Наше войско не дойдет до следующей звезды альвов, а собиратели облаков избегают смертоносного холода обоих полюсов. Они даже близко подлетать отказываются. Пройдет не одна неделя, чтобы довести такой флот до Вану. И когда они долетят, будет уже слишком поздно спасать детей человеческих. Столько они

в вечных льдах не продержатся. Я спущусь в кузницу я начну работать над доспехами.

— Но действительно ли они не смогут дойти до ближайшей звезды альвов? — взволнованно повторил свой вопрос Львиноголовый, — По крайней мере, некоторые из них. Ведь...

— Исключено, — заявил Человек-вепрь голосом, заставившим Львиноголового тут же умолкнуть. — Я знаю те края. Ходил там. Там нет лесов. Нет ничего, где могли бы укрыться дети человеческие. А до ближайшей звезды альвов более трехсот миль. У них нет нормальной одежды, чтобы выдержать такой холод. У них нет ничего, чтобы разводить костры, останавливаясь на ночлег. Вскоре им станет не хватать еды. А что им пить, если все замерзшее? Их убьет ледяное дыхание Нангога, но ведь им в затылок еще дышат дети альвов. Нет, брат, надежды больше нет. Они все умрут, — он обернулся к Длиннорукому. — Я спущусь в кузницу с тобой и буду помогать тебе делать новые доспехи.

Великая тьма

Чуллунку Валла вытащил из висевшего у него на бедре кожаного мешочка кусочек соленой рыбы. Мясо было покрыто желтоватой корочкой. Он полжизни ел такую рыбу, никогда не любил ее, но она позволяла на некоторое время отогнать голод. Поэтому он откусил кусочек. Осторожно, потому что зубы постепенно начинали выпадать. Он видел более сорока зим. Здесь, на севере, это уже означало старость. Он слишком долго жил. Если бы он умер неделю назад, то погиб бы гордым человеком. Теперь же он никто.

Он окинул взглядом людей, сидевших вокруг на равнине. Все они думали, что им плохо. Они даже не представляют себе, каковы зимы здесь, на севере! Мужчина плотнее закутался в плащ из перьев. И они все еще не осознали толком, какие ужасы несет с собой северный ветер.

Чуллунку видел их, зеленых существ, порожденных рекой. Духов, обретших плоть. Вскоре подойдут и их братья, что оседлали северный ветер. Старый цапотец поглядел на запад, где скрылось солнце и бледно-голубоватые сумерки еще вели последнюю перебранку со всемогущей ночью. Эта игра была отражением происходящего здесь, на равнине. Что осталось от их гордого войска? Оно превратилось в огромную кучу перепуганных беженцев.

— Чуллунку?

Наместник Вану поднял голову и увидел смерть. Она явилась к нему в облике человека-ягуара. Одного из предводителей воинского отряда с широкими золотыми браслетами. Лицо воина было скрыто в тени меж роскошными челюстями маски.

— Тебя хочет видеть бессмертный.

Старик устало поднялся. Правое колено плохо переносило холод Всякий раз после отдыха, когда приходилось снова вставать, оно громко трещало, а за треском приходила ноющая боль. Чуллунку выпрямился, отгоняя мысль о боли. Он был исполнен решимости встретить смерть, как подобает мужчине. Как воин!

Больше посланник ничего не сказал, просто повел его меж сидевших вокруг людей. Костров было мало. Мужчины готовились к быстрой победе и скорому возвращению. Ни дров, ни рыбьего жира

почти не было. Не было ничего, что могло бы дать пищу огню. А ведь огонь очень важен. Холод он не прогонит — только не под открытым небом и не в такой мороз и ветер. Но он не дает угаснуть жизненной искре и питает надежду.

На Чуллунку снова нахлынули воспоминания о пережитом в большом подвале. Залитые кровью стены, зарубленные тела. Он был за них в ответе. Это были его люди. Рабочие, согласившиеся терпеть невзгоды этой Земли в надежде на то, что благодаря этому их семьям будет легче. Лодочники, которые то и дело плавали на остров неподалеку от побережья, добывая белое золото. Стоило один раз увидеть огромных зубастых рыб, понять, с какой легкостью они ломают лодки, и приходило осознание, какое мужество требуется для того, чтобы снова выйти в море. И, несмотря на мужество и отвагу, они не были воинами. Они были крепкими ребятами, но с оружием обращаться не умели. По их позам Чуллунку понял, что большинство их пытались сопротивляться. Но что же можно сделать с кулаками против мечей?

Чуллунку сам когда-то был воином и прекрасно знал, как быстро заканчивается такая драка. Он подошел к каждому убитому, закрыл им глаза, прочел короткую молитву. Он знал, что его люди боялись того, что их души заблудятся в великой тьме между мирами и никогда не найдут обратной дороги домой. И теперь он надеялся, что это были лишь страхи. Сам он такого не испытывал, но лишь потому, что у него-дома больше не было. Его семья была мертва, святилище предков было разорено и осквернено. Он жил только ради города Вану. Города мертвецов...

Демоны убили его людей незадолго до того, как началось отступление. Тела убитых были еще теплыми, когда он спустился в подвал. «Я опоздал всего на час, — с горечью произнес он. — Зачем же мне теперь бояться смерти?» Еще при жизни наместника столкнули в великую тьму, и единственное, что ему осталось, это честь. Но вскоре ее, наверное, отнимет бессмертный.

Чуллунку прошел мимо нескольких людей-ягуаров. Никогда в жизни он не встречал их столько. Сейчас они представляли собой шевелящуюся черную массу на снегу и были похожи на ожившую тьму. В центре их группы стояли рыцари-орлы. Их было более сотни. Несмотря на то что воины глядели на Чуллунку с гордо поднятыми головами, тела они кутали в крылья. Было очевидно, что холод

сильно терзает мужчин. За исключением одного, воина, стоявшего в самом центре. Он был выше всех остальных больше, чем на голову. Тяжелые золотые браслеты обвивали руки, лицо его было скрыто в тени орлиного шлема. Чуллунку бросился ниц, вжимаясь лицом в утоптанный снег. Никогда прежде не встречался он с бессмертным Акоатлем повелителем небес и всего того, что лежит под ними.

—• Поднимись, Чуллунку! Я хочу видеть лицо своего наместника в Вану.

Голос пронизывал Чуллунку насквозь. Он был ледяным, в нем не осталось ничего человеческого. Это был голос бога. Наместник униженно поднял голову, но с колен встать не посмел. Да и не было нужды вставать или подходить ближе к правителю. Все знали, что глаза у бессмертного острее, чем у орла.

— Ты живешь потому что бежал от демонов, — каждое слово было подобно удару в сердце Чуллунку. И правду отрицать было сложно. Смотреть в лицо бессмертному он уже не мог. Подбородок опустился на грудь. Ну, вот и все, теперь он потерял и честь. Акоатль заклеймил его как труса, и ему нечего было сказать в свою защиту.

— Я рад, что боги пощадили твою жизнь. Ты еще сослужишь хорошую службу своему народу.

Чуллунку не поверил своим ушам. Он не осмелился задать вопрос бессмертному, но совершенно не представлял себе, что один человек может сделать с исходящей от демонов угрозой.

— Наверняка тебе доводилось слышать слухи, которые ходят по лагерю, хотя мы, бессмертные, пытаемся сохранить случившееся в тайне.

Пауза, последовавшая после слов Акоатля, была настолько долгой, что Чуллунку решил, что, судя по всему, правитель ждет ответа. Но во рту пересохло, как тогда, когда он был еще воином и наступал последний миг перед сражением.

— Акоатль, повелитель небес и всего того, что лежит под ними, я не знаю, о чем вы говорите. Э… прошу простить нижайшего своего слугу за глупость. Я был один, только издалека слышал перешептывания и отчаянные крики, но понятия не имею, что случилось.

— Судя по всему, демоны разрушили врата между мирами, через

которые мы пришли сюда, — пояснил воин-ягуар, приведший Чуллунку к бессмертному. Ясное дело, отвечать на вопросы простого смертного — ниже достоинства бессмертного правителя. Чуллунку ужасно раскаивался, что не слушал болтовни и смутил правителя своим незнанием.

— Ты — человек, который лучше всех знает этот край, — продолжал бессмертный.

Наместник подумал о собирателе облаков, прилетавшем в Вану не так давно. Он был первым за довольно большой промежуток времени. Наверняка тамошний лоцман знает окружающие земли намного лучше, да и карту может нарисовать. Чуллунку лишь один-единственный раз путешествовал по небу на поднебесной корабле, но никто не мог знать землю лучше, чем тот, кто мог посмотреть на нее сверху, словно бог.

— Кое-что знаю, — робко ответил Чуллунку, пытаясь и не хвастаться и не выглядеть невежей.

— Чтобы вернуться домой, нам придется найти другие врата между мирами, — пояснил бессмертный, словно это. было проще простого. Легкая прогулка. Акоатль пристально глядел на Чуллунку. Неужели заметил, насколько сильно напугали того слова правителя?

— Я жду?

Чуллунку испугался до глубины души.

— Повелитель небес и всего того, что лежит под ними, — смиренно произнес он, — однажды, много лет назад, мне довелось пройти через ближайшие врата между мирами. Вы были настолько любезны, что послали мне своего серебряного льва, ибо простым людям не дано разглядеть врата между мирами, даже если они находятся прямо, перед ними. Я отправился с ним и с восьмьюдесятью тремя мужчинами в ледяную пустыню. И благодаря вашему великодушию мы были оснащены наилучшим образом. Никогда не страдали от голода. У нас были палатки, где мы могли укрыться ночью от дождя, всегда было, чем питать костер, отгонявший прочь духов. И, несмотря на это, путешествие пережили лишь пятьдесят семь мужчин. А из выживших почти все потеряли пальцы на ногах. Некоторым пришлось даже отрезать ноги. Это было...

— Меня не интересует история о людях, которые давно мертвы,

Чуллунку! — резко перебил его правитель. — Сколько нужно идти?

Чуллунку униженно понурил голову.

— Отсюда чуть больше трех сотен миль, повелитель небес и всего того, что лежит под ними. Нам придется идти через горы и пересечь широкую реку. И к нам будут приходить духи северного ветра.

Акоатль зашипел.

— Духи? Я не стану беспокоиться о духах, когда в затылок мне дышат демоны.

«Ты ошибаешься, повелитель», — подумал Чуллунку, но сказать ничего не осмелился.

— Ты поведешь нас, наместник. Мы будем проходить по двадцать миль в день. Две недели — и мы выберемся из этой проклятой страны.

— Но раненые и женщины не осилят пути. Они...

Акоатль резко оборвал мужчину на полуслове.

— На них мы не станем обращать внимания. У нас и без того слишком мало еды, чтобы прокормить слабаков. Выступаем завтра на рассвете, — бессмертный сделал два шага по направлению к Чуллунку. — Ты под моим покровительством, потому что нам нужны твои знания, но никогда не смей мне больше перечить, Чуллунку. Я найду дорогу и без тебя. Я бессмертный, и для меня нет ничего невозможного!

Наместник униженно уткнулся лицом в снег, но в глубине души понял, почему боги оставили их: им было стыдно за людей, которым они даровали бессмертие, и теперь они решили исправить свою ошибку.

Полководец

Солайн стоял на берегу в одиночестве и глядел на колышущийся над рекой туман. Примерно в сотне шагов от него возводился мост, который позволит им броситься в погоню за детьми человеческими.

Нодон не спешил подходить к высокому худощавому эльфу. Лицо у Солайна выглядело ожесточенным, он никогда не улыбался, а в глазах читалась несгибаемая твердость. Никто не понимал, почему небесные змеи сделали полководцем именно его. На нем не было доспеха, как и меча на поясе. Его длинные серебристые волосы до плеч, поддерживаемые узким золотым обручем, больше подошли бы ученому, нежели воину. На князе был простой приталенный плащ с высоким воротником-стойкой. На ткани бутылочного цвета отсутствовала вышивка, но даже без украшений от его фигуры веяло властностью.

— Подойди сюда и говори! — раздраженно произнес Солайн. — Не люблю, когда смотрят мне в спину!

Нодон проглотил недовольство. Не нужно было медлить. Обычно он действовал совершенно иначе.

– Ты отпускаешь отряды... — начал драконник.

Солайн бросил на него презрительный взгляд.

— Я что, похож на того, кому нужны пояснения собственных приказов?

— Я хотел...

—Нет, я не отпущу тебя, Нодон. Это все?

– При всем уважении...

— Ты не уважаешь меня, — снова перебил его полководец. — Ты воин, а я нет. Так уж устроен мир: воины смотрят на всех, кто не принадлежит к их касте, свысока. Так что не нужно мне лгать, Нодон. У меня нет времени на подобные банальности. Я хочу, чтобы ты был здесь, и обсуждать здесь нечего.

— И как же ты меня остановишь? — Подобные выпады были Нодону неприятны.

Вот теперь старый князь совсем отвернулся от реки и смерил Нодона презрительным взглядом.

— Никак, мастер меча. Я никогда бы не встал на пути у разозленного мужчины, обладающего твоими способностями. Иди и живи с осознанием своего дезертирства.

Нодон не поверил своим ушам. Значит, он может просто уйти?

— Думаю, с этим я как-нибудь проживу.

— Вопрос лишь в том, как долго. Золотому наверняка не понравится, что ты не стал поддерживать его.

«Как он жалок, — подумал Нодон. Прячется за спину Золотого, грозит его гневом».

— Прежде чем Золотой об этом узнает, я буду в саду Ядэ. Там он не властен.

— Ты так в этом уверен? — холодно поинтересовался Солайн. — Такие люди, как ты, склонны гибнуть потому, что переоценивают собственные силы. Однако ты мне нравишься, — он произнес это совершенно безэмоциональным тоном, что заставляло усомниться в его словах. — Твоя склонность к красной одежде несколько... экзальтированна, что ли? Я бы на твоем месте не делал этого. Ты знал моего сына?

Удивленный внезапной сменой темы, Нодон ответил:

— Я дважды встречался с Талавайном. Говорили, что он... — Эльф не договорил.

— Ты не можешь произнести слово «шпион»? Красивого названия для того, чем он занимался, не придумали, — на щеке у старого князя дрогнул мускул. — Знаешь, в нем всегда было что-то женственное. С детства любил переодеваться. Как же я ненавидел эту его черту! Золотой поведал мне, что мой сын стал важнейшим советником одного из бессмертных. Никогда прежде эльф из Голубого чертога не поднимался неузнанным настолько высоко по иерархической лестнице среди людей. Он сослужил Альвенмарку хорошую службу. Но потом, пару лун тому назад, его раскрыли: то ли люди, то ли девантары. И теперь он мертв. Хотя Золотой не говорит об этом, отец чувствует подобные вещи.

Нодону не хотелось выслушивать откровения о семейных

трагедиях.

— Я пойду. Здесь я тебе больше не нужен. Войско достаточно велико, чтобы уничтожить детей человеческих.

— Неужели я слышу в твоем голосе отвращение? Именно в твоем? — Ветер играл с длинными волосами старого эльфа. — А каково же было сражаться в небе с детьми человеческими, которые с трудом держались на своем серебряном льве?

Нодон отвернулся и пошел прочь. Он не собирался поддаваться на подобные провокации. Оба бессмертных вовсе не были беззащитны. Это никак не сравнить с предстоящей резней, которую они собирались устроить в войске детей человеческих.

— Останься, Нодон, — голос Солайна было не узнать. В нем слышалось какое-то шипение, сменился тембр, он словно бы доносился издалека. — Тебя послал мне брат. Он не хочет видеть тебя рядом со своей любимой Нандалее.

Разъяренный Нодон обернулся. Он не потерпит... Солайн поразительным образом изменился. Рот его был широко открыт, и чужой голос звучал откуда-то из глубины, но ни язык, ни губы эльфа не шевелились. Глаза его закатились, был виден только белок.

— Не любишь, когда тебе говорят правду? — насмешливо поинтересовался низкий голос. — Если уйдешь сейчас, мой брат убьет тебя. Ему не нужны свидетели. Он не хочет, чтобы кто-то из эльфов видел, что родит Нандалее.

— Кто ты?

— Разве это так тяжело угадать? Я друг, которому не хочется тебя потерять. Мой брат постепенно сходит с ума. Перестал общаться с нами. Он одержим Нандалее и тем, что она вынашивает. Мне пригодился бы союзник в саду Ядэ. Могу ли я рассчитывать на тебя?

— Я не предам своего повелителя! — решительно ответил эльф.

— В таком случае ты погибнешь вместе с ним! —-Голос яростно рычал. — Вернись туда, и ты погибнешь, дурак. Я дюжины раз видел это в серебряной чаше. Тебе наконец пора осознать, кто друг тебе, а кто враг! Твой повелитель, которому ты так предан, твоим другом точно не является.

Солайн обмяк. Глаза его все еще не вернулись в нормальное

состояние. Он смотрел в пустоту и казался мертвым.

Нодон опустился на колени рядом с князем. Пульс его был слабым и неровным. Оставить его здесь? Рядом не было никого. У Солайна не было телохранителей и друзей. Одно быстрое движение ножа по шее старика... Кто-нибудь видел их вместе?

Мастер меча поднял Солайна на руки. Какой же он легкий, одна кожа да кости. Эльф решительным шагом направился прочь от берега к большой лощине, туда, где защищенные от сильных ветров были разбиты несколько палаток. Там сидели два великана, каждый из которых обгладывал половинку быка. Неаппетитный звук ломающихся костей в сочетании с варварским чавканьем заглушал все остальные звуки лагеря. Между палатками сновало несколько слуг-кобольдов. На груде недавно содранных овечьих шкур лежал минотавр и жутко храпел.

Во всех палатках уже горели огни, и яркие стены шатров казались похожими на фонарики во время летнего праздника. Шатер Солайна был зеленым, как и простой плащ, который он носил. Нодон пробрался сквозь двойной полог, занавешивающий вход. Внутри догорал огонь в жаровне, прогонявшей мороз. Был здесь еще тяжелый стол с тремя предметами: ящичком из темного лакированного дерева, простым кувшином и миской с тремя яблоками. К столу были придвинуты два стула, а у противоположной стены стояла узкая кровать, на которой в мятых одеялах лежала лысая эльфийка.

Нодон был потрясен. Не ожидал увидеть у Солайна любовницу. Да еще и такую женщину... Эльф растерянно замер у постели. Она была слишком узкой, чтобы в ней могли поместиться двое.

— Твой повелитель вернулся, — негромко произнес он.

Эльфийка потянулась. На лбу у нее была татуировка в виде глаза — на четыре пальца выше переносицы, лишь слегка прикрывавшая уродливую паутинку шрамов. Череп в том месте был слегка вдавлен.

Любовница Солайна открыла глаза. Они были цвета яркого летнего солнца, прорезанные вертикальными зрачками. Она поглядела на Солайна, по-прежнему безжизненно лежавшего на руках у Нодона.

— Он был с тобой нелюбезен? — задумчиво поинтересовалась она.

— А он умеет быть любезным? — вопросом на вопрос ответил Нодон. — Может быть, ты уступишь ему постель?

— Ему не нужна постель, драконник, — она привстала, зябко провела руками по плечам. — Посади его на тот стул с высокой спинкой. Сегодня ведь нам уже не стоит ожидать сражения, верно?

— Твой повелитель потерял сознание. Ему нужно...

— Неважно, в сознании он или нет. Это просто побочный эффект. Просто пришло время. Нужно помочь ему расслабиться, — ноги зашевелились под одеялом. Они двигались настолько жутко и противоестественно, словно состояли из одних только извивающихся мускулов.

Затем любовница Солайна встала с постели. У нее не было ног! Начинал от бедер, у нее было змеиное тело, а выпрямившись во весь рост, она оказалась на две головы выше Нодона.

— Удивлен? — Она улыбнулась, обнажая острые как иглы зубы, — Теперь ты догадываешься, почему он прячет меня, не правда ли? На время путешествия он запирает меня в сундуке Он очень-очень скверный господин.

Нодон изо всех сил пытался совладать с собой. Подобных существ он никогда прежде не видел.

— Ты поможешь мне облегчить его страдания? — Она скользнула к столу, и Нодон невольно отступил на шаг, когда змееженщина открыла покрытый темным лаком ящичек. В нем на темно-красном бархате лежала длинная шпилька из полированной серебряной стали, заканчивавшаяся уродливой широкой головкой, и маленький молоточек, тоже из полированной стали.

— Нужно одолеть меланхолию, опутывающую его разум, — с этими словами она вынула из ящичка инструменты и подняла бархатную подкладку. Под ней лежали потемневшие от времени кожаные ремни, покрытые сеточкой мелких трещин. Несмотря на то что он стоял в двух шагах от нее, Нодону показалось, что он в буквальном смысле кожей чувствует боль и страдания, связанные с этим ящичком.

Вовсе не шпилька

— Что ты собираешься с ним делать? — Нодон отошел еще на шаг от змееподобной женщины.

Солайн шевельнулся у него на руках.

— Не нужно защищать меня от нее, друг мой. Она не представляет опасности, — голос князя звучал слабо и казался хрупким, словно из тела его выпили все соки. — Она единственная, кто может мне помочь. Посади меня на тот стул, что впереди. С узкими прорезями в спинке.

Нодон не знал, что и думать обо всем этом. Происходящее совершенно не вписывалось в его представление об этом таком невзрачном князе-полководце.

— Она поможет мне, Нодон, — слабым голосом произнес Солайн.

Драконник неуверенно посадил князя на стул. Змееженщина скользнула за высокую спинку.

— Он снова был в тебе?

Солайн кивнул.

— Да. Пришел без предупреждения, — он перевел усталый взгляд на Нодона. — Думаю, почувствовал, что рядом мастер меча. Думаю, он хотел ему что-то сказать.

Нодон не понял ни слова.

— О ком вы говорите?

— О Золотом! Он снова завладел мной. Не знаю, чем я ему так приглянулся. Возможно, значу для него особенно мало.

— Особенно мало? И поэтому он сделал тебя полководцем? — Да Солайн точно спятил!

— Ты не понимаешь, Нодон. Он сделал меня своим орудием. Может появляться здесь посредством меня. Видит моими глазами, если захочет, сможет говорить моими устами.

О подобном заклинании Нодону еще никогда не приходилось слышать. Действительно ли недавно с ним говорил Золотой? Или

Солайн пытается просто запугать его таким образом?

— Что, убийца? Не веришь мне? Я что, похож на лжеца? Я князь Аркадийский. Я...

— Спокойно, — женщина-змея мягко опустила руку ему на плечо. — Может быть...

— Нет! — Солайн поднял руку. — Я еще не закончил с нашим моралистом, у которого руки по локоть в крови. Ты убийца и смеешь судить меня!

— Думаю, с меня достаточно, — Нодон одарил его милой улыбкой, опуская руку на рукоять меча. — Кстати, хотел дать тебе совет. Тебе следует обращаться несколько приветливее с теми, кого ты считаешь убийцами. Иначе однажды ты встретишься с тем, кто окажется несдержаннее, чем ты.

— Ты мне угрожаешь? — Солайн привстал, но тут же снова обмяк. Лицо его посерело. На лбу выступили крупные капли пота.

— Прошу... — Женщина-змея провела рукой по волосам князя. — Пора лечиться.

Солайн поднял голову. В уголках губ виднелись глубокие морщины.

— Ты остаешься. Я мог бы приказать заковать тебя, Нодон. Или придумать что-то еще более действенное, чтобы удержать тебя. Посмотри, что она делает. И послушай, что она скажет, — он еще говорил, когда женщина-змея вынула из стоявшего на столе лакированного ящичка кожаные ремни. Она протянула их через прорези в спинке стула и зафиксировала голову князя. Один ремешок проходил по подбородку, второй — по лбу. Когда женщина затянула их, князь не мог шевелить головой.

— Не смотри на меня так, — возмутился Солайн. — Я буквально читаю твои подленькие мыслишки! Ты даже не представляешь себе, кровопийца...

— Спокойно, — женщина-змея опустила высокий воротник плаща князя, склонилась над его шеей. Казалось, будто она целует его, но, когда она поднял голову, на шее эльфа остался, венчик кровавых следов. Его окружала паутинка мелких шрамов, словно князя частенько кусала его загадочная служанка.

— Что ты делаешь?

— Дарю ему толику своего яда, — она улыбнулась ему, обнажив свои острые, как иглы, зубы. — Он действует уже не так сильно, как раньше. Поначалу он мог спать несколько часов после укуса. Но его проклятие лишает его этого дара. Его тело не такое, как у всех остальных эльфов, которых мне прежде доводилось встречать. У него быстрее заживают раны. Ты только посмотри на его шею.

И действительно, на ранках уже стала образовываться корочка.

— Через полчаса останется лишь бледный шрам. Он потрясающий. Никогда не болеет, раны, которые другого убили бы, быстро заживают, ядами его не убить. Его тело быстро привыкает к ним, и вскоре они совершенно перестают действовать.

— И это ты называешь проклятием? — Нодон все еще чувствовал нанесенную Нандалее рану. Он готов был многое отдать за то, чтобы обладать силой Солайна.

— Да ты не представляешь себе, — устало пробормотал князь. Было видно, что ему с трудом удается держать глаза открытыми.

•— Не спать, — прошептала женщина-змея. — Ты же знаешь, что я могу работать лучше, если буду при этом разговаривать с тобой, — она подняла взгляд на Нодона. — Это второй недуг, который делает его случай трагичным. Он слишком чувствителен. Сильные чувства слишком долго живут в нем, он не может забыть о них и становится совершенно непредсказуемым. Иногда буйным, иногда наказывает без меры, а иногда просто замыкается в себе на несколько дней или даже недель. Когда он нашел свою жену, Лизандель, для него началось время величайшего счастья. Она подарила ему сыновей, Талавайна и Асфахаля, а еще двух прекрасных дочерей, Киру и Майлин. Его жизнь была идеальной. Мы, кому ведомы лишь временные чувства, не представляем себе, чем было для него это время. Но затем Лизандель умерла, и он рухнул в пучину отчаяния и меланхолии, из которой так и не сумел выбраться. Ни смех, ни мольбы детей не могли вытащить его из мира мрака. Ему больше нравились мертвые вещи, чем живые. Он начал коллекционировать статуи и иногда мог смотреть на них часами. Его сын, Асфахаль, был самым непоседливым из всех детей. Он перепробовал все, чтобы заставить отца сбросить путы оцепенения, ругал его, и заявлял, что вскоре он перестанет отличать его от своих любимых статуй. И в

конце концов он отломал палец от одной из статуй, чтобы заставить Солайна обратить на него внимание, — женщина-змея сделала многозначительную паузу.

— У него получилось. Солайн запер Асфахаля на три дня в темном семейном склепе, расположенном под его чудесным мраморным дворцом. В конце концов Асфахаля освободили двое слуг. Казалось, отец забыл, что он там. Похоронил его заживо, так же как похоронил когда-то самого себя после смерти Лизандель. Мальчик в туже ночь бежал из отцовского дворца. Думаю, ты слышал о нем.

Это было правдой. Асфахаль был одной из самых тщательно оберегаемых тайн Белого чертога. У него был талант к плетению чар, он обладал мужеством, граничащим с безрассудством, и в то же время был очень беспечен. Став одним из учеников Парящего наставника, через некоторое время он был призван в Белый чертог. Но несмотря на многообещающие таланты, он оказался чересчур непостоянным. В конце концов, наставники чертога отказались принимать у него последний экзамен и выгнали из школы. Ничего подобного не случалось уже более трехсот лет.

— Нужно было оставить его подыхать в склепе! — проворчал Солайн. — От него никакого проку. Как и от всех вас, убийцы!

— Именно твой никчемный сын прислал меня к тебе, чтобы помочь, — с укоризной произнесла женщина-змея. — А теперь давай начинать. Нодон, будь так любезен, держи князя крепко за руки и прижми их к спинке стула. Иногда он пытается ударить меня во время лечения. Если момент будет неудачным, последствия могут быть просто ужасными.

— Держать его руки?

— Помоги мне. После лечения он несколько часов будет без сознания. А потом сможешь уйти, и он не пошлет никого, пытаясь удержать тебя.

— О чем ты говоришь? — проворчал Солайн. — Это предательство, подлая ты змея. Не думай, что я забуду об этом. Ты... Я скормлю тебя чудовищам, что водятся в реке, лживая тварь.

— Да, говори со мной, это необходимо, — спокойно произнесла она, затем взяла в руки длинный металлический шип и молоточек, лежавшие на столе. — Его руки, пожалуйста!

Нодон опустился на колени рядом со стулом. Если это вернет его обратно в сад Ядэ, то пусть, Он взял тонкие ладони князя и крепко прижал их к подлокотникам.

– Очень хорошо! Спасибо, — с этими словами женщина-змея наклонилась через спинку стула и подняла большим пальцем правое веко князя, а затем ловко вонзила длинный шип между глазным яблоком и веком.

— Вы оба еще пожалеете о своем предательстве, — Нодон почувствовал, как напряглись мышцы князя. Правый глаз Солайна слезился. Он закатил его, и радужка коснулась стального инструмента.

— Что ты творишь? — Нодон хотел было вырвать шип из рук женщины-змеи, но испугался, что таким образом заденет глаз князя.

— Что ты знаешь о мозге эльфов? — вместо ответа поинтересовалась странная целительница.

— Какое отношение это имеет к происходящему?

— Самое прямое! Мозг — это резиденция нашего разума, но он управляет также и нашими чувствами. И он может заболеть, так же, как и все остальные части тела. Вот только исследован он меньше всего. Ты знал, что он разделен на две равные доли, соединенные толстой ветвью? Я исследую мозг с тех самых пор, как бросила затею открыть Незримое око и стать чародейкой. Видишь татуировку у меня на лбу? Шрам под ней? Первый мозг, который я пыталась изменить, был моим собственным. У меня был дар к плетению чар, но я не хотела принимать это. Я пыталась силой открыть Незримое око, разрезала плоть на собственном лбу и проделала дыру в своем черепе. Инструмент случайно коснулся моего мозга, — она негромко рассмеялась. — И это изменило все. Я не сумела пробудить свой дар к плетению чар, но благодаря ране в мозгу я перестала грустить. Перестала чувствовать себя несовершенной из-за того, что в отличие ото всех своих сестер не могла стать чародейкой.

Нодон поглядел на шрам у нее на лбу, затем перевел взгляд на шрам, видневшийся над глазным яблоком в глазнице Солайна. Может быть, она перестала грустить, но мозг себе продырявила безнадежно.

Женщина негромко зашипела.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Но ты ошибаешься. Я

посвятила свою жизнь изучению вашего, эльфийского мозга. Много путешествовала в поисках эльфов, которые были ранены в голову. Я пытаюсь составить карту мозга, подобно тому, как анатомы рисуют карту нашего тела, — она положила руку себе на лоб, второй по-прежнему придерживая толстую иглу. — Здесь, впереди, находится часть мозга, отвечающая за наши чувства.

Она небрежным жестом взяла лежавший на столе молоточек и ударила по широкой головке иглы.

Нодон с ужасом увидел, что серебряная сталь на добрых два дюйма вошла в глазницу. Руки Солайна, которые он по-прежнему прижимал к подлокотникам, сжались от боли, но князь тут же протяжно вздохнул и попросил:

— Избавь меня от мучений, Алоки.

И женщина-змея начала мягко поворачивать стальную иглу.

— Как зовут твоих дочерей, Солайн?

— Кира и Майлин, — не колеблясь, ответил тот.

— А сыновей?

— Асфахаль и Талавайн.

— Кого из сыновей ты любишь больше?

Нодон с восхищением и в то же время с отвращением наблюдал за их игрой.

— У меня остался только один сын. Талавайна убили дети человеческие. Я заставлю их поплатиться за это... — Голос Солайна изменился, он говорил совершенно безэмоционально. — Когда этот ледовый поход закончится, за него погибнут пять тысяч человек. И это будет только начало. Я заставлю их понять, что я пришел мстить за его смерть, чтобы они навсегда запомнили страх перед нами, эльфами, поскольку один из нас стоит больше, чем сотня их. Они будут лежать в пыли, чувствуя на затылке нашу ногу, чтобы осознать, какой это драгоценный дар — право жить в мире с нами.

— Расскажи мне об Асфахале, — мягко попросила князя Алоки.

— О нем и сказать нечего. Он жив, но в то же время он мертв для меня, — Солайн снова говорил совершенно безэмоционально, от чего его слова казались еще более решительными. Нодон слышал много

плохого об изгнанном из Белого чертога ученике, но подобный приговор из уст отца Асфахаля шокировал его. Как можно дойти до того, чтобы возненавидеть собственного сына?

— Каким Асфахаль был в детстве? — Несмотря на то что Алоки не была чародейкой, было в ее голосе что-то такое, что заставляло обязательно отвечать на ее вопросы.

— Он был... любопытным. Из всех моих четверых детей он был наиболее бесстрашным. Ничего не боялся. Он любил, когда наш парусник прыгал по волнам во время путешествий на Танталию. При этом он всегда стоял на корме и дерзко бросал вызов буре. Еще он... — Князь заморгал. — Лизандель была такой нежной и понимающей. Когда она умерла, я понял… я понял, что такой жены мне больше не найти. И со дня ее смерти только и делаю, что жду, надеюсь на то, что она родится вновь. Она...

Алоки вытащила иглу из глазного яблока и подала Нодону знак отпустить руки князя.

— Как дела? — мягко поинтересовалась она.

Солайн заморгал. Казалось, он дезориентирован и словно бы вообще не понял вопроса.

–Я устал, — через некоторое время ответил он.

— Твое сердце обретет покой. Мне продолжать или ты хочешь поспать?

Он потер рукой лоб, сжатый широким кожаным ремнем, приковывавшим его к спинке стула. Затем скосил глаза и поглядел на Нодона.

— Никому не говори о том, что видел здесь. Все равно тебе никто не поверит.

«Темный поверит», — подумал драконник, но промолчал. По возвращении нужно будет обязательно позаботиться о том, чтобы Солайна сняли с поста полководца. Что заставило Золотого доверить жизни тысяч детей альвов безумцу, который добровольно разрушает себе мозг?

— Ты готов, мой повелитель?

Солайн коротко рыкнул, все еще глядя на Нодона.

— Ты будешь моими глазами. Когда мы закончим здесь, ты сядешь на своего вороного и разведаешь, чем занимаются дети человеческие, — он говорил медленно и монотонно, делая короткие паузы между словами, словно с трудом сдерживаясь. —Думаю, в их лагере царит паника.

— Лунный Силуэт мертв! — Нодон уже докладывал об этом Солайну, но судя по всему, полководец об этом уже забыл.

— Мертв, — безучастно произнес князь. — Значит, уже не подпадает под мое командование. Тогда возьми орла.

— Совсем с ума сошел. Орлы ненадежны. Несмотря на то что некоторые крупные хищные птицы с Головы Альва позволяли эльфам садиться на них верхом, но полагаться на них было нельзя.

Алоки сделала ему знак молчать и снова держать руки князя. Затем подняла второе веко Солайна и вонзила широкую шпильку глубоко в глазницу. От подобного зрелища внутри у Нодона все сжалось.

Князь глубоко вздохнул, и в этом звуке послышалась страсть.

Молоточек звонко ударил по игле.

— За глазом череп тоньше всего, — пояснила Алоки. — Здесь я наношу наименьший ущерб, когда ввожу иглу.

«Она говорит об этом без тени иронии, — с удивлением осознал Нодон. — Она действительно считает, что тыкать иглой в мозг эльфийского князя — сущая безделица». Женщина снова стала вращать иглу, и Нодон не выдержал и отвернулся.

— Почему ты злишься на своего сына, Асфахаля? — продолжала женщина-змея.

— Я уже не злюсь на него, — последовал монотонный ответ. — Я изгнал его. Он для меня больше не существует. Я не могу злиться на того, кто для меня не существует.

— Но что он тебе сделал?

— Он не понимает красоту. Он восстает против нее и разрушает ее. Он отломал палец несравненной статуе Салгайна, изображавшей сидящего на корточках кобольда. Просто из дерзости. Как я мог стерпеть подобную вещь?

— Он был ребенком, — мягко произнесла Алоки, вращая длинную иглу. — Он наверняка сделал это не нарочно.

— Это его не извиняет, — запинаясь, ответил Солайн. — Он был... Он целовал свою мать, на смертном одре и позже. Он целовал ее. Мертвую! И он открыл ее саркофаг, когда я запер его в склепе, — по щеке князя сбежала одна-единственная слеза. Под иглой лопнула жилка, окрасив белок глаза алым цветом. — Нужно отвести войска. Нам не нужно столько воинов, чтобы загнать детей человеческих. Всего парочка кентавров и тролли. Может быть, еще великан. И орлы. И драконники. Остальных нужно убрать... Я не хочу ненужных потерь. В склепе... Интересно, он ее труп тоже целовал?

Алоки вынула иглу из мозга.

— Я должен отослать их, — бесцветным голосом произнес Солайн. — А что мне было делать с этим сорванцом? Он говорил, что сделал бы с ней это. Мне вечно доводилось слышать о том, что он бегал за каждой юбкой. Может быть, это правда... Я знаю, что он был ее жеребцом. Какое-то время. Но сколько еще у нее было? Она была хуже всех. Они оба два года кочевали от одного княжеского двора к другому, пели и играли за деньги. Говорят, они обманывали. Она отвлекала других своими чарами... Красивой была.

Алоки расстегнула кожаные ремни, которыми пристегивала к стулу Солайна. Князь обмяк и завалился вперед. Нодону пришлось подхватить его.

— Хотела навязать мне этого ублюдка. Маленького, светловолосого мальчика. Дала ему странное имя... Фабрах... Нет, Фальрах. Кто и когда слышал подобное имя для эльфа? Я велел конюшим отстегать их и прогнать прочь. Не нужен мне еще один мальчик, который будет ломать статуи и трогать мою мертвую Лизандель, — он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Нодону. — Я ведь говорил тебе, чтоб ты взял свою пернатую клячу и отправился на разведку в лагерь детей человеческих.

— Тебе нужно отдохнуть, — вмешалась женщина-змея, прежде чем Нодон успел что бы то ни было сказать. Она помогла Солайну подняться на ноги и повела его к постели, уложила и укрыла, словно мать дитя. — Спи, господин. Тебе нужно отдохнуть. А когда проснешься, печаль и гнев покинут тебя.

Алоки с улыбкой поднялась и скользнула к Нодону.

— Он уникален.

— Я бы сказал, что он сумасшедший. Я покончу с этим безумием.

— Ты не понимаешь, что видел, — слащавым голосом проворковала она, но зрачки ее сузились. Нодону невольно пришла на ум изумрудная кобра, которая поднималась перед ударом, намереваясь вонзить ядовитые зубы в шею жертвы.

— Он самый лучший из возможных полководцев для Золотого. Заклинание, которое создал повелитель драконов, чтобы видеть глазами Солайна, разрушает мозг князя. Любого другого подобное вмешательство быстро превратило бы в пускающего слюни идиота. Но только не Солайна. Я ведь говорила тебе, что он обладает уникальным даром, позволяющим ему быстро отходить от ран, способных убить любого другого человека. Его мозг исцеляется. Это благословение и проклятие. Благодаря этому качеству он просто неоценим для Золотого. Он не теряет свой инструмент, попользовавшись им пару раз. Но для Солайна это проклятие. Я множество раз вонзала иглы в его мозг. Любому другому достаточно сделать это лишь однажды, и после этого излишняя чувствительность уходит навеки, в какой бы форме она ни проявлялась — то ли в бесконечной меланхолии, то ли во внезапных вспышках гнева, то ли в желании грязно ругаться без причины.

Нодон был уверен в том, что, если бы Темный знал о происходящем, Солайна немедленно заменили бы, и это было бы правильно. Необходимость передать эту весть давала ему веский повод покинуть войско. Таким образом он не навлечет на себя гнев своего повелителя, несмотря на то что на самом деле ему хотелось вернуться обратно к Нандалее.

— Ты увидишь, завтра Солайн будет совсем другим, — радостно продолжала Алоки. — Очень спокойным, очень сдержанным. Подобные вмешательства не разрушают его рассудок. Я просто избавляю его от излишней чувствительности.

— Я не сомневаюсь в том, что сейчас он уже совсем другой, — иронично ответил Нодон, глядя на постель, где поджав ноги лежал князь.

Внезапно женщина-змея превратилась в поток бледных красок. Нодон схватился за меч. Подобный феномен был знаком ему по

рассказам Нандалее. Этим заклинанием владела ее подруга Бидайн, оно позволяло ей двигаться настолько быстро, что обычным зрением уследить за ней было просто невозможно.

Нодон пригнулся, ожидая удара. Его меч не вышел из ножен даже наполовину, когда он почувствовал резкую боль на затылке. Что-то холодное потекло по жилам. Рука, сжимавшая рукоять меча, обмякла. Ноги подкосились. Нежные руки подхватили его под мышки и потащили к стулу с высокой спинкой.

— Я знала, что ты не послушаешь меня, — в голосе Алоки звучал дружеский укор, похожий на тот, что бывает в голосе матери, заставшей ребенка за поеданием меда — скорее веселый, нежели рассерженный. — А еще я понимаю, что во все это очень трудно поверить. Тебе придется смириться, чтобы понять. Ты не замечал, что он менялся на протяжении: разговора? Поэтому я с ним разговариваю. Обычно речь идет об Асфахале. Когда он говорит о нем, его чувства бурлят. Ты же сам видел.

Нодон был беспомощен. Не мог пошевелить ни рукой, ни ногой и с ужасом увидел, что Алоки берет со стола кожаные ремни.

— Если посреди разговора он вдруг меняет тему, это означает, что моя работа выполнена. Потом он никогда не помнит, о чем мы говорили, — женщина улыбнулась, обнажив свои страшные зубы. — Вообще-то обычно он забывает почти все, что происходило в течение часа или двух до моего вмешательства, — она расстегнула его перевязь, бросила ее вместе с мечом на пол рядом с кроватью. — Я помогу тебе преодолеть тревогу, Нодон. Толика равнодушия делает жизнь краше. Просто останься здесь на ночь. Нам никто не помешает.

Нодон пытался не закрывать глаза. Она затянула на лбу у него кожаный ремень. Эльф хотел вырваться, но руки и ноги не слушались, и в то же время он чувствовал, словно по жилам его течет ледяная вода.

Второй ремень она застегнула ему под подбородком. Во рту пересохло. Как он мог позволить так одурачить себя!

— Коришь себя? — усмехнулась Алоки. — Я тебе не лгала. Я действительно не чародейка. Умение быстро двигаться — дар, с которым я родилась. Просто умею и все. При этом мне бы очень хотелось быть такой как вы, драконники, — она наклонилась и нежно поцеловала его в лоб. — Сколько знания и силы прячется под этой

костью. Мне действительно хотелось бы знать, отличается ли ваш мозг от мозга других эльфов. В каком месте кроется магический дар? — Она повернулась к столу, взяла иглу и молоточек. — Как думаешь, можно ли внести в мозг умение плести заклинания? Или уничтожить это умение? Мне бы действительно хотелось знать это.

Нодон попытался что-то сказать, но его язык едва ворочался, и получился лишь невнятный лепет.

— Не борись с этим, — Алоки взяла иглу большим и указательными пальцами, и на пальцах осталась какая-то похожая на слизь жидкость. — Ты вот-вот уснешь. И я обещаю, что, проснувшись завтра утром, ты будешь совсем другим человеком и сможешь гораздо лучше понять Солайна.

Подвенечное платье и мертвая женщина

Бидайн крутилась перед большим зеркалом, завороженно рассматривая свое подвенечное платье. Это сонное провинциальное болото действительно способно было удивить. Равно как и Шанадин. Ее будущий муж смирился с неизбежностью их свадьбы. Более того, он даже сам нанял эту чудесную портниху, юную эльфийку из Лунных гор. Они очень быстро поладили. Семь раз Бидайн ходила на примерку к портнихе, пока платье не стало полностью соответствовать ее желаниям. Энья ни разу не проронила ни слова по поводу неприятного запаха, исходившего от Бидайн.

Шанадин платья еще не видел. Бидайн улыбнулась. Он покраснеет, когда она выйдет в большой зал. Как же он скучен! Такой зануда, просто невыносимо. Они ни разу не спали. Она даже не испытывала ни малейшего желания ложиться в его постель в первую брачную ночь. Поцелуи его всегда были робки, и было видно, что ему неприятно обмениваться с ней ласками на людях. И даже оставаясь с ней наедине, он всегда был неловок. Да как у него вообще получилось зачать двух дочерей? Бидайн злобно усмехнулась. Быть может, это вообще не его дочери, а Невенилл просто наставила ему рога.

— Как ты красива, когда улыбаешься! — Лидайн от восторга захлопала в ладоши, и из пучка собранных кверху волос выпала прядь.

— Сиди спокойно, дитя! — возмутилась Круппа, которая ради такого особенного дня оставила свой пост в кухне, чтобы попытаться придать невесте и ее подружкам поистине очаровательный вид.

— Сядь! Вон на тот сундук! Немедленно! — резким тоном скомандовала она. Майя! Собери ей волосы. И только посмей снова встать, Лидайн! Бери пример со своей сестры. Она все время сидит спокойно. Из-за своей деревянной ноги Майя с трудом забралась на постель, чтобы затем встать за спиной у Лидайн и подобрать ей волосы. Маленькая кобольдша сияла, как медный грош. Как и мать, в честь праздника она получила новое платье. Оно было ярко-красного цвета и отлично гармонировало с ее темной кожей.

— Тебе действительно стоит быть осторожнее, — прошептала она на ухо Лидайн. — Твой венок опять съехал набок.

— Я никогда не смогу сидеть спокойно, как снулая рыба, — возмутилась Лидайн. — Не тот у меня характер.

— Это кто обозвал меня снулой рыбой? — Фарелла не встала с места, но лицо залило краской от гнева. — Это же ты не сама придумала. Тебе такое в голову никогда не придет, тупая корова.

— Лучше живая корова, чем снулая рыба! — возмущенно ответила Лидайн. — И если тебе действительно хочется знать, как тебя в твое отсутствие называет Граумур, — и светловолосая эльфийка ликующе улыбнулась. — И что ты теперь сделаешь? Пойдешь бить отцовского минотавра?

— Граумур... — Фарелла нахмурилась. — А ты знаешь, как он тебя называет? Блоха, потому что ты не можешь усидеть на месте, как самая настоящая блоха!

— Это неправда! — обиженно воскликнула Лидайн. — Граумур меня любит. Он никогда не обозвал бы меня блохой.

— Ну конечно же, он любит блох! — Фарелла улыбнулась уничижительной улыбкой. —. Ты видела, как он выбирает блох из своей шерсти? Поймает одну и разгрызает зубами. Кажется, ему даже нравится.

— Правда? — По лицу Лидайн было видно, что она вот-вот расплачется. — Он действительно называет меня блохой?

— Прекрати, голубка моя, — строго произнесла Бидайн. — Это мой счастливый день, и я не хочу, чтобы вы ссорились, — обе тут же понурились. Они хорошо слушались. Иногда даже называли ее мамой. Бидайн это не очень нравилось — она сразу начинала чувствовать себя старухой.

— Может быть, нужно сделать здесь пару стежков... — в третий раз за утро повторила Круппа, указывая на бедро Бидайн. — Это очень смело... Для невесты.

Бидайн нравился разрез на платье, доходивший почти до бедра.

У нее были длинные и ровные ноги. За время, проведенное в Нангоге, она похудела. Стала стройнее и больше нравилась себе. Платье демонстрировало это. Оно было полупрозрачным. Конечно же, не везде. Спина, пряча татуировку, была закрытой. Бидайн было бы тяжело объяснить, откуда на ее теле изображение дракона, которого вытатуировал Золотой во время оргии боли и наслаждения.

Причудливый узор вьющихся стеблей цветов на ткани платья скрывал яркие линии рисунка на спине. Драконнице пришлось показать ей татуировку. Энья очень долго работала над этой частью платья, чтобы подогнать под нее вышивку. Портниха поклялась хранить тайну Бидайн.

Бидайн провела ладонью по длинным рукавам, наслаждаясь ощущениями от дорогостоящей ткани. Подвенечное платье сидело на ней, как вторая кожа — при мысли об этом эльфийка невольно усмехнулась.

Как же красив кремовый цвет! Она вертелась перед зеркалом, наблюдая за тем, как подол платья, достававший до щиколоток, взлетает при каждом движении, а блестящая ткань кружится вокруг ее фигуры, образуя ровный круг. Лидайн тут же вскочила на ноги и повторила ее движение. У обеих девушек платье было из такой же ткани, но с подкладкой из белого шелка, чтобы не выглядеть настолько вызывающе.

Майя пронзительно вскрикнула, раскинула руки, пытаясь устоять на краешке кровати — Лидайн подскочила слишком внезапно. Из прически снова выбилась прядь светло-русых волос, а венок съехал набок.

— Все, вы обе мне надоели, — Круппа надула губы и скрестила руки на груди. — Вы же сумасшедшие, как цветочные феи, — кобольдша нахмурилась. — Я остаюсь при своем мнении. Такое платьице может надеть девушка, которая еще ищет своего мужчину и не обращает внимания на правила хорошего тона. А та, у которой уже есть избранник, не должна так выставлять себя напоказ.

— Поскольку теперь я хозяйка этого дома, то и правила устанавливать мне. Привыкай, Круппа. И осторожнее, не стоит даже думать о том, чтобы в отместку плевать мне в тарелку.

— Ах, вот как! Я не обязана это терпеть. В городе достаточно домов, где меня будут рады видеть...

— Как тебе угодно, я прямо во время свадебного пира объявлю, что ты уволена, потому что вчера я застала тебя за подобной дерзостью. И не найти тебе потом места на много миль вокруг.

— Ты... ты... — В бессильной ярости Круппа топнула ногой.

— Не ты. Я твоя хозяйка, а не подруга. Привыкай к этому, и я

стану очень щедрой хозяйкой.

Дети, широко раскрыв глаза, настороженно наблюдали за внезапно вспыхнувшей ссорой.

— Я ухожу, — наконец произнесла Круппа, впрочем, непонятно было, она имеет в виду выход из комнаты или вообще уход из дома. — Ты приносишь несчастье, Бидайн. С маленькой Эньей сегодня ночью случилась беда, и я чувствую, что на этот дом уже опустилась темная туча. Майя! — Она с требовательным видом протянула дочери руку. — Идем!

Девушка-кобольд осторожно соскользнула с кровати. В гардеробной было настолько тихо, что постукивание деревянного протеза звучало гулко, как удары молота. Она посмотрела на Бидайн. В глазах ребенка стояли слезы, ведь она так мечтала быть среди девушек, которые бросают цветы под ноги невесте, когда та будет входить в зал. Майя целую неделю только об этом и говорила. Для нее этот пустяк должен был стать важнейшим событием в жизни. Если бы Круппа позволила, Майя могла бы остаться на праздник.

Но толстая кухарка, топая ногами, вышла из комнаты, ни разу не обернувшись, и Майя, понурив голову, последовала за ней.

— Это было несправедливо! — воскликнула Лидайн и, всхлипывая, бросилась за кобольдами.

Драконница поглядела на Фареллу, которая продолжала спокойно сидеть на месте.

— Ну? Тоже сбежишь от тиранши?

Та покачала головой.

— Круппа слишком много себе позволяет. Но... Что с Эньей? Почему Круппа сказала, что ты принесла ей несчастье?

— Потому что она — маленькая суеверная кобольдша, — Бидайн ослепительно улыбнулась Фарелле. — Не стоит обращать внимания на болтовню кобольдов.

Но Фарелла оставалась серьезной.

— Сегодня утром я подслушала разговор Круппы и Граумура. Граумур, вернувшийся из города, говорил об Энье. Что она умерла.

Что с ней случилось что-то ужасное... — Дочь Шанадина

поглядела на нее.

— А что с ней случилось? — поинтересовалась Бидайн.

Девушка пожала плечами.

— Они заметили меня и прервали разговор. Но Граумур был очень встревожен. В таком состоянии я не видела его никогда. Раньше он принимал участие в настоящих сражениях. Непохоже, чтобы смерть могла так напутать его.

— Детям не стоит задумываться о подобных вещах, — решительно отрезала Бидайн. — В порядке исключения я готова признать, что в этом Круппа была права. Лучше тебе об этом не слушать.

Фарелла покачала головой, и ее большие глаза впервые показались Бидайн похожими на две бездны.

— Может быть, я и выгляжу как маленькая девочка, но я не маленькая. Иногда я притворяюсь ей, потому что жизнь становится легче, если ты именно тот, кем кажешься. Отец счастлив, когда я делаю вид, что осталась такой же, как в тот день, когда моя мать бросилась в море со скалы. Но это неправда. Мое тело перестало расти и стареть. Но мой разум давно уже не разум маленькой девочки.

Бидайн села. Фарелла всегда нравилась ей. Тихая и робкая девушка напоминала ей саму себя в детстве. Неразвитая способность к магии сделала ее отверженной, как и Фареллу.

— Лидайн тоже?

Фарелла покачала головой.

— Нет, она истинное дитя. Проклятие, или что бы это ни было, настигшее нас после смерти матери, по-разному подействовало на нас. Она действительно тот самый ребенок, каким кажется, — Фарелла произнесла это с презрением в голосе. — Ты даже представить себе не можешь, как тяжело быть запертой в этом дворце вместе с Лидайн. Все предполагают, что я буду играть с ней и легко находить общий язык. А я хотела бы быть такой, как ты! Мне хочется спать с мужчиной. Но ты прекрасно понимаешь, что никто не осмеливается даже посмотреть на меня со страстью во взгляде. На меня, маленькую девочку могущественного торговца Шанадина, — девушка вздохнула. — Теперь ты знаешь мою тайну, Бидайн. А

теперь скажи мне, как умерла Энья. Ты ведь знаешь это, не так ли? От тебя ничего не скрыть. Она бросилась со скалы, как моя мать? Ее тело нашли разбитым меж скал? Вчера ночью было полнолуние. На меланхоликов луна оказывает весьма мрачное влияние. Она манит их на утесы. Мне не раз доводилось испытывать это самой.

— Ты действительно уверена, что хочешь знать то, что напугало закаленного в боях минотавра?

— Я не ребенок! — раздраженно заявила девочка. — А если не знать, то будешь придумывать себе.

Бидайн не хотелось спорить. Пусть малышка сама разбирается с последствиями собственного любопытства.

— Никто не знает, кто убил Энью, но кто бы это ни был, он живьем содрал с нее кожу. Говорят, что, когда ее нашли, на теле ее не было ни кусочка кожи. То есть маленькую портниху в каком-то смысле раздели. Что сделал убийца с кожей, неизвестно. В доме портнихи ее не нашли.

Но описанное зверство не произвело никакого впечатления на Фареллу. Девушка просто кивнула.

— Зачем делать такие вещи? — наконец спросила она.

— Трудно сказать. Может быть, это какой-то безумный охотник? Кто-то, кто вместо шкур зверей коллекционирует кожу эльфов? Может быть, он хочет сшить себе плащ или жилет и подумал, что будет забавно выбрать в качестве материала кожу портнихи? Мир полон безумцев, Фарелла. Нигде нельзя чувствовать себя в безопасности, — едва произнеся эти слова, Бидайн тут же пожалела о них. Она не хотела зря пугать девушку.

— Я хочу быть такой, как ты, Бидайн. Ты так изменилась с тех пор, как отец объявил, что женится на тебе. Раньше я считала тебя... — девушка помедлила, прежде чем продолжить, —... бесцветной.

Бидайн невольно улыбнулась, услышав это описание. Она прекрасно понимала, что хотела сказать малышка. Притворяясь нянькой, заслужить прозвище серой мышки было лестно. Она лишь делала вид, что боится мужчин и вообще всего на свете. Заставив же Шанадина объявить о свадьбе, она сочла, что смысла продолжать маскарад больше нет. Хотя она очень старалась, чтобы перемена не показалась настолько разительной.

— А как снимают кожу?

Бидайн показалось, что она ослышалась.

– Что?

— Как это происходит? — с невинным видом поинтересовалась Фарелла, словно речь шла о какой-то мелочи вроде рецепта или узора для вышивки. — Как снимают кожу? Так же, как чистят яблоко?

Драконница смотрела на Фареллу со смесью восхищения и ужаса на лице. Что это за девочка такая?

— Ты никогда не видела, как в кухне снимают шкурку с зайца?

— Нет, — собеседница замотала головой. — Я видела, как ощипывают кур или фазанов, как потрошат рыбу, но ведь со шкурой все иначе, верно?

— Это неприятное зрелище. Я в твоем возрасте...

Бидайн осознала допущенную ошибку. Опять она приняла Фареллу за ребенка. •

— Извини. Я хотела сказать, что когда была маленькой, то убегала с криком, когда случайно доводилось увидеть, что с милого зайчика сдирают шкуру. Но я тебе покажу, когда пройдет свадьба и все уляжется. Обещаю! А теперь скажи мне, почему для тебя это так важно.

— Я меньше боюсь известного. Тот, кто сделал это, еще в городе?

— Наверное, нет. Охотники идут дальше. Забудь о несчастной Энье, здесь, в доме отца, ты в безопасности. Здесь никто из чужаков ничего тебе не сделает.

Фарелла встала и подошла к ней. На миг Бидайн показалось, что падчерица обнимет ее и прижмется к ней, но девочка вдруг замерла.

— Ты пахнешь иначе, — она принюхалась. — Аромат фиалок, как в мастерской у Эньи.

— Это платье пахнет, — солгала Бидайн, прекрасно зная, что запах исходит именно от нее. — В отличие от твоего платья, постирать мое Круппе в голову не пришло, — она протянула Фарелле обе руки. — Иди сюда! Мы сделаем кое-что обязательное для любой леди перед важным вечером. Мы надушимся чертовски дорогими

духами. Вообще эту композицию делали специально для меня. Это подарок твоего отца. Чистое розовое масло с ноткой ванили и апельсиновым флером, — эльфийка указала на дорогой флакон из горного хрусталя, стоящий у зеркала. — Иди сюда, не бойся.

Фарелла подошла к зеркалу и окинула себя критическим взглядом.

— Если бы я только не выглядела ребенком!

— Это уже не изменить, — с сожалением произнесла Бидайн. — Но я могу посвятить тебя в тайны мира женщин, — она открыла флакон, и стеклянной палочкой, приделанной со внутренней стороны крышечки, капнула немного духов на шею девушки. Гардеробную тут же заполнил сногсшибательный аромат.

Фарелла вздохнула.

— Как воскресный день в розарии.

—Правда ведь, — подтвердила Бидайн. — А дай мне руки, — и она капнула еще немного духов на внутреннюю сторону запястий девушки. — Это не дешевая туалетная вода. Этот аромат лета будет с тобой на протяжении всего праздника. Пользоваться правильными духами в правильный момент — целое искусство. Благодаря этому аромату, все будут чувствовать себя хорошо рядом с тобой, и только немногие сумеют угадать истинную причину этого. Это одна из многих возможностей пленить мужчину, и она не имеет ничего общего с возрастом или внешностью. Ароматы действуют в обход рассудка и тут же пробуждают эмоции.

Фарелла с благодарностью поглядела на нее, а Бидайн капнула немного дорогих духов на шею и в декольте, а затем тщательно закупорила флакон.

— Идем, Фарелла, спустимся вниз и сделаем то, ради чего устраивают свадьбы для таких красивых девушек, как мы.

Фарелла схватила ее за руку, но тут же удивленно поинтересовалась:

— И что же?

— Мы будем безудержно хвастаться своими чудесными платьями, заставим выглядеть всех женщин плохо на нашем фоне, вскружим головы всем мужчинам, — весело ответила Бидайн, думая

об одном весьма конкретном эльфе. Том единственном, о ком она просила Золотого и кто еще не явился.

Асфахаль

Асфахаль придержал своего сивого жеребца, глядя сверху вниз на маленький прибрежный город. Уттика. Еще две недели назад он об этом месте никогда даже не слыхал. И только в ту памятную ночь, когда к нему прямо в публичный дом в Сольфалахе в облике эльфа явился Золотой, он узнал, что с этого момента судьба его будет связана с Уттикой. Золотой был очень вежлив, лишь высказал пожелание, но кто же станет с пренебрежением относиться к желаниям небесного змея? В остальном же крылатый правитель был настолько любезен, что выплатил все его долги и ссудил очень щедрую сумму на дорогу. Асфахаль улыбнулся про себя. Все это чудесно, но лучше всего — ощущение удовлетворения от того, что небесный змей дал ему поручение. Именно он, Асфахаль, которого с позором изгнали наставники из Белого чертога, теперь все же входит в число избранников крылатого правителя.

Эльф отбросил в сторону длинный белый плащ, коснулся рукой узкого элегантного обруча, поддерживавшего его волосы. На свадьбе он обязан выглядеть безупречно. Сегодня был тот день, когда по словам Золотого должен был состояться праздник, если только он не просчитался за время долгого пути по бесконечной степи. Но это тоже неважно. Хорошо выглядеть никогда не помешает.

Пришпорив коня, эльф понесся вниз по склону навстречу городу.

Завывания волынок он услышал еще прежде, чем добрался до городских ворот. Навстречу ему несся отряд кентавров. Некоторые из них уже нетвердо держались на ногах. В руках у одного из них была ярко раскрашенная амфора, которую он обнимал словно возлюбленную, а его кустистая рыжая борода наполовину утонула в горлышке.

– Вино! — весело крикнул он. — Этот скряга Шанадин сегодня раздал целую галеру вина, чтобы все могли выпить за его красавицу жену.

— Кажется, я приехал вовремя, — с улыбкой произнес эльф.

Ответом кентавра, смотревшего на него стеклянными глазами, была смачная отрыжка.

— Но я пью вовсе не за его жену. Думаешь, вы, эльфы, мне указ?

Он не имеет права считать себя моим хозяином просто потому, что он взял себе в жены красивую бабу, — возмущался кентавр.

— Абсолютно никакого! — со всей серьезностью, на которую был способен, подтвердил Асфахаль. — Не окажешь ли мне честь, поведав, за кого пьешь?

— Вот наконец-то эльф, который умеет себя вести, — взревел кентавр с амфорой, обращаясь к своим друзьям. — Я пью за своего брата. Его призвали в войско, которое альвы отправили в Нангог, — в больших глазах пьянчуги показались слезы. — Всю мою жизнь не было ни дня, чтобы я не виделся с братом. Нельзя было его просто взять и забрать. Какое нам дело до Нангога и проклятых детей человеческих? — Он поднес амфору к губам и сделал большой глоток, причем вино потекло больше по груди, чем попало в горло. Затем он протянул Асфахалю массивный глиняный сосуд.

— Выпей за моего брата!

Эльф подумал о косматой бороде, которая полоскалась в вине, и покачал головой.

—Нет, не здесь.

— Ты собираешься... — На шее грустного пьянчужки надулись вены.

— Я опаздываю на свадьбу. Там я подниму тост за твоего брата. Перед князьями и купцами я произнесу речь в честь твоего брата, за которого все должны будут выпить.

Кентавр опустил тяжелую амфору. Его синие глаза наполнились слезами.

— И ты сделаешь это?

— Как зовут твоего брата?

— Эгид, — и кентавр плаксиво всхлипнул. — Родители назвали его так, потому что шерсть у него лохматая, как у козы. Он на три года моложе меня, но все его любили. Его сделали командиром роты, когда он уходил, — кентавр поднял голову и поглядел на безбрежное синее небо. — Я молюсь за тебя альвам, братишка. Да защитят они тебя!

— Эгид, — вслух повторил имя Асфахаль. — Сегодня вечером за твое здоровье будут пить князья, — и с этими словами он поскакал

дальше.

Улицы Уттики были заполнены ликующей чернью. Аромат жареного мяса и свежего хлеба смешивался с запахом потных конских тел и соли, доносившимся от гавани. Асфахаль узнал, что Шанадин приказал забить тридцать быков и раздать всем хлеб. Весь город праздновал свадьбу Бидайн. У стен домов, прислонившись, стояли пьяные кентавры, горланя похабные песенки. В толпе носились кобольды с волынками и флейтами, пританцовывая на ходу. Кое-где в толпе встречались эльфы, и однажды он видел даже двух огромных минотавров, проталкивавшихся сквозь толпу весело хохоча.

Малышка Бидайн многого добилась. Он помнил, как она пришла в Белый чертог вместе с Нандалее. Тогда Нандалее сцепилась с Айлин и получила от наставницы приличную порку. Гордую высокую Нандалее с развевающейся светло-русой гривой забыть было сложно, а вот воспоминания о Бидайн были нечеткими. Она была невысокой, довольно пухленькой, с черными волосами. Лицо ее запомнилось плохо. И, несмотря на свою неприметность, она сумела пробиться в фаворитки Золотого. Бидайн стала драконницей, а его после прибытия двух новых учениц наставники просто изгнали из Белого чертога.

Асфахаль расхохотался настолько громко, что на него обернулись посмотреть два пировавших фавна. Эльф давно уже перестал сетовать на судьбу. Любопытно, какой стала Бидайн.

Направив своего сивого жеребца в следующую улицу, он купил у уличного торговца, носившего свои кулинарные сокровища на длинной палке через плечо, вкусный липкий медовый калач. Качая головой, некоторое время наблюдал за троллем, жонглировавшим несколькими молодыми кобольдами. Он подбрасывал храбрых маленьких артистов вверх, словно мячики, а те в полете проделывали всевозможные трюки, от сальто и ласточек до жонглирования шариками. Группе щедро аплодировали, акробаты собрали больше публики, чем другие артисты на рыночной площади.

После поездки в одиночестве по Землям Ветров Асфахалю нравилась царящая здесь толчея. Он закрыл глаза, прислушиваясь к голосам вокруг. Вот цветочница расхваливает свой товар, вот ханжеский голосок продавца змеиного масла, обманывающего своих покупателей, вот произнесенное шепотом признание в любви в

переулочке, вот говорит кондитер, продающий сердечки в сахаре, а вот низкий голос торгуется с уличной девкой о цене за час. Весь город веселился, радостное возбуждение охватывало и Асфахаля. Он хотел окунуться в праздник с головой, а не просто появиться на свадьбе, как дюжины других гостей.

Умение одновременно слышать и различать несколько разных голосов эльф открыл в себе давно, но сам не понимал, как это у него получается. Никто не учил его. Возможно, все дело было в тишине, царившей во дворце отца после смерти его матери, Лизандель. Он еще прекрасно помнил, как часто часами лежал в потайном месте и прислушивался к звукам. Но голосов не слышал. Как же чудесен этот бурлящий вонючий город, полный потных и веселых детей альвов.

И тут он почувствовал фальшивую нотку посреди этого веселого праздничного настроения. Негромкие всхлипывания, совсем рядом. Асфахаль придержал жеребца и, не обращая внимания на недовольное ворчание каких-то кобольдов, направил его в боковую улочку. Там, на платформе, ведущей к городской стене, сидела девочка в красном платье и горько рыдала, закрыв лицо руками. Никто не обращал на нее внимания. Казалось, она была самым одиноким существом в этом ликующем городе. Горе ее напомнило эльфу о собственном детстве, об окружавшем его одиночестве, и он спешился.

Он мягко коснулся рукой ее черных волос, собранных в пучок на затылке, украшенном розой из нежно-белой ткани.

— Хочешь медовый калач, малышка? — Он протянул ей надкушенный завиток.

Девушка-кобольд поглядела на него, глаза у нее были красными от слез. Из носа текло. Выпечка ее совершенно не интересовала.

— Как тебя зовут-то?

—Майя, — робко, приглушенным голосом ответила она.

Асфахаль присел, чтобы глаза их были на одном уровне, и, улыбнувшись, откусил еще кусочек от завитка.

— Вкусно! Люблю сладости. Хочешь откусить?

Та покачала головой.

— Весь город празднует. Как можно грустить в такой день?

Может быть, расскажешь, что случилось?

Малышка молча продолжала смотреть на него, затем снова всхлипнула, и по щекам побежали крупные слезы.

— У тебя такое красивое платье, Майя. В нем нужно танцевать, а не сидеть в мрачном переулке и плакать. Сегодня ведь праздник.

— Но они не хотят, чтобы я была на празднике, — в отчаянии произнесла она. — Моя мать поссорилась с хозяйкой... Вообще-то я должна была бросать цветы... — Она снова всхлипнула. — Но потом мама не мне велела ходить на праздник. А я так радовалась… Хозяйка заказала это платье специально для меня. Это был бы лучший день в моей жизни! — И девушка снова закрыла лицо руками. Спина малышки вздрагивала от всхлипываний.

— Ты говоришь о свадьбе Бидайн?

Майя кивнула.

— Я с таким нетерпением ждала... — И слова снова заглушили рыдания.

— А мама запретила тебе идти бросать ей под ноги цветы?

Кобольд снова кивнула.

— Тогда тебе придется сопровождать меня в качестве моей дамы.

— Что? — Она подняла голову и недоверчиво уставилась на эльфа своими черными глазами.

— Таким образом мы не нарушим запрета твоей матери. А я, как гость, могу прийти в сопровождении дамы, — и Асфахаль поклонился. — Дорогая Майя, вы не окажете мне честь, пойти со мной на свадьбу почтенной госпожи Бидайн?

Та смущенно захихикала.

— Я же совсем не леди.

— Мне кажется, что вы в своем чудесном красном платье гораздо лучше будете смотреться на свадьбе, нежели я в своих пыльных дорожных одеждах. Ваш блеск поможет отвлечь внимание от моих недостатков.

— Ты серьезно? — Страх пережить новое разочарование

отчетливо слышался в голосе девушки.

Взмахнув правой рукой, он прижал ее к груди.

— Пусть альвы иссушат мое сердце, если я говорил неискренне. Майя сглотнула. Затем нервно дотянулась рукой к волосам.

— Моя прическа... Я так ужасно выгляжу.

— Вам действительно стоит высушить слезы, милая моя. Прошу прощения, но у меня нет платка. Позволено ли мне будет предложить вам подол моего плаща, милая леди?

Майя взяла подол плаща эльфа, а затем подняла голову и посмотрела на него.

— Пожалуйста, не нужно так странно со мной разговаривать. Мне кажется это неправильным... Я ведь не эльфийская леди. И еще... — Она приподняла подол платья и показала деревянную ногу. — Я не смогу танцевать.

— Если я правильно понимаю, на этом празднике будет куча четвероногих. Спорим, что мы вдвоем затанцуем кентавре до упаду?

Та робко понурилась.

— Нет, лучше не надо.

— Но ты все равно пойдешь со мной?

На маленьком личике Майи отчетливо читалось, что в душе девушки борются противоречивые чувства. Наконец она решительно ответила:

– Да!

Асфахаль улыбнулся, вид у него был довольный.

— Можно мне... поправить вам волосы?

Та ничего не сказала, но позволила его тонким пальцам коснуться ее черных, как смоль, волос и заново затянуть пучок, из которого выбилось несколько прядей. Тем временем она снова взяла подол его плаща и громко высморкалась.

«Кобольды», — в отчаянии подумал Асфахаль, но промолчал.

Наконец она выпустила его плащ и подняла голову.

— Еще видно, что я плакала?

— Чуть-чуть, но пока мы доберемся до дворца, следы слез исчезнут. Ты можешь показать дорогу?

— Да, — она уже собиралась тронуться в путь, когда он коснулся ее плеча.

— Мы почетные гости, мы не должны идти пешком, — и Асфахаль поднял девушку и посадил в седло, где та испуганно вцепилась ручонками в гриву жеребца, а затем сел сам. — Тебе нечасто доводилось ездить верхом, верно?

— Никогда, — неуверенно прошептала та.

— Садясь на коня, свесь обе ноги на одну сторону. И не переживай, я буду крепко держать тебя, не упадешь.

Майя неуверенно последовала его совету. Он обнял ее одной рукой, придавая ей чувство уверенности, и вывел жеребца из переулка на рыночную площадь.

Кобольд прижалась к нему.

— На нас все смотрят, — прошептала она.

— Такова судьба красивых женщин, — весело ответил он, и Майя впервые хихикнула.

Она помогла ему разобраться в хитросплетениях улиц Уттики, и в конце концов они оказались у входа в большой особняк купца Шанадина. К широкой двустворчатой двери вела широкая же наклонная платформа. У дверей стояли несколько кентавров в смазанных кожаных нагрудниках и попонах с роскошной вышивкой или в развевающихся плащах. С широких кожаных перевязей, наискось пересекавших их груди, свисали длинные мечи. Перевязи и ножны были обшиты золотыми бляхами. У большинства кентавров были браслеты или широкие обручи на шеях. Все они производили впечатление, конские тела у них были гораздо массивнее, чем у их сородичей из широких степей. Мощные ноги с крупными копытами больше напоминали ноги рысаков-тяжеловозов, которых специально выводили для перевозки тяжелых грузовых повозок.

Но вот вкус у них поистине варварский. Слишком яркие цвета попон и плащей. Слишком много украшений. А некоторые еще и обвели глаза темными красками, что выглядело очень странно.

Асфахаль направил своего жеребца на пандус. Из ниши у входа

вышел фавн и хотел было подхватить поводья коня, но эльф помешал ему, резко шикнув:

— Оставь это!

— Но господин, вы же не можете...

— Завести лошадиную задницу в приличный дом? — громко поинтересовался Асфахаль. — Почему же? Ведь в таком случае я окажусь в подходящей компании.

Слуга испуганно поглядел на стоявших у входа кентавров, которые вдруг оборвали разговор.

Асфахаль почувствовал, что Майя испуганно прижалась к нему, и нежно погладил ее по голове.

— Не переживайте, леди, все будет хорошо, — и с этими словами он направил своего жеребца в просторный холл городского особняка.

Остальные слуги, кобольды и фавны брызнули врассыпную, когда он заставил своего коня заплясать на месте, чтобы осмотреть роскошное убранство дворца. Справа и слева от него на верхние этажи вели две широкие лестницы, высоко над ним раскинулся высокий сводчатый потолок, украшенный картиной с летящими птицами и облаками на фоне синего неба, из-за чего гостю могло показаться, что он оказался не в доме, а по-прежнему находится под открытым небом.

На противоположном конце зала была большая открытая двустворчатая дверь. Асфахаль ударил жеребца пятками по бокам и понесся прямо в толпу гостей, стоявшую за дверью.

Лошадиные задницы и земляничный пунш

Эльф наслаждался испуганными криками и волнением, вызванным его появлением в зале. Дворяне испуганно потащили своих дам в сторону. Два козлоногих слуги бросились к нему, пытаясь подхватить поводья, но его жеребец встал на дыбы, и они поспешно убрались из-под бьющих по воздуху передних копыт.

Маленькая капелла на расположенной в конце зала сцене смолкла. Еще долю мгновения звучал кристально-чистый голос певицы, воспевавшей благословенный брак, а затем умолк и он.

Где-то упал на пол бокал ж со звоном разбился. В остальном же в зале царило подавленное молчание.

— Тысячи наших братьев и сестер сегодня сражаются за нашу свободу где-то в Нангоге. А мы устраиваем пышные праздники, — заговорил Асфахаль и направил коня к роскошно одетому купцу. — Дай бокал! — потребовал он от высокого эльфа, который от испуга даже не стал возражать.

Возмутитель спокойствия сел ровно в седле и поднял высоко над головой наполненный красным вином бокал.

— За кентавра Эгида, который сегодня сражается за нас в далеком мире. И за его брата, сходящего с ума от горя и тревоги.

Асфахаль наслаждался видом окружавших его лиц и множеством самых разных эмоций. Там были и неприкрытая ярость из-за его бесстыдного поведения, смущение, а некоторые были просто возмущены тем, что он нарушил все мыслимые правши этикета. Некоторые опускали глаза под его вызывающим взглядом. А Бидайн? Она улыбалась ему. Казалось, его выступление понравилось ей, в отличие от стоявшего рядом с ней старика, который, судя по всему, был ее новоиспеченным супругом.

— Кто ты такой, что осмелился испортить чудесный день моей жены? — Пожилой эльф угрожающе поднял кулак, но больше ничего не сделал, лишь угрожающе поглядел на него.

«Беззубый волк», — подумалось Асфахалю.

— Это мой сводный брат, — пояснила Билайн.

Теперь пришел черед растеряться Асфахалю. Это была уже не та юная, немного испуганная эльфийка, которую он не так давно встретил в Белом чертоге. Она выглядела гораздо более уверенной в себе. А ее платье... Он позволил себе задержаться на ней взглядом, и, возможно, по его лицу все поняли, насколько сильно ему понравилось то, что он увидел. Это платье представляло собой настоящую провокацию.

Бидайн мягко коснулась руки стоявшего рядом с ней эльфа.

— Прости, пожалуйста, что я не предупредила тебя, любимый. Асфахаль обожает эффектные появления, но хорошие манеры у него присутствуют лишь весьма условно. Конечно, я посылала ему приглашение, но сама удивилась, что именно он, единственный человек из моей семьи, принял его и приехал к нам, — она подняла бокал, словно бы чокаясь с Асфахалем. — Добро пожаловать в Уттику, брат мой.

А затем обернулась к собравшимся.

— Но выпьем мы сегодня действительно за наших героев, которые рискуют своими жизнями, чтобы мы были в безопасности. За Эгида и других, кто сражается за нас!

С этими словами она поднесла хрустальный боках к губам и осушила его одним большим глотком. Дюжины гостей подняли бокалы, поддержав тост Бидайн.

«Вот лизоблюды» — пренебрежительно скривился Асфахаль. — Как они счастливы от того, что Бидайн сумела вернуть их жизнь в прежнее русло парой вежливых слов».

— Пойдем, поищем выпечку, — сказал он, обращаясь к Майе, которая зарылась лицом в его рукав и которой больше всего на свете хотелось исчезнуть. — Я люблю сладкое. А ты?

Не успел он развернуться и направиться к буфету; как на плечо его легла тяжелая рука, несмотря на то что он по-прежнему сидел на лошади. Удивленным эльф обернулся и увидел стаявшего рядом самого высокого кентавра, с которым ему когда-либо доводилось встречаться. Воин был великаном даже среди себе подобных.

Завитая и напомаженная рыжая борода закрывала значительную часть его лица, а небесно-голубые глаза сверкали так, словно с удовольствием проткнули бы его насквозь. Над узким носом кентавра

залегла гневная морщина. На шее у него было тяжелое золотое кольцо с двумя роскошными львиными головами на концах. Руки тоже были увешаны браслетами, а на плечах лежал тяжелый пурпурный плащ. Покрытый шрамами торс был обнажен, лишь наискось перечеркнут широкой красной перевязью. Асфахалю захотелось когда-нибудь сесть за стол с этим дураком и сыграть с ним в карты. Даже на первый взгляд ободрать его можно было просто отлично.

— Прошу прощения, но я только что пообещал своей даме принести немного сладостей.

Рука тяжело давила на плечо.

— Правила вежливости предписывают отпустить меня ненадолго, а позже я с удовольствием поговорю с тобой.

— Я Секандер, князь Уттики, и это избавляет меня от необходимости вести себя вежливо с наглыми чужаками. А теперь потрудись объяснить, зачем ты явился сюда верхом. Хотел поднять на смех нас, кентавров?

Асфахаль улыбнулся. Князь, который настолько прямо перешел сразу к делу, вызывал у него чувство симпатии. Но конечно же, он не собирался отступать у всех на глазах.

— Ты совершенно прав, Секандер. Дело действительно в том, чтобы подняться. Я не люблю смотреть снизу вверх на мужиков с лошадиными задницами. Наверное, все дело в недостатке уверенности в себе.

Князь переступил с копыта на копыто. Было очевидно, что он с трудом сдерживается.

— Я бы сказал, у тебя недостаток воспитания. Не знаю, что там было у тебя дома, но по моему личному опыту порка помогает научить правилам поведения очень дурно воспитанных детей.

Асфахаль смерил кентавра насмешливым взглядом.

— Ты действительно похож на того, кто готов бить детей. Женщин тоже или они для тебя слишком большие и сильные?

— А ты? Прячешься за детьми, опасаясь моих кулаков?

В пиршественном зале снова стало тихо. Эльфы и кобольды расступились. Вскоре эльф и кентавр оказались в центре большого

круга.

Краем глаза Асфахаль увидел, что Шанадин смотрит на него с довольным видом. Судя по всему, хозяин дома был уверен, что все это плохо кончится для мнимого брата Бидайн. Либо он потеряет лицо и станет молить Секандера о пощаде, либо получит ту еще взбучку.

«Уж лучше взбучку», — подумал Асфахаль.

— Предлагаю решить вопрос как мужчина с мужчиной, — произнес он, обращаясь к Секандеру. — На кулаках?

Кентаврийский князь кивнул.

— Что ж, ты хоть не трус, эльфеныш. Я постараюсь не раздавить тебя, как блоху.

Асфахаль соскользнул с седла и спустил Майю. Вместо того чтобы убежать, маленькая кобольдша встала между ним и кентавром.

— Пожалуйста, князь, не обижайте его. Он не злой...

Секандер беспокойно пританцовывал на месте. Громкий цокот его подков был единственным звуком, слышимым в большом зале.

— Он получит ровно столько, чтобы вспомнил, где его место. Через неделю точно снова сможет ходить.

Асфахаль взял Майю под мышки, вышел из круга и поставил ее на ближайший стол.

— Не бойся за меня, — прошептал он. — Обычно лошади меня любят. Секандер еще поймет это.

Когда Асфахаль вернулся, кентавр уже снял перевязь и протянул ее одному из своих людей.

— Можешь встать передо мной на колени и попросить пощады, эльф.

— У меня проблемы с коленями. К сожалению, не получится. Секандер фыркнул, и звук напоминал звуки, которые издает рассерженный жеребец, а затем понесся вперед. Асфахаль отпрыгнул. Он двигался словно бы пританцовывая, не сводя взгляда с копыт. Князь точно не был рыцарем и наверняка попытается лягнуть его, как только появится такая возможность.

Асфахаль снова уклонился, чувствуя, как под подкованными княжескими копытами дрожит пол. Из-под копыт его брызнули искры. Секандер двигался осторожно. Скользкий пол был для него не идеальным местом, и кентавр отлично это осознавал.

Чтобы достать Асфахаля кулаком, кентавру нужно было сильно наклониться. Человекоконь был огромен, как тролль. Удары его кулаков действительно были подобны ударам молота, и он пытался загнать эльфа в угол.

Широкий круг зевак двигался вместе с ними. Асфахаль осознавал, что выглядит не очень. До сих пор он ограничивался только попытками уклониться от ударов кулаком и ногой князя. Когда Секандер самоуверенно улыбнулся ему, эльф с яростным криком ринулся вперед и дважды ударил кентавра в грудь, но ничего не добился. Секандер лишь толкнул его торсом, и Асфахаль попятился. Он видел, что копыто летит прямо в него, но уклониться полностью не сумел. Кентавр ударил его в бедро, заставив эльфа попятиться еще сильнее. Поначалу боли он не почувствовал, нога онемела. Он опрокинулся навзничь на стол с закусками и предпринял попытку удержаться на ногах, вцепившись руками в белую скатерть, а затем соскользнул на пол. Серебряные подносы и две большие миски с пуншем поехали за ним. Хрустальные миски с громким звоном раскололись на куски, на полу образовались большие лужи земляничного пунша.

Послышался смех. Асфахаль понял, что гости уже делают ставки. Жаль, что он не может поставить. Ставки делались отнюдь не в его пользу.

Секандер угрожающе возвышался над эльфом.

Асфахаль поднял руку.

— Минуточку... Давай соблюдем этикет. Хоть разок.

Кентавр удивленно уставился на него, но ударить или снова пнуть его даже не попытался.

Пунш продолжал расползаться по полу. Асфахаль выудил из лужи ягоду земляники и положил ее себе в рот.

— Вкусно! — громко воскликнул он. Затем поклонился в сторону стоявшего на возвышении кресла хозяина дома. — Простите за беспорядок, пожалуйста. В следующий раз внимательно читайте

список приглашенных. Кентавры просто не умеют себя вести.

— Ах ты, мелкая крыса! — Секандер топнул копытами и подошел чуть ближе, твердо исполненный решимости покончить с ним.

Асфахаль внимательно вслушивался в ритм копыт. Эти пританцовывания — вот она, слабость князя. Эльф выудил из лужи еще одну ягоду и, наклонившись, уклонился от сильного удара кулаком. Собрав в горсть несколько ягодок, он поднялся, слегка пошатываясь.

— Ты бы тоже попробовал ягодку. Исключительно, вот что я тебе скажу.

— Сейчас я заставлю тебя облизывать пол, ты...

«Сейчас», — подумал Асфахаль и бросился на пол.

Кентавр снова заплясал, и именно в тот миг, когда на полу стояла только одна передняя нога, Асфахаль, падая, пнул его. Подкованное копыто не удержалось на мокром и скользком каменном полу, и князь пошатнулся. Секандер угодил второй ногой прямо в ягоды, которые собирал Асфахаль, поскользнулся, и, удивленно вскрикнув, рухнул на колени.

Асфахаль схватился рукой за напомаженную бороду кентавра, перестал падать и одним прыжком снова оказался на ногах, чтобы тут же изо всех сил ударить Секандера локтем в висок.

Князь вскрикнул и завалился на бок. Некоторые кентавры схватились за мечи, но оглушенный Секандер замахал руками с пола.

— Оставьте его в покое. Он победил.

Эльф был поражен тем, насколько по-рыцарски князь отнесся к своему поражению. Он протянул Секандеру руку, но все же не сумел помочь массивному кентавру подняться. Из-за скользкого пола задача была не из легких. В конце концов, с помощью четверых кентавров Секандера все же удалось поднять.

— Пойдем выйдем, эльф. Хочу поговорить с тобой.

Немое удивление, последовавшее за победой Асфахаля, превратилось в многоголосое бормотание. Гости подсчитывали выигрыши, громко кричали от восторга. Хозяин дома стоял в окружении группы фавнов и кобольдов, отдавая приказы по уборке

пола.

Майя бросилась к Асфахалю.

— Тебе было больно, когда он пнул тебя...

Эльф кивнул.

— Верно! — А затем громко продолжил, чтобы слышали все собравшиеся. — Мне страшно повезло, что я еще стою на ногах. Вообще-то победителем следует признать пунш, из-за которого князь Секандер и упал.

Послышался негромкий смех.

И только Секандер продолжал сохранять серьезность. Когда он подошел вплотную к Асфахалю, Майя снова преградила ему путь.

— Пожалуйста, не нужно больше ссориться...

Тут наконец-то улыбнулся и князь.

— Следующий пунш, который свалит меня с ног, должен быть хотя бы у меня в желудке, — он кивнул Майе. — Ты одноножка, верно?

Девушка задрожала под взглядом массивного воина. Асфахаль положил руки ей на плечи, собираясь защитить.

— Мне жаль, что так получилось из-за одного из моих ребят, — произнес князь, но голос его не соответствовал сказанным словам.

— Его так и не наказали... — осмелилась произнести Майя, дрожа всем телом.

Секандер снова беспокойно переступил с ноги на ногу. Судя по всему, ему была неприятна встреча с кобольдшей. Он махнул рукой одному из своих спутников.

— Мой меч!

Асфахаль не поверил своим глазам. Оруженосец бросил своему князю оружие, который поймал его в воздухе. Что же будет... Секандер сорвал с широкой перевязи одну из монет и протянул ее Майе.

— Я в долгу перед тобой. Если тебе когда-нибудь потребуется помощь князя, покажи эту монетку любому кентавру в городе, и тебя отведут ко мне.

Майя не решалась принять подарок.

— Это золото?

— Не в золоте дело. Мое расположение не купишь за золото, — он вложил монетку ей в ладонь и заставил сжать кулачок. — Береги ее. Это твое сокровище, — его чистые синие глаза поглядели на Асфахаля. — А ты сейчас пойдешь со мной.

Они вместе пересекли холл и вышли из особняка. По одному знаку князя все, стоявшие слишком близко, разбежались в разные стороны.

— Ты не хочешь мне ничего сказать, эльф? — поинтересовался тот, уперев оба кулака в бока.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Тогда я тебе кое-что скажу. Ты не тот, за кого себя выдаешь. Если бы ты того не хотел, я ни за что не ударил бы тебя. Ты не случайно уронил со стола миску с пуншем. И не случайно, что ягоды земляники лежали именно там, где я на них поскользнулся. За всю свою жизнь я ни разу не слышал об эльфе, который голыми руками отправил бы кентавра на пол. Так что такой, мужик, как ты, забыл в Уттике?

— Приехал на свадьбу своей сводной сестры, — с улыбкой произнес Асфахаль. — Ты любишь играть в кости, князь? Я бы с удовольствием пришел к тебе в гости. Я принесу амфору хорошего вина, и мы начнем все сначала.

— Не трудись. Тот, кому есть, что скрывать, никогда не будет мне другом. Ты неискренен. Равно как и Бидайн. Никто во всем княжестве так и не понял, почему Шанадин вдруг решил жениться на няньке. А потом еще это убийство прошлой ночью. Я буду следить за вами, эльфами. И выясню, что происходит в моем городе.

Асфахаль чуть было не спросил об убийстве, но затем решил не злить Секандера.

— А что это за история с монетой?

Князь недовольно фыркнул.

— Старая история. Малышку покалечил сын сестры моей жены. Наказать его должным образом я не мог. Я взял себе жену из того клана, чтобы укрепить связи между нами, и наказать мальчишку

значило бы разворошить былые обиды, — кентавр усмехнулся. — Что ж, сейчас он в Нангоге. Возможно, судьба рассудит лучше меня.

Князь нравился Асфахалю. Прежде он считал кентавров безмозглыми варварами. Судя по всему, это было ошибкой.

— Жаль, что мы не можем стать друзьями.

— Все в твоих руках, эльф. Дружба начинается с искренности.

Без зазрения совести

На протяжении всего бесконечного празднества Бидайн то и дело украдкой поглядывала на Асфахаля, который, к счастью, все же передал своего коня конюшим. Он был точно таким же, каким она помнила его по Белому чертогу: дерзким и буквально непристойно красивым. По его одежде, несмотря на хороший крой и качество, было видно, что она знавала и лучшие дни. Туника выглядела немного поношенной, подол белого плаща истрепался, а кожа сапог потрескалась. Но полированный серебряный обруч и его располагающая улыбка придавали ему изысканность, не меркнущую даже несмотря на мелкие недочеты. Бидайн никогда не доводилось встречать более привлекательного и желанного мужчину. И это чувствовала не только она. Почти все присутствующие дамы украдкой наблюдали за ним, а вызывающее появление сделало эльфа еще более привлекательным в их тазах.

Шанадин же напротив, его возненавидел. Во время праздника он то и дело отпускал колкие замечания. Ее обычно такой спокойный и уравновешенный супруг совершенно утратил самообладание. Бидайн никогда не видела, чтобы он столько пил, и, судя по всему, это не шло ему на пользу.

— Вежливость и уважение — вот столпы, на которых держится любое успешное общество, — объяснял он Алариону, первому капитану его небольшого торгового флота. Аларион был суровым и хитрым мужчиной. Правую его бровь разделял шрам, а на щеке под ним виднелась тонкая белая линия. Волосы у эльфа были черными, как вороново крыло, а взгляд странных глаз янтарного цвета всегда был Бидайн неприятен. Аларион не любил ее и не скрывал своего отношения.

— Кажется, семейка у него странная, — намеренно громко заявил он, чтобы слышала Бидайн. — Я бы не удивился, если бы таким выпадом он завоевал расположение кентавров. Человекокони глупы. Они любят драчунов и задир.

— А ты, Аларион, сейчас хотел проверить, сколько времени откровенность считается добродетелью и в какой именно момент превращается в открытое оскорбление? — с холодной улыбкой поинтересовалась Бидайн.

Шанадин обернулся к ней, опрокинув при этом полный бокал с вином.

Бидайн подхватила его прежде, чем он успел упасть со стола, но половина вина пролилась на ослепительно белую скатерть и накапала ей на подол.

Эльфийка в отчаянии попыталась спасти платье с помощью салфетки, но оно было безнадежно испорчено. Казалось, у нее неожиданно начались критические дни.

— Извини, любимая, я… — казалось, Шанадин расстроился. — Я...

— Пойду переоденусь, — Бидайн встала. Скрывать ярость получалось плохо. — Я переоденусь и буду ждать тебя в нашей спальне. Для нашей брачной ночи было бы лучше, если бы ты так не налегал на вино, — на этот раз она произнесла свои слова настолько громко, что услышали все вокруг.

Лицо Шанадина залило краской.

— Твоя невеста будет ждать тебя через полчаса, супруг мой, — повторила она настолько слащавым тоном, что это прозвучало иронично.

Шанадин отодвинул бокал в сторону, но ничего не ответил.

Бидайн казалось, что когда она пересекла праздничный зал, все только и смотрят на пятно у нее на подоле.

«Этот чертов увалень», — яростно размышляла она, представляя себе, как перережет ему горло, вместо того, чтобы даровать ему ночь любви.

Асфахаля она обнаружила на левой из двух платформ, которые вели на второй этаж из холла. Тот флиртовал с незнакомой ей рыжеволосой эльфийкой.

— Ах, моя очаровательная сестра! — Он раскрыл объятия. — Наконец-то я могу поздравить тебя поцелуем со столь несказанным счастьем.

Та усмехнулась. Какая отличная формулировка. Несказанное счастье.

Эльф обнял ее и легко поцеловал в левую щеку. От него пахло

конем, потом и сухой травой Земель ветров.

«Лучше любых духов», — подумала Бидайн. Как давно она мечтала о возможности когда-нибудь обнять Асфахаля.

— Буду ждать тебя в спальне через час, — прошептала она ему на ухо.

— Я думал, твоя постель сегодня занята, — прошептал он ей в ответ, целуя ее в правую щеку.

Та высвободилась из его объятий.

— Не так бурно, братишка. Не зли меня. Ты помнишь, как отец сердился, когда ты меня не слушал? — Она надеялась, что Асфахаль поймет намек на Золотого.

Тот галантно поклонился, внимательно глядя на ее руки.

То, что любой другой принял бы за нервное подрагивание пальцев, было посланием для него. Второй этаж, первый коридор, пятая дверь слева.

— Хорошего тебе вечера, — подчеркнуто нейтральным тоном произнесла она и удалилась.

Едва поднявшись в спальню, она в раздражении сбросила подвенечное платье. Красное пятно ни за что не вывести. У нее никогда прежде не было такого платья. Она стояла перед зеркалом и задумчиво разглядывала себя. Тело ее было стройным и тренированным, выглядела она хорошо, лишь весьма отдаленно напоминая робкую полноватую девушку, которая несколько лет назад пришла в Белый чертог. Интересно, Асфахалю она кажется желанной?

Она обернулась и бросила взгляд через плечо в зеркало. При виде роскошной татуировки с драконом эльфийка улыбнулась. Какая разница, что думает Асфахаль. Она избранница Золотого. Драконница! А он всего лишь ученик, которого прогнали с позором. Она командует им. Он здесь потому, что того пожелала она. И его появление в зале было лишь еще одной, последней попыткой восстать. Он хотел продемонстрировать ей, что он свободен и не предсказуем, но на самом деле это было не так. Она стала его госпожой. И в эту ночь решит, быть ли ей доброй госпожой или же в будущем каждый день давать ему понять, что его независимость — лишь иллюзия.

Удовлетворенная увиденным, эльфийка провела рукой по яркой татуировке, вспоминая оргию боли, желания и страсти, которую ей довелось пережить с Золотым. Шанадин ей такой радости никогда не подарит. Раздраженная, она бросила взгляд на большую постель, затем набросила халат из прозрачного красного шелка и распустила волосы. Ей нравилось, когда они свободно спадали на плечи. Подумала, не нанести ли еще духов, но тут в дверь постучали.

- Да?

В комнату вошел Шанадин. Он пришел раньше времени и казался одновременно мрачным и возбужденным. Новоиспеченный супруг буквально пожирал ее взглядами. О своей Невенилл он, судя по всему, забыл — по крайней мере, на данный момент.

— Ты красивая, — произнес он заплетающимся от вина языком и сделал шаг навстречу жене, словно собираясь обнять ее.

— И я принадлежу лишь тебе, — Бидайн с трудом удалось произнести эти слова воркующим голосом, словно бы собираясь соблазнить мужа.

— Я тебе не верю. Поэтому и напился. Я думал, что тогда мне удастся забыть о том, что наша свадьба — лишь сделка. Это было ошибкой...

— Раздевайся и докажи мне, что ты мой муж.

Тот уставился на нее с открытым ртом.

— Да, именно это я и сказала, — эльфийка приоткрыла халат. — Тебе ведь нравится то, что ты видишь, не правда ли?

Вместо ответа Шанадин стянул через голову тунику с дорогой вышивкой, запрыгал на одной ноге, стягивая сапоги, затем плюхнулся на постель, чтобы снять штаны. Он был стройным, можно даже сказать худощавым. Поразительно, но за все те годы, что он просидел в уединении в своей конторе, он совсем не располнел и не заплыл жиром.

Бидайн склонилась над ним, нежно провела рукой по обнаженной груди. Он вздохнул и закрыл глаза. Эльфийка готова была спорить, что в это время он думал о Невенилл — иначе почему не смотрел на нее? Рука стала подниматься выше и коснулась точки на шее. Поглаживания стали сильнее, затем она надавила. Точка находилась в верхней части шеи, у самого позвоночника, и ее им

показывала Айлин в Белом чертоге. Нервный узел, и секрет заключался в том, что, если надавить на него под нужным углом, жертва тут же теряла сознание. Наступало состояние глубокого сна, продолжавшегося несколько часов. А после пробуждения никаких воспоминаний о случившемся не оставалось. Шанадин обмяк и завалился на бок. Драконница уложила его с ногами на постель. Мужчина дышал глубоко и ровно.

«Напился перед первой брачной ночью», — раздраженно подумала она. Ничего подобного она от него не ожидала.

Сев рядом с ним, эльфийка опустила руку между ног мужа и принялась играть с его хозяйством, сильно сжимая его. Завтра она скажет, что он так долго и сильно любил ее, что у нее все болит и теперь нужно некоторое время отдохнуть от страстных ухаживаний. И если у него тоже будет болеть, то супруг поверит ей, хоть ничего и не будет помнить. Ливианна многое рассказывала ей о мужчинах: наставница ее была настоящим мастером любовного искусства. Она часто говорила, что большинство мужчин ради нескольких часов с красивой женщиной готовы почти на все. Поначалу Бидайн не верила ей, еще не успев избавиться от бредней о романтичной и вечной любви. Но за минувшее время убедилась, что таковая существует лишь в воображении поэтов.

Помучив Шанадина достаточно, она поднялась и прикрыла лежавшего на кровати эльфа одеялом. Затем вымыла руки в миске с чистой водой, стоявшей на столике у комода. Она была намерена превзойти Ливианну и в искусстве любви. Бидайн примирительно улыбнулась. В этом отношении Асфахаль пользовался весьма внушительной славой. От него она наверняка сумеет многое почерпнуть о мужчинах и об их прихотях. Его знала даже Энья. Портниха утверждала, что они целую зиму жили вместе в Лунных горах. За время длительных примерок подвенечного платья они успели поговорить обо всевозможных вещах. И в первую очередь о мужчинах.

Асфахаль разбил ей сердце. Малышка действительно верила, что стала единственной для него, а когда узнала, что он ходил и к другим, да еще и получал за это подарки, то вышвырнула его из дома. Тем не менее, Бидайн чувствовала, что все еще влюблена в красивого эльфа. То, как она произносила его имя, и мечтательный взгляд, когда она говорила о нем, были весьма недвусмысленны. Нехорошо было бы,

если бы они повстречались здесь. Вновь вспыхнувшая страсть разрушила бы все планы Бидайн.

Эльфийка провела руками по плечам. Кожа у нее была нежной и гладкой, на ней все еще чувствовался запах фиалок. Интересно, сколько еще он продержится? Должно быть, Энья долгое время пользовалась им каждый день.

Мысль о том, чтобы встретиться с Асфахалем, нося на себе кожу его бывшей любовницы, возбудила Бидайн. Ее захлестнуло теплое, приятное чувство. Положив руку на лобок, она осторожно опустила ее ниже, наслаждаясь волнами желания, вызванными собственным прикосновением.

Через некоторое время она услышала под дверью какой-то звук, похожий на нервное шарканье ног. Асфахаль не отваживался постучать. Подслушивал ли он? Не заботясь о том, чтобы застегнуть халат, она подошла к двери и осторожно приоткрыла ее.

Это был он! Сердце гулко застучало. Как же сильно она желала его, но давать ему это понять не собиралась.

— Ты вовремя! — с улыбкой произнесла она, открывая дверь сильнее. — Входи.

Он без стыда разглядывал ее наготу.

— Ты изменилась, — эльф тоже улыбался. Затем заметил постель. — Что это? Неужели...

— Мой муж, — легкомысленно отмахнулась эльфийка. — И не переживай, он меня не касался.

Асфахаль вошел, неспешно закрыл за собой дверь.

— Так-так. Значит, нетронутая, — он не сводил с постели взгляда. Спящий Шанадин не шевелился.

— Нетронутая? — язвительно переспросила Бидайн. — Думаешь, я девственница?

— Думаешь, я глуп, потому что красив?

Она схватила его за ремень брюк, притянула к себе.

— Ты-то красив, но мне нужно кое-что не столь очевидное.

Он снова поглядел на постель.

— Ты боишься его?

Эльф фыркнул.

— Боюсь? Просто не хочу осложнений. В моей практике было достаточно приключений с разъяренными мужьями. И это не самые лучшие воспоминания.

Бидайн расстегнула пояс на его брюках.

— И что, я стою некоторого количества осложнений.

Тот негромко застонал.

— А ты знаешь, чего хочешь, — Асфахаль схватил ее за бедра, поднял в воздух и посадил сбоку на комод у зеркала

Бидайн обхватила ногами его бедра и, не тратя времени на дальнейшую болтовню, поцеловала. Жадно, глубоко проникая языком. Таких поцелуев от Шанадина она никогда не получала.

Асфахаль схватил ее за волосы, крепко прижался к губам. На ее страсть он отвечал еще более сильным желанием. Он хотел ее, он сходил по ней с ума. И забыл о Шанадине. Его брюки упали на пол, но он не стал утруждаться и снимать их. С каждым движением комод немного сдвигался.

Бидайн поглядела в висевшее на стене большое зеркало. Какое новое, доселе неведомое ощущение: испытывать страсть и одновременно наблюдать за происходящим, словно сторонний наблюдатель.

Асфахаль на зеркало внимания не обращал. Он смотрел ей прямо в глаза, продолжая жадно и страстно целовать ее. Ему было мало ее губ, он целовал шею, затылок, соски. И при этом не прекращал входить в нее, глубоко, захлебываясь в экстазе. Она принялась вращать бедрами, чтобы почувствовать его еще глубже внутри себя, крепко вцепилась пальцами в его длинные светлые волосы. Он попятился прочь от комода, лодыжками запутавшись в брюках. Асфахаль упал навзничь, но не отпустил ее, несмотря на то что больно ударился спиной о деревянный пол. Бидайн убрала ноги. На миг они расстались, но вот он уже снова в ней. Теперь темп задавала она.

Упираясь обеими руками в его грудь, она скакала наездницей, издавая жадные и страстные стоны. Он сжимал ее грудь, мял ее

своими узкими, но сильными ладонями, умело и все сильнее и сильнее распаляя ее страсть. Эльфийка дрожала от все новых и новых приливов страсти. Это было почти так же, как с Золотым.

Асфахаль перекатился со спины, поднял ее, положил на постель, при этом не выходя из нее. При этом голова ее лежала на груди Шанадина, который не реагировал ни на что вокруг, пребывал в глубоком и неестественном сне. Возможность унизить его таким образом еще сильнее распалила Бидайн, и она, содрогаясь, излилась окончательно. Некоторое время Асфахаль еще продолжал бурно овладевать ею, при этом каждое его движение едва не повергало ее в пучины безумия, но она больше не могла, и эльф почувствовал это. Он играл с ней, а она отчаянно пыталась освободиться. Затем он успокоился, стал нежнее, крепко обнял ее, и сердце женщины перестало угрожать расколоться на кусочки.

— Это было хорошо, — с трудом переводя дух, прошептала она.

— Это мы только начали, — он улыбнулся и закрыл ей рот поцелуями. Бидайн не сопротивлялась, словно бы покачиваясь на волнах наслаждения. Он знал, когда и как прикоснуться к ней, знал, как бесконечно долго оттянуть второй всплеск. Эльфийке казалось, что она совсем беспомощна, и блаженствовала. Все мысли ушли.

Когда они наконец успокоились — комок обнаженных тел — она почувствовала себя свободной.

Она захихикала, словно маленькая девочка, когда заметила, что Шанадин скатился с постели. Эльфийка понимала, что проснуться он не мог. Просто занял то место, которое заслуживал.

Асфахаль рассмеялся вместе с ней, обнял ее, неустанно исследуя ее тело и покрывая его поцелуями. Бидайн посмотрела вверх, на потемневшие от времени балки, державшие на себе пол следующего этажа. Мысли текли неспешно, но вдруг она увидела что-то неестественно синее среди теней, покрытое влажной пленкой. Глаз! Кто-то сверху наблюдал за ними.

След запаха

Бидайн попыталась скрыть от непрошеного наблюдателя, что она заметила его, зарылась лицом в шею Асфахаля. На миг задумалась, не шепнуть ли ему о том, что увидела, но тут же отбросила эту мысль. Лучше оставить эту тайну при себе. Она сама узнает, кто за ними подглядывал.

— Пора идти, — негромко произнесла она.

Асфахаль заворчал.

— Я еще не закончил, — он поднял голову и дерзко улыбнулся ей.

— А я закончила, — спокойно ответила она. Хоть последние часы и были чудесны, ложных надежд давать ему она не собиралась. – Я буду ждать тебя в полдень на заднем дворе дома. Там ты встретишься с остальными.

Эльф ответил ей хитрой улыбкой, слово бы догадался, что она пытается установить определенную дистанцию между ними. Дистанцию, которую не желало соблюдать ее жаждавшее любви тело.

— Кто еще здесь, кроме меня?

— Твоя сестра Кира, — если эта новость удивила эльфа, то ему мастерски удалось скрыть свое замешательство. — Кроме того, Лемуэль и Валариэлль.

— Пять дра... — мечтательно протянул он.

— Четверо, — поправила она его, прежде чем он успел произнести это слово полностью. Кто бы ни сидел наверху, не должен был знать, кто они на самом деле. Ее татуировка с драконом и без того слишком яркая. Бидайн села, шлепнула Асфахаля по небольшому и упругому заду

— Забыл уже? Ты сам выбрал не становиться одним из нас.

— Но я мог бы, — обиженно возразил он.

— Теперь мы этого никогда не узнаем, — она притянула его к себе, поцеловала. — Мне наплевать на титулы. Ты в своем роде неповторим. И я тебе доверяю.

— Загадочная ты женщина, — Асфахаль соскользнул с постели, принялся собирать разбросанную по полу одежду.

— Буду считать это комплиментом, — рассмеялась она в ответ. — Ты не положишь моего мужа обратно в постель?

Сначала он спокойно оделся, а Бидайн наслаждалась его видом.

На его теле не было ни грамма жира. Облизнулась.

– Проголодалась?

— Ты мог бы стать моим любимым блюдом.

Асфахаль рассмеялся, затем поднял Шанадина обратно на постель.

— Бедняга. Что он сделает, когда заметит?

— Что? Что я не принадлежу ему? Он это знает. А это... — Она рассмеялась и поглядела на потолок. Глаз в тени исчез. — Как он может об этом узнать?

Асфахаль укрыл торговца одеялом.

— Думаю, я бы с ума сошел, если бы...

— Он и так сумасшедший. Если он умен, то оставит меня в покое. Время от времени я буду проявлять к нему жалость. А если он захочет большего... — Она щелкнула пальцами. — Я с ним расстанусь.

Некоторое время он пристально смотрел на нее.

— Наверное, злить тебя глупо.

— Попробуй и узнаешь, — она встала и открыла стоявший у кровати сундук, достала из него узкие брюки и блузку.

— Я сгораю от желания, — прошептал ей на ухо Асфахаль, одеваясь.

— Давай немного прогуляемся. Я люблю постоять ночью на причале и послушать море, — она произнесла это нарочито громко, чтобы ее слова были слышны в комнате наверху.

Не обуваясь, она вышла за Асфахалем в холл. В доме было тихо. Из праздничного зала уже не слышалась музыка, слышны были лишь негромкие разговоры последних гостей.

— Хочешь посмотреть, кто наблюдал за нами?

Бидайн удивилась.

– Я ведь почти стал драконником, — с улыбкой произнес Асфахаль. — Думаешь, я упустил то, что заметила ты?

— Пойдешь со мной?

Тот поднял руки.

— Нет, это твои бои, — и эльф легким шагом отправился прочь.

Бидайн смотрела ему вслед. Он был дерзок, и в этом был свой шарм, но эльфийка не была уверена, сколько времени сможет с этим справляться. Оставалось лишь надеяться, что он не допустит ошибки и не станет оспаривать ее права командовать. Ей не хотелось бы расставаться с ним, но это придется сделать, если потребуется.

Она медленно пошла по коридору до узкой лестницы, ведущей на следующий этаж. Легко и бесшумно взобралась по деревянным ступеням. Третьим этажом почти не пользовались, и некоторые комнаты Шанадин переоборудовал под склады. Бидайн лишь однажды была здесь, наверху. Общий план соответствовал плану нижнего этажа. Эльфийка осторожно скользила по коридору. Все двери были закрыты, нигде не горел свет. Здесь было тихо, пахло пылью и сушеными бобами. Но было здесь и кое-что еще. Едва уловимый аромат роз.

Эльфийка застыла перед пятой дверью с левой стороны коридора. Затаив дыхание, прислушалась. Нет ли нотки ванили в аромате розового масла? Сосредоточилась, закрыла глаза, чтобы визуальные впечатления не мешали определить проникавший в нос запах. Она запретила себе вслушиваться в негромкие ночные шорохи, собирала одни лишь ароматы. Равномерно, с той же интенсивностью, как она отгораживалась от других органов чувств, набирали силу запахи. Наряду с пылью и бобами она почувствовала запах горячего воска, которым когда-то давно обрабатывали половицы. Был здесь еще и аромат недавно потушенного фитиля свечи. И запах пота.

Словно ищейка, она обнюхивала дверной косяк. Там лежала ладонь. Теперь она обнаружила и аромат апельсина. Ее духи! Все органы чувств тут же забили тревогу. Здесь, в дверях, стояла Фарелла. Но у дочери Шанадина глаза были не голубые, а темно-зеленые, почти черные ...

Бидайн толкнула дверь. В комнате было пусто. Эльфийка недоверчиво осмотрела темные углы. Ничего! Вышла на середину комнаты, пытаясь вспомнить, в каком примерно месте она видела глаз. Принюхалась, встала на четвереньки. Здесь запаха ее духов практически не было. Немного пахло потом и кухней. А еще — соком из выжатых яблок, который так любила пить Лидайн.

Эльфийка ощупывала руками пол. Он был в очень плохом состоянии: некоторые половицы совсем растрескались. Нашла крохотный обрывок ткани. Точно такой же, как ткань ее подвенечного платья. А затем увидела глазок, немного выделявшийся на половицах, потянула, почти без усилий вытащила заглушку и увидела постель, на которой мирно спал Шанадин.

Они обе были здесь. Фарелла стояла на страже у дверей, а голубоглазая Лидайн наблюдала за происходящим на брачном ложе своего отца. Поразительно, что ни одна из них не позвала слуг.

Бидайн поставила заглушку на место. Интересно, попытаются ли они шантажировать ее? Что они вообще замышляют? Они богаты, у них есть все. Бидайн даже представить себе не могла, что им может быть нужно.

Поднявшись с пола, эльфийка вышла из комнаты. Пусть только попробуют!

Провалы в памяти

Нодон проснулся с жуткой головной болью. Глаза опухли так, что он не мог даже приоткрыть их. На языке чувствовался какой-то желчный привкус Голова завалилась набок. Он сидел на стуле с высокой спинкой.

Эльф слышал чье-то тяжелое дыхание, но сил повернуть голову не было. Он заморгал. Перед ним стоял стол. На нем горели три сделанные из медового воска свечи, источая приятный золотистый свет. Еще на нем был черный лакированный ларчик. Увидев его, Нодон почувствовал себя неуютно, но понять, почему так произошло, не мог, испытывая лишь твердую уверенность в том, что внутри спрятана какая-то мрачная тайна.

Его плеча нежно коснулась чья-то рука. Вторая протянула ему серебряный кубок с водой.

— Пейте, мастер меча, — произнес шипящий голос. Женский голос. Нужно вспомнить... Эльф испытывал странное чувство, будто бы ему позарез нужно было знать, кто это говорит. Женщина стояла у него за спиной, не показывалась.

Откинувшись на спинку стула, он ненадолго прикрыл глаза. Открыв их снова, мужчина обнаружил, что свет в палатке изменился. Стало светлее, несмотря на то что кто-то потушил горевшие на столе свечи. Снаружи завывал ветер. У Нодона возникло ощущение, что за пологом палатки стоят воины и ждут.

— Вам уже лучше, мастер меча? — поинтересовался шипящий голос. Он обернулся и почувствовал колющую боль в районе лба. За спинкой стула стояла женщина огромного роста, в расшитой золотыми нитками зеленой блузе с излишне глубоким, как на вкус мастера меча, вырезом. На переносице у нее была странная татуировка — открытый глаз. А ее собственные глаза... Они были желтыми, словно летнее солнце, а зрачки у них были вертикальные.

— Наверное, вы не помните меня. Я Алоки, тайная служанка князя Солайна. Он уже представлял меня вам.

«Я должен знать ее, — подумал Нодон. — Такие желтые глаза не забудешь».

— Пейте! — Она снова протянула ему серебряный кубок.

Холодная вода была приятной на вкус, она уничтожила оставшийся во рту отвратительный привкус, пробудила волю к жизни. Пока он пил, странная женщина касалась его век кубиками льда и бормотала что-то неразборчивое.

По крайней мере, Нодон хотя бы вспомнил, что он находится в шатре полководца. У него позади был ужасный бой с крылатым львом. Но потом... Что случилось с его памятью?

— Ты должен возглавить отряд разведчиков, — заговорил шипящий голос. — Дети человеческие бегут. Звезда альвов, через которую они собирались отступить, запечатана.

Нодон поставил кубок на стол перед собой. Почему он ничего не помнит? Нет, напиваться он точно не напивался! Он вообще никогда не пьет! Так что же произошло?

— Тебе лучше?

— А мне было плохо? — недоверчиво переспросил он.

— Вы не помните? — Алоки обошла стул, и теперь он увидел ее во весь рост. Ее сильное, бледное змееподобное тело.

— Это все я виновата, — подавленным голосом призналась она. — Мой маленький любимец укусил вас Он вылез из корзины, мы заметили слишком поздно...

— Твой маленький любимец?

— Князь Солайн вызвал тебя для обсуждения ситуации в лагере. Он почувствовал себя плохо и лег. Ты сел сюда, на этот стул, слушал, что он говорит. И потом случилось это. Мой малыш незаметно взобрался по спинке стула, а когда вы наклонились к стоявшему перед вами на столе бокалу, он укусил вас, мастер меча. В шею... — И с этими словами она расстегнула свою свободную светло-зеленую блузу, и из-под левой груди показалась пятнистая черно-желтая голова змеи. — Болотная гадюка, такие водятся у меня на родине. Яд ее не очень силен, но судя по всему, она попала в сонную артерию.

Нодон испугано ощупал шею сзади и действительно нащупал болезненную припухлость.

— И каково действие яда?

— Все не так плохо, господин! — Она подняла руки, пытаясь успокоить его, и теперь ее блузка расстегнулась полностью.

Нодон отвернулся. Ему не нравилось, когда женщины выставляли себя напоказ подобным образом.

— Ее яд проник непосредственно в ваш мозг. Ваше тело уже не могло бороться с этим... Полагаю, вы не очень хорошо помните вчерашний вечер.

Теперь он поднял голову. В ее голосе слышались странные нотки, и улыбка была не очень естественной.

— Говори, Алоки.

— Он может вызвать помутнение сознания. Небольшие опухоли, тошноту. В принципе, ничего страшного. Все это проходит. Кроме провалов в памяти... Но речь может идти лишь о маленьком промежутке времени, ускользнувшем от ваших воспоминаний. Самое большее полдня, пожалуй...

Нодону показалось, что она чего-то не договаривает.

— А что с Солайном?

— У него был приступ слабости. Старая хворь. Груз ответственности оказался слишком велик для его здоровья. Ему нужно немного поспать. День, быть может, два. А затем он поправится.

Верховный главнокомандующий, который просто проспит два дня своего похода? Подобная некомпетентность потрясла Нодона! Нужно доложить небесным змеям о том, что здесь происходит.

— Я могу поговорить с ним? — Эльф поднялся со своего стула В теле чувствовалась слабость и небольшое головокружение. История, которую ему преподнесла змееподобная женщина дурно попахивала. Просто невероятно, чтобы его случайно укусила змея.

— Князю нездоровится! — Алоки преградила ему путь. — Вчера вечером он все с тобой обсудил и отдал тебе четкие приказы.

— Мне очень жаль, но я ничего не помню. Речь идет о походе, а не о подготовке придворного бала. Судя по всему, мне придется доставить ему неудобства и еще раз поговорить с ним.

— Пока строили мост через реку, он записал все свои

соображения, — змееподобная женщина указала на стоявший в изножье кровати оббитый медью сундучок. — Я уверена, что он ничего не будет иметь против, если ты просмотришь его бумаги.

Дурные предчувствия, одолевавшие Нодона еще больше усилились. Почему она хочет любой ценой помешать ему поговорить с князем? Что с Солайном? Эльф опустился на колени у постели и открыл сундук. На самом верху он нашел несколько листков с заметками относительно самых разных типов войск, участвовавших в походе. Солайн хотел отослать в Альвенмарк почти всех воинов. Остаться и преследовать людей должен был лишь небольшой отряд. Нодону показалось, что он припоминает, как они говорили об этом.

Эльф просмотрел остальные бумаги, пролистал переплетенную кожаную тетрадь. Все записи были сделаны одним и тем же угловатым и резким почерком. Он подходил Солайну, но совершенно невозможно, чтобы это действительно писал князь. Прежде драконник ни разу не видел, чтобы тот что-то писал.

Нодон никак не мог отделаться от ощущения, что он оказался впутан в одну из тех интриг, которыми славятся князья Аркадии. Словно бы мимоходом, он коснулся ноги спящего князя. Солайн дернулся.

— Не беспокойся, он не мертв, — произнесла не сводившая с него взгляда Алоки и улыбнулась. — Все именно так, как я тебе и сказала.

Нодон не ответил. Свернув в трубочку списки войск, он закрыл сундук.

— Если здесь должен остаться только разведотряд, судя по всему, мне придется организовать отступление остальной армии, — холодно произнес он. — Записи мне понадобятся.

— Какое недоверие, — снова эта змеиная улыбочка.

Он поклонился несколько неловко, с трудом преодолев новый приступ головокружения. «В будущем надо будет постараться не входить в шатер Солайна», — подумал он, выходя наружу и чувствуя облегчение от обдувавшего кожу ледяного ветра.

Коротко кивнув обоим стражам у шатра, он направился к мосту через реку, сделанному из лодок. По пути туда в голову закрались и новые сомнения. Может быть, первоначально план таков и был —

чтобы он взял на себя командование? Чтобы удержать его? Он никак не мог отделаться от ощущения, что у него были важные причины немедленно возвращаться в сад Ядэ.

О чести драконников

— Как так мы остаемся здесь? — Галар в недоумении уставился на Айлин. — Что это за идиотская дерьмовая эльфийская идея? Мы остаемся здесь! Мы? Из всех пришедших сюда детей альвов нас потрепали больше всего. Нас осталось даже меньше пятидесяти, вот сколько наших они положили. А этих празднично одетых воинов, которые ни разу за весь этот дерьмовый поход не обнажили меча, отводят назад, а мы остаемся морозить собственные зады и подставляться под мечи людей? Да это просто чья-то дурацкая шутка!

— Хорошо сказано, карлик! — согласился Гроц.

На миг Галар забеспокоился, что тролль сейчас по-приятельски хлопнет его по плечу, и возможно, случайно вывихнет его, но великан одумался.

— Я бы выразился немного грубее, но в принципе, я того же мнения, — заявил и Че, окидывая взглядом жалкие остатки отряда клана Ледяных бород.

Было видно, что одетый в красное эльф, стоявший рядом с Айлин, с трудом сдерживается. Прежде Галар видел его только издалека, когда тот сражался с крылатым львом в небе. Кажется, сейчас он вообще командует всеми. Или полководец решил использовать его для передачи дурных новостей.

—• Все наши копьеметы уничтожены, — спокойно произнес Нир. — Как боевая единица мы просто ни на что не годимся.

— Придет подкрепление и новые копьеметы. Кузнец Гобхайн, который снаряжал вас в поход, уже получил заказ на новое оружие для вас, — алый эльф враждебно сверлил их взглядом воспаленных глаз. — Что же до остального, то приказы не обсуждаются. Вы просто должны выполнять их.

— А как же знаменитый эльфийский здравый смысл? — вдруг поинтересовался Че и вдруг показал на свои ступни. — Ты это видел? А маленькие ножки, которые идут в придачу? Я именно тот, кто нужен, чтобы бежать за войском отступающих людей? А по сравнению с карликом я еще довольно ловок.

Галар решил не обращать внимания на его слова.

— Мы обдумали эту проблему, — холодно ответил эльф. — Для вас заказали сани, запряженные оленями.

— Сани, запряженные оленями?'— недоверчиво переспросил Гроц.

— Не для троллей, — теперь эльф окончательно разозлился. — Смиритесь! — И с этими словами он отвернулся и направился к великанам, сидевшим неподалеку на берегу затянутой туманом реки.

Айлин осталась с ними, спокойная, как обычно. Ее спокойствие Галару всегда казалось неуместным.

— Ты должна была бороться за нас, — заорал он на нее.

— Я сделаю это, как только мы снова сразимся с детьми человеческими.

— Тебе все кажется простым, да? Ты драконница. Здесь нет ничего опасного для тебя. Ни холод, ни, меньше всего, отчаявшиеся дети человеческие, которые бегут в страхе перед нами. Почему бы просто не дать им сбежать? Это бесславный бой.

— Ты прав, Галар. Нам предстоит бесславная битва, — она поклонилась им всем. — Прошу прощения у вас всех, что приходится вести вас в этот бой. Но если таково желание небесных змеев, придется выполнять его. Им известно больше нашего.

И с этими словами Айлин ушла, оставив их в недоумении. Ледяной ветер трепал ее тонкое белое платье. Казалось, холод не задевает ее, как и их упреки.

— Мы будем долго есть человечину, — задумчиво произнес Гроц.

Галар не понял мысли тролля. Казалось, великан не рад перспективе будущих обедов и ужинов.

— Дерьмо, а не эльфы! — выругался Че и сплюнул. — Если я скажу своим ребятам, что нам предстоит, они восстанут. А я-то после сражения в Вану думал, что она будет на нашей стороне.

— Драконница? — презрительно переспросил Галар. — Да она целиком и полностью предана небесным змеям. Ты же слышал. Она даже думать сама разучилась. Для нее это тоже бесславный бой, но

все равно она будет выполнять приказы тиранов. И о чем это нам говорит? Драконники — не блестящие герои. Тот, кто не колеблясь совершает бесславные поступки, у того нет чести.

Дар богини

Бледная серебристая полоска зари на горизонте возвестила о зарождении нового дня. Испытывая бесконечное облегчение, Коля опустился на стопку ящиков. Он снова всю ночь простоял на страже у входа в их убежище, сделанное из покрытых парусиной десантных корзин. Они не пришли. Третью ночь подряд. Духи бури ушли, по какой бы то ни было причине. Друсниец не думал, что он и его жалкий отряд из команды поднебесного корабля обратили их в бегство. Почему они ушли, останется загадкой. Быть может, нашли где-то добычу попроще?

Набор подполз к нему.

— Все спокойно? — Под глазами у лоцмана были черные круги. Все спали плохо. Несмотря на то что духи ушли, забот было по-прежнему достаточно. Судя по всему, *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта в рассветных весенних лучах над Зеленым морем,* сдался.

— Духи ушли, — усталым голосом произнес Коля, почесывая лоб. Все тело ужасно чесалось, хотя блох в одежде не нашел. А поселившаяся в обрубке руки жгучая боль не отступала. Протез, сделанный на заказ специально для него, начал натирать. Возможно, все дело в холоде? Замерзающая вода расширяется. Возможно, с телом происходит то же самое. Впрочем, остальные, похоже, так не мучились. По крайней мере, не чесались постоянно.

— Выйдем, нам нужно поговорить, — мрачным тоном произнес Набор. Лоцман не простил ему убитую его обезьянку, хотя все видели, что эта тварь была одержима духом бури.

— Я устал, — раздраженно ответил Коля. — Я всю ночь глаз не сомкнул.

— Я тоже, — ответил лоцман и протиснулся мимо стоявшей у входа жаровни за полог. — И для человека, пережившего бессонную ночь, ты выглядишь довольно хорошо. Как-то даже посвежел...

Коля проигнорировал фальшивый комплимент и недовольно последовал за лоцманом. Они сделали несколько шагов к краю огромного кратера. Друсниец заглянул в ущелье, дно которого терялось во тьме. Интересно, действительно ли там, внизу, спит

Нангог? Он поспешно отступил на шаг. Почему-то всякий раз, когда он подходил к ущелью, у него возникало желание прыгнуть вниз. Это странное желание было хорошо знакомо членам команды поднебесных кораблей. Во время путешествий по небесам Нангога никогда такого поразительного желания не испытывал, но с этой пропастью все было иначе. Перед ней он испытывал страх.

Набор кивнул в сторону собирателя облаков, безжизненно висевшего на огромной колонне, стоявшей рядом с кратером. *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* был похож на куклу-бабочку. Несколькими оставшимися щупальцами он вцепился в верхний край монолита. Некоторые из них просто висели безжизненно, запыленные ледяными кристаллами. Теми, в которых еще была жизнь, он плотно обвивал свое изрядно сдувшееся тело.

— Каков твой план, Коля? Как ты собираешься вести нас домой? С тех пор как Барнаба погиб, команда видит в тебе вожака. Что ты можешь им предложить? Еще один день сбора кристаллов, которые мы никуда не повезем?

— Я мог бы, к примеру, отправить к Нангог одного старого ворчуна, — взревел Коля. — Тогда здесь, наверное, станет значительно спокойнее.

— Верно, спокойно, как на кладбище.

Набор упер руки в бока и вызывающе поглядел на него.

— Пока у нас есть силы, мы должны заниматься чем-то существенным.

— Что ты предлагаешь? Молиться? — Коля на протяжении последних дней ломал себе голову над тем, как убраться отсюда. *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* больше не поднимется в небо. Идти в Вану пешком — об этом не может быть и речи.

— Я предлагаю идти под парусом, — решительно произнес

— Под парусом? Здесь? На таком расстоянии от всех морей?

— Это должно получиться. Идея пришла мне в голову вчера, когда я увидел, как ветер гонит по гладкому льду стоявший вертикально пустой бочонок.

— Хочу напомнить тебе, что корабль немного тяжелее бочонка,

— усмехнулся Коля. — Ты спятил.

— Возможно, — не стал отпираться лоцман. — Но не лучше ли решиться на что-то безумное, нежели просто сидеть и ждать смерти?

Друсниец нерешительно кивнул.

— Лучше хоть крошечная надежда, чем совсем никакой. Ты получишь всех людей, которые тебе нужны.

Было видно, что Набор вздохнул с облегчением.

— То есть мы бросим кристаллы?

— Да, у нас их уже довольно. Теперь мы бросим все свои силы на постройку корабля, который понесет нас по льду, хоть я и не представляю себе, как будет выглядеть это странное судно, — Коля схватился за протез. В нем снова дала о себе знать колющая боль. Что, черт побери, это такое? — Собери людей и начинай, — сдавленным голосом произнес он. — Я присоединюсь к вам позже, Набор.

— Клянусь, это было лучшее решение за минувшие недели, друсниец, это я тебе обещаю!

Возвращаясь обратно к десантным корзинам, лоцман негромко напевал песню. Он не делал этого с тех самых пор, как они оказались в этой ледяной пустыне.

Коля опустился на ящик, наполовину занесенный снегом. Повсюду вокруг огромной скалы; лежали обломки поднебесного корабля. Путешествие обернулось полной катастрофой. Надо было послушать цапотца в алом плаще. Если бы он остался в Вану, чтобы собирать птичий помет, сейчас ему было бы гораздо лучше.

Сейчас, когда рядом не было никого, он позволил себе застонать. Боль в руке была хуже той боли, которую ему довелось пережить тогда, в джунглях, когда демоница отрубила ему конечность. Он расстегнул кожаные ремешки, поддерживавшие искусственную руку, и снял ее. Это принесло некоторое облегчение.

Сняв надетый на обрубок шерстяной носок, воин резко втянул носом воздух: красная паутинка шрамов изменилась! Теперь из обрубка торчал нарост шириной в два пальца. Он недоверчиво ощупал его: что-то твердое скрывалось под новой выросшей родовой плотью. Прикосновение было настолько болезненным, что на глаза

выступили слезы. Ощущение было такое, словно бы под кожей было две новые кости. Толщиной примерно со свиное ребрышко.

Превозмогал боль, он снова ощупал нарост. При этом ему вспомнились слова Лоцмана. Странный комплимент, который тот произнес, когда они выходили из укрытия. Что сказал Набор? Что он выглядит посвежевшим? Коля ощупал лицо, постоянно чесавшееся на протяжении последних дней. Кажется ему или же кожа действительно стала более гладкой? А это что такое? Он провел ладонью по шрамам — тому, что осталось от его бровей. Щетина! Его золотисто-русые брови перестали существовать более десятилетия тому назад. На испещренном шрамами лице совершенно перестали расти волосы. Такова была цена за победы на аренах Лувии. Перед дракой кулачные бойцы обматывали руки полосками кожи, которые были усеяны железными кольцами и бляшками. На лице, там, где кожа на костях была тоньше всего, они оставляли ужасные шрамы. И желание продолжать побеждать постепенно превращало его в покрытое шрамами чудовище. Под конец с ним соглашались спать одни только шлюхи, которым он платил по-княжески — настолько страшно он выглядел.

Коля сунул руки под шерстяную шапку. Ощупал маленькие мясистые комочки, в которые превратились его изуродованные уши. Они тоже изменились на ощупь. Может быть, Нангог одаривает его за то, что он продолжает миссию и занял место Барнабы?

Друсниец поглядел на странный нарост, появившийся на руке. Может быть, она может помочь отрастить даже потерянные конечности? Кто, если не она, может совершить подобное чудо? В конце концов, она создала и всех тех кошмарных существ, наполовину людей, наполовину животных. Он ее избранник! У нее на него великие планы!

Воин осторожно натянул шерстяной носок обратно на культю. Пока что эту тайну нужно оставить при себе. Им еще предстоят тяжелые дни. Чудо поднимет мораль воинов, когда наступит час величайшего отчаяния. А он был близок, если вся надежда только на то, чтобы построить корабль, способный скользить по льду.

Всего лишь соломинка

Коля снова не мог уснуть. Бесконечный зуд сводил его с ума. Как и несколько ночей до того, он в конце концов сменил стража у входа, чтобы сторожить огонь в жаровне. Тот с радостью забрался под одеяло и мгновенно уснул.

Ветер выл в порванном такелаже поднебесного корабля. Ночь была ясной. Обе луны низко висели над ледяной равниной, и было светло почти как днем. Коля весь день помогал перетаскивать доски и инструменты для будущего парусника. Большую часть времени они потратили на бесплодные споры. Никто не представлял себе, как должен выглядеть ледяной парусник. Под конец он предложил сделать его в виде больших саней — платформу с полозьями. В санях он хоть немного, да разбирался. Он еще хорошо помнил, как приходилось ходить с другими мальчишками и мужчинами из деревни в лес рубить дрова, если зима затягивалась дольше обычного. Распиленные стволы они затем складывали на сани. Но сани с парусом... Коля не был уже так уверен в том, что план Набора действительно хорош.

Он раздраженно почесал обрубок, оставшийся от его левого уха. Чертов зуд! Не может быть, чтобы это было чудо великой богини. Почему она так мучает его? Его изуродованная рука уже причиняла меньше боли. Он буквально чувствовал, как кость двигалась через новое нарастающее мясо.

Что, если это чудо совсем иного происхождения? Еще раньше, днем, он вспоминал свой бой в пропасти, когда один из зеленых кристаллов вонзился ему в спину. Коля задрал шерстяной жилет и плотную шерстяную тунику и ощупал спину. В том месте не осталось даже корочки. Рана могла убить его, вместо этого она заросла за очень короткое время. Это тоже было чудо. И кристалл, который должен был остаться в его теле, бесследно исчез.

Друсниец наклонился и ощупал спину, как делал уже дюжины раз на протяжении последних дней. Это все пустое! Значит причина этих перемен именно лед? Барнаба никогда не говорил, зачем нужны эти кристаллы с другого конца света. Наверняка они обладали волшебной силой. Но какого рода?

Они собрали сотни зеленых кристаллов, сложили их во все

возможные бочонки, ящички и кувшинчики. Все наполнили льдом, чтобы кристаллы не разбились при транспортировке. Если до транспортировки вообще дойдет дело. Сани с парусом... Коля сплюнул через пламя огня, прямо за полог палатки. Ничего подобного никогда прежде не бывало! А он родом из холодной страны. В отличие от остальных членов их пестрой команды, которые никогда не видели снега.

Полагаться на этих людей просто глупо.

Коля разбудил одного из членов команды, чтобы тот сменил его на посту, и, пригнувшись, вышел из низкого убежища, на улицу. Ветер гнал перед собою кристаллики льда, которые словно иглы кололи ему лицо. Ничто не указывало на то, что духи вернулись.

Лунный свет был настолько ярок, что ему не нужен был фонарь, чтобы найти с подветренной стороны десантных корзин то, что он искал. Лучше Набору и остальным не видеть, что он делает. Будучи членами экипажа поднебесного корабля, они вряд ли отнесутся к этому нормально. Он же был намерен уцепиться за соломинку, но, возможно, боги в конце концов все же будут на их стороне.

Он взял пять особенно крупных кристаллов льда мечты из их запасов, обмотал их тряпками и осторожно сложил в кожаную сумку, которую нес на плече. А затем направился к *Ветру, дующему от наливающегося дождем горизонта*.

Собиратель облаков и обломки судна, свисавшего с него, превратились в одну причудливую и страшную ледяную скульптуру. В первые дни после кораблекрушения снег, собиравшийся на спине поднебесного гиганта, еще таял благодаря теплу его тела. Поэтому льдом покрылись только щупальца и канаты, свисавшие с надутого тела собирателя облаков. Разбитый корпус и корабельное древо тоже были укутаны ледяным панцирем. С обломков и с умирающего собирателя облаков свисало множество сосулек Ветер немного стих, когда Коля забрался на то, что остались от гордого корабля. Чтобы вскарабкаться наверх, он воспользовался топором с шипом, какими воевали степняки. В серебристом свете обеих лун разрушенный корабль напоминал стеклянный дворец.

Друсниец осторожно пробирался вперед, стараясь обходить проломленные палубы остова, висевшие как раз над самым кратером. Если поскользнуться здесь, он просто рухнет в бездонную пропасть,

и последнее, что он увидит в своей жизни, будет живая богиня Нангог, дремлющая внутри этого мира.

Коля нашел обледеневшую веревочную лестницу, которая когда-то представляла собой часть вантов, осторожно поставил на нее ногу. Лед затрещал, но крепкие пеньковые веревки выдержали. Путь наверх обрамляли замерзшие канаты и отмершие щупальца. Над головой звенели сосульки. Воин чувствовал, как такелаж, из-за льда превратившийся в одну сплошную массу, начал раскачиваться под его движениями. И первые сосульки уже полетели вши.

Коля замер. Время есть. До рассвета еще много часов. Вынул из-за пояса нож, торчавший там рядом с шипастым топором. Примерно на расстоянии вытянутой руки он увидел белые присоски крупного щупальца. Интересно, откуда у Барнабы был этот кинжал? Никогда прежде Коле не доводилось видеть клинка, который с такой легкостью резал бы все, что угодна

— Интересно, какие истории ты рассказал бы, если бы умел говорить? — негромко пробормотал он, а затем вонзил сталь глубоко в щупальце. Клинок со скрежетом вошел а замерзшую плоть. Сделав несколько решительных надрезов и сделав щель чуть шире, он убрал нож обратно в висевшие на попсе ножны, снах с руки варежку и протянул ее к зияющему в плоти отверстию. Его вальцы коснулись раны. Щупальце было насквозь промерзшим. В нем больше не было жизни. А воину нужно было что-то живое, чтобы посадить там кристалл льда мечты.

Тяжело вздохнув, он поглядел наверх. На канатах по-прежнему покачивались сосульки. Некоторые из них были длиною в руку. Если они оторвутся, то ударит его с силой метательного снаряда.

Взгляд вниз показал ему, что он уже поднялся над палубой на высоту десяти шагов. Насколько нужно подняться, пока не удастся найти щупальце, в котором есть жизнь? Стараясь не шевелиться, он стоял на веревочной лестнице и наблюдал за раскачивающимися снастями и сосульками, на которых ветер наигрывал ему похоронный марш. Холод пронизывал одежду, вгрызался в плоть, до самых костей. Он снова поднял голову, окинул взглядом комок канатов, сломанных мачт, щупалец и порванной парусины.

— Где же в тебе есть жизнь? — умоляющим тоном спросил он. — Я не хочу ранить тебя, я хочу тебя спасти. Дай мне знак, *Ветер,*

дующий от наливающегося дождем горизонта!

Слева, примерно в трех шагах над ним висела сломанная мачта. Вокруг сверкающего ото льда куска дерева обвивалось два массивных щупальца. А со всей этой конструкции свисал похожий на бороду великана клочок порванного паруса.

«Там, — подумал Коля. — Если я не найду жизнь там, то придется взбираться на самый верх, к истощенному телу собирателя облаков».

Он поднялся еще немного выше, и на каждом шагу его сопровождал звон сосулек. Затем протянул руку, но, как ни старался, до конца мачты оставалось еще несколько дюймов. Лестница находилась слишком далеко. С негромким звоном от ледяной паутины, опутавшей мертвый корабль, отделились несколько сосулек. Пролетая, они задевали лед на канатах и разбивались о палубу под друснийцем. Коля прыгнул, на один ужасный миг завис в воздухе, а затем ударился об сломанный конец мачты, вцепившись одной рукой в клубок смерзшихся канатов. От толчка мачта начала раскачиваться, словно таран, призванный сокрушить ворота вражеского города. Коля обнял потрескавшееся дерево обеими руками и пытался ухватиться ногами. Над головой отрывалось все больше и больше сосулек. Некоторые падали ему на спину. Пока что ему везло, они были небольшими. Он повернулся н спрятался под мачтой. Переждал, пока не прекратится раскачивание. Через некоторое время стих и град из сосулек.

Воин осторожно перевернулся и снова оказался сверху мачты. Медленно, дюйм за дюймом, он пополз навстречу двум крупным щупальцам, обвившим мачту посредине. Они тоже были покрыты инеем и казались мертвыми, как и все, что ухитрилось запутаться в этой сети из льда и пеньковых веревок.

Коля снова вынул из-за пояса нож и порезал ближайшее щупальце. Наконец-то полилась кровь! Глубоко под коркой льда еще оставалась жизнь. Увеличив надрез, он достал из сумки несколько кристаллов, осторожно размотал тряпки. Лед мечты был толщиной с два его пальца и длиннее ладони. Лунный свет преломлялся в гранях зеленого кристалла. Оставалось надеяться, что он не ошибается! Поднес кристалл к губам, поцеловал его. А затем вонзил глубоко в зияющую рану.

Щупальце дернулось. Зазвенев, растрескалась ледяная корка, когда оно стало разматываться. Ничем не уравновешиваемая мачта перекосилась. Коля попытался ухватиться за канат, но пальцы его соскользнули и гигант рухнул в переплетения замерзшего такелажа, отчаянно пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться. Соскальзывая все ниже, он провалился вниз, канаты затормозили падение, снова не сумел зацепиться и упал еще ниже.

А вокруг него раненое щупальце колотило по такелажу, разрывая толстые канаты, словно нитки, вызывая новый град сосулек. Коля закрыл искалеченной рукой глаза, когда в него угодила дюжина сосулек. Затем ударился спиной о стоявшую под углом главную палубу. Вскрикнув от боли, он поскользнулся и поехал по палубе навстречу пропасти. В отчаянии выхватил торчавшую за поясом секиру с шипом, чтобы вонзить острие. Коля размахнулся, но удар его пришелся в воздух. Скольжение закончилось слишком быстро, не успев затормозить, воин вылетел за край сломанной палубы прямо в пустоту.

Лишь тень

Коля выпустил секиру с шипом, от которой не было никакого толку. И надежды отвертеться от смерти тоже не было. Сколько же боев он пережил. Ему повезло в жизни больше, чем дозволено богами обычному человеку. И вот теперь его счастье израсходовалось. Раскинув руки, он рассмеялся. Интересно, не врежется ли он прямо в грудь Нангог? В принципе, неплохой конец — разбиться о титьку размером с гору. Хотя он предпочел бы погибнуть в постели Шелковой. Но та теперь наверняка спит с Тарконом, в...

Резкий рывок оборвал падение, все тело пронзила жгучая боль. Ему показалось, что правую ногу вообще оторвало. А затем он снова полетел, только на этот раз наверх, к краю кратера.

Отчаянно размахивая руками, он ухитрился поглядеть вверх Его лодыжку обхватило тонкое щупальце. *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* был жив! И собиратель облаков осознает происходящее. Он поднял Колю из пропасти и мягко уложил в сугроб рядом с краем кратера. Друсниец чувствовал мысли собирателя облаков. Это не было похоже на голос внутри, просто осознание. *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* понял, что Коля не хотел нарочно поранить его, а просто стремился помочь, и был за это благодарен. По крайней мере, так показалось Коле. Без слов все было довольно расплывчатым.

— Я тоже могу говорить с тобой, хотя твой язык недостаточно глубок, чтобы по-настоящему выразить то, что я думаю и чувствую.

— Э-э, что? — Коля потер ноющую ногу. Вот эти разговоры для него слишком возвышенны.

. — Представь себе, что мы оба сидим в пещере и ты смотришь на гладкую стену перед собой. Я сижу за твоей спиной. А за мной горит костер. Пламя отбрасывает обе наши тени на стену пещеры. Я тебе незнаком. Я вошел в пещеру после тебя, и некое заклинание мешает тебе обернуться. Все, что ты знаешь обо мне, — это лишь тень. Так же и твой язык для меня. От того, что я хочу сказать, остается лишь тень, когда я облекаю это в понятные тебе слова. А разделенные чувства гораздо естественнее.

— Лучше так, — решил Коля. — Чувства не настолько осязаемы, как слова, — он почувствовал, что его ответ расстроил *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта*. — Мы умрем?

— Да, такова наша судьба. Именно смерть придает такую ценность нашей жизни. Однако я не знаю, умрем ли мы здесь. Смерть очень близко. Равно как и Великая богиня. Но я не чувствую ее. Она не в моих мыслях. Мне кажется, что она не участвует в нашей судьбе. Возможно, она даже не знает, что мы здесь и крадем ее замерзшие мечты.

— Но сможем ли мы убраться отсюда?

— Не знаю. Мне не дано видеть будущее.

Коля поглядел на огромное истерзанное тело собирателя облаков, висевшее на скале. Тяжело было представить себе, что настолько массивное существо может быть так же беспомощно, как и он сам.

— Что делает с нами лед мечты? — наконец спросил друсниец после долгого молчания.

— Думаю, он исполняет самые сокровенные наши желания. Я чувствую, что начал меняться. Чувство не из приятных. Но оно знакомо тебе.

— Но это же хорошо. Я буду рад, если у меня действительно вырастет новая рука.

— Я не так уверен, что это хорошо.

— Тебе легко говорить, — в ярости прошипел Коля. — У тебя сотни рук. Ты не представляешь себе, каково это — когда их у тебя всего две, а одну укоротили.

— Тут ты действительно прав. Но подумай, Коля, каковы наши самые сокровенные желания. Разве не те, что рождены потому, что мы точно знаем, что они не исполнятся никогда? Не повредит ли в конечном итоге всем, если эти желания исполнятся?

— Это для меня слишком сложно, — постепенно Коля начинал жалеть, что собиратель облаков разговорился. С этой всей чепухой, что он несет, каши не сваришь. И это вселяло в него неуверенность. Такое огромное существо, у которого будто бы не один мозг, целых семь, не может быть глупым. Что, в свою очередь, означало, что сам

Коля слишком глуп, чтобы понять. И эта мысль ему совершенно не понравилась! — Какой вред от того, что у меня не будет шрамов и у меня вырастет новая рука?

— Ты опасный воин с одной рукой? С двумя руками тебе будет еще легче убивать других.

Коля фыркнул. Отвечать по-настоящему на эти бредни не хотелось.

— Верно. Это очень поверхностная мысль. Ты хочешь снова стать молодым. Тем мужчиной, у которого подкашивались ноги, когда много лет назад он впервые вышел на арену.

— Ничего у меня не подкашивалось!

— Коля, я же читаю твои мысли. Я вижу все твои воспоминания. Ты был красивым мужчиной. Легко кружил головы женщинам, и от души пользовался этим даром, не задумываясь о том, чтобы по-настоящему подарить кому-то из них свое сердце.

— Зачем я должен был привязываться к одной, если мог получить всех? Эго же глупо.

— Да, а ты не глуп. Несмотря на то что ты был очень молод, тебе быстро удалось осознать, что большинство женщин интересует лишь одна ночь с блестящим героем арены. Они хотели почувствовать твою силу и твою страсть. Им было все равно, кто ты на самом деле. Ты оставил сердце себе, потому что ни одна из них его не заслуживала.

— Сентиментальные бредни, — фыркнул Коля. Все эти разговоры были ему неприятны. Он был твердо уверен в том, что умеет хорошо скрывать свои чувства. Да и чувств тех, к счастью, было немного. От переживаний одна только головная боль, и сон пропадает. А тут приходит надутая небесная сосиска с щупальцами и рассказывает ему, кто он такой. Оно ему надо?

— Судя по тому, какой ты сейчас, между твоим внутренним миром и внешностью никакого несоответствия нет.

Коля сглотнул. Это было понятно и недвусмысленно.

— То есть ты считаешь, что я монстр, и соответственно выгляжу. Все так и есть... Маленькие дети пугаются моего вида. Да и большинство взрослых тоже.

— Твое тело и душа покрыты шрамами. Мужчина, которым ты был когда-то, красивый и сильный юноша, у которого подкашивались ноги, когда он выходил на арену, давно уже перестал существовать.

— Еще бы! — возмутился он. — Ты хоть представляешь себе, каково это, когда тебя бьют по морде кожаными ремнями с железными заклепками, а публика вопит от восторга, когда ты кричишь от боли и харкаешь кровью...

— Нет, — в голосе, звучавшем в мыслях Коли, не было пренебрежения, он был совершенно искренним и полным сочувствия. *— Ты можешь нравиться или не нравиться, но в своем роде ты искренен. Никого не обманываешь. Живешь в мире насилия и справляешься с этим наилучшим образом, потому что не боишься добиваться своих целей силой. Ты не испытываешь угрызений совести, но ты не жесток. Ты не испытываешь удовольствия от того, что применяешь силу. Ты никого не мучаешь, чтобы насладиться ощущением власти над ним. Впрочем, ты готов предавать своих лучших друзей, вроде того же Володи, если тебе это кажется выгодным. Если ты снова станешь красивым юношей, люди, которые не знают тебя, будут относиться к тебе с доверием и с приязнью, вместо того чтобы быть настороже с первого же мгновения. Они ведь не догадываются, что у тебя вся душа в шрамах. Не пойми меня превратно, Коля. Я тебя не осуждаю. Мне не пристало это. И я даже знаю, что тебе было неприятно отдавать Володи цапотцам. Ты просто поставил нужды Оловянных выше нужд своего друга. В принципе, это благородный мотив.*

— Я ведь могу измениться, — упрямо заявил друсниец. Никто и никогда не говорил с ним настолько откровенно и не видел его насквозь. Даже Володи. — Если я снова стану красивым молодым мужчиной, возможно, я снова стану таким же приветливым, как был когда-то. Это ведь может оказать на меня положительное влияние — если не все встречающиеся мне люди будут кривиться от страха и отвращения.

— Ты изменишься, это наверняка. Мы все меняемся. Каждый день. Есть лишь небольшое заблуждение. Возврата к прошлому нет. Дереву не стать снова ростком, как бы ему того ни хотелось. Волк, попробовавший крови, никогда не станет игривым щенком, пьющим молоко матери. Прислушайся к себе. Ты знаешь, что все так и есть.

Милого парня из тебя выбили на тех же аренах. Его просто больше нет. То, что осталось, это мужчина, способный вставать снова и снова, сколько бы ударов ни получил. Лишь на последнем вздохе ты сможешь признать свое поражение.

— Я хоть не плаксивая размазня, — Коля почувствовал, как развеселили его слова собирателя облаков.

—• Размазня... Иногда ваш язык все же поражает, — внезапно собиратель облаков словно бы встревожился. Некоторые щупальца, державшиеся сверху за остов судна, дернулись, вызвав новый град сосулек. — Он действует, лед мечты-то. Я чувствую это. Удиви меня, Коля. Покажи мне, что люди могут то, на что не способны мы — изменить свой характер! Пусть шрамы на твоей душе заживут тоже.

Коля считал весьма маловероятным, что он превратится в милого парня, если станет выглядеть, как раньше.

— А о чем мечтаешь ты?

– О том, о чем мечтают все собиратели облаков. О полете.

— Но ведь ты и так умеешь летать...

Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, отпустил щупальце, которое все это время держало лодыжку Коли, и притянул его к себе. Связь между ними оборвалась. Последнее, что с болезненной интенсивностью почувствовал Коля, был страх собирателя облаков. Страх перед полетом!

Он поглядел на огромное, истерзанное существо. Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, видел его насквозь, но вот для него самого собиратель облаков так и остался загадкой.

Алая мечта

— А ты, наверное, никогда не сдаешься? — Страж, стоявший у дверей пещерного дворца Амаласвинты, широко расставил ноги и преградил ему путь. — Может быть, ты теперь и хранитель Золотой Секиры, и новый любимчик Эйкина, Старца в Глубине, но в любимчиках моей госпожи ты не ходишь, — и воин нагло улыбнулся ему. — Что ж, нельзя получить все и сразу.

— Мог ли я хотя бы передать этот подарок? — Хорнбори поднял украшенный филигранными латунными бляшками ларец из мореного дерева, внутри которого лежало то, что должно было, как он надеялся, растопить сердце Амаласвинты. Не стоит ей так заноситься. В конце концов, Галару, Гламиру и Ниру удалось бежать благодаря предательству Байлина, то есть он их так и не обезглавил. Кроме того, он ведь ясно сказал очаровательной карлице, что ему это решение далось нелегко.

— Что в нем? — с любопытством поинтересовался стражник.

— Вряд ли тебя это касается...

— Разочарованные любовники творят иногда странные вещи.

Дерзкая усмешка стража ужасно разозлила Хорнбори. Как только он снова вернет себе расположение Амаласвинты, он позаботится о том, чтобы она уволила этого негодяя. Или лучше… Благодаря своей новой должности, он может отправить его к воинам, которые должны идти сражаться в Нангог во имя альвов и небесных змеев.

— В этом ларце может быть ядовитая змея, — с нарочитой серьезностью упирался стражник.

— Или скорпион. Или гурусийский карликовый волк, вой которого превратит в камень любого. Подержи ларец, а я закрою уши, — и с этими словами он вложил ларчик в руки стражнику.

Улыбку стражника словно рукой сняло.

— Гурусийский карликовый волк? Никогда не слышал...

– Ну, тогда можешь не переживать. — Хорнбори наполовину заткнул пальцем уши. — Тогда выполняй свой долг и открывай

ларец.

— Ты шутишь...

- Я — хранитель Золотой Секиры, один из высочайших сановников Железных чертогов. Неужели такие люди способны шутить? — с важным видом поинтересовался Хорнбори.

На лбу у стражника выступили капельки пота. Он осторожно поставил ларец на пол перед собой. А затем обнажил кинжал.

—Ты собираешься заколоть мой подарок?

— Вот засранец, — проворчал стражник, открыл латунный замочек и осторожно просунул лезвие кинжала в образовавшуюся щель. Замер на несколько ударов сердца, а затем поднял крышку. — Янтарин? — В голосе его слышалось не столько удивление, сколько облегчение.

— Не просто какой-то янтарин, — Хорнбори засунул ладони под мышки. Он потратил на этот прозрачный, светящийся изнутри камень целое состояние. Обычно они светились теплым янтарным светом, но этот сиял матово-красным, что встречалось очень редко. Он смог позволить себе подобный подарок только потому, что за последние две недели благодаря новому посту ему удалось протолкнуть в совете Железных чертогов закон, который позволял ему, последнему выжившему карлику из Глубокого города, получить ценности уничтоженных кланов. Теперь ему принадлежали четыре небольших дворца с персоналом и несколько туго набитых складов. Его новый пост теперь подкреплялся реальной властью. И это было только начало.

— Думаю, Амаласвинта немного рассердится, если узнает, что этот подарок так и не попал к ней. Он равен по стоимости примерно трем хорошо оснащенным угрям, — Хорнбори встал на колени и захлопнул крышку небольшого ларца. — В общем, я пошел.

—Да ладно! — прошипел стражник. — Ламга! — позвал он кого-то из туннеля. — Иди сюда!

Прошло некоторое время, прежде чем показалась служанка во всех отношениях представлявшая собой полную противоположность Амаласвинте. Ее сбившиеся в космы светло-русые волосы обрамляли неухоженное грубое лицо с обвисшими щеками, а платье, судя по виду, было скроено из мешковины.

Привратник вложил ей в руки ларчик.

— Отнеси это госпоже и скажи ей, что он от почтенного советника Хорнбори, хранителя Золотой Секиры.

Служанка бросила на Хорнбори быстрый взгляд мутных синих глаз, затем взяла подарок и исчезла в туннеле.

— Есть новости о великом войске? — Теперь стражник разговаривал гораздо более приветливым тоном.

— Одни слухи, — ответил ему Хорнбори. — Говорят, будто князья Аркадии выставили войско из тысячи серповых колесниц.

— А что, в Аркадии есть такое количество эльфов?

Хорнбори покачал головой.

— Не думаю, эльфы наверняка решат спрятаться и отсидеться где-нибудь. А сражаться предоставят карликам. Они только и умеют, что красиво одеваться да болтать. Если же приходится туго, тут нужны ребята вроде нас.

Стражник одобрительно замычал.

— Точно. Без драконов эльфы вообще ни на что не годятся.

Они поболтали еще какое-то время о преимуществах секир и арбалетов перед мечами и длинными луками, пока не вернулась Ламга.

— Госпожа желает принять вас, — она смущенно закашлялась. — В своей спальне. Прошу, следуйте за мной.

Хорнбори едва не подскочил от радости. Благосклонность Амаласвинты — именно этого ему и не хватало. Альвы любят его! Он всегда знал, что предназначен для большего. Сколько всего довелось пережить с момента гибели Глубокого города. Судьба забросила его в помойную яму, но в конце концов его звезда снова начала свое восхождение по небосклону.

Он быстрым шагом последовал за Ламгой в длинный туннель, ведущий к сети пещер, разветвляющейся далеко за пределы горы дворца. У Амаласвинты поистине есть вкус к жизни! Он побывал уже в двух разных спальнях и в роскошной ванной. Нужно ему тоже завести себе больше одной спальни. Он только начал обустраиваться в самом большом из бесхозных дворцов, которые теперь

принадлежали ему. Может быть, Амаласвинта ему поможет?

Ламга остановилась у входа, завешенного тяжелым занавесом из темно-красного бархата.

— Сюда, господин, — она пригласила его войти, но сама через порог даже не переступила.

«Вот чопорная дура», — подумал Хорнбори, отодвинул в сторону тяжелый полог, и его со всех сторон окружил аромат сандалового дерева. Этот покой был ему незнаком. Все стены были задрапированы красным бархатом. Большую часть пещеры занимала массивная кровать на четырех причудливых столбиках. Подушки и одеяла тоже были из красного бархата. В животе у Хорнбори возникло приятное, теплое чувство.

Амаласвинта сидела перед высоким зеркалом из полированного серебра и расчесывала волосы. Она сидела, повернувшись к нему спиной, но в зеркало могла видеть дверь.

— Исключительный подарок.

Как же сильно он любит ее хриплый, чувственный голос.

— Как я мог принести в качестве утреннего дара нечто меньшее, чем самое изысканное, для самой изысканной дамы?

Та негромко рассмеялась.

— Признаюсь, мне недоставало твоей льстивости. Ни один другой карлик не умеет так красиво говорить, как ты, — она провела костяным гребнем по своим длинным черным волосам. Стул, на котором она сидела, казалось, тоже был сделан из покрытых глиной костей. Карлица небрежно перебросила ногу через подлокотник, и ее длинное черное платье распахнулось.

— Иди же сюда, — она наконец-то обернулась к нему и поглядела не только через зеркало. Возвращение в Железные чертоги пошло ей на пользу. Лицо ее снова стало полнее, из-под глаз исчезли черные круги.

— Не решаешься? — Она игриво поманила его. — Новая должность сделала тебя робким? В прошлый раз ты буквально набросился на меня, — она протянула в его сторону левую ногу.

Хорнбори бросило в жар под камзолом. Он сделал несколько шагов вперед и опустился на колено, с жадностью запустив руку ей

под платье, провел ладонью по бедру, пока не нашел край шерстяного чулка. Осторожно стянул его, одновременно лаская внутреннюю сторону ее бедра.

Амаласвинта убрала ногу с подлокотника, и ее платье соскользнуло ему на голову. Став пленником теплой темноты, он начал целовать ее нежную кожу, наслаждаясь запахом, исходящим от ее лона. Некоторое время он плавал на волнах ее очарования, пока Амаласвинта не подняла платье снова.

— Пойдем в постель, — произнесла она своим неповторимым непристойным голосом, по которому он буквально сходил с ума. Она расстегнула на нем камзол, стянула его, отшвырнула в сторону, а он тем временем сражался с маленькими пуговичками на ее платье. Наконец-то удалось обнажить ее грудь. Он повалил Амаласвинту на постель и снова стал покрывать поцелуями, пока она умело расстегивала пояс его штанов.

Как же сильно он тосковал по ней! По ее теплому телу, ее страсти, ее... Кто-то бесшумно отодвинул занавеску у входа, послышался страшный яростный вопль, отражаясь от покрытых бархатной драпировкой стен.

Оглушенный страстью, Хорнбори медленно обернулся и тут же словно протрезвел. У входа стоял Эйкин, Старец в Глубине, князь Железных чертогов. Лицо его покраснело от гнева, в руках он сжимал секиру, но один из стоявших за его спиной воинов уже хватал его за руки.

— Ах ты, гадюка, — закричал князь карликов.

Хорнбори поднял руки, пытаясь успокоить вошедшего. Он чуть было не сказал: «Это не то, что ты думаешь», но затем осознал, что вряд ли эту ситуацию можно истолковать как-то иначе.

— Я был не в себе, — пробормотал он вместо этого. — Я не мог устоять перед ней, она...

— Он набросился на меня, мой князь! — решительно перебила его Амаласвинта. — Хорошо, что вы пришли, мой князь!

— Но... — начал Хорнбори.

— Молчи, — гневно оборвал его оправдания князь, и с губ его сорвались мелкие капельки слюны. — Вперед, ребята! Схватить предателя! Ах ты, мешок с дерьмом! Я принял тебя, как родного

сына, а ты подставил меня, жалкий ты сукин сын. Уберите его с глаз моих долой, заприте где-нибудь! И поклянитесь честью, что никто не узнает о том, что вы здесь видели.

Стражники вытащили Хорнбори из постели.

— Я все могу объяснить! Все не так, как ты думаешь! — Эта чепуха все же сорвалась с его губ. Эйкин подошел к нему и нанес удар кулаком в живот.

— Я слишком долго слушал твою болтовню! — Он обернулся к стражникам, державшим Хорнбори. — Вы не станете ни бить его, ни отрезать его чертов хрен, которым он так любит размахивать там, где надо и не надо. Просто заприте его. В должное время я сам вынесу приговор этому засранцу, — и словно чтобы придать своим словам больший вес, он снова ударил Хорнбори в живот. Для своего возраста он был поразительно силен.

— Я... — Хорнбори вытащили из комнаты. Сопротивляться стражникам он перестал. Ему было дурно, и карлик опасался, что его вот-вот стошнит.

О бремени княжеского достоинства

Амаласвинта убрала со своей груди волосатую руку Старца в Глубине. Правитель Железных чертогов лежал рядом с ней и храпел, широко открыв рот. Его седая борода была вся в пятнах от табака, желтые зубы торчали изо рта. Даже сейчас, на расстоянии вытянутой руки, она чувствовала запах рыбы, поднимавшийся у него изнутри. При мысли о страстных поцелуях, которыми они обменивались, карлицу затошнило.

После ее возвращения он приходил к ней регулярно, и она притворялась, что он по-прежнему силен и страстен. Нет, он действительно был крепким и выносливым мужчиной, вот если бы он только мылся почаще и не жрал селедку всякий раз перед любовной игрой. Может быть, он думает, что от рыбы у него будет лучше стоять?

Широкую грудь мужчины украшали шрамы. С Хорнбори все было иначе. Он всегда приходил чисто вымытым, втирал в бороду и волосы ароматные масла. Изо рта у него никогда не воняло. Он был страстен и нежен одновременно, никогда не набрасывался на нее, чтобы овладеть побыстрее, ему нравилось изучать ее тело и пытаться понять, как ей будет приятнее всего. Он был тщеславен. Иногда болтал слишком много, но это даже развлекало. Ее потрясло, как он принес в жертву своих товарищей, чтобы достичь определенного положения в этом городе, и она долго размышляла над этим. Лучше бы она этого не делала. В конце концов, карлица пришла к выводу, что, возможно, на его месте поступила бы точно так же.

Эйкин перестал храпеть, зачмокал губами и снова положил руку ей на грудь. Хорнбори буквально уничтожал князя. Благодаря своему шарму и историям об убийстве драконов он за несколько дней подчинил себе весь совет Старца.

Титул хранителя Золотой Секиры Эйкин выдумал специально для Хорнбори. Пустой звук, ничего подобного никогда прежде не существовало. Но Хорнбори сумел им воспользоваться, и на это ушло у него менее двух недель. Он был талантлив. Слишком талантлив. И точно так же рассуждал и Эйкин. Быстро возрастающая популярность Хорнбори тревожила его. И то, как легко ему удалось завладеть имуществом уничтоженных кланов Глубокого города. И то, как его

приняли в круг власть имущих.

Во время последней встречи Эйкин пожаловался ей, что опасается того, что Хорнбори может посягнуть собственно на титул Старца в Глубине.

Князь захрапел особенно громко, а затем затих. Затем вдруг сел и уставился на нее. Подмигнул карлице, захихикал совершенно по-старчески.

— Это мы отлично провернули.

Амаласвинта не поняла, имел ли он в виду их любовные утехи или то, что произошло до того, и предпочла отнести сказанное на счет Хорнбори.

– Что ты собираешься с ним делать?

— Отправлю куда подальше, — улыбнулся себе под нос Эйкин. — Этот ублюдок за очень короткое время добился того, что я уже не могу поступить с ним так, как бы мне того хотелось. Моя власть шатается. То, что сбежал Байлин... И эти трое, которым вообще не место под солнцем... Думаешь, мне было приятно выносить смертный приговор? Таковы обязанности, которые неизбежно принимаешь на себя, когда становишься щитом своего народа. Я защищаю его ото зла. А зло — это Галар и Гламир! Не знаю, была ли ты посвящена в их планы, но Железные чертоги точно так же погибли бы в драконьем пламени, как и Глубокий город — если бы я не остановил их. Я обязан заботиться о своем народе, хоть мой народ и не понимает, что я делаю. Более того, меня ненавидят за то, как я обхожусь с героями.

—• Ничего не понимаю, о чем ты говоришь.

Старый князь пристально поглядел на нее.

— Бывало, ты врала и получше. Готов спорить, что ты спала с ними со всеми. Даже с Галаром — пусть и из любопытства.

— Как ты можешь так думать? — возмутилась женщина.

— Ты же спишь со старым вонючкой. Целуешь меня, хоть я и воняю словно целый бочонок протухшей сельди. Думаешь, я совсем глупец? Ты могла бы спать с любым карликом. Так почему со мной? Уж точно не потому, что я так неповторим в постели. В этом случае ты оставила бы здесь Хорнбори, вместо того чтобы присылать ко мне свою служанку Ламгу. Не пойми меня превратно, я ценю это. Я был

очень рад, когда ты предложила мне именно таким образом поставить шею Хорнбори под топор. К сожалению, я не могу отрубить ему голову, но все в городе поймут меня, если я изгоню его.

— Ты ведь велел своим ребятам молчать, — Амаласвинта встала с постели и направилась к столику, на котором полыхал алый янтарин. Рядом с ним стоял графин со сладким красным вином. Она даже не стала наполнять бокал, выпила прямо из хрустального графина.

— Стражники и прачки — воскликнул Эйкин. — Доверь им тайну, и через два дня об этом будет знать вся гора. И так оно и должно быть. Никто не удивится, если я окажу Хорнбори честь и позволю ему присоединиться к войску альвов. Я подчеркну, что он величайший герой.

— Драконоборец?

Эйкин рассмеялся.

— Нет, выдающийся воин, который заслужил право командовать лучшими войсками. Я ведь не хочу его гибели.

— А если он вернется еще большим героем? Не станет ли он еще опаснее?

Свесив ноги с постели, Эйкин поднялся, подошел к ней, взял из ее рук графин и сделал большой глоток.

— Героем? Я думаю, он герой только на словах. Ты знаешь, что делают настоящие воины с тем, кто вдруг начинает ими командовать? Они делают так, что с ним приключается беда в первом же сражении. Такого командующего воинам стоит бояться больше, чем любого врага.

На миг Амаласвинте стало жаль Хорнбори. Совсем чуть-чуть. Просто один город слишком мал для двух амбициозных карликов. Но он был хорошим любовником. И женщина собиралась молиться альвам, чтобы они даровали ему быструю смерть.

Белая смерть

«Мы шли три или четыре дня, когда началось великое умирание. Брели по ужасной пустыне, где не росло ни деревца, ни куста, а были лишь скалы и лед. Жечь ночью костры стало не из чего. Все больше и больше товарищей просто садились у края дороги и ждали прихода смерти. Однако зачастую жизнь их обрывал не мороз. Те, у кого еще были силы и воля к жизни, обирали их еще при жизни. Крали их еду и одежду, одеяла и плащи, шкуры, которыми они обматывали себе ноги, и шапки, защищавшие их от ледяного ветра. И так, голые, они оказывались брошены на произвол судьбы.

Поначалу грабили только по ночам. Но через несколько дней умирающих стали обкрадывать даже среди бела дня, у всех на глазах. И почти всем было все равно. Почти никто не старался помочь, и тем больше бросались в глаза исключения. Случаи, во время которых проявлялись самоотверженность и героизм. Так, как у людей с Плавучих островов. Холод мучил их сильнее, чем остальных, поскольку на родине у них совсем не было зимы.

Я собственными глазами видел, как собирались воины вокруг бессмертного Кеану всякий раз во время остановок для отдыха и ночевок. Они становились плечом к плечу, образуя большой круг, заключали в центре его бессмертного, согревая друг друга и защищая от северного ветра, приносившего злых духов.

Ибо наихудшим злом были они! Во всякий час, во всякий день они не давали покоя. Их прикосновения приносили смерть. И если им удавалось убить достаточное количество наших, духи становились существами из плоти и крови.

Облаченные в плоть, они становились уязвимы. И я увидел, как бессмертный Ансур, любимец Живого света и правитель моей родины, подошел с мечом к одному из этих чудовищ и убил его.

Никогда не забыть мне этого героизма, благодари которому даже сердца отчаявшихся забились с новой силой.

Но величайшая слава досталась не воинам и даже не мужчинам, а женщине, которую все называли Утешительницей. Она всегда шла с последними из колонны, там, где было опаснее всего. Она заботилась о раненых, больных и уставших. Невзирая на статус и народность.

Все, с кем я говорил, слышали о ней. Ее слава затмила славу всех бессмертных. Она стала для нас святой.

После возвращения я искал ее. Остальные тоже хотели разыскать ее и поблагодарить. Но та, которая сумела спасти столько жизней, наверное, в конце концов, не смогла помочь самой себе. Ее след исчез в последний день отступления. Осталось лишь имя — Утешительница. И я знаю, что до сих пор мужчины на всех континентах вплетают ее имя в молитву, когда приходит время отправляться ко сну и когда во тьме снова оживают ужасы прошлого (...)»

Цитируется по: «Книга ужасов»,

составитель: разные авторы, собрание отчетов выживших воинов льда.

Записана после отступления людей из Вану,

хранится в библиотеке Искендрии,

в зале Затонувших королевств,

шкаф X, полка III, сундук IV, дощечки IX—XII.

Примечание: обнаружено в руинах дворцового архива Акшу.

Утешительница

Краем глаза Шайя видела обе боевые колесницы демонов. Они преследовали отставших уже полдня. Время от времени они подходили ближе, выпускали две-три стрелы и снова отступали. Каждый их выстрел попадал в цель. Их меткость пугала так же сильно, как и тот факт, что ни их лошадям, ни экипажам колесниц холод не причинял абсолютно никакого вреда.

Шайя склонилась над воином с Плавучих островов. Он был высоким и статным мужчиной, который наверняка прожил бы долгую жизнь, если бы не пошел за своим бессмертным в эту ледяную пустыню. Ноги и ступни у него были обмотаны тряпками из порванных одеял, а другое одеяло, в середине которого он вырезал дырку, он натянул себе на голову и подпоясал веревкой на уровне бедер. Под ним у него была лишь тонкая туника: слишком мало, чтобы противостоять настолько сильному холоду.

Дыхание с хрипом вырывалось из легких. У него было воспаление легких и высокая температура. Если бы ему удалось попасть в защищенный лагерь, Шайя наверняка сумела бы спасти его. Но здесь, на морозе... Даже его собственные товарищи просто шли мимо. Они были слишком слабы, чтобы нести его, и поэтому оставили здесь.

Она нежно провела рукой по покрытому татуировкой лицу. Она изображала рыбу с широко распахнутой пастью. По бокам, на висках, были наколоты глаза. Страшная картинка. Но в этом человеке больше ничего страшного не было. Он не был слабаком, но он тоже умрет. Вот только его смерть будет, как и жизнь, долгой битвой. И женщина может сделать, чтобы воин ушел легко.

— Хочешь поспать?

Его покрасневшие воспаленные глаза остановились на ней. На лице не дрогнул ни один мускул. Но во взгляде его читалось согласие.

Она развернула платок, в котором были спрятаны золотые иглы, ее драгоценность. Благодаря Шену И Мяо Шоу она знала, какой силой обладают правильно установленные иглы. Шайя нащупала точку, находившуюся на три пальца ниже его правого уха. Ставить

иголки было легко — воин был побрит налысо.

Женщина принялась негромко напевать колыбельную, которую ей пели в детстве. Не прошло и тридцати ударов сердца, как веки воина закрылись. Он дышал глубоко и ровно, ртом. От этого сна он больше не проснется, больше не почувствует холод.

Однажды. Шайе довелось слышать, что, умирая на морозе, человек видит чудесные сны. «Надеюсь, это правда», — с грустью подумала она. Хоть она и считала себя целительницей, но за минувшие дни гораздо чаще дарила смерть, нежели жизнь.

На нее упала тень. Перед ней стоял воин-ягуар. Черный плащ был единственной уступкой холоду. Шайя надеялась, что он достаточно разумен, чтобы пододеть какие-то тряпки под черные шкуры, которые носил на теле.

— Ты окажешь мне такую же милость, когда настанет мой час?

— Надеюсь, тебе это не потребуется.

На губах его мелькнула горькая улыбка.

— Я тоже на это надеюсь. А теперь пойдем... Ты слишком отстала. Посидишь с ним еще немного — и уже не догонишь обоз.

Мимо них прошмыгнули несколько других воинов-ягуаров, похожие на ожившие тени. Всякий раз, когда Шайя видела одного из них, по спине у нее пробегали мурашки. Было в них что-то такое, что отличало их ото всех остальных людей. И не только одежда...

Шайя тщательно собрала золотые иглы. Украшенный татуировками воин не проснулся, его дыхание все еще было ровным.

— Спи с миром, — негромко произнесла она, убирая иглу обратно в красный шелковый платок, затем скатала его и осторожно уложила обратно в кожаную сумку.

— Как тебя зовут, воин-ягуар?

— Некагуаль.

— Я вплету твое имя в свою колыбельную, когда настанет твой час, Некагуаль, — она покатала непривычное имя на языке. Оно хорошо подходило этому стоявшему перед ней мужчине с суровым лицом.

— А теперь пойдем! — Он произнес это неторопливо, без

грубости, но тем не менее, тон его не терпел возражений. Он был рожден командовать и занимался этим всю свою жизнь. Это наложило определенный отпечаток на его характер, и в его самоуверенности было что-то успокаивающее.

— Ты выглядишь совсем истощенной. У тебя достаточно еды? Шайя покачала головой. Прошел целый день с тех пор, как она съела сухую краюху хлеба. Некагуаль спрятал когти, торчавшие над ладонью, просунул руку в боковое отверстие в шкуре, закрывавшей его грудь, вытащил оттуда полоску сушеного мяса и протянул ей. Оно было еще теплым от его тела. Шайя с благодарностью приняла подарок.

Пронзительный крик заставил целительницу вздрогнуть от неожиданности. Им навстречу бежала Нинве. За спиной у нее развевались ярко-рыжие распущенные волосы. Женщина в панике, постоянно оглядываясь назад, взбежала по склону невысокого холма, странно подпрыгивая на ходу. Шайя уже давно заметила, что подруга идет с трудом. Нинве только отмахивалась и шутила по поводу своих маленьких и нежных ножек.

— Они там! Впереди! — закричала она и пошатнулась. Взмахнув руками, она рухнула в снег и покатилась вниз по холму.

Шайя бросилась к ней.

— Все в порядке?

Нинве отряхнулась, затем стряхнула снег со своей дорогой шубы.

— Духи! Они... они впереди. Мы пропали. Они... — Голос ее прервался, она могла лишь всхлипывать.

Некагуаль махнул рукой и послал одного из своих воинов-ягуаров выше на холм. Мужчина осторожно поднялся на гребень холма, замер на миг и поспешно вернулся к ним, чтобы спокойно доложить командиру.

— С подветренной стороны холма стоят лагерем более сотни уставших. На них напали духи ветра. Они едят... Нужно как можно скорее идти дальше.

Шайя поглядела на испещренную расщелинами во льду местность, раскинувшуюся в стороне от дороги. Вся она была усеяна валунами.

— Не беспокойся, Утешительница. Мы двинемся вдоль гребня холма, не пойдем в ту лощину.

— Но если мы обойдем лощину по гребню, то духи увидят нас

Некагуаль самоуверенно усмехнулся.

— Они как хищники. Пока они жрут, вся остальная потенциальная добыча им безразлична. Только нельзя мешать им есть. Пойдем!

Испытывая нехорошее чувство, Шайя поглядела на холм. Вспомнила, как в юности охотилась на волков. Пирующие волки хотя и стерегли свою добычу, но на самом деле атаковать не спешили, если только их не трогали. Но здесь были не волки.

Нинве снова поднялась на ноги, слегка пошатываясь. Хромота ее была теперь совершенно очевидна. Может быть, она поранилась при падении? На ней были хорошие высокие сапоги с широкой меховой оторочкой у колен.

— Придется оставить ее. Она слишком медлительна. Вместе с ней мы не догоним арьергард до того, как духи наедятся.

— Она моя подруга. Я не брошу ее на произвол судьбы. Если она останется, то я тоже не пойду догонять арьергард, — Шайя обняла Нинве и услышала, как негромко ругается на родном языке Некагуаль.

— Они... —снова начала Нинве. Она дрожала всем телом и тяжело дышала.

— Ш-ш-ш, — Шайя закрыла ей рот ладонью. — Они ничего нам не сделают. Нас защитят воины -ягуары.

— Они меня пугают так же, как и духи, — прошептала толстая шлюха. — Почему этот парень ругается?

— Потому что я не стану с ним спать, — рассмеялась в ответ Шайя.

— Если он отведет нас в безопасное место, ему можно будет переспать со мной бесплатно, — Нинве произнесла это настолько подавленным голосом, словно ни капельки не сомневалась в том, что духи перебьют их всех.

Шайя взяла ее под руку.

— Что ж, тогда сегодня вечером мне придется достать одеяла для вас обоих.

Подруга не ответила ей, лишь грустно вздохнула.

Они вместе стали подниматься по холму, когда к ним присоединился Некагуаль со своими воинами.

— Мы понесем Рыжую, — решительно заявил он. — Но только пока не догоним арьергард.

Двое из его воинов взяли вдвоем копье и подали Нинве знак сесть на древко. Каждый держал оружие одной рукой, другой они поддерживали шлюху, пока та усаживалась. А затем быстро направились к гребню холма.

Нинве взвизгнула от радости, обхватила обоих руками за шеи и смачно чмокнула правого носильщика в нащечник ягуарьего шлема.

— Тихо, женщина! — ругался Некагуаль. — Не нужно привлекать к нам излишнее внимание духов.

Затем он обернулся к Шайе.

— Я делаю это ради тебя, не ради нее. Тебя мы потерять не имеем права. Ты величайшее сокровище для всех тех, у кого не осталось надежды, Утешительница. А теперь пойдем и давай молиться богам, чтобы духи еще не окончили свое пиршество.

Дойдя до гребня холма, они увидели страшную картину. В вытянутой лощине спрятались от ледяного ветра две, а то и три сотни беглецов. На дне лощины был теплый источник, над которым клубился туман. Там растаял снег, и умирающие сгрудились в кучу, словно сельди в бочке. Некоторые даже вошли в теплую воду. И теперь тела их плавали на поверхности лицами вниз.

В воде стояли две или три огромных фигуры, вроде тех, которых Шайя видела у моста. Они достигали почти четырех шагов в высоту и были совершенно наги. Не считая бледно-зеленой кожи, тела их напоминали тела очень стройных людей. И только головы выглядели совершенно иначе. Они были безволосы, вытянуты назад, окружены костяными спиралями, их нельзя было сравнить ни с чем из того, что довелось видеть принцессе-воину за всю свою жизнь. Оба существа своими огромными черными глазами внимательно наблюдали за происходящим на гребне холма.

Шайя словно зачарованная смотрела на зеленый дым, вившийся в тумане над горячим источником. Он вел себя противоестественно, образовывая щупальца, тянувшиеся к берегам и усталым людям. Казалось, словно они что-то высасывают из людей, какой-то вязкий светящийся мед, вытекавший у умирающих через рот и нос, в то время как они стонали самым душераздирающим образом. При этом дым становился все гуще и гуще, пока наконец из него не стали образовываться новые тела, подобные двум первым.

– Не смотри, — дернул женщину Некагуаль. — Твоя душа пострадает, если ты будешь смотреть на происходящее слишком пристально.

— Но ведь мы должны... — Шайя не договорила. Нет, то, что она собиралась потребовать, было чистейшей глупостью. Они ничем не могли помочь тем людям внизу.

Подавленная, понурившись, она шла среди воинов-ягуаров, бесшумно скользивших по гребню холма. Некагуаль прав. Она никогда больше не забудет увиденного. Впрочем, это осознание убедило ее и в том, что она поступает правильно, когда использует свои золотые иглы, чтобы помочь уснуть и не проснуться тем, кого уже нельзя спасти.

Дымящийся котел

Некагуаль сдержал слово и отвел ее и Нинве к арьергарду бегущего войска. Шайю ждали уже многие. Для нее нашлось место у единственного костра, который она нашла. Так же, как и в предыдущие вечера, она сварила отвар из своих трав, который немного помогал тем, кто хрипло дышал. К костру собиралось все больше и больше мужчин. Отвара хватало далеко не всем, и Шайе приходилось делить свои травки. Все равно этого хватит не больше чем на два дня.

Она резким тоном приказала толпившимся мужчинам не толкаться и образовать очередь, пока она черпала половником отвар и разливала его в небольшие миски.

— Она предпочитает мужчин из Арама и Лувии, — крикнул кто-то на языке ишкуцайя, ее родном языке. — Вы только посмотрите, кому она дает свой целебный напиток! Посмотрите внимательно! Вы видите там хоть одного ишкуцайя? Это мы подставляем шеи. Мы прикрываем фланги и получаем наибольшее количество стрел от демонов. И какова плата? Мы можем лишь наблюдать, как помогают другим. Говорю, дайте нам место среди первых!

— Заткнись! — хриплым голосом крикнул массивный друсниец, уже почти дошедший до котла. — Кто опаздывает, тот становится в хвосте очереди.

К выстроившейся у котла очереди бросился невысокий жилистый воин с перекошенным от ярости лицом.

— Скажи мне это в лицо, рыжебородый грязнуля. Я опоздал, потому что сражался с демонами. А ты когда в последний раз поднимал оружие? У тебя вообще есть оружие?

Друсниец откинул плащ, демонстрируя большую секиру с бронзовым наконечником, торчавшую у него за поясом.

– Иди назад, иначе моя Золотая поцелует тебя в лоб.

От череды ожидающих отделилось еще несколько фигур, угрожающе возвышаясь над степняком.

— Укатывай, лошадник! — прошипел друсниец.

Его собеседник резко свистнул, и из темноты появилось еще несколько всадников, поперек седел у которых лежали длинные копья.

Шайя отошла от костра. Она слишком устала, чтобы успокаивать воинов. Подобный спор возникал уже не первый раз. Чем меньше оставалось припасов, тем решительнее действовали те, у кого еще были силы взять все, что нужно для жизни.

Кони степняков были истощены. Комья снега запутались в их сбившихся в патлы гривах. Долго они не продержатся. Здесь, в ледяной пустыне, не было ни единой травинки. Только тот, кто привез с собой в эту заснеженную страну вязанки сена или овес, мог надеяться, что его лошадь выживет.

Друсниец вытащил из-за пояса секиру, и Шайя постаралась отойти подальше от костра.

— Иди сюда, любитель лошадей. Я с удовольствием расколю тебе череп, ты... — Стрела пронзила рыжую бороду воина и угодила ему в грудь. Тот в недоумении посмотрел на нее, дрожащую у него между ребер, на губах выступила кровь.

— Что, язык проглотил? — усмехнулся степняк, вытащил из-за пояса секиру с шипом и спокойным шагом стал приближаться к умирающему воину.

Друсниец рухнул на колени и в отчаянии, из последних сил поднял секиру.

— Ты жалок, — усмехнулся всадник. — Думаешь, что еще можешь сражаться?

Но друсниец даже не думал об этом. Он изо всех сил ударил по котлу, упавшему с костра, и остатки отвара наполовину выплеснулись на огонь, а вторая половина пролилась на истоптанный сапогами воинов снег.

— Ах ты, засранец! — Шипастая секира степняка опустилась, без малейших усилий расколов череп друснийца, который умер с самодовольной улыбкой на губах.

И тут разверзся настоящий хаос. Некоторые воины, стоявшие в очереди, набросились на ишкуцайя, стащили их с лошадей и повалмли на землю, пока остальные укладывали на землю скакунов и принялись разделывать их заживо. Люди начали драться за кусочки

теплой конины, в ход пошли мечи и кинжалы. Ночь пронзали крики умирающих, вопли взбесившихся от ярости воинов.

Некоторые мужчины на четвереньках подползали к маленькому костерку, вливали себе в рот грязь, надеясь получить хоть каплю целительного теплого отвара.

Худощавый воин с седой щетиной на щеках стоял у перевернутого котла, держа в руках неглубокую миску. По щекам текли слезы. Он был бы вторым в очереди, если бы не возник спор, и его вид тронул Шайю больше, чем ссорившиеся воины или же те, кто ползал в грязи, словно собаки. У старика было суровое лицо. Наверняка он нечасто плакал в жизни.

Потрясенная женщина отвернулась. Усталая, она отыскала Нинве, которую прежде не пустили к костру и которая нашла себе место для ночлега где-то в темноте среди остальных замерзающих теней. Шайя чувствовала такую усталость, какой не испытывала никогда в жизни. И дело было не только в физической усталости и голоде. Случившееся у костра разрушило остатки ее веры. Как можно быть настолько глупыми! Все равно трав осталось мало. И вместо того, чтобы разумно воспользоваться этими жалкими крохами, половину отвара просто разлили. Это было отличной иллюстрацией того, что произошло с их войском. Их убивали не только духи и демоны, все они стали жертвами собственного высокомерия, поскольку бессмертные полагали, будто могут повести войска в глушь, снискать быструю победу и затем вернуться обратно в целости и сохранности. То, что происходило здесь, в ледяной пустыне, было подобно ссоре за котел с дымящимся отваром, вот только отзеркаленное тысячу раз.

Она нашла Нинве: та лежала, свернувшись калачиком на снегу. Несмотря на хорошую шубу, она дрожала от холода и не могла уснуть. Шайя дала ей наполовину съеденный кусок сушеного мяса, который дал ей Некагуаль.

— На, поешь,

Нинве с благодарностью улыбнулась подруге. Лицо ее было залито потом. Жаль, что не удалось спасти ни капли отвара для нее.

Последние мысли Шайи были о том вечере с Аароном. Как жаль, что ей нельзя к нему! Его несла лейб-гвардия. Говорили, что он уже поправляется от ран, и женщина молилась, чтобы это было правдой.

Он всегда рисковал слишком сильно и никогда не берег себя. Однажды он исчерпает чашу отведенного ему везения. Пусть боги сделают так, чтобы день этот был далеко. И с этой немой молитвой она провалилась в беспокойный сон, прижимаясь к Нинве.

Мы идем туда, куда не пойдет никто другой

— Дальше! — приказала Бидайн. — Уже почти готово, осталось совсем чуть-чуть.

Минотавр Граумур и его товарищ, еще одно бычьеголовое чудовище, ругаясь, орудовали тяжелыми палками, поддерживавшими крышу из черной ткани.

— Над дверью тоже. И откиньте назад, чтобы закрылся просвет между тканью и стеной. Да, так отлично!

Оба минотавра стояли с двух концов двора у стены, отгораживавшей его от улицы.

— Снаружи на стене есть крючья, а в краях тента пробиты специальные отверстия. Натяните тент потуже, чтобы он не провисал.

Граумур вытер рукой мохнатый лоб.

— И что все это значит? Почему вы прячете наш двор под тентом, госпожа? — Ему было тяжело признавать в ней хозяйку. Он даже не пытался притворяться, и голос его звучал очень неприветливо.

— Я не точу, чтобы с крыш соседних домов было видно, что происходит во дворе.

Старый бычьеголовый скривился.

— Это еще почему? Что здесь прятать-то?

— Если бы я хотела, чтобы об этом говорили, мне не понадобился бы тент.

Грумур угрожающе заворчал.

— Я не болтун!

— Ты пьешь, а тот, кто пьет, тог слишком много болтает.

Глаза его сузились и превратились в щелочки.

— Не знаю, что ты сделала с Шанадином, но меня ты не запугаешь, маленькая хозяйка. Ты...

Бидайн развернулась и нанесла удар ногой в коленную чашечку, сустав хрустнул. Застонав, минотавр рухнул, попытался схватить ее,

но у него ничего не вышло. Второй пинок от драконницы пришелся ему под подбородок, и великан опрокинулся навзничь. Брызги слюны полетели во все стороны от его мясистых губ, пока он падал в пыль. Его товарищ наблюдал за происходящим во все глаза. Всего три удара сердца — и вот уже Граумур лежит на земле

Бидайн подошла к нему и поставила ногу на горло, не надавливая.

— Никогда больше не называй меня «маленькой хозяйкой» в присутствии чужих. Я достаточно ясно выразилась или нужны еще доказательства?

Граумур молчал и лишь смотрел на нее. Во взгляде его не было гнева, только удивление. Судя по всему, он не мог понять, каким образом хрупкая эльфийка, вес которой составлял едва ли одну пятую от его собственного, сумела отправить его на землю в мгновение ока.

— Ты застала меня врасплох, — наконец удрученно признался он.

Эльфийка кивнула.

— Скорее всего я просто удачно выбрала момент, — она убрала ногу с его горла и отошла в сторону. — Если вы с приятелем будете так любезны и закрепите тент за стеной, я буду вам очень благодарна.

Второй минотавр, не говоря ни слова, пригнулся и вышел из ворот. Граумур поднялся.

— Тебе повезло, — мрачно пробормотал он, потирая подбородок.

— Мне всегда везет.

Кажется, минотавр понял это и встревожился. Он молча вышел вслед за товарищем и уже из переулка бросил на нее долгий взгляд, а затем закрыл дверь.

Бидайн услышала, как эти двое крепко натягивают тент с другой стороны стены и шушукаются. Драконница шепотом произнесла слово силы и теперь ничто из сказанного не могло ускользнуть от нее. Приятель Граумура был потрясен еще больше старого вояки.

Они пойдут выпить и будут разговаривать о случившемся. Несмотря на то что Граумура совсем не радовал факт огласки того, что с ним случилось, эта история скоро разойдется по городу и

дойдет до ушей князя Секандера, который, судя по всему, коллекционирует слухи о ней. Эльфийка самоуверенно улыбнулась. Что ей до того, что какое-то существо ломает голову над тем, что она делает. Она может стать для него гораздо опаснее, чем он для нее, и если он достаточно умен, то вскоре поймет это.

Бидайн вышла на середину двора, и села на теплый песок. Скоро они придут. Она велела прийти всем сегодня утром. Долго размышляла, где им собираться. Целыми днями бродила по окрестностям Уттики, искала подходящее место. Не слишком далеко от города и в то же время уединенное, чтобы туда не забрел случайный прохожий и не увидел то, что не предназначено для простых детей альвов.

В конце концов решила воспользоваться двором особняка Она приказала переделать двери и ставни таким образом, чтобы их можно было закрыть со двора и невозможно открыть изнутри. Не оставалось ни единой щелочки, через которую за ней можно было бы наблюдать. Тент из просмоленной парусины стал венцом ее трудов. Эльфийка понимала, сколько разговоров будет ходить вокруг их дома, но даже самые безумные истории и близко не будут похожи на правду.

Шепот за стеной двора умолк. Бидайн услышала, как удалились тяжелые шаги минотавров. Они говорили о трактире в порту. То есть именно оттуда пойдут безумные истории. Эльфийка усмехнулась. Она сама уже размышляла о том, каким образом можно запустить слухи, лучше владеть сплетнями, чем быть их невольным заложником.

Дверь, ведущая из переулка во двор, открылась, и во двор вошла фигура в широкополой соломенной шляпе, с которой почти до самой земли свисала прозрачная вуаль. Это был наряд слепого сказителя с Танталии. Они славились и пользовались почетом во всем Альвенмарке.

Скрытая под вуалью фигура неторопливо остановилась чуть поодаль от Бидайн. Сквозь тонкую ткань просматривался только женский силуэт в белом платье. Кира. Несмотря на то что та безо всякого труда могла заставить любую публику слушать ее целую ночь, она была далеко не просто сказочницей. Она была драконницей, чародейкой и наемной убийцей. Одной из последних возведенных в ранг наставника до роспуска Белого чертога.

Следующей через маленькую калитку из переулка вошла Валариэлль. Бидайн помнила ее по первым дням в открытой пещере высоко в горах, у Парящего Наставника. Валариэлль, одна из учениц белого дракона, тогда была довольно мрачной, и за все эти годы нисколечко не изменилась. Однако драконница была еще и одной из лучших чародеек, с которыми Бидайн когда-либо доводилось встречаться. И ее всегда интересовала темная сторона магии.

Эльфийка, которая ввела во двор за повод черную кобылу, была высокой и худощавой. Ее лицо было скрыто в тени широкого капюшона. В отличие от остальных наставниц Белого чертога, она носила не белое платье, а плотно облегавшую ее кожаную кирасу, повторявшую каждый изгиб ее тела. Под ней виднелась черная блузка с высоким воротником-стойкой. И совсем не по-женски она носила узкие черные брюки и высокие черные сапоги. Бидайн всегда носила юбки и платья, но догадывалась, что для предстоящего наряд Валариэлль подходит гораздо больше. Довершал мрачный образ эльфийки плащ с капюшоном почти до земли, сшитый из черного шелка. Единственной блестящей вещью была тяжелая серебряная цепочка на груди, не дававшая раскрыться плащу, и серебряное навершие меча в форме головы дракона, торчавшее из-за правого плеча.

Валариэлль бросила на Бидайн мрачный взгляд.

— Поздравляю с головокружительным успехом у Золотого, сестра по мечу.

— Это станет нашим общим успехом, если мы сразимся вместе и не станем тратить время на ревность, — спокойно ответила Бидайн. Она выбрала Валариэлль не потому, что испытывала к ней симпатию, а потому что она была ей нужна. Поэтому эльфийка намерена была вести себя приветливо, хотя в глубине души ей было это противно. Она была почти уверена в том, что сестра по мечу сочтет ее приветливость слабостью.

Валариэлль отбросила капюшон плаща. На бледном лице, обрамленном длинными волосами цвета воронова крыла, больше всего выделялась пара больших зеленых глаз. Она коротко кивнула Кире и тут же снова обернулась к Бидайн.

– Зачем мы нужны тебе? Нас, драконников, учат сражаться в одиночку, — на губах ее мелькнула насмешливая улыбка. — И мне

до сих пор ни разу не понадобилась помощь. Но кажется, к тебе это не относится, судя по тому, что я слышала.

— А мне кажется, что умение строить далеко идущие планы — не твой конек! — Нельзя было говорить этого. Бидайн тут же пожалела о сорвавшихся с губ словах.

— Далеко идущие планы или безумный бред. Очень интересно...

Во двор вошла невысокая фигура.

— Итак, вы уже в воинственном настроении, а мы еще и капли крови не пролили. Отлично!

Для Лемуэля, эльфа из народа мауравани, это было поразительно много слов в качестве приветствия. Он был почти на целую голову ниже Бидайн, которая сама не отличалась высоким ростом. Его светло-каштановые волосы были коротко пострижены, во взгляде читалось недоверие. Эльф всегда был настороже. В его глазах мшистого цвета проглядывала израненная душа. Душа мужчины, над которым вечно насмехались из-за низкого роста. В Белом чертоге он всегда слыл аутсайдером и предпочитал общество животных обществу детей альвов. Всегда с пониманием относился к эскападам Нандалее, которые та устраивала из-за лука. Бидайн была уверена, что он тайком тоже упражнялся с презираемым драконниками оружием.

Одежда его была скорее неприметной. Поношенный кожаный камзол, туника и брюки землистого цвета. На перевязи он носил два коротких меча, и тот, кто делал выводы о его умении сражаться на мечах на основании его роста, совершал просто смертельную ошибку.

— Кажется, мы в полном составе, — раздался позади Бидайн голос Асфахаля. Удивленная эльфийка обернулась. Эльф стоял в дверях, ведущих из дома во двор, которые она лично закрыла и которые не должны были открываться изнутри.

Судя по всему, он наслаждался ее озадаченным выражением лица.

— Один из моих талантов, — с улыбкой пояснил он. — Умение появляться там, где меня не должно быть.

«Отличное замечание», — подумала Бидайн. Он уже почти пугал ее. Эльфийка поднялась и окинула всех по очереди взглядом.

– Сколь различны ни были бы вы, братья мои и сестры, у вас есть нечто общее. Вас мучает вопрос, зачем вы здесь. Валариэлль совершенно справедливо заметила, что мы все одиночки. Так зачем же это? Если простые дети альвов считают нас, драконников, практически непобедимыми, никто лучше нас не знает, что всему есть свой предел. Кроме того, у нас одинаковое образование, но разные личные таланты. Я не знаю никого, кто владел бы заклинанием, которое ты, Валариэлль, так поэтично назвала «Дуновением ночи», хотя бы на сходном с тобой уровне. Лемуэль дружит с крупными орлами с Головы Альва, помощь которых нам понадобится, поскольку для того, что я собираюсь сделать, у нас не будет места, где смогли бы приземлиться наши благородные небесные скакуны. И, что еще важнее, ни один пегас не сможет спасти нас так быстро, как это может сделать орел, который благодаря своим сильным когтям может поднять нас со стены. Кира, которая так любит скрывать свою внешность, мастерски принимает любой облик, а Асфахаль... — Она бросила долгий взгляд на одетого в белое эльфа, небрежно прислонившегося к двери. Ее тело тосковало по нему. После брачной ночи она не спала с ним. Бидайн мысленно призвала себя к порядку: ей не хотелось слишком явно показывать этому эльфу, насколько сильно она желает его. Это не пойдет на пользу будущей миссии. Она научилась на ошибках Гонвалона и Нандалее!

— А Асфахаль... — снова повторила она. — Мы не можем отказаться от того, перед кем открываются все двери.

— Он даже не драконник, — презрительно бросила Валариэлль.

Бидайн обернулась к ней.

— Ты знаешь так же хорошо, как и я, что его изгнали из Белого чертога не из-за недостатка умений.

— Все дело было в вопиющем неумении владеть своими чувствами. Для меня это не мелочь.

Бидайн задумалась на миг, неужто Асфахаль посрамил Валариэлль в роли любовницы. Ей показалось слишком мелочным вменять ему в вину подобную слабость. Разве Гонвалон не славился тем, что не умел соблюдать должную дистанцию по отношению к своим ученицам? Против него, однако, никто не строил козни.

– Я буду относиться к нему, как если бы он был одним из нас, —

прояснила ситуацию Бидайн

— Чего именно ты от нас ждешь? — поинтересовался Лемуэль. Он все еще стоял у ведущей во двор калитки, словно ему было неприятно находиться здесь, и он в любой момент готов был сбежать.

— Я хочу, чтобы мы расширили границы возможного, — с энтузиазмом начала Бидайн. — Мы пойдем туда, куда не ходил никто. Мы сделаем то, о чем другие даже подумать не смеют. Мы станем бичом врагов небесных змеев. Мы посеем ужас, а необъяснимость наших поступков станет нашим особым кредо. Я хочу достичь ни много ни мало: чтобы враги Альвенмарка боялись нас до дрожи, поскольку не будет места, где от нас можно было бы спрятаться. Мы можем появиться в любой момент и в любом месте. И если мы придем, не будет никого и ничего, кто смог бы нас остановить.

—Амбициозная цель, — хитро улыбаясь, произнес Асфахаль. — Возможно, даже чрезмерно амбициозная.

— Ни в коем случае, — уверенно возразила ему Бидайн. — До сих пор величайшей слабостью драконников было то, что они почти всегда сражались каждый за себя. Если мы объединим наши силы, перед нами откроются совершенно иные перспективы. Здесь, на этом дворе, в этот час, откроется новая глава в истории драконников. И все станет совершенно не так, как прежде, — она обернулась к Валариэлль. — Наполни двор Дуновением ночи, сестра по мечу, и я покажу вам, что я имею в виду.

Дуновение ночи

Валариэлль произнесла слово силы, и температура воздуха во дворе тут же упала. У губ всех эльфов стояли облачка пара. Спустя один удар сердца Валариэлль выдохнула что-то, похожее на густой черный дым. Он распространялся по всему двору колышущимися вихрями. В отличие от дыхания на холодном воздухе он не образовывал маленькие облачка, а прятал остатки света во дворе, где и без того из-за черного тента было довольно темно.

Еще в Белом чертоге Бидайн дважды доводилось видеть, как плетет это заклинание Валариэлль, и тогда послушница долго находилась под впечатлением. В мгновение ока двор заполнила колышущаяся тьма. Стало настолько темно, что Бидайн не видела даже собственных пальцев, хотя поднесла их настолько близко к лицу, что кончик ее носа на миг коснулся ладони.

— Откройте свое Незримое око, — приказала она.

Вид на магическую сторону мира завораживал. Валариэлль окружало хитросплетение блестящих и тонких силовых линий. Они сбегались к ней, похожие на нити паутины. Других эльфов можно было узнать по золотым аурам. Каждый из них представлял собой клубок силовых линий, связанных с миром вокруг них и грубо повторявших очертания их светящихся тел.

Однако силовые линии заклинания, которое сплела Валариэлль, размывали свет тела. Движения казались нечеткими. Бидайн почувствовала, что за спиной у нее кто-то стоит. Когда она обернулась, ее уст коснулись чьи-то губы.

— Я скучал по тебе, красивая тиранша, — прошептал ей на ухо Асфахаль.

От нежного прикосновения по телу Бидайн побежали теплые волны. Она была уверена, что Асфахаль прекрасно осознает, какое влияние оказывает на женщин. Она встряхнулась и отошла от него на шаг. В присутствии других она не хотела ласок.

— Мы научимся использовать эту темноту для сражений. Не успеют наши жертвы воспользоваться своим магическим зрением, как наши клинки пронзят их. Мы атакуем во мраке ночи, чтобы темнота не привлекала к себе особого внимания. Мы быстры,

безжалостны, готовы сразиться с любым противником.

— С любым? — Кира впервые раскрыла рот. У нее был приятный, хотя и низковатый голос. Голос, отлично подходящий для того, чтобы рассказывать истории.

Вопрос повис в пронзенной пышущими жаром полосами света темноте. Все они знали, что он означает.

— Поэтому нас пятеро, — наконец ответила Бидайн.

Валариэлль произнесла слово силы, и тьма превратилась в сумерки.

Бидайн закрыла Незримое око. Ее четверо избранников с ужасом смотрели на нее.

— Ты хочешь убить одного из девантаров? — наконец произнес Лемуэль именно то, о чем думали все, и прищелкнул языком. — Это будет необычная охота. Я в деле.

— Если мы попытаемся сделать это, то итогом охоты станет наша собственная смерть! — произнесла Валариэлль.

— Победим ли мы или же проиграем, все равно наши имена войдут в историю, — произнесла Кира голосом, словно не расположена была рисковать.

— Мне нравится моя жизнь в том виде, в каком она есть, — Асфахаль покачал головой, чем ужасно разочаровал Бидайн. — Мне слишком нравится физическое существование, чтобы стремиться к тому, чтобы стать легендой.

— И вот мы снова возвращаемся к тому, почему он был изгнан из Белого чертога, — презрительно произнесла Валариэлль. — Он не готов жертвовать собой.

— Проведи со мной одну ночь, и тыбольше никогда так не скажешь.

Асфахаль одарил Валариэлль улыбкой, совершенно не понравившейся Бидайн.

— Скорее я перережу тебе горло, — прошипела в ответ одетая в черное эльфийка.

Асфахаль понимающе кивнул.

— Кажется, у тебя именно то самое отношение к жизни, так необходимое для миссии Бидайн.

– Конечно же, мы начнем не с девантара. Первой нашей целью станет бессмертный, и в отличие от Талинвин, ученицы Гонвалона, которая была последней, кто пытался атаковать бессмертного Аарона на его корабле-дворце, мы не проиграем.

— Ты имеешь в виду какого-то конкретного бессмертного? — поинтересовался Лемуэль, которому идея по-прежнему нравилась.

— Исправим ошибку. Убьем бессмертного Аарона. Он должен стать нашей первой жертвой. Если выяснится, что до него добраться нельзя, выберем другого бессмертного.

— Вам не кажется бесславным убивать сына человеческого под покровом ночи? — поинтересовался Асфахаль, и вид у него при этом был действительно такой, словно подобная идея претила ему.

— Аарон не просто сын человеческий. Он бессмертный; правит не одно столетие. А бессмертные, как никакие другие существа на Дайе, в силе уступает только девантарам. Мы атакуем его во дворце, где у него сотни телохранителей. И серебряный лев. Я уже сражалась с таким однажды, Асфахаль, и поверь мне, это достойный противник. Кроме того, существует опасность, что мы наткнемся на девантара, поскольку они регулярно навещают своих подопечных. Так что мы связываемся с существом далеко не беззащитным.

— Ну ладно, возможно, наша... жертва может за себя постоять. Если я буду продолжать сомневаться, то меня, пожалуй, сочтут трусом, верно? Для меня драконники — это воины, вершащие свои дела при свете дня. В противном случае их следовало бы назвать эльфами тени. Мы — герои, а герои так не сражаются.

Бидайн растерялась. Асфахаль был последним эльфом, от которого она предполагала услышать подобную речь. Эльфийка откашлялась.

— Разве не достойно называться героическим деяние, когда за одну-единственную ночь мы сможем прежде срока покончить с войной и спасти тысячи жизней с обеих сторон? Если мы убьем тех, кто разжигает войну среди детей человеческих, то, возможно, они одумаются.

Асфахаль нерешительно кивнул.

— Это стоят обдумать.

— Мы впятером должны верить в одну и ту же идею. Мы все должны быть уверены в том, что поступаем правильно, и тогда мы станем оружием, которого будут бояться даже боги.

Бидайн умолчала о том, что в конечном счете речь идет не о бессмертном и не о девантаре. Они должны притереться, совершая поступки в темноте и на свету. Пережитые вместе опасности сделают их сплоченным войском. А успехи сами приведут к тому, что между ними и драконниками старой школы возникнет дистанция. И когда эта цель будет достигнута, они смогут вместе заняться той, ради которой все, собственно говоря, и затевалось: Нандалее.

Найти ее и убить в саду Ядэ, где она находится под защитой Перворожденного и полудюжины других драконников было задачей, по сравнению с которой нападение на дворец бессмертного Аарона представлялось легкой прогулкой.

О наземных кораблях и танках

— Нужно установить копьемет на сани, необходимо сделать что-то, на чем оружие будет устойчиво держаться.

Высокий эльф-кузнец задумчиво покачал головой.

— Ты собираешься стрелять с саней на ходу? И действительно думаешь, что сумеешь хоть раз попасть?

— Конечно, — раздраженно ответил Хорнбори. Мысленно он витал где-то далеко, постоянно возвращаясь к тому, что должно было случиться вскоре. С самого момента встречи с червелапом в Глубоком городе он никогда не был настолько близок к смерти, как сейчас. Он все еще не мог понять, как случилось, что он попал сюда.

Официально Хорнбори повысили и назначили на особо почетную должность. Но судя по всему, у него за спиной кто-то решил иначе. Впервые увидев тех, кем ему предстояло командовать, карлик тут же понял, что Эйкин вынес ему смертный приговор. Этот отряд... Хорнбори вздрогнул. При одной мысли о нем его охватывал страх. Но когда он придет к ним, этого ни в коем случае нельзя будет показывать.

Гобхайн щелкнул пальцами прямо под носом у Хорнбори.

— Ты здесь, карлик?

— Э-э, да... Орудия. Насколько я знаю, люди обычно сражаются в плотном строю по сто человек. Промахнуться будет просто невозможно. Но по большей части мы, конечно, будем стрелять не на полном ходу. Притормозим сани, спокойно нацелим орудия. Если они будут крепко прикручены, нам не придется сначала собирать их, а потом поспешно разбирать, когда дети человеческие, в свою очередь, насядут на нас. Мы сэкономим очень много времени. И наши шансы выжить будут значительно выше. Особенно если ты обошьешь сани листами из серебряной стали.

Эльф схватился за голову.

— Ты хоть представляешь, о чем просишь? Я в первый же раз сказал тебе, что обязан отчитываться о каждой унции серебряной стали, которую израсходовал. Учитывается каждый кинжал, покидающий эту кузницу. Ты не представляешь себе, что такое

эльфийская бюрократия? Хуже всего князья из Аркадии... И надо же такому случиться, чтобы один из них стал главнокомандующим!

— Да, и он отправил войско обратно. Судя по тому, что я слышал, в ледяной пустыне осталась лишь горстка воинов. И туда же в качестве подкрепления отправляюсь я. Если дети человеческие заметят, насколько мы слабы, они пойдут в контратаку. А кто первым окажется под градом стрел? Мы с моими ребятами. Ты уже думал о кольчугах для ездовых животных?

— Нет! — возмутился эльф. — Это абсурд!

— Если они застрелят наших ездовых животных и сани остановятся, мы превратимся в потрясающе удобные мишени.

— Тогда пусть впрягаются твои тролли, — досадливо отмахнулся Гобхайн. — Если я выполню все твои пожелания по обмундированию, сани будут ехать не быстрее шагающего рядом человека

— Нет, если ты сделаешь парус...

— Нет! Я не буду делать тебе наземные корабли! Не испытывай мое терпение, Хорнбори. Напомню тебе еще раз: я обязан отчитываться о каждом своем действии. Они хотят точно знать, где и какое осталось оружие. Есть куча эльфов, которым не нравится, что таких кобольдов, как клан Ледяных бород, вооружили дорогами арбалетами...

— Некоторым карликам это тоже не нравится, — совершенно серьезно согласился с ним Хорнбори. — Настанет день, когда эти мелкие ублюдки направят эти арбалеты на моих братьев из Исхавена. Или выстрелят мне в спину, как только я окажусь в ледяной пустыне и отдам приказ, который им не понравится.

— Мне наплевать на политику! — Гобхайн, защищаясь, поднял свои мозолистые и покрытые сажей руки. — По сравнению с этим в моей кузне довольно-таки чисто. Но вернемся к твоим саням... Нужно будет что-нибудь придумать. Какое-нибудь название, которое проглотят верхушки, когда будут проверять списки материалов.

— Бронированные бочонки, — предложил Хорнбори.

— Что?

— Я же просил у тебя еще двое саней с тысячелитровым

бочонком для питьевой воды на каждом. Они нам будут очень нужны.

И нужно будет обшить их листами серебряной стали, чтобы защитить их от пробития.

Гобхайн застонал.

— Ты даже не представляешь себе, какая предстоит волокита, чтобы они разрешили такое. Они не хотят этого. Легче было бы запросить сотню мечей.

— Ты знаешь, каково это, когда ты промерз до костей и набираешь в рот пригоршню снега, чтобы медленно растопить его? Если бы князья Аркадии хоть иногда выходили из своих дворцов и проводили на полях сражений хоть по паре дней, возможно, это прочистило бы их запыленные мозги. Это пошло бы им на пользу.

— Успокойся, Хорнбори. Я говорил им про снег и про то, что одного-единственного хорошо нацеленного арбалетного болта хватит, чтобы пробить и опустошить тысячелитровый бочонок.

— Арбалетный болт? У детей человеческих есть арбалеты? Тогда нужно сделать пластины толще...

— Спокойнее. Князья, которые не суются на поля сражений, не знают, какое оружие есть у врагов. У детей человеческих нет арбалетов. А теперь скажи мне, как назвать бронированные сани на бумаге, если придется говорить об этом в присутствии третьих лиц?

— Передвижные колодцы?

Гобхайн покачал головой.

— Звучит как-то не очень.

— Повозко-бочонки? Сано-бочонки? Водные резервуары?

Эльфийский кузнец был не в восторге.

— Сани, отвечающие за снабжение северного войска Передвижные танки для воды?

— Все это слишком длинно и сложно. Как насчет просто танков?

Хорнбори наморщил лоб.

— Вообще не представляю себе, как это может выглядеть.

— Это хорошо, — ответил Гобхайн. — Тогда и вопросов не

будет.

— Что? Не будет вопросов по загадочному слову в списке экипировки? Не представляю...

— Ты плохо знаешь эльфов, друг мой. Переспросить о чем-то — значит, показать, что ты этого не знаешь. А открыто признаться в невежестве — это худшее, что может представить себе эльф. Нет, нет, танки — это хорошо. Ни одно дитя альвов не поймет, о чем мы говорим. Я вставлю в список примечание, что комиссия утвердила подготовку и изготовление танков.

— Какая комиссия?

— Мы с тобой и есть комиссия. Стоит упомянуть, что есть некая комиссия, которая занималась этим вопросом, как эти слова придадут этому делу еще больший вес.

Хорнбори смотрел на эльфа во все глаза и молчал. Ему уже доводилось сталкиваться с мелочными бюрократами из народа карликов, но судя по всему, эльфы и тут превзошли всех остальных детей альвов.

—• Ты получишь три таких танка, если выступишь завтра утром. Больше за одну ночь мне не успеть.

— Да-да, — Хорнбори снова задумался об убийственном празднике, который ему предстоял.

— Кстати, тот особый заказ, о котором ты говорил вчера, готов. Ничего подобного я прежде не делал. Обычно все приходят и требуют от меня оружие. Сегодня утром я его испробовал. Получилось именно так, как ты и хотел, — и он указал на длинный, выкрашенный ярко-красным цветом шест, нижний конец которого шириной с метлу из хвороста, был замотан в чистый кусок полотна.

Хорнбори схватил палку, и она оказалась гораздо тяжелее метлы.

— Увидимся завтра утром, — негромко произнес он и мысленно добавил: «Если мне повезет».

—-Ты донимаешь, что твои желания будут стоить мне бессонной ночи? — Несмотря на произнесенные слова, Гобхайн улыбался. «Кажется он из тех, кто одержим работой, — подумал карлик. — В точности как Галар и Гламир».

«А я таким никогда не буду», — поклялся себе Хорнбори. Ему

хотелось уютно устроенной жизни, несмотря на то что никогда он не был настолько далек от исполнения своей мечты, как в этот час.

— Вот так оно и бывает, когда входишь в комиссию по изготовлению танков, —' пробормотал карлик. — Куча забот и никакого сна —• таков наш жребий.

Гобхайн рассмеялся, а затем принялся за работу. Когда Хорнбори выходил из его склада, за спиной у него уже звонко стучал кузнечный молот.

Мамонтодав

На миг Хорнбори застыл у тяжелой двери, ведущей в праздничный чертог, который этим вечером будет принадлежать ему. Его пальцы нервно поигрывали красной палкой, замотанный в тряпки наконечник которой был намного выше него.

Изнутри донеслось мрачное ворчание, пахло жареным. Хорнбори вложил в этот вечер небольшое состояние. За его счет зажарили четырех быков, кроме того, было полно дичи, колбас, свежего хлеба и пряного мясного бульона. Прежде чем встретиться с троллями, нужно в первую очередь позаботиться о том, чтобы они хорошо поели. Что до кобольдов, Хорнбори, конечно же, осознавал, что как бы ни кормил их, как бы хорошо к ним ни относился, они все равно останутся подлыми и лживыми мелкими ублюдками. Это было справедливо для всех кобольдов я целом, но в первую очередь — для проклятых представителей клана Ледяных бород.

Карлик обернулся к носильщикам, ждавшим его у него за спиной. Три бочонка мета, два бочонка вина и один хорошо выдержанного грибного. Настоящее жидкое сокровище, которое должно течь только по горлу тех, кто этого действительно достоин.

— Следуйте за мной! — приказал он и решительно толкнул тяжелые створки дубовой двери, ведущие в пиршественный зал. В нос ему ударил ни с чем не сравнимый запах немытых мужских тел. Запах, который преследовал его на протяжении всего прошлого года в угрях и башне Гламира. Слишком короткой оказалась передышка в Железных чертогах.

Его воины стояли небольшими группками вдоль длинной жаровни посреди зала. Все были сами по себе. Тролли — в дальнем конце зала, в полутьме. Судя по всему, быков они решили оставить себе. Вокруг их мест лежали кучки обглоданных костей.

В центре зала, чуть в стороне от огня, у западной стены, сидели карлики. Двадцать воинов. Те, кто должен был заниматься десятью копьеметами. У самого входа, готовые в любой момент бежать, стараясь держаться поближе к своим коварным новым арбалетам, собрался клан Ледяных бород в своих грязно-белых плащах.

Когда он вошел, все головы как по команде повернулись к нему,

все заволновались.

— Сидите, ребята! — твердым голосом начал Хорнбори. Либо это станет лучшим представлением в его жизни, либо его собственная жизнь продлится недолго.

— Не хочу вас обманывать, вероятнее всего, нам досталась самая дерьмовая задача в самом дерьмовом месте, где только можно оказаться. Мы идем в вечные льды, мы — подкрепление для отряда, который понес самые большие потери в сражении. Вели каждый второй из нас вернется живым, будем считать, что нам повезло, — в зале воцарилась тишина, лишь некоторые кобольды что-то ворчали себе под нос, как же ненавидел карлик черные глазки карликов, которые неотрывно смотрели на него, не моргая.

— Ребята, это будет последний вечер, когда нам будет хорошо. И я хочу, чтобы нам было по-настоящему хорошо, —он хлопнул в ладоши, и на пол рядом с ним встали бочонки. — Мы будем есть, мы будем пить, а после будем развратничать до рассвета. Затем же твердой походкой направимся навстречу белой смерти.

— Хорошо сказано! — крикнул кто-то из карликов.

— Ни один карлик не будет командовать троллями! — В конце зала поднялась огромная фигура. При виде воина, направившегося к нему, Хорнбори судорожно сглотнул. Судя по всему, он был высок даже по меркам троллей. Живот и руки у него были покрыты бугристыми шрамами. Часть верхней губы отсутствовала, обнажая желтые клыки.

— Как зовут тебя, воин?

— Мать зовет Брассом, — он продолжал идти вперед. — Все остальные называют меня Мамонтодавом.

— Поставьте меня на бочонок, — прошептал Хорнбори, обращаясь к грузчикам, стоявшим ближе всех к нему. Его тут же подхватили под руки и за бедра и подняли. Карлик не доставал стоявшему теперь прямо перед ним Брассу даже до пупа. Но теперь он хотя бы находился выше грязной набедренной повязки, которой воин обмотал бедра.

Хорнбори воткнул красную палку в крышку бочонка и оперся на нее. Как же хорошо держаться за палку, никто не заметит, как сильно дрожат у него руки.

— Мамонтодав! — низким, звучным голосом произнес он. — Как же можно получить такое имя?

Тролль поиграл мускулами на руках.

— Угадай!

— Тогда знай, Мамонтодав, я никогда не стал бы пытаться стать вожаком троллей. Я командую всеми.

Великан поглядел на него маленькими синими глазками.

— Вожак — лучший воин. Можешь бить первым.

Из угла троллей послышался громогласный хохот.

— Дай ему секирой по морде! — крикнул один из кобольдов. — Я дам тебе свою.

Хорнбори промолчал, дрожащими руками разматывая ткань, в которую было завернуто навершие палки. Из-под нее показалась золотая голова дракона, с которой свисала ленточка из тонкого алого шелка.

— У нас, карликов, вожаков назначает Старец в Глубине. Меня он назначил командиром этого отряда, — он поднял вверх штандарт, чтобы все видели золотую голову дракона.

— Это не живое! — произнес Мамонтодав, но отступил на шаг. — Эта штука не разговаривает. Это не делает тебя командиром.

— Не ошибись, — громовым голосом произнес Хорнбори. — Глаза Золотого смотрят на нас из этого штандарта. Если восстанешь против меня, это будет значить, что ты восстал против него! А теперь слушай его гнев! — Хорнбори взмахнул штандартом. Шелковая лента надулась, став похожей на длинное алое тело змеи с золотой головой. Внезапно раздался низкий жуткий звук, пронизавший всех до самого нутра. Гобхайн превзошел сам себя! Это было лучше, чем представлял себе Хорнбори. Система трубочек, спрятанная в голове дракона, улавливала ветер, издавая такой звук.

Мамонтодав отступил еще на шаг. Рот его был широко открыт. Он в немом недоумении разглядывал штандарт, которым размахивал Хорнбори и который теперь выглядел так, словно по воздуху летала настоящая змея. При этом низкий звук, доносившийся изо рта дракона, нарастал все сильнее и сильнее.

Хорнбори поставил штандарт на крышку бочонка, и звук прекратился.

— Ты командир троллей, Брасс! И я с удовольствием выслушаю твой совет, когда мы будем сражаться, ибо ты мудрый воин. Но поведу вас всех я, ибо такова его воля, — он снова поднял штандарт. — Мы его избранники. Туда, где опасность наиболее велика, посылают только лучших. И за это мы сейчас и выпьем! Мы воины дракона!

Брассу понравилось. Или он просто понял, что таким образом сможет сохранить лицо. В любом случае он взревел во все горло:

— За воинов дракона!

Хорнбори не был уверен, присоединились ли карлики и кобольды к общему крику потому, что не хотели давать троллям кричать одним или же потому, что действительно были убеждены. В любом случае зал гудел криками «ура!» за воинов дракона.

Хорнбори спрыгнул с бочонка, велел открыть его и раздать рога. Каждый черпал, сколько хотел. Хорнбори налил себе грибного и раздал собравшимся вокруг него воинам-карликам полные рога. Все приняли его хорошо. Они знали лишь то, что он был хранителем Золотой секиры, воином высочайшего ранга в, Железных чертогах, и для них было честью выпить с ним.

И когда уже начало казаться, что все будет хорошо, его потянул за рукав кобольд.

— На два слова, господин карлик.

— Оставь его в покое, — тут же одернул малыша русобородый полноватый карлик. — Не мешай карликам пить. Особенно если ты всего лишь засранец-кобольд.

Кобольд снял красную шапку.

— Пьяные карлики поистине мерзкая компания. А ведь вы умеете быть весьма дружелюбными... Может быть, наш почтенный предводитель мог бы уделить мне пару мгновений своего драгоценного времени?

Светловолосый карлик поднял рог, указывая им на красную шапку.

— Эта штука... Так и есть? Все эти истории о ваших красных

шапках?

— К сожалению, я не знаю, какие именно истории ты слыхал, — вежливо ответил кобольд, но в глазах его сверкнули хитрые искорки.

«Я не стану бегать от неприятностей», — подумал Хорнбори.

У малыша было суровое, закаленное ветрами и непогодами лицо.

В уголках губ притаились глубокие морщины, в черных волосах появились седые пряди.

— Ты прекрасно знаешь, какие именно истории я имею в виду! — заорал карлик. — Вы красите шапки в крови мертвых карликов! Надо прибить вас всех, негодяев эдаких, к стенам этой парилки!

— Но это же просто глупые россказни, — попытался утихомирить товарища Хорнбори. — Пустая болтовня, чтобы распалить старые распри. Мы же не станем...

— Нет, нет, — перебил его кобольд. Он же хотел знать. И ради драгоценного мира я не собираюсь становиться лжецом.

Увидев его хитрую улыбку, Хорнбори понял, что мелкий ублюдок запланировал эту ссору с самого начала. Однако прежде, чем он успел вмешаться, кобольд продолжил:

— Ведь искренность считается добродетелью и среди карликов, особенно... — он повернул монету, которую держал в руках, поглядел на нее, словно бы она могла помочь ему вспомнить былое, — …когда речь идет о смерти. У того, в чьей крови я выкрасил свою шапку, были светло-русые волосы, как и у тебя. Он так долго умолял меня перерезать ему горло. А под конец все звал маму... Не знаю, как вам, а мне всегда неприятно, когда мужик не может помереть, как подобает.

— Ты... — Светловолосый карлик схватился за секиру.

— Нет! — Хорнбори оттолкнул его. — Пей дальше, а я вправлю этому мозги. И секира мне для этого не понадобится! — Он схватил кобольда и хотел оттолкнуть его в сторону, когда тот укусил его за руку. За ту самую руку, внутренняя сторона которой с памятного дня в пещере Галара стала неуязвимой. К сожалению, на тыльную сторону ладони это свойство не распространялось. Хорнбори почувствовал, как мелкие зубы впиваются в плоть, но кобольд тоже заметил, что что-то пошло не так.

Прежде чем мелкий ублюдок успел заметить, что с тыльной стороны ладони идет кровь, Хорнбори повернул руку, вынул кинжал и нарочито сильно нанес удар по раскрытой ладони. Безрезультатно!

Кобольд удивленно заморгал.

— Это еще что за штучки?

Хорнбори протянул ему нож.

— Сам попробуй. Один удар я разрешаю. Если кровь не пойдет, придет мой черед!

Маленький воин нервно облизнул губы. К кинжалу он не прикоснулся.

— Мне не понравилось твое выступление. Как звать тебя, убийца карликов? — опасно спокойным голосом поинтересовался Хорнбори.

— Рафа. И не думай, что ты произвел на меня впечатление этим трюком с ножом.

— Слушай сюда, Рафа. Ты и твои приятели перестанете рассказывать кровавые истории о карликах, пока находитесь под моим командованием. Понятно?

— Думаешь, мы позволим командовать собой? — нагло поинтересовался в ответ собеседник. — Я просто пришел сказать тебе, как мы относимся к этому походу. Если бы ты сразу пошел со мной, неприятностей вообще не было бы. Может быть, это чему-то научит тебя, карлик?

Хорнбори смерил представителя Ледяных бород недоверчивым взглядом. Иногда лучше просто промолчать. Рафа все же скажет, к чему ведет. Чаще всего те мужчины, которые любят оскорблять других, не находят, что ответить, если им отвечают молчанием.

И действительно, помолчав немного, кобольд продолжал:

— Может быть, ты одурачил этим своим штандартом парочку суеверных троллей и этих тупых карликов, но не нас, не кобольдов. Я не думаю, что Золотой смотрит на нас. И какой-нибудь другой дракон тоже. У них есть дела и поважнее. Но я благодарен тебе за этот пир, карлик. Действительно, карлик впервые приглашает меня на подобное мероприятие. Но не думай, что ты таким образом нас купил.

Хорнбори задумчиво провел ладонью по бороде.

— Полагаю, восхитительные дамы, которые составят нам компанию позже, тоже не заставят передумать тебя и твоих ребят.

— Отнюдь, — теперь в глазах кобольда читалась неприкрытая ненависть. — Мы наверняка будем наслаждаться их обществом, но они — часть общей проблемы. Почему мы настолько бедны, что не можем позволить себе сами купить их расположение хоть на час? И почему ты настолько богат, чтобы мочь позволить себе устроить целый пир? Мы сражаемся за то, чтобы покончить с несправедливостью. За хорошую работу должны хорошо платить.

Мы сметем жирных говнюков, которые наслаждаются жизнью за счет других, ни разу за всю свою жалкую жизнь не замарав рук честным трудом.

— Поверь мне, я тоже не родился в богатой семье, — солгал Хорнбори. — Я совершенно поддерживаю тебя.

— Ты поддерживаешь только самого себя, карлик. Судя по моему опыту, это единственный способ стать настолько богатым, как ты, — вдруг Рафа широко усмехнулся. — Но очень скоро ты окажешься впереди. Точнее, перед моим арбалетом. И тогда справедливость восторжествует — и меня даже не накажут, поскольку в бою неважно, откуда прилетел смертоносный снаряд.

Хорнбори показалось, что внутри у него все превратилось в один сплошной ледяной ком. Он ни на удар сердца не сомневался в том, что Рафа выполнит свою угрозу, поскольку прекрасно знал, какая о Ледяных бородах ходит слава. Они никогда не откажутся от возможности убить карлика. Осторожно, тщательно взвешивая каждое слово, он произнес

— Что ты видишь, глядя на этот чертог?

Рафа пожал плечами.

— Да что там, пару тупых жирных троллей, которые боятся золотой головы дракона. Пару наглых карликов, которые не скрывают, что смотрят на всех с пренебрежением, и пару кобольдов, которые не доверяют в этом зале никому, кроме самих себя.

— И ты называешь меня наглым? — Хорнбори заставил себя рассмеяться. — То, что ты хочешь видеть, давно заслонило для тебя реальность. Открой глаза и увидишь перед собой карлика, которого

заставили принять командование отрядом из троллей, кобольдов и карликов. И что сделал я? Отнесся ко всем как к равным. Пирую со всеми вами, а не с какими-то тупыми капитанами, которых пригласил к себе на ужин. Я различаю только дам, которые скоро к нам присоединятся, — он понизил голос до доверительного шепота. — Между нами: троллихи меня пугают. Я боюсь, что они раздавят меня своим весом.

На губах кобольда мелькнуло подобие улыбки.

– И с этим ничего не поделать. В походе я буду лежать в той же грязи, что и вы. И так же, как и вы, я буду стоять и первом ряду, когда начнется бой.

«Конечно же, когда дело дойдет до боя, этого нужно будет постараться набежать», — подумал Хорнбори про себя.

— Вели мы вернемся живыми, то снова отпразднуем все вместе в этом зале. И я надеюсь, что тогда это будут не три отрядика, где все относятся друг к другу с недоверием, а воины дракона, которые невзирая на происхождение хвастаются своими героическими поступками и слушают истории, которые рассказывают товарищи.

— Умеешь ты говорить, карлик, но меня тебе не обмануть. Все это ты делаешь исключительно ради личной выгоды. Ты хочешь подняться высоко'. И для достижения своих целей тебе срочно нужно совершить пару-тройку подвигов в бою. И вот их ты намерен купить нашей кровью.

Хорнбори вздохнул. Трудный случай с этим Рафой.

— Предположим, все так и есть. Разве так уж плохо иметь боевого товарища, обладающего властью и влиянием? Или посмотрим на это дело совсем с другой стороны. Если со мной что-то произойдет, что будет с вами? Получите в командующие эльфийку? Теми беднягами, к которым мы идем в качестве подкрепления, командует эльфийка. Я слышал, что она пропустила своих ребят через такую мясорубку... Ни один другой отряд не понес такие потери, как они. Хочешь получить такую или тебе предпочтительнее командир, который пьет вместе с тобой, предается разврату и относится к тебе по-приятельски? Подумай об этом как следует, Рафа, и передай то, что я сказал тебе, своим товарищам. Вам со мной повезло. Вы же, кобольды, думаете, что самые умные здесь. Так посмотрите и поймете, что со мной вам будет хорошо. Мы будем

проливать кровь, кто-то подохнет, но тем, кто вернется, будет хорошо, потому что те, кто прошел со мной через пот и кровь и были верны мне, для меня будут ближе родных братьев, — Хорнбори понял по виду Рафы, что его слова произвели на кобольда впечатление. Он хлопнул того по плечу. — От долгих разговоров мне ужасно хочется пить. Пойдем, представишь меня своим приятелям. А потом я хочу проверить, так ли им, оборванцы, хорошо умеете пить как говорите. Стесняться нечего. Если завтра кто-то не сможет идти на своих двоих, поедет на санях.

Рафа некоторое время колебался, а затем кивнул, и они вместе направились к клану Ледяных бород. Когда чуть позже Хорнбори пил мет со знаменитыми убийцами карликов, он был настроен уже немного оптимистичнее. Если немного повезет, возможно, он не умрет от арбалетного болта в спину от одного из своих собственных воинов.

Убийца мышей

Ливианна замерла. Стоя на гребне холма, она глядела на раскинувшуюся внизу долину, точнее сказать, на переплетение туманных полос, скрывавшее долину, словно крышка котла. Эльфийка долго не решалась вернуться в это место, но лишь здесь можно было рассчитывать на помощь. Она разжала кулак и поглядела на лежавшее на ладони кольцо. Когда-то оно принадлежало Ияли, Устам Богини, верховной жрице Анату, которая предпочла войти в воды молчания, нежели выдать тайны своей госпожи. Кольцо имело форму свернувшейся змеи, в качестве глаз были вставлены крохотные крупицы рубина.

Ливианна спустилась ближе к полосе тумана, скрывавшей долину от взглядов. Здесь жило единственное существо, сумевшее продвинуться достаточно далеко на пути к темной магии, чтобы, возможно, суметь создать заклинание, которое с помощью кольца могло бы вернуть в мир дух Верховной жрицы.

Пахло зимой. Скоро уже в Снайвамарке пойдет первый снег, чтобы не таять много лун. Ливианна любила север. Эльфийка вспомнила, как родила Гонвалона, чтобы потом, когда ребенок разочаровал ее, бросить его на поживу волкам. Как же сильно она ошиблась. То, что он выжил и даже стал наставником в Белом чертоге, стало одним из величайших потрясений в ее жизни.

Она пересекла туман. Воздух был удушливым, стояла неприятная влажная жара. Причиной тому были горячие источники, на дне этой долины таких было несколько. Под сапогами заскрипела галька. Выйдя из тумана, она наткнулась на нескольких зайцев, с любопытством взиравших на нее. Они совершенно не испугались, как словно бы сюда никогда не заходили охотники. У ближнего источника, терявшегося в клубах тумана, стояли сосны.

Ливианна огляделась по сторонам. Она почти на сто шагов промахнулась мимо места, которое искала. Молодой куст бузины, раскинувшийся пышным цветом. Эльфийка решительно повернула направо и направилась к нему.

В воздухе витал запах разложения. Над необычайно крупными белыми метелками цветов жужжали мухи.

— Надо было тебе оставить меня умирать, — голос в ее мыслях был словно булавочный укол. *— Притащив меня сюда, ты оказала мне медвежью услугу.*

— Ты живешь, Махта Нат.

— Нет, я влачу жалкое существование! Вот что ты со мной сделала! Я приманиваю мух запахом разложения и питаюсь их предсмертными муками, когда они подыхают на липких пестиках. А иногда, если очень повезет, в корнях моих пороется мышь, и я могу медленно задушить ее. Я, Махта Нат, воплощенная тьма, опустилась до роли убийцы мышей — и все благодаря тебе, Ливианна.

— Ты растешь, — спокойно ответила эльфийка. — Ты снова станешь той, что была когда-то. Потерпи немного.

— Ты ведь пришла не затем, чтобы давать мне мудрые советы. Где ты была все эти годы? Если бы ты ухаживала за мной, я была бы гораздо больше. Мои корни жаждут крови, а моя душа — бальзама из страха других. Это должны быть разумные существа, прекрасно сознающие свою судьбу. Не мухи!

— Я могла бы помочь тебе.

Мысли Ливианны заполнил мрачный хохот.

— Чего ты хочешь, эльфийка? Я чувствую, что тебя привела сюда мрачная надежда. Подойди ближе, я хочу обнять тебя своими мрачными шипастыми ветвями, заблудшая моя ученица.

Эльфийка прекрасно знала, что означают объятия Махты Нат. Ей никогда не забыть, что сделала наделенная душой бузина с Гонвалоном. Да и за те крохи знаний, что давала ей Махта Нат, ей пришлось платить собственной кровью.

Сейчас куст бузины доставал Ливианне лишь до бедер. Ствол его был чуть толще ее пальца. На кроваво-красных побегах висели черные ягоды. Тонкие веточки были украшены сотнями белоснежных цветов. На первый взгляд куст был в точности таким же, как обычная черная бузина, но, если присмотреться внимательнее, в ветвях можно было увидеть покрытые шипами усики.

Это существо, наполненное мраком, было отнюдь не безобидным и уж точно не обыкновенным. Несмотря на все причитания, оно уже сейчас производило немалое впечатление.

Ливианна раскрыла ладонь и показала своей старой наставнице кольцо в форме змеи.

— Вот зачем я здесь.

— У него необычная аура. Это кольцо не из этого мира, не так ли?

— Одна дочь человеческая носила его до самой смерти.

Ветви бузины колыхнулись, словно под порывом ветра, но в долине ничто не шевелилось.

– Быть может, его носила дочь человеческая, но изготовили его не человеческие руки. Дай его мне. Я хочу прочувствовать.

— Не человеческие руки? — Ливианна сжала ладонь в кулак.

— Ты смотрела на него Незримым оком? Да, его создатель спрятал магию, окружавшую его, но, если присмотреться внимательнее, можно увидеть рисунок.

Конечно же, Ливианна обследовала кольцо. Но не заметила ничего необычного. Может быть, Махта Нат пытается обмануть ее?

— Как я погляжу, ты все еще лишь ученица на пути освоения искусства магии, — усмехнулся куст бузины. *— Ничего не изменилось за все годы, минувшие с тех пор, как ты впервые пришла ко мне.*

— Посмотри на себя, — спокойно ответила Ливианна. — Посмотри, что с тобой стало. Все изменилось. Помоги мне, и я окроплю твои корни капелькой заячьей крови.

— И все равно ты пришла ко мне с просьбой. Так что поклонись, как положено, если надеешься, что я окажу тебе услугу.

— Ты действительно думаешь, что можешь выдвигать требования? Я могла бы вырвать тебя с корнями и окончательно положить конец твоей жалкой жизни.

— А может быть, я буду этому даже рада?

Ливианна задумчиво глядела на куст бузины. Так Махта Нат не говорила никогда. Ее наставница прекрасно умела скрывать свои чувства, хоть и вынуждена была раскрываться, чтобы обращаться к Ливианне с помощью мыслей. Она была уже не та, что раньше.

Годы без силы хоть и не сделали ее смиренной, но, возможно, она действительно перестала ценить собственную жизнь. Как же заставить Махту Нат сделать то, что нужно ей?

— Тебе станет легче, если ты попьешь моей крови?

— А, вот ты уже и кланяешься. Должно быть, дело твое очень срочное, если ты так быстро уступила.

Ливианна закатила левый рукав туники. На ней по-прежнему была грубая одежда из мира детей человеческих, только вернула себе свой настоящий облик. Правой рукой вытащила из ножен меч.

— Ты отпустишь меня, как только я потребую, иначе я отрублю тебе ветки.

— Нам стоит быть приветливее друг по отношению к другу.

Ни из чьих уст эти слова не могли прозвучать настолько фальшиво, как из уст Махты Нат. Понятие приветливости Ливианна никогда и близко бы не связала с наделенной душой бузиной. К ней потянулся один-единственный побег, обвился вокруг ее обнаженной руки. В плоть впились шипы, но крови на коже не было. Эльфийка увидела, как потемнел побег, отчетливо чувствуя, как Махта Нат набирается сил.

— Ничто не может быть лучше этого сока, — ликовала бузина. *— Это совсем не то, что мыши! Если бы ты еще боялась меня, наслаждение было бы полным.*

Некоторое время Ливианна наблюдала, как она пьет, а затем подняла меч. Побег нерешительно потянулся назад, оставив на коже цепочку мелких красных капель.

— Вкусно, милая моя. А теперь надень кольцо на одну из моих ветвей. Я посмотрю, что могу для тебя сделать.

Эльфийка сделала, как она сказала. На некоторое время в воздухе повисла напряженная тишина. Вечерние сумерки пили полумрак в покрывавших долину полосах тумана. Когда Мат Нат наконец снова заговорила в мыслях Ливианны, на долину уже опускалась тьма.

— Кольцо принадлежало Ияли, Верховной жрице Анату. Она жила в месте, именуемом Дворцом из лунного света.

Эльфийка нетерпеливо слушала. Все это Махта Нат могла

прочесть и в ее мыслях, когда пила ее кровь.

— Ияли была дочерью человеческой, невысокого роста с иссиня-черными волосами, достававшими ей ниже бедер. Она сурово руководила храмом и была беззаветно предана своей богине.

«Пустые слова», — Ливианна начинала испытывать раздражение. Все это недоказуемо. Махта Нат могла просто придумать все это, не тревожась о том, что обман раскроется. Впрочем, только лишь до тех пор, пока Ливианна вновь не встретится с Вепреголовым. Он знал Ияли.

— Было бы неплохо, если бы ты доверяла мне чуть больше. Я стараюсь. Я пытаюсь дотянуться до духа дочери человеческой, которая умерла много веков назад и готова была на все, чтобы ее вернули. Не думаю, что ты хоть в малейшей степени представляешь себе, о чем ты меня попросила.

«Как я могу доверять тебе, — подумала Ливианна. — Я слишком хорошо тебя знаю для этого».

— Тк сможешь позвать ее?

— Не сейчас. На кольце есть флер воспоминаний о его былой хозяйке. Все то, что я сказала, я поняла благодаря ему. Его окружает могущественное заклинание, благодаря которому его хозяйка старела медленно. Это неоценимый дар в мире людей, которые расцветают и гибнут, словно летние цветы. Не так, как вы, эльфы, которые могут жить веками.

Все это Ливианне было неинтересно. Но Махта Нат ничего больше не говорила. Луну затянуло пятнышко тумана, поднявшегося к небу. Махта Нат любила испытывать терпение своей ученицы.

Наконец Ливианна расстелила плащ и уселась на него. Опершись подбородком на притянутые к телу колени, она дремала, пока голос наставницы не пробудил ее от полудремы.

— Я слишком слаба. Мне нужна жертва. Живая! Мне.нужна не только кровь. Мне нужно почувствовать страх, почувствовать, как моя жертва отчаянно пытается вырваться из моих покрытых шипами побегов.

Эльфийка раздраженно глядела на куст бузины. Не вырос ли он? Может быть, она воспользовалась ее кровью для собственного усиления?

— Что насчет Ияли? Ты смогла установить связь с ее душой?

— Чтобы вызвать древний дух, который не хочет, чтобы его вызывали, нужна жертва. Чтобы это удалось, должна угаснуть молодая жизнь. Приведи девочку, еще не знавшую дней крови. Лучше всего юную эльфийку. Ты знаешь, каково равновесие мира. Чтобы вызвать мертвую, нужна молодая кровь. Принеси мне жертву, и я исполню твое желание. Если не можешь сделать этого, тогда уходи. Тогда я не смогу помочь тебе... Но я верю в тебя: ты Ливианна. Мать, убивающая собственных детей. Ты не остановишься перед мелкими препятствиями, если нужно достичь великой цели. Хорошей охоты.

Молодая жизнь

Минуло восемь дней. Ливианна вернулась домой, в свой дворец в Милале на острове Танталия, где в последнее время бывала слишком редко. Наконец-то она сняла с себя человеческую одежду, от которой у нее все чесалось, и снова надела длинный белый наряд наставницы Белого чертога. Она прекрасно знала, как выглядит в этом облегающем фигуру платье с высоким воротником и дорогой вышивкой на подоле. Белоснежным был и пустой мешок, висевший у нее на плече. На протяжении трех минувших вечеров она долго прогуливалась по побережью, наблюдая издалека за небольшой рыбацкой деревушкой, расположенной у города. Сегодня она знала, куда пойдет, но шла медленно. Дорога впереди была пустынна. Далеко в море на фоне пламенеющего закат белели паруса. Место было тихим и уединенным. Отличным местом для того, чтобы присесть и, глядя на вечное море, забыть обо всем.

В последние дни Ливианна много часов наблюдала за балующимися детьми эльфов, за их веселыми играми в песке, с наслаждением слушала их звонкий смех. Возвращаясь вечером назад в свой тихий дворец, она чувствовала внутри пустоту, которую никогда прежде не осознавала.

Она не плакала о своих потерянных детях, но за минувшие ночи много часов пролежала без сна, думая обо всех тех, кого предала смерти. О тех несовершенных, которым она, не дала шанса доказать, что, возможно, она ошиблась.

В прибрежном лесу слева от нее послышался зов филина, скрывавшегося где-то в ветвях красноствольных пихт. Вдруг до ушей ее донесся нежный голосок. Он только-только начал разговаривать. Одним из первых его слов, было слово «минго». Он очень любил больших розовых птиц, вышагивавших по майгровым зарослям на своих длинных ногах. Как он ни старался, назвать их правильно у него ни разу не получилось. Они были последним, что он видел в своей жизни, прежде чем она утопила его.

Каково было бы гулять с ним у моря? Понравились ли бы ему леса на горизонте? Стал бы он представлять себе, как она, куда плывут корабли?

«Нужно снова забеременеть», — подумала Ливианна. Прошло

достаточно много времени с того вечера в мангровых лесах. Эта мысль пришла ей в голову в последнюю бессонную ночь. Более того, она уже подобрала себе любовника, но впервые за ее долгую жизнь эльфийку терзали сомнения, сумеет ли она соблазнить его. Когда-то он любил богиню. Как эльфийке очаровать его?

И сможет ли она вынести его, лежащего на ней, глядеть при этом на звериную морду? Сможет ли она целовать его? Ливианна знала, что он сам выбрал себе такую отталкивающую голову. Он умел изменять облик. Интересно, как он выглядел до того, как выбрал облик Вепреголового? И каким бы был ребенок от него? Станет ли она интереснее для него, если выяснит, что знала Ияли о случившемся с Анату? И возможна ли для него вообще интрижка с дочерью альвов? Если она понесет ребенка от девантара, это изменит мир. Даже если он унаследует хотя бы часть его способностей, он станет могущественнее всех эльфов. Возможно, это положит начало миру?

Ливианна негромко рассмеялась. Все это пустые мечты. Она просто хотела от него ребенка. И мысль о том, что он может положить начало миру между Дайей и Альвенмарком, была совершенно абсурдной.

Эльфийка свернула с прибрежной дороги в лес. Стволы сосен полыхали в свете вечерней зари, а в кронах деревьев уже гнездились ночные тени. Она наслаждалась запахом хвойных иголок, гоня прочь честолюбивые помыслы. Сейчас нужно было целиком и полностью находиться здесь. Направить все мысли на причину своего пребывания на Танталии.

Вдалеке слышалось негромкое гудение пчел на пасеке. Когда солнце погрузится в море, оно смолкнет.

Сквозь деревья она видела свет в доме пасечницы. Два маленьких золотистых окошка в безыскусном доме с низкой крышей, подводосточными желобами которого вдоль стены дома лежали поленья. Дом пасечницы стоял на поляне, поросшей дикими цветами. Здесь еще чувствовался запах лета, а в Снайвамарк уже пришла зима. Ливианна села на поваленный ствол дерева, спрятанный под нависающими низко ветвями, отчетливо увидела у ульев девочку в желтом платье. Малышка находилась от нее на расстоянии менее тридцати шагов. Звонким голоском она пела колыбельную пчелам.

В мыслях эльфийки всплыли слова песни, которую она пела своим детям: *Тени сплетая, сон позовет, ночь наступает, сладко поет...*

Ливианна закрыла глаза и полностью сосредоточилась на заклинании, которым так радовала своих детей. Она прошептала слово силы и представила себе крохотную точечку яркого света, мысленно заставила ее заплясать, оставляя за собой в сумерках яркие медовые линии. Все быстрее и быстрее, линии превращались в плоскости, затем в фигуру. Когда она снова открыла глаза, перед ней в воздухе плясала бабочка. Создание из нежного света, полностью послушное ее воле.

Эльфийка выпустила бабочку из лесной тени и направила ее к стоявшим на краю опушки ульям. Затем поднялась и встала под сосной.

Вскоре она услышала, что девочка в желтом платье перестала петь.

Ливианна подождала немного, а затем мысленно велела бабочке возвращаться обратно в лес. Как и предполагалось, девочка побежала за ярким миражом.

Ливианна посадила светящегося мотылька на поваленный ствол, на котором только что сидела.

— Наконец-то ты ждешь меня, — раздался звонкий голос. — Я никогда не видела такой красивой бабочки. Откуда ты взялся?

Прежде чем малышка догнала мотылька, Ливианна заставила его снова взлететь, а затем вышла из-под сосны.

— Вот ты где, мой беглец!

От испуга девочка остановилась и уставилась на нее широко открытыми глазами.

Ливианна вытянула перед собой правую руку и заставила мотылька грациозно опуститься на ладонь.

— А ты кто? Неужели мой беглец нашел себе маленькую подружку?

Вместо ответа девочка судорожно сглотнула.

Ливианна опустилась на колени, чтобы глаза их оказались на

одном уровне.

— Я напугала тебя? Прости, пожалуйста.

— Ты... чародейка?

— Да, я чародейка, — приветливо ответила она. — Этот маленький мотылек сплетен из магии и моих снов.

— А можно мне подержать его на руке?

Ливианна улыбнулась.

— Конечно. Протяни руку, — и она направила мотылька к девочке, сплетя еще одно заклинание, еще больше усилившее ощущение счастья, охватившее малышку, когда сотканное из света существо коснулось ее.

— Он так красив! Как ты это сделала? — Она смотрела на нее ясными, небесно-голубыми глазами. Узкое личико пылало восторгом. Первая робость была забыта. Ливианна поглядела на девочку Незримым оком. У малышки был дар. Не особенно ярко выраженный, но она сможет стать чародейкой, если кто-то будет развивать этот талант.

— Нужно много времени и терпения, чтобы изучить искусство плетения чар.

— Так же, как для того, чтобы научиться читать и писать?

Ливианна невольно рассмеялась.

— Боюсь, еще больше. Но я уверена, что у тебя получится. Я чувствую твой дар.

— Ты будешь учить меня? — вырвалось у малышки.

«Как легко получилось», — озадаченно подумала эльфийка.

— Ты пойдешь со мной? Кстати, как зовут тебя?

— Мирелла, — маленькая эльфийка обернулась и поглядела на поляну. Уже почти стемнело. Отчетливо видны были лишь два светящихся окна.

— Уже поздно. Моя мама будет волноваться...

— Чтобы стать чародейкой, нужно некоторое мужество, Мирелла. Ты должна принимать решения самостоятельно. У меня есть целый зал с бабочками из света. Если взлетает сразу много,

звучит мелодия, от которой на сердце становится веселее. Я так и не сумела понять, как у них это получается. Но возможно, мы сумеем разгадать эту тайну вместе.

- У тебя есть целая комната с бабочками?

- Не комната. Это зал, больше хижины твоей мамы.

- Такой большой! Как дворцы на утесах Милаля? Я уже три раза была в городе. Мама иногда ходит туда, продавать мед.

- А твой отец? — Ливианна тоже поглядела на поляну. Нужно поторопиться!

Мирелла судорожно сглотнула.

— Он... Мой отец умер. Утонул. Он был капитаном на одном из кораблей, которые ходят из Милаля к далекому озеру Лотосов, — она негромко всхлипнула. — Три года назад. И я начинаю забывать, как он выглядел. Его лицо расплывается в моих воспоминаниях, — теперь по щекам ее бежали слезы. — А ведь я не перестала любить его.

Ливианна нежно коснулась рукой плеча девочки.

- Я могу помочь тебе. Я знаю заклинание, которое навсегда оставляет воспоминания в нашей памяти.

- Правда?

- Для этого нам понадобится кристалл из моего дворца. Он усиливает воспоминания. Ты же говорила, что уже почти начала забывать его.

Мирелла безудержно разрыдалась.

- Да... Это я виновата в его несчастье. А теперь еще и забывать его начинаю! Я не хотела этого!

Ливианна вытерла слезы малышки краешком холщового мешка.

- Пойдем, — она с тревогой поглядела на поляну. Мать Мирелллы наверняка вскоре выйдет искать дочь.

- А где твой дворец?

- Недалеко отсюда, в самом сердце леса, — драконница поднялась. — Пойдем, нам пора.

Малышка остановилась; нахмурилась.

- Я знаю весь лес. Здесь нет никакого дворца.

Ливианна негромко рассмеялась.

- Глупышка. Думаешь, дворец, чародейки так легко увидеть? Нужно стоять в правильном месте и знать тайное слово, тогда он станет видимым и в него можно будет войти.

- Конечно, — малышка снова всхлипнула. Теперь она подошла к ней и доверчиво взяла за руку. Пальцы Мирелллы были холодны, как лед. —. Ты можешь вернуть моего отца? Если ты сумела спрятать целый дворец, то можешь вернуть и пропавшего отца! Он должен вернуться! Я обязана сказать ему, как мне жаль...

- Я не стану лгать тебе. Возвращать мертвых я не умею. Но обещаю тебе, что оживлю облик твоего отца в твоих воспоминаниях.

Мирелла снова негромко всхлипнула.

Ливианна провела рукой по золотистым локонам.

— Нужно было поцеловать его... — всхлипнула девочка. — Он так хотел этого. Он говорил, что мои поцелуи — его талисман. Что они приносят ему удачу. Но я не поцеловала его, потому что злилась, что он опять уезжает надолго. Я виновата, что его корабль попал в бурю. Я украла у него удачу. Моряк без удачи не должен выходить в море, ты же знаешь. Это приманивает бури.

«Ну и чушь», — подумала Ливианна и тут же поняла, что отчаяние девочки трогает ее.

- Если бы не подаренным поцелуем ты могла вызывать бури, то уже сейчас была бы гораздо более могущественной чародейкой, чем я, и это мне нужно было бы у тебя учиться.

Мирелла подняла голову и поглядела на нее.

- Правда?

- Просто не повезло, и корабль попал в бурю. Ты была неправа, что оставила отца без поцелуя, но это и все. Ты точно не виновата в постигшей его судьбе.

- Но я украла у него удачу, — негромко произнесла девочка.

- Разве ты перестала любить его? — строгим тоном поинтересовалась Ливианна.

- Нет! Никогда... — Малышка снова разрыдалась.

Ливианна сжала ее ладонь и прижала к себе.

— Сейчас я открою тебе тайну. В глубине души взрослые чувствуют, любят их или нет. У сердца нет глаз и ушей, ничто не может обмануть его. Оно всегда знает правду, поэтому в час сомнения всегда слушайся своего сердца. И есть еще одна тайна. Отцы почти все прощают своим дочерям. Он наверняка знал, что ты не поцеловала его, потому что любила настолько сильно, что не хотела, чтобы он уходил. Как же можно из-за этого сердиться.

- Ты так много знаешь, — произнесла Мирелла, помолчав какое-то время. — Это потому, что ты чародейка? — Плакать малышка перестала.

- Я живу уже очень долго, а внимательные эльфы никогда не перестают учиться.

- Моя мама не хочет, чтобы я говорила с ней о ее отце... Мне даже имя его произносить не разрешается. А если я забываю, она ругается. Или садится и тихо начинает плакать... Это еще хуже ругани.

Пока они разговаривали и шли, солнце совсем село. Лес накрыла глубокая темнота. Впереди слышалось пение жаб. Вскоре они добрались до самого темного места в лесу: болотистой лощины, где в гнилостной воде росли деревья.

«Почти как в мангровых зарослях, где я утопила своего сына», — подумала эльфийка.

- Мы не заблудились? Неужели твой дворец на болоте? Это дурное место. Моя мама запрещает мне ходить сюда.

- Не беспокойся. Мы отправимся туда, где заканчиваются все беды и горести. Ты что, боишься?

Мирелла подняла голову и поглядела на нее. Золотистый свет мотылька, летевшего за ними, освещал ее улыбающееся лицо.

- Нет, я не боюсь. Мое сердце подсказывает мне, что я могу доверять тебе. И я решила впредь всегда слушаться своего сердца.

Мои маленькие ножки

Шайя падала от усталости. Они снова оказались в самом хвосте колонны. Или еще дальше? Женщина уже ни в чем не была уверена. Их войско рассеивалось. Утром она видела замерзшего воина-ягуара. Ягуара! Она считала этих жутких воинов практически бессмертными. Но зима не делала различий. Нельзя им было приходить сюда.

- Я больше не могу, — простонала Нинве. Положив руку ей на плечо, подруга шла, тяжело опираясь на целительницу.

- Еще чуть-чуть, — измученным голосом произнесла Шайя. — Нужно идти, пока еще светло. Нельзя потеряться.

Они достигли вершины невысокого холма. Насколько хватало глаз, повсюду тянулись холмы. Их путь был отмечен вытоптанным снегом и фигурами в потрепанной одежде, лежавшими вдоль всего маршрута. Они в сотый раз доказывали Шайе, что бывает, когда останавливаешься на минуточку, чтобы набраться сил. Если допустить, чтобы закрылись глаза… Всего на миг...

- Пойдем! — сказала Шайя. — Сегодня утром я слышала, что осталось всего пятьдесят миль. Это расстояние мы как-нибудь прохромаем.

Нинве была слишком измучена, чтобы ответить. Лицо ее покраснело от холода. Кончик носа потемнел. Она смотрела прямо перед собой, не проявляя ни малейших эмоций.

- Видишь горы на горизонте? — Шайя указала вперед, на тонкую линию теней, возвышавшуюся на горизонте над бесконечной белизной. — За ними врата между мирами. Там мы будем в безопасности. Мы прошли больше двух сотен миль. Я запрещаю тебе сдаваться в самом конце.

Уголки губ Нинве дрогнули. Шайя решила расценить это как слабую улыбку. Воительница на миг позволила себе закрыть глаза стоя. Она мечтала о костре в центре юрты и о том, чтобы, завернувшись в одеяло, слушать завывания ветра, как часто делала еще в детстве, во время бесконечных степных зим. А что она готова была отдать за кубок теплого молока яка!

Вздохнув, женщина открыла глаза. Нельзя сдаваться. Этот

поступок был глупым и опасным.

- Оставь меня, — прошептала Нинве. Ее подруга заговорила впервые за несколько часов.

- Не говори глупостей!

- Без меня ты сможешь.

Не обращая на нее внимания, Шайя топала дальше, волоча Нинве за собой, потому что говорить у нее сил уже не было. Рука подруги все тяжелее и тяжелее давила на ее плечо. Нинве права. Ее вес уложит на землю их обоих.

Воительница стиснула зубы. Нет, она не сдастся! Кроме подруги нести ей было уже почти нечего. Узелок и сумки, наполненные различными порошками и сушеными травами, опустели. Большую часть она уже выбросила, и осталось только средство от поноса и что-то от бессонницы. А лучше всего выбросить и это бесполезное барахло.

Немного впереди что-то шевельнулось. На краю дороги встали три фигуры в припорошенных снегом одеялах. Шайя вгляделась в суровые, изможденные лица степняков. Налившиеся кровью глаза жадно смотрели на нее и Нинве. Ишкуцайя привыкли к долгим зимам. Несмотря на то что их лошади давным-давно погибли, степняки все же перенесли тяготы дороги лучше большинства остальных воинов.

- Дай нам свой плащик, толстушка. Тебе он все равно больше не понадобится! — И говоривший ткнул в Нинве копьем.

Он говорил с ней на родном языке, и Нинве наверняка не поняла ни слова, но то, что он тыкал в нее копьем, понять неправильно было невозможно.

- Оставь ее! — спокойно сказала Шайя. — Ты позоришь своих предков, брат.

Говоривший опустил копье и удивленно уставился на нее.

— Бросай ее, сестра. Ты только посмотри на нее, она все равно не выживет. Мне от ее плаща проку будет больше. У меня еще хватит сил дойти до врат между мирами, если будет, чем защищаться от холода.

- Ты не тронешь ее, брат.

Троица посмотрела на нее, все улыбались.

- И кто же мне помешает, сестра? Белый Волк? Его здесь нет. Он хочет, чтобы мы помогли себе сами. Я даже окажу тебе услугу, освободив тебя от этой ноши. Может быть, тогда ты тоже дотянешь.

- Нинве, сядь на снег, пожалуйста, — спокойным голосом попросила Шайя.

Подруга бросила на нее испуганный взгляд, когда та сбросила ее руку со своего плеча.

- Ты... — В глазах у Нинве стояли слезы. — После всего, что мы пережили...

Шайя отвернулась от нее, потянулась, повернула голову в одну, затем в другую сторону, разминая шею.

- Возвращайся на стезю воина, брат. Это твой последний шанс.

- Не то что? — Говоривший от имени ишкуцайя ткнул копьем теперь в нее. — Не хочу причинять тебе боль, сестра, но ты нас не остановишь.

И он кивнул своим спутникам. Стоявший справа от него воин вытащил из-за пояса секиру с шипом, другой — короткий бронзовый меч.

- Просто иди своей дорогой, сестра. Оставь ее в снегу.

- Не могу, — Шайя подняла обе руки, откинула капюшон. Эльф, который освободил ее из заточения в лувийском монастыре и умер вместо нее, изменил черты ее лица, и теперь ее не узнали бы даже ее соратники из лейб-гвардии.

Запустив в волосы обе руки, она отбросила их назад, и этот жест успокоил воина. Женщина увидела, как расслабились черты его лица. Даже когда она сделала шаг вперед, он не осознал, что сейчас произойдет. В прошлом она всегда сражалась в первых рядах, вместе со своими воинами. Она была воином и ей это нравилось.

Ее руки молниеносно метнулись вперед и вырвали копье из рук говорившего. Тупым концом она ударила в живот воина, в руках у которого была секира с шипом, а острие вонзила в грудь говорившего, стоявшего вполоборота к ней.

Не поворачиваясь, она пригнулась. Меч просвистел в нескольких

дюймах от нее, когда она подняла упавшую в снег секиру с шипом. Сидя на корточках, развернулась и ударила третьего воина секирой под колено.

Пронзительно вскрикнув, он попытался отпрыгнуть, покачнулся и опрокинулся навзничь, а кровь тем временем пульсирующим потоком хлестала из раны.

Шайя обнажила кинжал и перерезала горло тому, кого ударила в живот тупым концом копья, а затем обернулась к двум другим. Они были тяжело ранены и не представляли какой-либо опасности.

- Я оставляю вас Зеленым духам. Пусть они заберут ваши души. Вы не достойны встретиться со своими предками.

- Кто… кто ты? — пролепетал говоривший за всех ишкуцайя.

- Этого ты уже никогда не узнаешь, — Шайя устало отвернулась и помогла Нинве встать на ноги. Ее подруга подползла к умирающему и сейчас смотрела на нее с испугом. Она не поняла ни слова из сказанного, поскольку не владела языком степей, в этом Шайя была уверена.

- Кто ты? — спросила теперь и она, пока Шайя отряхивала снег с ее мехового плаща.

- Теперь я снова та же целительница, которую ты знаешь. Оставшиеся позади воины потратили последние силы на проклятия в ее адрес. Шайя положила руку Нинве себе на плечо и потащила ее дальше по склону холма. Никогда прежде вес подруги не казался ей настолько большим.

- Ты знаешь, все девочки болтали о тебе с самого первого дня. Ты всегда была другой. Не шлюха... не прачка и не кухарка, — каждое слово давалось Нинве с трудом. Дышала женщина тяжело.

- Кира как-то видела тебя голой. Твои шрамы... Она подумала, что ты была рабыней. Но она ошибалась, да? Ты была воином. Ты родом из степи. Эти трое узнали тебя. Ты одна из них.

- Это верно, а теперь побереги дыхание. Сейчас опять пойдем в гору.

- Они наверняка сказали тебе бросить меня.

- Если ты не прекратишь болтать, я задумаюсь о том, чтобы так и сделать.

- Это было бы разумно с твоей стороны, — серьезным тоном ответила Нинве. — И спасло бы тебе жизнь.

- И слушать ничего не хочу. Мы обе дойдем, даже если мне придется нести тебя на плечах.

Ее подруга негромко рассмеялась.

– Охотно верю, что ты попытаешься... Ты бы даже... — Промежутки между словами становились все длиннее и длиннее. А затем она наконец умолкла, лишь тяжело, хрипло и шумно дышала, и Шайя возблагодарила про себя богов за то, что теперь можно будет наконец успокоиться.

Шаг за шагом поднимались они на следующий холм, идя по обрамленной умершими дороге. Дойдя до вершины следующего холма, Шайя поняла, что тоже совершенно лишилась сил. Она помогла Нинве сесть на засыпанный снегом камень, с трудом подавляя в себе желание снова закрыть глаза. Всего на миг... На пару ударов сердца. Она опустила глаза. Не сдаваться! И тут женщина обратила внимание на то, что швы на сапогах Нинве пропитаны кровью. Крепкая белая нитка, которой была прошита подошва, окрасилась в темно-красный цвет.

- Что у тебя с ногами? Ты хромаешь уже не первый день! Ты поранилась?

- Все в порядке, — тяжело дыша, ответила женщина.

- Мне нужно осмотреть твои ноги, — не сдавалась Шайя.

— Я не могу снять сапоги, — вдруг возмутилась Нинве — откуда только силы взялись. — У меня опухли ноги. Я не смогу их надеть обратно. Ты же не хочешь, чтобы я шла босиком по снегу!

Шайя подняла руки, словно защищаясь.

- Ладно. Ты права. Дурацкая была идея, — она поднялась. — Так пить хочется.

- Мне тоже, — простонала Нинве.

Шайя встала у нее за спиной, провела рукой по пышным рыжим волосам подруги.

- Когда мы дойдем, я целый день буду лежать в горячей ванной.

Нинве вздохнула.

- Здорово. Возьмешь меня с собой?

- Я же говорила, ты будешь со мной. Даже если придется тащить тебя на собственном горбу, — она надавила на нервный узёй за ухом и тут же почувствовала, как подруга обмякла.

- Спи, — негромко произнесла она, спустила Нинве на снег и прислонила спиной к камню, а затем достала нож и разрезала швы правого сапога.

Осторожно стянула разрезанный сапог с ноги. Нинве обмотала ноги тряпками, и сапоги стали настолько тесными, что, наверное, раздавили ноги. Наверное, поэтому подруга и хромает уже не первый день. Ей вообще нельзя было надевать эти сапоги!

Встревоженная Шайя принялась разматывать тряпки. Они скрипели и казались насквозь промерзшими. Закончив, женщина удивленно уставилась на босую ногу подруги. Пальцы были черно-синими. На суставах пальцев образовались большие шишки. Остальная часть ступни была покрыта темно-красными пятнами.

Шайя ощупала обмороженную ногу. Она знала, что спасти ее уже нельзя. Крови не было. Должно быть, Нинве вступила сапогом в лужу крови. Глупышка настолько туго обмотала ногу, что согреть ее не могли ни кожа сапога, ни тряпки. Скорее всего, в сапог попала влага. Просто чудо, что с отмороженными пальцами она вообще столько прошла.

Шайя разрезала второй сапог и отпрянула. Правая нога Нинве выглядела еще хуже! Она почернела до середины подъема. За последние дни Шайе довелось повидать немало обмороженных ног, и всякий раз она лишь беспомощно разводила руками. Массаж замерзших конечностей мог привести только к тому, что холодная кровь потечет в руки и ноги и ускорит приход смерти.

У некоторых жертв обморожения просто переставало биться сердце. От беспомощности и ярости на глазах у Шайи выступили слезы. Если бы было теплое место, куда можно было бы отнести Нинве, она ампутировала бы ей ноги. Тогда была бы надежда. Но здесь, на льду...

Разумнее всего было бы просто оставить подругу спать здесь: скорее всего Нинве просто не проснулась бы, но поступить так воительница не могла. Есть ведь еще и Зеленые духи. Может быть, они придут и выпьют из нее жизнь? И последнее, что уводит ее

брошенная всеми подруга, будет одно из этих кошмарных существ.

Шайя вздохнула и села на снег рядом с Нинве. Она растирала заледеневшие руки, ставшие совсем красными из-за дыхания зимы. Пальцы закололо и защекотало.

- Ты все-таки сделала это, — от размышлений ее оторвал слабый голос подруги.

Шайя виновато уставилась на разрезанные сапоги, лежавшие в снегу рядом с ней.

- Я должна была... — сдавленным голосом ответила она. — Я надеялась... Как так вышло, что ты проснулась? Ты должна была проспать несколько часов.

- Дурацкий сон приснился. Про фраера, который ударил меня по носу и надул меня на медяк. Это был один из первых парней, с которым я делала это за деньги. Он до сих пор приходит ко мне в кошмарных снах. И всякий раз я просыпаюсь в поту, — она вздохнула. — А неплохо было бы сейчас искупаться в поту.

- Тебе давно надо было снять сапоги! Я могла тебе помочь!

Нинве с грустью поглядела на нее.

- Я не смогла бы надеть их снова. А потом... Что мне, босиком идти было? Разве в этом случае я не отморозила бы себе ноги? Нет, уж лучше так, — она поглядела на свои черные пальцы с уродливыми мозолями. — Жаль, что я это увидела. Ноги — это была единственная часть меня, которая была маленькой и хрупкой. Я так их любила.

Шайя не знала, что сказать. Ей было стыдно, что она сняла с Нинве сапоги, но будучи целительницей, она не могла поступить иначе.

- У тебя чудные волосы, — наконец произнесла она. — Они всем мужчинам Нравятся.

Подруга понимающе улыбнулась ей.

- Знаешь, что мне всегда казалось? Что тебе безразличны все мужчины кроме одного, о котором я никогда не узнаю.

Шайя подумала о бессмертном Аароне. Вот уже два дня она о нем ничего не слышала.

- Ты разбираешься и в мужчинах, и в женщинах, — она встала.

— Нужно идти дальше!

- Без сапог?

- Ты ничего не почувствуешь, я тебе обещаю!

- Потому что мои ноги и без того мертвы? Я знаю, что ты хочешь сделать, если я действительно дойду до врат между мирами, — она покачала головой и запустила руку в глубокий боковой карман своего мехового плаща. Внезапно в руке у нее сверкнул нож.

Прежде чем Шайя успела что-либо сделать. Нинве провела клинком по внутренней части бедра.

- Что ты делаешь? — Целительница схватила полоску ткани, которой подруга прежде обматывала ноги. Нужно перевязать рану, немедленно.

- Спасаю тебе жизнь, — Нинве указала на нее ножом. — Не перевязывай. Я не хочу, чтобы потом ты отрезала мне ноги. Здесь заканчивается мой путь. Я дарю тебе свой плащ. Но прошу, посиди со мной, пока все не закончится. Я не хочу, чтобы духи выпили мою жизнь...

Шайя принялась заламывать руки. А затем опустила тряпку. В принципе, она понимала Нинве.

Снег окрасила темная кровь. Шлюха устало приподняла полы плаща, чтобы они не намокли.

- Мы все гадали, кто ты. Столько пари заключили. Но о воительнице никто не подумал, — она криво усмехнулась. — Женщины не должны... Но мне понравилось, как ты уложила тех троих. Негодяев слишком много. Слишком много тех, кто любит причинять нам боль... Они думают, что могут делать с нами все, только потому, что вложили нам в руку медяк, — она уронила голову на грудь и из последних сил подняла ее снова. — Кто ты?

- Я Шайя, тридцать седьмая дочь бессмертного Мадьяса, великого царя Ишкуцы, Хранителя стад, Света солнца, Сына Белого Волка. Я принцесса-воин из народа степняков и была возлюбленной бессмертного Аарона:

Глаза Нинве наполнились слезами.

- Принцесса... — Казалось, она ни капли не сомневается в искренности услышанного. — Моя подруга — принцесса, — по

щекам женщины побежали слезы, но она улыбалась. — Жаль... что я… должна уйти... — Она уронила голову на грудь.

Шайя осторожно взяла ее за подбородок, чтобы снова посмотреть ей в глаза. Казалось, она смотрит куда-то вдаль.

- Для меня честь, что ты называешь меня подругой, — на губах Нинве мелькнула последняя слабая улыбка. А затем взгляд ее изменился и застыл: она видела то, что находилось за пределами мира смертных.

Жар

Плащ спасал. Шайя сидела на корточках под скалистым уступом в отрогах гор, находившихся между последними воинами льдов и вратами между мирами. Она перестала так уж сильно мерзнуть. Может быть, еще и потому, что свет жизни уже уходил из нее. Северный ветер проносил над ней снежинки, а правая рука тем временем шарила по земле, собрала негнущимися пальцами немного снега, слепила шарик. Как же сильно хочется пить!

Шайя поднесла дрожащие руки к губам и вложила снежный шарик в рот. Размером он был не больше подушечки пальца. Когда снег коснулся языка, внутри у женщины все сжалось. Ощущение было такое, словно последнее тепло ее тела собралось у нее во рту, чтобы растаять там. Она понимала, что вода жизненно не• обходима, но эта цена была слишком высока.

Нащупав дрожащими пальцами наполовину растаявший комочек, она выбросила его обратно на снег, затем проглотила каплю ледяной воды, собравшуюся во рту. Ощущение было такое, словно в горло вонзился холодный клинок. И воительница поняла, что больше не сделает этого, как бы сильно ни мучила ее жажда.

Шайя обхватила себя руками. Демоны мучили их целый день, всегда оставались неподалеку. Равно как и эти кошмарные духи. Им принадлежали бесконечные ночи, когда особенно отчетливо видно было зеленое свечение.

Да и сейчас оно было неподалеку. Оно следовало по пути, который они проделали за день, играло с теми, кто рухнул от усталости, но у кого была еще слишком сильна воля к жизни, чтобы уснуть и не просыпаться.

К этому моменту зеленых великанов, следовавших за их войском, стало по меньшей мере семеро, а то и восьмеро. Шайя снова нагнала войско, но надежда на то, что последние выжившие сумеют перевалить через горы, была слишком слаба. Ходили слухи, что бессмертный Ансур вместе с самыми сильными людьми и серебряным львом ушел вперед, чтобы открыть врата между мирами и привести помощь. Шайя с горечью усмехнулась. Аарону не особенно нравился Ансур, который предпочитал вкладывать деньги в строительство Зелинунта, нежели заботиться о своем народе. Если он

пошел вперед, то решил спасти только свою шкуру и даже не думал о том, чтобы привести помощь.

На снег перед ней упал бледно-голубой отсвет. Должно быть, на скалистом утесе над ней стоял дух. Шайя не отваживалась поднять голову, еще глубже забившись в расщелину, ставшую для нее пристанищем. Интересно, чувствует ли дух ее присутствие?

Другие беглецы негромко захныкали, начали молиться своим богам. Шайя нащупала нож, спрятанный под плащом. Скорее всего, против духов от него толку не будет, но она была твердо исполнена решимости не сдаваться без боя.

Женщина напряженно наблюдала за тем, как по снегу перед ней плясал неровный свет. Через некоторое время он исчез. Возможно, нашел себе жертву полегче.

Целительница боролась со сном. Пустота и холод в желудке спасали. Тепло, поглощенное крохотным шариком снега, все еще не вернулось. Если бы здесь хотя бы были дрова! Люди не могут идти по снегу и льду столько времени без огня. Иногда вдали она видела огоньки костров, у которых грелись демоны. В прошлые ночи некоторые воины ушли туда. Словно ночные бабочки, летящие на пламя масляных ламп они, как и бабочки, наверняка нашли лишь смерть. В любом случае ни один из них не вернулся.

«Не спать», — напомнила она себе и несколько мгновений спустя поймала себя на том, что веки закрылись. На снегу перед ней снова затрепетал зеленый отблеск. Подняв голову, она увидела, как один из духов идет по дороге к перевалу. Он был среди воинов. Склонялся над спящими и пил их жизненный свет, и никто ничего не мог с этим поделать. Шайя поднялась. Неужели они все опустились до состояния скота, которого ведут на бойню? Она не овца и не коза, которая идет навстречу гибели, ничего не осознавая.

—Эй, дух! —• Ее голос был чуть громче хриплого шепота, от слов болело иссушенное горло.

Созданное из света существо остановилось и словно бы посмотрело в ее сторону, но наверняка Шайя сказать не могла — ведь дух представлял собой лишь бесформенный светящийся туман.

У него не было глаз, не было ничего, даже отдаленно напоминавшего голову. Вот существо снова пришло в движение. Подобно змее вилось оно меж сидевшими и лежавшими на снегу

мужчинами. Оно двигалось в ее сторону.

«Чудесно, — подумала Шайя. — Я привлекла к себе внимание духа. Редкая глупость с моей стороны! У меня нет оружия, которым можно было бы одолеть эту бесформенную тварь. Последнее, что я увижу в жизни — это то, как это чудовище выпивает мой жизненный свет».

Но тем не менее, женщина упрямо подняла нож. Бежать она не собиралась. Если она должна погибнуть именно таким образом, то так тому и быть.

За спиной у духа на дороге к перевалу появился матово-желтый свет. Потайной фонарь! Шайя не видела ничего подобного вот уже много дней. Она была уверена, что все запасы масла для ламп давно израсходованы.

Казалось, свет встревожил существо. Оно сошло с дороги, на миг застыло, словно прислушиваясь, а затем и вовсе убралось. По дороге спускались двое мужчин. Они то и дело останавливались, склонялись над сидевшими и спавшими товарищами, освещали их лица и, казалось, о чем-то спрашивали.

Ветер посвежел. Он гнал перед собой снежную поземку. Шайя глубже натянул^ капюшон на лицо. Ужас перед Зеленым духом пробудил в ней силы. Она была исполнена решимости воспользоваться этим и пройти немного по дороге к перевалу и к вратам между мирами.

Когда она поравнялась с мужчинами, те осветили фонарем и ее лицо.

- Ты видела Утешительницу?

- А что? — Шайя заморгала. Ослепленная, она не видела, кто стоит перед ней. У обоих мужчин были хорошие плащи из овчины, и они говорили на диалекте, выдававшем в них уроженцев провинции Гарагум, за которую не так давно сражались великие империи Арам и Лувия.

- Ты видела ее? — настаивал худощавый рыжебородый мужчина с фонарем. — Прошу, помоги нам. Она нужна бессмертному Аарону. Он очень плох, а целителя больше нет. Нет никого, кто мог бы помочь. Утешительница — вот наша последняя надежда. Если ты можешь сказать, где она, то прошу, помоги нам.

Сердце ее подпрыгнуло, услышав имя Аарона. Значит, он не поправился!

- Я та, кого вы ищете.

- Ты?

Шайя отбросила капюшон плаща, чтобы лучше было видно ее яйцо.

- Как думаешь, сколько женщин из обоза сумели выжить? Отведи меня к нему!

- Ты! — снова произнес рыжебородый, но уже совсем другим тоном. — Ты... Кирум? — Он убрал фонарь, освещая уже свое лицо. Это был Орму, капитан кушитов, командующий лейб-гвардией бессмертного Аарона. Он сотню раз, а то и больше видел ее во дворце Акшу. Как и многие другие во дворце, он знал ее лишь как кухарку, которая загадочным образом сумела добиться расположения бессмертного й стала его любовницей. — А я опасался, что тебя убили — ты так внезапно и бесследно исчезла из дворца...

- Как видишь, я еще жива, — резко ответила она. — А теперь веди меня к Аарону!

- Ты действительно Утешительница? — Орму недоверчиво оглядел ее, затем быстро переглянулся с товарищем.

- Думаешь, я могу навредить Аарону?

- Нет, — негромко ответил ее собеседник. — Вне зависимости от того, врешь ты мне или нет. Он будет рад видеть тебя. Если, конечно, узнает... Пойдем! — И Орму повернулся и широким шагом стал торопливо подниматься к перевалу, задавая такой темп, который Шайя выдерживать не могла, несмотря на то что тревога за Аарона придавала ей сил и подстегивала шаг.

- Что с Аароном? — тяжело дыша, поинтересовалась Шайя.

- Ты видела, как они с Мадьясом одни противостояли войску демонов? Они понеслись им навстречу на одном крылатом льве, сражались с великанами, гигантскими орлами и смертоносным алым князем демонов. Своей жертвой они выиграли время для нас. Тогда мы еще думали, что сумеем уйти через врата между мирами, которые находятся рядом с дымящейся рекой. Тогда Аарон был тяжело ранен. Князь демонов пользовался оружием, от которого не могло спасти

даже оружие, выкованное в кузнице богов, — в словах капитана слышались восхищение и боль. Он рассказал о том, что присутствовал, когда с Аарона сняли шлем.

О глубокой ране, проходившей наискось через все лицо правителя, о сломанных ребрах и истерзанном теле правителя.

- Мы сделали для него все. Поначалу казалось, что он поправится. Но потом, пять дней назад, у него начался жар, сжигающий остатки его сил. Все наши попытки помочь успехом не увенчались. Ты его последняя надежда, Кирум. Он любит тебя... Сегодня он бредил весь день. Он все еще тревожится за своих людей. Но рассудок его помутился... — Голос Орму прервался. — Я бы отдал свою жизнь, если бы это могло спасти его, — в конце концов подавленным голосом произнес он.

- Я тоже! — ответила Шайя, пытаясь не показывать степени своего отчаяния. У нее не было ничего, чем она могла бы помочь Аарону. Все травы, с помощью которых можно было бы сбить температуру, давно закончились.

- Если бы он только на миг пришел в себя, — бормотал Орму. — Если бы он узнал тебя, это могло бы стать тем самым чудом, на которое мы так надеемся. Когда ты ушла, в нем что-то надломилось. Он стал совсем не тем человеком, которого мы знали. Стал более суровым и беспощадным. Ему нужна твоя любовь, чтобы быть тем правителем, которым он хочет быть.

Слова его разбивали сердце Шайи. Она готова была сделать для Аарона все, но понимала, что не может остаться. Она должна будет снова уйти, как только он поправится. Невозможно, чтобы самый могущественный правитель мира взял себе в жены кухарку. И она не может сказать, кто она на самом деле, поскольку в этом случае Ишта, а возможно, и Белый Волк, потребуют ее смерти. Шайи больше не существовало. Демон, который пришел к ней в горный монастырь, умер вместо нее. Он спас ее, и в то же время лишил всех надежд. Вот они какие, демоны! У всякого дара есть и темная сторона.

- Что сталось с бессмертным Мадьясом? — В слабом свете фонаря было видно, что этот вопрос показался Орму странным, потому что он думал только об Аароне.

- Умер, — коротко ответил он. — Его воины несут его тело. Его сын каждую ночь дежурит у тела отца с обнаженным мечом, чтог бы

ни духи, ни демоны не тронули правителя.

«Как это похоже на Субаи, — гневно подумала она. — Красивые жесты! В этом он также хорош, как и в умении швыряться пустыми фразами».

С тех пор как он со своей лейб-гвардией убил большого дракона в Вану, все войско только и говорило, что о Субаи. Шайя жене могла вообразить себе, чтобы ее брат сразился с драконом. Даже с сотней преданных ему воинов. Она видела убитую в Вану тварь, и этот дракон был однозначно больше, чем мужество ее брата. Однако этот героический поступок и тот факт, что он вернет тело отца в Кочующий город, возможно, обеспечат ему милость Белого Волка, и он станет новым бессмертным. Лжец и позер. Жестокий тиран. И с этим она тоже ничего не сможет поделать. По той же причине, по которой она не может стать супругой Аарона. Принцессы Шайи больше не существует. Если она докажет, кем является на самом деле, то оскорбит двух девантаров, и ей придется признаться, что она приняла помощь демона, чтобы избежать смерти.

И именно сейчас, в такое время, когда все народы мира сражаются с демонами в попытке выжить, ей. этого никогда не простят. Она обречена оставаться в тени, что бы ни происходило.

—• Сюда, — Орму сошел с тропы и вошел под занесенные снегом скалы. Шайя увидела наполовину запорошенных снегом воинов в тяжелых плащах из овчины. Они стояли с подветренной стороны скал, опираясь на копья, или сидели на земле, держа на коленях обнаженные мечи, готовые в любой момент защищать Аарона до последнего вздоха. В свете масляной лампы их лица казались осунувшимися. У некоторых были пропитанные кровью повязки, но все это не умаляло выставляемой напоказ решимости. Они устали так же, как и все остальные в этом войске, но Аарону удалось зажечь в них неугасимое пламя. Что-то, что возвышало их надо всеми остальными, что-то заставляло их держаться —до самой смерти.

И Шайя тоже почувствовала прилив этой силы, когда Орму указал ей на занавешенную шерстяным одеялом расщелину в скале.

— Он здесь, — прошептал он, словно опасаясь разбудить своего господина, затем откинул одеяло в сторону. Небольшую пещеру, открывшуюся взору Шайи, освещали две масляные лампы.

Скалистый пол был выложен одеялами и порванными плащами.

И на всем этом лежал Аарон. Голышом! Лицо его было изуродовано страшной раной, все тело покрыто синяками. Мужчина беспокойно метался во сне и стонал. Судя по всему, спал он крепко.

Шайя поспешно вошла за занавеску. Здесь было ощутимо теплее. Орму задвинул за ней одеяло и опустился на колени рядом со своим господином.

- Я делал ему холодные компрессы на лоб и на ноги, но жар не спадает. Даже не знаю, что еще можно предпринять.

Сердце Шайи разрывалось при виде возлюбленного. Она давно должна была понять, что именно этим все и закончится. Он слишком много рисковал! Женщина тоже опустилась рядом с ним на колени и взяла его за руку. Пальцы были слишком теплыми и сухими. В теле почти не осталось пота, несмотря на то что жар был очень силен. Губы потрескались и запеклись.

Шайя положила руку ему на грудь, туда, где сердце, но биения практически не почувствовала. На нее нахлынули тысячи воспоминаний: об их страстных ночах, когда они любили друг друга, когда он, усталый, лежал сверху, и она чувствовала, что сердце его бьется сильно и гулко, как барабан. Теперь же грудь его почти не поднималась и не опускалась даже при дыхании.

- Что мы можем сделать? — прошептал Орму.

. — Сколько он уже лежит без сознания? — Шайя наклонилась ниже, прижалась ухом к груди.

- Два дня... Он... Нам показалось, что ему уже лучше. Он встал с постели, даже поел немного супу. Потом принял бессмертного Володи и бессмертного Лабарну. Когда собрался донести результаты разговора до выживших капитанов, упал без сознания.

Шайя жестом попросила его помолчать, напряженно прислушиваясь к сердцебиению Аарона. Оно было неровным и слабым. Целительница понимала, что из-за сильного жара кровь стала вязкой, начала закупоривать сосуды и убивать. Конец Аарона был очень близок. Женщина подняла голову и бессильно покачала головой.

- Ну что? Что сделать, чтобы вылечить его? — Он смотрел на нее с такой надеждой, словно даже не предполагая, что она может не

знать, что делать.

- Жар убьет его до рассвета, — говоря это, она не могла смотреть Орму в глаза, вместо этого неотрывно глядела на лицо мужчины, которого любила, полностью сосредоточившись на новом шраме, появившемся на его лице. Края его были припухшими и красными. В заживающей плоти темными пятнами виднелись следы засохшей крови. Рана пересекала лоб, разделяла надвое правую бровь, проходила через переносицу и продолжалась под левым глазом.

Шайя осторожно ощупала края раны. Воспаления не было. Не в этом причина жара. Аарону очень повезло. Если бы удар нанесли хоть чуточку сильнее, сейчас его бы здесь уже не было.

- Он же бессмертный! — возмутился Орму в ответ на ее слова, когда целительница уже начала надеяться, что он примет ее приговор.

- Так же, как Мадьяс из народа ишкуцайя, или Ивар из Друсны, или Муватта Лувийский? — поинтересовалась Шайя. Теперь Она подняла взгляд. — Началась новая эра, Орму. Я уже не верю даже в то, что наши боги бессмертны. Иначе они пришли бы сюда, чтобы защитить нас. А они боятся развязанной войны, так же, как и мы.

- Нет! — возмутился капитан. — Только не Аарон! Он не может... — В глазах его сверкнуло отчаяние. — Только не Аарон, — уже тише, почти обреченно произнес он.

- Я вижу лишь один последний способ.

- Какой же? — В отчаянии он ловил каждое ее слово.

- Его сердце бьется неровно. Опасность убить его нашими действиями выше, нежели надежда на его исцеление, — она нежно провела рукой по груди Аарона.

- Что я могу сделать, Кирум?

- Вынеси его наружу и закопай в снег, оставь только лицо.

- Но... — Орму покачал головой.

- Да, я знаю, — с грустью в голосе произнесла Шайя. — Опасность убить его этим очень велика. Но если мы ничего не предпримем, то наверняка убьем его своим бездействием, Сильный холод — наша единственная надежда выгнать жар из его тела. Если жар отступит и если его сердце от холода просто не перестанет

биться, он будет жить. Только так.

Пока Орму бормотал молитву Львиноголовому, Шайя молча просила о помощи Белого Волка. Затем капитан позвал некоторых воинов, стоявших на страже среди скал. Чтобы вынести Аарона, понадобилось четверо мужчин — настолько истощены и изможжены были воины.

Они уложили обнаженного правителя в сугроб, и Шайя принялась голыми пальцами закапывать его. Вскоре пальцы ее совсем окоченели от холода.

Орму практически силой удалось удержать мужчин от того, чтобы оттащить Утешительницу от их правителя. Шайя знала, как это должно было выглядеть для воинов: словно бы она пыталась похоронить бессмертного. А может быть, именно это она и делала?

— Ты не должен умирать! Ты — надежда этого мира. Ты не должен умирать! — снова и снова шептала она.

Когда открытым осталось только его лицо, Шайя просунула руку в снег, чтобы чувствовать его сердцебиение. Но ничего не почувствовала — пальцы онемели от холода. Или же просто сердце Аарона перестало биться?

Навстречу свету

— Ты не должен умирать!

Голос доносился откуда-то издалека, но он все равно узнал бы его из тысячи, даже если бы он был подобен лишь шепоту во время бури. Шайя. Она пришла. Он знал, что это лишь сон. Знал, что находится где-то на краю света посреди вечной мерзлоты. Она не может быть здесь... Разве что во сне. Он так скучал по ней. Вместе с ней жизнь его лишилась красок, лишилась смеха. Он достаточно долго выполнял свои обязанности. Теперь он будет просто наслаждаться сном, в котором он становится таким счастливым.

Вот показался теплый желтый свет. Нужно лишь идти к нему, и все его желания станут реальностью. Мужчина на миг замер. Он никогда не был эгоистом, всегда думал в первую очередь о других. Если однажды все люди станут действовать именно так, то мир станет просто идеальным. Будучи правителем, он должен был быть примером для остальных, но как же он тоскует по Шайе... И сейчас ему хотелось лишь слушать ее голос.

Он медленно приближался к свету. Как холодно. Наверняка там, где есть свет, будет теплее.

Что-то коснулось его сердца. Шайя? Она так близко, он это чувствовал. Может быть, она умерла? Временами подобные страхи терзали его. Может быть, ее убили и просто выбросили тело из дворца в Акту. Этот дворец — рассадник интриг. Там нет места любви.

Может быть, она ждет его там, на свету? Он нерешительно сделал еще один шаг в ту сторону. Стало немного теплее. Сделал еще один шаг, давшийся уже гораздо легче.

Она там! Он чувствовал это совершенно отчетливо. Она пришла к нему, наконец-то! Еще всего несколько шагов, и они всегда будут вместе. Она легко поцеловала его в лоб.

Свет исчез. Внезапно он почувствовал, что его окружает плотная, непроницаемая тьма. Холод крепко держал его. Ощущение было такое, словно его поднимают и куда-то несут. Кто-то разговаривал у него над головой. Речь шла о его смерти. А затем голос умолк.

Его перестали мучить даже голоса прежних Ааронов. Вокруг были лишь тьма и тишина. Может быть, так и выглядит конец? Может быть, нет никаких прекрасных садов, созданных богами для светлых душ? Может быть, их задача — воплотить этот сад при жизни, в мире, потому что после жизни ничего больше нет?

Внезапна теплый свет вспыхнул снова. Он услышал голос Шайи, почувствовал ее руки на своем теле. Она шептала об их любви, о давно минувших счастливых днях. Вот только видеть ее он не мог. Ее обнаженное тело прижималось к нему, даровало тепло, а он лишь плыл по течению, полностью отдаваясь приятному ощущению.

Сил бороться у Аарона больше не было. Пусть теперь меч поднимут другие. Его время миновало. Свет так близко. Ему совершенно не хотелось возвращаться. И бессмертный сделал последний шаг

О сердцеедах и хвастунах

Галар потер нос, который почти и не ощущался.

- Зима не сделала тебя краше, карлик, — Че нагло усмехнулся ему в лицо. — Спорим, что ты отморозил себе кончик носа. Если будешь тереть слишком сильно, он еще и отпадет.

- Так же, как вчера кончик твоего мизинца?

Кобольд вздохнул.

- Да кому нужны те мизинцы. Главное, что с лицом у меня все в порядке. Женщины не могут устоять перед моим шармом. Но если у меня будет только полноса, то заполучить одну из них в постель станет гораздо труднее.

- Д1ечтай побольше... — проворчал Галар. Нравился ему этот убийца карликов, тут уж ничего не поделаешь. Этот маленький засранец действительно обладал шармом. Нужно держать с ним ухо востро.

- Если ты не заметил, мне даже Айлин глазки строит. Я в любой момент могу прибрать ее... Хм... Что ж, руки у меня теперь не все целы.

- Что, правда? — недоверчиво переспросил Нир. — 1Пы считаешь, что эта холодная драконница влюблена в тебя?

Галар не поверил своим ушам. Какой же Нир легковерный! Кузнец поднялся и сделал несколько шагов к вершине холма. Над ним раскинулось чистое, безоблачное небо. День был бы отличный, если бы не этот ужасный холод. Вчера у них закончились дрова. Больше не было костров и возможности приготовить себе теплую еду. Он поглядел на дорогу, ведущую в горы. Вдоль нее виднелись небольшие, усыпанные снегом холмы, из которых временами торчала то нога, то рука. Отступая, дети человеческие гибли сотнями. У них костры перестали гореть уже не меньше недели тому назад. Просто чудо, что некоторые из них все еще живы. Галар не понимал, зачем главнокомандующий Солайн приказал им не догонять их. Чтобы догнать людей, потребовалось бы не более трех часов пути. Их отряд мог просто смести людей: они-то уже наверняка не в силах оказывать сопротивление. Нужно наконец-то завершить этот поход и покончить

с этим сидением на снегу.

Он снова потер нос, окинул взглядом усеянную холмами равнину. Проклятый холод! Над горами кружили орлы. Нодон практически не отдыхал. Этот эльф путал Галар еще больше, чем Айлин. Несмотря на то что они подшучивали над своим командиром, она все же вступилась за них. И если бы Айлин не защитила вход в подвал в Вану, все они были бы давно мертвы. Нодон же был другим. Неприступным. Стоило эльфу остановить на нем взгляд своих черных глаз, как Галар всякий раз вздрагивал. И эта его манера одеваться в красное...

На севере между холмами что-то двигалось. Карлик прищурился. Сани! Наконец-то идут обещанные сани. Они должны были поступить еще несколько дней назад. Кто бы ни командовал подкреплением, он не слишком торопился к ним присоединиться. Наверняка какой-нибудь писака, всегда знающий, где находится даже самая последняя горошина из его запасов и который тщательно следит за тем, чтобы олени не сделали лишнего шага, чтобы не устать.

Галар спустился с холма и присоединился к товарищам, где Че все еще громогласно хвастался своими любовными похождениями. Рядом с карликами и кобольдами на снегу сидели три последних тролля. Они были большими и серыми и казались похожими на скалы, если не приглядываться внимательнее. И как обычно, на них не было ничего, кроме набедренных повязок.

– Вы что, никогда не мерзнете, Гроц? —с завистью поинтересовался Галар. Тролль медленно повернул голову и поглядел на него сверху вниз.

—Вообще-то прохладно, — медленно произнес он. — Мне вот солнце мешает. Обжигает кожу. Лучше тучи и снежная буря.

— Точно, именно этого нам и не хватает.

– Вот и я так думаю, —кивнул Гроц.

Галар и забыл, что тролли не понимают сарказма. Желать, чтобы началась снежная буря! Нет, правда! Наконец-то идут сани.

– Не отказался бы от оленя... — В голосе великана послышались мечтательные нотки. — Надоела мне мороженная человечина.

Тролли были единственными, кто на протяжении последних

дней не страдал от голода. Галар с отвращением вспомнил, как он утром застал фоца со товарищи за жратвой. Они нашли замерзшую женщину и трепались на тему того, есть ли гастрономические различия между мужчинами и женщинами. Галару стало дурно, когда он увидел, как Гроц засунул себе в мешок с провиантом обвороженную ногу. «С троллями мне не сойтись никогда, — вдруг осознал карлик. — Сколько бы опасностей мы ни пережили вместе».

Галар хлопнул себя руками по плечам, чтобы немного привести в чувство омертвевшие пальцы, и снова обернулся к Че, который все еще рассказывал о своих любовных приключениях.

– Так ты уломал Айлин, а, сердцеед? — резко перебил его Галар, — Она делала мне довольно недвусмысленные предложения.

– Ну, и как она? Ну, я хотел сказать... — Слова застряли в горле у Галара. За спиной у Че выросла драконница. Как обычно, двигалась она совершенно бесшумно. Галар поднял брови, знаками пытаясь привлечь внимание кобольда к объявившемуся начальству, но тот не понял его.

– Слишком высокая и слишком тощая! — спокойно ответил Че, нагло улыбнувшись. — Просто не в моем вкусе, понимаешь. Хоть и сохнет по мне.

– Отрадно знать, что я подвергаюсь опасности умереть здесь от разбитого сердца, — произнесла Айлин. Теперь она стояла прямо за спиной у Че.

Кобольд обернулся.

– Клянусь альвами, любовь моя. Сегодня ты снова выглядишь потрясающе! Глядя на тебя, я понимаю, что пора прощаться со своими предрассудками относительно эльфийских леди. Ты занята сегодня вечером?

От такой наглости Галар лишился дара речи.

- Наш полководец как раз сообщил мне, что я больше не буду возглавлять ваш отряд, — она наклонилась к Че. — Так что времени у меня полно. Ты не боишься отморозить себе некоторые наиболее чувствительные части?

- Я уверен, что эта часть очень быстро укроется в теплой норке.

Галар уже представил себе, как катится по снегу голова наглого

кобольда, но ничего подобного не произошло. Айлин лишь улыбнулась.

- Тогда сегодня ночью я приду за тобой, — многозначительно заявила она.

- А кто теперь нами будет командовать? — вырвалось у Нира.

Эльфийка пожала плечами.

- Какой-то легендарный герой-карлик. Солайн называл имя, но я забыла. Что-то вроде Хорна.

Галар не поверил своим ушам.

- Хорнбори? Его звали Хорнбори?

Айлин кивнула.

– Точно, именно так его и звали, — теперь в ее голосе отчетливо слышалось раздражение.

- Не может быть, чтобы тебя так просто лишили командования, — возмутился Нир. – Ты сражалась с нами, была ранена. Нельзя же так...

- Не перегибай палку. Я не была ранена. Вы меня опередили.

Тролли гортанно захохотали.

– Точно! — заявил Гроц.

- И тем не менее, все может быть, — продолжала эльфийка. — Солайн просто взял и лишил меня командования.

- Тогда нам стоит позаботиться о том, чтобы у новичка приключилась неприятность в первом же бою, — весело заявил Че. — На поле боя может быть чертовски опасно.

За такое предложение Галар был готов даже обнять маленького сердцееда!

- Вы ничего не сделаете новому командующему. Если вы выстрелите ему в спину, виновата буду я, —резко заявила Айлин. — Вы мои люди. Вы справитесь. А я попытаюсь держать этого негодяя подальше от вас. Кто-то из вас знает его?

Галар еще колебался, когда Нир вдруг вышел вперед.

- Он из Глубокого города. Хвастун и трус. Он всех нас угробит.

- Хвастун? — Эльфийка вдруг усмехнулась. — Это отлично. Вы останетесь здесь и ничего предпринимать не будете. Вы проклятая свора жалких ублюдков. Но вы мои ублюдки. И я не допущу, чтобы какой-то идиот повел вас на убой.

Хранитель Золотой секиры

Увидев полевой лагерь, Хорнбори был разочарован. Почему-то он предполагал увидеть нечто большее. Шатров было всего три. И ни одного костра. На протяжении всего путешествия через эту ужасную ледяную пустыню он надеялся, что в конце концов окажется в красивом шатре перед жаровней.

Последние мили их конвой из саней сопровождала группа кентавров. Один из них поскакал вперед, чтобы сообщить о его прибытии. Приветствовали его как-то скромненько. У крохотного палаточного лагеря стояли три эльфа. Все остальные держались на заднем плане. На холме, чуть подальше, он увидел нескольких карликов и троих троллей. Кобольды там, судя по всему, тоже были. Впрочем, они были слишком далеко, чтобы разглядеть наверняка. Должно быть, это и есть отряд, которым ему предстоит командовать.

Рафа остановил тянувших сани оленей. Кобольд оказался искусным кучером. Впрочем, продвигались они вперед очень медленно. Из-за брони сани стали слишком тяжелы, и по недвусмыслен-' ному приказу Хорнбори ехали они только при свете дня. Сейчас под его командованием находилось шестьдесят семь саней. Десять из них — танки, как назвал их Гобхайн, странный эльф-кузнец.

— Хорошо, что вы прибыли, — приветствовал его стоявший в центре эльф. Выглядел он в своем длинном плаще прямого покроя не слишком воинственно. В отличие от двух других эльфов оружия у него не было.

Хорнбори показалось, что он услышал в его словах упрек. Соскочив с козел, он улыбнулся своей самой дипломатичной улыбкой и направился навстречу эльфу.

Я рад, что мы смогли прибыть так быстро. Дорога была не очень подходящей для таких тяжелых саней. Кроме того, мы пережили две снежные бури, а как-то ночью к нам явилось странное зеленое сияние.

Брасс Мамонтодав, который со своими троллями всю дорогу бежал рядом с санями, пошел за Хорнбори и, скрестив руки на груди, встал за спиной у карлика. «Рядом с этим великаном эльфы выглядят,

жалко», — с удовлетворением отметил карлик. Брасс ходил за ним, как верный пес.

- Мы знаем и дорогу, и ее коварство, — холодно ответил эльф в зеленом плаще. — Айлин, позаботься о том, чтобы сани разгрузили и немедленно разожгли огонь. Я хочу, чтобы у всех наших воинов в животе через час была горячая еда.

Одетая в белое эльфийка, стоявшая рядом с говорившим, тут же отошла.

- Брасс, помоги со своими ребятами разгрузить сани, — Хорнбори произнес это в первую очередь за тем, чтобы показать, что он тоже имеет право командовать. Он не позволит водить себя за нос парочке наглых эльфов. Хотя одетый в красные одежды воин, стоявший рядом с полководцем, выглядел устрашающе.

- Остальное мы обсудим в моем шатре, — и с этими словами полководец резко отвернулся.

«Да этот эльф из худших», — подумал Хорнбори, молча следуя за ним. Обставлен шатер был слабо. Единственной роскошью в нем была очень уютная полевая койка, на которой Хорнбори с удовольствием бы растянулся. «Лежать там, и чтобы Амаласвинта делала ему массаж — вот это было бы здорово», — мечтательно подумал карлик и огляделся по сторонам. Кроме кровати, здесь стоял большой стол с двумя неудобными на вид стульями с высокими спинками. В углу стоял сундук внушительных размеров. «Значит, он тщеславный щеголь, который любит наряжаться», — подумал Хорнбори, испытывая облегчение от того, что обнаружил слабое место полководца.

- Как ты наверняка уже догадался, я — князь Солайн, — эльф опустился на один из двух стульев и широким жестом пригласил его занять место на другом.

«Ну уж нет, я не поддамся на эту глупую игру», — подумал Хорнбори, отступая на шаг от стола и оказываясь в центре шатра. Если сесть на стул, он будет лишь чуть выше края стола и выглядеть как маленький ребенок. Встанет рядом со столом — это будет немногим лучше.

– Ты не устал с дороги? Не хочешь присесть?

На это фальшивое дружелюбие Хорнбори ответил лишь

улыбкой.

– Я сидел всю дорогу. Так что постоять теперь очень даже приятно.

Полководец кивнул.

- Хранитель Золотой секиры — никогда не слышал о подобном титуле. Как добиться такого положения?

Карлик очень старался говорить пренебрежительно.

- Благодаря мужеству, проявленному в бою. Эйкин, Старец в Глубине Железных чертогов, возвел меня в эту должность за мои заслуги.

- Ах, так вот чем ты славен. Мужество в бою... Меня назначил на мой пост Золотой, и я до сих пор не уверен, какой из заслуг я обязан этой честью.

Хорнбори решил говорить прямо. Судя по всему, Солайн злился из-за того, что он прибыл на несколько дней позже.

- Мне жаль, что вам пришлось меня дожидаться. Требования к снабжению были настолько обширными, что мои сани оказались перегружены.

- Тебе следовало бы относиться к своему князю и полководцу с большим уважением, карлик, — резко осадил его одетый в красное эльф.

- Он мой полководец, но не мой князь, — поправил Хорнбори. — Мой князь — Эйкин.

-Ты...

Солайн поднял руку, заставив красного эльфа замолчать. В этот миг в шатер вошла хрупкая эльфийка.

- Котлы стоят на огне, — резким тоном доложила она и встала за спиной у полководца.

Но князь не стал отвлекаться на подобные мелочи. Он неотрывно глядел на Хорнбори.

— К чему на санях пластины из серебряной стали? Возможно ли, что они сыграли роль в том, что ты двигался слишком медленно?

- Это новые боевые сани, полководец. Я сам их придумал. Они

служат для того, чтобы обстреливать врага с близкого расстояния и пробивать их стены из щитов.

- Они что, опять строят стены из щитов? — иронично поинтересовался князь, обернувшись к стоявшим у него за спиной эльфам.

- Конечно, можно пробивать и другие...

- Тебе нужно было просто вовремя доставить необходимое, — повысил голос Солайн. — Вся остальная чушь совершенно излишня. Золотой узнает, как сильно ты нас подвел.

- Возможно, от саней все же будет прок, — неожиданно пришла ему на помощь эльфийка. — Сражаться с ними на перевале слишком опасно. Возможно, сани могут объехать войско людей и дождаться их с другой стороны гор? Нодон, кажется, ты же обнаружил еще один перевал милях в тридцати к востоку отсюда? Там смогут пройти сани?

- Да, дорога не очень тяжелая, — ответил одетый в красное эльф.

- Какой от этого прок? — Судя по всему, предложение не слишком понравилось Солайну.

- Новые воины могут проявить себя. А мы, остальные, пойдем за детьми человеческими, когда они преодолеют перевал. И со склонов горы нам отлично будет видно, как Хорнбори сразится в последнем в этой войне бою.

- Бой — это слишком возвышенное слово. Им придется просто пристрелить нескольких беззащитных людишек...

- Посмотрим, докажут ли сани свою пользу. Если да, то возможно, будет смысл строить бронированные кареты.

Полководец недовольно покачал головой, а Хорнбори все удивлялся поддержке со стороны эльфийки. Застрелить нескольких беззащитных людишек — это звучит неплохо. И для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице ему нужна боевая слава.

- Мои ребята рвутся в бой! Прошу, полководец, не лишайте нас возможности завоевать славу — после того, как мы имели неосторожность разочаровать тебя.

- Это было бы хорошо для морали войска, — снова поддержала его эльфийка, и Хорнбори решил как можно скорее вознаградить ее

подарком. Может быть, изысканное вино? Он лично проследил за тем, чтобы в грузе были некоторые изысканные товары, чтобы благодаря подаркам превратить новые знакомства в дружбу.

- Что ж, ладно, — решил Солайн. — Пусть покажут, как умеют сражаться. Тебе придется немедленно выступать со своими, если хочешь как следует пустить им кровь прежде, чем они достигнут звезды альвов.

- Твое желание для меня закон! — Хорнбори низко поклонился и широким шаго вышел из шатра. Вот это будет сражение как раз в его вкусе!

Меня здесь уже не будет

Его тело снова потеплело, но это был не жар лихорадки, снова поселившийся в теле Аарона. «Мы победили», — радостно думала Шайя. Когда Аарона вынули из снега, его отнесли в небольшую пещеру. Тело его было совсем твердым от холода. Сердце почти перестало биться. Она разделась и прижалась к нему. Еще с детства она знала, что именно таким образом легче всего пробудить волю к жизни у переохладившегося человека. Не раз ей доводилось видеть, как воины возвращались с зимней охоты скорее мертвыми, нежели живыми. И лучше всего помогали им не горячие супы и не сброженное молоко яков. Лучшее средство от переохлаждения — тепло молодой женщины.

Шайя села на него сверху и принялась массировать его тело. Иногда веки воина трепетали. Женщина то и дело останавливалась, прислушиваясь к сердцебиению. Оно все еще было медленным, но уже гораздо более сильным, чем прежде. Она снова легла сверху.

Как же холодно. Целительнице казалось, что его холод пробирает ее до костей. Как же хочется заснуть рядом с ним! Но этого нельзя желать. От этого зависит мир в империи, она не должна возвращаться. Вместо того, чтобы горевать о несбыточном, нужно радоваться, что боги сделали ей такой подарок! Полночи вместе с ним. Снова лежать с ним рядом —сегодня утром это казалось просто невозможным.

Шайя осторожно поднялась, укрыла Аарона и оделась. На душе было тяжело, когда она выходила из пещеры.

— Как он? — бросился к ней Орму, который, судя по всему, ждал у входа.

— Ему очень повезло. Думаю, он выкарабкается. Жар побежден. Но он будет очень слаб. Присматривай за ним, как следует, Орму.

Ни знаешь, что он не щадит себя. Тень смерти отступила на шаг, но все еще очень близка.

— Это ты должна сказать ему об этом, Кирум! Он послушает тебя!

Шайя с грустью покачала головой. Она дважды пыталась

заговорить, и голос не слушался, пока наконец, с третьей попытки, слова не сложились в фразы.

—Меня здесь уже не будет... Я должна оставить его. Если я буду рядом, мира в империи не будет.

— Это несправедливо, — возмутился Орму.

— И все же так должно быть. Подготовь воинов, которые узнали меня, чтобы они ни за что не говорили, что я была здесь. Скажите, что это был бред, если Аарон будет спрашивать обо мне и твердить, что видел меня.

— Разве он видел тебя?

— Не знаю. Во сне он шептал мое имя и... — Она запнулась. Нет, то, что еще он сказал, касалось только ее. Она знала, что он любит ее и будет любить всегда.

— Ты точно не хочешь остаться? Если бы ты была рядом, он был бы счастлив.

Шайя устало покачала головой. Ее место — не рядом с ним.

— Отпусти и даже не пытайся найти меня. Так будет лучше;

— Подожди! — Капитан махнул рукой одному из своих воинов, который протянул ему небольшой латунный кубок.

— Выпей это!

— Что....

— Просто выпей, — настаивал воин.

Она поднесла бокал к губам. Теплое! Женщина осторожно выпила. Это была просто вода, но. ничто прекраснее этого никогда не окропляло ее губ. Теплая вода.

—Откуда у тебя это?

— Мы нагреваем бокал на пламени масляной лампы и растапливаем в нем лед. Масла для ламп осталось уже совсем мало. В день бывает только несколько глотков теплой воды для каждого, но это помогает.

Шайя осушила кубок.

— Могу сделать тебе еще немного, — предложил Орму. Женщина понимала, что ради этого он откажется от своего

собственного рациона. Вместе с водой в желудок вернулось приятное тепло. Впервые за целую вечность. Но губы снова пересохли. Пара глотков воды не могли утолить давнюю жажду. Теперь в горле царапало хуже прежнего. Принцесса подняла взгляд к небу. Над черными горами уже появлялись первые серебристые линии утренней зари. Скоро проснется Аарон, и к этому моменту ее уже не должно быть здесь.

— Мне нужно идти, — настаивать на этом было тяжело. — У вас еще есть сушеное мясо?

Орму кивнул.

— Порежьте его на мелкие кусочки и пусть оно полежит в теплой воде, размякнет. Это придаст бессмертному сил.

— Жаль, что ты не можешь остаться, Кирум.

Женщина улыбнулась в ответ, а затем отвернулась и стала спускаться к перевалу меж скал. Взяла копье у одного из умерших, поскольку ей нужен был костыль, чтобы опираться на него.

Так же, как и она, к перевалу шли уже и другие. Молчаливые, оборванные фигуры, шаг за шагом продвигавшиеся вперед. Она уже не обращала внимание на лежащих вдоль дороги, закрыла сердце для мольбы тех, кто лишился сил. Опустившемуся на снег уже не на кого было рассчитывать. У живых почти не было сил тащиться дальше самим.

Вскоре усталые ноги горели. Она все чаще останавливалась, тяжело опираясь на копье, затем устало подняла голову, поглядела на сияющее солнце, горевшее над перевалом у нее над головой. Возможно, оттуда она сможет увидеть равнину, на которой стоят врата между мирами. Она должна дойти. Она — Шайя, принцесса-воин из народа ишкуцайя. Она так просто не сдастся.

Час за часом пробиралась она вперед, ее мучили голод и жажда. Ряды мужчин редели все сильнее и сильнее, все больше и больше падало их вдоль дороги. Наконец — уже давно миновал полдень, тени снова стали удлиняться, она достигла перевала. Как женщина и надеялась, оттуда открывался головокружительный вид на заснеженную равнину, раскинувшуюся по ту сторону гор. Где-то там, внизу, было их спасение. Еще сокрытые от взглядов, врата между мирами откроются, как только перед ними встанет серебряный лев.

Что-то похожее на тень скользнуло по равнине. Кажется, это были большие сани. Такого транспорта у их войска не было. Демоны обогнали их и отрезали путь к отступлению!

Осознание этого лишило Шайю последних сил. Она пошатнулась, сошла с дороги и в отчаянии присела на валун. Они подошли так близко к спасению, но оно все равно осталось недосягаемым.

Скатившись с покрытой льдом скалы, она рухнула в снег. Сил на то, чтобы сесть, уже не было. Высоко над ней в безоблачном небе стояло послеполуденное солнце. Шайя представила себе, что это летний день, как в детстве. День, когда она сбежала от своей няни и лежит в высокой степной траве на холме, скрестив руки за головой. Солнце щекочет ей нос и согревает лицо. «Это был чудесный день», — подумала она и закрыла глаза.

Акоатль

— Шайя? — Заморгав, Аарон огляделся по сторонам. Он лежал в пещере, но не помнил, как попал сюда.

Только что еще Шайя была с ним. Она лежала в его объятиях и нежно целовала его, но теперь он был один. Аарону показалось, что в воздухе еще витает ее аромат. Наверное, это был сон. Правитель помнил, что у него был жар. Его люди несли его...

Отступление! Где он сейчас?

— Орму! — Голос Аарона прозвучал слабо. Он разозлился на себя на собственную беспомощность, сел и хотел уже направиться к тяжелому одеялу у входа в пещеру, когда его отодвинули.

В проеме показалось рыжебородое лицо худощавого охотника из Гарагума.

– Бессмертный?

— Мне нужно выбраться отсюда. Помоги мне!

— Нет.

Аарон растерялся. Давно не бывало, чтобы кто-то противился его прямому приказу.

— *Это все твой вялый характер,* — тут же дали знать о себе голоса в его голове. — *Этот немытый деревенщина просто не уважает тебя. Вели его высечь. Немедленно!*

Аарон застонал, не обращая на голоса внимания. Он так надеялся, что наконец-то избавился от этой чумы.

Отвернувшись и глядя через плечо, Орму выкрикнул какой-то приказ, который Аарон толком не разобрал. Затем его капитан на миг обернулся, только для того, чтобы снова показаться в пещере. В руках у него был маленький бронзовый сосуд, а сам охотник опустился перед ним на колени.

— Пейте!

— *Ты видишь? Никакого уважения, говорю я тебе!*

— Что это ?— Говорить у Аарона совершенно не было сил. А ведь только что, проснувшись, он чувствовал себя очень хорошо.

— Бульон из сушеного мяса. На вкус ужасно, но придает сил. Аарон позволил Орму поднести кубок к самым его губам, опасаясь, что он выскользнет у него из рук, если он попытается держать его самостоятельно. Бульон был действительно ужасным, но теплым. И это было приятно.

— Это точно сушеное мясо или ты сварил в нем подошвы сапог, специально для меня?

Охотник улыбнулся.

— Хорошо, что тебе уже лучше, бессмертный. Мы уже думали. — Он запнулся и уставился в пол.

— Мне лучше. Кажется, я могу вырывать с корнями деревья, — Правитель усмехнулся. — Ну, скажем, молодые росточки. Кто был со мной? Кто за мной ухаживал?

Орму уставился на шерстяное одеяло, лежавшее на полу. Казалось, он наблюдал за вошью, ползавшей по его складкам.

— Кушиты, бессмертный. Они всегда были с тобой. Ночью мы закопали тебя в снег, чтобы сбить жар. Мы боялись, что ты не доживешь до утра... Это была трудная ночь.

— Кто был со мной в пещере и кто ухаживал за мной?

— Ты сам поправился, бессмертный.

Орму ответил слишком поспешно, это было похоже на ложь. Но Аарон понял: что бы ни случилось этой ночью, из капитана ему это не вытрясти. И Аарон пожалел, что проснулся не в объятиях Шайи. Однако сейчас не время для эгоистичных грез. Он осушил кубок и принялся жевать кусочки мяса, плававшие в теплой воде.

— Помоги мне одеться, — попросил он.

Было видно, что Орму чувствует себя неловко в роли камердинера, но воин подчинился. Когда все было готово, Аарон, опираясь на капитана, вышел из пещеры, где его радостно приветствовали кушиты. Верность и преданность мужчин, салютовавших ему. словно на параде, тронула его — как будто не было ни отчаяния, ни нужды.

Аарон ответил на их приветствие, обменялся с воинами парой слов, а затем снова обернулся к Орму.

— Позови остальных бессмертных. Мне нужно посоветоваться с ними;

— Я... э... Боюсь, они не придут.

Он понял. Слишком долго он валялся в постели. Даже такое разбитое войско, как их, не должно было оставаться без командования.

— Кто командует?

— Акоатль, повелитель небес и всего того, что лежит под ними.

Аарон вздохнул. Именно цапотец!

— Значит, я пойду к нему. Где мне его найти?

— Он уже наверху, на перевале. Сейчас мы в арьергарде. Поднимаются сейчас сотни отставших, и никто не знает, сколько еще стоят лагерем у подножия горы.

— Сколько моих кушитов еще достаточно сильны, чтобы держаться на ногах?

— Со мной еще тридцать два, бессмертный.

— Тогда назначь человека, который поведет меня наверх, к перевалу, а с остальными воинами попытайся спасти как можно больше отставших! Нужно лишь перевалить гору! С этим мы справимся.

Орму улыбнулся ему болезненной улыбкой.

— Если, я выполню твой приказ, бессмертный, то не вернемся ни я, ни мои люди. Мы едва прошли половину, и уже без сил. Если мы пойдем назад, чтобы помогать слабым, то... Все уже обессилели, бессмертный.

В бессильной ярости Аарон сжал кулаки.

— Мы же не можем просто бросить слабых. Не теперь, когда мы так близко от врат между мирами!

— Мы поступаем так уже не первый день, бессмертный. У тебя был жар. Ты не видел всего этого ужаса. Если кто-то уже не может идти, ему конец. И все это знают.

— Отведи меня к Акоатлю! — велел Аарон.

— Нужно идти всем вместе, — негромко посоветовал Орму. —

Акоатль с остальными правителями на перевале. Если ты будешь с нами, твои люди почувствуют прилив сил, бессмертный. Это понадобится всем, чтобы преодолеть этот путь.

Аарон обвел взглядом истощенные лица. Волосы и бороды были покрыты изморозью, одежда потрепана, но оружие еще было у всех.

— Давайте поднимемся на перевал! — крикнул он кушитам. — Вернемся домой! — Отчаянная надежда на лицах мужчин ранила его до глубины души. Он обязан вернуть их обратно. Орму прав. Они не могут больше заботиться об отставших.

И Аарон во главе своих воинов начал подъем.

Путь к перевалу вскоре показал, что он переоценил свои силы. Его поддерживал то Орму, то кто-то другой. Это было унизительно — не иметь сил стоять на ногах, словно новорожденный жеребенок. Еще прежде, чем была пройдена половина пути, Аарону пришлось позволить нести себя.

Когда они почти дошли до перевала, Орму приказал воинам поставить его на ноги. Капитан кушитов обхватил его за талию и помог пройти дальше.

Почти вся его гвардия уже не могла идти. Тяжело дыша, они опирались на копья, когда делали последние шаги к перевалу.

— Аарон! — раздался вдруг знакомый голос, и мгновение спустя перед ним возник Володи. — Аарон, хвала богам!

Глаза у друснийца ввалились, светлая борода завшивела, но бессмертный источал силу, и Аарон позавидовал ему.

— Как же здорово снова видеть тебя на ногах, друг мой;

— Не мои ноги привели меня сюда, — признался Аарон.

Володи нахмурил лоб.

– Ну и что! Главное, что ты здесь. Ты сделай мне одолжение: не говори ты правду про твои ноги для тот засранец с крыльями, который стоять там, наверху.

Аарон невольно усмехнулся. Как же ему не хватало говора Володи, который обращался с языком Арама самым кошмарным образом. В каждом слове друснийца чувствовалась глубокая привязанность. А чувствам не нужна грамматика.

Лабарна тоже спустился с перевала. Он нес на широких плечах булаву и буквально лопался от избытка силы. Каким образом бессмертному правителю Лувии удалось выстоять в сражении с морозом и лишениями, оставалось для Аарона загадкой.

— Хорошо, что ты снова здесь, Аарон. Я был бы очень разочарован, если бы одному-единственному демону удалось загнать тебя под землю.

— Что ж, хотя бы это был демон на гигантском орле, — устало заметил Аарон.

— Ну, не начинай, — высоченный воин приветливо ткнул его кулаком, и Аарон едва не свалился на землю. — Не думаю, что мне

достало бы мужества отправиться на бой в небесах на летучем льве. Отправляясь на битву, я предпочитаю иметь под ногами твердую почву, — и он отвесил нарочито низкий поклон. — Мое почтение, правитель всех черноголовых.

— Боюсь, это была не последняя битва в небесах, — Аарон поглядел на Акоатля, стоявшего на невысокой скале, торчавшей на перевале, среди своих воинов-орлов. Правитель Цапоте не собирался спускаться к нему.

— Где остальные бессмертные, Володи?

— Ансур сбежал, как и подобает валесийскому псу. Его люди почти с ума сходить без командир. Мадьясу в небе не так повезти. Лошадник умирать. Сейчас этот Субаи, мужчина с лицо как у крысы, командовать степняками. Они почти так же твердые, как друснийцы, ребята те. Кеану, это быть правитель Плавучих островов, замерзаться вчера. Был последний из татуированных мужчин, кто умирать. Глупо быть приводиться сюда. Они не годиться для зима.

Двое бессмертных мертвы. Аарон не поверил своим ушам. Это же катастрофа! А девантары все еще не спешат им на помощь.

— Демоны уже ждут нас внизу, на равнине, — заговорил Лабарна. — Поставили там свои новые колесницы. Последние мили, отделяющие нас от дома, придется брать боем.

Аарон снова поглядел на Акоатля. Бессмертный в орлином наряде не обращал на него внимания.

— Помоги мне залезть на этот уступ, Володи. Мне нужно

поговорить с ним.

— Это просто задница и дурак, этот тип, — прошипел друсниец. — Разговорами не помогать!

— И все же я попробую, — решил Аарон, и Володи помог ему подняться наверх. Со скалы, возвышавшейся над самой высокой точкой перевала, бессмертному открывался хороший вид на равнину и дорогу, по которой пришло сюда разбитое войско.

— С тобой даже смерть связываться не хочет, — приветствовал его бессмертный Акоатль, не удостоив Аарона и взглядом.

— У тебя есть план, правитель небес и всего того, что лежит под нимй?

— Что ж, хотя бы достаточно очевидно, что задумали наши враги, — пренебрежительным тоном заявил правитель Цапоте. — Эти крупные колесницы там, внизу, должны отрезать нам путь к вратам между мирами, пока основные силы будут брать штурмом перевал с севера. Они думают, что загнали нас в ловушку, но они ошибаются. Этот перевал станет могилой для демонов.

Услышав высокомерные слова цапотца, Володи закатил глаза, но ничего не сказал.

— И ты думаешь, что мы сможем удержать их на узком перевале? — спросил Аарон, стараясь, чтобы тон его звучал как можно более нейтрально, хотя этот план казался ему в высшей степени легкомысленным.

— С сотней моих воинов-ягуаров это было бы наверняка возможно, однако имеющиеся у нас в распоряжении войска не позволят нам остановить демонов. Нет, мы просто похороним их на этом перевале. Под снегом, льдом и обломками камня. Мы спустим лавину, как только все их войско будет на пути к перевалу.

— А наши отставшие? — Аарон был в ужасе. Они же похоронят и своих собственных людей.

— До рассвета я не ожидаю атаки. У тех, у кого есть силы идти, будет еще целая ночь для того, чтобы дойти сюда. А тот, кто не сумеет подняться к перевалу, того нам все равно не спасти. Смерть под лавиной все милосерднее, нежели гибель от Зеленых духов.

План был бесчеловечным и в то же время многообещающим.

Аарон поглядел на север. Далеко на горизонте он увидел лагерь демонов. У них даже шатры были. Кроме того, он знал, что в эту ночь у них будут гореть костры. Их воины истощены не настолько сильно. А им уже нечего противопоставить серым великанам и смертоносным воинам с мечами.

— Я мог бы остаться со своими кушитами здесь, чтобы вызвать лавину.

Теперь Акоатль впервые посмотрел на него. Холодные глаза цапотца смотрели на него пренебрежительно.

— Об этом, конечно же, не может быть и речи. С одной стороны, тогда мне пришлось бы беспокоиться, что из-за отставших ты будешь медлить и упустишь момент. С другой стороны, ты жалок и тебе потребуется не один час, чтобы спуститься по склону. Мы же с воинами-орлами слетим на равнину. Нам потребуется самое большее сотня ударов сердца, чтобы нагнать вас. Вот так нужно избавляться от врагов.

— Надеюсь, что вскоре я увижу тебя на серебряном льве. Я с удовольствием поучился бы у тебя сражениям в воздухе.

Акоатль склонил голову набок и поглядел на него из-под своего орлиного шлема, напомнив Аарону обычного петуха.

– Это не одно и то же, — ответил он. — Я всегда летаю на собственных крыльях. А ты лучше бы оставался на земле. Ты можешь понадобиться в бою против больших колесниц.

— Верно, я встречусь с нашими врагами с мечом в руке, в то время как ты с безопасного расстояния спустишь на них лавину. Сколько у нас еще воинов, которые могут участвовать в сражении?

Акоатль скривился, словно собираясь растерзать его прямо сейчас. Его воины-орлы напряглись. Володи опустил руку на рукоять меча.

«Нужно держать себя в руках, — пристыженно подумал Аарон. — Мы не можем позволить себе драться между собой». Даже несмотря на то, что Акоатль даже не пытался вести себя вежливо, это не извиняло подобное поведение с его стороны. Он — как совершенно верно заметил Володи, — задница и дурак.

— Воинов для сражения на равнине здесь всего восемнадцать, — сдавленным голосом ответил Акоатль. Судя по всему, он тоже

пришел к выводу, что открытая конфронтация может подождать до лучших времен.

— Восемнадцать? — это еще что такое? Они в отчаянном положении, но, не может же все быть настолько плохо!

— Мои воины-ягуары, вот и все, — он пренебрежительно хмыкнул. — Кроме того, есть еще человек двести, тех, кто в состоянии держать в руках оружие, но называть их воинами с учетом их состояния было бы слишком смело.

С Аарона было довольно. Против такого плана ему возразить было нечего. У них просто не было другого выхода. Впрочем, выносить Акоатля дольше необходимого не было никакой нужды. Он отвернулся. Гнев придал ему сил. Он встал на край утеса и поглядел на юг, на ледяную равнину, на которой ему предстояло сражаться завтра. Что не так с этими огромными колесницами? Нужно попытаться убить ездовых животных. Тогда завтра они сумеют победить. Кроме того, на их стороне будет сражаться серебряный лев. Они справятся!

Он поглядел на беглецов, с трудом поднявшихся к перевалу, и теперь ожидавших на отвесном склоне, глядя на равнину, на которую опускалась ночь. Оставалось лишь надеяться, что Зеленые духи не слишком сильно будут тревожить их! Сколько еще замерзнет всего в одном дне от спасения?

Неподалеку сидел мужчина с длинными черными волосами, поставив рядом с собой копье. Он был в числе тех немногих счастливчиков, у кого был меховой плащ. Он точно справится!

Герой и лев

Ночью Хорнбори почти не сомкнул глаз. Он то и дело принимался ходить взад-вперед по повозке, глядя на склоны гор. Когда же они придут? С рассветом? Или за час до него? Наконец он узнал ответ. День начался два часа назад, когда примерно в миле от саней начал строиться разбитый отряд детей человеческих. Он был почти в точности там, где предполагал его увидеть Хорнбори,

Полученный им приказ был странным. Солайн настоял на том, что нужно позволить уйти некоторым детям человеческим через звезду альвов, находившуюся где-то неподалеку. Не менее сотни. Почему не сделать победу полной? Конечно, ему-то было все равно. Он просто выполнит приказ. Вся ответственность будет лежать на Солайне. Тем не менее, он предпочел бы понимать, что происходит.

Все сани были повернуты кормой к детям человеческим. Вращающиеся копьеметы были повернуты назад. На санях рядом с расчетами карликов сидели по нескольку кобольдов с арбалетами. Брасс и его тролли заняли позицию между запряженными оленями санями, чтобы по его приказу перейти в контрнаступление или броситься на помощь саням, которые окажутся вовлечены в ближний бой.

Но по плану ближнего боя не должно было быть. В конце концов, именно поэтому они сидели на санях, обращенных кормой к детям человеческим. Его план был таков — медленно уезжая от нападающих, всегда стараться держать врагов на расстоянии выстрела, чтобы убивать их, не подвергая себя опасности. Это просто идеальная битва: уничтожать противника, не неся при этом потерь! Так и должно было сегодня все пройти.

Он поднялся на козлы своих саней, прикрыл глаза ладонью, заслоняя их от низко стоящего солнца, снова поглядел на детей

человеческих. Может быть, они разгадали его план сражения? Чего они копаются?

Прошла целая вечность, прежде чем они образовали что-то вроде строя и медленно стали двигаться по равнине. Хорнбори нервно поглядел на Брасса. Надежда была лишь на то, чтобы он держал троллей, как он ему и приказывал. Его воины жаждали наконец-то

попробовать теплой человечины.

— Золотой смотрит на тебя, Брасс! — крикнул он троллю, похлопав по штандарту, который стоял в специальном зажиме с тыльной стороны козел. Массивный шелковый хвост за головой дракона развевался на слабом утреннем ветру. Это был красивый и, самое главное, внушительный штандарт.

— Они хромают, — вдруг заметил Рафа. — Ты только посмотри. Они же едва держатся на ногах.

Кобольд опустил арбалет и посмотрел на Хорнбори снизу вверх. Теперь обернулись и сидевшие у копьеметов карлики и вопросительно уставились на него.

— Это может быть уловка! — решительно заявил Хорнбори. — Не позвольте им обмануть себя? Они далеко не беззащитны, — он опустил руку на плечо кучера, сидевшего на козлах у него за спиной. —• Было бы неплохо поехать им навстречу, а то они как-то слишком медленно плетутся.

Седобородый карлик пожевал свою потухшую трубку и покачал головой.

— Назад не поедет.

Хорнбори нервно покрутил прядь волос из бороды между большим и указательными пальцами. Может быть, он допустил ошибку? Может быть, нужно было просто понестись на них, давя этих людишек, стреляя изо всех орудий. Что ж, теперь уже слишком поздно перестраиваться.

— Они уже на расстоянии выстрела, — заметил командир его орудия.

— Без моего приказа не стрелять, -*■ громко распорядился Хорнбори. — Наш первый залп должен посеять среди них панику.

Что за оборванцы идут к ним! Они не живее тех умерших, которых они видели по пути с севера вдоль дороги.

— Ждать! — Теперь его голос звучал спокойнее. Расправиться с этими оборванцами будет просто детской забавой. Внезапно боевой строй детей человеческих расступился, пропуская большого серебряного льва. Широкими прыжками он понесся прямо на сани.

— Застрелить тварь! — приказал Хорнбори, поднимая тяжелый

арбалет с поворотным затвором, лежавший на сидении между ним и кучером.

Вокруг раздался свист — это распрямлялись тетивы дольшетов. Некоторые кобольды тоже принялись стрелять во льва. Хорнбори опер арбалет на-спинку козел и начал вращать рукоять. Неплохо было бы, если бы он смог застрелить эту тварь. Конечно же, это было весьма маловероятно, однако стрелять вместе с другими тоже неплохо. Пусть его люди видят, что он лично принимает участие в сражении, а не только отдает приказы. Здесь, наверху, на козлах высотой более двух шагов, с ним ничего не может случиться.

Громкий металлический звон заставил его замереть. Это еще что такое? Снова звон и снова. Лев неудержимо несся им навстречу, и все стрелы просто отскакивали от него. У них были бронированные сани, но у детей человеческих был бронированный лев! Открыв рот, он уставился на тварь, под огромными лапами которой так и брызгал в разные стороны снег. Почему никто не предупредил его насчет этого льва? Солайн ведь должен был знать об этом!

Хорнбори в тревоге глядел на боевой строй детей человеческих, которые теперь пошли быстрее, окрыленные неудержимостью льва. Может быть, таких существ несколько?

Стрела из копьемета угодила льву в лоб и отскочила от него. Бестия даже не замедлилась. Напротив, она еще больше ускорилась и одним огромным прыжком вскочила на сани слева от Хорнбори. Чудовище яростно разметало столпившуюся команду. Чернобородый карлик, попытавшийся защититься от него копьем, улетел прочь с саней с разорванной спиной. Хорнбори увидел, как под ударами львиной лапы трескались головы кобольдов. Надо льдом звучали пронзительные крики, заглушая даже воинственные кличи, которые издавали дети человеческие.

Когда залитый кровью лев оперся передней лапой на парапет, высматривая себе новые жертвы, кучер рядом с Хорнбори щелкнул кнутом, опуская его на спины своих оленей. Внезапный рывок, с которым сани тронулись с места, заставил Хорнбори потерять равновесие. Взмахнув руками, он упал спиной в снег, а его арбалет болезненно приземлился прямо ему на грудь.

Теперь все сани вокруг него тронулись с места. Над головой карлика свистели копья и арбалетные болты, колотя по стальным

пластинам завоеванных львом саней. Бестия наклонила голову, и Хорнбори показалось, что она смотрит прямо на него. Только на него! А затем спрыгнула на землю.

Хорнбори одним прыжком оказался на ногах, соображая, что делать. Он видел, насколько лев быстр, видел, что случилось с теми несчастными, кто оказался на других санях. Карлик закрыл глаза и мысленно представил себя лежащим на льду, растерзанным, когда глухой металлический звук заставил его снова открыть глаза.

Брасс, Мамонтодав! Тролль бросился наперерез льву и теперь катался по снегу вместе с тварью. Он крепко держал шею чудовища бойцовским захватом, а сделанные в форме серпов когти на задних лапах чудовища тем временем рвали его бедра и живот. Он не мог победить в этом бою, но он выиграл время для Хорнбори.

— Глаз! Стреляй! — заорал тролль; прямо в морду льву, не издавшему ни единого звука.

Хорнбори схватил арбалет и принялся с отчаянной поспешностью крутить ворот. Положив болт на направляющую, он замер. Прежде стрелы отскакивали от серебряного льва. Теперь же, когда он находился настолько близко к этой твари, он видел, что она сделана полностью из металла. Выстрелы оставляли на серебре лишь неглубокие выемки да царапины. Но возможно, маленькие глаза янтарного цвета все же уязвимы.

— Скорее! — простонал тролль. Снег вокруг был пропитан кровью, валялись кусочки его плоти, вырванные из тела острыми, как ножи, когтями.

Хорнбори поднял оружие и подошел ближе ко льву.

. — Эй, тварюка!

Лев повернул к нему голову. Хорнбори сжал указательный палец, спуская курок арбалета. Тетива распрямилась. Стрела полетела прочь.

А лев... моргнул. Арбалетный болт с резким металлическим скрежетом отскочил от серебряного века с золотыми ресницами.

— Вот дерьмо... Еще раз, — с трудом простонал тролль. Львиные когти все глубже и глубже впивались в его тело. Массивные руки, сжимавшие шею чудовища, дрожали. А всего в сотне шагов от него уже шли в атаку дети человеческие.

Хорнбори хотел убежать, но тут вдруг отчетливо осознал, что лев нагонит его и растерзает. Бегство не поможет, тут нужно действовать! Он поставил ногу в стремя арбалета, наклонился, обеими руками потянулся к вороту через направляющую и начал вращать его. Медленно, очень медленно взводился стальной лук. Наконец оружие было заряжено. Дрожащими руками Хорнбори потянулся к сумочке с болтами.

— Скорее... — Голос тролля звучал совершенно обессиленно. Оставалось еще всего несколько мгновений, и неравный бой вскоре завершится. Хорнбори выронил вытащенный болт. Не отводя взгляда от льва, он стал шарить рукой на снегу. Когти хищной твари устроили настоящую резню. Задние лапы льва, разорвав кожу на животе, буквально потрошили тело тролля.

— Сейчас... — Брасс отпустил одну руку и схватил льва за морду и придавил большим пальцем золотые ресницы, чтобы лев не мог опустить веко.

Хорнбори подошел вплотную к бестии, поднял оружие и спустил курок. Послышался звон, болт исчез в янтарном глазу, заскрежетал металл, из сломанного глаза закапала черная жидкость. Лев выгнулся дугой, запрокинул голову назад и замер.

— Расскажи королю Бромгару... про охоту, — пробормотал Брасс.

— Обязательно, — пообещал Хорнбори и тут же подумал, что никогда не пойдет ко двору короля троллей. Брасс был идиотом, который по глупости распростился с жизнью, но ложь он заслужил. Не будь тролля, сейчас он был бы мертв, и Хорнбори прекрасно осознавал это.

— Ты хороший вожак... — пробормотал тролль. — Я чувствую взгляд Золотого... — Он глубоко вздохнул, а затем глаза его остекленели.

«А ведь Брасс гордится, что подох таким образом», — испытывая некоторое отчуждение и недоумение, подумал Хорнбори. Подобная храбрость была совершенно непонятна карлику. Они не были друзьями, и пользы троллю от того, что он принес себя

в жертву, не было никакой. Единственно возможным объяснением было то, что у великана мозг был размером с лесной орех.

Хорнбори поднял голову и поглядел на приближающихся к нему людей. Гибель льва чуток поумерила их пыл. Они все еще шли вперед, но уже гораздо медленнее.

Карлик попятился спиной к саням, не выпуская маленького войска из виду. Он обратил внимание, что кроме людей, в войске были еще какие-то странные существа. Создания, похожие на ожившие тени, сновавшие перед самым строем врагов.

Карлик махнул рукой удаляющимся саням.

— Я убил льва! — изо всех сил заорал он. — Возвращайтесь! Мы победим!

Пятясь, он снова принялся взводить арбалет. Когда он брал в руки болт, руки его уже не дрожали. Карлик опустился на колено, спокойно прицелился и выстрелил. С удовлетворением отметил, что парень, которого он выбрал себе в качестве мишени, опрокинулся навзничь и больше не поднялся. Вот именно так он и представлял себе этот бой. Максимальный урон противнику, ни малейшего риска для себя.

Мысленно он уже составлял речь о своей победе, о которой расскажет в Железных чертогах. Эйкин, Старец в Глубине, не сумел избавиться от него. Хорнбори мрачно усмехнулся. Напротив, если он вернется в город карликов героем, то будет могущественнее, чем когда бы то ни было. И Амаласвинта наверняка бросится ему на шею. Герои войны всегда пользуются успехом у женщин.

Над головой у Хорнбори свистели стрелы и копья. Сани повернули. Щелкали плети, сидевшие на козлах карлики погоняли оленей, заставляя их бежать что Сеть мочи.

Впереди всех неслись сани с роскошным драконьим штандартом. Рафа велел кучеру остановиться прямо рядом с Хорнбори и протянул карлику руку.

— Клянусь альвами, ты застрелил льва, — восхищенно воскликнул кобольд.

Хорнбори скорчил огорченную рожу.

— К сожалению, я не сумел спасти Брасса. Бестия атаковала его, когда он собирался бежать. Я кричал ему, чтобы он спрятался у меня за спиной, пока я буду перезаряжать арбалет, но это чудовище

слишком сильно напугало его. Ты же знаешь, тролли не слишком любят металл, он обжигает им кожу. Должно быть, этот лев стал для него просто оживший кошмаром. *

Рафа задумчиво поглядел на тролля. На лице его вдруг появилась грусть, что было поразительно, поскольку нельзя было сказать, чтобы тролли и кобольды так уж дружили.

— Под конец Брасс снова обрел мужество и взял шею льва в замок. Так я смог хорошо прицелиться и попасть ему в глаз, — подытожил Хорнбори, забираясь на козлы.

Остальные сани тоже остановились и снова образовали строй. Все стреляли что было сил, и дети человеческие вскоре растеряли все мужество. Несмотря на то что отдельные воины все еще бегали вдоль строя, выкрикивая приказы, все больше и больше мужчин отставали.

— Вперед! — воодушевленно воскликнул Хорнбори. — Вперед, раздавим их!

Фигуры-тени, которых он заметил еще прежде, были единственными, кто еще бежал навстречу саням.

Хорнбори перезарядил арбалет, когда одно из тех существ прыгнуло на оленей, запряженных в его сани. Никогда прежде не доводилось ему видеть подобное существо: наполовину человек, наполовину кошка: оно двигалось плавно и грациозно, а затем вонзило когтистую лапу в шею оленю.

Рафа крикнул, отдавая приказ кобольдам. Полдюжины арбалетов зажужжали, словно пчелы, но человек-кот скользнул по боку оленя, а его когти оставляли глубокие красные полосы на спине зверя.

Хорнбори поглядел направо и налево, на другие сани: повсюду было одно и то же. Люди-коты атаковали упряжных животных. Вот уже первые из них упали. Дети человеческие, которых они почти отбросили, собрались и небольшими группками снова пошли вперед.

Хорнбори выругался и зарядил арбалет. Что ж, судя по всему, будет немного труднее, чем он себе представлял. Но с помощью троллей они отразят эту атаку. А ш

Внезапно за спинами врагов на снегу вспыхнул ослепительный свет: это открылась звезда альвов. Это спасение! Пришло подкрепление.

Украденное тело

Золотой просто-напросто не верил своим глазам. Неужели дети человеческие действительно считают его полководца настолько глупым? Видеть на склоне горы глубоко под собой этих странных людей-орлов было просто оскорбительно.

Дракон смотрел глазами Солайна. Он снова поселился в душе ... полководца, чтобы благодаря ему увидеть происходящее в Нангоге. С каждым разом, когда он завладевал телом эльфа, его чувства становились более отчетливыми; а степень управления телом Солайна — выше. Просто поразительно, что у князя не начинается кровоизлияние в мозг из-за его вмешательства, как у других. Кажется, в лице эльфа он нашел просто идеальный инструмент. Против воли Солайна он заставил князя сесть на спину крупного орла. Эльф был полностью в его власти, и Золотой хотел видеть, как будет покончено с войском детей человеческих.

Все его братья — кроме Темного — расположились в потаенной долине далеко на севере Альвенмарка и слушали слова, которые он произносил, словно во сне, пока командовал телом князя.

Его братья по гнезду точно так же, как и он, были возмущены неуклюжей западней, устроенной детьми человеческими.

—Прогоним их с перевала! — пытаясь перекричать ветер, крикнул Золотой Нодону, летевшему рядом с ним, и направил своего орла вниз. Какое чудесное ощущение — полет на чужих крыльях.

За ними летели одиннадцать других орлов. Глупые дети человеческие! Они напряженно наблюдали за перевалом, а ведь ни один воин эльфийского князя не ступил на обрамленную трупами дорогу в горы. Неужели они все еще не понимают, что эта ловушка станет для них погибелью!

Только в последний миг один из людей-орлов поднял голову к небу и увидел погибель, летевшую на них выставив когти. Орлиные когти впились глубоко в грудь сына человеческого прежде, чем он успел побежать. Некоторые его товарищи бросились вниз и, к удивлению Золотого, скользнули вдоль холма на равнину, безжалостно преследуемые настоящими орлами. Но большинство людей-орлов нашли свою погибель на скалистом гребне над

перевалом.

Золотой приказал своей хищной птице приземлиться. Удовлетворенно спустился со спины орла, переступил через одного из убитых. Что происходит в головах детей человеческих, что они переодеваются в птиц?

Золотой с интересом наблюдал за охотой на склоне. Двум людям-орлам действительно удалось уйти. Отставшие, устало сидевшие на южном склоне горы, наблюдая за разворачивавшейся на равнине битвой, тоже зашевелились. Может быть, они догадались, что значит потеря высоты, или же их просто напугали крупные орлы? Не будет никакой битвы за перевал. Они в мгновение ока прогнали всех защитников. Отставшие были целиком и полностью в их руках. Дракон с наслаждением наблюдал, как люди бросали на произвол судьбы своих товарищей, которые уже не могли идти сами. Более того, некоторые пользовались моментом, чтобы совершить последнюю подлость. У самой вершины горы сбили с ног длинноволосого воина и отняли у него подбитый мехом плащ. Мародеры отбирали последние припасы у упавших товарищей. Как они потрясающе бессовестны, эти дети человеческие.

В конце концов Золотой обернулся к валунам, подготовленным для того, чтобы быть сброшенными на северную сторону склона и вызвать лавину. Халтурщики! Ведь командующие детьми человеческими должны были знать об орлах Альвенмарка. Крупные хищники постоянно вмешивались в сражения. Как же они могли думать, что враг, подчинивший себе небеса, не заметит этой ловушки?

Он наклонился, чтобы поднять суковатый посох, лежавший на земле между умершими детьми альвов, прекрасно осознавая, что Нодон недоверчиво наблюдает за ним. От драконника из свиты Перворожденного не укрылось» как сильно его полководец в очередной раз изменился сегодня утром.

Дракон взвесил в руке суховатую палку, затем прошептал слово силы, настолько древнее и мрачное, что Нодон тут же отошел на почтительное расстояние.

Затем Золотой решительно вонзил посох в обледеневший скалистый грунт под ногами. Раздался звук, словно бы он ударил в центр туго натянутого барабана. Почувствовал, как завибрировала

земля под ногами, как эта вибрация продолжилась, уходя вглубь скалы. Далеко за гребень горы, вниз по склонам. Заворочались камни, со склонов стали сходить пласты снега.

С обеих сторон перевала мир погрузился в пучину хаоса. Лавины грохотали по узкой дороге через перевал, скользя по скалистым склонам. Поднявшийся шум стер все остальные звуки. Громкий грохот падающего снега и камней заглушил крики умирающих. Снег взлетал густыми облачками, закрывая обзор на происходящее на равнине.

Орлы вокруг него в испуге взлетели. В том числе и птица, на которой прилетел Золотой. Поэтому он застрял на гребне горы над перевалом, когда начался последний акт драмы, скрупулезно распланированный им до мелочей. Старый дракон почувствовал, как открылась звезда альвов на равнине, но уже не видел, кто вышел с золотых троп.

Последнее сопротивление

Когда Аарон увидел, что пал серебряный лев, все надежды его рухнули в одночасье. Это был последний лев, который остался у их разгромленного войска. Лев, который должен был открыть врата между мирами! Теперь из ледяной пустыни возврата нет. Только серебряные львы и девантары умели открывать врата на Золотые тропы. Атака, которая должна была обеспечить им путь к отступлению, уничтожила все надежды.

— И что нам теперь делать? — поинтересовался шедший рядом с ним Орму, защищавший его щитом от обстрела тяжелыми короткими стрелами, которыми пользовались их враги. Это был один из последних щитов во всей армии. Большие, неудобные щиты были в числе первых предметов, которые войска бросали во время тяжелого отступления.

— Пойдем дальше! — решил Аарон. — Пусть видят, что мы не трусы, — он поднял меч и указал на тяжелые сани, ехавшие теперь им навстречу. — Вперед, ребята! Берите повозки штурмом, пусть проклятые демоны отведают вашей стали!

Рассыпавшийся было строй снова пришел в движение, уже медленнее. Смерть льва лишила всех остатков мужества. Все воины прекрасно понимали, что возврата больше нет.

— Давайте захватим повозки и устроим из них отличный костер! — крикнул Аарон, повинуясь непонятно откуда взявшемуся порыву энтузиазма. И действительно, это подействовало. Воины пошли вперед чуть решительнее. Уже почти две недели не жгли они костров. Холод крепко укоренился в костях у всех. Ради перспективы погреть руки большинство были готовы на все.

Сани со странными рогатыми упряжными животными выстроились в линию, медленно приближавшуюся к людям. Когда первые стрелы полетели в них, люди-ягуары, не дожидаясь приказа, понеслись вперед. Презрев смерть, они бросились на повозки, петляя при этом, словно убегающие зайцы.

Навстречу им летел град стрел, но ни один из воинов не упал. Аарон вспомнил, как на высокогорной равнине Куш люди-ягуары одни остановили колесницы Муватты и предотвратили неминуемую

гибель войска Арама. Это были страшные противники, и теперь они намерены были проучить демонов. Они атаковали не повозки, а упряжных животных.

Шальное копье проткнуло насквозь одного из кушитов всего в двух шагах от Аарона. Выстрел пробил телохранителя, тут же рухнувшего наземь.

— Думаю, ты можешь бросить щит, все равно против этих стрел от него никакого толку, — сухо заметил бессмертный, стараясь не подавать виду, насколько это последнее сражение повергает его в отчаяние. Его люди столько пережили. Никто из них не должен уже сражаться и умирать.

— Я останусь с щитом рядом с тобой, мой правитель! — решительно ответил Орму. — По крайней мере, от легких стрел он защищает.

Аарон хотел что-то возразить ему, когда шедшие за ними мужчины вдруг закричали. Он испуганно обернулся. Неужели откуда-то взялись еще враги?

Всего в сотне шагов изо льда взвились светящиеся змеи и склонились друг к другу, образуя арку. Врата между мирами! Они открылись сами собой. Может быть, боги все же не бросили их?

На ледяную равнину вылетел всадник на сивом жеребце в просторном пурпурном плаще за плечами. Бессмертный Ансур, правитель Валесии! Его шлем-маска сверкал в солнечных лучах. Он поднял копье и указал на остановившиеся повозки, а затем понесся вперед. За ним из врат между мирами вывалился целый конный отряд. Не меньше сотни роскошно одетых воинов, все вооруженные длинными пиками. Глаза Аарона наполнились слезами. Они спасены...

Земля задрожала у него под ногами. Поначалу он подумал, что это от топота копыт, когда краем глаза он увидел, что на склонах гор поднялись белые тучи. Казалось, в движение пришла вся гора. Одновременно сошли дюжины лавин. Что натворил Акоатль! Массы слега и скал сходили не с северной стороны, а с южной! Там, где за их войском шли сотни отставших.

В атаку!

На миг Ансур удивился, увидев воинов на равнине перед собой. Он не предполагал, что разбитое войско сумеет пройти перевал. Вообще-то он собирался героически собрать выживших с той стороны горы, но что ж, теперь все иначе. Хорошо, что он взял с собой всадников. Впереди на равнине он увидел повозки. Судя по всему, они представляли собой цель, которую намерены были атаковать последние воины льдов. Что ж, значит он пожнет славу именно там!

Подняв копье, он указал на демонов.

— Вперед, ребята! Сметем их!

Ударив пятками по бокам дрожащего жеребца, он заставил его идти в атаку. Животное было напугано. Только что оно стояло перед вратами между мирами в Золотом городе, где день был теплым и дождливым, а теперь, сделав несколько шалю по тропе сквозь Ничто, он оказался на леденящем морозе посреди вечной мерзлоты.

Тревожно фыркая, широко открыв глаза от страха, жеребец понесся вперед, когда поднялся ужасный грохот Гора, через которую вела дорога, окуталась облаками взлетевшего в воздух снега. По склонам одновременно сходили дюжины лавин. «Надеюсь, отставших не слишком много», — подумал Ансур. Он хотел стать спасителем войска и с триумфом привести выживших в Золотой город. Для этого ему нужно доставить туда не просто горстку оборванцев.

Правитель отвернулся от гор и снова поглядел на странные повозки, внешние стены которых были полностью обшиты странным металлом. Это тоже неплохая добыча.

Отдельные воины-ягуары были заняты тем, что забирались в повозки и крушили команды. Нужно поторопиться, не то вся слава достанется воинам Акоатля.

Ансур увидел, как из-за одной из повозок показалась огромная серая фигура. Великан схватил цапотца, который не смог увернуться от массивной лапы, и размозжил ему голову о боковую стенку повозки, оставив на металле большое пятно крови.

«Неплохо будет убить такого великана», — подумал Ансур, направляя коня меж неплотно стоявшими воинами. Краем глаза он увидел слева Аарона. Правитель Арама выглядел ужасно. Борода свалялась, щеки впалые—он почти ничем не отличался от остальных оборванных и жалких остатков некогда гордого войска.

— К бою, убийца кошек! — во все горло крикнул Ансур, надеясь, что великан услышит его. Бели он убьет это чудовище на виду у всего войска, это тоже принесет ему некоторую долю славы. Бессмертный прекрасно осознавал, что многие считали его трусом. Его решение пойти вперед с самыми сильными людьми и своим серебряным львом еще больше усилило это представление. Самое время продемонстрировать последним воинам льдов Ансура-героя.

Серый великан отреагировал на его крик, поглядел на него, угрожающе поднял кулак и побежал ему навстречу, намереваясь дать бой, Ансур бросил быстрый взгляд через плечо. Большинство его всадников немного отстали. Из-за снега лошади бежали не так быстро. Он опередил своих телохранителей по меньшей мере на восемь корпусов. Но они ему не понадобятся! Он хладнокровно поднял копье, нацелив ее острие на левую половину груди великана. Даже у таких кошмарных существ наверняка есть сердце, и если его проткнуть, то с ними будет покончено.

Великан оказался поразительно проворным. Казалось, снег ему нисколько не мешает. К счастью, в качестве оружия у него были одни только кулаки. Они неслись навстречу друг другу. Лишь пятнадцать шагов отделяли его от славы. Еще десять шагов...

, Внезапно великан метнулся в сторону. Ансур выругался, пытаясь поднять копье над головой своего скакуна, которая теперь мешала ему. Вот они уже почти на одном уровне. Чудовище подняло кулак и словно молотом ударило сбоку по ноздрям его боевого скакуна. Если бы конь на полном ходу налетел на скалу, это бы произвело меньший эффект. Животное рухнуло наземь. Ансур перелетел через грациозную шею коня и приземлился в снег, выпустил копье и попытался перекатиться. К счастью, телохранители нагнали его. Один из его людей задел плечо серого великана копьем, после чего чудовище рвануло оружие на себя и, издав гортанный рык, взмахнуло им над головой. Таким образом великан выбил из седла троих. Упал еще один конь, и великан пнул его в челюсть, запрокинув ему голову назад в неестественном положении и сломав

боевому скакуну шею.

Ансур поднялся. Едва оказавшись на ногах, он обнажил меч, показавшийся ему до смешного маленьким по сравнению с великаном. Противник не обращал на него внимания, глядя только на тех, кто несся вперед на помощь ему, Ансуру.

Еще один удар кулаком от серого великана отправил лошадь на землю. Первые всадники стали придерживать своих скакунов, и отпрянули, когда в них полетели стрелы. Проклятые колесницы все еще сопротивлялись. Слишком многие вокруг него падали на снег.

— Назад! — крикнул Ансур. — Назад, ребята! Это мой бой.

Теперь великан обратил на него внимание. Может быть, чудовище поняло его? Внезапно он опустился на колени. Его огромные грубые руки гладили белую гриву жеребца, на котором еще только что скакал Ансур.

— Бой! — крикнул чудовищу бессмертный.

Великан склонил голову набок и посмотрел прямо на него. Его руки вцепились в шею умершей лошади. Внезапно он поднял коня и швырнул им в Ансура.

Бессмертный отскочил. Он почти успел. Его опрокинуло навзничь. Вес мертвого животного тяжело давил ему на ноги. В левой ноге стучала тупая боль. Ансур попытался подняться и отползти в сторону, но скакун был слишком тяжел.

Великан неторопливо приблизился к нему, снова смерил пренебрежительным взглядом, а затем занес правый кулак и ударил им бессмертного в грудь. Ансур услышал, как хрустнули ребра, отчаянно хватал ртом воздух. Незадолго до того, как в глазах потемнело, в лицо ему брызнуло что-то теплое. Давление отступило, он снова мог дышать! Он заморгал. Увидел, что серый великан отступил немного назад и что из живота у него торчит меч. Оружие окружало странное сияние.

Голова кружилась, но ему показалось, что меч пьет свет из великана, так же, как поступали с умирающими Зеленые духи. Ансур повернул голову. Рядом с ним стоял король с мечом духов, Аарон Арамский. Бессмертный содрогнулся. В голове всплыли все те истррии, которые рассказывали про этого бессмертного, единственного, кого девацтары приглашали в Желтую башню.

Аарон махнул рукой, подзывая рыжебородого воина и нескольких других..

— Скорее, освободите бессмертного Ансура!

Мертвого жеребца оттащили в сторону. Аарон протянул ему руку и помог встать. «Именно так и не должно было быть», — пристыженно подумал Ансур. Он должен был предстать в облике блистательного героя, возглавившего атаку. Мужчина оглянулся по сторонам. Часть его всадников окружила колесницы. Им приходилось нелегко. Они не могли достать сани, находясь в седле, их атаки отражали копьями и секирами, с близкого расстояния в них стреляли странные самострелы демонов. Зря он пошел в эту атаку. Он понял это с самого начала.

Ансур приставил обе руки ко рту и изо всех сил закричал:

— Отступаем!

Аарон сделал знак стоявшему неподалеку трубачу, и тот издал короткий пронзительный звук, отзывавший людей.

— Мы похороним их под градом стрел! — решительно произнес Ансур. — Я привел много лучников. Очень много!

Аарон мрачно усмехнулся.

— Это хороший план. Довольно уже наши ребята истекали кровью. Не будем больше подставлять их под мечи врагов.

Великая победа

— Да! — Хорнбори, ликуя, воздел кулак к небу. — Они сматываются. Мы им показали. Проклятые дети человеческие! Вы только посмотрите, как они бегут!

Карлик аж заплясал от радости, сидя на козлах своих саней, хлопнул Рафу по плечу, от чего кобольд едва не свалился на снег. Все их олени были мертвы. Эти проклятые люди-кошки напали еще на две повозки и убили всю команду, а потом еще налетели и всадники. Хорнбори уже представил себе, что дохнет. Но они им показали! Даже эти последние выжившие люди-кошки сбежали, поджав хвосты.

— Нам отсюда уже не уйти, — глухо произнес Рафа.

«Ну почему во всяком отряде обязательно должен быть хотя бы один брюзга, который подавляет мораль воинов», — раздраженно подумал Хорнбори.

— Нам не нужно уходить отсюда. Каждые наши сани — сами себе крепость. И даже люди поняли, что они не могут просто так взять их штурмом. Они смываются. Они бегут через звезду альвов, а мы можем спокойно наблюдать, как они съеживаются. Мы одержали великую победу во имя Альвенмарка!

— Великую победу? — Кобольд посмотрел на него. — Я бы сказал, что нам повезло, что они сбежали.

Вот засранец!

— На войне есть одно очень простое правило. Победитель — это всегда тот, кто остается на поле боя, когда сражение окончено. И судя по всему, это мы!

— А эти? — Рафе пришлось встать на цыпочки, чтобы выглянуть из-за корпуса саней. Он махал руками, но показывал скорее в небо, нежели на равнину.

Хорнбори, который был выше Рафы больше чем на голову, мог лучше видеть, что там творится. Этот чертов кобольд был прав. Дети человеческие бежали не к звезде альвов, вместо этого из нее выходило все больше и больше воинов. Они образовали две большие колонны, которые направились по равнине в сторону саней.

Хорнбори наблюдал за происходящим со все нарастающим беспокойством. Дети человеческие не спешили. Они знали, что сани уже не уйдут. Стройными рядами, как на плацу, колонны встали на расстоянии примерно восьмидесяти шагов справа и слева от саней, затем острия колонн повернулись друг к другу.

— Победитель — тот, за кем остается поле боя, — говорил Хорнбори, пытаясь заглушить неприятное чувство, вдруг нахлынувшее на него. — Это все не считается. Мы сражались здесь, у саней. И это наше поле боя.

— Они на расстоянии полета болта из кобольдского арбалета, — доложил мастер орудий его саней. — Может быть, стоит немного помешать им строиться?

— Да хватит с них, — решительно заявил Хорнбори. — Вы же видите, что они обходят нас по дуге, вместо того чтобы атаковать снова. Перезарядите все орудия, да и будет.

Каким же нужно быть идиотом, чтобы злить выстрелами врага, превосходящего тебя по численности, который, к тому же, ведет себя вполне мирно!

— Они нас окружают, — негромко пробормотал Рафа и на всякий случай зарядил арбалет. — Сейчас они атакуют со всех сторон, и тогда нам конец.

Хорнбори хотел было уже прочесть ему проповедь, когда понял, что даже он не может назвать какими-то хорошими словами происходящее на равнине. Марширующие колонны встретились, и по сигналу рога все воины повернулись на четверть. «Поразительно дисциплинированны», — подумал Хорнбори. Теперь все они смотрели на сани. Окруживших их детей человеческих должно было быть более трех тысяч. И у всех у них были луки. Инстинктивно вжав голову в плечи, он понял, что все это плохо кончится.

— Застрелите их командиров! — крикнул Хорнбори. Он допустил ошибку, приказав просто наблюдать за маршем.

— А как узнать командира? — В голосе командира расчета звучала паника.

— Плюмажи на шлемах, роскошные доспехи... — Хорнбори вдруг понял, что это не поможет. Половина детей человеческих утыкала свои шлемы перьями. И теперь все одновременно подняли

луки, и воздух в следующий миг наполнился свистом стрел, словно на них летела огромная стая саранчи.

Хорнбори спрятался за корпусом саней, схватил свой арбалет и с отчаянной яростью принялся крутить ворот, которым натягивалась тетива.

Первые стрелы застучали по защитным стенам и льду, издавая звук, похожий на стук сильного града по бронзовым щитам. Некоторые его люди закричали, но насколько он мог видеть, все они еще дешево отделались. Первый залп никого не убил и почти никого не ранил.

Хорнбори вложил болт в арбалет и поднялся. Он не стал тратить время, выбирая какого-то определенного сына человеческого в качестве мишени, поскольку лучники уже вновь поднимали луки.

— Вперед, стреляйте! Задайте им жару! — Он просто прицелился в стоявших стеной людей и спустил курок, затем быстро пригнулся и спрятался за санями. Спустя один удар сердца сотни стрел снова застучали по обшивке.

Хорнбори слышал, что со стороны детей человеческих выкрикивают какие-то приказы, пока он перезаряжал свой арбалет. Он знал, что им с ребятами нечего рассчитывать на подкрепление. Лавина блокировала перевал, а путь, по которому они пришли спуда, тянулся на много миль. Им конец. Правда, могли помочь еще гигантские орлы.

В душе у него вдруг вспыхнула ничем не обоснованная надежда, он поднял голову к небу и увидел, что в него что-то летит, стрела, падавшая на него почти вертикально с синих небес! Он машинально поднял неуязвимую руку, но стрела пролетела между его мизинцем и безымянным пальцем и угодила в щель между нащечником шлема и виском.

Хорнбори попятился, споткнулся обо что-то, лежавшее на дне саней, и растянулся во весь рост.

— Капитан! — воскликнул Рафа. — Капитан, мы должны помочь ему.

Хорнбори чувствовал себя слегка оглушенным, но судя по всему, рана была несерьезной. Стрела лишь слегка оцарапала его кожу, но он по-прежнему прижимал руку к лицу.

— Разве ты не видишь, что ему прострелили голову, малявка? — возмутился мастер расчета. — Перезаряжай арбалет и забудь про капитана. С ним все кончено!

Хорнбори хотел сесть и возразить, но потом одумался. Эта стрела — настоящий дар альвов! Ему больше ничего не нужно делать, кроме как лежать тихонько и ждать, пока все закончится. До наступления ночи осталось еще самое большее часа два. А потом он сможет спокойно убраться отсюда.

Судя по всему, дети человеческие изменили стратегию. Вместо того чтобы прямо обстреливать сани, они стали целиться в небо, чтобы стрелы сыпались оттуда под острым углом. Несмотря на то, что из-за этого стрелы немного утрачивали пробивную силу, но с другой стороны, стенки повозок уже не защищали от выстрелов. Если раньше залпы производились с небольшими паузами, то теперь град стрел обрушивался на них просто без остановки.

Хорнбори тревожился за свои ноги. Верхнюю половину его тела защищала первоклассная кольчуга из серебряной стали, достававшая почти до бедер. На голове у него был добротный шлем, а лицо он закрыл своей неуязвимой ладонью. И только ноги были одеты в грубые холщовые брюки, и это представляло собой настоящую проблему. Если стрела попадет туда, то он уже не сможет смыться.

Стрелы колотили по саням. Когда одна из них царапнула его колено, он едва не вскрикнул. Затем что-то упало ему на живот. По кольчуге потекла теплая жидкость. Судя по весу, это мог быть только кобольд. Карлик осторожно спихнул его чуть ниже, и тут же почувствовал, как что-то вонзилось в тело мелкого мятежника. «Поделом тебе, — подумал Хорнбори, — проклятый убийца карликов». Несмотря на то что он вел себя вежливо и дружески, в глубине души он желал каждому члену клана Ледяных бород исключительно медленной и мучительной смерти.

Еще чуть-чуть. Можно было лишь надеяться, что никто не смотрит. Командир осторожно сдвигал труп дюйм за дюймом, пока этот негодяй-кобольд не прикрыл собой его ноги полностью. «Знал бы ты, что после смерти спасешь жизнь карлику, то перевернулся бы в гробу», — удовлетворенно подумал Хорнбори. А затем он замер и стал прислушиваться.

— Не пригибайтесь! — то и дело кричал командир расчета. —

Цельтесь не торопясь, сукины вы дети. Пусть дети человеческие заплатят кровью! Соберитесь с духом и не посрамите нашего храброго командующего! Проявите мужество и подыхайте без бабских воплей.

На Хорнбори упал еще кто-то, душераздирающе стеная, несмотря на слова командира расчета, и тоже залил его кровью. «Так я, чего доброго, замерзну, если вы все будете поливать меня», — раздраженно подумал он.

И тут командир расчета вдруг умолк. В то же время Хорнбори почувствовал, что второй кобольд, лежавший на нем, дернулся, когда в него попало сразу несколько стрел, и совсем затих.

Обстрел стал слабее. А затем и вовсе прекратился.

Стояла мертвенная тишина. Не слышно было ни-стона, ни вздоха, ни звука.

Хорнбори осмелился убрать руку, которой прикрывал лицо, осторожно приоткрыл глаза. Каждая пядь внутренней стороны саней была нашпигована стрелами. Их были сотни. Мертвецы лежали друг поверх друга, с открытыми ртами и глазами, в которых застыл ужас.

Хорнбори осторожно выглянул за парапет. От рядов лучников отделилось несколько воинов-котов. Их осталось всего пятеро. Они подходили к саням с юга, наверняка намереваясь перерезать горло всякому, кого найдут живым. Не похоже, чтобы они собирались брать его в плен, как особо ценного заложника.

— Ты жив! — прошипел у него за спиной негромкий голос

Хорнбори обернулся. У него за спиной стоял Рафа. Стрела в грудь прибила его ко внутренней стороне обшивки. Его жилет из овчины был пропитан кровью, но в глазах еще сверкала жизнь.

— Ты... ты трус. Они умерли за тебя.

— Я их об этом не просил, — раздраженно ответил Хорнбори и обернулся в поисках штандарта с драконом. Шелковый флаг потрепали стрелы, он вяло колыхался на ветру.

— Ты... — ядовито прошипел Рафа, хотя едва мог дышать. — Ты все это время притворялся мертвым, проклятый трус. Я доложу о тебе Солайну. Он велит высечь тебя плетью, чтобы кожа свисала со спины клочьями!

«А ведь это вполне возможно», — испуганно подумал Хорнбори. Судя по тому, что этот ядовитый парень так разболтался, легкие у него целы. Еще, чего доброго, выживет... И тогда он точно пойдет к Солайну. Рафа был красношапочником» а эти не упускают ни малейшего шанса пролить кровь карликов. Он поднял короткий меч, лежавший на полу среди убитых.

— Давай я перережу стрелу и отнесу тебя в безопасное место. Альвы были милосердны к нам, нам не пришлось умереть здесь.

— Думаешь, тогда я промолчу насчет твоей трусости? — прошипел Рафа. — Подыхай, трусишка, проклятый засранец...

Засранец! Вот опять оно, это проклятое ругательство, которое Хорнбори сотни раз слышал от Галара. Он наклонился и без колебаний перерезал кобольду горло.

— Вот теперь ты точно промолчишь, идиот, — можно было бы предоставить Рафу воинам-котам, но лучше было быть наверняка уверенным в его смерти.

А теперь он сдастся лучникам. Воины-коты почти добежали до первых саней. Хорнбори сорвал штандарт с золотым драконом с тыльной стороны козел саней и спрыгнул с той стороны саней, которые были повернуты в другую сторону от людей-котов.

Яростно размахивая штандартом, он побежал навстречу лучникам, надеясь лишь на то, что эти идиоты не станут снова поднимать оружие, в последний раз. В руках у него все еще был окровавленный меч. Он поднял его над головой, чтобы отшвырнуть прочь, чтобы дети человеческие хорошо видели это. Если он отбросит оружие, они поймут, что он хочет сдаться.

Когда первое воины выйдут из строя, чтобы завладеть драконьим штандартом, то блокируют лучникам обзор. Хорнбори снова взмахнул тяжелым полевым знаменем.

— Ну же! Попробуйте забрать штандарт! — изо всех сил заорал он, когда что-то с убийственной силой ударило его по плечам.

Последний герой

Солайн послал его спасти полевое знамя. Дети человеческие не должны были получить знамя победы в последний час своего разрушительного похода. Это самоубийственное поручение не слишком понравилось Нодону. Если они заметят его, то живым ему не уйти.

Его орел должен был промчаться вплотную над санями на бреющем полете, чтобы у него появилась возможность схватить штандарт. Если не получится сделать это с первой попытки, то он наверняка попадет под убийственный перекрестный огонь, если сунется к саням во второй раз.

Пока еще орел парил на большой высоте. Нужно было подгадать момент. Нодону было противно рисковать жизнью ради штандарта с изображением Золотого. Ради позолоченного куска жести.

Что это? На санях что-то шевельнулось. Между убитыми встал какой-то карлик.

— Ниже! — крикнул он орлу. Если там действительно кто-то выжил... Никогда прежде Нодону не доводилось видеть, чтобы такая маленькая площадь была под таким обстрелом. Свет был утыкан множеством стрел, густо, как растет трава в поле. Вообще там никто не должен был выжить.

Выжившим оказался этот неприятный карлик с намасленной черной бородой, которого Солайн вызывал к себе в шатер. Предводитель транспортной колонны. Нодон считал его пустозвоном, однако сейчас карлик склонился над смертельно раненным кобольдом и милосердно избавил его от мучений, а затем подхватил штандарт и, презрев смерть, ринулся на врагов,

— Хватай его и неси прочь! — приказал он орлу, сложившему крылья и в смертоносном темпе понесшемуся навстречу равнине.

— Ну ж|! Попробуйте забрать штандарт! — изо всех сих орал карлик, продолжая бежать на детей человеческих.

Такой храбрости эльф от этого Хорнбори никак не ожидал.

Когти орла схватили карлика за плечи, словно огромная хищная птица на лету поймала кролика. Сильно взмахнув крыльями, он

пронесся над самой равниной, пытаясь снова набрать высоту.

Нодон выкрикнул слово силы, закружившее воздух у них за спиной, чтобы ветер разносил прочь стрелы. Карлик неподвижно висел в когтях орла. Оставалось лишь надеяться, что в него не попала под конец шальная стрела. И что он не выпустил из рук проклятый штандарт.

Они летели к скалистому гребню над перевалом, где их ждал Солайн. Когда орел выронил Хорнбори под ноги эльфийскому князю, а потом приземлился сам, Солайн словно бы слегка растерялся,

Нодон спрыгнул со спины хищной птицы и предстал перед полководцем, пристально вглядываясь ему в глаза. Кажется, Золотой отпустил Солайна.

— Это еще что такое? Зачем мне видеть этого парня? Достаточно было принести штандарт. Наверное, он от страха потерял сознание.

— Он герой! — решительно возразил Нодон, рассказывая об увиденном. — Думаю, что сознание он потерял из-за того, что орел сильно ударил его когтями. Он бежал на лучников, презрев смерть, так что я не думаю, что он из тех, кто может потерять сознание от страха. Вы только посмотрите, он с ног до головы залит кровью врагов. Судя по всему, он сражался, словно берсерк.

Эльфийский князь склонился над Хорнбори. Веки у карлика дрогнули, когда он взял у него из рук штандарт.

—Значит, ты герой... Хорошо. Герой нам нужен, поскольку в последний час похода от нас сбежало слишком много детей человеческих, — князь оглядел ледяную равнину, сверкавшую красным в лучах заходящего солнца. Дети человеческие уже начали отступать через звезду альвов.

— Завтра мы вернемся в Альвенмарк этим путем, — решительно произнес Солайн. — Наконец-то! Хорошо, если после этого бесславного похода мы сможем предъявить героя.

Нодон кивнул. Мысленно он был далеко.

— А ты куда пойдешь? — весело поинтересовался у него полководец. — Вернешься в сад Ядэ? Айлин рассказывала мне, что там есть эльфийка, которая для тебя что-то значит. Нанга... Намба... — Он покачал головой. — Ну и память у меня. Боюсь, что

перестарался, позволив Алоки слишком часто втыкать мне иглы в мозг. В любом случае я рад буду вернуться к свои статуям и книгам. Нужно будет просто пережить праздничный пир. Несмотря на эту небольшую неудачу под конец, в целом поход был для Альвенмарка триумфальным.

Нодон слушал его вполуха. В саду Ядэ есть эльфийка, которая для него что-то значит? Почему он этого не помнит?

— Нанга... Намба... — негромко повторил он сказанное Солайном, надеясь, что язык вспомнит лучше, чем голова. — Нада... Нанда... Нандалее!

Воспоминания настигли его, словно удар молнии. Нандалее! Как он мог забыть о ней? Интересно, как она там? Должно быть, давно уже родила детей. Оставалось лишь надеяться, что Дыхание Ночи не убил малышей.

Теперь Нодон вспомнил и то, с какой неохотой шел сюда. Причиной того, что Перворожденный отправил его в этот поход, могло быть и то, что он не хотел иметь свидетелей при рождении детей Нандалее. Нужно возвращаться! Хотя пресекать интриги Дыхания Ночи было уже поздно...

Рождение

Коля собрал выживших вокруг себя. Он знал, что сегодняшний день станет днем перемен. Но не знал, что именно произойдет. Они стояли перед ним, крепко обхватив себя руками, кучка жалких мерзляков, лишившихся всех надежд.

— Мы наконец узнаем, чего ты от нас хочешь? — с упреком в голосе поинтересовался Набор.

Отношения с лоцманом в последнее время становились все более и более напряженными. Коля знал, что Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонтауже несколько дней не говорил с Набором. Ему тоже все труднее становилось установить связь с собирателем облаков. Казалось, огромное существо растеряно. В нем скапливались самые разные мысли и ощущения. Разговора не получалось. Впрочем, Коля отчетливо ощущал страх, испытываемый небесным гигантом. Он менялся, так же, как менялся Коля.

Друсниец погладил свою искалеченную руку. Он уже привык к ноющей боли, не прекращавшейся ни на миг.

— Богиня желает, чтобы мы стояли здесь и стали свидетелями одного из ее чудес, — Коля произнес это раздраженным тоном, чтобы каждому стало ясно, что он покарает любые возражения, отправив сомневающихся в находившийся неподалеку кратер.

Некоторое время царило подавленное молчание, и слышно было лишь негромкое завывание ветра в порванном такелаже. На протяжении последних дней Коля заставлял людей строить большую деревянную платформу, немного похожую на плот, только с массивным релингом. Поначалу ему пришлось заставлять некоторых членов команды с помощью побоев, поскольку им непременно хотелось строить ледяной парусник Набора.

Коля не верил в корабль, способный скользить по твердой земле, и тратить силы на подобное считал легкомыслием. Во сне ему то и дело виделся этот плот, и воин был уверен, что эти сны ему послал именно Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта. Он стал его орудием, и после того, как воин выбил зубы двум членам команды, все в конце концов подчинились и прекратили строить ледяной парусник Набора. Так получилась большая деревянная

платформа, стоявшая на льду примерно в сотне шагов от кратера. Она была нагружена припасами, дровами и, самое главное, драгоценным льдом мечты. В центре, крепко закрепленное, возвышалось их убежище из скрытых под парусиной десантных корзин. Им потребовалось всего пять дней, чтобы претворить в жизнь его планы. Воин безжалостно подгонял всех, поскольку решительный день был близок.

Мужчины проклинали его за эту ужасную каторжную работу, но Коля и без советов собирателя облаков знал, насколько важно, чтобы команда занималась делом, чтобы у них было что-то, что связывало их друг с другом. Даже если это будет ненависть по отношению к нему.

В глубине обвисшего тела собирателя облаков послышалось 1ромкое бульканье. Звук был похож на тот, что издают кишки, только намного больше. Это бульканье слышалось уже не первый день, и Коля знал, что произойдет вскоре. Он внимательно наблюдал за телом собирателя облаков, который неподвижно свисал с массивного скалистого уступа.

Внезапно послышалось шипение, из тела Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта, на высоте примерно шестидесяти шагов повалил желтоватый дым. Прошло немного времени, и до них долетела вонь, еще хуже, чем в переулках квартала дубильщиков.

— Ты знаешь, что это означает, — серьезным голосом произнес Набор. — Тебе это знакомо, не так ли?

Коля вопросительно поднял брови, что еще больше разозлило лоцмана.

— Ты же был в дюжинах сражений, друсниец! Ты должен знать это!

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Трупы, которые дня два-три полежали на солнце, — прошипел Набор, совершенно справедливо не поверивший в его неосведомленность. — Их тела надуваются и в конце концов они начинают пердеть и отрыгивать, хуже, чем живые.

— И что ты хочешь этим сказать? — невинным тоном поинтересовался Коля.

— Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, мертв!

Вот уже несколько дней я не чувствующего, прикасаясь к его щупальцам. Его тело начинает гнить, потому что глубоко внутри у него осталось немного жара, так же как в навозных кучах, которые дымятся в холодные осенние дни.

— Ты же знаешь, что он очень чувствителен, — Коля не мог удержаться от попыток задеть старого лоцмана — Если Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, услышит, что ты сравнил его с навозной кучей, он очень обидится.

– Мертвые ни на что не обижаются, Коля!

— Сегодня Нангог сотворит чудо, старик. Осторожнее! Твои сомнения сердят богиню. Она хочет помочь нам вернуться домой, а ты своими словами можешь все испортить, и тогда у нас не будет ни малейшего шанса.

Набор рассмеялся.

— Ну, просто чудесно. Ты что, теперь наш новый жрец? Такими речами ты окончательно обезопасил себя. Если ничего не произойдет, виноват буду я. Если все же чудо случится, мы будем обязаны этим исключительно твоим стараниям. Я старик, тут ты прав. Я многое повидал, и бродящего по мерям в дельте Сепанга, и крылатых женщин Темила, и потаенные города Таркона Железноязыкого. Но чудес я еще не встречал.

— Тогда открой наконец глаза, старик, — Коля развязал шнуровку на шерстяном чулке, который он носил на своей культе, с тех пор как протез перестал подходить. — Большинство из вас наверняка уже слышали историю о том, как я вместе с бессмертными Аароном и Володи потерял руку в бою с Зелеными духами. Тогда я был ослеплен, но теперь Нангог открыла мне глаза на правду. И она вознаградила меня, потому что я, ее тогдашний враг, стал теперь ее верным слугой, — и с этими словами он снял с руки чулок и поднял вверх культю, чтобы видели все. Ниже запястья ежа начала отрастать заново. Меж сухожилий и мускул торчали белые кости. Мелкие кости запястья, начавшие формировать руку заново.

Коля подошел к людям вплотную, показал им руку.

— Узрите чудо богини. И посмотрите на мое лицо. Видите, как благодаря ей исчезают бугристые шрамы, как моя кожа разглаживается, начинает снова становиться молодой... Мы не потеряны. Она глядит на нас. Мы избранники ее. Те, кто пошел на

лишения, чтобы принести в мир ее замерзшие мечты.

Его слова оказали необходимое влияние. Мужчины недоверчиво ощупывали культю и сто лицо» а затем первый опустился на колени и с жаром попросил у Нангог прощения за свои сомнения. Даже Набор, выглядевший скорее испуганным, нежели униженным, пробормотал:

—Вынужден признать, это чудо.

Звук разрывающегося чего-то заставил Колю поднять голову. Высоко над ним из вялого мешка из замерзшей кожи и щупалец снова вылетел желтый туман. Кожа вздыбилась, словно под ней что-то двигалось, и вдруг из нее вылезло щупальце. Оно было покрыто белой слизью, стекавшей с него длинными нитями, и заканчивалось шипом ростом со взрослого мужчину.

Изнутри показались новые щупальца, разрывая образовавшуюся в замерзшей коже щель. Теперь изнутри кожи-мешка показалось что-то большое. На свет появлялось все больше и больше щупалец. Разрыв был уже более двадцати шагов в длину, его обрамлял этот вьющийся кошмар, шипы и отростки которого расправлялись с собственной плотью. Внутри обвисшего мешка выросло новое тело, с новыми щупальцами. Некоторые из них потянулись наверх, обхватили скалу, пока из кокона мертвой кожи вываливалась бесформенная масса.

Вдоль сломанных мачт и порванного такелажа стекали полосы слизи. Надо льдом стелились густые облака вонючего желтого тумана.

— К плоту! — крикнул Коля, раздираемый удивлением и ужасом. Ему пришлось хватать людей и тащить их за собой. Все они, даже старый лоцман, стояли, словно громом пораженные ужасным спектаклем, разворачивавшимся у них на глазах.

Бесформенный комок начал раскрываться, вытягивая огромные мясистые крылья, напомнившие Коле огромных скатов, которых Коля видел когда-то в Эгильском море. Он вспомнил, что говорил ему *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта*, что показалось ему тогда таким странным и непонятным. Что он мечтает о том, чтобы летать, хотя он уже столько десятилетий бороздит небеса Нангога.

— Вперед! Вперед! Торопитесь! Кто не успеет зайти на плот, тот останется здесь. Навеки брошенный среди вековечных льдов, — эти

слова наконец расшевелили команду, и люди побежали.

— Проверьте, все ли хорошо закреплено, — вдруг крикнул Набор. — Думаю, наш старт будет пожестче, чем старт собирателя облаков, отчаливающего от якорной башни.

И все собрались на плоту, чтобы наблюдать оттуда за рождением существа, в которое превратился *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта*. День клонился к закату, когда собиратель облаков оторвался от скалы и воспарил. Его крылья были более двух шагов толщиной, казалось, в них тоже помещены большие пузыри с теплым воздухом, которые были у Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта, еще в старом облике. Его тело приобрело форму вытянутого треугольника, из которого рос толстый хвост шагов в сорок длиной, на конце которого торчал треугольный плавник размером с башню.

От одного кончика крыла существа до другого насчитывалось более сотни шагов, причем тело было чуть менее чем в половину короче хвоста. С центра нижней части существа свисали щупальца, с помощью которых Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, высвободился из своего кокона. Их было гораздо меньше, чем у собирателя облаков, но они были не менее длинными и сильными. Многие щупальца заканчивались крючьями или шипами, состоявшими, судя по внешнему виду, из костей.

Глаз у изменившегося собирателя облаков Коля не заметил. Нижняя часть *Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта,* была тусклого белого цвета, слегка с желтизной.

— Клянусь всеми богами, — произнес Набор, — это же... — Судя по всему, до него дошло, что он только что совершил страшную ошибку, по крайней мере, он закрыл правой рукой рот, словно надеясь, что может, запихнуть вырвавшиеся слова обратно в глотку. — То есть, я хотел сказать, клянусь богиней, — поспешно поправился оц. —Клянусь богиней! Это все изменит. Теперь эти существа не будут плыть по ветру, они сами смогут определять направление полета.

Но пока что *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* не стал пробовать крылья. Он летел по ветру, и только его массивный хвост нервно метался из стороны в сторону, словно существо пыталось выяснить, какой от него может быть толк.

Он медленно скользил на фоне алого заката на запад. Он удалился уже почти на милю, когда расправил огромные крылья и взмахнул ими, а затем повернул на юг и полетел прочь. Без них!

Козел отпущения

— Это все ты! — вырвалось у Коли. — Ты оскорбил его! Когда помянул наших прежних богов!

— Но... — Набор поднял руки, защищаясь. — Нет, я...

— Это ты виноват, что он нас бросил. Ты с самого начала не верил, — Коля не был уверен в собственных словах, но ему нужен был козел отпущения. Пока еще выжившие члены команды были словно парализованы ужасом, но это продлится недолго, а потом им понадобится тот, на кого можно будет выплеснуть всю свою ярость. И Коля решительно неЯотел становиться их жертвой. Несмотря на то, что он мог постоять за себя, но тогда придется убить некоторых из них, а сейчас, когда они оказались одни во льдах, каждый человек будет на счету. Возможно, им еще придется строить этот чертов ледяной парусник.

— *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта*, не такой, — настаивал Набор. — Он не настолько обидчив. Он знает, что я посвятил ему себя. Что я ничего такого не имел в виду...

— Что в этом существе еще напоминает тебе *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта*? — резким голосом поинтересовался Коля. — Все изменилось! Он — творение Нангог! А ты в час его рождения говоришь о наших богах, тупоумный болван.

— Я оговорился. Я не хотел... — заламывая руки, настаивал Набор.

— Я тебе не верю! — Коля обернулся к членам экипажа. — Кто вечно протестовал против того, чтобы приходить сюда? Кто притащил одного из духов на борт, в облике своей обезьяны? Кто постоянно говорил о том, что *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта,* мертв? Набор! В глубине души он так и не отрекся от прежних богов, и поэтому он делает все, чтобы наша миссия была обречена на провал, — по мрачным выражениям лиц членов команды Коля понял, что убедил их.

— Это все он, —прошипел парусный мастер с отмороженным носом. — Все наши беды из-за него.

— Нет, Корба! Мы же так давно знаем друг друга, — в отчаянии

обратился к мужчине Набор. — Нет! Ты же знаешь, что я не такой! Коля говорит неправду.

— Я несколько раз видел, как он осенял себя знамением отвращающего рога, — заявил теперь и Марко, мастер-укладчик, массивный парень с густой черной бородой и кустистыми, немного нависающими на глаза бровями, из-за которых он постоянно казался меланхоличным. — Этот знак оскорбляет Великую мать. Кроме того, я не видел, чтобы он искренне молился ей.

Все происходило именно так, как и предполагал Коля. За свою жизнь он создал уже не одного козла отпущения.

— Нужно помириться с Великой матерью, — серьезным голосом произнес он. — Мы не можем больше терпеть в нашей команде такого человека, как Набор.

Лоцман посмотрел на него широко раскрытыми, от ужаса глазами.

— Нет! Вы не можете так поступить! Вы не имеете права просто бросить меня! Я ваш лоцман. Без меня вам конец!

— Лоцман чего? — возмущенно завопил Корба, указывая на пустой кожаный мешок и разбившийся корабль. — Это твоя работа, Набор. Ты убил нас всех своим неверием, а теперь думаешь, что мы пощадим тебя?

— Хватай его! — приказал Коля.

Набор почти не сопротивлялся. Он сломал его. Коля видел это по глазам старика. Быть оклеветанным теми, с кем он полжизни бороздил небеса Нангога — это было слишком для него.

Марко и Корба схватили его за руки.

— Что с ним делать? — спросил Марко.

Коля обернулся и направился к кратеру.

— Идите за мной!

Слышен был лишь скрип их шагов на снегу. Даже ветер утих.

В воздухе повисла давящая тишина, когда в последних лучах заходящего солнца они подошли к огромному ущелью, тянувшемуся до самого сердца мира. Туда, где почти с самого начала времен спала Нангог.

— Принесем жертву богине. Подарим ей сомневающегося, чтобы она смягчила свой приговор.

— Ты не можешь так поступить, — в отчаянии возмутился Набор и умоляюще поглядел на Колю. —Ты же знаешь, что все эти упреки совершенно необоснованны. Я никогда не восставал против богини. Я люблю ее. Я восхищаюсь ее творением с самого первого дня, как ступил в ее мир.

— Если это так, тебе нечего бояться, — он обернулся к Марко и Корбе. — Берите его за руки, за ноги и с размаху бросьте вниз. При жизни он любил летать. Чтобы он не ударился о выступ скалы, пусть у него будет долгий последний полет.

— Вы ошибаетесь, — настаивал Набор. Теперь в его голосе снова слышался плаксивый тон. — Я вам еще пригожусь. Я ваш лоцман. Без меня вам никогда не найти дорогу назад.

— Нас поведет Великая богиня! — Друсниец оглянулся. — Есть ли кто-то, кто хочет вступиться за Набора? Хотя бы один человек? Если вы поручитесь на него, то он переживет эту ночь и завтра предстанет перед судом богини, — он по очереди оглядел всех членов экипажа. Почему он раньше об этом не подумал? Возможно, лоцман им еще действительно пригодится? — Ну, что? Никто не вступится за него?

— Зачем? — фыркнул Марко, и его кустистые брови сошлись на переносице, образовав сплошную линию. — Мы едины в своем решении. Он предал наше дело!

Коля осознавал, что возврата больше нет.

— Тогда вниз его!

Марко наклонился, подхватил ноги старого лоцмана, который, перестав сопротивляться, протянул руки Корбе.

— Я буду молиться за вас, — произнес Набор, и голос его дрожал от страха, несмотря на то что он пытался храбриться. — Пусть богиня простит вас и проведет домой безопасной дорогой.

Марко и Корба подняли лоцмана и начали сильно раскачивать его из стороны в сторону.

— Сейчас! — приказал Коля.

Описав широкую дугу, лоцман полетел в кратер. Он раскинул

руки, словно собираясь обнять их всех из глубины.

— Я буду молиться за вас! — крикнул он срывающимся голосом. А затем исчез во мраке бездонной пропасти. — Я буду молиться за вас! — донеслось уже из глубины. Они услышали его крик трижды, а затем на группу опустилась тишина.

По подавленным лицам членов экипажа Коля видел, что гибель лоцмана произвела на них впечатление.

— Пусть Нангог будет к нему снисходительна! — твердым голосом произнес он. — Возвращаемся на плот! Завтра решим, что делать дальше.

Друсниец с удивлением заметил, что Марко снял свою толстую шерстяную шапку и смущенно принялся мять ее в руках. Губы мастера-укладочника бесшумно двигались, словно он возносил про себя молитву. Именно он, который ему помогал.

Коля в последний раз бросил взгляд в пропасть, а затем отвернулся. Остальные члены команды пошли за ним, как гусыни за гусаком. Он осознавал, что завтра все может обернуться против него, если не придумать хороший план. Воин вздохнул. Незадолго до того, как они дошли до плота, на южном горизонте показалась туча, затмившая свет звезд и вскоре заслонившая и меньшую из двух лун-близнецов, Она двигалась в их сторону, несмотря на совершенно безветренную погоду. Вскоре у нее появились контуры.

Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, вернулся.

— Великая богиня приняла нашу жертву — воскликнул Коля, указывая на небо. — Он возвращается, чтобы спасти нас!

Мужчины стали громко кричать наперебой, торопливо забираясь на плот.

Вскоре собиратель облаков был уже рядом, сделал несколько больших витков над примитивной платформой, которую они соорудили, словно бы показывая нм, какие трюки теперь умеет выделывать в небе.

Коля взошел на плот последним. Едва он оказался на борту, как *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта*, опустил щупальца. Они обхватили крепкие балки, выходившие далеко за пределы платформы. Слегка покачиваясь, плот поднялся вверх.

Пальцы Коли вцепились в релинг, когда что-то влажное коснулось его шеи.

— *Где Набор,* — послышался в мыслях знакомый голос собирателя облаков.

— Он ушел от нас, – подавленно произнес друсниец. — Прочти в моих мыслях о том, что произошло. Ты же знаешь, у меня нет от тебя тайн.

Мужчины наблюдали за ним. Примерно половина команды забралась в десантные корзины, но остальные хотели посмотреть, как они будут подниматься в небо. Мясистые крылья собирателя облаков мягко покачивались, двигаясь неспешнее птичьих крыльев. Существо снова повернуло на юг, и ледяной ветер дул над открытой палубой.

— Не понимаю я вас, детей человеческих. Ты позволил убить его, потому что я улетел? Какое это имеет отношение к нему?

– Оставив нас, ты всех нас напугал. А от страха люди совершают неразумные поступки. Такие уж мы есть. Я очень надеялся на тебя и не мог понять, почему ты улетел. Если бы я не направил гнев остальных членов команды на Набора, он обернулся бы против меня, — Коля поделился с Набором своими мыслями, чтобы члены команды не узнали правды.

– Ты хочешь сказать, что это я виновен в его смерти?

Друсниец почувствовал смущение *Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта.*

— Почему ты улетел?

— Мне нужно было испытать крылья, познакомиться со своим новым телом. Я не мог сразу поднять ваш маленький кораблик. Боялся, что это будет слишком опасно.

— Значит, Набора убила твоя осторожность, — подумал Коля, чувствуя, как вздрогнуло щупальце у него на затылке.

— Мне никогда не понять вас, детей человеческих. Вы настолько полны мрачных чувств... Страх, гнев, жадность. Моему народу неведомы большинство этих переживаний. Не знаю, проклятье это или благословение. Сегодня моя неосведомленность убила хорошего человека.

Собиратель облаков скрыл свои чувства от Коли, и они долгое

время молча скользили над равниной. Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, летел на высоте не более сотни шагов от земли. Сейчас они двигались гораздо быстрее, нежели; тогда, когда несшее их существо было игрушкой в руках ветра.

—Я правильно понимаю твои мысли, Коля? Ты хочешь в Золотой город. Почему не к Таркону Железноязыкому? Разве ты перестав служить Великой богине?

— Мне нужно отдать старинный долг, — прошептал Коля. Он отошел в самый дальний уголок плота, а члены его команды тем временем попрятались от пронзительного ветра в десантных корзинах.

— *Ты хочешь подарить меня!* — Собиратель облаков развеселился.

— Наверное, я для тебя значу не больше муравья. Разве может муравей подарить человека?

— *Но он может по крайней мере мечтать об этом.*

— Исполнится ли моя мечта?

— *И что, ты снова принесешь кого-то в жертву Великой богине, если это окажется не так?*

Коля почувствовал, что настроение у *Ветра, дующего от наливающегося дождем горизонта*, странное. Уже раздражение, но еще не ярость. Удивление и волнение, растерянность. Друсниец решил быть наглым, вместо того чтобы поджимать хвост. Собиратель облаков был слишком чужим для него существом, чтобы суметь предположить, как отреагирует Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта.

— Поможет ли жертва?

— *Проверь. Нам предстоит еще долгий путь.*

Щупальце отцепилось от затылка Коли и ушло вверх. Друсниец тяжело вздохнул. Он успел почувствовать мысль, которую Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта, не облек в слова. На миг собиратель облаков задумался над тем, не схватить ли его и не швырнуть ли на огромную ледяную равнину, проносившуюся под ними.

Возвращение воинов льдов

«Я никогда не думал, что мы вернулись в Золотой город среди ночи случайно. Улицы были пусты. Почти никто не видел кучку вернувшихся оборванцев. Нас было немного. Меньше трех сотен, и многим для того, чтобы идти, требовались помощники, поскольку мы были уже не состоянии преодолеть тысячи лестниц града из золота.

Не знаю, что случилось с другими, но нас, лувийцев, спрятали во дворце бессмертного Лабарны. Боги всемогущие, что они с нами сделали. У нас были отличные квартиры, хорошая еда и хорошие шлюхи. Не знаю, что свело нас с ума сильнее — еда или шлюхи. Я был слишком истощен, чтобы наслаждаться и тем, и тем в полную силу. Но никогда не забуду, как видел героев, переживших страшные кошмары, на полу. Они корчились в судорогах, нажравшись так, словно завтра есть будет нечего. Они лежали на полу, блевали и подыхали.

Вспоминая ту ночь, я чувствую, что на глазах у меня выступают слезы. Где же справедливость? Они столько пережили, выдержали больше, чем способен вынести человек, а потом умерли, когда думали, что уже в безопасности — увидев хорошую еду. Вкусное жаркое из ягненка, истекающее жиром, множество яиц, свежих яблок, пряные бобы, да к тому же вино и пиво.

И это был еще не конец. Некоторые вернулись настолько больными и уставшими, что все масло, благодаря которому горит наш внутренний свет жизни, было израсходовано. Они умирали от истощения или необработанных ран, от болезней, которые разносят вши или от того, что видели во льдах и что навеки лишило их душевного спокойствия. Я лежал в одной квартире с ними. Слышал ночью их крики, держал их за руки, когда они покрывались холодным потом и принимались с остекленевшими глазами рассказывать о духах, которые пьют жизненный свет, или о том, как они, чтобы выжить, крали одеяла у товарищей, из-за чего те погибали. Именно эти поступки мешали им выжить, когда они уже вроде бы были в безопасности, унося выживших обратно во тьму. (...)

Когда же сегодня заходит речь о последних воинах льдов, меня охватывает гнев, поскольку большинство из тех, кто носил это гордое имя, украли его. Это те люди, что пришли с Ансуром. Наверняка

многие из них — храбрые воины, но они ни единого дня не сражались во льдах, приняв участие только в последнем бою у саней.

Из тех же, кто ушел в войске семи королевств, вернулись лишь семеро из сотни, чтобы продолжить сражаться в тех боях, которые еще только предстояли.

Случившееся там должно было послужить нам уроком. Демоны продемонстрировали нам всю свою подлость. И будут поступать так и дальше. Они решили, что лучше утопить мир Нангог в крови, чем отдать его нам. А мы были настолько глупы, что подумали, будто можем совладать с ними».

Цитируется по: «Книга ужасов».

Составитель: разные люди, собрание рассказов выживших воинов льдов.

Записано после возвращения людей из Вану.

Хранится в библиотеке Искендрии, в Зале затонувших королевств,

шкаф X, полка III, сундук IV, дощечки CCIX—CCX.

Примечание: найдено в руинах дворцового архива Акшу

Непрошеный совет

Орму осторожно уложил целительницу на ложе. Он не смог отказать себе в возможности пронести ее последние шаги, так же, как нес на рассвете с перевала. Даже сейчас, когда Кирум едва держалась на ногах, она казалась ему легче перышка.

— Принесите мне теплой воды! — приказал он двум своим товарищам, которых посвятил в свою тайну. Женщину принесли во дворец, закутанную в одеяла. Никто не видел ее лица. Никто не знал, что женщина, по которой так сохнет бессмертный Аарон, этой ночью спала под его крышей. От квартиры Орму до спальни бессмертного было менее пятидесяти шагов.

— Торопитесь! — Орму обнажил нож и поднес его к горлу Кирум. Разрезав шов потрепанного платья, он выпустил на волю вшей: так бывало со всеми, кто пережил этот кошмарный переход.

Срезая с тела тряпки, он бросал их прочь. Ее кожа была искусана повсюду, а кое-где даже покраснела и воспалилась.

— Они жрали тебя живьем, — пробормотал он, по мере сил прогоняя кровожадных паразитов.

Он нашел Кирум на южной стороне перевала, когда искал одного из своих воинов. Она лежала на груде камней, волосы слиплись от запекшейся крови. Ее ударили и отняли плащ. Мороз сильно потрепал ее, и женщина была скорее мертва, нежели жива, когда он укутал ее в свой плащ и принес на равнину. Когда пришлось идти в бой, он оставил ее с немногими отставшими, собравшимися неподалеку от врат между мирами.

— Ты бы сам отдохнул, Орму, — его друг Язде смотрел на него с упреком. Он, как и сам Орму, выглядел исхудавшим и изможденным. Отмеченным вечной зимой, от которой они едва сбежали. Он тоже был родом из гор Гарагума.

То, что он был рядом, было практически то же самое, как носить с собой частичку родины. Слушать его акцент, то, как он подбирает слова. Орму невольно улыбнулся. Он никогда не думал, что слова — это может быть родина, когда ушел из родных гор, чтобы служить бессмертному Аарону.

Он с грустью поглядел на снова потерявшую сознание Кирум. Осторожно вытер грязь с ее тела смоченной в теплой воде тряпкой. Красавицей она не была. Исхудавшей, как и все, пережившие поход, с маленькой грудью и множеством шрамов.

— Она похожа на воина, — удивленно произнес Язде. — Ты посмотри, сколько шрамов. Должно быть, у нее была очень тяжелая жизнь. Погляди, вон тот шрам под ключицей. Там осталась настоящая ямка.

Орму уже доводилось видеть подобное. Такие шрамы оставляли секиры с шипами, когда острие их вонзалось в тело. Лишь немногим удавалось пережить подобные раны.

— Эта женщина полна тайн, — усталым голосом произнес он. Воин понимал, почему Аарон влюбился в нее. Она была совсем не такой, как те молодые дамы, которых то и дело присылали во дворец провинциальные князья, в надежде на то, что бессмертный найдет среди них свою единственную.

— Принеси мне пару бурдюков с теплой водой, — попросил он Язде. Ему не хотелось, чтобы друг смотрел на наготу женщины.

Из большого двора Орму услышал доносившиеся игру на флейте и звон цимбал. Аарон приказал устроить для выживших праздник. Но никто не распевал во все горло застольные песни. Не слышно было даже смеха.

Капитан изо всех сил постарался отмыть Кирум, затем принялся массировать ее покрасневшие пальцы. Ногти у нее стали темно-синего цвета, равно как и губы.

— Ты смотри мне, не помри, — раздраженно ворчал он. — Только не теперь, когда ты в безопасности, Утешительница.

Он жалел, что не может позвать Аарона. Нет такого лекарства в мире, которое помогло бы правителю больше, чем возможность снова быть с Кирум. Однако он дал ей слово, когда она пришла, чтобы спасти бессмертного, лежавшего в пещере на перевале.

Услышав шаги, он укрыл целительницу. Язде принес три бурдюка с теплой водой. Орму сунул их под одеяло.

— Ночь в теплой постели, а с утра наваристый куриный бульон, — негромко произнес он. — Ты встанешь на ноги!

— Ты уже даже спящими командуешь, — пошутил Язде.

Орму устало улыбнулся.

— Наверное, слишком привык к своей должности капитана, — он чувствовал, что слишком сильно устал, чтобы встать. Голова его опустилась на постель, рядом с которой он только что сидел на корточках. Сквозь толстое шерстяное одеяло он чувствовал тепло одного из бурдюков. Если закрыть глаза, он уснет в мгновение ока.

Когда из коридора потянуло ароматом свежего жаркого из ягнятины, у капитана потекли слюнки. Он еще не ел ни крошки с тех пор, как вернулся во дворец.

Внезапно веки целительницы затрепетали. 1убы ее шевельнулись. Орму пришлось наклониться, чтобы разобрать ее слова.

— Не ешьте... умрете...

Охотник не понял сказанного. Положил руку ей на лоб. Он был холодным. То есть, Кирум не бредит.

Ее рука выбралась из-под одеяла, сжала его ладонь.

— Вам нельзя есть, — уже громче сказала она, — Только чуть-чуть хлеба и жидкого супа.

— Нельзя отказывать мужчинам. Хорошая теплая еда — вот и все, о чем они мечтают.

— Это убьет их! Жирная тяжелая пища убьет их.

Каждое слово она произносила со всей силой, на которую была способна. Она была Утешительницей. Она отдала все умирающим, пока они отступали. Разве лишила бы она выживших заслуженного пира, если бы он действительно не представлял опасности? Никогда!

— Я помешаю этому! — Поднявшись, Орму почувствовал, что его шатает от слабости.

Язде бросился к нему на помощь, поддержав друга.

—• Ты действительно сделаешь это? — прошептал он.

Он помог Орму выйти в коридор, а затем и на широкий двор, сиявший в свете сотен факелов. Вдоль стен были расстелены плотные одеяла, разложены тяжелые подушки. Выжившие сидели,

прислонившись к стенам. Некоторые с блестящими глазами наблюдали за кружащимися танцовщицами, но большинство слишком устали. Многие уснули.

— Хорошо, что ты тоже пришел, — от группы дворцовой стражи, с которыми был и гофмейстер Матаан, отделился Ашот, главнокомандующий бессмертного. Бывший воин тяжело опирался на палку и приветливо кивнул Орму.

— Им нельзя есть жаркое из ягнятины, — выдавил из себя капитан кушитов. — Пусть его унесут, Ашот!

Главнокомандующий наморщил лоб.

— Почему?

— Оно убьет их!

— Это лучшее мясо, готовил дворцовый повар. Нет никаких причин...

— Оно убьет их! — не сдавался Орму. — Меня предупредила Утешительница. Если они будут пировать не хлебом и жидким супом, то завтра придется копать много могил.

Матаан прихромал к ним.

— Чего ты раскричался, Орму? О какой Утешительнице ты говоришь?

— Она — истинная спасительница отступавшего войска. Она заботилась о слабых и умирающих. Все, кто вернулся живым, знают ее имя: Утешительница. Так ее и зовут.

— Где она? — спросил Матаан. — Если ее так любят, пусть она сама сообщит мужчинам неприятную новость.

— Нет, — перебил Ашот. — Пусть предстанет перед Аароном. Ты же знаешь, какой он. Героиня из простых. Он захочет, чтобы она была рядом и создаст для нее должность во дворце. Он запряжет ее в свою колесницу, так же, как и нас, чтобы она помогала ему улучшить мир.

Орму удивился тому, насколько откровенно они говорят о правителе в его присутствии. Ну и хорошо! Встречу Аарона и Кирум нужно предотвратить любой ценой.

— Утешительница свалилась от усталости. Эту ночь ей придется

поспать.

Ашот недоверчиво скривился. Матаан же напротив, кивнул понимающе.

Аарон чувствует себя не лучше. Я не позволю, чтобы кто-то входил в его покои, пока бессмертный не сможет встать самостоятельно.

— Ему тоже нельзя есть ничего жирного, — вырвалось у Орму. — Он...

Матаан поднял руки, успокаивая воина.

— Он вообще ничего не стал есть. Просто забрался на постель и уснул, — гофмейстер повернулся к Ашоту. — Как мы уладим это? Я склонен поверить Орму и Утешительнице.

Ашот холодно усмехнулся.

; — Я все устрою. Меня все равно не любят. Миска жидкого супа, пол-лепешки, а запить все ключевой водой... Этого хочет Утешительница?

— Да, — подтвердил Орму.

— Тогда я сейчас прикажу унести мясо. Но ты, друг мой, останешься здесь. Посмотришь, что будет. И расскажешь им всем историю про Утешительницу, если они начнут возмущаться и проклинать бессмертного.

Орму поглядел на уставших воинов.

— У них почти нет сил даже суп хлебать. Они не станут возмущаться. Нужно только следить, чтобы они не наелись где-нибудь еще.

Ашот скривился.

— То есть ты хочешь сделать меня нянькой для двух сотен завшивевших воинов, которые к тому же еще и не в духе? — Он махнул рукой в сторону одного из свободных мест у дворовой стены. — Садись и хлебай, свой суп. И молись богам, чтобы Утешительница была права и что завтра во всех уголках города не станут болтать о том, что бессмертный Аарон пригласил своих героев на пир, а кормил черствым хлебом.

Язде помог Орму добраться до стены и сам устало рухнул рядом.

— Неприветливый он человек, полководец бессмертного-то, – раздраженно заметил он.

Капитан невольно усмехнулся.

— Думаю, так даже лучше. Либо ты хороший полководец, либо приятный человек. Не думаю, что можно соединить два этих качества.

Вскоре служанки принесли им миски с жидким супом. Вокруг началось ворчание. Когда же вместо мяса принесли сухой хлеб, возмутилось еще больше людей.

Как и обещал Ашот, он позвал Орму, чтобы он рассказал о предупреждении Утешительницы. Некоторые умолкли, но другие стали ворчать еще больше. Когда же они попытались выйти со двора, чтобы наесться где-нибудь еще, все дороги со двора во дворец оказались перекрыты.

' Вот теперь начались громкие ссоры. Но продолжались они недолго, поскольку даже самые крепкие из вернувшихся домой были не способны на большее, нежели поворчать и угрожающе потрясти кулаками. На двор медленно опустилась мрачная тишина. Танцовщицы давно ушли. Не играла музыка, костры потушили. В конце концов большинство мужчин задремали. Ночь была приятной и теплой. Опасность того, что можно уснуть и не проснуться, миновала.

Орму проснулся, когда на рассвете Ашот осторожно потряс его за плечо.

— Ты был прав. Только что прибыл гонец из дворца бессмертного Лабарны. Там был большой пир... За ночь умерло более сорока человек. Сначала они подумали, что кто-то отравил еду, но дело оказалось не в этом, — он понурился, в голосе полководца прозвучала горечь, причину которой Орму толком понять не сумел. — Ты позовешь Утешительницу? Бессмертный в долгу перед ней.

Орму устало кивнул. Затем тяжело поднялся. Все тело болело, словно у старика. Язде спал крепким сном. На этот раз он не станет утруждать его.

—Тебе нужна помощь? — Ашот предложил ему руку.

— Последний отрезок пути я как-нибудь одолею, — он хотел дойти до своих комнат один. Никто не должен видеть, кто спит в его

постели.

Двор он прошел достаточно неплохо, но оказавшись в длинном коридоре, в конце которого находилась дверь в его покои, ему пришлось держаться одной рукой за стену. Шаркая, он отправился в путь.

Войдя в комнату, он обнаружил, что постель его пуста. Она не заслужила этого! На глаза у него выступили слезы. Она была сильной женщиной, подобной которой он никогда не встречал. Но смогла ли она встать самостоятельно, чтобы бежать? Или ее забрали, потому что Ашот или Матаан разгадали его и поняли, где найти загадочную Утешительницу.

Неважно, почему исчезла Кирум. Орму знал, что искать ее бесполезно. Даже если бы у него были на это силы. Если это было ее решение, то она давно спряталась в городе. Если же ее забрали Ашот или Матаан, то ее поиски еще более безнадежны. Кирум не должна была больше попадаться Аарону на глаза.

Капитан устало рухнул на ложе. Почему мир устроен так, что для лучших людей в нем нет справедливости?

Сортирная политика

«Альвы любят меня», — подумал Хорнбори, когда слегка навеселе вышел из праздничного чертога, чтобы облегчиться. Только что он говорил с эльфийским кузнецом Гобхайном о недостатках саней. Нужно будет защитить еще и ездовых животных, еще танкам понадобится крыша для защиты от стрел, летящих сверху. Гобхайн сказал, что все это слишком сложно. Но о решении обещал подумать.

Однако лучше всего было то, что он вернется в Железные чертоги. По крайней мере, ненадолго. Солайн, их полководец, который вечно был словно не в своей тарелке, поведал ему, что его наградили золотыми крыльями. Хорнбори широко усмехнулся. Наверняка это решение совет города принял вопреки мнению Эйкина. Если бы все было так, как хотелось Старцу в Глубине, Хорнбори вряд ли бы вернулся. Но уж если он будет там, то он встретится с Амаласвинтой. Карлик вздохнул. Он готов был многое отдать ради ночи с ней! Может быть, если она захочет... Женщины любят героев, а она умна. Теперь, когда они оба предупреждены, Амаласвинта наверняка найдет способ им быть вместе так, чтобы Эйкин не узнал об этом.

Хорнбори прошел к тыльной стороне пиршественного чертога. Интересно, обидятся ли эльфы, если он помочится на него? С длинноухими ничего нельзя знать наверняка. Иногда они бывали просто до абсурдности щепетильными. Карлик принюхался. Эту вонь ни с чем не спутаешь. Неподалеку отсюда, на краю еловой рощи, был сортир. Он просто помочится в яму.

Два бледно-желтых фонаря освещали место, где друг рядом с другом выкопали семь глубоких ям. Поперек каждой из этих ям лежала массивная балка, на которую можно было присесть, чтобы справить нужду. Здесь стояла настолько невыносимая вонь, что

любое существо, обладавшее хоть толикой разума, предпочитало пойти в леса на склонах гор.

Хорнбори наткнулся на ведро, в котором лежали вонючие мочалки, одновременно задумавшись, кто же может заставить себя пользоваться ими, чтобы подтирать ими зад. Карлик с отвращением отступил на шаг и расстегнул ширинку. Нет, он точно не будет подходить к краю ямы.

— Рад тебя видеть, засранец!

Карлик испуганно обернулся. В свете фонарей показался Галар.

— Слыхал я, что все твои ребята подохли, засранец. Не понимаю, как можно считать тебя героем.

Хорнбори решил отойти чуть подальше от ямы, но Галар преградил ему путь.

— Ты ровно там, где тебе и полагается быть, засранец.

Хорнбори поднял руки, пытаясь успокоить карлика.

— Есть свидетели моего героизма. Драконник Нодон слышал, как я бросал вызов детям человеческим, а потом...

— Заткнись! — Галар вынул из-за пояса поразительно длинный кинжал. — Знаю я историю, которую рассказывают все. Но знаю и то, кто ты есть, засранец, и одно с другим не сходится. Это был последний раз, когда под твоим командованием погибли ребята, потому как я окажу войску услугу, — и кузнец обнажил нож, в хорошо отполированном клинке которого отражался лунный свет.

— Это неразумно, — Хорнбори отступил на шаг. — Кто-нибудь может увидеть, как ты...

— Поэтому я сделаю это быстро. Когда я закончу с тобой, ты упадешь в яму. Вес кольчуги утащит тебя на дно, а там тебя точно никто не будет искать. Герой Хорнбори просто растаял в воздухе.

— Ты поступаешь необдуманно, слушай...

— Ну почему же! — Галар поднес кончик ножа к носу Хорнбори. — Я долго думал об этом, и мне кажется, что для засранца лучшей могилы и не придумаешь.

Этот безумец действительно убьет его! Хорнбори достаточно давно знал Галара, чтобы быть в этом уверенным. Он осторожно отступил еще на шаг, затем почувствовал под ботинком край ямы. Это последняя возможность, и, если он сейчас же не убедит кузнеца, ему конец.

— Я поистине разочарован тем, что ты отказался от мести драконам.

— Думаешь, брехня спасет тебе жизнь? — Галар надавил чуть сильнее, и нож немного поцарапал кончик носа Хорнбори.

— У меня будет сила и влияние в Железных чертогах. Я узнаю, куда делись стрелы для убийства драконов, которые украл у тебя Эйкин. Ты уверен, что у тебя достаточно ресурсов для войны с небесными змеями? Или однажды тебе понадобится помощь?

— Он прав, — раздался голос из еловой рощи на другом краю ямы.

— Ни черта он не прав! Он сдаст нас, если мы отпустим его живым!

Хорнбори узнал голос.

— Иди сюда, Нир! Вразуми его! Если бы я хотел вас выдать, то мог сделать это уже давно. Думаете, я прощу драконам то, что они сотворили с моей родиной? Я тоже не забыл, как умер мой клан.

— Он слишком много болтает, — этот голос был Хорнбори незнаком. Между деревьями показался тролль. — Может быть, мокнуть его головой в яму?

— Думаешь, тогда он перестанет быть засранцем, Гроц? — Из тени елей вышел кобольд с заряженным арбалетом и встал рядом с троллем. Под конец к этой своре палачей присоединился Нир.

— Я член военного совета князя Солайна. Я буду в числе первых, кто узнает о военных планах небесных змеев. Если вы хотите убить драконов, то я могу оказать вам неоценимую услугу. Благодаря мне вы узнаете, где нужно быть, чтобы все получилось.

— Отпусти его. Кажется, он действительно в будущем может быть нам полезен, — произнес Нир.

— Этот? — Галар приставил кончик ножа к его груди. — Вы что, забыли, что нам рассказывал о нем Байлин? Этот засранец стал бы нашим палачом, если бы тот нас не спас. Как ты можешь доверять ему, Нир?

— А можно я застрелю его? — весело поинтересовался кобольд.

— Нам действительно пригодятся стрелы для убийства драконов, которые спрятал Эйкин, — напомнил Нир.

— Слушайте его! — крикнул Хорнбори. — Без меня стрел вам не видать. Кроме того, я смогу распределить вас в отряды, которые ближе всего к небесным змеям—когда дело дойдет до драки. Мне уже известны некоторые их планы. Солайн рассказывал мне, что

небесные змеи хотят захватить небо с помощью собирателей облаков. И в этой битве будут участвовать и крупные драконы. Галар убрал кинжал.

— Если ты попытаешься нас подставить, я пошлю к тебе Гроца. Он вырвет сердце из твоей груди, и последнее, что ты увидишь, это как тролль сжирает его.

— Не-е-е, не-е-е, — возразил великан. — Я не буду есть сердце труса.

— Давай это сделаю я, — предложил свои услуги кобольд. — У меня есть опыт как кончать карликов. Если попросишь, я могу сделать его кончину очень болезненной.

Хорнбори с тревогой поглядел на кобольда. Это был один из членов клана Ледяных бород, в красной шапке. Так что он, скорее всего, не врет.

— Не нужно угрожать мне, — Хорнбори был очень горд тем, что его страх не слышен в голосе. — Я на вашей стороне.

— Ты всегда только на своей стороне, — презрительно фыркнул Галар. — Я тебя знаю! Мы дадим тебе только один шанс стать настоящим героем. Если ты попытаешься одурачить нас, тебе конец. Еще одного такого разговора не будет.

И кузнец убрал нож обратно за пояс.

— Даже не пытайся, Хорнбори. Мы за тобой наблюдаем.

— Может, все-таки мокнуть его в яму? — спросил тролль. — Чуть-чуть...

— Даже если ты будешь макать его в яму сотню лет, к нему не прилипнет столько дерьма, сколько он носит в себе, — Галар плюнул Хорнбори под ноги. — До встречи, засранец.

От облегчения Хорнбори едва не наложил в штаны, когда кузнец и его подручные скрылись в темноте. На негнущихся ногах он побрел прочь от ямы, а потом вдруг улыбнулся. Может быть, на поле боя он и трус, но, когда нужно было говорить, он просто непобедим.

Он сделает так, что станет просто незаменимым для оборванцев Галара, и знать, как неприятно это для кузнеца, будет для него настоящим праздником.

О силе и свободе

Ливианна положила белоснежный мешок на землю, примерно шагах в десяти от Махты Нат. Было видно, что под тканью дергаются испуганные ножки.

— Я знала, что ты придешь, хотя ждать пришлось долго.

Эльфийка не ответила. Она молча подошла к ближайшему лесу и собрала хворост. Насобирав пучок, она вернулась обратно, осторожно стала складывать костерок из тонких веточек.

— Это слишком близко.

Ливианна продолжала игнорировать бузину. Она произнесла слово силы, и среди хвороста загорелась искра. Спустя несколько мгновений по сухой древесине заплясали маленькие огоньки.

— У меня корни неглубоко, расположены прямо под землей. Жар огня ранит их. Я уже чувствую его. Это слишком близко для костра. Потуши его!

Только теперь эльфийка подняла голову и поглядела на куст бузины.

— Нет! — решительно произнесла она. — В прошлом я многому у тебя научилась. Я допустила, что ты формировала меня, как садовник формирует кусты и деревья, чтобы они приняли желаемую форму. Я всегда принимала это. И только путешествие на Танталию открыло мне глаза.

— Прошу, потуши костер! А потом поднеси ребенка поближе к моему стволу. Как только я отведаю ее крови, мы сможем начать. За последние дни я много думала, и знаю, как вызвать дух жрицы.

— Рада за тебя! — ледяным тоном ответила Ливианна, подкладывая несколько мелких веток в огонь.

— Что с тобой, Ливианна?

Эльфийка потянулась к небольшой кожаной сумочке, спрятанной под плащом у нее за спиной, достала оттуда тяжелые железные ножницы, которыми пользуются садовники, обрезая молодые побеги, к положила их рядом с костром.

Это балл миг ее триумфа. Как же часто за последние недели она представляла себе это, готовясь к этой ночи.

Затем достала жз-за пояса нож. Не выкованное драконами оружие, но, тем не менее, отличный клинок из серебряной стали. Положила его рядом с мешком, в котором все еще отчаянно трепыхалась ее жертва, пытаясь вырваться на свободу.

— Спустя столько лет я наконец поняла, что сама отдалась а твои руки. Я целиком и полностью подчинилась вере, что ты можешь дать мне то, что мне обязательно нужно. А теперь я наконец обрела свободу, — эльфийка опустилась на землю рядом с костром, подбросила в огонь еще несколько тоненьких веточек, спокойно наблюдая за кустом бузины, соединявшим в себе все четыре времени года. Свежую листву, белые цветы и тяжелые алые ягоды, да еще несколько голых ветвей.

— Боюсь, что не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я очень высоко оценю, если ты сможешь заставить для меня говорить Уста Богини, Ияли, верховную жрицу девантара Анату. Я бы очень хотела услышать историю, которую она расскажет о смерти Пурпурного.

— И ты думаешь, что опалять мои мелкие корешки — это правильный способ добиться моего расположения?

— Ты бы сказала, что чувство этики и морали — это те мелкие корешки, которые определяют характер эльфа.

—Я бы сказала, что это очень искаженное восприятие, — насмешливо ответила Махта Нат.

— Да, я не обладаю ярко выраженным поэтическим талантом. Тем не менее, я думаю, ты поймешь, что я имею в виду. Скажу прямо: мое этическое воспитание существенно пострадало от общения с тобой. И ты сделала это специально.

— Это необоснованное утверждение.

— Было бы жаль, поскольку это превратило бы тебя в невинную жертву, — она поглядела на мелкие звериные кости у ствола бузины. — Но думаю, что в твоем случае невинность исключена. О себе я тоже не скажу ничего подобного. Ты превратила меня в мать, которая в идиотском стремлении к совершенству убивала своих детей. А потом ты отправила меня за ребенком для себя. Будто бы с той

целью, что его кровь подкрепит тебя. Как думаешь, в этом мире все взаимосвязано? Страдания матери, теряющей после мужа еще и ребенка... И страдания ребенка. Неужели это уравновешивается для тебя ощущением силы?

—*Да что с тобой такое? Что случилось на Танталии?*

Ливианна поглядела на мешок. Малышка затихла.

— Описать случившееся словами сложно. Возможно, правильнее всего будет сказать, чао я потеряла себя и вновь повстречались с собой.

— *Что за чушь!*

—Возможно, — эльфийка потянулась к тяжелым ножницам и поднялась. — Как думаешь, если потерять мелкие корешки, это будет побочный эффект? — Она наклонилась, потянулась к одной из голых зимних ветвей и отрезала ее от куста бузины.

Почувствовала причиненную Махте Нат боль.

— *Так ты ничего не добьешься!*

Ливианна подошла к костру и положила ветку в огонь.

— Тогда это очень печально для тебя, потому что в этом случае ты прекратишь свое существование. Я довершу начатое Дыханием Ночи.

— *И что в итоге? Я единственная, кто, возможно, сумеет вызвать дух Ияли! Если я погибну, ты никогда не разгадаешь ее тайну.*

Ливианна снова подошла к кусту бузины. На этот раз она отрезала ветку с цветами.

— Что до этого, то я изменилась, наставница, — она положила ветку на огонь, и вскоре от нее повалил густой сизый дым. — Я освободилась от оков. От безрассудной идеи, что для меня существует лишь один путь. Если я не раскрою тайну Ияли, то впаду в немилость у Золотого. Он перестанет поручать мне миссии. Признаю, я честолюбива. Я с удовольствием стала бы продолжать идти этим путем, но когда оказалась на Танталии перед девочкой, которую выбрала себе в жертву, то поняла, что на самом деле жизнь моя пуста. Мне стоит еще раз попытаться родить ребенка. И не обращать внимания на мнимые недостатки, которыми он будто бы

обладает. То, что совершенно, развиваться дальше не может. Оно уже достигло конца пути. Быть может, идеальное дитя вообще не родится, а отправится прямиком в Лунный свет?

— Что это за безумные идеи? Не обманывайся! Ты не добрая элъфийха, не друг деревьев.

Ливианна отрезала еще одну ветку.

— Что касается добрых эльфов, друзей деревьев, то тут ты права.

— Ты знаешь, что некоторых троп магии можно достичь, лишь идя дорогой крови. Темные врата открывают темные деяния.

— Я уверена, что в тебе достаточно тьмы, чтобы попасть, куда угодно.

— Ты знаешь, о чем я говорю! Ты сама ходила этим путем!

Ливианна повертела в пальцах отрезанную ветвь, думая обо всем том, что совершала в прошлом. О том, какую тьму несла в своей душе.

— Я знаю, что нужна жертва, потому что мы сами платить эту цену не хотим. Но на этот раз все будет иначе.

— Ты нарушаешь правила.

Эльфийка отрезала еще одну ветку.

— Сегодня правила изменились. Сколько пройдет времени, прежде чем ты сможешь отрастить четыре новые сильные ветви? Год? Два? Здесь земля не слишком плодородна, не так ли?

— Ну, ладно. Давай девочку: Мы начинаем.

Черное зеркало

Ливианна бросила ножницы и повесила кольцо на одну из сломанных ветвей, затем подошла к мешку и развязала веревку, которой он был перевязан, и оттуда показалась белоснежная испуганная козочка, пасть которой была перевязана шелковой ленточкой.

— Это еще что такое?

— Я больше не убиваю детей.

— Тогда о том, чтобы вызвать дух жрицы, можешь забыть. Кровь козы не заменит крови невинной эльфийской девочки.

— Тогда я дам свою. Знаю, что за все нужно платить, и я готова.

— Ты рассказывала мне историю Ияли. Она погибла страшной смертью, чтобы вернуть ее было невозможно. Она плотно закрыла за собой двери. И не нужно угрожать мне снова, я поняла, что ты настроена решительно. Я просто хочу сказать, что не стоит ждать особенных чудес.

—Начинай!

— Ты знаешь, что делать.

Ливианна схватила левой рукой козу за рога, правой рукой занесла кинжал для. жертвоприношений, таща вырывающееся животное к кусту бузины. Коза чувствовала ауру Махты Нат, чувствовала, что в кусте ее ждет беда, она отчаянно упиралась копытами в мерзлый грунт, но справиться с эльфийкой все равно не могла.

У самого ствола куста бузины Ливианна провела ножом по горлу козы, запрокинув животному голову. Кровь, пульсируя, окропила ветви и листья.

Что-то изменилось. Казалось, темнота сгустилась, словно бы пытаясь превратиться в холодный оникс, камень, что чернее ночи.

Коза бессильно рухнула наземь. Белое платье Ливианны, на котором обычно не оставалось ни пылинки, ни малейшей брызги грязи, было залито кровью. То, что вызвала Махта Нат, поглощало все остальные заклинания, жадно выпивая силовые линии мира.

Время и пространство исказились. Листья куста бузины зашелестели, несмотря на то что погода стояла совершенно безветренная. Превратившаяся в камень тьма выросла прямо перед Ливианной, превращаясь в черное зеркало.

— Я принесла свою жертву, теперь твой черед.

Ливианна наклонилась, не отводя взгляда от черной поверхности. Внутри что-то двигалось, коснулось поверхности и исчезло. Осторожно, одними пальцами эльфийка нащупала тяжелые ножницы. Чтобы открыть портал в пристанище душ, нужен был ключ. Это был совершенно иной способ призыва мертвых, чем доводилось видеть прежде Ливианне. Большинство душ ждали. Они надеялись еще хоть на миг вернуться в мир из плоти и крови. Если открыть границу, они подлетали к ней безо всякого принуждения. Но это заклинание было иным. Оно вгрызалось глубоко в темноту за зеркальной чернотой и будило то, что хотело навеки остаться сокрытым.

По земле вокруг Ливианны поползла изморозь. Металлические ножницы стали липкими на ощупь — настолько холодно стало вокруг. Лезвия ножниц коснулись мизинца левой руки в том месте, где он вырастал из ладони.

Эльфийка сжала кольца рукояток. Ножницы она точила только сегодня утром. Порез будет ровным. Мизинец упал на землю, и эльфийка выпустила из рук ножницы, затем подняла палец, швырнула его в зеркальную поверхность и торжественно произнесла:

— Вызываю тебя, Ияли, Уста Богини, верховная жрица Анату!

Палец исчез в темноте, словно камень в спокойной глади ночного озера. С руки Ливианны закапала теплая кровь, замерзая на ледяной земле. К зеркалу прижалось вытянутое узкое лицо. Оно поблескивало черным и находилось на расстоянии не более пяди от лица эльфийки.

— Кто ты? — Несмотря на то что лицо казалось очень близко, голос звучал так, словно доносился со дна глубокой ямы.

— Меня зовут Ливианна. Твой народ называет меня демоницей. Но в моем мире меня уважают, как княгиню. Я драконница. Эльфийка, полностью посвятившая себя служению одному из небесных змеев. Мой повелитель — Золотой, владыка света, провозвестник истины.

— То есть ты жрица?

— Да, — подтвердила Ливианна, хотя сама так называть себя бы не стала.

— Чего ты хочешь?

— Мы вместе с Вепреголовым расследуем былую несправедливость. Только ты можешь помочь нам пролить свет на истину.

— Вепреглавый? — Внезапно голос зазвучал взволнованно. — Я знала, что он никогда не забудет Анату. Где он?

— Он не может быть здесь. Он ждет меня во дворце из лунного света. Из твоего мира путь к тебе закрыт навечно, Ияли. Но мой мир слишком опасен для Вепреголового, поскольку между девантарами и небесными змеями сейчас идет война. Я должна знать, что произошло, когда твоя госпожа Анату и Пурпурный встретились впервые.

Сквозь пелену черного зеркала послышался глубокий вздох.

— Пурпурный повелитель небес впервые встретился с Анату в сети золотых дорог, но моя госпожа впервые повстречала его в своем дворце из Лунного света.

Ливианна не поняла ее слов, но не стала признаваться в этом жрице. Кроме того, ей не хотелось перебивать Ияли.

– Пурпурный пришел в мой храм как друг, но моя госпожа встретила его с недоверием и во всеоружии. Он был особенным... Мне было позволено присутствовать при некоторых их разговорах. Его искренность была обезоруживающей. Они были так сильно влюблены, так легкомысленны... Они встречались еще дважды, поскольку следовали за одной и той же мечтой. Они хотели мира между нашими мирами.

Смертоносный холод, создавший иней на земле, начал тянуться к Ливианне. Она не сможет больше слушать Ияли без вреда для себя. И она не была уверена в том, что это просто побочный эффект заклинания призыва, а не злоба Махты Нат.

— Во время третьей их встречи пришли другие. Их вела Ишта. Ее сопровождали Длиннорукий и Пернатый. Кузнец схватил Анату, в то время как двое других без предупреждения атаковали

Пурпурного... Бой был долгим и тяжелым, он увел их далеко от Дворца кз Лунного света. И Длиннорукий пошел за ними, вместе с пленной богиней.

Она сделала паузу, взволнованная воспоминаниями. Ливианна почувствовала, что ноги ее совсем онемели от холода.

— Ты знаешь, что я была связана с богиней особым образом. После долгого боя Пурпурного победили и обезглавили. Это произошло где-то в далекой лесной стране, а затем Ишта подошла к моей госпоже и проткнула ее копьем. С тех пор все путается… Я не знаю, как была ранена Анату, но если ее мысли и воспоминания были подобны кувшину, то Ишта нарочно швырнула этот кувшин на каменный пол, где он и разбился на тысячу осколков. Все еще здесь… Но я уже не могу собрать все в нужном порядке. Пернатый потребовал тело Пурпурного, Ишта же захотела сделать из головы дракона темницу для моей госпожи. Кроме того, Ишта стала богиней Лувии, именно этого она всегда и хотела. Думаю, поначалу крылатая богиня не знала, какая связь существует между мной и моей госпожой Анату, но когда ей стало об этом известно, она тогда послала друснийских наёмников, которые осквернили мой храм. Так действует Ишта: впутывает других в свои планы, чтобы не пришлось нести ответственность в одиночку...

Ливианна почувствовала, что жрица хочет сбежать во тьму и забытье, но она все еще не понимала, как все это началось.

— Ты сказала: Пурпурный повелитель небес впервые повстречал Анату в сети золотых дорог, но моя госпожа встретила его впервые в своем дворце из Лунного света. Как это может быть?

— А я-то всегда думала, что вы, демоны, мастера интриги. Подумай! Я уже все сказала.

— А Длиннорукий? Ишта получила королевство Лувии, Пернатый — тело Пурпурного. Но какую плату получил божественный кузнец? Зачем ему было участвовать в заговоре?

— Это мне неизвестно. Воспоминания Анату запутаны. Он делал работу на поле боя. Он нужен был им, потому что был кузнецом. И они принесли ему золото. Очень много золота! —• Голос верховной жрицы становился все тише и тише, словно бы ее затягивало во тьму.

— Что он ковал?

– Я не зн... — Лицо за черным зеркалом исчезло, и с ним растворилась и темная стена перед Ливианной. Эльфийка снова увидела перед собой куст бузины.

— Ну, что? Узнала, что хотела?

Подошвы Ливианны примерзли к земле. Тонкие побеги бузины обвили ее лодыжки. Она резко рванулась и села рядом с небольшим костерком. Как же холодно, Она попыталась вспомнить слово силы, возвращающее в тело тепло, но оно не приходило на ум.

Отрезав полоску ткани от подола своего наряда, она перевязала раненую руку. Холод остановил кровотечение, и это было единственным положительным моментом. Изморозь медленно уходила с земли, но теплее эльфийке не становилось. Казалось, холод пробрал ее до костей и поселился внутри. Наконец Ливианна потащилась в близлежащий лесок, чтобы собрать больше хвороста. Вернувшись и бросив в костер столько дров, что пламя взметнулось очень высоко, она поняла, что совершенно обессилела.

— За проход запретных врат всегда приходится платить цену, — усмехнулась Махта Нат, с наслаждением наблюдавшая за тем, как все еще мерзнет ее ученица.

Ливианна пыталась не обращать внимание на злобный шепоток бузины, протянула руки к костру, размышляя над загадочными словами Ияли. Может быть, в конце концов она спятила, так же, как ее богиня? Как Пурпурный и Анату могли встретиться впервые в разное время? Можно ли понимать это буквально?

Пламя опустилось, а она гак и не подобралась к разгадке. Может быть, стоит позвать Ияли из темноты еще раз? Эльфийка погладила раненую руку. Осталась лишь глухая пульсирующая боль. Сколько еще пальцев принести в жертву? Или оставить в покое тайны богов?

Ливианна устало поднялась и направилась к кусту бузины, чтобы забрать кольцо Ияли, но оно исчезло.

— Она забрала его с собой. Разве ты не заметила?

— Как... Зачем она это сделала?

— Какой поразительно глупый вопрос. Конечно, чтобы ее больше не вызывали. Теперь закрылись последние врата. Без принадлежащей ей вещи, без того, к чему она испытывала при жизни сильные чувства, даже я не смогу больше призвать ее. Теперь

она наконец упокоится с миром. И никто не узнает последнюю тайну богини. Какая преданная служанка, даже за порогом смерти. Жаль, что ты не такая.

— Может быть, каждый получает таких слуг, каких заслуживает? — Ливианна отвернулась и опустилась на колени рядом с костром, чтобы засыпать землей остывшие угли. Она уйдет и никогда больше не вернется — в данный момент она знала наверняка только это.

Возможно, разумнее будет просто отказаться от поисков. Первое полнолуние уже миновало. До второго полнолуния осталось почти целых две недели. Эльфийке вспомнилась угроза Человекавепря. Действительно ли он явится в Альвенмарк, чтобы найти ее, когда минует второе полнолуние, а она не вернется во дворец из Лунного света? В такое место, как сад Ядэ, он не сунется. Может быть, порвать с Золотым и, как поступил ее сын, довериться милости Темного? Перворожденный наверняка примет ее. Но предательство принесло Гонвалону погибель. Глупо пытаться служить более чем одному небесному змею.

Последние искры костра потухли под черной землей. Она поднялась и, не оборачиваясь к бузине, пошла прочь.

— А ты не думала о том, что Ияли могла солгать тебе? Глупо думать, что духи, которых мы вызываем, всегда говорят только правду.

Ливианна молчала. Она была уверена, что ей не лгали. Это непохоже на Ияли. Если истина была слишком щекотливой, она начинала говорить загадками. Так зачем, же ей лгать? Она была предана Анату, и, если несправедливость, причиненная ее госпоже, откроется, это будет ей только на руку.

— Думаешь, что можешь разгадать мысли детей человеческих? — Голос Махты Нат слабо звучал в ее мыслях. А ведь Ливианна отошла менее чем на сотню шагов. Она поднялась по холму, радуясь, что может покинуть долину. Эльфийка подумала о Длинноруком. Какую роль он играл в заговоре? Пришел только для того, чтобы держать Анату, пока Ишта и Пернатый дрались с Пурпурным? Это слишком просто! И какова была его плата?

Ливианна вспомнила серебряных львов, против которых рядом со звездой альвов в Золотом городе сражалась Бидайн. Это было одно

из творений кузнеца. Как сказала Ияли? Они принесли золото, когда победили Пурпурного.

— Альвы всемогущие! — вырвалось у нее. Она поняла, что случилось с небесным змеем. Более того, она уже даже встречалась с Пурпурным! У него была новая голова! Что ж, благодаря призыву решилась хотя бы одна загадка...

Если небесные змеи узнают, что сделали с их братом по гнезду девантары, они не успокоятся, пока не утопят последнего из человеческих богов в его собственной крови. Возможно, Пурпурный мертв, но дети человеческие не прекращают осквернять его тело. И это длится уже много веков!

Родильный дом

Будет ли Темный ждать его? Нодон стоял перед открытой аркой светящихся врат. Лишь шаг отделял его от пирамиды Дыхания Ночи. Он уже видел старую кладку и темноту. Он мог быть повсюду. Истекло ли время изгнания? Перестал ли сердиться повелитель? Он мог бы подождать, пока Темный пришлет ему весточку... Нет! Нодон решительно пересек звезду альвов и вошел внутрь пирамиды. Он должен узнать, как дела у Нандалее и что стало с ее детьми.

С облегчением и некоторым удивлением он увидел, что его никто не ждет. Не было даже газалы в роли посланницы Темного. Эльф нерешительно пошел по извилистым переходам, пока не увидел квадратный кусочек синего неба в конце туннеля.

Нодон вышел из-под камня, и его окутала влажная жара потайного оазиса меж Скал. На миг он застыл на пороге пирамиды, вслушиваясь в крики птиц, наблюдая за безумным полетом мотыльков над вытянутым прудом с кувшинками. В воздухе витало столько ароматов. Были тут и запах тухлой воды, и только что состриженной зелени, и запах переспелых манго, и дым.

Дым?

Он прищурился. Здесь было настолько светло, то он с трудом видел, что происходит под густой листвой деревьев, росших на другой стороне пруда. Когда-то эта потайная долина представляла собой большой сад. Здесь жила почти сотня семей кобольдов. Они боролись с природой, пытаясь спасти сад. Но всякий раз, возвращаясь домой, Нодон видел новые признаки поражения. Сад Яд» постепенно превращался в то, чем был до того, как ему попытались навязать порядок: в джунгли.

Однако было здесь и что-то новенькое. В тени деревьев Нодон увидел белую каменную кладку. Там построили небольшой домик с куполообразной крышей, и из маленького отверстия в ней валил

дым. Он не помнил, когда в саду Ядэ в последний раз что-то строили. Что же произошло за то время, что его здесь не было?

Встревоженный эльф вышел из пирамиды, обошел пруд и ступил под сень деревьев манго. На земле лежали гниющие фрукты. В воздухе гудели пчелы, вспугнутые его шагами. Они поедали сладкую

фруктовую мякоть.

Нодон почувствовал, что за ним наблюдают. Сквозь сень листвы то тут, то там пробивались лучики света. А между ними царила тьма. Больше тьмы, чем могло быть. Он здесь!

— Хорошо, что вы вернулись, мой мастер меча, — донесся из тени голос Темного. Несмотря на то что слышен он был только в его мыслях, все звуки вокруг тут же стихли. Замолчали птицы, даже мухи перестали жужжать.

— Я ушел, потому что таково было ваше желание, не мое, кой повелитель, — с горечью ответил он.

— Ошибка... Возможно...

Нодон всмотрелся между тенями, но не увидел Перворожденного. А затем его взгляд остановился на новом доме, который не поглощала тьма. Его стены сверкали белым меж черных стволов. Нодон подошел ближе, обошел его и увидел, что в нем нет ни единого окна. Низкая дверь была сколочена из тяжелого темного дерева. Она тоже была без окошка. Зато был здесь тяжелый засов, закрывающийся снаружи. Перед ним была тюрьма!

— Госпожу Нандалее не держат в плену, — опередил его Темный. — Это для ее защиты. Ее нельзя было больше оставлять среди других драконников. Ты же помнишь первого из ее детей, которого я забрал!

Как же это можно забыть? Это существо, которое вырвал Темный из живота Нандалее.

— Это произойдет снова?

—Я не знаю, мой мастер меча. Я сунулся на поле боя, где ничего не знаю, и боюсь, что проиграл. Она... она отказывается пускать меня. Дети давно уже должны были родиться... Мне даже кажется, будто они чего-то ждут.

— И чего же?

Внезапно он появился. Родился из тени, которая даже сейчас открывала его лишь на малую толику. Впервые на памяти драконника его узкое, бледное лицо было отмечено тревогой, с темными

кругами под глазами и с морщинами, еще глубже укоренившимися в уголках губ. Нодон был потрясен, увидев своего

повелителя в таком состоянии.

— Пойдите к ней, мастер меча. Может быть, она ждет вас? Меня она видеть не хочет. Я чувствую, что моя близость вредит ей.

— Зачем этот дом?

— Я хотел, чтобы госпожа Нандалее была рядом со мной и... Нет, это лишь мнимая причина. Остальные драконники не должны видеть госпожу. Они только и говорят, что о ней...

— Да что случилось-то? — Он встревоженно поглядел на тяжелую дверь, на засов, на стены без окон. — Что...

— Яне хочу говорить об этом. Вы должны быть беспристрастны, когда увидите ее. Вы — роя последняя надежда. Если ничего не изменится, то... Мне придется отнять детей, вопреки ее воле. Она сама не отпускает их. Держит их в плену!

Нодон ничего не сказал, но придерживался иного мнения насчет того, кто кого здесь держит в плену.

— Кто заботится о госпоже Нандалее? — наконец поинтересовался он.

— Фирац, одна из моих видящих. Я убедил ее остаться, хотя она боится госпожу.

Нодону надоело слушать намеки. Он хотел сам видеть, что произошло! И эльф решительно отодвинул тяжелый засов. В дверях стояла Фирац. Может быть, Темный мысленно предупредил газалу? В доме стоял тяжелый душный и затхлый воздух, ударивший в лицо Нодону. Еще более жаркий и душный, чем тот, что стоял в скальном саду посреди пустыни.

— Скорее! — Газ ала схватила его за руку и потащила внутрь, а затем закрыла двери. — Нандалее не любит, когда становится прохладнее. Она... она меня пугает!

Маленький дом состоял из одной только комнаты, окутанной ярким светом дюжин масляных ламп. Нандалее сидела на полу в центре комнаты. Она была обнажена. Вокруг нее валялись одеяла и помятая одежда, и посреди всего этого возвышалась она. Нодону показалось, что драконница свила себе гнездо.

Она совершенно спокойно сидела в пбзе лотоса, повернувшись к нему спиной. Руки ее лежали на коленях, ладонями вверх. Волосы

она собрала в неаккуратный пучок, так что татуировка на спине ее была видна практически полностью. Два караулящих друг друга дракона — ни у одного другого драконника не было изображения двух повелителей!

В маленьком доме стояла удушающая, влажная жара. Напротив входа здесь был большой каменный очаг, рядом с-которым у стены лежал штабель дров. На огне стояло сразу несколько горшков, в которых кипела вода.

— Нандалее?

Слепая газ ала покачала головой.

— Она не слышит. Здесь только ее тело, а дух витает где-то очень далеко. Если он вообще еще связан с этим телом...

— Что ты имеешь в виду?

— Я слепа, но я чувствую, что она все больше и больше отдаляется от мира... Я вижу только ее ауру, все то, что открывает мне Незримое око. Ее печаль, ее гнев и—что ее мучает больше всего — ее беспомощность. Она боится стать матерью... И бежит от этого. Сейчас она уже очень далеко от нас.

Нодон бросился к Нандалее, присел перед ней на корточки. Залитое потом лицо драконницы выглядело изможденным. Глаза чуть-чуть приоткрыты, закатились, так что видно только иссеченный красными прожилками белок. Тело ее исхудало, от рук и ног остались одна кожа да кости. И только живот представлял собой просто огромный шар.

— Она почти не ест, — прошептала Фирац, обращаясь к нему. — А то немногое, что съедает, почти полностью отдает обратно. Боюсь, что, если Темный придет за ее детьми, она не переживет этого. Она слишком слаба. Даже естественные роды могут поставить жизнь ее под угрозу...

Нодон встал и отошел немного, чтобы посмотреть на Нандалее с некоторого расстояния. Как могло так случиться? Теперь он понимал, почему Фирац пугалась, несмотря на свою слепоту. Нормального здесь не было ничего. Ни одна эльфийка не должна рожать таким образом. Он практически ничего не знал о беременностях, но это... У Нандалее не было практически ничего общего с теми беременными эльфийками, которых ему доводилось видеть за свою жизнь. Она

сидела в позе лотоса, почти отрешившись от мира, и словно высиживала птенцов.

Да еще эта удушающая жара, стоящая в комнате. Если бы здесь были окна, он распахнул бы их. Эльф поглядел на дверь, вспоминая, как поспешно втащила его внутрь Фирац. Что сделает Нандалее, если он вынесет ее отсюда? Не может быть, чтобы это она придумала окопаться здесь.

Нодон снова опустился на колени, нежно накрыл ладонью ее руку.

— Тебе нужно уйти отсюда. Это место вредит тебе.

Слепая пророчица присела рядом с Нодоном и с поразительной ловкостью вытерла пот с лица Нандалее.

— Она тебя не слышит, — с грустью произнесла она. — На слова она не реагирует уже давно.

Он погладил женщину по руке.

— Все будет хорошо. Возвращайся и помоги нам.

Нандалее не отреагировала. Казалось, она не воспринимает его, как и говорила Фирац.

— Пожалуйста, вернись к нам. Сделай это ради своих детей, — произнес он немного громче и настойчивее.

Ничего. Нандалее сидела, словно окаменев.

Как же больно видеть в таком состоянии гордую, мятежную драконницу, готовую восстать против всякого, не боясь последствий. Он часто расходился с ней во мнениях, но она всегда до глубины души потрясала его. Он видел в ней что-то, чего ему самому всегда не хватало. Способность видеть мир таким, какой он есть, но не считать это данностью и неизменностью. Как могла сдаться именно она?

— Ты бежишь, — с упреком в голосе произнес он. — Ты понимаешь это, не так ли? Этот бой, от которого ты отказалась, самый важный из всех, что были в твоей жизни. Это бой за твоих детей. Как ты можешь отказываться от них обоих?

— Она словно уже почти мертва, — сдавленным голосом произнесла Фирац.

Нодон молча поглядел на газалу, затем положил руки на щеки Нандалее.

— Почему? Ты же драконница. Мы никогда не перестаем сражаться. Что с тобой случилось? Что так сильно изменило тебя?

— Любовь к Гонвалону, — в тишине произнесла видящая. — Разве ты не видишь? Когда он умер, то забрал ее сердце с собой.

— Что за чушь! — фыркнул Нодон.

— Вот потому с вами, мужчинами, так тяжело, что вы считаете любовь чушью. А мы — нет.

Ну, и что он должен на это сказать? Это же просто романтические бредни слепой пророчицы! Это последнее, что им может сейчас помочь. Нодон поглядел на потрескавшиеся губы Нандалее, на крупные капли пота на ее лице, блестевшие золотом в свете масляных ламп. Когда-то она была красива. Гонвалон отдал ради нее все. Более того, он умер ради нее, и в этом драконник был уверен. Может быть, именно это она и не может преодолеть? Что другой эльф заплатил за нее величайшую цену?

Нодону она не казалась красивой никогда, но привлекательной — да. Она была так непохожа на него.

Он снова пристально поглядел на нее. Эльфийка никому не позволяла сбить себя с пути, на который однажды вступила. Так будет и на этот раз. Даже Темный был бессилен против ее упрямства. Она умрет в родах, если Перворожденный придет за ними. Потому что она так хочет!

Эльф наклонился и поцеловал пересохшие губы.

— Прощай, моя гордая и глупая воительница. Желаю тебе хорошего перерождения.

И впервые с тех пор, как он вошел в хижину, Фирац не осмелилась ничего сказать. Он сам был потрясен тем, что сделал. Он уважал Нандалее. И хотел попрощаться с ней не просто парой слов, которые она все равно не услышит.

Драконник устало поднялся и направился к тяжелой двери. Никогда он не возвращался после миссии настолько опустошенным, как после зимней войны в Нангоге, и вот теперь, после прощания с Нандалее. Он коснулся лба рукой, почувствовал внезапно

нахлынувшую боль. С недавних пор голова болела почти каждый день.

— Мастер меча!

— Что? – Нодон тяжело опустил руку на дверь. Придется стучать, чтобы его выпустили из этой темницы.

— У нее дрожат губы!

— И что?

— Мне кажется, она пытается что-то сказать...

В два шага Нодон оказался рядом с ней. И действительно, Нандалее изо всех сил пыталась что-то сказать. Пода ее по-прежнему

Ничего не видел, но теперь они были широко открыты, по щекам бежали слезы. Фирац взяла его за руку и накрыла его ладонью руку Нандалее. Она полыхала, словно синем.

— Гонвалон, — прошептала она, и Нодону показалось, что одно это слово режет ей горло, столько страдания и в то же время надежды было в нем.

Он хотел что-то сказать, хотел пояснить, что она ошибается, но фирац закрыла ему рот ладонью и покачала головой.

— Гонвалон, — снова прошептала Нандалее, уже тише.

Он провел ладонью по ее руке и почувствовал, что эльфийка вздрогнула. Затем вложил свою руку в ее раскрытую ладонь. Она сцепила его пальцы со своими, но сил сжать ладонь не было.

Внезапно она глубоко вздохнула. Все тело ее задрожало, и драконника завалилась на бок.

Нодон подхватил ее, крепко обнял.

— Началось! — крикнула Фирац. — У нее схватки! Отошли воды. Дети. Она рожает. Держи крепко. Держи ее крепко-крепко! — Она низко склонилась над ним. — И не разрушай ее веру, — прошептала видящая на ухо драконнику.

Как он может притворяться для Нандалее тем, кем на самом деле не является? Она не хотела рожать детей в мире, где нет Гонвалона. Имеет ли он право так обманывать ее?

Нандалее корчилась в судорогах.

— Все будет хорошо, — произнес он, не задумываясь, а Фирац тем временем раздвинула эльфийке ноги.

Убийца и слепая пророчица в качестве акушеров. Это может плохо кончиться.

— Может быть, позвать на помощь? — прошептал он.

— Зачем? — В голосе газалы послышалась обида. — Природа так устроена, что женщины могут рожать детей совершенно самостоятельна Ты будешь держать ее, гладить и шептать на ухо какую-нибудь милую чушь, пока я не скажу тебе перестать. Об остальном я позабочусь. И поверь мне, сильные узкие руки, знающие, что нужно делать, важнее зрения.

— Но Темный... Разве он не должен быть здесь?

— Неужели ты ничего не понял? Она не хочет рожать детей из-за него. Нандалее не хочет, чтобы дракон в обличье эльфа притворялся их отцом. Если он войдет в этот дом, я не знаю, что будет. Ему сюда нельзя. И он это тоже прекрасно понимает. Поэтому помочь в этих родах должны именно мы! А теперь соберись и сделай свое дело хорошо, Гонвалон, — она произнесла это имя громко и с нажимом, и, как бы ни была запутана Нандалее, казалось, она по крайней мере, услышала его, поскольку слабо сжала его руку.

Нодон судорожно сглотнул. Бежать было поздно. Несмотря на то, что в подобных сражениях ему не приходилось участвовать еще никогда в жизни. Новая схватка — и Нандалее выгнулась дугой.

— Все будет хорошо, — прошептал он, убирая с лица эльфийки сбившиеся и мокрые от пота волосы. На губах играла легкая улыбка, но глаза все еще смотрели, ничего не видя.

— Пора тужиться! — приказала ей Фирац. — Они сами не выйдут. Ты должна помочь своим детям, — и видящая сунула руку между ног Нандалее.

Нодон отвернулся. Он не хотел этого видеть.

— Ты справишься, — с нажимом произнес он. — Скоро все закончится, — он понятия не имел, сколько это может длиться, но был уверен, что Нандалее будет приятно слышать это, если она вообще хоть что-то понимает из того, что он шепчет ей. Она по-прежнему была немного не в себе, но тело, судя по всему, и без посторонней помощи знало, что нужно делать при родах.

Нодону показалось, что это длилось много часов. Схватки приходили снова и снова, все сильнее и сильнее впивались ее пальцы в его ладонь. Он вытирал ей лоб ладонью, давал ей пить и бесконечно повторял успокаивающие слова, которые нашептывал на ухо.

Комната без окон, окутанная золотистым светом масляных ламп, словно выпала из времени. Эльфле мог сказать, день снаружи или ночь. Временами он съедал немного фруктов, хотя есть толком не хотелось, а затем все наконец закончилось и все пошло очень быстро. В окровавленных руках Фирац лежал маленький комочек с зажмуренными глазенками и мокрыми темно-русыми волосами.

—Девочка! — гордо объявила видящая; — Возьми ее, Нодон. Положи ее на грудь Нандалее и смотри, чтобы не упала.

Кажется, маленькой эльфийке не понравилось, что ее вынули из матери, и она закричала с поразительной силой. Нодон неуверенно принял комочек и быстро положил на грудь Нандалее. Фирац перерезала пуповину. На миг поддавшись очарованию, Нодон стал рассматривать крохотную девочку. Она лежала, сжав кулачки, а мать не реагировала, глаза Нандалее по-прежнему смотрели внутрь головы, и виден был только белок. Она не потянулась к ребенку, не произнесла ни слова. Она лежала, словно убитая, а новорожденная боролась за жизнь.

Нодон беспомощно поглядел на Фирац, но газала не обратила на него внимания. Она выглядела напряженной, а ее руки были погружены в лоно Нандалее. Видящая что-то негромко бормотала себе под нос. Молитву? Заклинание?

Она достала из тела второго ребенка, но выглядела совершенно растерянной. Из окровавленного последа торчали толстые скорлупки и части тела. Был еще один ребенок? Как они могли не заметить его? Быть может, он был уже мертв, когда Нодон пришел, чтобы забрать Нандалее из долины, где она пряталась?

Эльф поглядел на Фирац, прижимавшую к себе второго ребенка. Мальчика без одной руки. Разве Темный не исправил все? Тело новорожденного уродовали страшные шрамы. Неужели это сделал их ужасный брат, которого Темный отнял у Нандалее? И как могло случиться, что малышка осталась совершенно цела?

— Никогда не говори ей, что видел здесь, — строго приказала Фирац, вручая ему мальчика. — Это должно навеки остаться тайной,

— видящая наклонилась и собрала послед в заляпанную кровью тряпку, а затем бросила все в горевший в очаге огонь;

— Что будет с мальчиком? — Нодон неуверенно поглядел на малыша, который внимательно смотрел на него своими огромными глазенками. Он был совсем другим, нежели девочка, словно бы понимал уже сейчас, в момент своего рождения, как обстоят дела в мире. Дышал спокойно. Судя по всему, легкие у него были сильные и не были повреждены. Малыш молчал, только глядел на него так, что Нодон был тронут до глубины души и в то же время напуган.

Дыхание Ночи

Нандалее вышла из родильного дома на яркий солнечный свет, прищурившись, поглядела на синее небо, наслаждаясь полуденным теплом. В голову снова полезли мысли о гибели Гонвалона. Эта тень полностью не отступит никогда, однако эльфийка решила, что пора наконец очнуться от кошмара, начавшегося в момент гибели Зелинунта. Довольно замыкаться в себе и жить, словно зверь.

— Пойдем дальше? — спросила Фирац. Газала держала на руках обоих малышей. Ключик к ее новой жизни. Ради них обоих она была готова на все.

— Иди вперед, — ответила она.

Нандалее почувствовала, что он совсем рядом. Ее тюремщик и повелитель. Нужно поговорить с ним, хотя, по ее мнению, говорить им было не о чем.

— Иди вперед, Фирац, я скоро вас догоню, спокойно повторила она.

Газала кивнула. Нандалее понимала, что слепая видящая тоже знает, что где-то среди деревьев ее ждет Дыхание Ночи. И без дальнейших слов та повернулась и пошла вместе с детьми по дороге на ту сторону пруда, которая приведет ее наверх, в крепость драконников.

— *У дерева манго,* — прошептал голос в ее мыслях.

Нандалее пошла за тяжелым ароматом фруктов, а затем увидела его. Глубоко в тени, едва различимую фигуру. Он пришел в облике эльфа, но, несмотря на то что он отринул драконий облик, его окружала аура бесконечной силы.

Несмотря на нежелание видеть его, противостоять влиянию его ауры было невозможно. Она почувствовала себя маленькой и незначительной. Его расположение позволит ей снова расцвести, исполнит ее самые заветные желания.

— Что я могу сделать для вас, мой повелитель? — натянуто поинтересовалась она.

— *Ты прекрасно знаешь.*

— Я больше не буду сражаться за вас. Я больше никогда не притронусь к оружию.

Он усмехнулся, и собственное упрямство показалось эльфийке мелким и смешным.

— Вам не уйти от своей судьбы, госпожа моя. В Белом чертоге вы выбрали мен Смертоносный. Этот меч был создан для убийства девантаров. Вы будете его орудием, пока будете живы, госпожа Нандалее. Не противьтесь этому. Никто не в силах перечить собственной судьбе.

— Это верно лишь для того, кто считает, что его судьба предначертана, — страстно возразила она. — А я сама строю свое будущее. Никакой оракул и никакая серебряная чаша не лишит меня этой привилегии.

Вместо ответа он улыбнулся отстраненно и с пониманием, но в глазах его она прочла тоску. Он желал ее. Дело было не только в мече. И она никогда не узнает, ни это ли желание причина смерти Гонвалона.

— Первая битва в Нангоге завершена. Мы одержали отнюдь не блистательную победу, но зато унизили девантаров. Теперь во всех трех мирах не будет надежного и спокойного места. Они нанесут ответный удар, и сделают это там, где мы ожидаем этого меньше всего. Прошу вас, не испытывайте свою удачу. Останьтесь в саду Ядэ, госпожа Нандалее. Речь уже не только о вас одной. Ваши решения теперь будут определять и жизнь ваших детей.

— Вы собираетесь угрожать мне? — резко ответила она и увидела, что ее слова задели дракона.

— Вы все путаете, госпожа моя. Я не представляю опасности, я ваш защитник. Возможно, единственный, оставшийся у вас.

— Я знаю, что вы говорите искренне, и я не покину сад Ядэ. Но я больше не стану сражаться за вас. Смиритесь с этим.

Нандалее отвернулась и быстро пошла прочь. Тяжелая беременность и роды истощили ее. И чувства Дыхания Ночи тоже не упрощали ситуацию. Она почувствовала его боль, его печаль. Это оружие было гораздо более действенным, нежели какие бы то ни было угрозы. Она не была уверена в том, что он видит в ней и чего на самом деле от нее хочет. Но выяснять это не собиралась.

Он убил Гонвалона! И она ему больше ничего не должна

Страх мастера меча

Она едва держалась на ногах, когда шла по коридору навстречу ему, но настояла идти самостоятельно. «Судя по всему, прежняя Нандалее постепенно возрождается», — подумал Нодон. С момента родов прошло две недели, и она все еще была ужасающе худа, но в глазах появился блеск, которого давно не было, и эльфийка уже робко улыбаясь. Почти как юная девочка, впервые встречающаяся со своей великой любовью.

За ней шла Фирац, на руках она держала обоих детей.

— Хорошо, что остальных здесь нет, — негромко произнесла Нандалее. Голос ее был еще слабым и хрупким, было слышно, насколько тяжело ей самостоятельно держаться на ногах.

— Они поняли, что пока ты хочешь побыть одна. А еще очень рады, что ты пришла. Ты одна из нас. Твое место здесь, в твердыне драконников.

На щеке Нандалее дрогнул мускул. Тронута ли она? Или рассердилась? Ей всегда нелегко было быть не одиночкой.

Он открыл дверь, рядом с которой стоял

— Все дали что-то, чтобы сделать эти покои чуть уютнее. Один подарок даже прибыл недалека... О твоих родах говорят.

По лицу эльфийки он понял, что эта тема ей неприятна. Как же он мог быть настолько глупым и бестактным? Нет, больше о родах говорить он не будет. Все равно большая часть — их с Фирац тайна. Жаль, что нельзя забыть увиденное.

Нандалее подошла к нему и встала в дверном проеме. Он услышал, как она схватила ртом воздух... Хоть бы не обиделась снова. Она стала такой ранимой...

— Это... — Она снова с трудом перевела дух. — Это чудесно!

— Мы импровизировали, — Нодон вздохнул с облегчением. — Каждый что-то дал...

Нандалее махнула рукой на длинную табличку в форме капли, висевшую на стене, и два меча, висевшие за ней.

— Я больше не возьму в руки оружие. Мое время воительницы миновало.

Он кивнул, пытаясь себе представить, как отнесется к этому Темный. Драконница, которая отказывается сражаться! Такого прежде не бывало.

Она окинула комнату взглядом. Нодон с тревогой наблюдал за ней. Они отдали ей самую большую комнату. Несколько предметов мебели стояли отдельно друг от друга. С одним из них было связано особое обстоятельство. Кровать была сделана кобольдами сада I

Ядэ, он много часов исследовал ее, зная, что маленький народец обладает своеобразным чувством юмора. Проверка показала, что на кровать не наложено заклинание, а все ножки целы, ни одна не подпилена. Это была действительно просто большая кровать с приятным мягким матрасом и изголовьем, на котором была вырезана лужайка с цветами.

— Там я буду укачивать, — произнесла Нандалее, указывая на мебель с высокой спинкой, по которой было непонятно, стул это или скамья. Стоявший рядом стол с блестящими бронзовыми ножками и пластиной из зеленого камня, выломанного из скал сада Ядэ, был создан здесь, в мастерской крепости.

Нандалее вошла в комнату, огляделась по сторонам.

— Три окна... Это чудесно. Много света — это хорошо.

Нодон невольно вспомнил дом, где она рожала — он был без окон, и облегченно вздохнул, понимая, что теперь она видит мир иначе.

Ее рука играючи скользнула по лежавшему на столе янтарину, сделанному в виде абстрактной закрученной скульптуры. Он не станет говорить ей, что это — подарок Темного.

Она опустилась на колени рядом с лакированным сундучком, стоящим под средним окном, и провел рукой по зеркальной поверхности. На крышке сундука и боковых стенках чьей-то искусной рукой были нарисованы дельфины.

— А это от кого?

— Это прислал Элеборн. Он передает тебе привет и надеется, что вскоре сможет приехать в гости.

— Элеборн... — Она скова углубилась в себя, словно заглядывая в прошлое. — Он был со мной, когда я рубила тис для своего лука, и не выдал меня наставникам Белого чертога, Ты знаком с ним, Нодом?

— Нет, знаю только имя.

— Он создает чудесные скульптуры из света и воды. Детям понравится его искусство, — она подошла к стоявшей у постели колыбельке.

Нодону показалось, что он чувствует некоторое смущение, когда она стала внимательнее рассматривать кроватку. Колыбелька была белой, и тяжелая деревянная рама была подвешена таким образом, что ее можно было раскачивать. Низкая ширма разделяла ее на два спальных места. На балдахине в изголовье были нарисованы летящие пегасы. В центре картинки красовался вороной с широко расправленными крыльями, на лбу у которого красовалось белоснежное пятно. Зореокий, пегас Нандалее.

Она узнала его и провела картинкой по рисунку.

— Красиво, — негромко произнесла она. — От кого этот подарок?

Нодон смущенно откашлялся.

— От меня... Я не очень талантливый художник... Я...

— Для меня колыбелька — лучший из всех подарков, — она подозвала Фирац, нерешительно стоявшую в дверях, затем взяла у газалы детей и положила обоих в их новую кроватку.

Ты уже дала им имена?

— Да, я долго спорила об этом с Гонвалоном, — та улыбнулась. — Нашего сына должны звать Мелиандер, а нашу Дочь — Эмерелль, — внезапно на глазах у нее выступили слезы. — Ты знаешь, что он обещал мне, что будет со мной, когда они родятся, — внезапно голос ее стал хриплым. — Я думала... — Эльфийка покачала головой. — Он сдержал свое слово. Он был там. В родильном доме. Я не знаю, как он это сделал. Но он увидел обоих По крайней мере, разок.

Нодон почувствовал себя ужасно жалко. Не нужно было поддаваться на эти обманы.

Нандалее подняла голову и поглядела на него.

— Я знаю, что вы с Гонвалоном не были друзьями. Но им обоим понадобится отец... Я не смогу дать им все, что им нужно.

Нодон поднял руки, защищаясь.

— Нет, я этого не умею...

Нандалее пристально поглядела ему в глаза.

— Я думаю, что, если ты захочешь, ты сможешь стать лучшим во всем. Это твой особый дар, Нодон.

Он отвел взгляд, поглядел в окно, затем в колыбельку. Эмерелль спала, но с изуродованного личика Мелиандера на него глядели внимательные и умные глаза. Нодону снова показалось, и чувство это было абсурдным, что малыш все понял. И казалось, что его глаза тоже просили его согласиться.

— Я мог бы попытаться, — наконец нерешительно произнес он. — Но не ожидай от меня слишком многого.

Она встала на цыпочки и нежно поцеловала в щеку.

— Спасибо. Они будут очень сильно любить тебя.

Мастер меча поглядел в колыбельку. Именно этого он и боялся. Любви.

Новые задачи

Он услышал громкий перестук палок еще за несколько улиц от дома. Они быстры, очень быстры, удовлетворенно подумал он. Он затянул широкий капюшон плаща чуть туже, но спрятать свет полностью он не мог. Он тоже осознавал взгляды, которые бросали на него. Бидайн изменила город. Казалось, все в Уттике знают, что есть некая тайна. Золотой читал это в глазах кобольдов, которые сновали вдоль стены, в глазах кентавров, которые всегда занимали середину улицы, в глазах фавнов и минотавров, одной эльфийки, которая перебежала ему дорогу.

Он заострил чувства. Прислушивался к шепоту, который то нарастал, то спадал, как только он проходил дальше.

— Он тоже из этих...

— Да, она вызвала еще одного...

— Неужели Шанадин не видит, кого он притащил в свой дом...

— Они растратят его состояние...

— Почему они не с теми воинами, которых призвали в Нангог...

— Откупились с помощью состояния Шанадина...

Что ж, незаметной она остаться не сумела. Даже издалека он почувствовал, как она изменилась. Она хотела ощутить силу. Возможно, было ошибкой так рассчитывать на нее.

Утром у него была Ливианна, чтобы рассказать ему о тайне, которую открыла. Она действительно удивила его. Несмотря на то что она поняла не все, что произошло в заговоре, имевшем отношение к Анату, но то, что она рассказала, было чудовищно. Сообщение взволновало его, но дракон решил попридержать правду о Пурпурном. Это знание означало власть. Нужно выждать нужный момент и воспользоваться им.

Внезапно щелканье тренировочных деревянных мечей стихло. Слишком внезапно. Она заметила его, в этом он был уверен. Он поглядел на улочку, ведущую к воротам в высокой стене. Створки распахнулись, словно по мановению невидимой руки.

Золотой остановился.

Она должна выйти к нему. Он чувствовал ее запах. Его чувства были полностью нацелены на нее. Снова чувствуется запах разложения. Сможет ли она вернуться однажды к своей настоящей коже, чтобы избежать этого запаха?

За стеной не шептались. Он чувствовал всех их, своих убийц, которых она выбрала для него. Лемуэль, мауравани, который любил птиц больше, чем собственный народ. Кира, сказительница, сбежавшая от своего отца, князя Солайна, который оказался таким ценным кандидатом на роль полководца. Асфахаль, обманщик с ранимой душой, который неустанно искал утешения в чужих объятиях и постоянно оставлял за собой разбитые сердца. И Валариэлль, которая любила кутаться во мрак. Эти пятеро так сблизились, что достаточно было обменяться взглядом, чтобы понять, что нужно делать. Это хорошо! Они смогут добиться многого.

Он услышал негромкие шаги, а затем в дверях появилась она, Бидайн. Она была уже не той девочкой, которую он когда-то послал в Нангог, казалась жестче. Теперь, когда у нее была собственная цель, она стала упражняться решительнее, чем в Белом чертоге. Подчинила себе свое тело, закалила себя. Выдержала его взгляд, и дракону это понравилось.

— Нам нужно поговорить, госпожа Бидайн.

Та кивнула и подошла к нему. Дверь в стене закрылась.

От нее пахло свежим потом — запах, который он всегда любил в женщинах.

— Я просил вас вести себя незаметно, госпожа моя. Мне кажется, вам не удалось выполнить мое пожелание.

— Я огорчена тем, что разочаровала вас, но смею вас заверить, что никто в этом городе не догадывается, кто я или кто на самом деле мои товарищи, — она остановилась в двух шагах от него, и он почувствовал, — то как влияет на нее его аура, как она пытается сопротивляться. Ничего у нее не выйдет. Ни одно дитя альвов не способно противиться небесному змею. Но то, что она пытается, весьма показательно.

— Позволено ли мне будет объясниться, мой повелитель?

— Я рассержен, — он увидел, что эльфийка на миг вздрогнула, когда он дал ей почувствовать свой несколько наигранный гнев. —

Вы должны были действовать незаметно!

— Это желание выполнить было невозможно, — твердым голосом ответила она. — Этот городок слишком мал для пятерых эльфов вроде нас. Просто невозможно не привлекать к себе внимания. И в окрестностях нет места, где бы нам не помешали. Здесь нет даже потаенных бухт, поскольку вдоль всего побережья постоянно снуют рыбаки. В невысоких холмах за городом бродит слишком много пастухов со своими стадами. Нежелательные глаза давно увидели бы, что мы делаем. Как Валариэлль сплетает тьму, а мы становимся частью этой тьмы. Здесь, посреди города, я постаралась, чтобы ничего подобного не произошло.

Дракон негромко рассмеялся.

— Одни только ваши деревянные мечи слышно за три улицы отсюда, госпожа моя. Как вы полагаете, что думают о вас живущие в Уттике дети альвов?

— Прошу прощения, мой повелитель, мы не оставили это на волю случая. О нас говорят много, да, но это мы распускаем слухи. Некоторые жители считают нас детьми князей, которые сбежали от призыва на войну в Нангог, некоторые принимают нас за пиратов. — Бидайн негромко рассмеялась. — А другие считают меня прелюбодейкой, которая решила разорить несчастного Шанадина. А еще некоторые полагают, что у меня интрижка с Асфахалем. Большинство из этих слухов пустили мы. И они стали густой вуалью для истины.

— Я чувствую на тебе запах Асфахаля, — впервые с тех пор, как она вышла на улицу, он почувствовал, что ей неприятно.

— В самой лучшей лжи всегда есть толика правды, — негромко произнесла она.

Некоторое время оба молчали. Он был потрясен осознанием того, что ему неприятен тот факт, что она спит с Асфахалем. С Шанадином — то другое. Золотой был совершенно уверен, что к торговцу из княжеского рода она ничего не испытывает. Но Асфахаль... Самая сильная магия заключалась в его улыбке.

— Буду с вами откровенен, госпожа Бидайн. Ваши поступки здесь меня не удовлетворяют.

— Так позвольте же мне доказать, что это верный путь. Они

тренировались несколько недель. Они хороши. Прошу, Великий, дайте нам возможность проявить себя. Разработанный мной план хорош. Прошу, дайте нам цель, и мы вам это докажем.

— Среди вас — четверо драконников. Белого чертога больше нет. Возможно, еще долго не будет возможности обучать новых драконников. Если вы ошибаетесь, госпожа моя, мы потеряем четверых драконников, и это будет существенной потерей.

— Мы не подведем!

«Она действительно уверена», — подумал дракон.

' — Нандалее родила детей, — он пристально наблюдал за Бидайн. На лице ее не было ни малейших следов волнения. Судя по всему, она действительно порвала с бывшей подругой.

— Но пока что наша цель — не Нандалее. Ее хорошо охраняют. Вы должны проявить себя в ином месте, — он подумал о своем брате. О том, что сделали с ним проклятые девантары. Он влачит жалкое существование в пруду в Нангоге, спрятанном глубоко под землей, став частью изуверского ритуала. Он был мертв, но они сумели заставить продолжать жить его тело. Связываться с девантаром было глупо, но такой судьбы его брат по гнезду не заслужил. Так что нужно проучить девантаров и их ближайших слуг, бессмертных, и показать им, что значит вызывать на себя гнев небесных змеев.

— Я прекрасно понимаю ваше желание проявить себя, госпожа моя, — он дал ей почувствовать, что скрыть от него мысли невозможно. Теперь он знал, что было с Асфахалем, и боролся с собственным раздражением. Бидайн слишком ценна, но несмотря на внешнюю показуху, внутренне еще не слишком устойчива. На этот раз он не станет наказывать ее.

— У вас уже есть планы, госпожа моя. Вы хотите убить одного из бессмертных?

Бидайн серьезно кивнула.

— Да, мой повелитель. Я знаю расположение всех дворцов и всех важнейших храмов в Золотом городе. Если мы нанесем удар там, то будем действовать на знакомой территории.

— Надеюсь, что ваше честолюбие не превышает ваши возможности, драгоценная Бидайн.

— Я уверена, что это не так, мой повелитель, — страстно возразила она.

— Что ж, да будет так. Я хочу отправить детям человеческим послание. И вы станете моей посланницей. Сейчас в Золотом городе находятся только двое бессмертных. Правители Арама и Друсны. Выберите себе одного из них в качестве цели, госпожа моя, возьмите штурмом его дворец, убейте бессмертного и как можно больше людей из числа приближенных к нему чиновников, жрецов и телохранителей. Цель нападения — посеять ужас. Дети человеческие должны понять, что они не могут чувствовать себя в безопасности нигде. А еще они должны начать сомневаться в своих богах, потому что они их не защищают. Вы сможете выполнить это задание? •

Бидайн поклонилась ему.

— Ваше доверие делает мне честь, великий. Мы претворим ваши приказы в жизнь. Немедленно! Без колебаний! Мы — драконники!

— Что ж, надеюсь, на этот раз вы преисполните мое сердце гордостью, госпожа Бидайн. Мой приказ вести себя в Уттике незаметно вы не выполнили.

Он почувствовал ее гнев, несмотря на то что внешне она осталась совершенно спокойной.

— Прошу позволения высказаться, великий, — дракон кивнул.

— В этом городе едва ли можно было рассчитывать на то, что тебя не заметят. Даже играя роль неприметной няньки, я была темой для разговоров. Уттика слишком мала, и здесь слишком мало эльфов. Любой представитель нашего народа привлекает внимание. Когда прибыли еще четверо эльфов, разговоры были неизбежны. Но прошу, поверьте мне, повелитель, что наша истинная сущность отлично скрыта. Пройдите по городу, послушайте детей альвов. Многие говорят о нас, но никто, даже недоверчивый князь кентавров Секандер не понимает, что мы — драконники.

— Ваши попытки оправдать неудачу злят меня, госпожа Бидайн. А теперь идите.

Она снова поклонилась и удалилась. Он отчетливо ощущал, что ее раздражение сменилось отчаянием. Но теперь он мог быть уверен, что в Золотом городе она сделает все возможное. Будет уничтожен бессмертный, там, где дети человеческие полагают, что находятся в

полной безопасности.

Золотой вышел из переулка. Бидайн была права. Эльф не мот остаться невидимым в этом городе. В принципе, она нашла способ решения этой проблемы, не самый хороший, но вполне приемлемый. Только он не станет говорить ей об этом. Дракон считал, что эльфийка стала слишком самоуверенной.

Неторопливым шагом Золотой направился к гавани, снова вслушиваясь в разговоры окружающих.

— Наши ребята одержали великую победу в Нангоге, проявили себя главным образом кентавры.

— Селедка подорожает, говорю тебе! Они оценят сроки ее хранения в походах.

— Эта Шанадинова жена... Я уверен, что уже где-то видел ее. Она была шлюхой в очень дорогом публичном доме в Милале. Точно тебе говорю, там ее Шанадин и нашел.

Золотой невольно усмехнулся. Действительно, в этом городе никто не считал Бидайн драконницей. Нужно быть с ней поприветливее, если она проявит себя в Золотом городе. И, несмотря на это, Ливианна была ему почему-то симпатичнее. Он знал, что быстрый успех ученицы мучает ее. И это уже заставило ее превзойти саму себя. А если она раскроет заговор Ишты, то это нанесет делу девантаров больший вред, нежели смерть десяти бессмертных.

Последний бой

Ночь уже поглотила восточный горизонт. В приглушенном свете вечерней зари на западе черные серпы разрезали небо, кичившееся своим золотом и пурпуром. Это черные стрижи совершали свой последний полет в попытке сбежать от ночи.

Ливианна вернулась к руинам храма, над которыми ночью должен был вырасти дворец из Лунного света. Тени меж разломанных стен росли быстро. Место, где когда-то Пурпурный пытался вести с Анату переговоры о мире между мирами, наполнялся темнотой. Стояла давящая тишина. Сверчки этим вечером не пели.

Эльфийка поднималась по холму между покрытыми лиловыми цветами кустиками чертополоха. Он был уже здесь, она чувствовала это. Где-то там, наверху, среди теней, ее ждет Человек-вепрь. На этот раз она взяла с собой свой меч, тот самый массивный клинок, выкованный в пламени небесных змеев, обладавший способностью еще больше усиливать каждое сплетенное ею заклинание. И на этот раз она не стала надевать ни грубой шерсти, ни плохо выдубленной кожи, ни принимать облик потного воина. На этот раз она пришла в своем собственном облике, облике драконницы. Потому что она собиралась путешествовать с девантаром, вдали от дорог, которыми пользуются дети человеческие. Вместе они разгадают загадку Ияли. Возможно, он знает, что значат ее слова: *Пурпурный повелитель небес впервые встретился с Анату в сети золотых дорог, но моя госпожа впервые увидела его в своем дворце из Лунного света.*

Может быть, вся загадка кроется во временной петле? Ливианна вошла в темноту, опустившуюся на руины храма, пошла по дороге, по которой две луны тому назад шла с девантаром. Где же Человек-вепрь? Здесь, меж старых стен, тишина казалась еще более давящей и неестественной. Выйдя на двор со стелами, откуда друснийцы украли когда-то камень с изображением ликующей Ишгы, она опустила руку на рукоять меча.

У подножия необработанных стен лежал Вепреголовый. Сначала Ливианна подумала, что он спит, повернувшись на бок, поджав под себя ноги. Она опустилась на колени рядом с ним, увидела ушибы на его широкой груди. Эльфийка торопливо осмотрела тело девантара. Над бедром виднелись следы когтей, словно тот сражался со зверем.

На левом виске она обнаружила кровоподтек лилового цвета. Рука женщины скользнула к его шее. Пульс был сильным и ровным. Он просто потерял сознание. Кто, ради всех альвов, напал на него?

На двор упала тень. Ливианна поднялась и, оборачиваясь, опустила правую руку на рукоять меча. На фоне догорающего заката на темно-синем небе она увидела высокую крылатую фигуру. Ишта!

— Ты действительно думала, что можешь явиться в мою империю, пытаться разнюхать мои тайны, а я об этом не узнаю, дочь альвов?

Ливианна обнажила меч. Медленно, не спуская глаз с девантара. Ишта была вооружена копьем с длинным наконечником, с которым ее так часто изображали на картинах и статуях.

— Что ты собираешься сделать с Вепреголовым? — Ливианна сделала шаг в сторону, закрывая его своим телом.

Ишта усмехнулась.

— Что это? Драконница, защищающая девантара? Точно так же пытался когда-то заслонить собой Анату Пурпурный. История повторяется. Что же до Вепреголового... Он мой брат. Мы не убиваем друг друга. Впрочем, он понесет наказание. Я не хочу чтобы он пошел к нашим братьям и сестрам и стал рассказывать всем о том, что ему кажется, будто он знает.

— Возможно, это сделают небесные змеи. Золотой знает о том, что ты предала Анату.

Ишта спустилась чуть ниже. Острие ее копья указывало на грудь Ливианны.

— Золотой... Что ж, значит, мне не о чем беспокоиться. Он идет своим путем.

Ливианна заметила движение слева, почти на границе поля ее зрения. На одну из окружавших двор стен опустилась пернатая фигура, а из прохода, ведущего в сады на террасах, показалась приземистая фигура с длинными руками.

— Опусти меч, — потребовал девантар в плаще из перьев. Наполовину человек, наполовину — хищная птица, он говорил хриплым, каркающим голосом. — Тебе не победить, маленькая эльфийка. Это мы одолели Пурпурного. Ты сама прекрасно знаешь,

насколько велика разница между тобой и небесным змеем. Мы предлагаем такое лишь однажды.

Ливианна подняла свой узкий меч, словно приветствуя врагов.

Драконники не сдаются, — она тоже понимала, что ей не победить. Ей по силам было сохранить честь воина или же отказаться от нее. Негромко прошептав слово силы, она потянулась к силовым линиям. Она сплела заклинание, с помощью которого Бидайн сражалась с серебряным львом, когда он настиг их на площади перед звездой альвов в Золотом городе.

На миг все вокруг словно замедлилось.

Длиннорукий поднес два пальца ко рту и оглушительно свистнул. Ливианна бросилась ему навстречу. При этом она петляла между стелами, чтобы копье Ишты не попало ей в спину.

Божественный кузнец уже приноровился к ее темпу. Он отошел в сторону, прежде чем она успела догнать его, и из прохода выскочили три крупных серебряных волкодава.

— Это мой подарок тебе, эльфийка, — насмешливо воскликнул он.

Ливианна прыгнула, оттолкнулась ногами от одной из стел, набрала высоту, оттолкнулась от стоявшей напротив стелы и в конце концов приземлилась на вершине первой стелы. Волкодавы окружили ее, жадно щелкая челюстями.

Драконница почувствовала, как магическая сеть восстает против нее, потому что своим заклинанием она нарушала миропорядок. Теперь она двигалась с такой, скоростью, что летящая в воздухе стрела должна была остановиться для нее. Но Длиннорукий не останавливался.

— Твоя подружка сломала мне одного льва, такого больше не повторится. Эти собаки созданы для таких эльфов, как ты. Как бы ты ни искажала ход времени, они всегда будут двигаться с той же скоростью, что и ты. Они связаны с тобой и с тем заклинанием, что ты плетешь, поэтому тебе от них не убежать.

Краем глаза Ливианна увидела, что Иште и Пернатому, судя по всему, трудно подстроиться под ее темп. Оба летели к стеле, но их движения казались причудливо замедленными.

Если собаки всего лишь так же быстры, как она, и не обладают другими особыми свойствами, то возможно, ей удастся одолеть металлических тварей. Ливианна сделала длинный прыжок со стелы навстречу Пернатому, который, отчаянно взмахивая крыльями, пытался набрать высоту и увернуться от нее. Ее меч описал сверкающую дугу. На миг Ливианна почувствовала сопротивление, а когда, спружинив, приземлилась во двор, рядом с ней медленно, словно перо, упал на землю отрезанный коготь.

Но наслаждаться триумфом времени не было. Три собаки тут же окружили ее. Одной она вонзила меч глубоко в глотку, второй же успел прыгнуть на нее. Ливианна пригнулась, но тяжелое металлическое тело задело ее и опрокинуло навзничь.

Она перекатилась через сторону, вскочила и потянулась за мечом, все еще торчавшим в пасти одной из собак.

На нее, ругаясь, бросился Длиннорукий, когда металлический скрежет возвестил о том, что она сумела высвободить клинок из челюстей собаки. Обеими руками сжав рукоять клинка, она отступила немного назад, чтобы спину ей прикрывала стена и не нужно было опасаться атаки хотя бы оттуда. Левая рука болела. Драконница была потрясена тем, что ей стало гораздо сложнее держать оружие, хотя у нее не стало всего лишь мизинца.

Вместо того чтобы атаковать, бог-кузнец схватил своего раненого пса и потащил его прочь от эльфийки. При этом он поглаживал его по голове, словно живое существо из плота; и кроки. Из пасти бестии капало что-то темное.

Два других пса осторожно ходили перед ней взад-вперед, не отводя взгляда от клинка, словно были достаточно разумны, чтобы опасаться драконьей стали.

Что-то капнуло на щеку Ливианны, но, уже поднимая голову, она поняла, что допустила ошибку. Сверху на нее обрушился Пернатый.

Драконница упала на колени, подняв меч, чтобы вонзить его в тело девантара.

Стоило ей поменять положение меча, как обе собаки атаковали.

Эльфийка попыталась увернуться, но одна из металлических собак ударила ее головой в живот. Завалившись на бок, она увидела

над собой хлопающие крылья. На этот раз это был не Пернатый, а сама Ишта. Тулой конец копья обрушился на нее и нанес удар в солнечное сплетение.

Жгучая боль пронзила все тело, и одновременно силы оставили Ливианну. Руки обмякли. Кузнец наступил ей на запястье. Меч выпал из ослабевших пальцев.

— Никогда больше ты не убьешь ни одного из моих творений, — в его голосе слышалось затравленное поскуливание. Он снова наступил ей на запястье. Ливианна почувствовала, как хрустнули кости, новая боль пронзила все тело.

Практически теряя сознание, не в силах сопротивляться, драконница почувствовала, что ее подняли. В глазах почернело, пока звонкая пощечина не привела ее в чувство. Рот наполнился кро$_{т}$вью. Руки болели. Ее поставили, запястья сковали наручниками. Она висела на канате в комнате с настолько низким сводом, что она могла бы достать до него, если бы вытянула руку.

— Ты знаешь, где находишься? — поинтересовалась Ишта.

Перед глазами у Ливианны все еще плясали искорки. Заморгав, она огляделась по сторонам. Под ней было что-то зеркальное. В воздухе витал странный запах. Теперь она узнала каменную ванну, находившуюся в последней из потайных комнат.

— Мой пернатый брат пожелал, чтобы ты разделила судьбу Ияли. Вот только предпосылки получились разные. Если Ияли хотела, чтобы тайны Анату остались скрыты навеки, то теперь мы хотим, чтобы ты ничего-и никому не рассказала.

Ливианна судорожно сглотнула. Рот все больше наполнялся кровью.

— Боюсь, мой брат очень рассердился. Глупо было отрезать один из его когтей.

Эльфийка повернула голову. Пернатый держал канат, на котором она висела. Он принял человеческий облик, сохранив лишь голову орла. Левая нога кровоточила — у него не хватало одного из пальцев.

— Надо было тебе соглашаться на наше предложение тогда, во дворе. Ты еще очень пожалеешь, что не выбрала быструю и безболезненную смерть, — в голосе Ипггы сквозило почти

сочувствие. —Я прошу прощения за то, что он с тобой сделает. Ты хорошо сражалась, эльфийка. Я буду помнить тебя. А теперь прости, я уйду, подобные ужасы меня не прельщают. Я не хочу видеть этого, хочу запомнить тебя в облике гордой воительницы, которой ты была.

Ливианна хотела что-то ответить, но смогла произнести лишь неразборчивые звуки. Изо рта полилась кровь, и тут она все поняла: язык! Они вырвали ей язык!

Ишта заметила ее полный ужаса взгляд.

— Это сделал мой брат. Он опасался, что ты произнесешь слово силы, что будешь пытаться сражаться даже сейчас или попытаешься сплести заклинание, которое сделает тебя нечувствительной к боли. Как он сказал? Твои крики станут бальзамом на его рану, — девантар цинично усмехнулась. — Что ж, он не великий поэт. И боюсь, он не подумал о том, что твои крики без языка будут звучать очень странно.

Канат, на котором она висела, дрогнул, и ступни Ливианны погрузились в кислоту. Послышалось шипение. На глаза эльфийки выступили слезы. Она выгнулась дугой от ужасающей боли.

«Нет, я не стану кричать», — мысленно поклялась она себе. Что ж, хотя бы это право остается за ней.

— Желаю тебе поскорее распрощаться с терпением, — произнесла Ишта. И с этими словами богиня вышла из комнаты.

Канат снова дрогнул, и Ливианна погрузилась в кислоту по лодыжки. Сквозь пелену слез она увидела, как по наполненной кислотой ванне текут темные струйки ее крови.

Эпилог

Золотой шел по широкой лужайке, направляясь к Белому чертогу. Бабочки павлиний глаз порхали у него перед глазами, направляясь к далеким цветам. Под ногами Золотого шелестела последняя осенняя листва. Старый дракон был потрясен, с какой скоростью природа восторжествовала над зданием школы. Рядом с окнами по покрашенным белой краской стенам бежали темные трещины. В крыше уже образовалось две дыры, а дальний край западного крыла зарос плющом.

Как долго они воспитывали здесь своих самых преданных слуг. Теперь приходится бросить школу. Рискованно собирать в одном месте многих драконников. Слишком велика опасность того, что эту школу постигнет участь Голубого чертога. Наверное, пройдут годы, прежде чем они смогут сюда вернуться. Несмотря на то что одержана первая победа в Нанготе, власть бессмертных и девантаров еще далеко не сломлена.

Когда через приоткрытые двустворчатые двери дракон вошел в широкий холл, его захлестнуло уныние. Однажды его посещало это чувство, когда он лежал на своем любимом месте в горах. Пребывая в своем истинном облике небесного змея, Золотой наслаждался солнцем на теплых скалах и размышлял о будущем. Война за Нангог началась успешно. Возможно, уже сейчас Бидайн наносит детям человеческим следующее сокрушительное поражение. Но ни в одном из миров им не укрыться от гнева детей человеческих.

Думая о Бидайн, он почувствовал, что его связь с Ливианной поблекла. Это была не резкая краткая вспышка боли, как бывало обычно, когда умирал кто-то из его драконников. Это было медленное расставание. Должно быть; умирала она тяжело.

Он окинул взглядом холл. К отделанной деревом галерее с двух сторон вели две лестницы. Перед ним возвышалась статуя воина с бронзовым щитом и коротким мечом из голубоватой стали. Все остальное исчезло — и знамена из давно позабытых сражений, и, самое главное, висевшее на стенах оружие. Пронизанное магией драконов каждое из них было единственным в своем роде.

В свете, сочившемся сквозь поврежденную крышу, под пустыми

крепежами для оружия поблескивали маленькие латунные дощечки. Некоторые уже затянула патина. И только в одном-единственном месте сверкала сталь.

Золотой поднялся на несколько ступеней и снял со стены меч Ливианны. Всякий раз, когда умирал драконник, оружие возвращалось сюда, даже если погибель настигала его в другом мире. Теперь сомнений относительно судьбы Ливианны больше не было.

Он провел рукой по голубой стали. Драконница послужила ему в стольких боях. Провела столько незримых битв, поддерживавших мир Альвенмарка.

— Я найду тебя, Ливианна, сколько бы времени ни потребовалось. Ты прирожденная драконница. Так было и так будет всегда.

На миг дракон задумался о том, сколько веков может пройти, прежде чем воительница вернется.

Она была ему хорошей и верной слугой. Странно, что она не разгадала загадку верховной жрицы Ияли.

Пурпурный повелитель небес впервые встретился с Анату в сети золотых дорог, но моя госпожа впервые увидела его в своем дворце из Лунного света.

Это Ишта предстала перед его братом в облике Анату на тропах Золотой сети. Она приняла облик своей сестры и обладала той необходимой воинственностью, которая могла произвести впечатление на Пурпурного. А еще его брат обладал этой глупой романтичной жилкой, он верил, что возможен мир между альвами и девантарами.

Должно быть, Ишта пригласила его прийти в храм Анату. Говорила ли ему Анату, что прежде они никогда не встречались? Или не хотела сердить Пурпурного и решила не пытаться разгадать загадку? Что ж, пожалуй, ответ на этот, вопрос навеки останется тайной. Судя по всему, они сошлись поразительно быстро. Как же глуп был его брат, что никому не сказал об этом!

Ишта ничего не делала, выжидала. Ей хотелось получить империю Анату и славу великой воительницы. На всех изображениях, кроме той стелы, которую утащили в Друсну, победу над Пурпурным всегда приписывали ей одной. Она приобрела силу и

влияние. Пернатый получил тело Пурпурного для своих чудовищных ритуалов.

Но почему в этом участвовал Длиннорукий? Какой ему был прок от заговора? Наверное, это тоже останется тайной.

На Золотого произвел впечатление план Иштры. Он был хладнокровно продуман и претворен в жизнь практически без изъянов. Стела в Друсне да кольцо верховной жрицы были единственными следами, которые она оставила. Они были настолько незначительны, что на них не наткнулись ни девантары, ни небесные змеи, пока не пришла Ливианна. Сама о том не догадываясь, драконница сделала гораздо больше, нежели открыла ему важную тайну. С тех пор, как она пришла к нему и доложила об этом, он начал вынашивать новый план. Темную интригу. Нечто настолько немыслимое, что его братьям по гнезду никогда этого не разгадать... Он пойдет этим путем только тогда, если ему не удастся убить Нандалее и ее дочь Эмерелль. Пока еще время есть. Пока еще судьба мира не предрешена.

Золотой вышел из разрушающейся школы и снова оказался на лужайке. Потянулся, поглядел на солнце и начал превращаться, сбрасывая личину эльфа и снова становясь тем, кем был рожден. Драконом, древним, как мир.

Превращение было болезненным. Как и всякое изменение, нарушавшее устоявшийся уклад вещей. Когда он в конце концов снова стал самим собой, он расправил крылья и поглядел на крохотный меч, лежавший перед ним в траве. Ливианна сослужила ему неизмеримо хорошую службу.

Тайна о судьбе его брата по гнезду пока что останется известна только ему. Он дождется того часа, когда нужно будет подстегнуть гнев братьев. Даже Перворожденный не сможет и дальше отказываться от мести, когда узнает, что сделали с Пурпурным девантары и дети человеческие.

День, когда он откроет истину, станет днем, когда загорится небо над Нангогом.

Продолжение следует...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Действующие лица

Девантары и другие богоподобные сущности

Альвы — создатели мира *Альвенмарк*. Сотворенные ими существа не понимают их мотивов и побуждений. Они все дальше отдаляются от своего мира и, судя по всему, отказываются от большей части собственной власти.

Девантары — создатели миров, так же, как и альвы. Альвы и большинство их детей считают их воплощением зла. Они правят на Дайе, в мире людей, и управляют судьбами живущих там народов. Они любят перемены и этим отличаются от альвов, стремящихся к совершенству, чтобы навеки закрепить это состояние.

Небесные змеи — другое название, использующееся для радужных змеев, тех могущественных перворожденных драконов, выступающих в качестве наместников альвов. Второе название напоминает о том, что все они разного цвета. Если верить драконам, то радужные змеи самые старшие среди них. Еще они называют себя перворожденными и утверждают, что были первыми существами, которых создали *альвы* после того, как завершила свой труд Нангог.

Анату — девантар, некогда была богиней Лувии, которая связалась с *Пурпурным*, одним из *небесных змеев*, и, соблазнив, уговорила прийти на *Дайю*. *Ишта* не хотела, чтобы окончилась вражда между драконами и девантарами. Поэтому, согласно легенде, она убила дракона и приказала заточить Анату в темницу.

Белый Волк — *девантар*, чаще всего предстает в облике белого волка. Выступает в качестве наставника бессмертного *Мадьяса* и, таким образом, является защитником империи Ишкуцайя.

Великии Медведь — *девантар* великой империи *Друсна*, чаще всего предстает в облике медведя. Является наставником бессмертного *Ивара*, а позже — его преемника *Володи*.

Джиннорукий — *девантар*, чаще всего предстающий в облике приземистого волосатого существа. Одаренный кузнец,

изготавливающий для бессмертных доспехи и оружие, а также серебряных львов.

Живой Свет — *девантар* великой империи Валесия, появляется в облике пламени или человека с орлиной головой. Является наставником бессмертного *Ансура*.

Зовущая бури — *девантар*, чаще всего появляется в облике соблазнительной красивой женщины с волосами-змеями. Повелевает ветрами, свободна, непостоянна и не связана ни с одной из семи крупных империй. Раздает свою милость столь же легко, как и уходит от смертных.

Ишта — одно из имен, данное людям *Крылатой*. В Лувии ее почитают главной богиней. Ишта убила бессмертного *Муватту* после битвы на равнине Куш и поставила в качестве правителя Лувии бессмертного *Лабарну*.

Крылатая — синоним *Иштыи*.

Львиноголовый — *девантар*, защищающий королевство *Арам*. Выступает в качестве наставника бессмертного *Аарона*.

Нангог — в мифе карликов *Альвенмарка* о сотворении — великанша, созданная совместно *девантарами и альвами*. Она лепила миры людей, детей альвов и третий мир для себя и своих детей. Еще до завершения своих трудов подверглась могущественному ограждающему заклинанию и лишена сердца. Также именуется *Скованной богиней*.

Пернатый — имя *девантара* империи *Цапоте*, который любит появляться в облике человека-птицы.

Русса — горный бог. Также именуемый *Метающим Молнии*. Его почитают племена пастухов *Гарагума* и часто изображают в виде крылатого солнца. Согласно поверью охотников и пастухов *Гарагума*, духи умерших, чья плоть была съедена орлами, в грозовые ночи несутся по небу на ветрах бури вместе с Руссой.

Скованная богиня — синоним *Нангог*.

Человек-вепрь — или *человек-кабан*. Имя, данное людьми одному из *девантаров*, поскольку тот часто появлялся в облике наполовину вепря, наполовину человека.

Человек-кабан — см. *Человек-вепрь*.

Драконы

Драконы — собирательное понятие для различных видов этих существ. *Небесные змеи*, также именуемые *радужными змеями*, являются наместниками *альвов*. Те доверили им свой мир в надежде на то, что они будут мудрыми правителями. Остальные драконы находятся ниже в иерархии. В то время как *небесные змеи* являются разумными существами, обладающими большой силой, остальные виды считаются лишь немногим более чем просто опасными хищниками.

Темный — синоним *Дыхания Ночи*. Темный, эльф с глазами цвета синего зимнего неба — один из ликов, который принимает старейший из драконов, *Дыхание Ночи*, когда путешествует среди эльфов.

Вечернее Светило — солнечный дракон из *Ишемона*, который по приказу *Золотого* должен был наблюдать за сражениями при городе Вану. Он допускает ошибку, связавшись не с тем одноногим карликом.

Дыхание Ночи — *небесный змей, Перворожденный*, старейший из драконов *Альвенмарка*. Некоторые называют его их королем. Живет в *саду Ядэ* и лишь изредка принимает участие во встречах других *небесных змеев*.

Золотой — *небесный змей*. Воплощает силу и красоту в совершенной гармонии. Его чешуя изначально сверкала теплыми оттенками желтого цвета, но он сделал ее сверкающе золотой, чтобы она отвечала его собственным эстетическим запросам. Его ревность к *Перворожденному* столь же велика, как и его тщеславие.

Изумрудный — *небесный змей*. Стремится к гармонии и равенству между *небесными змеями*. Часто именно он находит компромисс, который устраивает всех остальных.

Иссиня-черный — *небесный змей.* Любит вести себя как хищное животное, доходит до того, что он сжирает побежденного противника. Слывет самым воинственным из восьмерых.

Красный — *небесный змей.* Любит наслаждаться жизнью всеми возможными способами. Время от времени принимает облик эльфа и

иногда пробует себя в качестве искусителя, но совершенно не встречает понимания со стороны своих братьев по гнезду. Иногда склонен к поразительной жестокости.

Летне-золотой — синоним *Золотого*.

Небесный — *небесный змей* с ослепительно голубой чешуей; считается самым мудрым из восьмерых. *Небесный* погиб во время нападения девантаров на *Голубой чертог.*

Парящий наставник — имя, данное эльфами дракону, обучающему избранных искусству плетения чар. Считался весьма своенравным и иногда по-настоящему жестоким. В число его странностей входила привычка свисать вниз головой со скалы, словно летучая мышь. Парящий наставник погиб от рук карликов *Нира, Хорнбори и Галара*.

Перворожденный — имя, данное небесными змеями *Дыханию Ночи,* старейшему среди них.

Пламенный — *небесный змей* с чешуей в спектре от желтого до темно-красного цветов; слывет вспыльчивым, очень злопамятным и нерешительным. Может изменить свои убеждения в мгновение ока, новую точку зрения отстаивает жарко и резко.

Приносящий Весну — *небесный змей,* родившийся последним из них. Его чешуя сверкает легкой весенней зеленью; считается спокойным и прагматичным.

Пурпурный — *небесный змей.* В *Золотой сети* он встретил девантара *Анату*. Любовь к ней стоила ему жизни.

Эльфы

Эльфы — последний из народов, созданных *альвами* (так утверждают эльфы). Они примерно человеческого роста, стройны, у них длинные остроконечные уши. Большинство из них обладают магическим даром. Достигнув зрелого возраста, они практически перестают стареть. Хотя большинство из них живет «всего лишь» несколько веков, некоторые достигают возраста, намного превосходящего тысячу лет. Души эльфов рождаются заново, пока не выполнят свое предназначение и не уйдут в *Лунный свет*.

Драконники — *эльфы* на службе у *небесных змеев*. Их забирают *драконы*, они часто слывут индивидуалистами или даже отверженными в собственных кланах. В качестве учеников они приходят в *Белый* или *Голубой чертоги*. Завершив обучение и пройдя все испытания, они становятся мастерами и наставниками и начинают выполнять поручения *небесных змеев*, которым посвятили свои жизни.

Айлин — *драконница* и наставница в *Белом чертоге* — самая опытная из них. Отличная мечница с невероятными рефлексами. Неподражаема в бою без применения оружия.

Аларион — первый капитан торгового флота *Шанадина* в *Уттике*. Глубоко преданный *Шанадину* и почти такой же консервативный, как его работодатель. Именно он выполняет самые необычные поручения своего хозяина.

Асфахаль — сын *Солайна* и брат *Талавайна*. Слывет весельчаком и азартным игроком. Входит в число избранных *Бидайн* эльфов. Был изгнан из *Белого чертога* до завершения обучения.

Бидайн — *драконница Белого чертога*. Знакома с *Нанлдалее* со времен совместного ученичества у *Парящего наставника*. Одаренная чародейка, обладающая весьма посредственными талантами для ближнего боя. Со времен своей первой миссии в качестве будущей драконницы вся покрыта уродливыми шрамами, которые научилась скрывать с помощью темной магии. Находится под покровительством *Ливианны*, до тех пор, пока *Золотой* не делает ее своей новой избранницей.

Валариэлль — *драконница*, мастер плетения чар, любящая одеваться в черное. В первую очередь она занималась изучением темных видов магии. Валариэлль входит в число эльфов, которых собирает вокруг себя *Бидайн.*

Гобхайн — легендарный эльфийский кузнец. Он помогал небесным змеям изготавливать оружие для драконников. Позднее делает особый арбалет для карлика *Гламира* и изобретает для **Хорнбори** так называемые сани-танки.

Гонвалон — *драконник*, долгое время был наставником *Белого чертога*. Отличный мечник, отличавшийся склонностью к интрижкам, пока не повстречал *Нандалее*. Он даже не подозревает о том, что является сыном *Ливианны*, которая когда-то бросила его. Его

имя дословно означает «дитя зимы». Посвятил себя *Золотому*. Погиб из-за предательства, сгорел в пламени драконов в Зелинунте.

Кира — дочь *Лизандель* и *Солайна*. Входит в число отобранных **Бидайн** эльфов. В Белом чертоге из Киры воспитали убийцу, и теперь она путешествует по *Альвенмарку*, притворяясь слепой сказительницей.

Лемуэль — *драконник* из народа мауравани. Он лучше ладит с крупными орлами, живущими на Голове альва, нежели с другими детьми альвов. Входит в число эльфов, которых собрала вокруг себя Бидайн.

Ливианна — *драконница* и наставница Белого чертога. Учительница *Бидайн*. Исповедует очень радикальные идеи относительно усовершенствования эльфийской расы. Посвятила себя *Золотому*. У наделенной душой бузины по имени *Махта Нат* тайком научилась темному искусству магии крови. Открывает тайну, окутывающую смерть *Пурпурного*.

Лидайн — дочь купца *Шанадина* и *Невенилл*, веселая светловолосая юная эльфийка, на которой лежит проклятие, из-за которого она не может повзрослеть.

Лизандель — эльфийская княгиня родом из Аркадии. Жена *Солайна*, мать *Талавайна и Асфахаля*, а также *Киры и Майлин*. Умерла в молодом возрасте, из-за чего *Солайн* погрузился в болезненную пучину меланхолии. После ее смерти он совершенно забросил детей.

Майлин — *дочь Лизандель и Солайна*.

Мелиандер — сын *Нандалее*, отец точно неизвестен. Еще до рождения, в утробе матери, был тяжело ранен и появился на свет в саду Ядэ при загадочных обстоятельствах.

Мирелла — обладающая магическим даром девочка-эльфийка с Танталии, потерявшая отца, благодаря которой Ливианна пересмотрела свой жизненный путь.

Нандалее — драконница, родом из клана *Бегущих с ветром* из эльфийского народа нормирга в Карандамоне, сначала ученица, позже — возлюбленная *Гонвалона*, подруга *Бидайн*. Убила сына троллльского короля *Бромгара* и лишилась клана. Обладает ярко выраженным магическим даром, но сама в первую очередь ощущает

себя охотницей. Завоевывает доверие *Дыхания Ночи*, старейшего из драконов. Согласно одному из пропагандируемых *Золотым* пророчеств именно она однажды убьет *Дыхание Ночи*. Мать Эмерелль и Мелиандера.

Невенилл — юная эльфийка, которая когда-то бросилась с названного позднее в ее честь утеса неподалеку от города Уттика и утонула. Она была женой купца *Шанадина* и матерью *Лидайн к Фареллы*, на которых из-за ее самоубийства легло мрачное проклятие.

Нодон — *драконник* и первый среди эльфов сада Ядэ. Славится своим искусством врачевания. В качестве мастера меча считается равным *Гонвалону*. Продолжавшееся столетиями соперничество этих воинов привело к тому, что драконы забеспокоились относительно безопасности нахождения обоих в одном месте. Посвятил себя *Дыханию Ночи.*

Салгайн — знаменитый эльфийский скульптор, ушедший в Лунный свет задолго до рождения *Эмерелль*. В числе самых знаменитых его работ — сидящий на корточках кобольд из коллекции князя *Солайна.*

Солайн — отец сыновей *Талавайна и Асфахаля*, а также дочерей *Киры и Майлин*. Один из князей *Аркадии*. Золотой делает его главнокомандующим войска детей альвов в сражении за *Нангог*.

Талавайн — наставник *Голубого чертога.* Принадлежит к числу самых успешных разведчиков *небесных змеев* в мире людей и в облике *Датамеса* дослужился до гофмейстера бессмертного *Аарона*, правителя *Арама.* Позже теряет свою должность из-за интриги *Иштыи*. Приносит себя в жертву, чтобы спасти величайшую любовь *Аарона*.

Талинвин — ученица Белого чертога. Обучалась у *Гонвалона*. Ее принимают в число избранных. Ее первой миссией становится убийство бессмертного *Аарона*, во время которой сама она тоже погибает.

Фарелла — дочь купца Шанадина и Невенилл, задумчивая черноволосая юная эльфийка, на которой лежит проклятие, из-за которого она не может повзрослеть.

Шанадин — купец, поселившийся с двумя своими дочерьми, Лидайн и Фареллой, на западе Земель Ветров в портовом городе Уттика. Шанадин совершил ошибку, наняв *Бидайн* няней для своих

дочерей.

Элеборн — ученик Белого чертога. Считается очень увлекающимся, создает произведения искусства из воды и света. Позже станет одним из величайших правителей *Альвенмарка*. Посвятил себя Небесному и во время первой миссии отправляется в мир людей под именем друснийца *Микайлы*, входит в когорту Оловянных и становится колесничим Володи.

Эмерелль — дочь Нандалее, отец точно неизвестен. Родилась в саду Ядэ при загадочных обстоятельствах.

Энья — портниха родом из Лунных гор, поселившаяся в Уттике. Она изготовила подвенечное платье для Бидайн и «помогла» драконнице подчеркнуть красоту и в другом смысле.

Люди

Бессмертный — общий титул для всех семи великих королей, которые правят в мире людей и ведут вместо девантаров войну в Нангоге. Подданные считают их сверхлюдьми, приближенными к богам. Насколько смертны они на самом деле, является одной из величайших тайн Дайи, вплоть до начала войны с детьми альвов.

Аарон — один из семи бессмертных, Пресветлый, правитель всех черноголовых, путешествующий между мирами, король королей. Правитель Арама, для которого путешествие на корабле-дворце по небесам Нангога стало роковым (см. Артакс). Подопечный девантара Львиноголового. После падения Зелинунта становится первым среди бессмертных.

Абир Аташ — верховный священнослужитель великой империи Арам. До слияния Аарона и Артакса был одним из самых влиятельных сановников в свите бессмертного Аарона. Абир Аташ — очень тщеславный человек и не может вынести того, что Львиноголовый больше общается с Аароном, чем со священнослужителями высшего ранга его собственного культа. Мечта Абира — превратить Арам в божественное государство. Желание приумножить могущество жрецов стоило ему жизни. Наставник Барнабы.

Айя — одна из трех конкубин, которых выбирает бессмертный

Аарон в ночь после падения с небес, чтобы разделить с ним ложе. Позже Айя пытается шантажировать гофмейстера Датамеса, что стало для нее роковым решением.

Акоатль — один из семи бессмертных, Повелитель небес и всего того, что под ними. Правитель Цапоте, который любит появляться на людях в наряде воина-орла, несмотря на то, что его имя соединяет его со змеей в воде, намек на Пернатого змея, который живет в жертвенном озере, в храмовых пещерах Устья миров, хозяином которого является Акоатль.

Алаваши —когда-то была жрицей в храме Амту на горе Лума в Лувии. Человек-вепрь вызывает из могилы ее голос, пытаясь разгадать тайну, связанную с предательством Анату.

Альмитра — женщина, которую придумал для себя Артакс, еще будучи простым крестьянином из Бельбека. Альмитра никогда не существовала, что не мешает ему рассказывать о ней своим друзьям.

Ансур — один-из семи бессмертных, правитель Валесии. Ведет мелкую многолетнюю войну на границе с Друсной, исход которой для него определяет Аркуменна, ларис Трурии. На протяжении многих десятилетий строит Белый Зелинунт, который должен стать прекраснейшим городом Дайи и который погибает в пламени драконов. Подопечный девантара, которого жрецы называют Живым Светом.

Артакс — крестьянин из Бельбека, некогда добрый друг Нарека и Ашота. После неожиданной смерти Ааром превращен в него девантаром по имени Львиноголовый и незаметно для людей занимаетего его место. Артакс полностью получает память и способности Аарона, но пытается проводить собственную, более справедливую политику правления. Пережил несчастную любовь к Шайе, которая ответила ему взаимностью, но была насильно выдана замуж за бессмертного Муватту и прошла с ним ритуал Небесной свадьбы. Любовные отношения с Шайей возобновляются, когда она становится Кирум и возвращается к его двору.

Ашот — обедневший крестьянин из Бельбека. Вместе с Нареком присоединяется к войску бессмертного Аарона, чтобы биться на высокогорной равнине Куш. После сражения на равнине Куш становится капитаном кушитов, новой лейб-гвардии бессмертного Аарона,

Барнаба — молодой священнослужитель из Арама, доверенное лицо Абира Аташа. Родом из провинции Нари, где его отец занимает пост верховного священнослужителя. В рамках преследования священнослужителей, устроенного бессмертным Аароном, он бежит в пользующуюся дурной славой долину в провинции Гарагум, где среди горных кланов его вскоре начинают считать чудесным целителем и святым. С самого детства мечтает о том, чтобы встретиться с ксаной. Однако его счастье с ксаной Икушкой длится недолго, после бегства в Новый мир он становится первым жрецом Нангог и во имя богини отправляется на поиски льда мечты.

Бехруз — говорящий от имени крестьян и пастухов в деревне Бельбек.

Бозидар — князь из Друсны, имевший роковую встречу с эльфийкой Ливианной в лесу Духов. Брат Володи. Сын Ильи.

Больтар — друснийский князь-воитель из свиты бессмертного Володи. Прославился Больтар своим героизмом во время войны с Валесией.

Ваня —: сын Володи и Кветцалли.

Веччио — лоцман из Валесии, служащий на собирателе облаков по имени *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта в рассветных весенних лучах над Зеленым морем*, на котором проповедник Барнаба покидает Золотой город.

Вибий — капитан из Валесии, командующий катапультами на берегу Куни Уну.

Володи — один из семи бессмертных, княжеский сын из Друсны, один из ближайших доверенных лиц бессмертного Аарона. Почетное прозвище: «Идущий над орлами». Брат Бозидара. Когда-то входил в число пиратов на службе у Муватты, потопивших Оловянные флоты Арама и позднее добровольно поступивших на службу Аарону. Вместе с Колей становится одним из командиров оловянных. Светловолосый великан страстно полюбил Кветцалли из народа Цапоте, которая позднее становится его женой. После возвращения на родину в ходе интриги валесийцев занимает пост капитана бессмертного Ивара, а затем становится бессмертным. Отец Вани.

Дарон — сын друга юности Артакса крестьянина Нарека, убитого во время сражения. С тех пор Артакс чувствует себя

обязанным заботиться о мальчике.

Датамес — гофмейстер бессмертного Аарона. Преданный товарищ сопровождает Аарона даже во время его продолжительных путешествий и обеспечивает логистику. На самом деле под личиной Датамеса скрывается эльф Талавайн, один из наставников Голубого чертога. Несмотря на то что он является шпионом, его любовь к людям совершенно искренна и подвигает его на великую жертву.

Зара — также именуемая Шелковой. Самая известная шлюха Золотого города. Среди ее гостей князья и наместники. Коля считает, что подчинил ее себе, взяв в заложники ее старшего брата Йорама и заставив ее стать его лазутчицей. Зара принадлежит к числу самых влиятельных сторонниц Зеленых духов в Золотом городе.

Ивар — один из семи бессмертных, правитель Друсны. Поражения в пограничных стычках с Валесией сломали его. Ему казалось, что его девантар, Великий Медведь, бросил его и поэтому заключил бесчестный мир с валесийцами, которые взвалили на его страну тяжелейший груз податей. Не имея успеха на полях сражений, он пытается укрепить свою пошатнувшуюся власть с помощью интриг.

Илья — один из множества мелких князей Друсны. Правит хутором Три Дуба, а также близлежащими деревеньками и лесами. Отец Володи и Бозидара.

Ияли — Уста Богини, была когда-то верховной жрицей Анату в храме под дворцом из Лунного света. У нее была духовная связь с Анату, она знала обо всех тайнах богини.

Катаката — жрица в храме Анату под дворцом из Лунного света на холме Лума в Лувии. Она была каменотесом и создала стелу, которую позднее утащили друснийские мародеры в Священную рощу неподалеку от Трех Дубов.

Кветцалли — женщина из народа Цапоте. Священносужительница, соблазняющая молодых золотовласых мужчин и увлекающая их за собой в храм, где их приносят в жертву Пернатому змею. Сначала возлюбленная, затем жена Володи и мать их общего сына Вани. Сестра Некагуаля.

Кеану •— один из семи бессмертных, Повелитель всех вод, правитель Плавучих островов, великой империи, которая находится на самом краю света. Союзник бессмертного Акоатля.

Кира — маркитантка, следующая в обозе за войском Арама. После битвы на равнине Куш она завладела медным котлом, после чего решила, что может говорить от имени всех женщин войска.

Кирум — фальшивое имя, под которым Шайя служит помощницей на кухне во дворце Аарона.

Коля — наряду с Володи, вплоть до сражения на равнине Куш, равноправный командующий оловянными и капитан лейб-гвардии бессмертного Аарона. Возглавляет бордели, принадлежащие оловянным. Лицо некогда известного кулачного бойца изуродовано во множестве драк. Левую руку он потерял в битве в Нангоге и с тех пор носит протез из уплотненной кожи, в котором прячется нож. Сопровождает Барнабу в поисках льда мечты.

Корба — парусный мастер на борту *Ветра, дующего с наливающегося дождем горизонта.*

Лабарна — один из семи бессмертных, сначала был капитаном в лейб-гвардии Курунты. Необычайно высокий воин, сражающийся в битвах массивной булавой. После сражения на высокогорной равнине Куш и казни Муватты становится новым бессмертным Лувии.

Мадьяс — один из семи бессмертных, великий король Ишкуцы, Хранитель стад, Свет солнца, Сын Белого волка, отец Шайи. Находится под защитой девантара Белый Волк.

Марко — мастер-укладчик из Валесии на борту *Ветра, дующего с наливающегося дождем горизонта.*

Матаан — сатрап Таруада, крохотного островка в великой империи Арам. Один из ближайших доверенных лиц Аарона. Скромный человек, презирающий помпезность больших дворов и предпочитающий выходить в море со своими рыбаками. Спасает Аарону жизнь во время битвы за Каменное гнездо, где был тяжело ранен. Занимает при дворе должность отправленного в изгнание Датамеса.

Махут — личный повар бессмертного Аарона в его дворце в Акту.

Муватта — один из семи бессмертных, Железный король Лувии. Правитель с большими амбициями. Ишта использовала его в борьбе против Аарона. Когда ее планы по поводу сражения на равнине Куш не оправдались, она обезглавила его.

Нарек — крестьянин из деревни Бельбек, вместе с Ашотом присоединившийся к войску бессмертного Аарона. Пал смертью героя в сражении на высокогорной равнине Куш. Когда-то был лучшим другом Артакса, ушедшего искать свое счастье в далекие края. Отец Дарона.

Некагуаль — цапотец. Командующий людьми-ягуарами, помогающими бессмертному Аарону в битве на высокогорной равнине Куш. Брат священнослужительницы Кветцалпи.

Нинве — маркитантка в обозе войска Арама. Знаменита своими рыжими кудрявыми волосами и языком без костей.

Орму — рыжебородый охотник из одного из горных кланов Гарагума, самый молодой член Каменного совета. После сражения на равнине Куш отказывается от своей должности и присоединяется к созданному отряду кушитов, лейб-гвардии бессмертного Аарона, в которой быстро дослуживается до капитана.

Рагнар — охотник из Друсны, лицо которого изуродовал страшный шрам. Сопровождает бессмертного Володи в вечные льды Нангога.

Санган —член команды поднебесного корабля, сопровождает Барнабу в поисках льда мечты. Он — повар на корабле, который несет собиратель облаков по имени *Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта* в рассветных весенних лучах над Зеленым морем.

Саумак — воин родом из Ишкуцы. Командующей лейб-гвардией принца Субай, сына бессмертного Мадьяся.

Сеня — нелюдимый охотник родом из Друсны. Сопровождает бессмертного Володи во время похода в вечные льды Нангога.

Сиран – сатрап города Нага в Нангоге, правившей в степи с острой, словно ножи, травой. Знаменит своей неудачной попыткой придать веселый облик своему мрачному, построенному из базальта городу, приведя туда детей.

Субаи — впавший в немилость, жестокий старший брат Шайи. Жадный до власти сын бессмертного Мадьяса. Наместник в Золотом городе.

Таркон Железноязыкий — предводитель поднебесных пиратов в Нангоге, которого по слухам поддерживают Зеленые духи. Был

убит во время сражения с бессмертным Аароном, однако не утихают слухи о его воскрешении из мертвых. Считается, что его укрытие, легендарный Город в облаках, невозможно найти. Заключает союз со священнослужителем Барнабой.

Хартапу — писарь при дворе Муватты Лувийского, сбежавший в Нангог, где стал ходить по небу на собирателях облаков. Он ведет дневник, пока отряд Барнабы ищет лед мечты.

Чуллунку Валла — наместник Цапоте в городе Вану, расположенном на окраине мира Нангог. Отвечает за добычу и транспортировку белого золота.

Шайя — тридцать седьмая дочь Мадьяса, великого короля Ишкуцы; сестра Субаи, долгое время командовала дворцовой стражей наместника Каниты в Золотом городе. Влюблена в Артакса, который отвечает на ее любовь в облике бессмертного Аарона (и о тайне которого она не знает). После Небесной свадьбы с бессмертным Муваттой должна умереть на жертвеннике в Доме Неба, поскольку не забеременела. Была спасена Датамесом. В облике служанки Кирум пробирается на дворцовую кухню. Аарон узнает ее, но и на этот раз влюбленным не суждено быть вместе.

Шен И Мяо Шоу — пожилой одаренный целитель с Шелковой реки. Призван бессмертным Мадьясом ко двору, где должен исполнить поручение относительно Шайи, которое совершенно не нравится даже ему самому. Перед смертью передает все свои знания Шайе.

Язде — охотник родом из Гарагума, служащий в отряде кушитов, лейб-гвардии бессмертного Аарона. Он друг и доверенное лицо капитана Орму.

Карлики

Карлики — в древних сказках также называются цвергами или двергами, являются одним из древнейших народов Альвенмарка. Они мастера горного дела и живут под землей или в скалах. Там они чувствуют себя в безопасности от драконов, с которыми у них давняя вражда. С тех пор, как драконы сожгли Глубокий город, карлики поклялись отомстить крылатым тиранам. Презирают эльфов,

поскольку видят в них услужливых слуг драконов.

Амаласвинта — зажиточная и влиятельная карлица из Глубокого города, которая по наущению советника Скорри ступает на совершенно иной путь, пытаясь добыть для своего народа ключи к искусству плетения чар. Выжила при разрушении Глубокого города, изгнана Эйкином в башню Гламира. Возвращается из изгнания и снова завязывает тесную связь с правителем Железных чертогов.

Байлин — капитан лейб-гвардии князя Эйкина. Спасает Галара, Гламира, Нира и отправляется с ними на войну в Нангог.

Галар — подгоняемый неукротимым любопытством исследователь, кузнец и алхимик из Глубокого города, временами хватающийся за топор, когда того требуют обстоятельства. Изобрел стреляющий механизм, с помощью которого был убит Парящий наставник. Ищет рецепт снадобья на основе драконьей крови, способного сделать кожу карликов неуязвимой. Один раз это случайно получилось — к сожалению, только с весьма малоценным для него знакомцем, меценатом Хорнбори. Вместе с Хорнбори, Ниром, Фраром и Амаласвинтой изгнан в башню Гламира. Позднее оказывается в войске, отправленном в земли вечных льдов Нангога.

Гламир — кузнец из Железных чертогов. Построил в море Черных улиток башню, в которой занимается собственными весьма своеобразными изысканиями. В сражении против изумрудных пауков лишился ноги, руки и глаза. Проявляет потрясающее мужество в ледяном Вану, где его настигает смерть.

Ламга — служанка во дворце Амаласвинты в Железных чертогах. Будучи женщиной скорее чопорной, она, при всей верности своей госпоже, считает ее поведение возмутительным.

Нир — мастер-оружейник из Глубокого города. Славится среди своего народа тем, что изобрел «драконью шлюху», раскладное орудие для охоты на драконов. Друг Галара. Вместе с которым, а также в компании с Хорнбори, Фраром и Амаласвинтой изгнан в башню Гламира. Позднее оказывается в войске, отправленном в земли вечных льдов Нангога.

Регин — старый спутник и приятель князя Эйкина.

Старец в Глубине — титул князя карликов. В Глубоком городе уже ни один карлик не использует собственное имя правителя и, обращаясь к нему, произносит только титул.

Фрар — малыш из Глубокого города. Эльфийка Нандалее пощадила его и передала карликам Ниру, Хорнбори и Галару, которые взяли его под свою опеку и дали имя Фрар Драконья смерть. Один из немногих, кто выжил после гибели Глубокого города. Прозвище: Драупнир, что на языке карликов означает «стекающий». Позднее живет в Железных чертогах под опекой Амаласвинты.

Хорнбори — счастливчик из Глубокого города. К сожалению, у него слишком редко просыпается мужество. Внешне Хорнбори — мечта любого героического эпоса карликов, что в сочетании с самоуверенным поведением на пирах обеспечивает ему популярность и позволяет приписывать себе отважные поступки. Протеже Галара, друг Нира. Вместе с ними обоими, Фраром и Амаласвинтой изгоняется в башню Гламира. Позднее становится одним из величайших героев похода в вечные льды Нангога.

Эйкин — князь, Старец в Глубине в Железных чертогах. Осторожный правитель, несмотря на преклонный возраст, поддавшийся чарам Амаласвинты.

Дети альвов

Дети альвов — собирательное название для всех народов, созданных альвами (эльфы, тролли, кобольды, кентавры и др.)

Алоки — женщина-змея из свиты князя Солайна. Она ухаживает за ним и необычным образом лечит от меланхолии. Князь прячет ее от чужих глаз. Укус Алоки сопровождается впрыскиванием яда, имеющим сильное седативное воздействие.

Апсары — водные нимфы из озера Лотосов. Умеют читать сны, являются одаренными колдуньями. Разрисовывают свои тела магическими глифами — наполовину рыбьими, наполовину эльфийскими.

Брасс — вероятно, самый крупный тролль Снайвамарка, получивший прозвище Мамонтодав. Отправляется в Нангог вместе с Хорнбори и по ошибке принимает карлика за героя.

Великаны — своеобразные создания, живущие на крайнем юге Альвенмарка Самые маленькие из них достигают двадцати шагов в

высоту.

Газалы — видящие, созданные по желанию перворожденного, дракона Дыхание Ночи. У газал небольшие вытянутые головы, как у газелей, с большими, загнутыми назад и закрученными рогами. Они видят возможные варианты будущего; однако считаются капризными, причиной чего может быть то, что им запрещено покидать большую пирамиду в саду Яда.

Граумур — старый воин-минотавр на службе у купца Шанадина.

Гроц — предводитель троллей, отправляющихся в битву при Вану под командованием Айлин, бок о бок с карликами и кобольдами.

Дарп — тролль из военного отряда Гроца. Первый тролль, умерший в боях за Нангог.

Дион — фавн с искалеченной рукой, работающий конюхом в городе Уттика. Как-то в полнолуние он на свою беду повстречался не с той эльфийкой и не в том месте.

Единорог — обычно считается существом сказочным. Единороги рождаются всякий раз, когда герой расстается с жизнью, совершая необычайно бескорыстный поступок.

Зеленые духи — дети Нангог. Это души существ, которых она хотела создать, прежде чем девантары и альвы заколдовали великаншу. Считается, что до их воплощения оставался лишь один удар сердца. Они стали бестелесными защитниками мира Нангог. Во время сражений в вечных льдах первые из них начинают обретать телесную оболочку.

Икушка — ксана, бежавшая из Альвенмарка в мир людей. Много веков жила в пруду в горах Гарагума, пока однажды не повстречалась со священнослужителем по имени Барнаба. Была убита по приказу шамана Гата из числа охотников Гарагума.

Кобольды — собирательное название для целой группы различных народов или племен, например, лутинов или хольдов. По человеческим меркам кобольды ростом по колено или по бедро. Многие кобольды имеют магический дар. Большинство считаются выдающимися ремесленниками. Другие дети альвов нанимают кобольдов в качестве слуг или держат в качестве рабов. Считается,

что они обладают весьма своеобразным чувством юмора и ярко выраженной склонностью к шуткам над другими.

Кротос — фавн, портовый рабочий в городе Уттика, обладающий мрачным характером.

Круппа — полная кобольдша, старшая кухарка в большом доме купца Шанадина. Мать Майи,

Ксаны — водные нимфы, наделенные провидческим даром, изгнанные из Альвенмарка в Другой мир, поскольку небесным змеям казалось, что они излишне упрямы и слишком много рассказывали другим о возможных вариантах будущего.

Ледяные бороды — название народа кобольдов, живущих к северу от Исхавена. Происходит от белого шарфа с бахромой, которым они обматывают лица, защищаясь от сильных морозов Снайвамарка.

Майя — кобольдша, работающая на кухне в доме купца Шанадина. Дочь Круппы, потерявшая ногу из-за несчастного случая, причиной которого стали излишне веселые кентавры.

Махта Нат — наделенный душой куст бузины. Махта Нат пронизана тьмой. Черна ее кора, равно как и ее магия. Когда ей это выгодно, она заключает соглашения с эльфийкой Ливианной, которую наставляет в магии крови. Лишила Гонвалона магии и благодаря вмешательству Дыхания Ночи была уничтожена в своей первоначальной форме.

Ноннос — фавн из портового города Уттика, умеющий читать и писать, временами пробующий, свои силы в качестве поэта. Однако чаще всего ему приходится ишачить на конюшне, поскольку его остроумные шутки и стихи нравятся исключительно фавнам.

Рафа — кобольд из партизанского отряда клана Ледяных бород, который отправляется в Нангог с Хорнбори и слишком поздно понимает, каков карлик на самом деле.

Сата — служанка из народа кобольдов на борту «Голубой звезды» Певца, пользующаяся большим уважением себе подобных на борту поднебесного корабля.

Секандер — кентавр, князь из провинции Уттика, со все возрастающим недоверием наблюдающий за тем, что творит в его городе Бидайн.

Силены — см. фавны.

Тролли — самый воинственный из народов Альвенмарка. Более трех шагов в высоту, сутулы, обладают серой кожей, похожей по цвету на камни. Тролли не любят прикасаться к металлу.

Фавны — дети альвов, изначально жившие в Дайлосе, обладают козлиными ногами и телом, больше похожим на человеческое, нежели на эльфийское. Несмотря на то что они считаются существами упрямыми и падкими на выпивку, в последнее время при дворах аркадийских князей стало модно держать их в должности конюших.

Фирац — слепая пророчица из народа газал. Живет в скалистом оазисе, известном под названием сад Ядэ, и принадлежит к числу оракулов Дыхания Ночи. Помогает Нандаяее при родах.

Цветочные феи—другое название для луговых фей. Создания размером едва ли с палец, внешне похожие на эльфов с крыльями как у стрекоз или бабочек.

Че — вождь клана кобольдов под названием Ледяные бороды. Много лет он ведет партизанскую войну против карликов Исхавена. Входит в отряд эльфийки Айлин, который развязывает войну в Нангоге.

Эгид — кентавр из провинции Уттика, принадлежавший к числу первых детей альвов, которым выпал жребий отправиться в Нангог. Асфахаль делает его знаменитостью благодаря выступлению на свадьбе Бидайн.

Другие существа

Ветер, дующий от наливающегося дождем горизонта в рассветных весенних лучах над Зеленым морем — имя собирателя облаков, на котором покидает Золотой город проповедник Барнаба. Лоцманом на борту является валесиец Веччио. Позднее Веччио заменяют Набором, который сопровождает проповедника в поисках льда мечты. Поиски эти изменят и собирателя облаков.

Габбот — обезьянка лоцмана Набора.

Зореокий — пегас Нандалее. Вороной жеребец.

Лунный Силуэт — пегас драконника Нодона.

Ночнокрыл — пегас Гонвалона. Вороной жеребец.

Пегас — крылатый конь. Пегасы живут в степях Байнне Тир. Поймать пегаса и заставить его стать ездовым животным — заключительное испытание для учеников Белого чертога, которые хотят стать драконниками. Если между пегасом и эльфом образуется связь, она длится всю жизнь.

Собиратели облаков — огромные существа, парящие в небесах Нангога. Они слегка напоминают осьминогов, только у них гораздо больше щупалец. Самые крупные из этих существ достигают более чем двухсот шагов в диаметре. С помощью девантаров людям удалось поймать некоторых собирателей облаков. Они построили корабли и летательные платформы, которые с помощью канатов и сеток соединили с массивными телами собирателей облаков. Вопрос наличия интеллекта у собирателей облаков весьма спорный. Судя по всему, через некоторое время они начинают считать поднебесные корабли и их команды частью собственного тела.

Места действия

Акту — город-дворец Аарона, великого короля Арама.

Амур — большая река далеко на востоке империи Арам.

Арам — одна из семи великих империй в мире людей, управляемая бессмертным Аароном, обладающим титулом правителя всех черноголовых. Знамя с крылатым солнцем является полевым знаменем империи, во время похода на Куше появляются также сатрапы с золотыми львами.

Аркадия — могущественное эльфийское княжество, славящееся своей красотой и холодным высокомерием правителей, которые считаются особенно склонными к интригам и бессовестными существами.

Байнне Тир — родина пегасов в Альвенмарке, также именуемая Молочными землями. Здесь также селятся различных размеров племена кобольдов, занимающиеся скотоводством в бескрайних степях. Посреди степи находится полоска пустыни, на которую небесными змеями было наложено заклинание. В этом непригодном для жизни месте драконники проходят свои последние испытания. Там же находится легендарный сад Ядэ.

Башня Гламира — башня, расположенная на рифе в подземном море Черных улиток. При нормальном уровне воды башня полностью погружена в воду. Здесь карлики Железных чертогов под руководством кузнеца Гламира исследуют одну из самых больших тайн Альвенмарка.

Белый чертог — наряду с Голубым чертогом — единственное место, где эльфов учат служить небесным змеям. В Белом чертоге упор в обучении делается на искусство боя на мечах, несмотря на то что здесь развивают также и чародейские способности. Только лучшие выпускники Белого чертога становятся драконниками.

Бельбек — маленькая деревушка в провинции Нар и, расположенной в королевстве Арам. Место рождения Артакса, Нарека, Ашота и Дарона.

Бычьи головы — горная цепь на Дайе, на востоке королевства Лувия, расположенная неподалеку от границы с Ишкуцей. Здесь укрыт Дом Неба.

Валесия — одна из семи великих империй в мире людей, управляемая бессмертным. Расположена к югу от Друсны.

Вану — самый северный из населенных людьми городов в Нангоге. Он был основан для того, чтобы добывать белое золото, гуано для полей Цапоте на расположенном неподалеку от скалистого острова на реке Куни Уну.

Гайванан — отдаленная провинция Альвенмарка, где правят эльфийские князья.

Гарагум — название двух провинций на Дайе. Эти соседние земли, принадлежащие великим империям Араму и Лувии. В переводе Гарагум означает «черная пустыня». (См. также Дева Куш)

Глубокий город — город карликов, расположенный на севере Аркадии в Альвенмарке. Родной город героев Галара, Нира и Хорнбори, малыша Фрара и карлицы госпожи Амаласвинты. Был полностью разрушен драконами в отместку за убийство Парящего наставника.

Голова Альва — гора на крайнем севере Альвенмарка. Там живут необычайно крупные орлы. Мауравани хранят эту гору, которая является для них священным местом.

Голубой чертог — наряду с Белым чертогом единственное

место, где эльфов обучают служить небесным змеям. В Голубом чертоге главный упор в обучении делается на раскрытие магических способностей. Обычно его ученики не становятся драконниками, а служат в качестве разведчиков на Дайе и в Нангоге.

Дайя — архаичное название для мира людей. Оно встречается в первую очередь в древних трудах Альвенмарка.

Дева Куш — горы в южной части обоих провинций Гарагум в мире Дайя. Многие люди полагают, что горы, уходящие выше облаков, представляют собой резиденцию девантаров. В горных долинах выращивают полезное растение куш, дающее сны, возносящие ближе к богам. Также горы славятся особенно крупной бирюзой, которую здесь можно найти.

Дом Неба — уединенный горный монастырь в королевстве Лувии. Здесь избранных девственниц готовят к Небесной свадьбе, а зачастую и к смерти под жертвенным ножом. Здесь томится в плену Шайя.

Другой мир — имя, данное детьми апьвов миру людей.

Друсь, также Друсна — одна из семи великих империй на Дайе, в мире людей. Родина наемников Володи, Коли и Эйрика. В ней правит бессмертный Ивар, а позднее — Володи.

Железные чертоги — город карликов на северо-западе лесов Гавелуна. Там правит Старец в Глубине по имени Эйкин.

Желтая башня — окруженный легендами дворец девантаров, расположенный в растущих до самого неба горах на окраине Гарагума. Считается, что именно туда девантар Ишта принесла голову убитого ею дракона Пурпурного. Там же девантары создали для Анату, возлюбленной Пурпурного, темницу из черепа небесного змея. И иногда ветер доносит ее стоны и жалобы в Черную пустыню. Здесь бессмертному Аарону было дозволено говорить с девантарами.

З**елинунт** — называют также Белым Зелинунтом. Город дворцов, построенный по приказу бессмертного Валесии в уединенной долине. Зелинунт возводился только из самых дорогих материалов. Дворцы и храмы были сложены из мрамора безупречной белизны, крыши украшены листовым золотом. В Зелинунте семеро бессмертных заключили союз против детей альвов. Был полностью разрушен во время нападения небесных змеев.

Земли Ветров — широкая степь на севере Альвенмарка, расположенная к югу от Карандамона и Снайвамарка. Родина кентавров.

Змеиный хребет — горная цепь в Нангоге, расположенная к северу от Устья мира, славится своими золотыми месторождениями.

Золотой город. – совершенно роскошный город, общая резиденция всех семи великих королей, бессмертных Дайи в мире Нангог. Почти полностью разрушен землетрясением, вызванным самой Нангог.

Золотые врата — название крупной звезды альвов в Золотом городе в мире Нангог. Эта звезда открыта почти постоянно, представляя собой перевалочный пункт для всех караванов, покидающих Нангог.

Изатами — древний город храмов в королевстве Лувии. На зиккурате Изатами каждый год в день летнего солнцестояния отмечается праздник Небесной свадьбы. Во время такого ритуала бессмертный Муватта соединился с Шайей. Изатами расположен на отдаленном высокогорном плато неподалеку от крупной звезды альвов.

Исседон — одна из восточных провинций королевства Арам, граничит с Гарагумом. Не пользуется популярностью из-за сурового климата и каннибальских поминок в честь убитых воинов и охотников.

Ишкуца — одна из семи великих империй в мире людей, под управлением бессмертного Мадьяса. Титул правителя бескрайних степей — великий король, полевое знамя его со знаком в виде стилизованной конской головы. Жителей империи называют ишкуцайя.

Каменное гнездо — отдаленная маленькая крепость в горах Гарагума. Там Аарон вступает в последний бой с отступниками, сатрапами Бессосом и Элеазаром.

Карандамон — эльфийское княжество в Альвенмарке. Высокогорная равнина в вечных льдах, окруженная массивными горными кряжами. Карандамон — исконная родина эльфийского народа нормирга. Он расположен к западу от Снайвамарка, королевства троллей.

Кочующий двор — обозначение королевского двора бессмертного Мадьяса, правителя великой империи Ишкуца. Двор отчасти состоит из огромных повозок и больших юрт, которые поставлены на платформы с колесами. Этот лагерь, именующий себя королевским двором, никогда не стоит на одном месте дольше трех дней, а постоянно перемещается по широким степям Ишкуцы.

Куни Уну — река в Нангоге, неподалеку от города Вану. Питается теплыми источниками и поэтому никогда не замерзает. Большую часть времени скрыта в густом тумане.

Куш — высокогорная равнина и место решающей битвы между Арамом и Лувией. Расположена высоко в горах, неподалеку от границы между обеими провинциями Гарагум. До битвы славилась только одноименным полезным растением, которое произрастает только здесь. В честь места, где была одержана великая победа, воинов своей новой лейб-гвардии Аарон называет кушитами.

Лесное море — неглубокое внутреннее море, обрамленное мангровыми лесами, которое расположено на юге Альвенмарка.

Лувия — одна из семи великих империй в мире людей, где правит бессмертный Муватта. Это первая из человеческих империй, где в больших количествах добывается железо, благодаря чему империя становится самой сильной.

Лума — мифическая гора, будто бы расположенная в великой империи Лувии в мире людей. На ее вершине будто бы возвышается созданный из лунного света дворец девантара Анату, которая была покалечена Иштой.

Милаль — город в Альвенмарке, расположенный на острове Танталия. Здесь находится школа слепых сказителей. Ливианна владеет особняком на утесе высоко над морем.

Молочные земли — другое название Байнне Тир.

Море Черных улиток — большое подводное озеро в Альвенмарке, расположенное к югу от поселения карликов, именуемого Железными чертогами. Здесь находится башня Гламира.

Нага — город в степи Ножевой травы на Желтоводной реке в Нангоге. Более известен как город мертвых детей, после трагедии, случившейся после того, как местный сатрап велел привести в город сотню детей, чтобы он стал более приветливым.

Нангог — мир, созданный одноименной великаншей без позволения девантаров и альвов. Нангог представляет собой полый мир, в котором скованная чарами находится великанша Нангог. После победы над ней алъвы и девантары заключили пакт, в котором говорится о том, что их дети никогда не войдут в этот мир. Тем не менее, дети человеческие принялись разворовывать сокровища Нангога для своих империй. Когда небесным змеям надоело терпеть нарушения договора, началась война трех миров, развязанная в ледяной пустыне Нангога.

Нари — является как провинцией в королевстве Арам, так и ее столицей, резиденцией сатрапа. Деревня Бельбек, из которой родом Артакс, находится в Нари.

Ничто — великая пустота между Дайей, или миром людей, Альвенмарком и Нангогом. Ничто пронизывает золотая сеть троп альвов.

Облачный город — расположен в Нангоге, на самом деле представляет собой группу городов, о которых известно очень мало. Они находятся к западу от Пурпурного моря в столовых горах, возвышающихся над джунглями. Здесь скрывается поднебесный пират Таркон Железноязыкий.

Озеро Лотосов — южное море в Альвенмарке. Родина апсар.

Плавучие острова — группа островов далеко на западе Дайн. Здесь находится одна из самых отдаленных из семи великих империй людей.

Пристанище душ — души эльфов уходят в Пристанище, пока не родятся снова. Все остальные души просто исчезают.

Пурпурное море — море в Нангоге, светящееся пурпурным светом, если смотреть на него сверху, например, с поднебесного корабля. Расположено к юго-западу от Устья мира.

Сад Ядэ – название скалистого оазиса посреди Байнне Тир. Оазис окружен зачарованной полосой пустыни. Сад Ядэ шляется резиденцией перворожденного небесного змея Дыхание Ночи. Посреди оазиса возвышается пирамида, где скрываются газалы, оракулы Дыхания Ночи. Здесь живет в ожидании рождения детей Нандалее.

Сепано — река, вливающаяся в Пурпурное море в Нангоге через

большую дельту.

Сердце страны — центральная провинция в Альвенмарке, где правят эльфийские князья.

Снайвамарк — полоска земли на дальнем севере Алъвенмарка, основной особенностью которой являются тундровые пейзажи. Снайвамарк когда-то альвы подарили троллям, с тех пор он считается их исконными землями.

Сожженная земля — более позднее название Байнне Тир.

Сольфалах — портовый город на острове Танталия в Альвенмарке. Своими дворцами и широкими разбитыми на террасах садами он стал любимым местом для летних празднеств, устраиваемых князьями Аркадии. Князь Солайн владеет особняком высоко на утесах над морем.

Степь Ножевой травы — широкий степной ландшафт в Нангоге, через который протекает широкая Желтоводная. Посреди степи находится основанный лувийцами город Нага.

Танталия — маленькое островное королевство, расположенное к юго-западу от Аркадии. Знаменит слепыми сказителями, которых обучают в школе в городе Милаль.

Тропа альвов, звезда альвов — см. глоссарий.

Урат — одна из королевских резиденций Арама. Имеет дурную славу как место, куда отвозят тех обитательниц гарема, к которым потерял интерес правитель. Капитан дворцовой стражи Урата заботился о том, чтобы некоторые женщины исчезали навеки.

Устье мира — огромный кратер, имеющий более сотни шагов в диаметре и уходящий на огромную глубину. На его склоне расположился Золотой город. Со дна кратера поднимается слабый теплый ветерок, обеспечивающий необычный восходящий поток тепла. Небесные моряки используют особенности кратера, чтобы хоронить здесь князей и героев, прикованных к летающим конструкциям. Трупы мумифицируются в потоке теплого сухого воздуха и часто парят годами, пока, наконец, не разбиваются о скалы или не падают в пропасть.

Утес Невенилл — меловой утес, высящийся над морем неподалеку от города Уттика в Альвенмарке. Считается проклятым местом с тех пор, как здесь покончила жизнь самоубийством

эльфийка Невенилл.

Уттика — прибрежный город, расположенный на западе Земель Ветров. Развивающийся торговый порт, где живут самые разные народы. Убежище Бидайн после ее второй миссии в Нангоге. Столица одноименной провинции.

Цапоте — одна из семи великих империй в мире людей, управляемая бессмертным.

Шелковая река — изначально пограничная река Ишкуцы. Тамошние города-государства были завоеваны бессмертным Мадьясом.

Эгилы/Эгильские острова — регион на Дайе, где насчитывается более сотни разрозненных островов. Пользующееся дурной славой укрытие для пиратов. Подобно каменным садам лежат острова посреди моря, зеленые от кедров, древних, как мир, и богатые чудесными виноградниками.

Глоссарий

Альвы — создатели мира Альвенмарк. Сотворенные ими существа не понимают их мотивов и побуждений. Они все дальше отдаляются от своего мира и, судя по всему, отказываются от большей части собственной власти.

Бегущие по морю — также именуемые пастухами китов или правителями моря. Огромные морские чудовища. Верхняя половина тела напоминает кракена, а в нижней есть нечто человеческое. Их ноги напоминают две башни.

Бегущие с ветром — имя эльфийского клана из народа нормирга, из которого родом Нандалее и другие эльфы.

Бессмертный — общий титул для семи великих королей, правящих в мире людей и ведущих войну в Нангоге для девантаров.

Бронзовые Щиты — название клана кентавров, правящего в княжестве Уттика. Князем их является Секандер.

Буйволиная трава — трава высотой до двух шагов, растущая в саванне Молочных земель (Байнне Тир). Во время засухи легко загорается.

Воины-ягуары — воины Цапоте, которых очень боятся, носящие шкуру ягуара и шлем в форме головы ягуара, красят лицо черной краской. В сражении используют небольшие деревяшки с закрепленными на них когтями.

Газалы — видящие, созданные по желанию Перворожденного, дракона Дыхание Ночи. Газалы обладают вытянутыми длинными головами газелей с очень заметными, загнутыми назад и закрученными внутрь рогами. Считаются весьма капризными, причина чего, возможно, заключается в том, что они не имеют права покидать большой пирамиды в саду Ядэ.

«Голубая звезда» — поднебесный корабль, на котором путешествует по небу альв, именуемый детьми альвов Певцом.

Девантары — создатели миров, так же, как и альвы. Альвы и большинство их детей рассматривают их как воплощение зла. Они

правят на Дайе, в мире людей, и управляют судьбами народов.

Демоны — собирательное понятие, используемое людьми для всех существ, живущих в Альвенмарке.

Дети альвов — собирательное название для всех народов, созданных альвами (эльфы, тролли, кобольды, великаны, карлики и др.)

Драконы — собирательное понятие для различных видов этих существ. Небесные змеи, старейшие среди драконов, являются наместниками альвов. Остальные драконы находятся ниже в иерархии. В то время как небесные змеи представляют собой разумных существ, обладающих большой силой, остальные виды считаются немногим более, чем просто опасными хищниками.

Драконья тропа — созданные драконами пути между мирами, похожие на тропы альвов, но гораздо опаснее, ее способны открывать только драконы и некоторые другие избранные существа.

Звезда альвов — пересечение от двух до семи троп альвов. На звездах альвов можно войти на тропу альвов и попасть по ней в другой мир.

Зеленые духи — создания великанши Нангог. Это души существ, которых она хотела создать, прежде чем девантары и альвы ее заколдовали. Считается, что до их воплощения оставался лишь один удар сердца. Они стали бестелесными защитниками мира Нангог.

Зиккурат — ступенчатая храмовая башня. Подобная форма храма распространена в равной степени в Лувии и Араме. Особенно известен зиккурат Изатами, на котором в день летнего солнцестояния бессмертный Муватта празднует Небесную свадьбу.

Изумрудные пауки — вид водяных пауков, тело которых размером с небольшого коня. Они встречаются только в море Черных улиток неподалеку от башни Гламира. Они связаны с тайной, над раскрытием которой работают там карлики Железных чертогов.

Ишкуцайя — кочевой степной народ на Дайе. Ишкуцайя — правящая нация в одной из семи великих империй. Их называют варварами, которые будто бы приносят человеческие жертвы и устраивают ужасные ритуалы для погребения своих князей. Как воины они считаются непобедимыми, пока сражаются на спинах

своих лошадей.

Каменный совет — совет заслуженных мужей из горных кланов Гарагума. В совет входят лишь девять мужчин. У каждого из них есть кинжал, рукоять которого была изготовлена из костей мудреца Заруда. Они решают вопросы, касающиеся диких кланов.

Красноспин — вид драконов, достигающих более двадцати шагов в длину, которые живут в Альвенмарке, среди прочих мест обитания можно выделить Байнне Тир, где они охотятся на крупную дичь.

Ласточка-серп — герб гильдии небесных лоцманов в Нангоге.

Лед мечты — кристаллы, которые по слухам представляют собой замерзшие мечты богини Нангог. Их можно найти только в кратере, подобном Устью мира, на крайнем севере мира Нангог.

Лес Духов — обозначение Священных рощ в Друсне, одной из семи великих империй на Дайе. Друснийцы хоронили своих умерших, подвешивая на ветки деревьев, и верили в то, что в звуках ветра можно услышать шепот голосов предков.

Лувийцы — жители Лувии, одной из семи великих империй на Дайе, в мире людей.

Мауравани — эльфийский народ, живущий далеко на севере Альвенмарка. Славятся своими лучниками. Мауравани считаются непредсказуемыми, хитрыми и чудаковатыми. Даже тролли колеблются, прежде чем войти в леса этого воинственного эльфийского народа. Два известных мауравана — Тилвит и Куллайн.

Небесная свадьба — ритуал плодородия, совершаемый бессмертным Муваттой Лувийским с девственницей. Проводится каждый год в храмовом городе Изатами в день летнего солнцестояния.

Незримое око — все создания Альвенмарка обладают Незримым оком, но лишь немногие обретают способность пользоваться им. Тот, кто откроет свое Незримое око, может видеть магическую структуру мира, те светящиеся силовые линии, пронизывающие все и вся.

Перворожденный — имя, данное небесному змею Дыхание Ночи, старейшему среди драконов Альвенмарка.

Поднебесный корабль — похожие на корабли конструкции, которые носят собиратели облаков. Чаще всего служат для транспортировки зерна в Нангоге. Некоторые перестроены таким образом, чтобы служить летающими дворцами для бессмертных или боевыми кораблями. На всех, этих кораблях из глубокого сосуда с землей растет дерево, воплощающее связь между кораблем и собирателем облаков.

Правитель морей — другое название бегущего по морям.

Рупор — рог тревоги на поднебесном корабле.

Рыцари-орлы — воины Цапоте, которых очень боятся, носят расшитые перьями одежды и шлемы в форме орлиной головы. Считается, что некоторые из них способны летать.

Сатрапии — обозначение провинций Арама и Лувии, во главе которых стоит сатрап, великий князь.

Серебряный лев — эти существа были созданы девантаром Длинноруким. При этом он использовал осколки сердца Нангог и его творения не были ни живыми, ни мертвыми. Они служат людям проводниками по тропам алъвов и обладают силой, позволяющей открывать врата на звездах алъвов. Позже девантары создали также крылатых львов, на которых бессмертные должны были отправиться в бой за Нангог.

Старец в Глубине — обозначение правителя поселения карликов. Обычно он живет в самых глубоких пещерах и происходит из одной из пяти крупнейших семей, которые могут проследить свое происхождение к самому дню сотворения.

Тропы алъвов – сеть магических троп, как утверждается, созданных альвами. Они соединяют Альвенмарк, Нангог и Дайю.

Тропы бессмертных — тропы альвов между Нангогом и Дайей.

Угорь — так карлики называют примитивные подводные лодки, на которых они ходят по подземным рекам и морям. Лодка разгоняется в результате вращения коленвала, который проходит через весь корпус и приводится в движение мышечной силой всех членов экипажа, за исключением штурмана.

Цапотцы — жители одноименной великой империи на Дайе, в мире людей.

Цверги — другое обозначение народа карликов. Часто употребляется в сказках и легендах об этом мятежном народе.

Янтарин — камень, чаще всего медового цвета, источающий теплый, никогда не угасающий свет.